

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

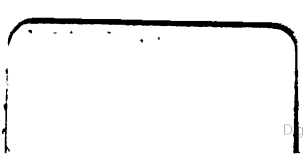
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 05929231 2

Digitized by Google

Digitized by Google

Colfax
3211
*QCA
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

БИБЛІОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕНОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ.

Ἐμοὶ δὲ τὶ αἰσχρὸν, τὸ ἑτέρους μὴ δύνασθαι περὶ ἐμοῦ τὰ δίκαια μήτε γνῶναι μήτε ποιῆσαι; Ὁρῶ δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν τῶν προγεγονότων ἀνθρώπων ἐν τοῖς ἐπιγιγνομένοις οὐχ ὁμοίαν καταλιπομένην τῶν τε ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.

Socrat. apud Xenophont., IV, 8, 9.

ТОМЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ИЗДАНІЕ

книгопродавца Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА И К°.

1836.

Digitized by Google

253598

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, 1836 года, іюня 29 дня.
Цензоръ *А. Никитенко.*

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ
СЕМНАДЦАТАГО ТОМА.

I.
РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Вдали и вблизи. *В. А. Тимофеева*..... 1.
Инвалидъ Горевъ. Быль. *Г. Катенина*..... 3.
Къ Алинѣ. *В. Бенедиктова*..... 191.
Упрекъ. Изъ Греческой антологіи..... 192.
Русская пѣвица. *Ивана Козлова*..... 193.
Дубъ, апологъ. *Ивана Козлова*..... 194.
Обитатель Сіона, подражаніе псальму. *Князя Ивана Козловскаго*..... 196.
Робертъ Монривой крестоносецъ, баллада. *Н. Юрьева* 197.
Двѣ Башкирскія пѣсни..... 199.
Вечеръ. *Князя Михаила Голицына*..... 201.

ПРОЗА.

Мулла-Нуръ, Быль. *А. Марлинскаго*..... 17.
Кавказскіе очерки. X. Путь до города Кубы. *А. Марлинскаго*..... 203.
Бѣдная Серафима. *В. Ушакова*..... 223.

II.
ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Путешествія Гаврилы Паіо, разсказъ Г. Александра Дюма..... 1.
Бостонская старушка, Сѣверо-Американская быль..... 27.
Деревенскій геній, или фаворитка барыни, повѣсть. Изъ *Blackwood's Magazine*..... 38.
Поучительная бесѣда Дидро съ Вольтеромъ. Изъ *France littéraire*..... 87.

Digitized by Google

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Философія Естественной исторіи, сочиненіе доктора Вирè 1.
Англія въ 1835 году, сочиненіе Г. Раумера..... 27.
Путешествіе Г. Госкинса въ Еѳіопію..... 77.
Эразмъ Роттердамскій, и его эпоха. Изъ *Fraser's Magazine*..... 100.

IV.

ПРОМЫШЛЕНОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

О настоящемъ положеніи сельскаго хозяйства въ Англіи и во Франціи. Статья первая. *Д. П. Шелехова*..... 1.
О нынѣшнемъ состояніи сельскаго хозяйство въ Англіи и во Франціи. Статья вторая. *Д. Шелехова*..... 13.

V.

КРИТИКА.

Путешествіе по Святымъ мѣстамъ Русскимъ, автора «Путешествія къ святымъ мѣстамъ»..... 1.
Обозрѣніе извѣстнѣйшихъ правилъ и системъ Стратегіи, сочиненіе барона Н. Медема..... 27.
Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіятской Турціи, въ 1828 и 1829 годахъ..... 60.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Іюнь, 1836. Новыя книги..... 1.
Разныя извѣстія..... 22.
Іюль, 1836. Новыя книги..... 25.
Разныя извѣстія..... 51.

Digitized by Google

VII.

СМѢСЬ.

Іюль.

Императорская Академія Наукъ въ Ст. Петербургѣ:
Исторія золотой Орды ..... 1.
Королевская Академія Наукъ въ Парижѣ:
1. Кровообращеніе у насѣкомыхъ ..... 1.
2. Новый способъ выпрямленія кривыхъ ногъ и рукъ 2.
Умъ соловья ..... 2.
Проектъ сломанія пирамидъ ..... 3.
Сиръ Джонъ Синклеръ ..... 5.
Странныя признанія Жоржа Санда ..... 6.
Процессъ Г. Бальзака съ журналомъ Revue de Paris.... 10.
Французскій театръ въ Парижѣ: Un procès criminel, комедія. Le démon de la nuit, опера-водевиль, Г. Баяра. Le Turc, водевиль. Le Diable boiteux, балетъ и проч ..... 16.
Словесность во Франціи ..... 24.
Словесность въ Англіи ..... —
Новыя книги: Французскія. Англійскія ..... 26.
Моды: Парижскія. Петербургскія ..... 27.

Августъ.

Состояніе народнаго просвѣщенія въ Россіи ..... 29.
Императорская Академія Наукъ въ Ст. Петербургѣ:
1. Буддическая литература ..... 36.
2. Аѳганская литература ..... 37.
Королевская Академія Наукъ въ Парижѣ:
1. Сѣно изъ ржи и пшеницы ..... 39.
2. Открытіе Г. Эренберга ..... —
3. Смерть Ампера ..... 40.
4. Ссора Французскихъ френологовъ ..... 41.
Превращеніе морской воды въ прѣсную ..... 44.
Паровые плуги ..... —
Письмо Гершеля объ его мнимыхъ открытіяхъ на лунѣ 45.
Вопросъ: на крышѣ-ли болѣе дождя или на землѣ? ..... 46.
Пивовареніе въ Англіи ..... 50.
Искусство звонить въ колокола ..... 57.

Digitized by Google

Отличительный характеръ портныхъ и другихъ ремесленниковъ ..... 54.
Статистика города Санктпетербурга ..... 57.
Французскій театръ въ Парижѣ: La duchesse de la Lavaubalière, мелодрама. Amazampo, мелодрама. Le comédien de salon, водевиль. Le réveil d'une grisette. Le doyen de Killerine. Un bal du grand monde. Hermann l'Ivrogne. Une spéculation. Le portrait du diable, и проч. ..... 61–70.
Словесность во Франціи ..... 70.
Словесность въ Англіи ..... 72.
Новыя книги: Французскія. Англійскія ..... 74.
Моды ..... 75.

Digitized by Google

БИБЛІОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.
РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВДАЛИ И ВБЛИЗИ.

Утро..... полдень..... вечеряетъ;
Лѣто къ осени идетъ, —
Солнце по небу гуляетъ,
По широкому плыветъ.
Что задумчивъ, царь вселенной?
Что неясенъ томный ликъ?
Что главою вдохновенной
Надъ землей въ тоскѣ поникъ?
Вотъ взойдетъ луна съ звѣздами.....
Вотъ красавица Заря,
Надъ огнистыми коврами,
Ждетъ на вечеръ жениха;
Ложе брачное сбираетъ;
Стелетъ, холитъ облака;
Вотъ съ улыбкой раздвигаетъ
Занавѣски — небеса:
И зардѣлся бархатъ алой,

Digitized by Google

Пурпуръ съ золотомъ блестятъ,
Встрепенулось покрывало.....
Не туда лучи глядятъ!
Мчатся волны, ходятъ волны
По равнинѣ по морской;
Словно дѣвы, словно челны,
Машутъ бѣлою рукой.
Всѣ прекрасны; но прекраснѣй,
Но милѣй одна волна:
Вспрянувъ грудью сладострастной,
Бурной негою полна,
Межъ подругами гуляетъ,
Бѣлымъ лебедемъ скользитъ,
Сизы кудри завиваетъ,
Вся алмазами горитъ;
Сыплетъ жемчугомъ зернистымъ,
Кажетъ поясъ огневой,
Вѣетъ мантіей сребристой
Съ лучезарной бахрамой.
На нее-то въ поднебесной
Солнце смотритъ съ высоты;
Для нее-то, для прелестной,
Сыплетъ страстные лучи!
Солнце любитъ, солнце страждетъ
По далекой по волнѣ;
Утомленное, все жаждетъ
Въ неприступной вышинѣ:
Ходитъ по небу, вздыхаетъ,
На красавицу глядитъ,
И лучами обвиваетъ,
И къ себѣ ее манитъ.
Недоступна въ отдаленьи, —
Но прекрасна, но мила;
И вотъ солнце въ нетерпѣньи
Шлетъ два яркіе луча.
«О, ко мнѣ, моя подруга!
«Скучно жить одной мечтой.
«Здѣсь, въ объятіяхъ супруга —
«Непробудный сонъ - покой!»

Digitized by Google

И зардѣло, запылало;
Въ волну кинуло лучи, —
И волна затрепетала,
И помчалась отъ земли.
Легкой дымкой, свѣтлымъ паромъ
Вьется въ воздухѣ морскомъ;
Небо, словно предъ пожаромъ,
Пышетъ радостнымъ огнемъ.
Ярче солнце пламенѣетъ, —
Выше бурная волна;
То багровѣетъ, то чернѣетъ
Съ каждымъ взлетомъ въ небеса;
Бухнетъ тучей и сверкаетъ,
Яркой молніей блеститъ,
И крылами потрясаетъ,
И клокочетъ и гремитъ,
Полны крови черны очи,
Чешуится хвостъ сѣдой.....
Какъ видѣнье полуночи,
Встала огненной горой, —
И багровой пеленою
Затянула небеса.....
Солнце, солнце! Что съ тобою?
Гдѣ красавица-волна?

ТИМОФЕЕВЪ.

ИНВАЛИДЪ ГОРЕВЪ.

БЫЛЬ.

Тысяча восемь сотъ четвертаго года
Рекрутъ брали по всей Руси. Бонапарте,
Брезгая консульствомъ, молвилъ: «Я Императоръ».
Сытая бунтами Франція его надѣла;
Слабымъ сосѣдямъ не спорить: признали съ поклономъ;
Сильные жъ съ гнѣвомъ отвергли, злое предвидя.
Англія, врагъ коренной, поднялась кораблями,
Цесарь ратью на сушѣ; Царь православный

Digitized by Google

Къ нимъ присталъ, и съ той поры началася
На десять лѣтъ война: великія сѣчи,
Сходки на смерть безвѣстныхъ другъ другу народовъ,
Смѣны царствъ и владыкъ, гульбы по столицамъ:
Съ юга на сѣверъ, съ востока на западъ; отъ моря
Бурнымъ приливомъ къ Москвѣ, и отливомъ къ Парижу.
Вдоволь стоило денегъ, и крови, и плача
Всѣмъ, покуда Богъ, виновника скорбей
Свергнувъ съ престола, по смерть не заперъ въ неволю.
Видѣли мы чудеса; съ трудомъ имъ повѣрятъ
Внуки. Вначалѣ, никто ихъ не чаялъ; но просто
Воиновъ новыхъ, въ замѣнъ отставныхъ и умершихъ,
Двухъ съ пяти сотъ, по всей Руси набирали.
Волости Спасской крестьянинъ Макаръ Еремѣевъ,
Горевъ по прозвищу, младшій въ семьѣ изъ трехъ братьевъ,
Въ городъ губернскій свезенъ. Въ присутствіе: годенъ!
«Лобъ!» Забрили. Пошелъ онъ на Царскую службу.
Биться съ врагомъ. Поплакалъ онъ на прощанье.
Есть и о чемъ: жена у него молодая,
Сынъ по девятому году, парень отмѣнный,
Умный, красавецъ, весь въ матушку Мавру Петровну.
Вотъ на нее поглядѣть, такъ самъ надорвешся:
Словно вдова безмужная, голосомъ вопитъ.
Слезы ручьемъ! А сколько словъ причитаетъ
Ласковыхъ мужу, колючихъ себѣ съ сиротою!
Вспомнить не въ мочь, а гдѣ пересказывать? Деверь,
Въ сани ее посадивъ, увезъ ужъ насильно.
Горевъ съ другими пошелъ въ свой полкъ гренадерскій.
Въ полгода тамъ обучился пріемамъ ружейнымъ,
Шагу, заряду, пальбѣ, глазамъ, поворотамъ,
Словомъ, всему что знаетъ исправный служивый.
Въ пору какъ разъ. Полкамъ походъ за границу.
Спѣшно въ Австрію звали, на выручку, Русскихъ
Всѣмъ не вдругъ поспѣть. Кругомъ на передовыхъ
Врагъ налегъ. Пробились штыками на встрѣчу
Братьи, идущей къ нимъ съ Отцемъ Государемъ.
Стали лицемъ къ лицу противники въ битву:
Тутъ цвѣтки созрѣли въ ягоды волчьи,
Тутъ легло людей что въ жатву колосьевъ,
Кровь лилась что брага на свадебномъ пирѣ.
Горевъ сражался, покуда ноги держали:
Рана въ плечѣ отъ осколка гранаты; другая
Пулею въ ляжку; пикой въ лѣвую руку
Третья; въ голову саблей четвертая; съ нею
Замертво палъ. Разъѣздъ непріятельскій утромъ
Поднялъ, а лекарь вылечилъ. Плѣнныхъ погнали
Всѣхъ во Францію. Минулъ годъ съ половиной;

Digitized by Google

Миръ заключили, вѣчный, до будущей ссоры.
Съ миромъ размѣнь; и многихъ оттоль во свояси
Русскихъ услали. Забыли о бѣдномъ Макарѣ!
Бѣденъ всякъ вдали отъ родины милой;
Горекъ хлѣбъ, кисло вино на чужбинѣ:
Вякъ живи, не услышишь Русскаго слова!
Въ Брестѣ дали имъ волю кормиться работой
Русскому только и надо: и трое Французовъ
Съ нимъ не потянутся; нашъ увидитъ чужое:
Сметитъ, и вмигъ переймете: они же, Богъ съ ними,
Смотрятъ на наше, да руки врознь, а не сладятъ!
Въ тепломъ краю отъ стужи дрогнутъ всю зиму;
Жгутъ въ очагахъ, дрова переводятъ, а печи.
Нѣтъ догадки сложить!..... Премудрые люди!
Тѣмъ да семъ промышляя, нажился Горевъ;
Выучилъ ихній языкъ, принялся за грамоть, —
Нашу онъ зналъ, — и могъ бы тамъ поселиться,
Домъ завесть и жену: позволяли; и денегъ
Дали бъ казенныхъ на первый заводъ; но Макару
Тошно навѣкъ отъ святой Руси отказаться,
Некрестей въ свѣтъ народить съ женой беззаконной.
Думаетъ: «Выросъ ли Ѳедя, мой парень отмѣнный?»
Тужитъ: «Жива ли красавица Мавра Петровна?»
Наполеонъ межъ-тѣмъ взять новое царство
Вздумалъ: Гишпанію мачному надо въ добавокъ!
Съ сыномъ король не ладилъ. «Милости просимъ
«Въ гости!» сказалъ Бонопарте: «Сосѣднее дѣло,
«Миръ.» Тѣ спроста пріѣхали; онъ ихъ, лукавый,
Въ ссылку обоихъ за стражей; и землю съ народомъ,
Брата какъ куклу имъ въ короли, и присвоилъ.
Ладно бы все, да лиха бѣда: не даются!
Силой бери! И, полкъ за полкомъ, черезъ горы
Рать повалила, всякое племя земное.
Съ прочими вѣчные слуги Французовъ, Поляки.
Съ ними наши, кто былъ въ полону. И Макару
Велѣно вновь подъ ружье, подъ ранецъ въ полпуда:
Бѣйся на смерть, а не за матушку Русь, а ужъ Богъ вѣсть
За что! На смѣхъ играетъ судьба человѣкомъ!
Люто сталъ за святыню народъ богомольный:
Съ ядомъ, не только съ мечемъ. И даромъ что Горевъ,
Истый нашъ братъ христіанинъ, не грѣшенъ въ кощунствѣ,
Не дралъ иконъ, не сквернилъ церковныхъ сосудовъ,
Даже другихъ унималъ не боясь насмѣшки, —
Все бы плохо попасть чернецамъ либо черни.
Въ томъ и зло, что правый вравнѣ съ виноватымъ
Гибнетъ въ смутѣ войны и горячекъ мятежныхъ:
Гдѣ разбирать? Господь на томъ свѣтѣ разсудитъ!

Digitized by Google

Но Богъ милостивъ былъ, и вывелъ Макара
Жива здорова; немногихъ въ числѣ, какъ пришельцевъ,
До чиста смелъ съ земли своей полуостровъ.
Въ то же время другую войну на противномъ
Свѣта краю завелъ губитель; и войска
Столько съ нимъ, что въ мѣсяцъ двадцать пять тысячъ
Тратить могъ: его жъ окаянное слово!
Шли къ Москвѣ на проломъ, и дорого стоилъ
Каждый шагъ на Руси; но вождь не жалѣетъ:
Много въ запасѣ! Пусть лягутъ на приступахъ тмами,
Двѣ подъ Смоленскомъ, четыре въ поляхъ Москворѣцкихъ,
Лишь бы намъ величаться въ Кремлѣ златоверхомъ.
Богъ попустилъ, на кару гордыни. Кутузовъ,
Вѣчная память ему, сшепнулся съ морозомъ;
Выбралъ крѣпкое мѣсто, такъ, чтобы мимо
Взадъ ни впередъ ступить нельзя сопостату
Выждалъ, и сталъ вымораживать, словно хозяинъ
Изъ дому вонъ таракановъ. Недруги въ драку:
Нѣтъ удачи! Погрѣться? Заперты двери.
Съѣсть бы! Падерой конской лакомись вволю.
Бѣгство пошло; тутъ мечь, и голодъ, и холодъ,
Все противъ нихъ: живые шатались какъ тѣни;
Мертвыми путь усѣянъ: на версту сотня!
Вождь ускакалъ во-свояси за новою ратью;
Наша впередъ, а Нѣмцы къ ней приставали:
Первый — преемникъ Фридриха; послѣ и Цесарь;
Тамъ, и всѣ. Числомъ встрѣчались ужъ равнымъ;
Либо, какъ въ Кульмѣ, малымъ великое дѣло
Дѣлалось, къ диву военныхъ, къ спасенію мирныхъ.
Царь хвалилъ, чужіе сказали спасибо:
Лестно было назваться воиномъ Русскимъ.
Бѣдный Макаръ! гдѣ ты былъ? что дѣлалъ? Онъ жадно
Слушалъ вѣсти, носимыя шумной молвою;
Скрыть бы хотѣли, но шило въ мѣшкѣ не таится.
Рейнъ перешли, во Франціи Русскіе. Сильно
Сердце забилось у Горева; птицей изъ клѣтки
Рвется въ станъ земляковъ: «Не стыдъ ли, не грѣхъ ли,
«Здѣсь злодѣю служить? Палитъ онъ изъ пушекъ
«Въ нашихъ, а я за него ружье заряжаю!
«Надо бѣжать; лишь ноги становятся хилы,
«Бокъ отъ раны болитъ, и ломитъ къ ненастью
«Ну! да съ Богомъ: авось дойду.» И сберется.
Послѣ раздумье возьметъ:» Съ ума ли я спятилъ?
«Сто ли верстъ пути? Нѣтъ! тысяча будетъ.
«Схватятъ, воротятъ, судомъ разстрѣляютъ какъ труса:
«Англинскихъ пуль испугался-де; Русское имя
«Втянутъ въ поклепъ; а тамъ одному мнѣ не много

Digitized by Google

«Сдѣлать: Гореву взять Парижъ не подъ силу!
«Волей развѣ служу не по долгу присяги?
«Радъ бы въ Сибирскій, да въ рай грѣхи не пускаютъ.»
Онъ бы рѣшился; но не было воли Господней,
Новый искусъ судившей долготерпѣнью, —
Пятую рану, въ ногу по ниже колѣна
Мѣткій Ростбифъ хватилъ его подъ Тулузой
Кончилась тутъ и война. Бонапарте на островъ
Эльбу уплылъ, а новый король изъ Бурбоновъ,
Умный старикъ и Русскимъ давно благодарный,
Всѣхъ велѣлъ отыскать, снабдить и отправить
Въ родину: такъ возвратился Горевъ въ Россію.
Срокъ не дошелъ, но раны сочлися за годы:
Въ чистую! Вольный козакъ! Не старъ еще: сорокъ
Съ чѣмъ-то. «Лишь бы жива была Мавра Петровна,
«Радость моя, да Ѳедя, парень отмѣнный,
«Выросъ въ люди, мой свѣтъ: за все слава Богу!
«Съ ними я такъ заживу что горя не вспомню;
«Буде же вспомнится прошлое, вдвое веселья.»
Такъ Макаръ Еремѣевъ, по прозвищу Горевъ,
Вдучи въ домъ разсуждалъ. Все новое платье
Сшилъ, какъ должно имѣть солдату въ отставкѣ,
Сирѣчь при деньгахъ: онъ сберегъ ихъ на случай,
Такъ, что могъ нанять лошадей, и одѣться,
Даже годикъ прожить. Женѣ онъ въ подарокъ
Везъ прекрасный платокъ французскій. А сына
Чѣмъ подарить? «Дитя! Чего ему надо?»
Вотъ, какъ ближе подъѣхалъ къ той волости Спасской,
Спрашивать сталъ на кормежкахъ Макаръ у хозяевъ,
Живъ ли, здоровъ ли, тотъ — другой изъ знакомыхъ.
Диво ему: про многихъ вовсе не знаютъ,
Тѣхъ же, что знаютъ, куда на-лицо ихъ не много, —
Померъ, въ бѣгахъ, на службѣ, ушелъ да уѣхалъ;
Дома, да хворъ, съ Николы лежитъ на полати.
Страшно своихъ помянуть. Собрался на силу
Съ духомъ. Отвѣтъ былъ на-двое, больше хорошій:
«Ѳедоръ Макаровичъ живъ и здоровъ; обзаконенъ
«Третій ужъ годъ на дочери земскаго, Вѣрѣ
«Карповнѣ. Тесть пожалѣлъ приданаго, правда;
«Но вѣдь имъ же все, какъ схоронятъ скупаго.
«Зять и самъ не бѣденъ; семья ихъ большая
«Вымерла вся въ тотъ годъ, какъ плѣнныхъ Французовъ
«Гнали, и мы отъ нихъ чумѣли; остался
«Онъ, да дура Маланья отъ старшаго дяди. —
Гдѣ же мать у него? — «А Богъ ее знаетъ!
«Мы не знавали; на свадьбѣ хлѣбомъ и солью
«Благословляла вдова Агнея просвирня.»

Digitized by Google

Охнулъ Горевъ: «Красавица Мавра Петровна!
«Царство небесное! грусть завла въ разлукѣ.»
Въ самое Преображенье, въ престольный ихъ праздникъ,
Прибылъ Макарь въ село, и прямо къ обѣднѣ.
Въ церкви все ново: иконы и утварь и ризы.
Попъ молодой, изъ ученыхъ; дьяконъ и схожъ бы
Съ сыномъ стараго, только великъ и дороденъ;
Причетъ — ребята; свѣчу лишь выноситъ все тотъ же
Тихонъ бобыль, но оглохъ, и отъ лѣтъ полуменъ.
Церковь биткомъ набита; узналъ до десятка
Горевъ, но ждетъ съ терпѣньемъ, какъ кончится служба.
«Съ миромъ!» Къ кресту приложились. У выхода давка.
Вотъ купчиха нарядная, въ серезяхъ, въ бусахъ,
Толстая, кровь съ молокомъ, то съ той, то съ другою
Въ губки чокъ да чмокъ, и сорокой лепечетъ.
Вотъ попадья къ щеголихѣ: «На чашечку чаю,
«Матушка, къ намъ!..... Пожалуйста, Мавра Петровна!»
Горевъ глядь, она. Въ чаду отъ восторга!
Прямо къ ней: «Сокровище! свѣтъ ненаглядный!
«Радость! узнай: я мужъ твой.» — Мертвецъ! помогите,
Крикнула та: я мертвыхъ боюся до смерти. —
Женщинъ сбѣжалось; имъ на руки такъ и упала
Въ обморокъ; въ домъ увели, на кровать, и отъ шуму
Заперли дверь: онъ только и видѣлъ хозяйку.
Говоръ въ народѣ, спросы и суды и ряды:
Знай вертись, служивый, на всѣ на четыре.
Вотъ, борода сѣдая, купецъ долгополый,
Съ брюхомъ, съ медалью: — Кто ты, братъ, и откуда? —
«Здѣшній крестьянинъ, потомъ солдатъ Государевъ;
«Былъ въ полону, въ отставку вышущенъ; Горевъ
«Прозвищемъ; здѣсь вотъ сошелся съ женою.»
— Спорить въ другомъ не хочу; но Мавры Петровны
«Звать женой не моги: то прошлое дѣло;
«Нынче я ей мужъ. Оставь насъ, а паче
«Ей не кажись: сердечная бредитъ съ испуга.
«Богъ проститъ по незнанью; но полно жъ пріятель.»
Молвилъ купецъ, и пошелъ. Счастливъ же онъ! Горевъ
Чуть не вцѣпился въ важную бороду: «Некресть!»
Воскликнулъ: «взялъ жену отъ мужа живаго!
«Слыхалъ ли грѣхъ такой въ землѣ православной?»
Жалко стало всѣмъ. Отецъ Иннокентій,
Спасскій священникъ, отвелъ Макара въ сторону;
Началъ ему толковать, что онъ по напрасну
Ропщетъ: «Солдатской женѣ позволяютъ законы,
«Буде цѣлыхъ семь лѣтъ нѣтъ вѣсти объ мужѣ,
«Выбрать другаго. Чистый бракъ, и безгрѣшный!
«Можно жалѣть: но, если жена измѣнила,

Digitized by Google

«Должно славить все къ благу творящаго Бога.»
Горевъ смолкъ, какъ вдругъ одѣтый прекрасно, —
Синій кафтанъ, кушакомъ подпоясанъ Персидскимъ,
Порты — черный плисъ, сапожки съ оторочкой, —
Добрый молодецъ, снявъ пуховую шляпу,
«Батюшка», молвилъ, «я сынъ вашъ Ѳедоръ; изъ церкви
«Къ батюшкѣ тестю прошелъ, и о вашемъ пріѣздѣ
«Свѣдалъ сейчасъ. Пожалуйте: просить покорно
«Карпъ Демьяновичъ; мы съ женою и съ дочкой
«Ждемъ отцовскаго вашего благословенья.»
Капля меду въ Горева чашу! Заплакалъ,
Сталъ цѣловать въ уста и въ ясные очи:
Сынъ съ почтеньемъ въ плечо. Пошли они. Вѣра
Карпова съ дочкой грудной ждала на крылечкѣ:
Новая радость и слезы; вышелъ и земскій;
Въ избу зоветъ. Макаръ вошелъ, помолился,
Отдалъ поклонъ хозяину, сѣлъ подъ святыми.
Столъ накрытъ; и водка на немъ, и закуска;
Рѣдька съ масломъ, икра и соленые грузди.
Водку сынъ, а пиво сноха, а хозяинъ
Самъ предлагалъ съѣстное: «Подчивать гостя
«Стыдно икрой; солова, дорогая покупка.
«Грузди отмѣнные; нынче родилось ихъ пропасть,
«Некуда было дѣвать: на здоровье покушай.»
Гость про себя усмѣхнулся хитрости скряги:
«Съ нимъ мнѣ не жить, и дѣти мои не такіе;
«Если бъ жена.....» И объ ней спросилъ онъ у Карпа.
Карповъ разсказъ не радостный: «Мавра Петровна
«Вскорѣ слезы утерла; съ перваго лѣта
«Въ села на праздники, въ городъ на торгъ разгуливалась.
«Сына Богъ бережетъ сироту, да Ульина,
«Тетка бездѣтная; матушка новыхъ гадала.
«Деверь журитъ, невѣстка совѣтуетъ: сказки!
«Слухъ какъ прошелъ, что полки воротились, а Горевъ
«Долго жить приказалъ, — поминайте какъ звали!
«Скарбъ свой въ узелъ, и въ міръ крещеный на промыслъ.
«Пузинъ купецъ (имѣлъ онъ хозяйку въ чахоткѣ)
«Нанялъ Мавру. Любить да жаловать! Словомъ,
«Прежде смерти больной, запасся здоровой.
«Пузинъ дуракъ, а Мавра не дура, — въ купчихи!
«Сладила съ нимъ. Но долго съ полкомъ и съ попами
«Не было ладу: бумаги не шлютъ, не вѣнчаютъ!
«Срока жди, какъ зачтутъ пропавшаго мертвымъ.
«Ждать! Дождалась. Вотъ третій годъ въ половинѣ,
«Свадьбу сыграла, съ сыномъ въ одно воскресенье,
«Въ разныхъ церквахъ; и нынче впервые къ приходу,
«Знать за грѣхи, изволила, мужу на встрѣчу:

Digitized by Google

«Оставь же ее, да отпой-ка Спасу молебенъ!»
Такъ разсказывалъ Карпъ, а Ѳедоръ и Вѣра
Въ путь собирались; пять верстъ до ихней деревни.
Звали отцовъ. Макару диковина: въ гости
Просятъ домой! Отъ стараго трудно отвыкнуть!
Земскій вертится: «Радъ бы я вашей хлѣбъ-соли:
«Съѣхать на чемъ? Лошаденки устали отъ пашни.
«Всѣмъ же въ одной телѣгѣ будетъ и тѣсно.»
— Люди живутъ въ тѣснотѣ; размѣстимся, сказала
Вѣра Карповна: мы въ задокъ и съ Танюшей,
Ѳедоръ Макаровичъ правитъ на козлы, а свекоръ
Батюшка съ нимъ какъ-нибудь: служивый не взыщетъ.
Больно служивому; свекромъ сноха помыкаетъ:
«Нищимъ считаетъ солдата», ворчалъ онъ сквозь зубы,
«Батькина дочь! Погоди: уже мы исладимъ!
«Быть покуда такъ: что спорить съ бабенкой?»
Сѣли, поѣхали. Горевъ и вправо и влѣво
Пялитъ глаза; увидитъ знакомое, вскрикнетъ:
«Каменка рѣчка! Мѣльница! Гать! За пригоркомъ
«Церковь Архангела! какъ видна издалеча!»
Снялъ фуражку, и крестится. «Ѳедоръ, а гдѣ же
«Лѣсъ березничекъ? — Срубленъ лѣтъ уже съ восемь. —
«Жаль! грибы росли.» — Мужики распахали:
Рожь растетъ. — «Гляди-ка и наша Желниха!
«Противъ часовни нашъ домъ.» И крестится снова.
Спрыгнулъ къ воротамъ и въ избу бѣгомъ. «Не ходите,
«Батюшка», молвилъ сынъ: «у насъ передѣлка:
«Печь кладутъ и полъ; живемъ во свѣтелкѣ,
«Стряпаемъ въ банѣ.» — Да! молвила Вѣра. Куда же
Батюшку свекра на ночь положимъ? Намъ мѣста
Въ горенкѣ мало самимъ съ дитятью. Изъ бани
«Развѣ Маланью выслать къ сосѣду? — «Не выйдетъ»,
Ѳедоръ отвѣтилъ: «насильно, что ли, прогонимъ?
«Люди и то болтаютъ, что худо содержимъ
«Дуру; пожалуй, возьмутъ да тяжбу подымутъ.
«Батюшка гость, а сестра половинщица въ домѣ.»
«Такъ-то!» подумалъ Макаръ: «охти мнѣ! ошибся!
«Полно дарить ли имъ платокъ мой Французскій?»
Грудью мать накормила Таню крикунью,
Стала въ зыбкѣ укачивать. Батюшка земскій
Столъ накрылъ. Хозяинъ убралъ повозку.
Дура Маланья съ хлѣбомъ вошла, и чужаго
Видя: «Кто онъ?» спросила. Ей Ѳедоръ: «Сестрица,
«Дядя тебѣ; отецъ мой; служивый въ отставкѣ.»
— Свой? Здорово, родимый! А что же ты, дядя,
Руки поджалъ какъ гость? Не дуракъ ли? Я дура
Тоже, а дѣлаю дѣло; встань на подмогу.

Digitized by Google

Вмѣстѣ обѣдъ принесемъ; настряпано много:
Щти, колобки, селянка, брюквенникъ, студень,
Каша, грибы, и кисель овсяный съ ситою.
Гореву въ гнѣвъ, но видитъ — другіе смѣются, —
Самъ разсмѣялся, подумалъ: «Обида ль отъ дуры?»
Блюда пощелъ носить со стряпухой Маланьей.
Послѣ стола, поздравивъ служиваго, выпивъ
Съ нимъ за счастливый пріѣздъ, пустились въ распросы:
«Что, и гдѣ, и какъ?» Разсказывалъ долго,
Службу, походы, сраженья, плѣнъ свой и выпускъ,
Горевъ, какъ всѣ, мѣшая съ былью и небыль,
Вдаль бы занесся, видя съ какимъ любопытствомъ
Слушаютъ; земскаго слово подрѣзало крылья:
«Знаешь ли что?» сказалъ онъ: «вѣдь сдѣлалъ ты глупость,
«Сватъ Еремеевичъ, буде во всемъ тебѣ вѣрить!
«Если бъ завелся ты не уродимыхъ,
«Лучше бы; жилъ бы самъ по себѣ и большаго
«Въ домѣ не зналъ, и хлѣбъ бы ѣлъ не хозяйскій.
«Право такъ! Ястреба ты промѣнялъ на кукушку.
Видитъ Макаръ что такъ, а сознаться охоты
Нѣтъ. «Заткну имъ глотку; знай что не даромъ
«Хлѣбъ ѣдимъ», подумалъ, и въ пазуху руку;
Вынулъ сложенный въ чистой бумагѣ Французскій
Бѣлый платокъ, ни дать ни взять что Турецкій.
Также по всѣмъ угламъ большіе разводы,
Пестрые, будто цвѣты, и узорныя каймы:
Дорого стоилъ. Горевъ свой цѣнный гостинецъ
Въ руки снохѣ съ торжественной подалъ улыбкой.
Первый пріемъ былъ впримъ торжествомъ: любовались,
Чудились, ахали, кланялись, благодарили.
Вѣра Карповна въ немъ передъ зеркало. Прелесть!
Смотрится, прочь не отходитъ; ангелъ Танюша
Въ люлькѣ реветъ, хоть уши зажми: и не слышитъ!
Съ часъ платокъ для всѣхъ былъ думой и рѣчью;
Тамъ, — въ бумагу, въ сундукъ; вечерять; за Прошкой
(Мальчикъ сосѣдній, страстный ямщикъ и наѣздникъ)
Тестя домой проводитъ; разбираться къ ночлегу,
Всякъ на мѣсто свое, и Макаръ на сушило.
Тутъ, устроивъ бивакъ средь кадокъ, боченковъ,
Хмѣлю, лопатъ, мѣшковъ, рогожъ и веревокъ,
Спать ложась, вздохнулъ онъ. «Что же со мною
«Будетъ? первый день таковъ: а другіе?.....
«Полно, солдатъ! Не тужи, удалая! Не думай!.....
«Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ; мудренѣе
«Вечера утро.» Заснулъ утѣшаясь надеждой.
Утромъ рано засталъ онъ сына за дѣломъ
Письменнымъ; земскій Карпъ, грамотѣй черезъ нужду,

Digitized by Google

Зятю сдалъ бумагъ и счетовъ обузу,
Съ долей притомъ въ барышахъ. Макару находка:
«Ѳедоръ,» сказалъ онъ, «пишу я исправно; безъ дѣла
«Жить и скука и стыдъ: сдай эту работу
«Мнѣ, досужимъ будетъ тебѣ на другую.»
Сынъ, не вдругъ обдумавъ, отвѣтилъ: «Пожалуй!»
Горевъ за дѣломъ: чинитъ, чертитъ, и пишетъ
Вѣдомость, сказку, записку, словомъ бумагу;
Пишетъ на славу, на диво всей волости Спасской.
Грамоти выучень онъ не на мѣдныя деньги;
Чистымъ бралъ серебромъ Московскій учитель
Князя Селецкаго. Князь — Макаровъ ровесникъ,
Выкормокъ груди одной; кормилицы сына
Къ братцу водили играть, и учили ихъ вмѣстѣ
Съ годъ, до отъѣзда въ столицу княжаго семейства.
Въ почеркѣ сила своя, а въ смыслѣ другая.
Всю перерывъ до листа лоскутную кипу,
Видитъ безтолочь Горевъ: очередь сбита,
Пропусковъ тма, а индѣ записано дважды,
Въ справкахъ ошибки, и въ счетахъ невѣрны итоги.
Онъ, какъ усердный дѣлецъ и честный служивый,
Сыну все показалъ: «Поправить», молъ, «надо».
Тотъ туда и сюда: «Безъ батюшки тестя
«Мнѣ», де, «нельзя; оно же вамъ, батюшка, трудно
«Мы ужъ кой-какъ»..... (себѣ на умѣ — «наплутуемъ.»)
Взялъ бумаги, и заперъ. Отецъ въ недумьѣ:
«Что не въ угоду?» Не глупъ, а зѣло недогадливъ.
Кончивъ одно: за что другое приняться?
Въ поле — плохой работникъ: отвычка и раны;
Воду таскать, колоть дрова и лучину,
Нянчить внучку, когда родимой не время,
Радости мало во всемъ; а горше, подъ старость
Быть меньшимъ: и гдѣ жъ? въ родительскомъ домѣ.
Сынъ и сноха — хозяева; Таня ихъ ангелъ,
Какъ ни мала, что хочетъ то дѣлаетъ; земскій
Въ живѣ кладъ, а сдохнетъ — вдвое, и дорогъ;
Дура Маланья всё жъ половинщица; дай-ко
Денегъ Мавра Петровна, матушкой будетъ.
Батюшка что? Седьмая спица, сердечный!
Вкралась скорбь, змѣей обвилася по сердцу, —
Ѣсть ни пить не даетъ и сонъ прогоняетъ.
Злѣе нѣтъ болѣзни; чуму и холеру
Худо, а лечатъ, врачи: но кто же отъ скорби
Врачъ? Къ кому прибѣгнуть? Къ Господу Богу.
Молится Горевъ; чуть обѣдня, — и въ церковь.
Въ постный праздникъ Усѣкновенья Предтечи,
Послѣ службы зашелъ онъ къ земскому свату;

Digitized by Google

Гостя засталь: слуга господскій по платью!
«Чей?» спросиль. Селецкаго князя. — «Какого?» —
Князь одинъ: Александръ Михайловичъ. — «Развѣ
«Въ Баревѣ онъ?» — Давнымъ давно. — И Макару,
Знать любопытному, все разсказалъ онъ подробно:
«Въ гвардіи князь служилъ лѣтъ десять; въ походѣ
«Прусскомъ былъ капитанъ, полковникъ на новый
«Годъ, и женился; выбралъ невѣсту изъ Нѣмокъ,
«Софью Романовну, дочь старика генерала;
«Какъ по фамильи, не въ память: мудреная, съ *фономъ*.
«Славная барыня, даромъ что Нѣмка! Какъ съ мужемъ
«Въ душу жила! Добра какъ много творила!
«Какъ умѣла по-нашему! Русская словно!
«Богъ ей не далъ вѣку: на первомъ ребенкѣ
«Стала хилѣть, со вторымъ скончалась. Съ печали,
«Князь въ отставку, свѣту челомъ, да въ деревню.
«Только и было отлучки въ годъ ополченья.
«Съ нимъ въ чужіе краи ходилъ не на долго;
«Впрочемъ ни пяди. Живетъ келейнымъ монахомъ,
«Тѣшится Мишей сынкомъ, и самъ его учитъ.
«Онъ охотникъ учить; на выборъ крестьянскихъ
«Взялъ съ полсотни ребятъ, и въ Баревѣ школу
«Для пользы крестьянской завелъ: присмотръ и порядокъ!
«Старшимъ бѣдный поручикъ съ ногой деревяшкой,
«Унderъ гвардейскій подъ нимъ, и два рядовые.
«Видно, что были служивые; правда, до гроба
«Хлѣбъ имъ, пріютъ, содержанье, и доброе слово.
— Нынѣче дома ли князь? — «И, вѣдомо! Завтра
«Онъ именинникъ; гости будутъ, и въ городъ
«Ѣздилъ я затѣмъ, купить изъ припасовъ.
«Завтра въ нашемъ селѣ что свѣтлая пасха.»
Горевъ думать: «Баринъ добрый; полковникъ;
«Мы съ нимъ играли: дай, схожу я поздравлю
«Съ ангеломъ! Тамъ же покойница спитъ на кладбищѣ
«Матушка: чуть ее помню; но всѣ по усопшей
«Богоугодное дѣло отпѣть панихиду.»
Княжій закупщикъ уѣхалъ; Макаръ же, чтобъ лишнихъ
Верстъ не мѣрять, въ Спасскомъ остался до утра.
Всталъ съ зарей, одѣлся чисто, и съ солнцемъ
Въ ходъ пошелъ; а ходу часа ему на два.
Въ Баревѣ все на ногахъ; пестрѣетъ народомъ
Красный дворъ: мужики кто въ синемъ, кто въ смуромъ;
Бабы въ кацахъ, въ стамедныхъ цвѣтныхъ сарафанахъ.
Дичи, ягодъ, меду, яицъ, полотенецъ,
(Барину все на поклонъ) разложено пропасть.
Парни всѣ подъ гребенку, въ сѣренькихъ курткахъ,
Бойкіе, бѣгаютъ; издали смотритъ служивый

Digitized by Google

Важный, о двухъ крестахъ, и о двухъ же медаляхъ.
Горевъ вѣжливо съ нимъ въ знакомство, въ бесѣду:
То, да сё, да житье каково? — «Хорошо бы»,
Тотъ въ отвѣтъ, «да мало насъ, а мальчишекъ
«Много баловней. Съ прошлой недѣли товарищъ
«Слегъ въ больницу отъ старыхъ свинцовыхъ орѣховъ.
«Я, да ундеръ. Поручикъ, его благородье,
«Съ княземъ, либо съ князькомъ; ему жъ не по чину
«Съ нами: взглянетъ, прикажетъ, что надо, и полно.
«Хочемъ просить еще бы кого, да не сыщешь
«Скоро нашего брата здѣсь въ околоткѣ.»
Вотъ межъ-тѣмъ и звонъ пошелъ съ колокольни;
Вотъ изъ дверей на крыльцо офицеръ молоденькій;
Жалко! лѣтъ тридцати, и собою красавецъ:
«Смирно», молъ, «братцы; князь сейчасъ!» И притихли.
Подлинно, за словомъ, самъ именинникъ, и съ сыномъ
(Что за дитя: херувимъ!) выходитъ. Поклоны
Тутъ отъ всѣхъ поздравленья, подарки; хозяинъ
Ласково всѣмъ отвѣчалъ, и послѣ обѣдни
Въ гости звалъ пировать. Тутъ выступилъ Горевъ:
«Здравья желаю, ваше сіятельство. — Здравствуй,
Братъ сослуживецъ. Давно ли здѣсь, и отколѣ?
Какъ зовутъ? — «Нельзя меня вамъ припомнить:
«Очень давно; а меня знавали вы.» — Стыдно,
Только забылъ: виноватъ; скажись. — Я Макарка,
«Сынъ кормилицы Домны; звался пострѣленкомъ.»
Князь улыбнулся, и въ блѣдномъ лицѣ его краска
Вдругъ приступила: взыграли дѣтскія лѣта.
«Помню», сказалъ онъ, «очень помню! Спасибо,
«Старый знакомый, что ты навѣстилъ. Не подумай
«Въ шутку, — твой приходъ мнѣ лучшій подарокъ.
«Домна разсталась съ дѣтьми чтобъ ѣхать съ питомцемъ:
«Столько любила! Мнѣ грѣхъ забыть: и на память
«Каменный крестъ поставилъ ей на могилу.
— Богъ за милость продли вамъ несчетные годы,
Молвилъ Макаръ: и сыну и внукамъ во вѣки. —
Оба рады бы всплакать, да совѣстно. Странно!
Нѣтъ похулы въ слезахъ, а люди смѣются.
Вотъ трезвонъ, и въ церковь пора. Отъ молебна
Князь къ себѣ отдохнуть, и призвалъ Макара.
Съ дѣтства его не видавъ, хотѣлось провѣдать:
Съ толкомъ ли онъ человѣкъ, и многаго ль стоитъ.
Горевъ дѣломъ смекнулъ; разсказывалъ просто,
Лишнихъ словъ не вводя. Довольно и правды:
Пусть формуляръ въ Желнихѣ; свидѣтельство ранамъ
Носитъ онъ за пятью печатьми на тѣлѣ.
Рѣчь складна: дуракомъ не созданъ съ природы;

Digitized by Google

Видѣлъ не мало всего, а вытерпѣлъ болѣ:
Могъ поумнѣть. Искони несчастье и разумъ
Вмѣстѣ свыклись, другъ не ходитъ безъ дружки:
Умъ и кличетъ бѣду и крѣпится бѣдою.
Князю понравился Горевъ; открылъ онъ бумажникъ,
Вынулъ сто рублей; «Возьми-ка, служивый!»
Тотъ не беретъ. «Ты, другъ мой, чинишься напрасно.
«Вѣрю, своихъ у тебя есть сотня, другая;
«Но и третья не лишняя: такъ ли?» — Безспорно,
Ваше сіятельство: деньги хлѣба не просятъ,
Хлѣбъ же даютъ; но взять отъ васъ не посмѣю. —
«Какъ! почему?» — Есть просьба, крайняя нужда:
Сто ли рублей? Не въ примѣръ: въ ней страшно отказа. —
«Въ чемъ? Скажи.» — Охъ, ваше сіятельство, худо
Дома житье! Четвертая нынѣче недѣля:
Стоитъ года царской службы. Бывало,
Холодъ, грязь, сухарей ни крошки, а веселъ:
Люди съ тобой! Угольномъ на бивакѣ закуришь
Трубку: соси да болтай, и голодъ не пикнетъ;
Перевязь чистишь, суму, ружье, — и не скучно.
Черные дни въ терпежъ: а мало ли красныхъ?
Здѣсь кому, на что я годенъ? На выметъ!
Поздно нашего брата учить послушанью;
Знаемъ давно, и рады, лишь былъ бы начальникъ.
Кто въ полку? Офицеръ, дворянинъ благородный,
Унтеръ, фельдфебель, нашъ братъ: по-умнѣе, по-старше,
Тѣмъ и вышелъ; знаетъ чинъ чина, и любо.
Какъ же я покорюсь своихъ либо сыну?
Пусть и грубости нѣтъ, а все ужъ большіе;
Все ихъ воля, и я.....» Примолкъ, опасаясь
Князю наскучить; и въ сердцѣ разтрогать кручину.
«Въ чемъ же», князь спросилъ, «ко мнѣ твоя просьба?»
— Будьте отцомъ! У васъ здѣсь школа ребятамъ,
Учатъ и смотрятъ солдаты. Какъ тѣхъ осчастливьте
Такъ и Макара! Горевъ другаго не хуже.
Радъ стараться до крови капли; ни платы
Мнѣ, ни одежы не надо; останусь доволенъ
Харчемъ и пойкой: вамъ не въ убытокъ, а я бы
Вѣчно Бога молилъ; и только надежды:
Онъ да вы. — «Ты просишь слишкомъ умильно,»
Князь отвѣчалъ: «Давно бы по просту молвилъ;
«Мнѣ жъ человѣкъ и нуженъ вмѣсто больнаго.»
— Слышалъ, ваше сіятельство; то мнѣ и духу
Придало: такъ ужъ я боялся! — «Чего же?» —
— Самъ не знаю путемъ, куста какъ ворона!
Сорокъ лѣтъ хожу по мытарствамъ: напуганъ!
«Пѣсня съ концемъ; но мы не согласны въ условьяхъ:

Digitized by Google

«Даромъ слугъ не беру, плачу по окладу.
«Брату грудному прибавилъ бы; прочимъ обидно.
«Эту же сотню возьми, не въ счетъ, а въ подарокъ.»
— Ваше..... — «Молчи! Гораздъ ли ты грамотѣ Русской?»
Радостный Горевъ тутъ и самъ усмѣхнулся:
«Развѣ изволили вы забыть Аполлоса
«Савича съ длинной указкой? — Смѣшонъ былъ покойникъ
«Въ розовомъ фракѣ и взбитыхъ пукляхъ подъ пудрой.»
— Но тому давно: ты могъ разучиться. —
«Новую выучилъ въ Брестѣ; Французскую.« — Право?
Честь и хвала! Безъ нея обойдемся однако.
Прямо теперь явись къ поручику; скажешь
Нашъ уговоръ, а тамъ, — знай его благородье. —
«Слушаю, ваше сіятельство!» — Съ Богомъ, за дѣло.
Горевъ съ тѣхъ поръ спокойно тамъ проживаетъ
Даже донынѣ. Школа давно ужъ закрыта,
Вслѣдъ за тѣмъ какъ самъ основатель скончался.
Князь Александръ Михайловичъ, зная, что рѣдко
Сынъ съ отцемъ согласенъ въ образѣ мыслей,
Зная притомъ, что мертвый живымъ не указчикъ,
Только одно приказалъ въ завѣщаньѣ духовномъ:
«Тремъ инвалидамъ по смерть давать содержанье
«Прежнее, съ тѣмъ чтобъ они учили крестьянскихъ
«Мальчиковъ, всѣхъ безденежно, кто пожелаетъ.»
Князь молодой на службѣ. Бѣдный поручикъ
Сталъ богатъ по женѣ, единственной дочкѣ
Пузина съ первой супругой. Мавра Петровна
При смерти долго лежала во время холеры;
Богъ умудрилъ въ болѣзни — дала обѣщанье,
Буде встанетъ, пойти въ монастырь; изцѣлилась;
Каясь въ винѣ, упала въ ноги Макару;
Съ нимъ и со всѣми простилась въ любви, и постриглась.
Пузинъ хлопочетъ съ попами о третьей женидьбѣ.
Карпъ Демьяновичъ померъ, и Танюшка ангелъ
Съ нимъ на суткахъ: отъ крику случился родимецъ;
Такъ, что Ѳедоръ и Вѣра радость и горе
Вдругъ получили: Земскій оставилъ имъ денегъ
Кучу; дѣти всѣ мрутъ: хоронятъ да плачутъ?
Дура Маланья смѣется надъ ними, и часто
Дразнитъ на зло: «Вотъ вамъ за то, что Макара
«Дядю обидѣли! Богъ васъ проклялъ, и ничто.»

КАТЕНИНЪ.

=

Digitized by Google

ПРОЗА.

КАВКАЗСКІЕ ОЧЕРКИ.

МУЛЛА НУРЪ *.

БЫЛЬ.

О вахтѣ эды-ки, Гиндустанъ падишахи эглишибъ, меджилисында аали зіяфатъ варыды; нече шахзаделяръ, нече пегливаняръ, нече везириляръ, нече улемаляръ, дести растъ дести растданъ, дести чапъ дести чапданъ, эглешибъ, мешкуллядыляръ.

«Въ ту пору случилось Индійскому царю сидѣть въ бесѣдѣ; было у него пированье, великій пиръ. Сколько царевичей, сколько богатырей, сколько везирей, сколько улемъ, отъ правой руки къ лѣвой, отъ лѣвой руки къ правой, усѣвшись, промежъ собой перемолвливали!»

I.

Чахъ дашы, чакмахъ дашы,
Аллахъ всрсынъ ягышы!

Кремешки и каменики, дай Богъ вамъ дождя, умножься!

ПРИМѢЧ.

Грустно раздается *намазъ*, будто поминка по ясномъ днѣ, отлетѣвшемъ въ вѣчность.

* *Мулла* не только священникъ, но всякой грамотный, ученый; нерѣдко имя собственное. *Нуръ* значитъ «свѣтъ», и встрѣчается очень часто въ сложности мусульманскихъ именъ, напримѣръ, *Дарья-нуръ*, Море свѣта, прозвище лучшаго алмаза Персидскаго шаха, *Нуръ-джанъ*, Свѣтъ души, *Нуръ-эдъ-динъ*, Свѣтъ вѣры, *Нуръ-магаль*, Свѣтъ области, а не Свѣтъ гарема, какъ назвалъ ошибочно Томасъ Нуръ героиню прелестной поэмы своей, Light of the Haram.

Digitized by Google

– Жрко, душно въ Дербендѣ! Взойди-ка на кровлю, Касимъ, посмотри какъ падаетъ за горы солнышко: некраснѣетъ ли западъ, не сбираются ли тучи на небѣ?

– Нѣтъ, *ами* (дядя)! Западъ голубѣе глазъ моей сестрицы. Солнце упало ярко, словно «золотой цвѣтъ» на ея груди *. Ни одинъ взоръ его не гаснетъ въ туманѣ.

Ночь распахнула звѣздистый вѣеръ свой. Темно.

– Взойди-ка на кровлю, Касимъ; присмотрись, не канетъ ли капель росы съ молодаго рога май-мѣсяца, не прячется ли онъ въ ночную радугу какъ жемчужина въ перломутровую раковину.

– Нѣтъ, *ами!* Въ чистой синевѣ плыветъ мѣсяцъ: не слезы а стрѣлы сыплетъ онъ на море! Кровли сухи, какъ степь Мугана: по нимъ весело бѣгаютъ скорпіоны: вѣщуютъ зной и на завтра!

– Бѣда безъ дождя! говоритъ старикъ дядя, засыпая; а городъ ужъ спитъ.

Только перекликъ часовыхъ обвиваетъ дряхлыя стѣны звеньями звука, да море мѣрною зыбью ходитъ по берегу..... Вы бы сказали – это души покойниковъ бесѣдуютъ съ вѣчностью: такъ все кругомъ сходно съ кладбищемъ!

Край моря сквозитъ пожаромъ. Ласточки опередили своимъ привѣтнымъ щебетаньемъ кличъ муллы надъ мечетью; но и мулла не поздняя птичка; онъ ужъ поетъ, ходя вокругъ купола **, склонивъ голову на ладонь: «Проснитесь, правовѣрные! встаньте! потому что молитва лучше сна.»

– Взбѣги на кровлю, Касимъ; погляди, не катится

* *Кызылъ-гюль*, золотая съ камнями бляха, женскій уборъ. Собственно, *кызылъ-гюль* значитъ «красная роза».

** Замѣтьте, что мусульмане шіиты не строятъ минаретовъ у мечетей, тогда какъ у суннитовъ минаретъ есть необходимость.

Digitized by Google

ли туманъ съ Горъ Лезгистана. Не чернѣетъ ли море, не скачетъ ли бѣлогривый прибой черезъ камни?

– Нѣтъ, *ами!* горы облиты божьей позолотой; море сверкаетъ будто зеркало. Флагъ на крѣпости Нарынкале обнялъ древко, какъ обнимаетъ *чадра* станъ красавицы. Ни одна волна не разсыплется жемчугомъ на берегъ; ни малѣйшій вѣтерокъ не завьетъ въ кудри пыли по дорогѣ. Смирно все на море, тихо все на землѣ, ясно на небѣ!

Старикъ дядя закручинился. Совершивъ омовенье, онъ вышелъ для молитвы на плоскую кровлю, разостлалъ коверъ по мягкому *кыру* *, сталъ на колѣни, и, когда кончилъ молитву изъ памяти, горячо молился еще изъ сердца.

– *Бисми'льляхи'ръ-рахмани'ръ-рахимъ!* произнесъ онъ, обводя печальнымъ взоромъ окрестность: во имя Бога, всемилосердаго и всеблагаго, будетъ слово мое. Облака вешніе, дѣти нашего моря! зачѣмъ вы стадитесь по хребтамъ и прячетесь въ ущелья? Или вы, какъ разбойники Лезгины, любите рыскать по утесамъ и дремать на остріе вершинъ? Зачѣмъ же вы, забравъ съ нашихъ луговъ въ добычу всю влажность, расточаете ее безумно на голые камни, распрыскиваете свой жемчугъ на кудри лѣсовъ недоступныхъ человѣку, и поите до бѣшенства горные потоки, которые врываются въ наши долины злятого чтобъ унести или залить берега, или засыпать ихъ осколками, будто обглоданными костями своихъ жертвъ. Дѣти неблагодарные! посмотрите, какъ мать ваша, земля, раскрыла тысячи устъ своихъ..... она сгараетъ отъ жажды, она проситъ напиться! Посмотрите, какъ меньшіе братья ваши колоски дрожатъ, бѣдняжки, безъ вѣтра, ломаются подъ кузнечикомъ, вы-

* *Кыръ*, нефть, смѣшанная съ пескомъ; имъ обливаютъ плоскія кровли домовъ, сверхъ земли.

Digitized by Google

тягиваютъ головки, думаютъ высосать изъ воздуха влагу и встрѣчаютъ лучъ, который подсѣкаетъ ихъ словно раскаленною косою. Засуха выпила водоводы, въ нихъ уже перепелъ вьетъ гнѣзно, а паутина заплела всѣ бороздки. Жаркій вѣтеръ безвременно и насильно отнялъ у цвѣтовъ благоуханіе и разбросалъ по степи листья. Дерева блекнутъ, трава горитъ, марена чахнетъ. Буйволы бодаютъ другъ друга за лужу; голодные кони роютъ копытомъ нагую землю; мальчики дерутся у фонтана за оскудѣвшую струю.... *Первіядеръ*, Всевышній, что будетъ съ нами! Засуха мать голода, а голодъ отецъ болѣзней, братъ разбоевъ! Вѣтеръ горный, вѣтеръ свѣжій! принеси намъ на крыльяхъ своихъ благодать Божію. Облака, сосцы жизни! пролейте небесное молоко на землю, разразитесь грозой, но смойте съ лица земли загаръ, свѣйте укоръ въ безплодіи. Бросьте стрѣлы свои на грѣшныхъ, но обрадуйте невинныхъ..... вѣдь не всѣ — грѣшники на свѣтѣ, и въ лонѣ вашемъ не однѣ молніи: есть и дождь освѣжающій; есть не только страхъ, но и надежда. Сизыя тучи, крылья ангеловъ! повѣйте намъ прохладой, отряхните съ себя росу. О, летите же, спѣшите! Милости просимъ.

Нейдутъ тучи, не слушаютъ приглашеній. Жарко, душно въ Дербендѣ. Засуха томитъ окрестность.

И это было въ маѣ мѣсяцѣ, въ ту пору, когда Ладожскій ледъ грозитъ Петербургскимъ мостамъ по три раза на день, затираетъ въ своихъ холодныхъ объятіяхъ пестренькіе ялботы и навѣваетъ на столичную атмосферу прохладу и насморки; въ ту пору, когда красавицы большаго свѣта выходятъ толпами на Невскій Проспектъ *пользоваться свѣжею пылью*, округляя прелестныя формы своихъ капотовъ ватою, безъ всякаго нареканія; въ ту пору, когда сѣверная Пальмира не знаетъ еще другихъ цвѣтовъ кромѣ рас-

Digitized by Google

пускающихся подъ творческою рукою Лапиной, другихъ благоуханій кромѣ высиженныхъ въ баночкѣ, однимъ словомъ, въ ту прекрасную пору, когда тающая бѣлая зима уступаетъ свое мѣсто зеленой зимѣ; когда сѣверный зефиръ, питомецъ Лапландіи, еще переноситъ румянецъ щекъ на кончикъ носа, и камелекъ, это Русское солнце, отогрѣваетъ любезность, дрожащую отъ прогулки, или остроуміе, съеженное разводомъ. Да; въ Дербендѣ заботились о жатвѣ, когда въ Петербургѣ еще толкуютъ о дороговизнѣ дровъ.

Вотъ уже пять недѣль не кануло капли дождя на поля южнаго Дагестана, а засуха есть величайшее изъ бѣдъ въ жаркомъ климатѣ, особенно если она падетъ весеннею порою. Она лишаетъ тогда все дышащее настоящаго и будущаго пропитанія, пожигая пажити и жатвы. Въ краю, гдѣ перевозъ хлѣба изъ другихъ областей или очень затруднителенъ или вовсе невозможенъ, голодъ есть неминуемый наслѣдникъ неурожая. Азіятецъ искони живетъ день до вечера, не вспоминая, что было третьяго дня, не заботясь, что случится послѣ-завтра; живетъ именно спустя рукава, потому что лѣнь и безпечность — его лучшія наслажденія. Но когда бѣдствіе, которое онъ полагалъ за тридесять невозможностей отъ себя, вдругъ разступается подъ его ногами, когда «завтра» становится «сегодня», онъ пробуждается опромѣтью, начинаетъ плакаться, что нѣтъ средствъ, или роптать, что не даютъ ему средствъ, вмѣсто того чтобы искать ихъ; шумитъ, когда надобно дѣйствовать, и увеличиваетъ опасность испугомъ въ той же мѣрѣ, какъ онъ уменьшалъ ее невѣріемъ. Можете теперь вообразить, каково было уныніе въ Дербендѣ, когда ранніе жары своимъ палящимъ дыханіемъ стали пепелить надежды купца и земледѣльца, а почти всѣ жители Дербенда, вмѣстѣ земледѣльцы и купцы, распахиваютъ свои

Digitized by Google

участки наполовину подъ пшеницу, наполовину подъ марену.

Да и правду сказать, имъ на этомъ разъ было много законныхъ причинъ къ страху. Окрестные Дагестанцы, со времени Кази-Муллы, были достойно казнены голодомъ за мятежъ свой. Въ пору посѣва они сѣяли пули; въ пору жатвы пожали месть: конь и огонь опустошили ихъ нивы, или вѣтеръ осени развѣялъ не снятые хлѣба, оттого что горцы лѣто и осень бѣгали за знаменами изувѣра или прятались отъ Русскихъ въ глубинѣ пещеръ. Тогда лишь коса смерти гуляла въ полѣ.

Слѣдствія угадать было не трудно. На другое лѣто, озими были съѣдены не въ зернѣ, а въ колосѣ. Все, что пощадила война, какъ то, мѣдная посуда, дорогое оружіе, хорошіе ковры, продавалось на городскихъ базарахъ забезцѣнъ, для купли необыкновенно вздорожавшей муки. У кого и этого не было, доѣдали стада свои, ушедшіе отъ зубовъ друзей и непріятелей. Наконецъ толпами стали сходится нищіе съ горъ просить въ городахъ милостыни. Попечительное начальство приняло всѣ мѣры для отвращенія голода и монополіи перекупщиковъ. Корабли пришли съ мукой изъ Астрахани; богатые были приглашены пожертвовать избытками для спасенія бѣдныхъ, и навремя народъ успокоился. Урожай могъ все поправить.

Дербендцы только-что отпраздновали тогда *хатыль*, религіозно-театральное воспоминаніе о судьбѣ Шахъ-Гуссейна, перваго мученика-халифа секты Аліевой. Предавшись съ ребяческимъ простодушіемъ мелочнымъ заботамъ и обрядамъ этого праздника, единственнаго развлеченія народнаго въ круглый годъ, они въ свѣжести ночей, посвященныхъ представленіямъ, вовсе забыли о жатвѣ и о зноѣ. Чего

Digitized by Google

забыли! они радовались неразъ, что дождь не мѣшаетъ ихъ дикимъ забавамъ. Но когда утихъ шумъ празднества и они изъ минувшаго воротились въ дѣйствительность; когда, хорошо выспавшись, взглянули они за ворота городскія, созженный видъ полей обдалъ ихъ варомъ. Страхъ голода, или,—что для корыстолюбца гораздо хуже голода,—страхъ убытка, подкрался къ нимъ на цыпочкахъ, со стклянкой розовой воды въ рукѣ, подъ звукъ бубновъ да пѣсенъ, и тѣмъ ужаснѣе показалась всѣмъ его блѣдная образина, чѣмъ неожиданнѣе она оскалилась передъ ними. Посмотрѣли бы вы тогда, какъ зашевелились всѣ черныя и красныя бороды, какъ пошли стучать всѣ деревянныя и янтарныя четки Дербенда. Всѣ лица вытянулись восклицательными знаками; на всѣхъ ртахъ бродили междуметія. На базарахъ въ караванъ-сераяхъ, по угламъ улицъ, вездѣ гдѣ только лежало нѣсколько бревенъ или камней, навѣрно ужъ сидѣла кучка Татаръ на корточкахъ, толкуя о погодѣ, а толки о погодѣ, которыя у Европейскихъ горожанъ безпрестанно повторяются и ни кѣмъ не слушаются, ложились свинчатками на сердца Дербендцевъ. Шутка ли, въ самомъ дѣлѣ, потерять отъ засухи марену, единственный источникъ ихъ благосостоянія, или платить за пшеницу на вѣсъ серебра? Бѣдные трепетали за жизнь свою, богатые за кошелекъ. Однимъ грозила нищета, другимъ невольная благотворительность. Желудки и кармацы ежились при одной мысли о дороговизнѣ; все ахало и охало; «а какъ скоро, говоритъ Монтань, кто заженъ страхомъ болѣзни, тотъ уже зараженъ болѣзнію страха»*. Тутъ мечта превращается въ дѣйствительность, и здоровое настоящее заранѣе мучится буду-

* Бомаршѣ въ числѣ другихъ остротъ, занятыхъ у Монтаня, вложилъ эту въ уста Фигаро.

Digitized by Google

щимъ, которое можетъ-быть совсѣмъ не придетъ или придетъ совершенно иное.

Вспомнимъ про недавнюю холеру; вспомнимъ какимъ разрушительнымъ ужасомъ нахлынула на Русь вѣсть о набѣгѣ этого Индійскаго чудовища, этой причудливой заразы, которую не могли оковать цѣпи, не могли умолить молодость и здоровье; которая безъ разбору поражала осторожнаго и невоздержнаго, безстрашнаго и труса. Сначала мысль о холерѣ отравила самый воздухъ, не только радости, но мало-по-малу человѣкъ свыкся съ разрушеніемъ, которое онъ видѣлъ кругомъ и впереди. Плачъ былъ коротокъ тогда; съ нимъ рядомъ слышался порою смѣхъ, и если подъ конецъ люди не пѣли и не плясали, такъ это потому только, что самый страхъ смерти не отъучилъ ихъ лицемѣрить.

Какъ бы то ни было, а страхъ неурожая одолѣлъ Дербендцами. Мусульмане давай молиться въ мечетяхъ: нейдетъ дождь! Давай потомъ молиться въ чистомъ полѣ, въ надеждѣ, что Аллаху сквозь открытое небо слышнѣе будутъ ихъ мольбы чѣмъ сквозь плитные своды: ни капли! Пождутъ, поглядятъ, — небо словно мѣдное, такъ и таетъ лучами, а раскаленная земля разсыпается подъ ногою въ окалины и жадно пьетъ капли пота, падающія съ лица богомольцевъ. Что дѣлать?..... Принялись за языческія новѣрья. Мальчики разстилали платки на перекресткахъ, и сбирали съ проходящихъ деньги на воскъ да розовую воду; и потомъ, обвязавъ вѣтвями хорошенькаго какъ ангелъ мальчика, обвѣсивъ, разукрасивъ этотъ пукъ цвѣтами и лентами, пробѣгали по улицамъ, напѣвая въ ладъ пѣсни въ честь *Гюдуля*, вѣроятно когда-то бога росъ и дождей. Говорю — вѣроятно, потому что я не могъ собрать объ немъ ни какихъ положительныхъ свѣдѣній. Призываніе дождя заключалось обыкновенно припѣвомъ:

Digitized by Google

Гюдуль, Гюдуль, хошъ гяльды!
Ардындань ягышъ гяльды!
Гялинъ, аяга дурь-сань-а,
Чюмчанынъ долдурь-сань-а!*

«Гюдуль, Гюдуль, добро пожаловать!
Во слѣдъ тебя дождикъ идетъ!
Встань, красавица, на ноги,
Поди пополнить свой ковшъ.»

Молодежь, плеща руками, плясала и пѣла кругомъ веселымъ хороводомъ съ самоувѣренностью простодушія, и — глядите! — въ самомъ дѣлѣ влажныя облака загасили солнце..... Небо нахмурилось какъ скупецъ на разстаньяхъ съ деньгами, тѣнь какъ чужая собака убѣжала прочь поджавши хвостикъ; окрестность померкла; зато глаза всѣхъ заблистали и со слезами радости обратились на встрѣчу живой водѣ..... Сталъ капать дождикъ. *Аллахъ! Аллахъ!* раздалось въ воздухѣ, и клики торжества, шипя какъ ракеты, крестились надъ Дербендомъ. Напрасные, преждевременные клики! Подулъ вѣтеръ изъ Персіи, жаркій словно лисья шуба, и спахнулъ долой перелетное облачко. Солнце вдругъ засверкало ярче прежняго, и пуще прежняго запечалился народъ.

Минулъ еще день. Вотъ еще день, какъ усталый путникъ по знойной степи, жарко дыша, прошелъ за горы. Всѣ молятъ, все ждетъ дождя.....

Нейдетъ!

—

* Нѣкоторые наши писатели напрасно думаютъ, будто *чюмъ, чюмча*, значитъ мѣхъ, outre, а не ковшъ. Слово это сохранилось въ Адербаеджанскомъ нарѣчіи доселѣ, и присвоено деревянному ковшу. Металлическій ковшъ, всегда возимый на сѣдлѣ, называютъ они *джамъ*. *Чюмъ-ча* (*ча* или *джа* прибавляютъ Татары ко многимъ словамъ для образованія уменшительнаго) очевидно мать Русской «чумички».

Digitized by Google

II.

Халкъ, народъ.
Бербадъ, чепуха.

ТАТАРСКІЙ СЛОВАРЬ.

Когда вы поѣдете черезъ Дербендъ, непремѣнно зайдите посмотрѣть главную *месджидъ*,—а то вамъ право нечего будетъ про этотъ богоспасаемый городъ, иже на Хвалынскомъ Морѣ, разсказывать или вспоминать. Мечеть эта,—такъ станете вы разглагольствовать, пощелкивая указательнымъ пальцемъ по табакеркѣ, или прижимая имъ табакъ въ трубкѣ своей,—мечеть эта по всей вѣроятности была встарину христіянскою церковью (не запинайтесь: я все приму на себя), потому что она лицемъ стоитъ на Востокъ а магометанскія мечети обыкновенно обращены входомъ къ сѣверо-востоку, чтобы молиться на Мекку и Медину, то есть, на юго-западъ. Во-вторыхъ слѣды, теперь сломаннаго, алтаря очевидны, и хотя Татары утверждаютъ, будто она построена въ первомъ вѣкѣ гиджры (около тысячи двухъ сотъ лѣтъ назадъ), но мы, опираясь на исчисленіе Греческихъ епархій, въ которомъ Дербендская упомянута очень правильно, можемъ полагать поосновательнѣе, что древность этого храма гораздо глубже. Широкій четвероугольный дворъ, помощенный плитою, осѣненный огромными чинарами, съ водоемомъ посереди, разстилается будто коверъ гостепріимства передъ мечетью. Трое воротъ, всегда отверзтыхъ, призываютъ правовѣрныхъ отъ мірскихъ заботъ въ затишье думы о небѣ. Восточная сторона занята рядомъ келій; сѣверная, высокимъ навѣсомъ *айванъ*, убѣжищемъ молельщиковъ отъ лѣтняго зноя. На западъ возвышается древняя, мхомъ прозеленѣвшая, стѣна мечети, во всю длину двора; ее подпираютъ плечомъ дебелые устои. Надъ срединою зданія восходитъ къ небу, какъ молитва, заостренный

Digitized by Google

куполъ, и маковка его разсыпается лучами звѣзды*. Стихъ изъ Корана горитъ надъ главными дверями. Входите, и вдругъ какой-то влажный сумракъ объемлетъ васъ, невольное безмолвіе уваженія покоряетъ (вылитый Шатобріанъ!). Долой туфли, прочь мысли-смутницы! Не вносите въ домъ Аллаха грязи улицъ вашихъ, грязи вашихъ помысловъ. Преклоните къ землѣ колѣни, а сердце вознесите къ небу..... Считайте по четкамъ не барыши, а грѣхи свои. *Ля иляге, илль Аллахъ, ве Мухаммеду ресулю'льлахъ!* (здѣсь для эффекту вы можете чихнуть). Нѣтъ божества кромѣ Бога, а Мухаммедъ посолъ Бога! Тихо журчитъ молитва правовѣрныхъ: сидя на колѣняхъ или припавъ челомъ къ ковру, они погружены въ благоговѣніе; и ни слухъ ни взоръ не вызываетъ ихъ вниманія на окружные предметы. Направо и налѣво по два ряда аркадъ со стрѣльчатыми сводами, переплетая на помостѣ тѣни столбовъ своихъ, уходятъ въ сумракъ. Тамъ и сямъ купы молящихся чуть озарены блѣднымъ лучемъ, заронившимся во мглу сквозь небольшія окна сверху. Ласточки рѣютъ подъ куполомъ и вылетаютъ въ поднебесье, будто слова моленія; все дышетъ отсутствіемъ настоящаго (это хоть бы въ историческій романъ годилось) и навѣваетъ прохладно-отрадныя чувства усталому сердцу. Память перебираетъ струны давно минувшаго и мыслитъ — гдѣ же вы христіане, зиждители этого храма? гдѣ о васъ поминки? Вы забыты, даже въ баснословной исторіи Дербенда, въ *Дербендъ-намѣ*, и кровожадные стихи Корана раздаются тамъ, гдѣ звучали нѣкогда священныя пѣсни благовѣстія!

Дворъ мечети у мусульманъ Дагестана и всѣхъ горцевъ есть вѣчевая площадь. Туда сбираются они

* Замѣчательно, что шіиты не украшаютъ полумѣсяцемъ своихъ мечетей: на нихъ или рука, или звѣзда, или просто яблоко.

Digitized by Google

толковать о раскладкѣ повинностей и для ябедническихъ сдѣлокъ противъ начальниковъ. Тамъ притонъ пересудовъ и судъ мнѣнія, ристалище происковъ и суевѣрій; и все это у порога правды и вѣры: стра-ное проявленіе дерзости и лицемѣрія человѣка, который вмѣсто того чтобъ трепетать сосѣдства святыни, говоря или совершая зло, старается укрыться подъ тѣнь ея и ея именемъ скрѣпить свои замыслы!

Такъ и во время бездождія дворъ главной Дербенд; ской мечети кипѣлъ народомъ. Вкругъ изсо[illegible] аго во доема подъ тѣнью чинаровъ, па галлереѣ еще блестящей зеркалами, парчами, золотошвенными занавѣска ми, знаменами съ надписью изъ Корана, толпы притекали и утекали. Красноглаголивые *мюэммины*, то есть, крѣпковѣрные, составляли средоточія многихъ кружковъ. Около нихъ дружною цѣпью тѣснились *бюкъ-сакаллы*, долгобородые, то есть, вся косматая премудрость мусульманъ, потому что у нихъ умъ не иначе свиваетъ гнѣздо какъ въ бородѣ,—вещь чрезвычайно удобная для статистическихъ обозрѣній: вамъ стоитъ только подвесть итоги ко всѣмъ бородамъ, и вы будете имѣть мѣру Татарскаго ума въ Англійскихъ футахъ или въ аршинахъ; можете безошибочно сказать тогда, что въ такой-то мусульманской провинціи умственныя способности народа, вытянутыя въ волосокъ, равняются напримѣръ сотнѣ верстъ длинннику, принявъ, разумѣется, въ уваженіе число выбывающихъ бородъ по случаю смерти къ числу бородъ отпускаемыхъ вновь*. Очень жаль, что Мальте-

* Въ Европѣ имѣютъ совершенно ложное понятіе о неприкосновенности бородъ у мусульманъ: воображаютъ, что у нихъ считается смѣртнымъ грѣхомъ брить бороду, между-тѣмъ какъ по-крайней-мѣрѣ двѣ трети молодыхъ людей, лѣтъ до тридцати, не запускаютъ себѣ бороды, а франты и до сорока лѣтъ брѣются, особенно въ Турціи. Вотъ почему Султанъ не встрѣтилъ противудѣйствія за бороды при

Digitized by Google

брунъ или Мальтусъ—да почему же и не оба!—не вздумали и не выдумали найти точнаго соотношенія между двумя знаменателями Европейскаго и Азіятскаго умовъ, бородою и перомъ. Если когда-нибудь эта геніяльная догадка пойдетъ въ дѣло, и подобная перепись произведется на *семъ основаніи*, я непремѣнно потребую патента на изобрѣтеніе.

Промежду длинными бородами изъ втораго круга, и то съ великимъ подобострастіемъ, осмѣливались просовывать носы свои *тюли*, то есть, полубородые, молодые люди уже съ усами но еще безъ рѣчей, потому что въ Азіи уста, не вооруженные волосами, не смѣютъ на совѣтѣ отверзаться, развѣ для того только чтобъ зѣвнуть. *Тюксюсы*, или безбородые, отроки или юноши отъ десяти до семнадцати лѣтъ, бродили поодаль, не имѣя права мѣшаться не только въ важныя дѣла но даже просто въ разговоры со старшими. Тамъ-то видѣлось первобытное общество въ простѣйшемъ своемъ выраженіи,—съ тремя ступенями правъ, которыхъ стихійное начало есть борода.

Однако жъ изъ бородъ всѣхъ величинъ и всѣхъ цвѣтовъ радуги, бородъ, раскрашенныхъ хиною и природою, Дербендскіе мудрецы не могли выжать ни капли дождя, ни выдумки чѣмъ бы замѣнить его. Говорили много, спорили еще болѣе, такъ, что на потокѣ ихъ пусторѣчья можно бы выстроить мельницу о четырехъ поставахъ, тѣмъ лучше кстати, что старыя мельницы за безводьемъ не мололи уже недѣлю. Всѣ разсужденія однако жъ оканчивались отчаяннымъ во-

образованіи регулярнаго войска, какъ это было при Петрѣ Великомъ на Руси. Правда, когда мусульманинъ разъ запуститъ бороду, онъ считаетъ грѣхомъ сбрить ее, но онъ можетъ безъ нареканія не запускать бороды до старости. Желая остепениться, мусульманинъ сзываетъ родныхъ и знакомыхъ на пирушку, и объявляетъ имъ торжественно, что онъ отпускаетъ себѣ бороду. Этотъ праздникъ называется у нихъ *Сакалъ-коляу зіафети*.

Digitized by Google

просомъ — *неджелеихъ?* что жъ будемъ дѣлать? А затѣмъ на мигъ воцарялось молчаніе; а затѣмъ взлетала на воздухъ стая оховъ и вздоховъ. Плечи подымались до ушей, брови до шапокъ; ропотъ сливался въ умолительное восклицаніе: — *аманъ, аманъ!* пощади, помилуй! Вотъ наконецъ возвысилъ рѣчь одинъ ага-миръ*, мужъ святой по наслѣдству, ибо онъ былъ родственникъ Магомета, а родственники Магомета, какъ извѣстно и доказано, получили отъ него съ зелеными чалмами духъ святости въ вѣчное и потомственное владѣніе. Набравшись вдохновенія свыше и дыму изъ кальяна, онъ изронилъ золотое слово изъ устъ своихъ, смѣшанное съ благоуханіемъ Ширазскаго табаку.

— *Аманъ, аманъ,* взываете вы къ Аллаху! А! Дербендцы принялись, небось, просить пощады у Бога, и тузить себя въ грудь, и съ горя щипать себѣ бороду! И вы думаете, что Аллахъ будетъ такъ простъ, что за одно слово проститъ васъ? что повѣритъ на слово вашему раскаянію? *Хейръ, юлдашляръ, хейръ!* нѣтъ, товарищи, нѣтъ! Наѣвшись грязи, Корана не цѣлуютъ! Бога не обманешь поклонами да жалобнымъ голосомъ, какъ Русскаго коменданта: знаетъ онъ васъ давно! Сердца ваши исписаны грѣхами чернѣе чѣмъ книга *Седжиль*, въ которую зано-

* То есть, ага-эмиръ, господинъ князь; иногда называютъ ихъ «сеидами». Ага-миры пользуются до-сихъ-поръ большимъ уваженіемъ между мусульманами, и особа ихъ считается неприкосновенною. Не получивъ власти въ удѣлъ себѣ въ Персіи и полагая унизительнымъ заниматься чѣмъ-нибудь по-прибыточнѣе ханжества, они составляютъ самый бѣдный и тунеядный классъ народа. Гордые и заносчивые, они горько упрекаютъ тѣхъ изъ собратій своихъ, которые рѣшаются служить Русскому правительству. Надобно замѣтить, что ага-миры секты Шіи не носятъ зеленой чалмы, какъ Турецкіе эмиры, и ничѣмъ не отличаются въ одеждѣ. У нихъ рѣдко и *гаджи* (пильгримы, путешественники въ Мекку) обвиваютъ папахъ бѣлой чалмою, между-тѣмъ какъ суннаиты почитаютъ это долгомъ.

Digitized by Google

сить ангелъ Джебраилъ злодѣянія человѣческія, а вы и не думаете вымыть сердецъ своихъ въ молитвѣ и постѣ. Придетъ ли *ураза* (постъ великій), въ который, днемъ, набожной душѣ страшно хлебнуть даже дыму трубки *, а вы, смотришь, гдѣ-нибудь за угломъ чурекъ грызете, либо у свиноѣдовъ чаекъ распиваете, будто вамъ мало ночи наѣдаться раза по три, до того что кушакъ рвется! И вотъ вамъ за то адское дерево *закумъ* проросло на землю. Кушайте же его горькіе плоды, плоды-головки змѣины. Охотники вы пить тайкомъ жидкій грѣхъ, смертный грѣхъ, — водку, да вѣдь отъ Аллаха не запрешь воротъ на-запоръ, не увѣришь его, что это дѣлается не-хотя, болѣзни ради, *дерманъ еринда* **, вмѣсто лекарства! Онъ стережетъ за вами окомъ солнца въ день и тысячами тысячъ глазъ-звѣздочекъ почью. Онъ знаетъ по имени каждую мысль въ вашей головѣ, слышитъ малѣйшій шепотъ сердецъ вашихъ. Какъ же не знать всеѣдущему ему, когда я, не кала-бекъ ***, а знаю, что вы не только на водку, да и на вино, посягаете своими многогрѣшными устами! «Кто на землѣ пьетъ вино безумія, того не напою я изъ потока радости, текущаго виномъ въ *дженнетѣ*!» сказалъ Аллахъ пророку нашему. Не надѣйтесь же вы, винопійцы, испить въ раю вина блаженства, обѣщаннаго пророкомъ, затѣмъ что вы сосете проклятіе изъ бутылокъ, слѣпленныхъ невѣрными руками на вашу пагубу! Не надѣйтесь и дождя на ваши нивы, за то, что вы изсушили до дна терпѣніе Божіе огнемъ порочныхъ желаній вашихъ! Это вамъ задатокъ той мучительной жажды, которою накажетесь въ *джегеннемѣ*. И рас-

* Азіятцы говорятъ «пить табакъ» или «тянуть трубку»: *тютюнъ чмакъ, люлля чекмакъ. Тютюнъ* собственно значитъ «дымъ».

** Водка позволена правовѣрнымъ только въ случаѣ недуга, требующаго спиртныхъ лекарствъ, и то въ крайности.

*** Полицеймейстеръ въ мусульманскихъ городахъ.

Digitized by Google

трескаются ваши уста, прося капли воды, какъ растрескалась теперь земля, и ни росинка не падетъ имъ въ освѣженіе. Аллахъ великъ! Вы сами накликали себѣ на голову проклятіе.....

— Но за что, прости Господи, терпимъ за васъ мы, въ чьихъ жилахъ течетъ чистая кровь пророка, въ чьихъ головахъ пересыпаются какъ жемчугъ святыя правила Корана? *Вай, вай!* подкопали грѣхи стѣну *эль-Арафъ*, дѣлившую праведныхъ отъ неправедныхъ, и она падаетъ всѣмъ на голову, давитъ и того, который ни разу не ѣлъ съ гяурами баранины, убитой и очищенной не по закону, и того, который ѣстъ пилавъ не пальцами а богопротивною ложкой, сидя..... о времена, о нравы!..... сидя на стулѣ, а не какъ Богъ показалъ, на пятахъ! И тѣхъ.....

Всеобщій плачъ и восклики *шахъ Гусейнъ*, *вай Гусейнъ*, заглушили проповѣдника: вѣдь слезы на Востокѣ ни почемъ. Я подозрѣваю впрочемъ, что всѣ эти продѣлки печали и набожности клонились къ тому чтобъ замять помилуйную переклпчку грѣховъ, а можетъ быть и грѣшниковъ: на ворѣ и шапка горитъ, говоритъ пословица, — какъ же не горѣть щекамъ? Мусульманинъ на своемъ коврѣ заткнетъ за поясъ любаго изъ Европейскихъ развратниковъ, зато внѣ дома онъ важенъ и степененъ, не сдѣлаетъ не приличнаго движенія, не обмолвится скоромнымъ словомъ, и лучше пырните его по дружески кинжаломъ въ бокъ, чѣмъ разсказывать на *майданѣ* (площади) про его задверныя проказы. На перекоръ Европейцамъ, базары мусульманъ — самая нравственная часть ихъ городовъ, а пороги самая нравственная часть домовъ ихъ, и то я разумѣю половинку глядящую на улицу: это не моя тайна!

Видя, что рѣчь задѣла слушателей за живое, бородатый цвѣтословъ пріосанился, торжественно крякнулъ и, раскинувъ взоры по всѣмъ угламъ двора, воз-

Digitized by Google

велъ ихъ наконецъ къ небу съ тихимъ восклицаніемъ— *эль хамду ли'ллахъ!* Правая рука его въ то время грозно сжимала красную его бороду, такъ что онъ страхъ входилъ на Юпитера, готоваго бросить пукъ молній. И, правду сказать, лихой былъ «низатель бисера»* этотъ Миръ-Гаджи-Фетхали-Исмаиль-оглы! Бывало, какъ пуститъ дробь языкомъ,—ну соловей, точно соловей! Каждое слово какъ сахарный *ногуль*** катится, будто розовая вода на душу льется; да и столько онъ набьетъ вамъ въ уши Фарсійскихъ и Арабскихъ рѣченій, что руки врознь; двухъ человѣкъ въ цѣломъ Дагестанѣ не найдешь, кто бы его понялъ, хоть въ половину,—а въ Дагестанѣ, благодаря Аллаху, живутъ не собаки. Случалось, что даже комендантскій мирза, человѣкъ, который съѣлъ всѣхъ стихотворцевъ Фарсистана, какъ примется переводить ага-мира,—да и языкъ проглотитъ. Куда ему!

Хорошо сказалъ нашъ *сафія**** свое поученіе, и самому стало хорошо. Вокругъ него всѣ жузжали какъ пчелы—*Дюрюстъ сюзъ!* правое слово! *Герчекъ-диды!* истину говоритъ! *Аллахъ, ишаллахъ!* И всѣ какъ пчелы кормили его медомъ похвалъ. Облизнувшись очень умильно, крѣпковѣрный сказалъ своему кружку: —*Кулагъ асъ, кардашляръ!* развѣсьте уши, братія,—и уже по ласковѣе началъ:

— Что дѣлать, однако жъ, товарищи! кто не виноватъ Аллаху! До третьяго неба выросли грѣхи наши, но еще четыре неба осталось Божіей милости. Наказываетъ онъ правыхъ вмѣстѣ съ виноватыми, зато за одного праведника милуетъ цѣлые народы нечестивыхъ. У грѣшныхъ и безгрѣшныхъ желудокъ проситъ ѣсть одинаково, и мы всѣ молились о дождѣ одинаково. Видно не взошла на небо молитва наша, за-

* Ораторъ, поэтъ, краснословъ.

** Конфеты изъ обсахаренныхъ орѣховъ.

*** Краснорѣчивый человѣкъ.

Digitized by Google

брызганная грязью помысловъ! Нѣтъ успѣха! Скажу, братья, одно слово: не знаю придется ли оно вамъ по душѣ, а слово это будто ангелъ обронилъ изъ своей думы. Отцы и дѣды наши въ истому засухи выбирали, какъ сами вы слышали, сами своими глазами видѣли, чистаго душой и тѣломъ юношу, и посылали его со своей молитвой къ Аллаху ближе, на высь горъ. И онъ долженъ бывалъ набрать снѣгу съ темени Шахъ-дага въ кувшинъ, и молиться за своихъ ближнихъ съ теплою вѣрою, и принести этотъ кувшинъ, не ставя его на землю, въ Дербендъ, и вылить растаявшій снѣгъ въ море. Аллахъ великъ! Море закипало, и тучи слетались откуда невидимо, и благодатный ливень напоялъ, живилъ мертвую землю!

«Правда! *!Аллахъ акберъ!* я, мы, всѣ видѣли, загремѣла тысяча голосовъ: восемъ лѣтъ, десять лѣтъ тому назадъ! Я самъ тутъ былъ! Мой братъ несъ воду! Чудо чудное! вода въ морѣ стала сладка какъ молоко..... капли дождя были съ яйцо куриное.» Наконецъ вся эта дребедень невнятныхъ восклицаній слилась въ явственный крикъ: «Выбрать юношу, послать его на Шахъ-дагъ!»

– На Шахъ-дагъ! заревѣлъ весь Дербендъ.

– На Шахъ-дагъ, повторило эхо мечети.

Казалось, это слово разрѣшило загадку, которая у всѣхъ свинцомъ лежала на сердцѣ; это слово проникало всѣхъ одною увѣренностью. Бородачи были рады средству, которое не стоитъ ни копѣйки. Молодежь съ гордостью думала: «Выбирать-то вѣдь станутъ изъ насъ!» Даже мальчишки веселѣй прыгали на одной ножкѣ, и какъ сороки щебетали: «На Шахъ-дагъ!» Стоитъ только выбрать молодца, толковали всѣ, и черезъ три дня каждая нива у насъ оборотится озеромъ. Дербендцы сводили счетъ безъ хозяина: многостоющимъ оказалось – *стоитъ послать*. Найти невинность: бездѣлица! Невинность въ горожанинѣ,

Digitized by Google

въ юношѣ и Азіятцѣ? Помилуйте, да такого клада въ нашъ вѣкъ если и на святой Руси поискать, такъ пары три желѣзныхъ чоботовъ стопчешь! А въ жаркомъ климатѣ и подавно.

Если нашъ ледяной истуканъ цѣломудрія подтаиваетъ отъ дыханія страстей питающихся Имзеновымъ шоколадомъ на Исландскомъ мху, то въ какую тѣнь спрятаться можно отъ Азіятскихъ желаній, стрѣляющихъ каленными ядрами? Слова нѣтъ, наше сѣверное игривое воображеніе, протопленное романами и вальсомъ, становится для насъ безвременно жаркимъ климатомъ; пороки у насъ—подснѣжники, взбѣгаютъ необыкновенно рано, а зрѣютъ гораздо ранѣе огурцовъ; но, господа, взгляните на термометръ Реомюра, прочтите надпись надъ 33 градусами тепла—*Жаръ крови*, и сознайтесь, что климатъ, который развиваетъ не только раннія страсти, да еще раннія для нихъ силы, что-нибудь да значитъ въ животной экономіи. Такія страсти не требуютъ теплицъ, орошенія виномъ и прививки чужихъ прихотей; нѣтъ, онѣ взбѣгаютъ безъ подпоръ и крѣпнутъ на воздухѣ или, лучше сказать, воздухомъ, который заряженъ двойнымъ патрономъ электричества, который дышетъ, вѣетъ, окачиваетъ негой и бросаетъ въ ваше сердце столь причудливыя мечты на яву, что вы подъ Русскимъ небомъ и во снѣ такихъ не видывали. Чтобъ судить и осуждать Востокъ, надо сбросить съ себя все Европейское: понятія, привычки, предразсудки, и рѣшительно сказать самому себѣ—Я сегодня родился. Но къ-этому надо привезть на Востокъ и тѣло гибкое, воспріимчивое, и душу съ не порванными еще струнами; и потомъ отдаться безусловно расплавкѣ знойной атмосферы, впечатлѣнію всѣхъ внѣшнихъ предметовъ, не процѣживая ихъ сквозь ветошь книжныхъ новѣрій, не мѣшая туда собственныхъ предубѣжденій. Предположивъ, что это хоть приблизительно

*

Digitized by Google

возможно, вы помиритесь со всѣмъ и со всѣми, что окружаетъ васъ. Вы сердцемъ убѣдитесь тогда, что природа и ея формы, люди и нравы ихъ, составляютъ тамъ недѣлимый гармоническій аккордъ, или еще того лучше, вы будете жить и дѣлать какъ сосѣди, не спрашивая и не заботясь – Почему?

Да-съ, растительность Востока, которому Дагестанъ служилъ переднею, быстра до невѣроятія и роскошна по мотовства, а жизнь Азіятца–полу-растеніе полу-животность. Мудрено ли жъ послѣ этого, или съ этимъ вмѣстѣ, что Дербендцы крѣпко затруднились, когда дѣло дошло до выбора? Въ самомъ дѣлѣ, найти юношу чистаго какъ снѣгъ, который долженъ собрать онъ; какъ лучъ, который растопитъ этотъ снѣгъ; найти человѣка, котораго уста не знали бы сладости завѣтнаго поцѣлуя, ни вкуса поросенка подъ хрѣномъ, – чортъ возьми, это не шутка подъ тѣнью виноградниковъ и персиковыхъ деревъ, и въ такихъ короткихъ связяхъ съ Русскими! Пошли толки и пересуды; всѣ разцвѣтающія репутаціи оборваны были по листику; и къ концу счета оставались тѣ же пять голыхъ пальцевъ. Этотъ слишкомъ молодъ, чтобъ могъ назваться невиннымъ; этотъ черезъ чуръ смышленъ, чтобы невиннымъ быть. У того нѣтъ пуху на щекахъ, а у того «пушокъ на рыльцѣ есть». Бѣда, да и только: старый за малаго хоронится. Никто не хочетъ принять на себя славы *тамисъ тамислярданъ*, чистаго изъ чистыхъ. Не находятъ достойнаго, или, кого находятъ такимъ, самъ отпирается. Споръ и переборъ этотъ дѣлалъ мало чести невинности Дербендцевъ, по-крайней-мѣрѣ много чести ихъ совѣсти. «Взять бы Сафаръ-Кули», говорили иные.–Онъ стыдливъ словно красная дѣвушка, да та бѣда, что недавно обезчестили у него коня, отрубилъ какой-то разбойникъ хвость, и это вѣрно не даромъ! (А почему не даромъ, спросите у барона Брамбеуса: онъ

Digitized by Google

жилъ съ мусульманами долго, и вѣрно растолкуетъ вамъ эту притчу. Я не растолкую; я имѣю на то свои причины.) «Не то Мурадъ-Амина?» — Онъ живетъ тихо, какъ цвѣтокъ цвѣтетъ; да сказываютъ, недавно былъ въ гостяхъ въ саду у этого стараго грѣшника Алескеръ-Бека и распѣвалъ такія пѣсни, что даже черти уши затыкали. Нельзя! — «Или Мехмедъ-Расуля?» — Про него нечего сказать худаго, а подумать можно. У нихъ въ домѣ живетъ премиленькая Лезгинка. Купилъ онъ ее во время голода у отца за двадцать рублей серебромъ, а теперь не продастъ и за сотню: человѣкъ вѣдь? *инсанъ дегильми?* Сабля — сталь, а и та безъ ноженъ ржавѣетъ.

Про того много говорятъ; другой самъ много говоритъ: ищутъ не сыщутъ достойнаго. Повѣсили Дербендцы свои буйныя головы..... Опять прежнее горе!

— А Искендеръ-Бекъ? сказалъ кто-то въ толпѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ подхватили многіе голоса: а Искендеръ-Бекъ-то на что? Да какъ это мы его забыли, какъ пропустили розу между цвѣтами, сокола между птицами? Аллахъ, Аллахъ! Или у насъ жаръ-то весь мозгъ изъ головы вытопилъ? Это странно! это непостижимо! это удивительно!

Я такъ ни крошки не нахожу тутъ удивительнаго. Не то что у Татаръ, у насъ православныхъ, не знаю какъ это дѣлается, только достойнѣйшихъ всегда вспоминаютъ напослѣдокъ; хорошо если еще вспоминаютъ. Это, должно полагать, отъ худаго механизма нашей памяти!

— Ну, слава Аллаху, нашли! Чего жъ даромъ зубы студить: Искендера такъ Искендера! Скорѣе звать, просить, тащить его! Ступай, бѣги къ нему! Дай Богъ удачи нашему Искендеръ-Беку, онъ выручитъ, онъ спасетъ насъ! Онъ не ѣстъ, не пьетъ, и дружбы не водитъ, съ гяурами. Не помнитъ кто, чтобы онъ хоть

Digitized by Google

разъ ночевалъ въ садахъ; никто не видывалъ, чтобы онъ поднялъ глаза на *чадру* (женское покрывало). Не поютъ ему пѣсенъ наши молодцы и дарить цвѣтовъ не смѣютъ: онъ живетъ ясенъ и одинокъ какъ мѣсяцъ въ ночи.

– Да, да, ступай къ Искендеръ-Беку, возразили кое-кто.

– Нѣтъ, братъ, къ нему не во всякій часъ суйся. Порою бываетъ такой крутой, что на козѣ не подъѣдешь; а гордъ всегда, всегда, и дома и на улицѣ, въ разгулѣ и съ просонья. Посмотрите-ка на него: идетъ нейдетъ, башмаки волочетъ, а разсядится – что твой кала-бекъ! Слово у него по цѣлковому, а улыбка, хоть ты колесомъ катайся, не выманешь: такой дутикъ! Къ нему итти, надо два раза подумать, да одинъ разъ хорошо выдумать!

Сгадали, сдумали, сложили совѣтъ: итти посломъ отъ всего Дербендскаго народа Гаджи-Фетхали-Исмаилъ-оглы, тому самому витіи, что говорилъ послѣднюю проповѣдь.

– Ты намъ вложилъ въ сердце выбрать изъ среды нашей молодца, ты же и бей челомъ, *башъ урсынъ*, Искендеръ-Беку. Пусть онъ на наше горе смилуется, на нашу прозьбу сдастся! Какъ хочешь, Гаджи-Фетхали: кромѣ тебя нѣкому уговорить его, кромѣ его нѣкому насъ выручить.

Отнѣкивался, отнѣкивался Миръ-Гаджи-Фетхали, – и онъ имѣлъ на то законныя причины, – однако жъ честолюбіе перемогло; уступилъ. Въ придачу къ нему послали еще двухъ почетныхъ бековъ, толстяка Гусейна и сухопараго Ферзали: то были два прилагательныхъ, безъ которыхъ какъ модныя Русскія, такъ и модныя Фарсійскія существительныя имена не выѣзжаютъ. Разумѣется и здѣсь употреблены были они вовсе не для смыслу, а для парада, для поддакиванья. Депутація отправилась.

Digitized by Google

– Уговоритъ, какъ ему не уговорить? раздавалось въ толпѣ. Фетхали если прибѣднится, такъ у нищаго полбороды выканючитъ..... Самаго шайтана перехитритъ!.... Змѣю на хвостѣ заставитъ плясать! Преумнѣйшая бестія! Препочтенный плутяга! Тебя же обманетъ, съ тебя жъ за то придачи возьметъ, да ты же ему и накланяешься. А какъ примется говорить, Господи твоя воля, какъ онъ говоритъ! Кажется языкъ у него не во рту, а въ сердцѣ; такъ цвѣты и сыплетъ: успѣвай только загребать ушами.

– *Эле дюръ*, точно такъ, прибавилъ другой: какъ станетъ Фетхали уговаривать пожертвовать на мечеть либо на *Кербелу* *, такъ не только мы, да и кисы наши ротъ разѣваютъ**. Не даромъ онъ хвалится, что «облегчаетъ» насъ!

Эта игра словъ развеселила всѣхъ кругстоящихъ, подстрекнула всѣхъ на злословіе, и бѣдному Фетхали вышили спину въ узоръ шелками Шемаханскими. Охотники Татары «умывать чужіе глаза розовою водою», то есть, льстить безъ милосердія: зато, чуть отвернись, распестрятъ они васъ вдоль и около. У нихъ, какъ и у насъ, бездѣлье замѣшано на пересудахъ, на *кайбетъ*. Люди вездѣ люди!

---

* *Кербела* – мѣсто могилы Гусейна, въ Иракѣ, близъ Багдада. Мусульмане секты Шіи ежегодно отправляются туда караванами, точно такъ же какъ въ Мекку. Для этого дѣлаютъ сборъ со всѣхъ правовѣрныхъ на молитву.

** Очень недавно случилось мнѣ прочесть чудесное толкованіе на Татарское слово *киса*, кошелекъ, занятое нами у Монгольскихъ Татаръ, а Татарами у Персіянъ, а Персіянами у Аравитянъ. «Кошельки говоритъ господинъ этимологъ, дѣлались въ старину (???) изъ *кошекъ* (не знаю, гдѣ видѣлъ и начиталъ онъ такую рѣдкость), а отъ ласкательнаго уменьшительнаго *кисочка* произошло *киса*». Бѣдная Татарская киса никогда не думала попасть въ такое четвероногое родство. Я бы спросилъ однако жъ, отчего происходитъ библейское слово *кошница?* Неужели хлѣбъ и рыбъ носили Іудеи въ кошачьихъ шкуркахъ? А кошель, кошелекъ и кошница, безъ-сомнѣнія, росли на одномъ корнѣ. Всѣ они родились отъ стариннаго *кошъ*, корзина.

Digitized by Google

III.

Эмюрумъ-баши гитты, яры, сенъ-сюсъ.

Безъ тебя, милая, вянетъ весна моей жизни.

ИЗЪ ПѢСНИ.

Достопочтенный Миръ-Гаджи-Фетхали-Исмаилъ-оглы тихо ступалъ съ камня на камень, подымаясь отъ мечети въ гору по узкой и кривой улицѣ. Полы его чухи, противъ обыкновенія не подобранныя, мели пыль; огромные каблуки его туфель безпрестанно подвертывались на клыкастой, неровной мостовой Дербенда, хотя Фетхали глядѣлъ такъ пристально себѣ подъ ноги, будто выбиралъ хорошенькій булыжникъ для перстня. То Гусейнъ, то Ферзали, почтенные его сопутники, одинъ пыхтя, другой кашляя, справа и слѣва закидывали ему вопросы: онъ не отвѣчалъ, не слышалъ ихъ; онъ дотого былъ разсѣянъ, что брызги его плевковъ летѣли на черную бороду Гусейна, и на розовую Ферзали, безъ извиненія: они оба осерчали.

– *На адамъ-дюръ бу?* сказалъ первый отирая полою лице: что это за человѣкъ? ему говорищь а онъ плюетъ! Изъ какого Фарсійскаго поэта укралъ онъ такую риѳму, чортовъ племянникъ!

– *Похъ онынъ башына!* грязи бы ему въ голову! воскликнулъ другой, стряхая бородку. Не даромъ сказано: если хозяинъ дома, такъ одной клички довольно, сейчасъ отопретъ двери; а коли дома нѣтъ, такъ и палкой не достучишься. Что даромъ и толковать, Фетхали, когда здѣсь пусто!

Но у Фетхали не было тутъ пусто. Напротивъ, голова его была полна такихъ забіякъ гостей, что за шумомъ онъ не могъ разслушать даже голосу разума. Въ ушахъ его звенѣли еще крики толпы: – «онъ уговоритъ, какъ ему не уговорить», а сердце шептало – «Едва ли! Вспомни, Фетхали, какъ обидѣлъ ты Искендеръ-Бека, и какъ недавно обидѣлъ!» Я разскажу

Digitized by Google

вамъ, господа, зачто и почему между ими стало нелюбіе: только чуръ никому ни слова. А то пожалуй эти мерзавцы прославятъ меня рѣшетомъ; налгутъ на меня, будто мнѣ нельзя ничего повѣритъ за тайну: а вы сами знаете, что я скромнѣе мусульманской могилы*,—про наши не говорю: онѣ болтаютъ такой вздоръ эпитафіями, проговариваются такъ неосторожно, что краснѣешь за нихъ. Смотрите жъ, господа: между нами!

Искендеръ-Бекъ, прекрасный, нравственный юноша, родился уже во время владычества Русскихъ надъ Дагестаномъ, но онъ всосалъ къ нимъ ненависть съ молокомъ матери и съ рѣчами отца. Отецъ его былъ любимцемъ изгнаннаго Фетхали-Хана, и упорно сохранялъ къ прежнему владѣтелю горячую привязанность, доказалъ свою преданность на словахъ и на дѣлѣ, по всей справедливости за многократныя возмущенія былъ лишенъ помѣстьевъ, и дотлѣвалъ въ забвеніи, въ опалѣ. Онъ умеръ въ 1826 году, убитый извѣстіемъ, что Персіане, которыхъ нетерпѣливо ждалъ онъ въ Дербендъ, прогнаны изъ Кубы; но, умирая, завѣщалъ сыну — не служить Русскимъ и не дружить Дербендцамъ.

На Дербендцевъ былъ онъ золъ особенно за то, что они согласились дважды выдать своихъ хановъ въ руки враговъ. «Потѣшились мы съ Фетхали-Ханомъ, когда послѣ краткаго изгнанія воротились съ властію

* Коранъ запрещаетъ выставлять имена и достоинства на гробовой плитѣ. «Недостойно правовѣрнаго это тщеславіе, говоритъ Магометъ. Прохожій въ свѣтъ Эдема, не пиши своего имени на грязныхъ стѣнахъ караванъ-сарая, для потѣхи любопытнымъ. Кчему тебѣ имя теперь? Тѣло твое прахъ, а прахъ безымененъ. Душу кликнетъ Аллахъ на судъ не по званію, а по дѣламъ.» Какая высокая философія! И точно, вы не встрѣтите мусульманскихъ гробницъ съ формулярнымъ спискомъ. Простыя, трогательныя слова украшаютъ ихъ. «Молитесь за душу раба Божія, Омара» или «Нуръ-али»; потомъ стихъ изъ Корана, и болѣе ничего.

Digitized by Google

и грозою въ Дербендъ *, говаривалъ онъ. Не осталось ни одного хорошенькаго мальчика, который бы не взятъ былъ во дворецъ; ни одной красавицы, которая бы миновала его ложа или нашего ковра **. Наши стали всѣ лавки, наши всѣ сундуки измѣнниковъ. Бывало, ѣдешь по улицѣ, такъ всѣ до своего колѣна лбомъ кланяются да цѣлуютъ стремя: а теперь они разтолстѣли мерзавцы, и хребетъ у нихъ не сгибается какъ у свиньи! Говорилъ я Фетхали-Хану: Вырви съ корнемъ это купеческое сѣмя, обруби головы этимъ торговцамъ, души: нѣтъ, поскупился онъ, не послушали меня, — и вотъ за то награда! Самъ ѣстъ чужой хлѣбъ, пересоленный упреками, а мы, его вѣрные слуги, умираемъ безъ куска хлѣба.»

И онъ умеръ, но его повѣрья, его пристрастія и предразсудки, ожили въ сынѣ. Искендеръ-Бекъ почерпнулъ ихъ изъ гораздо чистѣйшаго источника, — изъ сыновней любви, а не изъ собачьей привычки; изъ уваженія, совершенно безкорыстнаго, къ порядку вещей давно разрушенному, а не изъ платы за поддержаніе настоящихъ безпорядковъ; со всѣмъ тѣмъ его мечты и сожалѣнія о самовластіи хановъ, о разгульной жизни подвластныхъ имъ бековъ, объ удалыхъ набѣгахъ на сосѣднія земли, однимъ словомъ о рыцарскихъ временахъ, когда мѣткое ружье, лихой конь и отвага, могли доставить человѣку все чего жаждала душа его, были черезъ чуръ дики. Не зная черной стороны прежняго правленія, онъ не видѣлъ хорошей новаго. Золото, не боясь болѣе грабежа отъ спутниковъ хана, пошло въ оборотъ, разрослось сторицею и

* Первый разъ взятъ былъ Дербендъ Зубовымъ въ 1801 году и вскорѣ оставленъ. Второй въ 1804.

** Дербендцы съ ужасомъ воспоминаютъ это время. Заслышавъ о такомъ наборѣ въ наложницы, они платили приданое (вещь неслыханная) за дочерями; отдавали ихъ за нукеровъ, только бы окрутить вчасъ.

Digitized by Google

наконецъ разлило довольство во всѣ классы народа. Русскій орелъ широко покрылъ своими крыльями округъ Дербенда, и—садовникъ и пахарь, безъ прежняго страха быть изрубленнымъ горцами у самыхъ воротъ, далеко въ горы и поле выдвинули свои виноградники и нивы. Безопасная торговля съ Русью и съ Персіею принесла дешевизну и сдѣлала доступнымъ для самыхъ бѣдняковъ тѣ предметы роскоши, что добывались прежде за рѣдкость богачами. Сперва не было у семи домовъ одного мѣднаго котла; теперь у каждой семьи не только посуда и кувшины, но даже мангалы изъ мѣди. Сперва для торжественныхъ дней брака во всемъ городѣ былъ одинъ богатый кафтанъ тонкаго сукна, и женихи брали его на прокатъ; теперь Дербендъ славится щегольствомъ одежды, и почти каждый облитъ галунами, а собольи шубы не диво. Но всего этого не видалъ Искендеръ-Бекъ, или не хотѣлъ вѣрить, что прежде было иначе. Исключительная гордость его страдала равенствомъ передъ законами; возвышеніе въ чины изъ недворянъ, по заслугамъ, а не по роду, считалъ онъ личною обидою, и, разлученный такимъ образомъ отъ Русскихъ и Татаръ двумя враждами, заперся въ одиночество добровольно, въ небольшомъ наслѣдственномъ домѣ, довольствуясь небольшими доходами съ лоскутка земли, — и не скучалъ: онъ былъ молодъ.

Молодость, молодость! волшебный край жизни! прелестенъ ты, когда лежишь впереди необозримый какъ надежда, а не назади какъ воспоминаніе; когда развиваешься очамъ какъ панорама, а не какъ обнаженная карта. Зачѣмъ не дано человѣку способности, какъ сурку, засыпать на всю зиму настоящаго горя, чтобы хоть во снѣ дышать твоимъ вешнимъ воздухомъ, перевкушать прежнія радости и, прежнимъ, крѣпкимъ еще сердцемъ, выносить бури твои? Напрасно! Ничѣмъ не обновить юности, и никогда ея не забыть, и всегда со-

Digitized by Google

жалѣть—удѣлъ нашъ! Гдѣ взять теперь твоей плавкости характера, твоей неистощимой готовности къ слезамъ и смѣху, твоего мимолетнаго гнѣва, исчезающаго безъ досады и мести? Огорченый бездѣлкою, утѣшеный вздоромъ, счастливъ до исступленія отъ одного взгляда, одного слова, юноша предается довѣрчиво, и ему также предаются довѣрчиво, также скоро. Вездѣ находитъ онъ отголосокъ своей любви и дружбѣ, но, бросая той и другой беззаботно жизнь свою въ жертву какъ перчатку или какъ платокъ, онъ не отдаетъ имъ счастія жизни. Потеря друга, измѣна любовницы, оглушаютъ его, но гроза разсыпается дождемъ, и завтра уже его рука трепещетъ въ рукѣ новаго друга, кипитъ бокалъ за здоровье новаго завѣтнаго имени. Его связи не вросли еще въ сердце и, разторгаясь, не рвутъ сердца пополамъ; мысли—ему не думы, и самыя думы ему—мечты. Плѣненный ихъ красотою или величіемъ, онъ не предчувствуетъ, что эти великаны острятъ на его сердцѣ топоръ, сбираясь безжалостно казнить собственныхъ дѣтей или задушить, какъ Отелло, вѣру въ высокое пуховой подушкою клеветы.

Горсть пшена, чашку воды, немного свѣта и много, много воздуха,—вотъ, что нужно было юношѣ Искендеръ-Беку. Весной, когда весь свѣтъ превращался въ любовь и въ поэзію, онъ снималъ со стѣны свою длинную, драгоцѣнную винтовку, работы славнаго Гаджи-Мустафы, сѣдлалъ лихаго Карабагскаго коня, сажалъ на лѣвую руку золотаго ястреба, *кызылъ кушъ*, и скакалъ по горамъ и по доламъ; скакалъ до усталости, если жажду нѣги можно назвать усталостью. И потомъ онъ бросался въ тѣнь, на берегу какого-нибудь горнаго ручья, и, подъ опахаломъ благоуханнаго вѣтра, дремалъ подъ его журчанье, покрытое порой звонкою трелью соловья. Музыка ли природы струилась для него мечтами, или мечты осуществлялись ему въ цвѣтахъ и звукахъ? Не

Digitized by Google

знаю я. Не знаю и того, мечталъ ли онъ, или размышлялъ; но онъ жилъ, жилъ всѣмъ своимъ существомъ: чего же болѣе?

Зимою же, когда рѣзкій вѣтеръ приносилъ съ сѣвера въ его рѣшетчатое окно хлопья снѣгу, онъ любилъ прислушиваться къ заунывному вою каминной трубы, разлегшись у мангала, любилъ глядѣть на игру раскаленныхъ въ немъ углей, или на причудливый дымъ своей трубки, въ которомъ мелькали ему и крылья ангеловъ и рожи злыхъ духовъ. А междутѣмъ воображеніе сказывало безконечную свою сказку, величая его героемъ этой тысячи-второй ночи. Онъ жилъ въ какомъ-то дивномъ, безименномъ царствѣ; сражался, дружился съ кѣмъ-то невѣдомымъ, грабилъ сокровища, узозилъ красавицъ, любилъ и былъ любимъ, тонулъ въ опасностяхъ и въ наслажденьяхъ; и потомъ, когда ночь задергивала надъ нимъ брачный свой пологъ, онъ не зналъ на утро, видѣлъ ли онъ все это во снѣ или мечталъ открытыми глазами. Порой онъ читалъ также тетрадку со стихами изъ лучшихъ Фарсійскихъ поэтовъ, и досказывалъ сердцемъ непонятный смыслъ этихъ сладкозвучныхъ пѣсенъ. Порой онъ призывалъ наемнаго нукера своего изъ Лезгинъ, и тотъ напѣвалъ ему дикія пѣсни горъ подъ звукъ бубна, славилъ набѣги своихъ предковъ, удальство своихъ братьевъ въ битвѣ и въ охотѣ, — и сердце Азіатца разгаралось на кровь, на истребленіе. Онъ сверкалъ очами, онъ пробовалъ лезвее кинжала, онъ восклицалъ: «Скоро ль удастся мнѣ сразиться?»

И ему скоро удалось это. Кази-Мулла осадилъ Дербендъ: отважнымъ раздолье открылось кидаться на вылазки. Я каждый разъ ходилъ съ Татарами, и каждый разъ видѣлъ Искендеръ-Бека впереди: догнать его было можно, обогнать никогда. Онъ какъ серна прыгалъ между гробовыхъ стоячихъ плитъ, — всегдашнимъ полемъ стычекъ были кладбища, опоя-

Digitized by Google

сывающія Дербендъ – мѣтко металъ смерть изъ своей винтовки, и потомъ съ дикимъ воплемъ кидался на враговъ, махая кинжаломъ, – и мы какъ пожигающая лава гнали бѣгущихъ. Какъ теперь помню встрѣчу съ нимъ на послѣдней нашей вылазкѣ на Кубинскую сторону. Выбивъ непріятеля изъ виноградниковъ, мы отступали съ успѣхомъ, но въ безпорядкѣ, какъ водится у Азіятцевъ. Двѣ срубленныя головы вотнуты были на отнятое знамя, одна надъ другою, и Дербендцы съ криками торжества скакали около кроваваго трофея. Толпа провалила уже въ ворота, но я съ немногими, прикрывая отступленіе, остался у фонтана освѣжить запекшіяся отъ зною, и пыли, и пороху, уста. Ядра ревѣли надъ нами вслѣдъ врагамъ; ихъ пули чикали о плиты водоема. Я поднялъ голову: передо мной стоялъ тёска мой Искендеръ-Бекъ въ одномъ архалукѣ, съ засученными рукавами, опершись на винтовку; онъ былъ живописенъ, онъ былъ гнѣвно-прекрасенъ тогда. Уста его роптали укоризны, взглядъ съ презрѣніемъ слѣдилъ Дербендцевъ.

– На кого ты сердишься Искендеръ? спросилъ я.

– Бездѣльники, заячьи души, отвѣчалъ онъ: они умѣютъ только впередъ итти шагомъ, а чуть назадъ, то бѣгутъ опрометью. Мы тамъ оставили Нефтали.

– Какого Нефтали, Искендеръ? Не того ли красиваго мальчика съ крашеными *зюльфами*, который просилъ у меня патроновъ при началѣ схватки?

– Того самаго! Изъ цѣлаго Дербенда одного его любилъ я..... Прекрасная душа!..... И онъ погибъ!

– Взяли въ плѣнъ?

– Легъ на-мѣстѣ. Храбрый лучше взрослаго, онъ былъ безразсуденъ какъ дитя. Погнался за кистью винограда и заплатилъ за нее головою. Въ глазахъ нашихъ, Лезгины рѣзали ему шею, и я не могъ прогнать, не могъ умолить товарищей ударить на выручку его тѣла..... Мы бросили его на поруганіе! – Еще

Digitized by Google

разъ, послѣдній разъ зову, крикнулъ онъ обращаясь къ нѣсколькимъ Татарамъ: въ комъ есть вѣра и у кого душа не потаскушка, пойдемъ, отобьемъ трупъ товарища, снимемъ съ себя позоръ предательства!

– Пойдемъ, сказалъ я.

– Пойдемъ! сказали еще двое увлеченныхъ примѣромъ.

Пошли.

И мы вышли безъ боя, хотя убитый лежалъ далеко въ виноградникахъ, внѣ крѣпостныхъ выстрѣловъ. Лезгины никакъ не надѣялись подобной дерзости. Мы тихо вынесли, на плечахъ своихъ, обезглавленный, обнаженный трупъ несчастнаго, и положили у воротъ. Съ воплемъ, раздирающимъ душу, упала на него мать; шопотъ сожалѣнія пробѣжалъ по толпѣ. Искендеръ-Бекъ стоялъ, сдвинувъ брови, но слезы противъ воли заливали ему глаза. Я подалъ ему руку и сказалъ:

– Жаль что ты не Русскій!

Онъ сжалъ ее и отвѣчалъ: – Я поздравляю тебя только съ тѣмъ, что ты не Татаринъ.

Искендеръ-Бекъ не годится въ придворные Шегинъ шаха. Въ пору соловьевъ, *бюльбюль замины*, минуло двадцать лѣтъ Искендеру, и тогда только пробились у него усы; и тогда только сталъ безпокоенъ сонъ его, а на яву посѣтили юношу пламенныя грѣзы. Давно уже замѣчено, что первые усы, признакъ мужества, всегда ровесники первымъ приступамъ любви. Искендеръ-Бекъ испыталъ истину этого на самомъ себѣ. Съ каждымъ тонкимъ, нѣжнымъ волоскомъ на верхней губѣ, раждалось въ сердцѣ его новое желаніе, – темное, безотчетное, но тѣмъ не менѣе сладостное, носящее цвѣтъ и плодъ на одной вѣткѣ, подобно Бразильскимъ апельсинамъ. Мудрено ли же, что усы такъ нравятся женщинамъ, когда они вылиты изъ одной стихіи съ любовью, когда они вьются отъ жара нѣги! Будь я дама,–мнѣ страхъ бы хотѣлось по-

Digitized by Google

быть дамою,—какъ могла бы я хладнокровно глядѣть на юношу у котораго персиковая кожица на щекахъ явно доказываетъ, что его усы только-что произведены изъ пуху, завиты сейчасъ розовыми пальчиками природы и такъ рѣзво глядятъ во всѣ стороны, будто просятъ—«Пригладьте насъ поцѣлуемъ!» Да-съ, молодые усы—живой мостъ между двухъ коралловыхъ ротиковъ; съ молодыми усиками не нужно подписывать внизу письма—«Всегда готовый къ услугамъ»: это будетъ плеоназмъ. Не чета они нашимъ заслуженнымъ усамъ, подстриженнымъ какъ наши надежды, и колкимъ будто эпиграммы Пушкина, обозженнымъ порохомъ и виномъ, измятымъ страстями. Вовсе не чета! Я по-крайней-мѣрѣ никогда не дерзаю входить въ состязаніе съ такими усиками, и, опустивши свои, убираюсь за добра-ума.

Въ пору соловьевъ, по нашему стилю—въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, Искендеръ-Бекъ выѣхалъ однажды пополевать на перепеловъ съ ястребомъ. День былъ прекрасный,—настоящій праздникъ южной весны; жаркій но безъ зноя, свѣжій но безъ сырости. Воздухъ, казалось, напоенъ былъ дыханіемъ цвѣтовъ и пѣніемъ птичекъ: онъ струился вдали какъ живой сапфиръ. Яркая зелень волнами лилась и переливалась съ холма на холмъ, а по нимъ плыли, какъ разцвѣченныя флагами яхточки, гранатники съ огненными, миндальныя деревья съ бѣлыми, персиковыя съ розовыми цвѣтами. Искендеръ-Бекъ лавировалъ по этому морю зелени, между этихъ миленькихъ созданій, и каждое осыпало его дождемъ цвѣточнымъ, будто лаская, будто заманивая въ тѣнь. И долго такъ ѣздилъ Искендеръ изъ ущелія въ ущеліе, носился какъ безумный во всю прыть, то на круть горы, то на берегъ моря, и всё чего-то ему не доставало: и мало было ему воздуха цѣлаго свѣта, и въ первый еще день волновалась грудь его, какъ покрывало женщины,

Digitized by Google

чуть завидя женщину въ покрывалѣ. Бывало, проѣзжая по узкимъ улицамъ города, онъ не подыметъ глазъ на чадру, хоть распахнись она до пояса; а теперь каждый носикъ и глазокъ, лукаво проглядывающій изъ подъ складокъ, бросалъ его въ ледъ и въ уголья. Онъ сроду не слушалъ лекцій Сравнительной Анатоміи, но съ чрезвычайною быстротою уже воссоздавалъ всю женщину безъ исключеній, а можетъ-быть и безъ ошибокъ, по маленькому слѣдку въ Персидскомъ шалевомъ чулкѣ, выказывающуюся изъ подъ красныхъ *тумановъ* *, отороченныхъ позументомъ. Не знаю, право, удачна ли была въ тотъ день его охота, только ни одна сколько-нибудь статная Татарка, на возвратѣ изъ садовъ, не ускользнула отъ его взора: вѣроятно онъ почиталъ ихъ перепелками. Онъ пускалъ *чапъ-чапъ*, то есть, маршъ-маршъ, своего карабагца, и вдругъ осаживалъ его близъ испуганныхъ, и тихо проѣзжалъ впередъ. Лукавецъ ужъ выучился разсматривать всю подноготную, не обращая глазъ, чтобы не испугать робости или стыдливости дѣвушекъ. Но, увы, всѣ лица были закрыты для него подобно Книгѣ семи печатей! Мусульманки страхъ боятся показывать себя одноземцамъ, а восемнадцатилѣтнее воображеніе съ едва пробивающимися усиками любопытнѣе самой усастой женщины: оно не довольствуется парою ножекъ, даже самыхъ пророческихъ..... Желанія Искендеръ-Бека не находя образа въ которой бы могли уютиться, разлетались въ воздухъ; онъ пригорюнился и оборотилъ коня къ дому.

Никогда я не миную придорожнаго фонтана въ мусульманскихъ краяхъ, безъ умиленія и благодарности. Они выстроены съ большими издержками, съ немалыми трудами, въ безлюдныхъ степяхъ или на безводныхъ распутьяхъ для утоленія и омовенія прохо-

* Женскія шаравары.

Digitized by Google

жихъ, и выстроены не казною, не обществомъ частныхъ людей, но всегда кѣмъ-нибудь однимъ для общей пользы, — «на поминъ душѣ», или «по обѣту», какъ видно изъ надписей, врѣзанныхъ на мраморной доскѣ надъ бронзовыми трубами. И въ ключѣ свода горитъ обыкновенно завѣтный стихъ Корана: «Благотвори и по смерти!» И нѣсколько вѣковыхъ деревъ, посаженныхъ тутъ рукою вѣры, какъ дань раскаянія за злое дѣло или залогъ надежды за доброе, разстилаютъ свою прохладную тѣнь усталому путнику. Правда, мусульманинъ живетъ для себя, зато онъ умѣетъ безропотно умирать за вѣру и, умирая, не думать о себѣ; не заказываетъ сорочинъ и свѣчей по три пуда, — нѣтъ, онъ завѣщаетъ часть имѣнія бѣднымъ, или на вкладъ въ казну училища, всего чаще на постройку водопровода или водоема, потому что вода въ жаркомъ климатѣ есть первая необходимость и лучшій напитокъ. Въ обгорѣлой отъ зноя пустынѣ, на окаленной дорогѣ, вы издали видите гостепріимный памятникъ, осѣненный тополями, и спѣшите къ нему съ отрадой, и съ наслажденіемъ пьете чистую струю, и съ признательностью думаете, глядя на эту осязаемую идею примиренія съ Богомъ и съ людьми посредствомъ общей пользы — «Миръ праху твоему, блаженство твоей душѣ, добрый человѣкъ! Ты сочеталъ здѣсь дань Всевышнему и даръ твоимъ ближнимъ!»

У подобнаго-то фонтана, верстахъ въ двухъ отъ города, спустился Искендеръ на дорогу, и вдругъ, — то не была уже мечта, но что-то столько же прелестное какъ мечта, кромѣ ея воздушности, — то была дѣвушка лѣтъ шестнадцати, для которой слово «милая», *азизъ*, казалось, только-что вырвалось изъ юнаго сердца, а не стариною выдумано. Она умывала лице, разгорѣвшееся отъ движенія, то плескалась струй-

Digitized by Google

кою, то любовалась собою въ зеркалѣ водоема, – и ничего не слыхала.

Черныя какъ смоль косы порой закрывали ей все лицо; порой распадались на полуоткрытой груди, которую напрасно замыкала ревнивая цѣпь золотыми монистами и бляхами: она выглядывала сквозь разрѣзъ розовой сорочки изъ тафты, рвалась проколоть парчу архалуха, впившагося какъ любовникъ въ стройный станъ. Вообразите жъ себѣ юношу, раскаленнаго впервые мечтою о женщинѣ и почти не видавшаго женщинъ, а потомъ судите, что сталось съ нимъ, когда онъ увидалъ нечаянно это прелестное личико, озаренное лучемъ души, и два эти снѣжные холма, будто двѣ зари раздѣленныя таинственнымъ сумракомъ; когда онъ замѣтилъ, какъ мятежно возникали и опадали они..... А между-тѣмъ золотая смородина пуговицъ, унизанныхъ по распашнымъ рукавамъ, звучала, ударяясь о край водоема; а между-тѣмъ тонкая, бѣлая ткань ея покрывала прельстительно играла около, роскошными складками, то обрисовывая формы тѣла, то раздуваясь широко. У Искендера занялся духъ: онъ горѣлъ и таялъ какъ амбра, благоухая; свѣтъ улетѣлъ изъ подъ ногъ его; онъ дотого сосредоточился весь въ зрѣніе, что не слыхалъ, какъ разгоряченный бѣгунъ его бросился къ водопойнѣ,—ошибка непростительная кавалеристу: долго ли запалить коня! Главное въ томъ, что всадникъ, давъ поводья невоздержности четвероногаго, лишилъ самъ себя рая. Красавица съ ужасомъ увидѣла жаркую морду и, съ крикомъ–«Ай Искендеръ-Бекъ!», набросила на лице покрывало и упорхнула.

Искендеръ-Бекъ почувствовалъ всю неприличность своего поведенія въ отношеніи къ вѣрѣ и нравамъ (Дербендскія красавицы пляшутъ передъ мужчинами и ѣздятъ по ночамъ за городъ съ нукерами только въ Русской словесности; въ дѣйствительности – нико-

Digitized by Google

гда), но почувствовалъ не ранѣе какъ потерявъ изъ виду незнакомку. Она, правда, раза три останавливалась будто поджидая старуху служанку которая съ ней была, но Искендеръ не смѣлъ повторить своей невинной дерзости, и не тронулся съ мѣста. Между-тѣмъ какъ сердце его, пытая первыя крыленки, провожало красавицу, въ молодой головѣ поднялись тревожныя мысли..... «Аллахъ, Аллахъ, что скажутъ про меня и про нее, если насъ видѣли? А какъ мила!..... Бѣда ей будетъ отъ отца и отъ матери!..... Чудо что за глазки!..... Пойдутъ сплетни!.....Какъ хорошо, что она не румянится: она бы не мылась, если бъ была намазана. А шейка-то, шейка, что за милочка! Охъ ужъ мнѣ эти Дербендцы! Да еще знаетъ меня по имени: вѣрно ей не даромъ захотѣлось узнать мое имя..... Такъ и есть, это двѣ женщины: плакали на могилѣ и вѣрно всё видѣли..... А эти два полушара, нѣжные, бѣлые, полу прозрачные! Я бы оченъ желалъ..... знать, зачто они поссорились; а вдвое того, помирить ихъ поцѣлуемъ.»

Зачто они поссорились!!.....

– Ну, зачто жъ?

Вы слишкомъ любопытны, господа. Если вы знаете это, вамъ напрасно разсказывать, а если не угадываете, зачто я отниму у васъ прелесть извѣданія при опытѣ? Я увѣренъ что пословица – «Много будешь знать, скоро состарѣешься», выдумана по любовному департаменту. Довольно съ васъ, что Искендеръ-Бекъ поѣхалъ домой влюбленый вровень съ краями, и ѣхалъ впервые какъ воръ, оглядываясь и трепеща каждаго взгляда, каждаго слова, брошеннаго прохожими невзначай. Вы напрасно впрочемъ подумаете, что это было раскаяніе: у новопожалованнаго любовника кипѣла совсѣмъ другая забота. «Если это пройдетъ безъ слѣдовъ – я могу найти случай опять съ нею встрѣтиться, думалъ онъ: если жъ неравно встрѣча моя пойдетъ въ огласку, ее запрячутъ и закута-

Digitized by Google

ютъ такъ, что въ три года не дорвешься!» И бѣдненькой новичокъ трепеталъ и таялъ. Не даромъ наказывалъ ему отецъ: – «Искендеръ, помни, что у розана цвѣтъ на часъ, а шипы навѣчно. Ласкай женщинъ, но не люби ихъ, если не хочешь изъ властелина сдѣлаться рабомъ. Повѣрь мнѣ, любовь сладка только въ пѣсняхъ; въ правдѣ, начало ея – страхъ, средина – грѣхъ, а конецъ – раскаяніе. Смотри не заглядывайся на чужихъ женъ и не слушай твою собственную!»

Съ тѣхъ поръ какъ изобрѣтены совѣты, конечно этотъ былъ въ родѣ своемъ не послѣдній; зато, – надобно отдать честь Искендеръ-Беку, – и позабылъ онъ его не ранѣе какъ черезъ четверть часа, хотя признано всѣми подверженными совѣтамъ, что весьма полезно пускать ихъ мимо ушей и, только въ случаѣ неудачи, помнить одну минуту. Молодой Татаринъ любилъ и боялся, и никакъ не замѣчалъ, что надъ нимъ совершается отцовское предсказаніе.

Днемъ моложе, какъ покойно спалъ нашъ юноша! Ночь для него была кратка и освѣжающа, словно глотокъ шербета. А теперь? Посмотрите на него теперь: онъ мечется, онъ бредитъ, онъ грызетъ пуховую подушку; прозрачная *бязь* * душитъ его хуже савана; ему кажется будто цѣлый эскадронъ черныхъ гусаръ скачетъ по немъ, хотя я заподлинно знаю, что, несмотря на необычайную производительность Дагестанскаго климата, по тѣлу Искендеръ-Бека прыгали тогда вовсе не подозрительныя животныя, а просто жгучія искры желаній. Ночь эта, по самому вѣрному его счисленію, продолжалась ровно семь ночей съ полночью, и онъ, истомленный снами и безсонницею, съ радостью протянулъ руку первому лучу, запавшему

* Бумажная матерія, которая добротою понижается отъ кисеи до парусины.

Digitized by Google

въ его окно, какъ рукѣ давноневиданнаго друга. И отчего все это? Оттого, что шалуну случаю угодно было показать ему одно прелестное личико и потомъ забросить это личико въ непзвѣстность, въ тайну, въ запрещеніе; оттого что природѣ забавно вселять въ насъ страсть ко всему неясному, таинственному и завѣтному; однимъ словомъ и наконецъ, оттого что онъ былъ *онъ*, а она *она*.–Но кто жъ она? Искендеръ вскочилъ уколотый въ сердце этимъ вопросомъ. *Она?* Какое дурное слово, она! Любовь не любитъ мѣстоименій, по-крайней-мѣрѣ Дагестанская любовь: ей нужна существительность и собственность, ей нужно обладаніе, выше всего. Искендеръ-Бекъ въ тотъ же мигъ увѣнчалъ свою возлюбленную завоевательнымъ мѣстоименіемъ и временнымъ именемъ: «Я узнаю какъ зовутъ *мою* Лейлу, сказалъ онъ, опоясывая кинжалъ: хоть умру да узнаю!» Мигъ послѣ, онъ стоялъ на перекресткѣ.

Богъ построилъ горы, человѣкъ города: такъ покрайней-мѣрѣ я думалъ, сравнивая щепетильность нашего зодчества съ неподражаемымъ величіемъ зодчества природы. Дербендцы судятъ свой городъ съ гораздо большею справедливостью: они говорятъ, что ихъ городъ построенъ чортомъ. Геркулесъ Персидскаго баснословія, Рустемъ, такъ отзубрилъ однажды бока своему завистнику, шайтану, что тотъ запросилъ–*Аманъ, аманъ!* Къ Рустему за часъ передъ этимъ поступило прошеніе отъ поселянъ несчастной деревнишки, гдѣ сидитъ теперь Дербентъ, защитить ихъ отъ горныхъ набѣговъ. Рустемъ былъ великанъ, не только тѣломъ но и душою, и готовый загребать жаръ чужими руками для всякаго бѣдняка,– блистательная черта героевъ, великодушныхъ отъ бездѣлья и щедрыхъ на все, что ничего имъ не стоитъ. «Кстати, сказалъ Рустемъ чорту: вѣдь, мнѣ на тебѣ не ѣздить; смотри жъ, собачій сынъ, чтобы къ утру ты мнѣ вы-

Digitized by Google

строилъ тутъ городъ со стѣнами и съ башнями. Да станетъ Дербендъ!»

И сталъ Дербендъ. Чортъ строилъ впотемкахъ и торопливо; мѣсилъ въ своихъ лапахъ камни, дробилъ ихъ, плевалъ на нихъ, бросалъ дома одинъ на другой, отбивалъ улицы по хвосту: къ разсвѣту Дербендъ поднялся на ноги, но заря ахнула отъ изумленія, взглянувши на него въ первые: это былъ потокъ камней и грязи съ трещинами, вмѣсто улицъ, которыхъ самъ почтенный строитель не распуталъ бы середи бѣлаго дня. Всѣ дома родились слѣпыми, всѣ ихъ черепы были разплюснуты подъ адскою пятою, всѣ они пищали отъ тѣсноты ущемленные между двухъ высокихъ, длинныхъ, предлинныхъ стѣнъ. Все вмѣстѣ походило, однимъ словомъ, на огромнаго удава, который подъ чешуею домовъ разтянулся съ горы на солнышкѣ и поднялъ свою зубчатую голову крѣпостью Нарынъ *, а хвостомъ играетъ въ Каспійскомъ Морѣ. Затѣйникъ хотѣлъ и тутъ увѣковѣчить образъ животнаго своего герба, — змѣя искусителя. Надулъ первую чету и до-сихъ-поръ этимъ хвалится. «Отъ людей, говоритъ онъ, отъ охотниковъ и охотницъ соблазняться нѣтъ отбоя: да у кого жъ изъ этихъ бѣдняковъ есть рай въ промѣнъ за яблоко?..... Ей-ей, разоримся, если за нынѣшнихъ людей платить и наличною клюквой! Грѣхи и грѣшники ужасно подешевѣли.»

Но должно быть лукавый что-нибудь да оставилъ въ Дербендѣ изъ своей прельстительности. Сколько разъ и сколько завоевателей дрались за него! сколько молодцовъ положили тамъ свои души за его красавицъ или золото! Обольстилъ этотъ змѣй и Искендеръ-Бе-

* Нарынъ-Кале, если перевесть слово въ слово, значитъ — нѣжная крѣпость; во старинное ей имя — *Нарынджъ-Калеси*, крѣпость померанцевъ. Есть преданіе, что въ ней росли огромныя померанцовыя деревья.

Digitized by Google

ка. Ходитъ онъ, бродитъ, по его излучистымъ закоулкамъ; заглядываетъ во всѣ ворота, чуть зѣвнутъ они; хочетъ пробуравить глазами грязныя стѣны домовъ, сорвать взглядами чадру съ каждой прохожей. Напрасно! Татары говорятъ–«Дѣвушка въ окнѣ, всё равно что яблоня у мельницы», и закладываютъ кампями даже кошачьи лазѣйки. Коранъ твердитъ–«Недобро мущинѣ смотрѣть на женское лице: взгляды – сѣмена грѣха!», и завистливое покрывало скрываетъ каждую, отъ головы до самыхъ пятъ. *Ее* такъ же трудно узнать въ тысячѣ бѣлыхъ покрывалъ какъ мелькнувшую волну между синихъ волнъ Каспія. Отъ кого узнать ея имя? Кто покажетъ домъ ея? Томимый любопытствомъ сердца, онъ вмѣшался въ толпу, влекомую на площадь барабаномъ; но тамъ, вмѣсто безцѣнной своей, узналъ только цѣну мяса. Долго прислушивался къ крику перепродавца ветошей на базарѣ: «Купите, купите, господа!..... славная чуха! узорочныя женскія шалвары! Десять абазовъ и три бисты (гроша)! Три бисты съ десятью абазами: кто больше? Право, за отъѣздомъ въ *Кабиристанъ* (въ страну гробовъ) продаются они..... Возьмите, ага, *шалвары!*

– *Бошъ затъ!* пустая вещь! сказалъ Искендеръ-Бекъ, и пошелъ далѣе.

Искендеръ-Бекъ терпѣть не могъ пустыхъ вещей.

Въ разсѣянности подошелъ онъ къ Армянину, торгующему балыкомъ, а Лейла неотступно танцовала передъ его глазами..... «Какъ зовутъ?» спросилъ онъ, нѣжно схвативши за хвостикъ одну рыбку: онъ думалъ, что сжимаетъ ножку красавицы.

– *Шамая* *, отвѣчалъ хладнокровный Армянинъ.

Безъ мыслей блуждалъ онъ по базару, грязному да-

* Необыкновенно жирная рыба, родъ сельдя; ловится только у Кизлярскихъ береговъ Каспія.

Digitized by Google

же среди лѣта, но и среди лѣта прохладному. Солнце едва проникало туда, и купцы сидя на откидной двери своихъ лавочекъ, набитыхъ всякою дрянью и всякою роскошью, однозвучно бросали ему въ оба уха свое—*что угодно вашей душѣ?* «Ахъ, если бъ вы знали, чего хочетъ моя душа!» думалъ Искендеръ-Бекъ «Если бъ могли продать или подарить мнѣ то! Я бы отдалъ все, что имѣю, и закабалилъ себя на вѣчную службу вмѣсто *кабына* (вѣна): да счастье не дарятъ и не покупаютъ.» И онъ пришелъ въ открытые ряды, гдѣ по восточному обычаю каждая лавка — вмѣстѣ и рукодѣльня, гдѣ поетъ тетива шерстобоя, визжитъ пила оружейника, играетъ шило чеботаря и рядомъ съ ткацкимъ станомъ бренчитъ молоточекъ Кубичинца *, насѣкающаго дивныя арабески на кинжалахъ. Искендеръ-Бекъ остановился у прилавка золотыхъ дѣлъ мастера, старика Джафара. — «*Аллахъ версынъ кемакъ,* Богъ да поможетъ тебѣ! сказалъ онъ ему. — «Богъ да заплатитъ тебѣ счастьемъ!» отвѣчалъ тотъ, не переставая что-то кропать обломкомъ пилочки; и Богъ заплатилъ ему счастьемъ нежданно. Въ чашечкѣ передъ старикомъ, въ кучѣ переломанныхъ украшеній, лежала серга незнакомки, — та самая серьга, которая обличила ему вчера премиленькое, премаленькое ушко. Въ этомъ не сомнѣвался онъ, и не ошибался: онъ бы узналъ ее въ цѣломъ четверикѣ драгоцѣнностей..... Сердце его билось, будто онъ прочелъ начальную букву завѣтнаго имени, будто увидалъ розовую, манящую его, ручку. Онъ долго не смѣлъ сказать слова, долго не умѣлъ съ чего начать, — такъ дрожалъ его голосъ, такъ перемѣшаны были всѣ мысли. Любовь наконецъ подсказала ему военную хитрость:

* Кубичи, большое селеніе вольнаго Кара-Кайтаха, въ девяноста верстахъ отъ Дербенда, славное въ горахъ оружіемъ, осадкою оружій и особенно насѣчкою по желѣзу. Кубичинцы увѣряютъ, что предки ихъ были Франки: ничѣмъ не подтвержденная басня.

Digitized by Google

онъ будто безъ вниманія просыпалъ сквозь пальцы пуговки и колечки роковой чаши, и вынулъ не нарокомъ сергу незнакомки, поигралъ ею на свѣтъ возлѣ самаго носа Джафара, и вдругъ обронилъ на мостовую. Она давно уже щекотала хитреца за рукавомъ, а онъ всё шарилъ по полу, наконецъ поклонился и жалобнымъ голосомъ произнесъ: «Потерялъ!»

Огромные очки спрыгнули долой съ носа Джафара,— такъ сильно вздуло опасеніе его ноздри.

— «*Аллахъ! я Аллахъ!* вскричалъ онъ. Что ты надѣлалъ, Искендеръ-Бекъ? Да теперь старая лиса Миръ-Гаджи-Фетхали меня изъ бѣлаго свѣта въ три-шеи вытолкаетъ! Шутка ли, емалевую сергу!

— Душа моя, Джафаръ, не смѣйся ты надъ моими усами: статочное ли дѣло, чтобы такой степенный человѣкъ какъ Миръ-Гаджи-Фетхали носилъ въ ухѣ женскую сергу съ подвѣсками!

— Да кто тебѣ говоритъ, что онъ самъ ее носитъ? Нѣтъ и жены у стараго скрягп; онъ находитъ, что самая дешевая жена не стоитъ своей цѣны: такой товаръ и ѣсть и одѣться проситъ, и наскучитъ—съ рукъ не сбудешь, и на стѣнку не повѣсишь, какъ комузъ *, сыгравши пѣсню. Да у него вѣдь подъ опекой есть невѣста племянница. Братъ его, Шафи, ужъ лѣтъ десять тому бѣжалъ въ Персію, и оставилъ больную жену съ дочерью на Божью волю..... Кичкенѣ едва-ли было тогда лѣтъ шесть..... *Хурды-мурды* **, правда, немало осталось.....

— Такъ ее до-сихъ-поръ зовутъ *Кичкене* ***? спросилъ Искендеръ-Бекъ, усмѣхаясь.

А между-тѣмъ имя «Кичкене» показывалось ему во

* *Комузъ*, или *кобузъ*, родъ балалайки съ тремя металлическими струнами.

** Мелкіе пожитки.

*** *Кичкене* значитъ — малютка. Искендеръ-Бекъ играетъ здѣсь словами.

Digitized by Google

го разъ сладкозвучнѣе «Лейлы». Надо признаться, Татары плохіе знатоки эвфоніи.

— Я думаю однако жъ эта малютка теперь порядочно подросла?

— Самъ ты знаешь нашу землю, Искендеръ-Бекъ: годовой ребенокъ двухъ лѣтъ становится, пяти-лѣтній десяти-лѣтнимъ глядитъ. А дѣвушки, что твоя виноградная лоза! Не успѣетъ съ земли подняться, чуть привили, смотришь, гроздокъ налился. Такая, говоритъ дядя, стала Кичкене красавица да рѣзвушка, что Аллахъ упаси! Вчера одну сергу ни съ того ни съ этого изъ уха вырвала; да и ты на бѣду.....

Искендеръ-Бекъ опустилъ въ руку словоохотнаго Джафара сергу Кичкени, — и былъ таковъ. Чего было ему слушать болѣе? Теперь онъ узналъ все, что хотѣлъ узнать,—родъ и племя своей красавицы, имя и жилище ея..... Онъ побѣжалъ опрометью осмотрѣть клѣтку райской Пери или, лучше сказать, сундукъ, въ которомъ заперто было его сокровище: сундукъ этотъ стоялъ прислонившись къ городской стѣнѣ; на улицу выпустилъ онъ только надворную стѣнку да чернавку трубу чурешни *, — и тѣ царапались своими угловатыми камнями и гвоздистыми воротами. Не голосъ милой услыхалъ Искендеръ-Бекъ изнутри, а сердитое ворчанье собаки: онъ грустно прошелъ мимо, и съ досадою бросился дома на коверъ. Въ головѣ его ходилъ жерновъ, въ сердцѣ разгарался пожаръ, въ которомъ, какъ на всѣхъ пожарахъ въ свѣтѣ, спасалась дрянь, а драгоцѣнное летѣло въ огонь. Впрочемъ, одиночество, въ которомъ жилъ нашъ юноша, если не дало ему лоску общежительныхъ приличій, зато сохранило душу отъ разврата общества. Предвѣчная со-

* Хлѣбныя лепешки, то есть, чуреки, пекутъ на Востокѣ въ открытой на подобіе котла, изъ глины сбитой, печи. Ее разжигаютъ хворостомъ, и потомъ прилѣпляютъ тѣсто къ бокамъ: въ минуту хлѣбъ зрѣетъ и отпадаетъ самъ.

Digitized by Google

вѣсть начертала свои законы на юномъ сердцѣ симпатическими чернилами: чѣмъ сильнѣе разогрѣвалось оно страстью, тѣмъ явственнѣе горѣли завѣты. Кончилось тѣмъ, что всѣ его проселочныя желанія вышли на большую дорогу, взялись за руки и побѣжали впередъ. Коранъ велитъ, а сердце упрашиваетъ жениться, какъ можно ранѣе. Искендеръ-Бекъ рѣшился жениться: и почему же нѣтъ? Чѣмъ бы онъ не женихъ какой угодно ханумъ? Онъ посмотрѣлся въ зеркальцо, и улыбнулся; онъ высыпалъ на изголовье завѣтную кубышку, и ободрился..... Онъ ужъ видѣлъ въ каждой монетѣ взоръ своей Кичкени, размѣнивалъ каждый червонецъ на жаркіе поцѣлуи. Онъ цѣловалъ ихъ, прижималъ ихъ къ сердцу. «Деньги все!» думалъ онъ. Неопытный! Онъ еще не зналъ, что на золото въ нравственной торговлѣ можно купить только мишуру; заглавіе вещи, а не самую вещь; личину, а не лице. Юноша, онъ считалъ все легкимъ и возможнымъ; онъ думалъ, что и въ людяхъ, какъ въ немъ самомъ, всѣ враждебныя чувства разступятся для пріязни; что старость также забывчива на старое, какъ молодость беззаботна о будущемъ. «Кичкене, ты будешь моя, непремѣнно моя!» восклицалъ онъ. «Съ какою радостью отдамъ за тебя все, что добывалъ съ такими трудами! Съ какимъ восторгомъ кинусь въ первый разъ тебѣ на шейку, вздохну на твоей груди!..... И ты будешь любить меня, Кичкене. Не правдали ли, милочка, ты будешь? Я стану наряжать, лелѣять, нѣжить тебя; отдамъ душу за твою душечку!.....»

Искендеръ-Бекъ безумствовалъ. Онъ хотѣлъ получить въ свою власть Кичкене, страстно какъ мусульманинъ, который въ любви не знаетъ прелюдій; хотѣлъ получить скоро какъ юноша: а вѣдь одни только юноши имѣютъ даръ все дѣлать скоро и хорошо, и, еслибъ Искендерово счастіе зависѣло отъ женщинъ, дѣло бы рѣшилось вмигъ въ его пользу. Женщины

Digitized by Google

такъ любятъ порывы страсти, ими внушенной! Любятъ гораздо больше глупости для нихъ сдѣланныя нежели преумныя вещи, объ нихъ написанныя или имъ сказанныя. – Это естественно: чувство для нихъ, созданій раздражительныхъ, сильнѣе, выше, увлекательнѣе мысли. Жаръ на нихъ болѣе имѣетъ вліянія чѣмъ свѣтъ. Будь юноша пылокъ хоть на-минуту, его подерутъ за ушко, поставятъ на колѣни, скажутъ–«*Какой вы дитя!*», и все простятъ, все позволятъ. И вотъ изъ этого премилаго «дитяти,» выходитъ преизбалованное дитя; разберите кто виноватъ: маменьки или воспитанницы? И въ первый разъ почувствовалъ Искендеръ необходимость въ связяхъ; а онъ былъ отбитое звѣно въ обществѣ, въ которое кинула его судьба. Кстати онъ вспомнилъ, что у него есть какая-то старушка тетка,–я увѣренъ, что всѣ тетушки земнаго міра выдуманы и назначены самой природою въ свахи и вѣстоноши, – она могла бы пособить его горю, посовѣтовать ему на успѣхъ. Онъ запасся кускомъ клѣтчатой *дораи* *, на чадру, двумя часами терпѣнія на случай пѣней, и отправился къ доброй старухѣ. Онъ воротился отъ ней чуть не летомъ отъ радости: тетушка обѣщала ему употребить всѣ невинныя хитрости, позволенныя мусульманскими нравами, для сближенія свадьбы. «Приходи ко мнѣ завтра за часъ до *азана* **, сказала она, провожая племянничка до дверей: я зазову къ себѣ Кичкену красить рѣсницы; вѣдь лучше меня никто въ цѣломъ Дербендѣ не смѣшаетъ краски и ровнѣй не выведетъ кружковъ. Я тебя шалуна спрячу за этою занавѣскою въ простѣнокъ. Смотри жъ, только, будь уменъ: не дохни, не шевелись, и потомъ никому даже глазкомъ не

* *Дораи*, крѣпкая тафта всѣхъ цвѣтовъ, Шамахинское произведеніе.

** *Азанъ*, призывъ къ молитвѣ, слово присвоенное болѣе къ полуденному молевію. Вечернее чаще называютъ *намазъ*.

Digitized by Google

мигни — былъ не былъ.» Не вѣрьте, пожалуйте, господамъ путешественникамъ по Востоку, будто всѣ женитьбы мусульманъ совершаются такъ, что будущіе супруги не видятъ и не знаютъ другъ друга. Это справедливо только въ отношеніи къ ханамъ, богатымъ купцамъ, людямъ власти или роскоши, которые на слухъ сватаютъ или покупаютъ себѣ женъ. Средній классъ народа и бѣдняки, живутъ слишкомъ тѣсно другъ съ другомъ, чтобы не знать взаимныхъ отношеній и даже сосѣднихъ лицъ. Крѣпко заперты ихъ ворота, но плоскія кровли открыты для прохожихъ, и въ городахъ, гдѣ всѣ женщины проводятъ жизнь на дворикахъ или подъ навѣсомъ, а домы, сходя ступенями винзъ, заглядываютъ другъ другу въ сердце, конечно, можно найти извинительный случай поглядѣть на красавицъ. Слова нѣтъ, это считается великою обидою, большимъ стыдомъ, но любопытство хитро на выдумки, и бываютъ часы, въ которые даже мусульмане и мусульманки забываютъ о кинжалѣ. Дѣвушки до одиннадцати лѣтъ ходятъ съ открытымъ лицомъ, и потому предусмотрительные женихи могутъ замѣчать будущихъ невѣстъ по колосу. Потомъ, есть всегда услужливыя бабушки и тетушки, которыя украдкою покажутъ «желаемую особу» желателю. И онъ скажетъ потомъ: «Чудо а не дѣвушка! Бѣла какъ хлопчатая бумага, стройна какъ сѣрна. Голосъ — пѣсня соловьиная; пойдетъ — пава да и только!» О душѣ онъ не заботится: въ Несомнѣнной книгѣ сказано, что у женщинъ нѣтъ души. Объ умѣ еще меньше: умъ мусульманки состоитъ въ шитьѣ и въ стряпаньѣ. Если она умѣетъ разнообразить пловы, *альмы-дольмы* * и всѣ супружескія сладости начиная съ пирожковъ до ласканій, она жемчужина всѣхъ женъ и можетъ надѣяться, что мужъ долго позволитъ ей угождать безъ

* *Альма-долма*, яблоко, начиненное мясным фаршемъ.

Digitized by Google

сѣны. Многоженство, впрочемъ, кромѣ самыхъ богачей, рѣдко до невѣроятности. «*Я Аллахъ!* и одной женыслишкомъ!» сказалъ мнѣ Асланъ-Ханъ.—О конечно, возразилъ я, но любовницы? — Онъ засмѣялся.

И дѣло любви кончено. Начинается дѣло расчетовъ. Тесть проситъ много кабину за честь.... Зять сбавляетъ, думая про себя о красотѣ. Наконецъ торгъ кончился: бьютъ по рукамъ. Часть кабину по условію отдаютъ впередъ, и на эти деньги снаряжаютъ приданое; остается сводить невѣсту съ торжествомъ въ баню, и на другой день къ вечеру, когда всѣ пожитки ея перенесены съ музыкою въ домъ жениха, ее сажаютъ на осла (пророческая выдумка) и подъ пологомъ везутъ въ новое жилище, съ кликами, съ бубнами, съ пальбою изъ ружей. На завтра она уже супруга. Нѣтъ ни обручанья ни вѣнчанья. Мулла прочелъ молитву надъ условіемъ брака: остальное въ волѣ Аллаха и мужа.

Вся эта перспектива будущаго блаженства снилась Искендеръ-Беку въ очаровательныхъ цвѣтахъ съ мѣстными подробностями. Еще на темной зорѣ поднялся онъ, а за два часа ранѣе полудня сидѣлъ уже у тетки за сундукомъ. При малѣйшемъ шорохѣ, его бросало въ лихорадку. И наконецъ послышался лепетъ башмаковъ по плитамъ дворика: двѣ дувушки, хохоча между собою, взбѣжали на айванъ, бросили обувь у ковра, и съ привѣтами подсѣли противъ дверей къ старухѣ, Аджѣ-Ханумъ. То была Кичкене съ одною изъ своихъ подругъ. Покрывала обѣихъ упали долой.

Не знаю, по какимъ законамъ Акустики каждый звукъ голоса Кичкени отдавался въ сердцѣ Искендеръ-Бека, только оно во все время посѣщенія не переставало звенѣть словно колокольчикъ. Когда же тетка его вывела тонкую сурмяную черту по ресницамъ красавицы, и большіе черные глаза ея засверкали на волѣ, ему показалось, что два пистолетныхъ

Digitized by Google

дула брызнули въ грудь его молнію. Сама старуха опустила кисть и долго любовалась своею гостью; потомъ поцѣловала ее въ стыдливо опущенные очи, и сказала: «Скоро ли, моя милая Кичкене, я разрисую тебя подъ пѣсни подружекъ, въ банѣ? У тебя такіе миленькіе глазки: дай Богъ, что бы они каждый вечеръ замыкались поцѣлуемъ, и ни въ одно утро не отворялись слезами!» Кичкене съ нѣгою во взорѣ обняла старушку: Искендеръ-Беку послышалось, что она даже вздохнула; я не слыхалъ, я не увѣряю въ этомъ.

— Дядюшка Фетхали говоритъ, что я еще слишкомъ молода, примолвила она почти грустно.

— А что говоритъ твое сердечко, малютка моя? возразила смѣючись Аджа-Ханумъ.

Кичкене рѣзво схватила бубенъ, висѣвшій на стѣнѣ, и, колебля его звонки между разцвѣченными хиной пальчиками, вмѣсто отвѣта пропѣла извѣстную пѣсню — *Пенджарая гюнъ тюшты:*

«Длячего ты, лучъ востока,
Рано въ сѣнь мою запалъ?
Длячего ты стрѣлы ока
Въ грудь мнѣ, юноша, послалъ?

Свѣтитъ взоръ, твой — не дремлю я;
Лучь блеснулъ, — и сонъ мой прочь:
Такъ, сгарая и тоскуя,
Провожу я день и ночь!

У меня ли бархатъ — ложе,
Изголовье — бѣлый пухъ,
Сердце жаръ: и для кого же,
Для кого безцѣнный другъ?»

И она покраснѣла до плечъ, будто проиолвилась тайною задушевною, потомъ захохотала какъ дитя, уронила бубенъ, прижатый доселѣ накрестъ сложенными на груди руками, и упала въ объятія своей подруги. Потомъ обѣ онѣ смѣялись отъ души, но объ

Digitized by Google

чемъ? Я думаю, о томъ именно, что тутъ нѣчему было смѣяться; можетъ-быть тому, что каждая изъ нихъ думала о разномъ и каждая видѣла ошибку подруги.

Но старушка была догадлива, и хотѣла кой-для-кого превратить эту догадку въ увѣренность. «О, ты мой *гюль йиси!* ты мой запахъ розы! сказала она, играя кольцами на мизинцѣ Кичкени. Если бъ мой племянникъ Искендеръ-Бекъ услыхалъ хоть за стѣной твою пѣсню, онъ бы разбилъ стѣну грудью чтобы увидать пѣвицу; а если бъ увидалъ, то похитилъ бы тебя какъ левъ сарну.»

Хрустальный кувшинъ съ розовою водою слетѣлъ въ этотъ мигъ съ сундука, и разбился въ дребезги. Хозяйка и гостья побѣдѣли, обѣ отъ страха, обѣ отъ разнаго страха.

— *Бу надан хаберъ-дюръ?* Откуда этотъ слухъ? спросила Кичкене трепетнымъ голосомъ.

— Упалъ сверху, отвѣчала старуха, притворяясь будто не понимаетъ вопроса. Ужъ эта мнѣ черная кошка!

— А я и пестрыхъ кошекъ терпѣть не могу, сказала Кичкене съ сердцемъ: онѣ вездѣ со своимъ хвостомъ суются, да мяукаютъ по всѣмъ кровлямъ на худое *. *Сагъ олсунъ*, будь невредима, Аджа-Ханумъ! Пойдемъ, милая Аспетъ. Маменька меня на часокъ отпустила, а вотъ ужъ мулла кричитъ.

Кичкене холодно поцѣловала хозяйку, но та, провожая гостей до воротъ, шепнула наухо: «Ты напрасно сердишься, Кичкене; не бѣды, а цвѣты я хочу тебѣ на голову. Для меня дорого твое счастье какъ золотая нитка, а есть человѣкъ, который бы свилъ душу свою

* Чтобы понять всю ѣдкость этого упрека, надо знать, что старухи мусульманки носятъ по большой части пестрыя покрывала, и полемъ ихъ сплетней съ сосѣдками служатъ обыкновенно кровли домовъ. Тамъ, присѣвши на корточки, злословятъ онѣ или бранятся между собою.

Digitized by Google

съ этою ниткою, и только я да Аллахъ вдвоемъ про то знаемъ!» Кичкене раскрыла очи отъ изумленія, отъ любопытства, но дверь захлопнулась таинственно, и только громъ засова былъ ей отвѣтомъ.

Искендеръ-Бекъ чуть не задушилъ добрую тетку въ объятіяхъ, когда та журила его, что не могъ онъ высидѣть смирно въ своей обсерваторіи.

— Насыпалъ бы пеплу на мою бѣдную головушку, если бъ онѣ догадались отъ чего разбился и разлился кувшинъ!

— Могъ ли я не вздрогнуть, когда у меня сердце чуть не разторглось, чуть не пролилось рѣчью, когда я увидѣлъ эти лиліи и розы на щекахъ Кичкени при моемъ имени? Я хотѣлъ сорвать ихъ устами: кто сѣетъ, тому должно и пожинать.

— То-то и бѣда наша, что мы въ черномъ саду сѣемъ.

— Купи же мнѣ этотъ садъ, Аджа-Ханумъ; не дай умереть, какъ соловью, на шипахъ этой розы. Высватай мнѣ Кичкеню, и ты узнаешь, что я не только влюбленъ, но и благодаренъ. Я куплю тебѣ лучшую буйволицу изо всего Дагистана.

На другой день Искендеръ-Бекъ получилъ отвѣтъ отъ опекуна Кичкени, Миръ Гаджи-Фетхали-Исмаилъ-оглы: онъ былъ полный господинъ ея судьбины, потому что больная мать не имѣла никакой воли. «Скажите отъ меня Искендеръ-Беку, наказывалъ онъ Аджѣ-Ханумъ, что я живо помню отца его; помню и то, что долги отца платятъ дѣти до третьяго колѣна. Старикъ былъ буйный человѣкъ, и назвалъ меня однажды сыномъ позора, въ глазахъ всего народа. Я не успѣлъ взять съ него крови за это, потому что Русская власть придавила тогда наши обычаи широкой полой своей; я не схоронилъ съ нимъ вмѣстѣ моей обиды, не жегъ его гроба. Но развѣ я собака, чтобы ластиться къ тому, кто бьетъ меня? Да правду сказать, хоть бы меж-

Digitized by Google

ду нами не было не только лезвія, даже соломинки, что за находка мнѣ, ага-миру, потомку пророка, залѣзать въ родню къ этому беку? Въ Дербендѣ семьдесятъ бековъ, ага-мировъ только пять, и я конечно изъ нихъ не послѣдній. И что поешь ты мнѣ о кабинѣ? На кабынъ его станетъ: а потомъ чѣмъ будетъ онъ жить съ моею племянницею? Гдѣ у него родня, которая бы могла помочь ему въ нуждѣ; черезъ которую и мнѣ бы вездѣ дали почетное мѣсто? Сколько воронихъ яицъ получаетъ онъ доходу съ дома? Много ли продаетъ крапивы съ поля? Голышъ онъ, голышъ на-уличной! Скажи ты ему на отрѣзъ – нѣтъ, и сто разъ – нѣтъ. Я не принимаю къ себѣ въ родство молокососовъ, у которыхъ голова и киса такъ пусты, что, дунь, улетятъ. *Сагъ олсунъ!*»

Предоставляю судить всякому, какое бѣшенство обуяло Искендеръ-Бека, когда ему слово въ слово былъ переданъ насмѣшливый отказъ. Наконецъ пѣна ярости скипѣла, и онъ затаилъ глубоко въ сердцѣ обманутую страсть свою, и голодную ненависть. Онъ былъ Татаринъ.

—

IV.

Янанъ ерденъ, чихаръ тютюнъ.

Съ нѣсня, гдѣ горянъ, всегда дымъ подымается.

ПОСЛОВИЦА.

Теперь вы знаете отношенія Миръ-Гаджи-Фетхали къ Искендеръ-Беку, и не подивитесь конечно, что онъ съ большою неохотою, не сказать ли – съ робостью, принялся стучать въ его дубовыя ворота. Это не былъ наглый стукъ заимодавца, не частые повелительные удары палкою комендантскаго есаула *, или чауша,

* Есаулы—остатки ханскаго порядка, гонцы вѣстовые и охрана коменданта, народъ видный, смѣлый, смышленый и хорошо вооруженный. Чауши — десяцкіе.

Digitized by Google

вѣстника приказа явиться въ Диванъ, или наряда ѣхать гонцемъ куда-нибудь. Не походилъ онъ на бранчивый стукъ ревниваго мужа по возвратѣ съ базара, или гордые колотушки отца, не ожидающія ни замедленія ни прекословія; однимъ словомъ, на всѣ звуки, имѣющіе свойство разрывъ-траты, отъ которыхъ замки распадаются какъ соль и половинки разкидываются настежь; нѣтъ, это былъ стукъ, средній между гордостью и лестью, между извиненіемъ и просьбою; учтивый мягкостью тона, и многозначительный отъ разстановки.

Искендеръ-Бекъ былъ не женатъ и не богатъ, и потому двери его растворялись очень скоро, безъ обычныхъ мусульманскихъ вопросовъ — кто тамъ, — что надобно, и разтворялись на отпашь, а не чуть-чуть, изъ страха чтобы гость не увидалъ его жены или сундука. Искендеръ-Бекъ принималъ гостей не на улицѣ, какъ это большею частію водится у людей семейныхъ, а прямо въ домѣ, и просто въ завѣтной своей комнатѣ. Ему нѣчемъ было соблазнять воровъ сердецъ и воровъ денегъ; замки и подушки его не боялись чужаго прикосновенія.

— *Буюрунъ, эфендиляръ*, милости просимъ, господа! раздалось изъ дому, и двери распахнулись привѣтно.

Искендеръ-Бекъ сидѣлъ на порогѣ и покуривалъ коротенькую трубочку. Онъ наблюдалъ, какъ холилъ Лезгинъ, нукеръ, его коня. Не всталъ, а вскочилъ онъ, завидя Миръ-Гаджи-Фетхали въ головѣ гостей своихъ....Молодая кровь хлынула въ лице. Но онъ быстро подавилъ и негодованіе и любопытство свое; онъ учтиво положилъ руку на сердце и, съ легкимъ склоненіемъ головы, просилъ пришедшихъ въ комнаты. Когда они усѣлись на ковры по родамъ, оправили чинно полы платья надъ поджатыми калачикомъ ногами, огладили бороды съ восточною важностью и размѣня-

Digitized by Google

лись *селямами* да вопросами о здоровьѣ родныхъ и домашнихъ, о состояніи благовонныхъ мозговъ и о прочемъ, начались сперва вздорные разговоры, околичнословія и предисловія, первые розмахи пращи, назначенной ринуть камень. Дагестанскіе горожане, народъ необыкновенно церемонный и красноглаголивый,— достойные подражатели Персіянъ, которыхъ именемъ и родствомъ они очень гордятся. Тамъ всякая глиняная голова величаетъ себя золотою, *кызыль-башъ*. Бѣгать они умѣютъ только отъ непріятеля, и не любятъ вѣтренюсти ни въ рѣчахъ, ни въ пріемахъ: я увѣренъ, что для-этого не хотятъ они строить и вѣтреныхъ мельницъ. Наконецъ Миръ-Гаджи-Фетхали разступился рѣчью о бѣдствіяхъ, грозящихъ жатвамъ Дербендцевъ. Неразъ обращался онъ къ свидѣтельству своихъ товарищей, которые въ самомъ дѣлѣ составляли приличный прологъ и эпилогъ его картинамъ,—толстый и румяный Гусейнъ, какъ настоящее довольство, сухопарый Ферзали, какъ будущій голодъ. Видно было однако жъ, что засуха подѣйствовала и на краснорѣчіе оратора: слова сыпались изъ его рта какъ изъ переспѣлаго колоса, но завялыя семяна падали на каменную почву. Искендеръ-Бекъ былъ, или казался, равнодушнымъ, и только порой столбомъ вырывающійся изъ ноздрей его дымъ доказывалъ, не въ пользу оратора, что въ груди его что-то кипѣло. Миръ-Гаджи-Фехтали заключилъ восклицаньемъ къ *пейгамбару* Али, «пророку» шіитовъ: Горе, горе Дербенду!

— *Маалюмъ-дюръ!* Конечно! произнесъ Искендеръ-Бекъ.

— *Хальбетте-дюръ!* Непремѣнно, подхватилъ Гусейнъ.

— *Шекъ-сюсъ-дюръ!* Безъ-сомнѣнія! прохрипѣлъ Ферзали.

И потомъ минута молчанія.

И потомъ Искендеръ-Бекъ съ холодною учтивостью

Digitized by Google

спросилъ, какую связь имѣетъ засуха съ его недостойною особою.

Онъ не могъ дослушать до конца изложенія, приглашенія и назначенія своего на подвигъ водоноса.

– *Мехтель затъ!* удивительная вещь! произнесъ онъ сердито. Дербендцы не удостоивали меня до-сихъ-поръ поклономъ, не только добрымъ словомъ, и вдругъ навѣшиваютъ на меня заслугу, которой я не стою и не желаю. Зачѣмъ бы я, позвольте узнать, просилъ у Аллаха дождя? Я очень радъ напротивъ, что моя кровля не течетъ теперь, что на небѣ нѣтъ тумановъ, а на улицахъ грязи. Вы смѣялись, что я не сажаю своей марены: съ чего же я стану плакать о вашей? Вы доносили, клеветали на отца моего; обобрали, гнали его, порочили и презирали меня, а теперь хотите, чтобы я служилъ вамъ, трудился за васъ, пыталъ для васъ милвсердіе Божіе, можетъ-быть на позоръ моей доброй славы. Ну есть ли какая-нибудь справедливость требовать этого? есть ли какое право ожидать? Да и не въ насмѣшку ли мнѣ выбрали вы почтеннаго и высокостепеннаго Миръ-Гаджи-Фехтали-Исмаилъ-оглы, *векилемъ*, повѣреннымъ, вашихъ озарительно мудрыхъ выдумокъ? Впрочемъ верблюда не вьючатъ, когда онъ на ногахъ; вьючатъ, когда поставятъ на колѣна: у меня съ Миръ-Гаджи-Фехтали особенные счеты: извините господа, мы выйдемъ на минуту потолковать съ нимъ, къ сторонкѣ!

И онъ далъ рукою пригласительный знакъ Миръ-Гаджи-Фехтали; и Миръ-Гаджи-Фехтали, у котораго лице вытянулось длиннѣе осенней ночи, всталъ съ такою улыбкою, будто она хотѣла укусить: оба вышли на галлерсю.

Должно думать, языкъ у старой лисы былъ точно обмакнутъ въ медъ или волшебство, въ *джадуллухъ*, потому что, не прошло получаса, оба недруга вошли въ комнату лучезарные и миловидные, ни дать ни взять

Digitized by Google

какъ Персидскій орденъ Льва и Солнца, тѣмъ сходнѣе, что Тегеранскіе живописцы изображаютъ обыкновенно льва бородатымъ козломъ, а солнце червонцемъ.

– *Эфендиляръ!* произнесъ Искендеръ-Бекъ, обращаясь къ посланцамъ: я имѣлъ свои причины не соглашаться на выборъ Дербендскихъ жителей, но почтенный Миръ-Гаджи-Фетхали, да сохранитъ его Аллахъ въ своей милости, разжалобилъ меня надъ бѣдами скуднаго народа, убѣдилъ, упросилъ испытать послѣдняго, вѣрнаго, священнаго средства, которое вы предлагаете, – принести снѣгу съ Шахъ-дага и вылить его въ море. Конечно, все въ волѣ Аллаха и въ заступленіи пророка, но, если теплая, чистая молитва можетъ смягчить сердце Всевышняго, я дерзаю думать, что облака развернутъ сжатую руку свою, и дождь прольется. Молитесь, я буду трудиться. Я ѣду въ эту же ночь: время дорого.

Привѣты благодарности посыпались, туфли зашаркали. Искендеръ-Бекъ остался одинъ, глазъ-на-глазъ съ своею душою. «Право, мнѣ пришлось краснѣть, думалъ онъ, передъ этимъ Миръ-Гаджи-Фетхали: я знаю, что онъ терпѣть не можетъ меня, а для общей пользы помирился со мной, выдаетъ за меня свою племянницу..... *Абуръ адамъ!* честнѣйшій человѣкъ!»

– Не человѣкъ, душа, этотъ Искендеръ, говорили промежъ собой беки: крѣпко сердитъ и на Дербендцевъ и на Фетхали, а какъ брызнули на него слезами бѣдныхъ – растаялъ!

Народъ обрадованный вѣстью о согласіи молодаго бека, запѣлъ и заплясалъ. Миръ-Гаджи-Фетхали чуть не закинули съ благодарности на небо. Похваламъ добродѣтели Искендера не было конца.

А Фехтали смѣялся въ рукавъ. «Слово не закладъ, говорилъ онъ самъ себѣ, за полу не потянетъ. *Машаллахъ*, я не дуракъ! *Валлахи'ль-азимъ*, *биллахи'ль керимъ*, це дуракъ! Я бы захлебнулся позоромъ, если бъ

Digitized by Google

Искендеръ-Бекъ отказалъ мнѣ. Сказали бы — онъ мыльный пузырь на вѣсахъ уваженія, онъ переломленнаго гроша нестоитъ! Что жъ дѣлать! съѣлъ грязи, — ударилъ рукой въ руку этому *гарамъ-задѣ* (бездѣльнику); зато и завернулъ же я ему словцо въ условіе: *если счастливо кончишь походъ свой....* Поглядимъ, посмотримъ!»

А Искендеръ-Бекъ съ радости цѣловалъ своего коня, приговаривая: «Дураки они, дураки, воображаютъ, что я для ихъ пшеницы отдаю потъ свой! За такую красоточку я не пожалѣлъ бы и крови. Эй, Ибрагимъ, задавай ячмень гнѣдому!»

Сколькихъ людей заклеймили бы мы стыдомъ, вмѣсто того чтобъ паряжать въ похвалы, если бъ узнали, на какой закваскѣ пекутъ они свои добрыя дѣла! Но Провидѣніе великій химикъ; оно кипятитъ и очищаетъ въ горнилѣ своемъ всѣ частные замыслы, всѣ расчеты, для того чтобы отлить изъ нихъ общее благо въ прекрасную форму.

—

V.

Насибъ олсунъ!
Да свершится судьба!
НАДПИСЬ НА САБЛѢ.

Куда, подумаешь, прекрасная вещица — носъ! Да и преполезная какая! А вѣдь никто до-сихъ-поръ не вздумалъ поднести ему ни похвальной оды, ни стиховъ поздравительныхъ, ни даже какой-нибудь журнальной статейки хоть бы инвалидною прозою! Чего-то люди не выдумали для глазъ! и пѣсни-то, и комплименты, и очки и калейдоскопы, и картины-то и гармонику изъ цвѣтовъ. Уши они увѣсили сергами, угощаютъ Гайденовымъ хаосомъ, Робертомъ-Дьяволомъ, Фра-Дьяволомъ и всѣми сладкозвучными чертенятами музыки. Про лакомку ротъ и говорить нѣчего: люди готовы бы жарить для него не только райскихъ птицъ,

Digitized by Google

да самихъ чертей; скормить ему земной шаръ съ подливкою знаменитаго Карема. А что выдумали они для носа, позвольте спросить, для почтеннѣйшаго носа? Ничего! положительно ничего, кромѣ розоваго масла и нюхательнаго табаку, которыми развращаютъ они носовую нравственность многихъ и казнятъ обоняніе остальныхъ. Неблагодарно это, господа, какъ вы хотите: неблагодарно! Онъ ли не служитъ вамъ вѣрою и правдою? Глаза спятъ, ротъ смыкается иногда прежде пробитія зори, а носъ безсмѣнный часовой: онъ всегда хранитъ вашъ покой или ваше здоровье. Онъ вѣчно въ авангардѣ. Испортятся глаза, – его сѣдлаютъ очками. Нашалили руки, – ему достаются щелчки. Ноги споткнулись, а онъ разбитъ! Господи, воля твоя..... за все про все бѣдный носъ въ отвѣтѣ, и онъ все переноситъ съ христіанскимъ терпѣніемъ; развѣ осмѣлится иногда храпнуть: роптать и не подумаетъ.

Ну, да забудемъ мы, что его преискусно изобрѣла природа, какъ-бы разговорную трубу, для усиленія нашего голоса, для приданія ему разнозвучія и пріятности. Умолчимъ, что этотъ духовой инструментъ служитъ также и орудіемъ всасыванія благоуханій природы, проводникомъ и докладчикомъ души цвѣтовъ душѣ нашей. Откинемъ пользу его, возьмемъ одну эстетическую сторону, красоту, – и кто противъ носа, кто противъ величія носинаго? Кедръ Ливанскій, онъ попираетъ стопою муравy усовъ и гордо раскидывается бровями. Подъ нимъ и окрестъ его цвѣтутъ улыбки, на немъ сидитъ орелъ, – дума. И какъ величаво вздымается онъ къ облакамъ, какъ безстрашно кидается впередъ, какъ пророчески помаваетъ ноздрями – будто вдыхаетъ уже вѣтеръ безсмертія. Нѣтъ, не вѣрю, чтобъ носъ предназначенъ былъ судьбой только для табакерки или стклянки съ духами..... Не хочу, не могу вѣрить!..... Я убѣжденъ, что, при всеобщей скачкѣ къ усовершенствованію, носъ никакъ

Digitized by Google

не будетъ назади!..... Для него найдутъ обширнѣе кругъ дѣятельности, благороднѣе нынѣшней роли.

И если вы хотите полюбоваться на носы, во всей силѣ ихъ растительности, въ полномъ цвѣту ихъ красоты, возьмите скорѣй подорожную съ чиномъ коллежскаго ассесора, и поѣзжайте въ Грузію. Но я предсказываю тяжкій ударъ вашему самолюбію, если вы изъ Европы, изъ страны выродившихся людей, задумаете привезти въ Грузію носъ на славу, на диковину. Пускай объявите вы у Тифлисскаго шлагбаума, въ числѣ вашихъ примѣтъ, носъ Шиллера или Каракаллы : суета суетъ! На первой площадкѣ вы убѣдитесь уже, что всѣ Римскіе и Нѣмецкіе носы должны, при встрѣчѣ съ Грузинскими, закопаться со стыда въ землю. И что тамъ за носы, въ самомъ дѣлѣ, что за чудесные носы! Осанистые, высокіе, колоссомъ, а сами такъ и сіяютъ, такъ и рдѣютъ; ну, вотъ кажется, пальцомъ тронь, брызнутъ кахетинскимъ. Надо вамъ сказать, что въ Грузіи, по закону царя Вахтанга IV, всѣ матеріи мѣряются не аршинами и не локтями, а носами со штемпелемъ. Тамъ говорятъ: Я купила бархату 7 носовъ и $^{3}/_{4}$, или: Куда какъ вздорожалъ канаусъ, за носъ просятъ два абаза. Многія дамы находятъ что эта мѣра гораздо выгоднѣе Европейской.

Да и въ Дагистанѣ, нечего Бога гнѣвить, хоть рѣдко, а попадаются такіе носы, что ни одинъ Европейскій nasifex, или ринопластъ, то есть, носостроитель, не посмѣетъ безъ стропилъ выкроить. Не дальше искать, у Дербендскаго бека, Гаджи-Юсуфа, да укрѣпитъ Аллахъ его плечи, такой вѣтрорѣзъ, что конечно сдѣлалъ бы честь любому носорогу. Нельзя мимо пройти безъ страха и умиленія: такъ, кажется, и рухнетъ этотъ эрратическій * утесъ на ноги! Зато подъ его

* Заносный издалека водоворотами или землетрясеніями; огромный обломокъ, чуждый составомъ почвѣ на которой лежитъ. Геологическій терминъ.

Digitized by Google

тѣнью могли бы спать три человѣка. Должно полагать, такой носъ былъ въ большомъ уваженіи между всѣми правовѣрными носами, потому что Дербендцы выбрали хозяина его въ проводники Искендеръ-Бека; другихъ достоинствъ по-крайней-мѣрѣ, мною, за нимъ не замѣчено. Правду сказать, Юсуфъ, побывавъ при какомъ-то своемъ родственникѣ въ Меккѣ, столько разсказывалъ чудесъ про все, что̀ видѣлъ и дѣлалъ, что между ротозѣями, на базарѣ, слылъ по-крайней-мѣрѣ за льва пустыни. *Билянъ адамъ-дюръ; гаджи хаваи дегюль*, «опытный человѣкъ; не даромъ путешествовалъ», говорили усы и бородки, когда тотъ безъ милосердія рубилъ языкомъ головы кровопійцамъ, желѣзоѣдамъ, разбойникамъ, *канъ-ичанъ дамир-еянъ гарамиляры;* какъ однажды заблудился онъ въ такихъ горахъ, что, по хребту идучи, звѣзды какъ репейникъ въ шапку цѣпляются; какъ питался онъ тамъ двѣ недѣли яичницею изъ орлиныхъ яицъ; какъ ночевалъ въ пещерахъ, въ которыхъ такое сильное эхо, что, чихни, оно — *Аллахъ сахласынъ*, здравія желаю! — отвѣчаетъ *. И пальцы слушателей невольно прыгали въ ротъ отъ удивленія, и восклицанія *машаллахъ, иншаллахъ*, раздавались кругомъ. Понабрался бы у него Бальби топографическихъ и статистическихъ свѣдѣній! Говоритъ, не задумается, а скажетъ, такъ задумаешься. Господи, твоя воля, какихъ-то птицъ, какихъ звѣрей, не ловилъ онъ! Самъ Кювіе въ допотопномъ мірѣ подобныхъ и не выкапывалъ. А людей-то, что за людей видалъ! Черти, да и только! У тѣхъ двѣ головы и одна нога; у другихъ вовсе нѣтъ головы, а думаютъ брюхомъ. Эти питаются одними облаками, тѣ глотаютъ скорпіоновъ не поморщившись, а скорпіоны тамъ съ буйвола. Ну, ужъ раскащикъ былъ этотъ Гаджи-Юсуфъ! Да какъ примется клясться и божиться,

* Татары при чиханьи здравствуются, точно такъ же какъ Русскіе.

Digitized by Google

даже Пророкъ за бороду хватается. Я подозрѣваю, что онъ самъ назвался въ товарищи Искендеръ-Бека, затѣмъ что росказни его очень поизносились; несмотря на множество заплатъ которыми онъ ихъ подновлялъ, надо было нарвать пучокъ свѣженькихъ на Шахъ-дагѣ. Какъ бы то ни было, мигъ спустя послѣ намаза, Гаджи-Юсуфъ, въ полномъ вооруженіи и на конѣ, стоялъ у воротъ Искендеръ-Бека и кликалъ его на всю улицу. Всѣ сосѣдніе щенки и ребятишки сбѣжались полаять и подивиться на *пегливана*, на богатыря *. И точно онъ былъ, говоря словами Волынскаго лѣтописца, «дивленію подобенъ.» На папахъ свой, по праву молельщика, навертѣлъ онъ въ чалму цѣлую простыню; ржавая кольчуга и стальные поручи выглядывали изъ подъ чухи, испещренной галунами. На боку бренчала сабля; огромный кинжалъ рисовалъ на брюхѣ эклиптику. За поясомъ торчалъ пистолетъ; съ пояса висѣли сумки и сумочки, накременники и пороховые рожки; сзади ружье, на которое заброшены были откидные рукава; на лукахъ висѣли ковшъ, плеть и карманчики — съ чѣмъ, не знаю, — да и чортъ знаетъ чего у него не было. Желтые сапоги съ высокими каблуками довершали нарядъ: ратникъ нашъ насилу шевелился подъ своей военной збруею. Граненый носъ его сверкалъ послѣднимъ румянцемъ зари и вовсе не-мусульманскою краснотою. Молодецъ, кажется, на-дорогу хватилъ заѣзжаго.

Искендеръ-Бекъ выѣхалъ.

И оба они, миновавъ чешуйчатыя ворота Дербенда, и осыпанные напутными благословеніями народа, сидящаго у воротъ, пустили вскачь коней своихъ по Кубинской дорогѣ: какъ не показаться, не поджигитовать передъ толпою! Разумѣется, что молодецъ Искен-

* Пегливанами называютъ также прыгуновъ по канату, которые показываютъ вмѣстѣ и чудеса силы или ловкости.

Digitized by Google

деръ несся впереди на лихомъ своемъ карабагцѣ; за нимъ Юсуфъ; потомъ какая-то собачонка, которая изъ одного усердія провожала съ лаемъ каждаго коня; потомъ пыль, потомъ.....? Потомъ ничего. Путники исчезли.

Но не вдругъ исчезъ Дербендъ для путниковъ. Доскакавши до холма Дашъ-кесенъ, они остановились чтобы послать прощальный взглядъ городу. Видъ былъ прелестный: слѣва, крѣпость Нарынъ-Кале ярко отдѣлялась своими бѣлыми зданіями и красноватыми башнями на зелени предгорій, а яркая зелень обнимала холмы, какъ фата грудь красавицы. Сквозь нее тамъ и сямъ пробивались каменные сосцы. Справа игралo море, какъ оживленное серебро, или глазетовая дымка, чуть струимая вѣтеркомъ. Жемчужная бахрома прибоя то обнажала,то покрывала опять,взморье; два брига, какъ спящіе киты, тихо зыбились на влажномъ полѣ. Городская стѣна, спадающая ступенями, тянулась чернѣя поперегъ, и, будто дряхлый старикъ, подпершись башнями, казалось, дышала открытыми воротами; буйволы, неподвижные какъ на картинѣ, стояли сбоднувшись; вереница ословъ, съ мѣдными кувшинами на спинѣ и съ мальчиками, сидящими у нихъ на хвостахъ, завивалась около фонтана. Подвижныя группы идущихъ и сидящихъ Татаръ, по холмамъ и близь стѣнъ, сновались живописно, и между нихъ порой мелькали двѣ три бѣлоснѣжныя чадры, пролетали будто лебеди по черной тучѣ, и пасть воротъ поглащала ихъ. Заревой барабанъ, послѣдній приказъ дня, смолкъ, флагъ упалъ, ворота сомкнулись тихо за толпами жителей, все опустѣло, все померкло..... Грустно стало Искендеръ-Беку, неизъяснимо грустно. Ему казалось, онъ позабылъ душу въ Дербендѣ. Увѣренность въ успѣхѣ его оставила, даль и сомнѣнія раскинулись впереди безбрежною степью. *Она* на сѣверѣ,—а надо ѣхать къ югу, разорвать на двое серд-

Digitized by Google

це, разкинуть половинки Богъ вѣсть куда, Богъ вѣсть на долго ли!..... О, если вы были когда-нибудь молоды душою, любили душою, и въ первый разъ удалялись отъ того мѣста гдѣ живетъ *она*, вы поймете тоску Искендеръ-Бека! Если вы хотите, это глупость воображать, что, дыша однимъ воздухомъ, мы мечтаемъ одну мечту; что взглянувши десять разъ на окно даемъ десять воспоминаній: но это утѣшительная глупость! Это даритъ намъ самимъ мечты и воспоминанія, правда, одинокія, зато чистыя, зато яркія, зато умирающія дѣвственными. Воображеніе наше всегда роскошнѣе дѣйствительности; воображеніе – поэзія: оно порхаетъ птичкою, на его крыльяхъ нѣтъ ни бальной ни подорожной пыли. Дѣйствительность – проза: она роется въ подробностяхъ словно кротъ, она зѣваетъ за бостономъ съ матушкою, и въ восторгѣ отъ своей невѣсты разглядываетъ, не поддѣльный ли жемчугъ у нея на шеѣ; или ухаживаетъ за мерзавцемъ мужемъ, подкупаетъ служанокъ, шляндаетъ позадворьямъ чтобы пробраться въ рай; въ обѣтованной землѣ можетъ хотѣть Египетскаго чесноку, то есть, ужина, и....и....Со всѣмъ тѣмъ я бы отдалъ цѣлый потокъ чистѣйшихъ мечтаній за одну струйку о-де-колона, брызнутую на меня кстати: добивайтесь вы толку у людей!

– Поѣдемъ! сказалъ Гаджи-Юсуфъ. Коли не остались въ городѣ съ живыми, нѣчего медлить за городомъ съ мертвецами, – сожгу я ихъ гробы! *улларынъ кабириляры яндырамъ!* Посмотри, Искендеръ: гробовыя плиты по кладбищамъ будто шевелятся, будто обходятъ насъ; да и проклятая висѣлица у третьихъ воротъ вытягиваетъ вслѣдъ намъ свою черную лапу.

– Это она по тебѣ вздыхаетъ, Гаджи-Юсуфъ-Бекъ; боится, чтобы ты не измѣнилъ ей, не убѣжалъ отъ нея, возразилъ Искендеръ, шутя.

– Плюю въ бороду ея отца! Всякой разъ что̀ пройду мимо, кажется, она такъ и хватаетъ за воротъ. По

Digitized by Google

правдѣ тебѣ сказать, Искендеръ-Бекъ, не будь надъ нами этихъ гяуровъ, не усидѣли бы *мы* молодцы за стѣнами. Ружье за плечи, ногу въ стрѣмя, и, чуть улитка мѣсяцъ покажетъ рожки свои, берегись караваны! Ужъ задалъ бы я себя знать и этимъ Табасаранцамъ: *парча-парча эйлярдымъ*, въ куски, въ лепестки бы рубилъ!

– Ну братъ, Юсуфъ, ты видно изъ совинаго яйца проклюнулся, что ночью такой храбрый становишься. Во время осады Кази-Муллою, видѣлъ я тебя днемъ въ схваткѣ, или, лучше сказать, не видалъ я тебя ни разу въ схваткѣ. Не орлиное, кажется, у тебя сердце.

– Душечка, жертвочка ты моя, *джаным*ъ, *курбаным*ъ, Искендеръ-Бекъ! что ты вѣчно шутишъ надо мной? Не при тебѣ ли я снесъ голову *бейрахчи*, знаменщику, когда ходили на вылазку на Кейфарскую гору? *Гарамъ-задѣ* такъ былъ золъ на это, что голова его ужъ на полу укусила меня за ногу! Неужто ты не видалъ этого?

– Не хочу хвастать, не допустилъ Аллахъ!

– Да и развѣ люди эти Лезгины? *Лезги ганда, гюзги ганда! Ай ганда, дораи ганда!* Куда Лезгину глядѣться въ зеркало! куда медвѣдю одѣваться въ тафту! Стоитъ ли ихъ глупымъ, необтесаннымъ, пулямъ подставлять свой образованный лобъ? Убѣй Лезгина, – одной лопатою меньше *; а вѣдь, если меня убьютъ, самъ Аллахъ призадумается, кѣмъ заступить мое опустѣлое мѣсто на Дербендской шахматницѣ. Зато ужъ валялъ же я ихъ изъ пушки! Топчи-баши, бывало, такъ меня за полу и держитъ: «Наведи, говоритъ, Юсуфъ; ты мастеръ цѣлить.» Что дѣлать, наводишь; иногда и нехотя: *гьозимъ усти! башимъ усти!* изволь! ради моего глаза! ради моей головы! Да какъ грянешь изъ

* Лезгины нанимаются всегда копать марену у Дербендцевъ и ихъ обыкновенно называютъ лопатниками, *кюрекли*.

Digitized by Google

падишахъ Тапенджасынданъ, изъ Царскаго пистолета, такъ, гдѣ кучка Лезгинъ была, однѣ крошки летятъ! Посмотришь, воробьи расклевали! Ну, ужъ потѣшилъ я свою душеньку: и всё даромъ отличался! Забыли начальники, такъ же какъ и тебя, Искендеръ. Обоимъ намъ фукъ дали!

«*Шайтанъ апарсынъ*, чортъ возьми! подумалъ Искендеръ-Бекъ: сперва я радъ былъ, что меня не наградили наравнѣ съ нѣкоторыми трусами, а теперь и въ числѣ недовольныхъ вмѣстѣ съ Юсуфомъ быть стыдно.»

– Однако не слыхалъ ли ты чего, Искендеръ?

– Чего здѣсь услыхать, кромѣ шелеста вѣтра по лѣсу, да чакальяго плача!

– *Анасыны, бабасыны, атасынынъ эвельдакилэры батаимъ!* и мать и отца и предковъ отца этихъ чакалокъ утоплю я!..... Что это онѣ распѣлись словно Таврическія дѣвки на *чикмасанъ*, на вечеринкѣ, Улу-бея?

– Вѣрно чуютъ себѣ ужинъ изъ свѣжихъ труповъ, такъ заранѣе радуются. Да и правду сказать, если твой носъ достанется имъ въ добычу, есть чему! Дербендскіе беки сдѣлались нынче такіе сидни, что самимъ чертямъ ихъ мясо въ диковинку: чакалкамъ и подавно!

– Не пугай по-напрасну, душа моя, Искендеръ! худое слово кличетъ худое дѣло. Долго ли до бѣды! Теперь что ни самая-то пора для разбойниковъ; теперь они рыщутъ по дорогамъ, какъ голодные тигры: вѣдь не даромъ говорятъ – когда въ горахъ зерно не родится и самъ другъ, порохъ родится самъ сотъ. Если Мулла-Нуръ.....?

– А кто такой этотъ Мулла-Нуръ?.....

– Тише, ради Гуссейна и Алія! тише, Искендеръ! Не дожить мнѣ съ тобой до завтрешней бороды! У этого проклятаго Мулла-Нура уши на всѣхъ деревахъ вмѣсто ягодъ растутъ, паутины его раскинуты вездѣ.

Digitized by Google

Не думаешь, не гадаешь, а онъ, откуда ни возьмется, давай строчить изъ ружей, покуда *аманъ* не закричишь.

– А потомъ?

– А потомъ, разумѣется, къ расчету: Мулла-Нуръ большой шутникъ; если замѣтитъ, у кого душа выни-мается вмѣстѣ съ червонцами, обереть до нитки; съ иного, напротивъ, если ему взглядъ по душѣ прійдетъ, не возьметъ и рубля. У того потребуетъ золота вѣсомъ на двѣ на три пули; у другаго серебряныхъ монетъ сколько уложится на кинжалъ.« Я, говоритъ онъ, самъ купецъ, торгую свинцомъ да булатомъ.» Порой, бываетъ, только два на сто съ товара возьметъ. «Вѣдь платите же вы *рахтаръ* *, на всякой переправѣ, въ каждомъ городишкѣ. А чѣмъ я хуже Шамхала?» И всѣ платятъ, да еще похваливаютъ, что безъ прижимокъ и проволочекъ пропускаетъ.

– Да развѣ у этихъ купцовъ однѣ трубки вмѣсто огненнаго оружія? Развѣ этотъ разбойникъ изъ чугуна вылитъ?

– Не то изъ чугуна, изъ кованой стали! Сказываютъ, ни какая пуля его не беретъ. *Аллахъ акберъ!* Богъ великъ!

– Если тебѣ вѣрить, Юсуфъ, такъ онъ шайтанъ, не менѣе: потому что, безъ чертовской помощи, какъ могъ бы одинъ человѣкъ останавливать и грабить цѣлые караваны!

– Видно, душа моя, Искендеръ, что ты въ сундукѣ росъ и кромѣ домашняго пѣтуха пѣсень не слыхалъ. Да кто тебѣ говоритъ – у Мулла-Нура нѣтъ товарищей? Кому несѣяный хлѣбъ паскучитъ? Взойди здѣсь

* Пошлина. Въ Мусульманскихъ провинціяхъ не только провозъ товаровъ черезъ каждый городъ обложенъ ею, но по старымъ правамъ многіе ханы взимаютъ пошлину за переѣздъ черезъ свои владѣнія. Это чрезвычайно стѣсняетъ тамошнюю торговлю.

Digitized by Google

на первую горку: «кто ко мнѣ, кто со мной, стрѣльцы, удальцы, бездомные молодцы?» — отъ всѣхъ сторонъ, съ поморья и съ угодья, на это слово слетятся головорѣзы, всѣ, у кого имѣніе укладывается въ ножны, всѣ, кому ружейный зарядъ души дороже. Примѣромъ сказать, не будь у меня сбоку родныхъ, да впереди наслѣдства и этого стоглазаго коменданта надъ головою.... я бы самъ.... другъ мой Искендеръ.... Ой, Искендеръ-Бекъ, куда ты удралъ? Этакой иноходью какъ разъ въѣдешь въ пасть шайтана! Не даромъ говорятъ, что темнота — чортовъ мостъ: а теперь такъ темно, *зюльматъ кими*, точно въ преисподней! Что жъ не отвѣчаешь Искендеръ?..... О чемъ ты задумался?

— Я думаю, что ты былъ бы плохой наѣздникъ, Гаджи-Юсуфъ.

— Я, плохой наѣздникъ? Я? Есть ли у тебя стыдъ, *Утан-маз-ми-сынъ*, Искендеръ! *Валлахъ, билляхъ*! жаль, что ты не видалъ какъ подъ самымъ Шамомъ (Дамаскомъ) отработалъ я разбойниковъ. Не хвастовски сказать могу, весь караванъ молельщиковъ у меня въ ногахъ навалялся. Правду сказать, и было за что. *Дузъ чуреку кой гюзляры тутсунъ*, пусть мнѣ хлѣбъ-соль очи залѣпитъ, если я лгу! Ружье у меня разкалилось до красна, такъ, что само стрѣляло, а сабля, чистый *мисиръ*, съ золотою струйкою, — она у меня до-сихъ-поръ какъ свидѣтель у стѣнки стоитъ, — сабля гребнемъ вызубрилась: да и разчесалъ же я этимъ гребнемъ Арабскія бороды, *анасыны, бабасыны*! А что за бороды у нихъ, Искендеръ! *Черкесъ япунджа кими*, словно Черкеская бурка, на плеча закинуты. Кончилось тѣмъ, что ровно семерыхъ я до смерти убилъ, а двухъ, *алинъ алиннанъ баглибъ, эгер-устине чекибъ*, рука съ рукой связавши, на сѣдло встянувши, въ торокахъ до ночлега привезъ. На другой день Шамскій паша, при насъ же, всѣхъ трехъ этихъ разбойниковъ сжегъ:

Digitized by Google

словно бурьянъ горѣли, бездѣльники, – такъ и трещатъ. Куда сухой народъ эти Арабы!

– И чернолицый, я думаю?

– Аллахъ упаси, какой чернолицый! Ни дать ни взять, сапогъ Русскихъ офицеровъ. Бывало, не пощупавши рукой, никакъ не узнаешь гдѣ у нихъ рожа, гдѣ затылокъ.

– И не краснѣютъ они?

– Заводу нѣтъ краснѣть! Я пробовалъ: даже пощечинами краски не добьешься.

– Вотъ бы тебѣ оттуда вывезти пару такихъ щекъ, Гаджи-Юсуфъ! А то, не ровенъ случай, родимыя, хоть и желтый сафьянъ, всѣ могутъ иногда полинять отъ подобныхъ росказней. Ружье твое, на что желѣзо, а и то имѣло больше тебя совѣсти: покраснѣло таки!

– И вѣдомо, покраснѣло отъ накала: спроси хоть у Сафаръ-Кули!..... Жаль, умеръ онъ недавно: что бы ему подождать, мошеннику, до сегодня! А то, передъ тобой хоть весь въ клятвы разсыпься: не повѣришь. Такая видно въ тебѣ кровь, что ни съ водой ни съ масломъ смѣшать нельзя: слѣдъ-въ-слѣдъ по отцу пошелъ! Да что же ты, въ самомъ дѣлѣ, трусомъ, что ли, въ умѣ держишь меня? Подавай мнѣ сейчасъ дюжину самыхъ лютыхъ людоѣдовъ: разобью я ихъ путь и вѣру, *іолины, динины кесемъ!* Проглочу; и на семь лѣтъ безъ вѣсти пропадутъ! Покажи мнѣ ихъ! Только покажи ты мнѣ ихъ! Пхе!.... Нутка, умудрись мнѣ ихъ показать теперь? Чего, братъ, я не вижу, того знать не хочу! Заглазно и коня не покупаютъ: а я тебѣ стану безъ глазъ драться? Нашелъ дурака! Я люблю, чтобы солнце любовалось на мою отвагу; чтобы самъ я видѣлъ куда мѣтить: я вѣдь человѣкъ расчетливой, никуда не бью врага кромѣ праваго глаза. Чѣмъ онъ будетъ цѣлиться, когда праваго нѣтъ, а лѣвый прищуренъ? За-неволю ружье броситъ!

– Я повода бросилъ, Гаджи Юсуфъ! У меня оба ука

Digitized by Google

зательные пальца во рту отъ удивленія. *Машаллахъ!.... Иншаллахъ,* какъ бы намъ поскорѣе свѣту дождаться, да Богъ дастъ встрѣтить хоть десятокъ разбойниковъ на закуску..... Я отступаюсь отъ своей доли, я ихъ всѣхъ тебѣ отдаю. Я не обнажу не только кинжала, даже вилки изъ кинжала *. *Валлахъ, баллахъ,* не обнажу!

– Не божись даромъ, Искендеръ: чортъ меня унеси, это предурная привычка! Здѣсь и безъ исканья много разбойниковъ, а ты къ нимъ на встрѣчу напрашиваешься. Видишь, какой здѣсь край воровской: шайтанъ утащилъ съ неба мѣсяцъ, а ночь у насъ и дорогу изъ подъ ногъ вытаскиваетъ.... Ай, ай, ай, Искендеръ!

– Что съ тобой сталось, Юсуфъ? Кто тебя?

– Охъ, охъ, перепугалъ проклятый!..... Я поймалъ кого-то, Искендеръ. *Кимъ сенъ? гарданъ-сенъ?* кто ты? откуда ты?

– Тащи его сюда, бездѣльника!

– Упирается, нейдетъ!

– Такъ брось его, да въ сторону: я буду стрѣлять!

– То-то и бѣда что не пускаетъ: вцѣпился, мошенникъ, точно ястребъ въ фазана..... Ой, ой, до костей когти запускаетъ.....

– Ты видно забылъ, что на тебѣ кольчуга, Юсуфъ, что у тебя пистолетъ запоясомъ!

– Забудешь, что и голова на плечахъ!....Ой, выручи, Искендеръ-бекъ, ради самого пророка выручи!

Искендеръ-бекъ не спѣшилъ; онъ зналъ, что у страха глаза велики. Онъ подъѣхалъ шагомъ, ощупалъ кругомъ Юсуфа и сказалъ въ полсмѣха и съ полудосадою:

* На исподней сторонѣ ноженъ придѣлывается обыкновенно мѣсто для ножичка, *бичахъ,* и шила, *бизъ.* Хотя послѣднее и похоже на однозубую вилку, но какъ мусульмане ѣдятъ все руками, то она предназначена для провертыванія путлищъ.

Digitized by Google

– Такъ и есть! Въ него терновый кустъ вцѣпился! Ахъ! ты *дали-башъ, дали-башъ*, горемыка *, возилъ бы ты лучше на ослѣ воду изъ фонтана, чѣмъ ѣздить на конѣ въ горы за снѣгомъ! А еще разбойничать собирается!

– На худой конецъ разбойниковъ колотить мое дѣло, произнесъ ободренный Юсуфъ. Задалъ же я ему тумака, бездѣльнику....., Лови, лови, Искендеръ; вонъ онъ подъ кустомъ, шелеститъ словно ящерица..... Слышишь?

– Слышу какъ на тебѣ колечки дрожатъ!

– Дрожали, братъ, и у этого Лезгина косточки, когда я его тузилъ? Сжегъ я бороду его отца, да и его собственной бородѣ спуску не далъ. Теперь онъ чорту въ *чубукчи* годится: пощупай-ка сколько волосъ я у него изъ усовъ выщипалъ!

И Гаджи-Юсуфъ рванулъ цѣлый клокъ изъ праваго *зильфа* своего (локона сзади уха), и насильно втиснулъ его въ руку Искендеръ-Бека. Между хвастунами есть свои ханжи и свои мученики. У Юсуфа текли слезы отъ боли.

И вдругъ онъ схватилъ за поводья коня Искендерова.

– Посмотри, погляди впередъ, произнесъ онъ трепетнымъ голосомъ: видишь ли, какъ сыплются искры? Это съ полки срываетъ..... Тамъ засада!

– Тамъ Дарбасъ, отвѣчалъ спокойно Искендеръ: неужели ты не видишь и не слышишь, какъ сверкаетъ и шумитъ рѣка?.....Худые же прикащики твои уши и глаза, Юсуфъ: надуваютъ тебя на всякомъ шагу въ половинѣ со страхомъ! Право, я бы тебѣ совѣтовалъ выбрать въ проводники свой носъ и ѣхать лучше ощупью.

* *Дали*, или *дели-башъ*, собственно значитъ – безумная, удалая голова, храбрецъ; но у Турокъ дели-баши – особенный родъ кавалеріи. Они носятъ высокій черный колпакъ, съ рукавомъ, съ него вѣющимъ, и первые кидаются въ ряды непріятельскіе.

Digitized by Google

— Лучше совсѣмъ не ѣхать, Искендеръ! Рѣка?....бездѣлица! Бѣшеная рѣка!... шутка! Да теперь самъ шайтанъ нарочно, я думаю, кипятитъ снѣга и камни въ горахъ, чтобы, въ мутной водѣ, утопленниковъ ловить: онъ не разбираетъ, есть ли, нѣтъ ли, чешуя на на этой рыбѣ *. Искендеръ-Бекъ, душечка ты, мой Искендеръ, не ѣзди! пожалуста! *Миннетъ эйлярамъ! тавакой эйлярамъ сана!* У меня конь такъ и спотыкается. Пустимъ коней покормиться, а сами переждемъ здѣсь ночь.... Не слушаетъ! Уфъ, уфъ, такъ на сѣдло и плещетъ! Напьешься послѣ, разбестія. Да какая же холодная вода!..... Что жъ ты сталъ среди рѣки, *гарамъ-задѣ?* Ухъ, кто-то тянетъ меня за полу!.....Ой, падаю, ой, тону!

Къ счастію, Юсуфъ удержался въ сѣдлѣ, и конь, выскочивъ на берегъ, зафыркалъ, затрусился, заржалъ. Переправа была въ самомъ дѣлѣ опасна, и молодой бекъ, выѣхавъ ранѣе на другой берегъ, то хохоталъ, то трепеталъ, слыша жалобныя восклицанія своего хвастливаго спутника. По-крайней-мѣрѣ Юсуфъ, почти выкупавшись, выудилъ въ рѣкѣ достаточную причину сваливать на лихорадку страхъ свой. Передъ разсвѣтомъ наши путники доѣхали до Самбура, а тотъ ревѣлъ и кипѣлъ, разлившись широко. Въ мутныхъ волнахъ прядали, гремѣли, мелькали каменья; глухой гулъ стоялъ надъ потокомъ. Они стреножили коней, и пустили ихъ щипать муравy, а сами легли отдохнуть подъ бурками. Юсуфъ и тутъ не переставалъ бояться, не переставалъ хвастать; Искендеръ мечталъ, засыпая. Одинъ разсказывалъ про то, чего никогда не было; другой, наслаждаясь въ мысляхъ тѣмъ, что, можетъ-быть, никогда не сбудется. Наконецъ разговоръ, составленный изъ вздоховъ Искендера и зѣвковъ

* Законъ запрещаетъ мусульманамъ ѣсть безчешуйную рыбу, и оттого рыболовство у нихъ почти неизвѣстно.

Digitized by Google

Юсуфа, рѣдѣлъ, рѣдѣлъ, и прекратился. Впрочемъ, пугливый герой спалъ вполглаза и вполуха: онъ разъ десять окликалъ собственный свой носъ, воображая, что кто-то крадется задушить его; что кто-то трубитъ въ рогъ, — а это онъ самъ храпѣлъ. Онъ бредилъ, но и сквозь бредъ пробивались клятвы и обломки хвастовства.....

Разгадайте мнѣ, пожалуйста, отчего трусы всѣхъ возрастовъ и всѣхъ странъ на одну стать. Природа или расчетъ — въ нихъ хвастовство? Такъ или этакъ, но меня не обманывала примѣта: кто обнажаетъ саблю, не видя непріятеля, или много разсказываетъ про себя послѣ дѣла, тотъ вѣрно не изъ храбраго десятка. Истинное мужество немногорѣчиво: ему такъ мало стоитъ показать себя, что самое геройство оно считаетъ за долгъ, не за подвигъ: а кто разсказываетъ про свои долги? Трусость напротивъ, безстыдно скрываясь передъ непріятелями, безстыдно поднимаетъ носъ передъ пріятелями, и сочиняетъ наглыя небылицы. Чѣмъ же, вы думаете, это кончается? Очевидцы хохочутъ, а слушатели привыкаютъ вѣрить, особенно люди, въ которыхъ болѣе чести чѣмъ прозорливости. Смотришь, хвастунъ награжденъ вдвое; и не мудрено: у строеваго меча одно остріе, а языкъ — мечь двуострый. Дѣло уходитъ въ область минувшаго безъ возврата, слово повторяется по произволу; оно живетъ, оно живитъ.

По-моему, шпага есть прекрасная эмблема истинной храбрости, одѣтой въ скромность: она всегда въ ножнахъ во время мира, она не бренчитъ и не сверкаетъ какъ болтливыя шпоры.

Впрочемъ пусть не ропщутъ на меня охотники пѣнить свою водицу: хвастовство — природа человѣка, потому что человѣкъ гордъ отъ природы. Послушайте-ка что говоритъ онъ: «Свой умъ — царь въ головѣ, а съ умомъ я — царь природы.» Домъ его провалился

Digitized by Google

сквозь землю, носъ упалъ на землю, самъ онъ умираетъ, оттого что холодный вѣтеръ дохнулъ ему въ лицо, – а онъ даже на исповѣди не кается, что называлъ себя царемъ природы. Обманывая себя, привыкаютъ обманывать другихъ. И въ самомъ дѣлѣ, что такое воспоминаніе, что такое надежда? Хвастовство минувшаго и будущаго! То и другая надуваютъ, хотя не наполняютъ нашего настоящаго. Настоящее – мигъ пробужденія между двумя снами, но – мигъ заботъ и страховъ, мигъ голода желаній и жажды ума, мигъ помноженный на страданія и наслажденія души и тѣла попеременно. Только въ этомъ мы страхъ близоруки: все, что еще вдали или уже далеко, намъ кажется величавымъ и плѣнительнымъ. Все, что намъ завѣтно или недоступно, раждаетъ неутомимую охоту овладѣть имъ.

Вотъ почему хвастунъ и завистникъ, двѣ стороны одной и той же поддѣльной монеты, сами на себя доказываютъ, что дѣла или достоинства, которыми они хвалятся или которые они унижаютъ, имъ не возможны.

—

VI.

Сычанъ гюранда, пелянга охшатанъ пишикъ, асланъ гюранда, сычана дюнды!

Кошка, завидя мышь, шагренъ надулась, а передъ львомъ сама прикинулась мышкою!

ПРИСКАЗКА.

Сладостно пробудиться отъ перваго луча солнца, когда онъ, какъ рѣзвунъ попугай, прокрадывается сквозь занавѣсъ въ спальню и золотымъ клювомъ своимъ сбрасываетъ одѣяло мрака съ милаго лица жены, покоящейся будто роза на листикѣ. Сладостно, едвали не сладостнѣе, открыть очи, послѣ краткаго сна на свѣжей муравѣ, подъ пологомъ неба; открыть, и, пря-

Digitized by Google

мо, уста къ устамъ, увидѣть, ощутить лице природы. Невѣста всегда милѣй жены, еще не своей,— а природа вѣчно невѣста! Искендеръ-Бекъ потянулся съ нѣгою, медленно поднялъ вѣки, еще полныя сновидѣній, и передъ нимъ, какъ ихъ продолженіе, открылась пышная картина утра. Кругомъ дремалъ лѣсъ облитый, перевитый, южною зеленью; передъ очами въ вышинѣ горѣлъ и дымился снѣжный Шахъ-дагъ какъ серебряное кадило; передъ очами внизу катился бѣшеный Самбуръ, то разбрызгивая влажнымъ вихремъ, то судорожно свивая въ кольца, волны свои, точно змѣй ущемленный между скалами. Соловей поврeменно покрывалъ своею пѣснію рычанье потока.....

И глубоко отозвались въ душѣ Искендера эти прерванные звуки. Казалось, ими разрѣшалась недосказанная загадка души; казалось, въ нихъ обрѣталъ онъ собственныя выраженія, языкъ любви, его томящей..... Онъ былъ весь вниманіе..... Но въ самый тотъ мигъ, когда пѣвецъ лѣсовъ разсыпался звѣздами блистательныхъ звуковъ, Юсуфъ захрапѣлъ, какъ лопнувшій барабанъ. Искендеръ-Бекъ потерялъ терпѣніе, и въ досадѣ ткнулъ закрученнымъ носкомъ своего сапога, выставленный изъ-подъ бурки носъ его..... Юсуфъ вскочилъ!

— Что тамъ?..... Шайтанъ тебя унеси, Искендеръ-Бекъ: наступилъ мнѣ на носъ, а у меня, слава Аллаху, носъ не горошина, у тебя глаза не на затылкѣ.

— Однако жъ и не на каблукахъ. Извини, братъ Юсуфъ, пожалуйста.

— Какой лѣшій училъ тебя плясать по моему носу? Въ плясуны по канату, что ли, ты собираешься, или хочешь заранѣе привыкнуть къ переходу черезъ Эль-сыратъ *?..... Стряхну я въ адъ твою душу! *Валлага, билляге!*

* Черезъ пламя *джегеннема* (ада), для перехода въ рай, лежитъ какъ лезвіе сабли острый мостъ Эль-сыратъ. — Алкоранъ.

Digitized by Google

– Изъ какихъ пустяковъ, право, ты разгнѣвался! Вѣдь носъ твой не изъ фарфора литой, не изъ Стамбула привезенъ! Видишь, я топнулъ ногой съ досады на соловья: помѣшалъ мнѣ, крылатая свистулька, слушать, какъ ты храпишь.

– Чтобы вамъ обоимъ питаться весь вѣкъ однимъ запахомъ розъ; чтобы шипы ихъ были для васъ колючи какъ носокъ твоего сапога; чтобы.....!

– Полно, полно, Юсуфъ, не корми чертей этими пряниками! Слышишь, что поетъ мулла въ Зеафурахъ*? «Молитва лучше сна!» А я добавлю, «и лучше клятвы!»

Совершивъ омовеніе и молитву, путники наши рѣшились бродиться за рѣку. Вода, отъ растопленныхъ дневнымъ жаромъ снѣговъ, за-ночь немного стекла; но кто знаетъ горныя рѣки лѣтомъ, кто знаетъ Самбуръ въ особенности, тотъ скажетъ вамъ, что переправа черезъ эту рѣку въ разливѣ во сто разъ опаснѣе боя. Если конь вашъ споткнулся, васъ не спасетъ ничто и никто. Въ одинъ мигъ черепъ разлетится о камни, а быстрина увлечетъ въ море. Совсѣмъ тѣмъ, привычка и необходимость обращаютъ этотъ подвигъ въ самое обыкновенное дѣло, хотя ни та ни другая не мѣшаютъ проѣзжимъ тонуть весьма нерѣдко. Предчувствуя бѣду, конь упирается, мочитъ ноздри въ пѣну, озирается во всѣ стороны, дрожитъ; но ударъ по крутымъ бедрамъ, – и онъ бросается въ воду, задними ногами скользя съ крутаго берега. Чтобы противустать быстринѣ, онъ ложится на встрѣчу ей: сѣдло погружено, волны прядаютъ черезъ луку, брызги летятъ въ глаза, часто камни, ударившись одинъ о другой, крутятся мимо..... Кажется, конь клонится, падаетъ, грузнетъ; и точно, будто не трогается съ мѣста,–такъ стремительно несется рѣка, такъ блещетъ

* Зеафуры – селеніе по правую сторону Самбура.

Digitized by Google

и кружится передъ глазами ртутная влага!..... Горе тому, у кого не силенъ конь; вдвое горе, у кого сдастъ голова или сердце въ роковую минуту поворота по-серединѣ рѣки. Обыкновенно, сперва съѣзжаютъ внизъ по теченію, и потомъ, описавъ острый уголъ, ѣдутъ противъ быстрины на въѣздъ. Да сохранитъ же васъ Богъ вспоминать тогда правила кавалерійской ѣзды, чтобы, посадивъ лошадь на заднія ноги, вдругъ повернуть ее пируэтомъ! Масса воды, ударившись въ широкую площадь бока, непремѣнно собьетъ лошадь, не имѣющую опоры. Напротивъ, заставьте коня лечь на передъ и отдайте потомъ все его тѣло силѣ теченія, — оно само поворотится на оси и конь, уже твердо стоя на каменномъ днѣ, грудью пойдетъ въ разрѣзъ валовъ *. Говорю объ этомъ вмѣсто маяка для тѣхъ, кого судьба приведетъ на Кавказъ..... Я потерялъ одного товорища моего дѣтства, оттого что онъ не умѣлъ управить конемъ въ ничтожной рѣченкѣ: онъ былъ измолотъ!

Оба бека, благодаря снаровкѣ и привычности коней, счастливо совершили переѣздъ черезъ оба рукава Самбура. Юсуфъ, который во все время это не вымолвилъ слова, — потому что у него занялся духъ, — едва выскочилъ на берегъ, снова принялся браниться и клясться; онъ откашливался проклятіями, какъ-будто бы онѣ отъ этого невольнаго воздержанія набились у него въ горлѣ.

— Выпей чортъ эту рѣку! Утоплю я въ ней свинью!.....

— Пускай водятся въ ней одни бѣсенята вмѣсто рыбы!.....

— Слыханное ли дѣло, надулась дотого, что вода подъ самое сердце хватаетъ? Изсохни же такъ, чтобы ля-

* Почти всѣ Черкескія лошади ворочаются на переднихъ ногахъ, а задъ заносятъ. Это для насъ Европейцевъ очень непріятно; но туземцы гоняются не за красой, а за пользою.

Digitized by Google

гушкѣ нѣчемъ было вымыть лапокъ передъ намазомъ! Захлебнись твое дно грязью! оборотись оно большою дорогою собакамъ!.....

Да то ли еще говорилъ Гаджи-Юсуфъ! Такъ ли онъ величалъ бѣднягу Самбуръ но всѣмъ восходящимъ и низходящимъ поколѣніямъ! Щедръ былъ онъ на это, нѣчего сказать; да и разнообразенъ, куда разнообразенъ: что ни брань, то обновка. Только всѣ эти обновки обшивалъ онъ старинною бахрамою – *анасыны*, и прочая, *агзуа*, и прочая, изъ которыхъ во время владычества Татаръ, мы кой-что, *для* домашняго обихода, «передѣлали на Русскіе нравы». Говорю – во время владычества Татаръ, потому что ранѣе ни въ однѣхъ лѣтописяхъ *таковыхъ* не встрѣчается, слѣдовательно въ Русскомъ языкѣ *оныхъ* дотолѣ и несуществовало: это ясно какъ червонецъ.

– Ну, къ кому же заѣдемъ покормить ячменемъ коней и пообѣдать сами *? сказалъ Искендеръ-Бекъ: у меня въ Зеафурахъ нѣтъ ни души знакомой.

– Да и незнакомой души не найдешь въ цѣлой этой деревнѣ. Сожгу я бороды этихъ двуногихъ собакъ! Безъ *абарата* ** здѣсь и лбомъ ни одной двери не отворишь. Хоть умри на улицѣ, ни кто не подниметъ, какъ зачумленнаго.

– Видно Зеафурцы учились у нашихъ горожанъ гостепріимству? По-крайней-мѣрѣ у насъ есть базары.

– А вотъ попытаемъ и здѣсь, не выманимъ ли какую душонку на абазъ, какъ скорпіона на свѣчку. Поглядывай по дворамъ, не увидишь ли сѣрой бородки, Искендеръ..... Сѣрыя бороды добрѣй и сговорчи-

* Мусульмане плотно завтракаютъ часовъ около семи утра, а ужинаютъ при закатѣ солнца; – вполдень никогда не ѣдятъ, и считаютъ это вреднымъ.

** *Абаратъ*, необходимая вещь для путешественниковъ по Азіи: это – предписаніе начальника округа, или хана, чтобы вамъ давали ночлегъ, пищу и коней.

Digitized by Google

вѣе прочихъ. Бѣлая борода – вѣрно старшина, то есть, вѣрно плутъ; красная борода – безъ-сомнѣнія человѣкъ зажиточный; у него и серебрецо водится и женка по красивѣе; не пуститъ изъ одной ревности. А кто дожилъ до сѣрой бороды, у того конечно есть домишко, и желаніе купить хенны, чтобы перекрасить себя. Эй, пріятель! *Селямъ алейкюмъ*! Не позволишь ли намъ у тебя отдохнуть часокъ, да отвѣдать хлѣба-соли?

– *Алейкюмъ селямъ*! отвѣчалъ высокій, угрюмый Татаринъ, глядя черезъ колючій заборъ. Вы по службѣ, что ли?

– Нѣтъ, по дружбѣ, добрый человѣкъ!

– Абаратъ есть?

– *Фитатъ* есть *, и больше ничего. Ну, шевелись, товарищь, отворяй-ка вороты!

– Милости просимъ! *Хошъ гяльды*! У меня часто *керванъ-сагибляры* ** ночлегуютъ; и ни конь ни человѣкъ на Аграмма не пожалуется.

Запоръ упалъ. Странники въѣхали на дворъ, попустили подпругъ конямъ, насыпали имъ на бурку ячменю. Надо вамъ сказать, что Дагистанскіе поселяне живутъ очень опрятно; домы почти всегда въ два яруса; построены гдѣ изъ нежженаго кирпича, гдѣ изъ плетеной мазанки, но выбѣлены снаружи и внутри. У одной стѣны – каминъ, выходящій угломъ; кругомъ комнаты въ ростъ человѣка – лѣпной карнизъ, уставленный посудою; на полу если не *паласы* ***, то очень чистыя ценовки, *гасиль*. Оконъ почти никогда нѣтъ, потому что всѣ работы и бесѣды происходятъ на открытомъ воздухѣ, даже зимой. Мусульманинъ заботится не о томъ чтобы видѣть, но чтобы не быть видимымъ: это – основное правило не только его архи-

* Самое чистое серебро.

** *Керванъ-сагибы*, хозяинъ каравана. *Ляръ*, окончаніе множественнаго числа въ Татарскомъ языкѣ.

*** Родъ ковровъ безъ ворсы.

Digitized by Google

тектуры, но и всей жизни. Аграимъ просилъ гостей въ верхнія комнаты. Поставивъ оружіе въ углу передней, они вошли въ хозяйскую спальню, и очень удивились, не встрѣтя прежде ни какихъ примѣтъ самки, что посерединѣ стоймя стояли женскія туманы. Вопросы вообще для Азіатцевъ – самая щекотливая струна, но вопросы о женщинахъ они просто считаютъ неприличностью, о женѣ – обидою. У Гаджи-Юсуфа очень чесался языкъ по-крайней-мѣрѣ потрунить надъ завѣтною мебелью, но онъ боялся навести худу на свою городскую учтивость.

– Не попотчуешь ли насъ пловомъ, хозяинъ? спросилъ онъ.

– Самъ пророкъ не ѣдалъ такого плова, какой готовила у меня жена! Аллахъ, Аллахъ! бывало, всѣ гости пальцы обкусаютъ: такъ весь въ жиру и купается! А ужъ бѣлой-то какой, разсыпчатой! да съ изюмомъ, съ шафраномъ!

– Это, кажется, *дербендъ-намѣ* *, повѣсть, шепнулъ Искендеръ-Бекъ товарищу.

– Это *Дербендъ-бары* **, прибавилъ Юсуфъ, укусивши чурекъ съ *пендыремъ*, сыромъ изъ овечьяго молока, какъ предисловіе обѣда. Кажется, этотъ смурый грѣшникъ хочетъ угостить насъ только женинными туманами!

– А почему нѣтъ! возразилъ Искендеръ: хозяйка не пожалѣла на нихъ масла. – А что, если бъ твои домашнія ***, пріятель, сложились въ одну душу,

* *Дербендъ-намѣ*, повѣствованіе о Дербендѣ, смѣсь нелѣпыхъ басень съ историческими истинами; полу-поэма полу-сказка, очень старинная и весьма уважаемая.

** Городская стѣна Дербенда. А славная огромностью своею стѣна, идущая черезъ горы, зовется *Даги-бары*, горная стѣна.

*** Замѣтьте, онъ не говоритъ – твои жены, но – твои домашнія, *эвдакиляръ*.

Digitized by Google

бирь джанъ олубъ, да состряпали намъ хотя хынкалу *? обратилъ онъ рѣчь къ хозяину.

– Хынкалъ? Гдѣ жъ у меня хынкалъ! Кази-Мулла съѣлъ барановъ, земля проглотила посѣвъ. Домашнія! Вай, вай! кто жъ у меня теперь домашнія, кромѣ этого кота? Умерла моя молоденькая, пригоженькая Уми..... Съ ней закопалъ я свои послѣднія пятьдесятъ серебряныхъ рублей въ могилу! Плачу не наплачусь до-сыта надъ ея туманами!

И онъ зарюмилъ.

– Чудесный памятникъ! шепнулъ Юсуфъ.

– Придется и намъ поплакать, молвилъ Искендеръ.

– Дай намъ хоть кислаго молока, хозяинъ.

– Кислаго молока, *джанымъ?* То-то, бывало, моя Уми превкусно его готовила..... Да на это ли одно была она мастерица!..... А теперь.....

– Теперь тебѣ стоитъ поглядѣть въ прѣсное, такъ мигомъ свернется, вскричалъ Юсуфъ, почти выталкивая Аграима за дверь: поди принеси какого-нибудь, ты увидишь, что я говорю правду. Продамъ я твою мать за двѣ луковицы, кислая харя, *анасыны сатаимъ!* У меня въ желудкѣ пѣтухи поютъ, а онъ разсказываетъ сказки: самъ онъ хоть грязь ѣстъ, а насъ даже дымомъ не потчиваетъ, *итъ оглы*, сынъ собаки! Эй, хозяинъ! кой чортъ ты любуешься на наши ружья, да съ проѣзжими словно Шемаханская плясунья шепчешься? Мы такъ голодны, что съѣли бы кита, на которомъ свѣтъ стоитъ: подавай намъ чего-нибудь поскорѣй!

– *Бу сагатта, бу сагатта,* сейчасъ, сейчасъ, отвѣчалъ тотъ, и принесъ наконецъ чашку молока, да пучекъ луку.

Нѣчего было дѣлать, пришлось довольствоваться и этимъ. Хозяинъ между-тѣмъ оплакивалъ свою Уми,

* Родъ супу съ чеснокомъ и съ лапшею.

Digitized by Google

Юсуфъ ѣлъ и бранился, Искендеръ смѣялся и ѣлъ. Пообѣдавши вкратцѣ, Юсуфъ метнулъ полтинникъ въ чалую бороду Аграима, далъ пинка туманамъ, такъ, что съ этого монумента полетѣли заплатки и они вышли, при угрозахъ хозяина, что онъ будетъ жаловаться на паглецовъ за безчестье, нанесенное шалварамъ его жены. Скоро Зейфуры остались далеко за ними; они ударились вправо на горы.

– Посмотри назадъ, робко сказалъ Юсуфъ Искендеру: тотъ самый бездѣльникъ, что разговаривалъ съ хозяиномъ, слѣдитъ насъ, замѣчаетъ куда мы поѣдемъ.

Въ самомъ дѣлѣ какой-то Лезгинъ стоялъ вдали на холмѣ, вложивъ ногу въ стремя и припавши на сѣдло своего коня: два мгновенія послѣ, его уже не было, словно онъ утонулъ въ землѣ.

– Тебѣ каждый пастухъ кажется разбойникомъ, возразилъ Искендеръ-Бекъ, улыбаясь.

– Да развѣ здѣшніе пастухи честные люди? Пхе! мало ты знаешь здѣшніе обычаи! Кюринцы – всегдашніе половинщики разбойниковъ изъ Кази-Кумыкъ и вольныхъ Табасаранцевъ, а Посамбурье – всегдашняя для горцевъ дорога. Горцы ограбятъ караванъ или проѣзжаго, а пастухи долинъ ихъ кормятъ, скрываютъ добычу; безъ стадъ они не могли бы недѣли прозабавиться тутъ. Вся шайка Мулла-Нура собрана изъ горцевъ, какъ разсказываютъ.

– Ну, что твой Мулла-Нуръ, что твои горцы? Развѣ не такіе же люди какъ всѣ мы?

– Люди такіе же, да мѣста, гдѣ они грабятъ, иныя чѣмъ на долинахъ. Въ горахъ, братъ, и ослиное копыто искру даетъ *.

– *Аллахъ ишитсынъ!* Богъ да услышитъ меня! Я

* Въ горахъ часто куютъ не толькоословъ, но быковъ и буйволовъ.

Digitized by Google

бы дорого далъ, чтобы стать лицемъ къ лицу съ твоими хваленьими! Посмотрѣлъ бы я, кто бъ изъ насъ кому далъ дорогу. Пускай я сосалъ позоръ а не молоко, изъ груди матери.

— Опять ты принялся клясться, да просить у Аллаха, чего и отъ шайтана остерегаться надобно! Не грѣхъ ли тебѣ это, душечка Искендеръ? Развѣ ты песъ, или гяуръ какой, или тебѣ тяжело носить душу въ тѣлѣ, а голову на плечахъ? Перекуси, чортъ, пополамъ мой носъ, если не лучше повстрѣчать голоднаго льва чѣмъ этого, не вслухъ будь сказано, Мулла-Нура!

— Вотъ то-то, Юсуфъ, если бъ ты поменьше хвасталъ, да поменьше трусилъ, ты бы лучше зналъ или видѣлъ дорогу: а то, взгляни-тка, въ какую трущобу завелъ ты меня? Здѣсь самъ чортъ безъ фонаря обломаетъ голову.

Въ самомъ дѣлѣ тропка, по которой они ѣхали, давно спряталась въ какую-то лисью нору. Скалы, обросшія многовѣчными деревами, пробивались сквозь лѣсную зелень всё острѣе и обнаженнѣе, точно кости сквозь кожу старика. Наконецъ каменный порогъ, саженъ сто въ отвѣсъ, преградилъ имъ ходъ совершенно. Огромные дубы, вырванные бурею изъ разщелинъ, лежали, истлѣвая у подножія. Великанскіе орѣшники, склонившись надъ ними, одѣвали ихъ ночною тѣнью, а широкія перевязи плюща, то перекидываясь по локтистымъ сучьямъ, то падая на землю, оплетали живыми кружевами подолъ этого плаща, будто сброшеннаго съ плечь утеса. Въ одномъ только мѣстѣ, расторгнутый на двое, онъ давалъ истокъ горному водопаду, когда-то могучему, теперь едва струящемуся по скату плитныхъ обломковъ. Вода, сверкая по каменной чешуѣ, заставляла волноваться растенія, подернувшія дно ея: казалось, катится каскадомъ зелени, а тамъ вверху, гдѣ высокій уступъ за-

Digitized by Google

двинулъ ущелье, черезъ него низвергался лучъ потока, разлетавшійся въ глубинѣ въ дымъ и въ пѣну, будто газовый шарфъ, затканный въ узоръ битью и шелками по каймѣ своей. Дивная игра природы дала всѣ цвѣта призмы порослямъ, дѣтямъ влаги, оживляющимъ скалу, такъ, что ручей, играя свѣтомъ солнца, переливался какъ прозрачная радуга накрестъ другой окаменѣлой радуги. Вверху его, струйки, прядая черезъ порогъ, бѣлѣлись и вѣялись будто страусовое перо, и, распрыскиваясь о камни, играли снопами павлиныхъ перьевъ. Искендеръ-Бекъ долго любовался этимъ восхитительнымъ зрѣлищемъ, и не сводя съ него глазъ, зачалъ взбираться по крутому ложу. Валуны катились изъ-подъ ногъ до самаго дна, конь нерѣдко съѣзжалъ назадъ и дышалъ вразрывъ подпруги. Юсуфъ, по всегдашнему своему обычаю, клялся, что онъ ни за какія радости въ свѣтѣ не ступитъ шагу далѣе, и по всегдашнему обычаю слѣдовалъ за переднимъ. Подъѣхавши почти подъ самый водопадъ, путники наши увидѣли вправо и влѣво двѣ разсѣлины, обнимающія столпъ, съ котораго онъ кидался въ воздухъ. Расточенныя водой, усыпанныя валунами разсѣлины эти обѣщали, хотя стремнистую, однако возможную стезю до самаго верху. Только, необходимо было совершать это полу-воздушное путешествіе на хвостѣ лошади. Носъ Юсуфа ни мало не пострадалъ, волочась по кремнистому ложу, и когда оба странника очутились на площадкѣ, негодованіе его разсыпалось гроздами брани.

– Разгрызи, чортъ, эту гору! Пусть всѣ кабаны Дагистана совьютъ въ ней гнѣздо свое! Пускай затрясетъ ее лихорадка землетрясеній, пускай она лопнетъ, онявшись дождями, проклятая!

– Самъ виноватъ, а бранишь горы, сказалъ ему Искендеръ. Не ты ли увѣрялъ, что знаешь дорогу на

Digitized by Google

Шахъ-дагъ какъ на базаръ; что скалы его тебѣ знакомы какъ пять пальцевъ.

— Развѣ я солгалъ? *Анасыны, бабасыны!* Какъ пять пальцевъ? Да кто же лазилъ на гору Пяти пальцевъ*, не имѣя когтей чорта? Съ Наврузъ-Бекомъ, онъ не дастъ мнѣ соврать, мы обнизали подковами всю эту гору: да тогда какъ-то она была совсѣмъ иначе, была глаже ладони; видно, эти бородавки наросли на нее послѣ, либо она обернулась къ солнцу спиной, погрѣть старыя кости, промороженныя сѣверомъ.

Почти всегда, какъ замѣчено геологами, южныя стороны горъ бываютъ обрывисты, потому что онѣ подвержены частымъ обваламъ и размывкѣ тающихъ снѣговъ отъ зноя солнца; напротивъ, сѣверные склоны, покрытые тѣнью почти весь день, отлоги и богаты лѣсомъ, муравою, всякимъ растеніемъ. Въ томъ же отношеніи, только съ меньшею рѣзкостью, находится востокъ къ западу. Но природа часто подсмѣивается надъ системами, и задаетъ господамъ систематикамъ такія задачи, что они со всею своей премудростью становятся втупикъ. Природа дѣйствуетъ по неизмѣннымъ законамъ, но сводъ ея законовъ напечатанъ въ цѣлой вселенной и безъ оглавленія. Можно ли намъ, обитателямъ одной точки пространства, одного мига времени, прочесть вполнѣ смыслъ творенія, разбросанный по тысячамъ міровъ? Можно ли отпереть тайны, отъ которыхъ ключи въ рукѣ Бога? Такъ и здѣсь: сѣверный обрывъ Шахъ-дага возникалъ стѣною, въ улику господъ геологовъ, и только голова его была убѣлена снѣгами; на крутизнѣ груди не могли держаться они, какъ бѣды на высокой душѣ. Странники наши увидали свою ошибку; убѣдились, что приступъ съ этой стороны невозможенъ, и принуждены были опоясать Шахъ-дагъ, попытать

* Бешъ-Вармакъ, приморская гора въ Кубинской провинціи.

Digitized by Google

взойти на него съ востока. Впрочемъ, вздумать это было гораздо легче нежели исполнить. Еще растительная черта была выше ихъ, но она змѣилась уже не краемъ зеленаго покрывала, а подобно городкамъ ковра, изорваннаго по каменьямъ. Громады скучивались надъ громадами, точно кристаллы аметиста, видимые сквозь микроскопъ, увеличивающій до ста невѣроятій. Тамъ и сямъ, на граняхъ скалъ, просѣдали цвѣтные мхи, или изъ трещины протягивало руку чахлое деревцо, будто узникъ изъ оконца тюрмы. Все было дико, угрюмо, грозно въ окрестности. Тишину пронзали одни клики орловъ, негодующихъ на человѣка за набѣгъ на ихъ область, — пустыню. Изрѣдка слышалась тихая жалоба какого-нибудь ключа, паденіе слезы его на безчувственный камень, не пускающій бѣдняжку слиться на-волѣ съ милой рѣкою. Искендеръ-Бекъ остановился, устремилъ бродившій около взоръ на Юсуфа, и укоризненный взоръ этотъ выговорилъ: «Ну что?»

— Двѣ тысячи проклятій на голову этого Шахъ-дага! Насыплю я праху на его снѣжное темя! Видишь, какъ онъ вражески принимаетъ гостей! Заперся въ стѣны, и всѣ лѣсенки убралъ внутрь: да еще скалитъ свои каменные зубы, старая собака! Куда теперь намъ дѣться? Вгору? Надо лѣзть вверхъ ногами! А подгору — летѣть внизъ головой! — Какъ хочешь, Искендеръ-Бекъ, примолвилъ Юсуфъ, снимая саквы съ сѣдла, а я посовѣтуюсь съ моей фляжкой: преудивительная вещь эта водка! *валлага, билляге,* преудивительная! Шепнетъ тебѣ буль-буль-буль, — смотришь, всю бѣду отговоритъ; въ головѣ умъ будто звѣзда взойдетъ, а сердце въ груди розаномъ распустится.

— Ахъ, ты, немытый грѣшникъ! Мало тебѣ православныхъ грѣховъ, такъ ты, какъ блудливая кошка, изъ чужихъ отвѣдываешь! Развѣ не знаешь, зачѣмъ пророкъ запретилъ вино?

Digitized by Google

– И очень знаю, жертвочка ты моя, Искендеръ-Бекъ! Очень хорошо знаю: онъ запретилъ его длятого чтобы подсластить; про это и Гафизъ сказалъ:

«Пейте: самымъ лѣтъ весна
Уносенье безъ вина!
Что завѣтно, то и слаще.
Пей, но лучшее, да чаще!
Будешь сердцемъ вдвойнѣ
Проклятъ на плохомъ винѣ.»

– Прекрасныя у тебя заповѣди, Юсуфъ! *Амма* (но) съ ними, я думаю, легче искать дорогу въ преисподнюю чѣмъ къ небу!

– Кто тебѣ это сказалъ, душа моя, Искендеръ? Чортъ меня возьми, если отъ вина не растутъ крылья! Такъ кажется, летомъ летишь, носомъ облако бороздишь. Погляди-ка на меня теперь, когда я хватилъ души винограда! Я, навѣрно, подросъ на ханской аршинъ! Я прежде ни одной дорожки не видалъ, а теперь передо мною ихъ цѣлая дюжина егозитъ.

– Я у тебя ни одной и въ долгъ не возьму, Юсуфъ: я поѣду по своей дорогѣ, куда бы она меня ни вывела. Ты ступай влѣво, а я попытаю прямо подняться. Если кто изъ насъ найдетъ удобный подъемъ, тотъ долженъ воротиться сюда и кликнуть товарища или дождаться его. Далѣе получаса не отъѣзжать на поискъ. *Худа гафизъ!* До свиданья!

Гаджи-Юсуфъ такъ нахрабрилъ себя, что на этотъ разъ не сдѣлалъ ни одного возраженія, и отважно пустился одинъ въ дорогу или, правильнѣе сказать, на ловлю дороги. Искендеръ, ведя лошадь въ поводу, полѣзъ по трещинамъ почти на отвѣсный утесъ. Солнце давно перекатилось за полдень.

Прямо надъ мѣстомъ разлученія нашихъ странниковъ, на границѣ между облаковъ и снѣговъ, возника-

Digitized by Google

ла огромная скала, какъ наковальня Перуна. Казалось, летучее копыто дикой козы не нашло бы опоры на гладкихъ бокахъ ея, и между-тѣмъ на самой ея вершинѣ, срѣзанной площадкою, нашли себѣ пріютъ кони и люди. Человѣкъ шесть Татаръ и Лезгинъ лежали около огонька, разложеннаго подъ котломъ. Столько же бѣгуновъ жевали траву, накошенную кинжалами и брошенную имъ расчетливою рукою. Въ числѣ прочихъ, но поодаль отъ прочихъ, подъ тѣнью бурки, развѣшенной на конѣ, превращенномъ въ живой щитъ отъ солнца, на небольшомъ коврѣ, сидѣлъ, поджавши ноги, мущина лѣтъ подъ сорокъ, пріятной наружности. Проста была его чуха съ откидными рукавами, но оружіе блистало серебромъ и чистотою, – вѣрный признакъ не городскаго избытка, но боевой власти. Онъ курилъ трубку, и съ нѣжностью смотрѣлъ на молодаго человѣка, спящаго у него на колѣнахъ. Порой онъ игралъ шелковистыми кудрями *зильфа*, падающаго на плечо юноши; порой, склонившись надъ прекраснымъ его лицемъ, котораго, какъ снѣгу Шахъ-дага, не могло осмуглить жаркое солнце, а только подернуло зарею, прислушивался къ его дыханію, затаилъ свое, и только изъ страха разбудить не срывалъ поцѣлуемъ улыбки, полу-разцвѣтшей на устахъ. Иногда онъ грустно качалъ головою, и вздыхалъ тяжело, и потомъ взоры его какъ два сокола стремились съ подзорной башни, построенной природою передъ замкомъ Шахъ-дага; какъ два сокола играли сперва въ поднебесьѣ и потомъ, широкими кругами, низрѣвались на долину, жадныя охоты и добычи.

Это былъ Мулла-Нуръ, гроза Дагистана; разбойникъ Мулла-Нуръ со своею шайкою.

И онъ увидалъ внизу Гаджи-Юсуфа, пробирающагося по каменьямъ. Тотъ казался не болѣе ящерицы, и какъ пестрая ящерица ползъ на конѣ своемъ. Мул-

Digitized by Google

ла-Нуръ улыбнулся лукаво и, склонившись надъ ухомъ юноши, сказалъ: «Проснись, Гюль-шадъ*!» Юноша открылъ очи.

– Гюль-шадъ, примолвилъ Мулла-Нуръ, хочешь ли ты, чтобы я поклонился тебѣ въ ноги?

– Хочу, произнесъ юноша съ видомъ избалованнаго дитяти: очень хочу! Для меня будетъ диковинкой видѣть тебя, гордеца, у своихъ ногъ.

– *Аста, аста!* потише, потише, Гюль-шадъ! Тебѣ не даромъ достанется эта потѣха: у пчелъ есть жало прежде меду. Взгляни подъ скалу: тамъ ѣдетъ путникъ, и я знаю имя, знаю сердце этого путника; онъ безстрашенъ какъ барсъ, онъ стрѣляетъ метко. Ступай, обезоружь, свяжи его. Если ты исполнишь это и приведешь его сюда плѣннымъ, я твой слуга, (*куллухчи*) на цѣлый вечеръ; я поклонюсь тебѣ при всѣхъ товарищахъ. *Разыми-сынъ?* соглашаешься ли?

– *Разы-эмъ*, согласенъ! отвѣчалъ Гюль-шадъ; взнуздалъ коня, вскочилъ въ сѣдло и смѣло бросился внизъ по стрѣмнистой тропинкѣ; только звонъ сорванныхъ копытами плитъ означилъ путь его, самаго не было ужъ видно.

Всѣ товарищи Муллы-Нура припавъ къ землѣ любопытно смотрѣли, черезъ край скалы, что̀ будетъ; самъ атаманъ заботливо посылалъ свои взоры внизъ: казалось, онъ раскаявался, что подвергъ опасности молодаго собрата, можетъ-быть брата своего, и, когда оба противника были другъ отъ друга на полвыстрѣла, трубка въ зубахъ и улыбка на лицѣ его погасли.

Если бъ трусъ могъ вполнѣ сознаться въ своей трусости, онъ бы не посмѣлъ быть имъ, или по-крайней-мѣрѣ никогда бы не рѣшился искать опасности, чтобы выказывать себя на-голо. Но въ томъ то и бѣда,

* *Гюль-шадъ*, имя; значитъ — роза веселая.

Digitized by Google

что никто, за-глаза опасности, не считаетъ себя робкимъ, а Гаджи-Юсуфъ сверхъ-того принадлежалъ къ полку тщеславныхъ, къ полку людей, которые, для того чтобы имѣть право разсказывать про битвы, про чудесныя встрѣчи, готовы прискакать на мигъ въ пылъ схватки, вызваться на трудное предпріятіе, потомъ, проклиная свою неумѣстную храбрость, дрожать отъ страху, или выдумывать тысячи лжей чтобы ульнуть отъ бѣды. Гаджи-Юсуфъ самъ-другъ съ виномъ увѣрялъ себя, и почти ужъ вѣрилъ, что онъ храбрѣе самаго Рустема.

— Развѣ даромъ написано на моемъ ружьѣ: *Трепещи врагъ, я дышу пламенемъ!* Опалю жъ я бороду первому разбойнику, или первому барсу, который вздумаетъ добраться до моего добра! Да и кой чортъ мнѣ бояться чего-нибудь? Кольчуги моей не возьмутъ ни пуля ни когти; ружье мое одно посылай въ драку, такъ убьетъ непріятеля. Гдѣ жъ эти разбойники? Запрятались, не бось, въ норы, только завидѣли меня, мерзавцы, трусишки, *аджизляръ!* Терпѣть не могу такихъ трусовъ: изрублю я дорогу и вѣру такихъ трусовъ!.....

И вдругъ, при поворотѣ за уголъ скалы, грозное «Стой, долой съ коня,» прострѣлило его уши; но, когда, поднявъ испуганные глаза, онъ увидѣлъ въ десяти шагахъ отъ себя блестящій стволъ, нацѣленный прято въ грудь его, бѣдный Юсуфъ обомлѣлъ; сердце его будто упало въ муравейникъ.

— *Аттанъ тюшъ!* долой съ коня! раздалось снова: и не смѣй тронуть ружья, ни рукояти сабли! Если ты вздумаешь бѣжать или защищаться, я спущу курокъ! Снимай оружіе!

У Гаджи-Юсуфа помутилось въ глазахъ: не замѣчая, что противъ него стоялъ безъусый мальчикъ, онъ видѣлъ только роковой стволъ, одинъ стволъ и болѣе ничего, и ему казалось, что дуло его растетъ, разъ-

Digitized by Google

ваетъ огромную пасть, ревetъ огнемъ; онъ чувствовалъ уже весь свинецъ заряда въ своей головѣ, и повалился на землю съ кликами пощады, съ просьбою не бить, не стрѣлять его:

— Не только оружіе, душу мою отдамъ тебѣ, эффенди-разбойникъ, *гарамилляръ-беги*, глава разбойниковъ, здѣшнихъ горъ. Ты добрый человѣкъ, а я смирный человѣкъ: не губи меня, душечка, жертвочка ты моя! Возьми лучше къ себѣ въ нукеры: я буду разувать тебя, холить твоего коня!

И онъ снималъ и бросалъ въ сторону одно за другимъ всѣ свои оружія, всю одежду; выворачивалъ карманы, выщипалъ половину своихъ усовъ, запутавшихся въ кольца панцыря, а между-тѣмъ клялся какъ вѣдьма на экзаменѣ у сатаны.

— Отрѣжу я твой языкъ и выброшу его собакамъ, нестерпимый пустомѣля! сказалъ Гюль-шадъ. Молчи, или я тебя на-вѣкъ молчанью выучу!

— Ни пикну, если твоей душѣ это угодно.

— Молчи, говорятъ!

— Слушаю и повинуюсь!

Наконецъ выразительная хватка Гюль-шада за пистолетъ замкнула ротъ испуганнаго Юсуфа. Ему связали руки поясомъ, притянули ихъ къ стремени и повели раба Божьяго вгору. Черезъ четверть часа, послѣ труднаго ходу, блѣдный, перецарапанный о кремни, сталъ онъ передъ грозными очами Мулла-Нура, среди звѣрскихъ лицъ его товарищей. Куда ни обращалъ онъ глаза, вездѣ встрѣчалъ злобную усмѣшку или безпощадный, но безмолвный, приговоръ. Всѣ молчали. Гюль-шадъ положилъ къ ногамъ атамана оружіе плѣнника, и атаманъ три раза ударилъ челомъ о землю передъ Гюль-шадомъ, назвалъ его удальцомъ, поцѣловалъ въ лобъ. Потомъ обратилъ онъ слово къ Юсуфу:

— Знаешь ли, кто обезоружилъ тебя, Юсуфъ-бекъ?

Digitized by Google

Юсуфъ вздрогнулъ отъ этого голоса, будто кто провелъ терпугомъ по его тѣлу.

– Храбрый изъ храбрыхъ, *меньмъ бюгумъ*, мой повелитель, отвѣчалъ онъ трепеща: сильный изъ сильнѣйшихъ! Что могъ сдѣлать противъ него я, когда левъ противъ него щенокъ, а Исфендіяръ – мальчишка!

Всѣ захохотали кругомъ.

– Знай же этого богатыря, противъ котораго храбростью Исфендіяръ – мальчишка, а силою левъ – щенокъ! сказалъ Мулла-Нуръ, и снялъ шапку съ головы Гюль-шада.

Волной хлынули изъ подъ нея черныя волосы, и роскошно разсыпались по плечамъ. Какъ маковъ цвѣтъ покраснѣла красавица, – тогда ужъ нельзя было сомнѣваться въ противномъ, – и упала на грудь Мулла-Нура.....

– Это моя жена! промолвилъ онъ

Залпъ буйнаго смѣха оглушилъ Юсуфа; его щеки сгорѣли бы въ уголь отъ стыда, если бъ страхъ не заморозилъ гораздо прежде въ немъ всей крови. Однако жъ онъ ободрился немного: онъ спѣшилъ посѣять въ мигъ общей веселости словцо за свое избавленіе.

– Помилуй, властитель мой, жалобно зарюмилъ онъ, не сгуби меня, не продавай въ горы: за меня дадутъ тебѣ славный выкупъ!

Брови Мулла-Нура сошлись какъ двѣ тучи: быть грому!

– Знаешь ли кому предложилъ ты выкупъ, заячья шкурка? Достойный сынъ Дербенда, ты вообразилъ уже, что всякую душу можно спечь на червонцѣ и съѣсть, поклявшись вашимъ Аліемъ! Разувѣрься въ этомъ. Я, благодаря Аллаху, не *шаги*, * и

* Почти всѣ горцы и часть горожанъ Дагистанскихъ держатся секты Омаровой, то есть, *сунни*; Дербендцы и Бакинцы, напро-

Digitized by Google

моей воли не обуздать ни серебряною ни золотою уздою. Выкупъ? за тебя выкупъ? Неужели жъ ты смѣлъ думать, что я какъ Дербендскій лавочникъ стану продавать гниль за свѣжину, и черно-совѣстно требовать за тебя Персидскаго золота, когда ты не стоишь свинцовой дробинки, *биръ сечма дегмезсынъ?* Ахъ, ты, безхвостая собака! Да и зачѣмъ я продамъ тебя въ горы? Сказки тамъ не считаются работою, а заставь тебя хоть носомъ лукъ копать, ты и того не съумѣешь. Зачѣмъ я возвращу тебя домой? Чтобы ты женился и наплодилъ цѣлое поколеніе трусовъ? Да сохранитъ отъ такой мысли Аллахъ! Въ Дербендѣ и безъ тебя зайцевъ много. Ну, Юсуфъ! ты видишь, что я тебя знаю, и знаешь теперь, что льстить я не люблю. Скажи мнѣ, что ты думаешь обо мнѣ самомъ? Я Мулла-Нуръ!

Какъ зарываетъ ноздри въ песокъ верблюдъ, почуявъ гибельный налетъ самума, такъ палъ ницъ Гаджи-Юсуфъ отъ повѣва этого имени; палъ расплющенный страхомъ тоньше Турецкаго шаура *.

— *Аллахъ, Аллахъ!* мнѣ ли, который за счастіе бы почелъ умыться пылью твоихъ ногъ, наложить судъ на твою голову! *Наузуби Гусейнъ Али-да!* пусть удержатъ меня отъ того Гусейнъ и Али! Что я знаю? Я ничего не знаю!.... Я желаю только, чтобъ твоя рука всегда была мнѣ шапкою!

— Послушай, Юсуфъ, грозно молвилъ Мулла-Нуръ, давно я вѣдаю, что ты большой охотникъ перенимать и повторять Фарсійскія нелѣпости. Но я простой человѣкъ: гдѣ мнѣ понимать твой *ибаратъ*, твой высокій слогъ! Безъ всякихъ обиняковъ скажи мнѣ, что обо мнѣ думаешь?

тивъ, секты Аліевой, то есть, *ши'и* или, какъ здѣсь говорятъ *шаги*, и взаимно ненавидятъ другъ друга.

* Монета въ тридцать паръ, около тридцати нашихъ копѣекъ, изъ весьма дурнаго серебра.

Digitized by Google

– Что я думаю? Пусть шайтанъ разгрызетъ какъ орѣхъ мою голову – ничего я не думаю, да никогда и не думалъ; *валлага*, *билляге* не думалъ! Смѣлъ ли я поднять на тебя свою мысль! Что я за звѣрь? Прахъ, ничто, *пучъ-затъ!*....

– Юсуфъ, я не шучу! Я выжму изъ твоего мозга то, что хочу слышать, или вырву мозгъ изъ черепа! Ну!...

– Не сердись, высокостепенный, звѣздами питающійся эффенди Мулла-Нуръ! Не жги меня въ пепелъ своимъ гнѣвомъ! Твои повелѣнія родили жемчужины въ глупой моей головѣ, но всѣ таки эти жемчужины– стеклярусъ въ сравненіи съ твоими достоинствами. Я думаю, умъ твой – ружье съ золотою насѣчкою, заряженное премудростью доверху, стрѣляющее правдой и никогда не минующее цѣли. Я думаю, сердце твое – кувшинъ съ розовымъ масломъ, льетъ черезъ край щедроты. Я думаю, рука твоя всегда отворена сыпать добро для чужаго, готова помогать всякому. Я думаю, языкъ твой–стебель, на которомъ распускаются цвѣтки справедливости, великодушія, безкорыстія, милости.... Я ужъ вижу между нихъ одинъ полный росою словъ: «Ступай себѣ домой, добрый человѣкъ Гаджи-Юсуфъ, да поминай добромъ Мулла-Нура! Хорошо *я* сказалъ?

– Нѣчего сказать, хорошъ ты разсказчикъ, Юсуфъ, только плохой угадчикъ. А чтобы доказать, что ты лгалъ сначала до конца, вотъ приговоръ мой: за то, что ты будучи бекомъ, то есть, воиномъ по роду, позволилъ безъ выстрѣла обезоружить, связать себя слабой женщинѣ, за то, что ты до безстыдства трусилъ и унижался передъ подобнымъ себѣ человѣкомъ....

–Смерть развѣ человѣкъ? хныкая замѣтилъ Юсуфъ.

– Дай мнѣ кончить, а тамъ не далекъ и двой конецъ. Кто такъ сильно боится смерти, тотъ недостоинъ жизни: ты умрешь! Завтра ты увидишь послѣд-

Digitized by Google

ній разсвѣтъ свой, а если вздумаешь говорить, то сей же мигъ кинжалъ пересѣчетъ тебѣ слово по поламъ въ самомъ горлѣ. Отведите его въ пещеру и свяжите хорошенько: пускай тамъ клянется и молится на просторѣ до роковаго утра!

Мулла-Нуръ махнулъ, и бѣднягу уволокли какъ мѣшокъ съ просомъ.

– Онъ умретъ со страху прежде смерти, сказала Гюль-шадъ мужу: не пугай его такъ жестоко, душа моя!

– Ничего! отвѣчалъ Мулла-Нуръ улыбаясь: это будетъ ему урокомъ, что робость не спасенье. Трусъ умираетъ сто разъ, храбрый однажды, и то не скоро. Ну, ребята, я на часокъ оставлю васъ: по всей дорогѣ не видать ни одного верблюда, ни какого проѣзжаго. Впрочемъ, если что встрѣтится, моя Гюль-шадъ поведетъ васъ, и горе тому кто на одинъ волосъ уклонится отъ ея приказа. Прощай, Гюль-шадъ; мнѣ предстоитъ встрѣча немножко важнѣе твоей. Давно желалъ я помѣрять плечо съ Искендеръ-Бекомъ, и, спасибо Мешеди-Багиру, я его выслѣдилъ. Если не ворочусь къ восходу мѣсяца, ищите моего тѣла по слѣду. Ранѣе, какой бы крикъ, какую бы стрѣльбу ни заслышали вы, ни одинъ ни тронься съ мѣста! И не роптать на то: я ѣду не на добычу, а на охоту.

Онъ забросилъ за спину винтовку, и былъ таковъ.

Искендеръ-Бекъ между-тѣмъ взобрался на каменный поясъ, по которому, хотя съ большою опасностью, можно было ѣхать. Направо подъ нимъ синѣла пропасть; налѣво вставали скалы надъ скалами, тамъ-индѣ изгрызенныя молніями. Въ иныхъ разсѣлинахъ еще лежалъ снѣгъ, не досягаемый лучамъ солнца, и дробныя струйки какъ стеклянная бахрама вились черезъ плиты, на которыхъ онъ медленно таялъ. И на

Digitized by Google

было возврата дерзкому путнику: узкій какъ остріе меча прилѣпъ не представлялъ мѣста для поворота коня; неволею должно было ѣхать впередъ, и онъ ѣхалъ, ѣхалъ, ѣхалъ..... онъ уперся наконецъ въ край треснувшаго утеса. Въ трещинѣ этой, не болѣе шаговъ десяти шириною, упавшіе съ вершинъ лавины образовали гибельный мостъ, подъ которымъ не видимъ ревѣлъ и гулилъ потокъ, глубоко внизу. Намигъ сжалось сердце юноши; но мысль о Кичкенѣ опять согрѣла его. Онъ еще болѣе ободрился, замѣтивъ одинокіе слѣды подковъ на рыхломъ снѣгѣ, и быстрою рысью пустился въ гортань ущелія, зная, что одинъ мигъ остановки могъ раздавить случайный сводъ снѣгу по которому скользнулъ онъ, если не раздѣлять точекъ опоры скоростью. Страшно хрустѣлъ и трещалъ подъ копытами снѣгъ. Неразъ осѣдалъ онъ за нимъ цѣлыми глыбами, оставляя на закраинѣ утеса бѣлую ленту. Конь потѣлъ отъ ужаса и вотъ, вотъ, кажется, пробилъ насквозь пластъ, вотъ рухнетъ! Но Искендеръ вздохнулъ отраднѣе: за угломъ, какъ заря разсвѣтала яркая полоса, обѣтъ выѣзда, и вдругъ, какъ-будто упавшій на лучѣ всадникъ, сталъ передъ нимъ незапно. Озаренный въ тылъ западающимъ солнцемъ, онъ чернѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ, какъ вылитый изъ чугуну памятникъ; онъ былъ огроменъ и неподвиженъ какъ памятникъ. «Стой!» загремѣло на встрѣчу Искендеръ-Бека. «Стой и брось оружіе или ты погибъ: я Мулла-Нуръ!»

Изумленный сверхъестественнымъ видѣніемъ, Искендеръ сдержалъ было своего коня, но, услышавъ заманчивое имя противника, онъ удвоилъ бѣгъ.

– Береги свое, Мулла-Нуръ, закричалъ онъ, взводя курокъ: и прочь съ дороги!

– Пускай же судьба рѣшитъ кому проѣхать этою дорогою, возразилъ Мулла-Нуръ, поднимая пистолетъ

Digitized by Google

въ уровень съ грудью Искендера, остановившагося въ десяти шагахъ. Стрѣляй!

– Стрѣляй ты! сказалъ Искендеръ. Я не прячусь за коня.

Они съ минуту стояли другъ противъ друга съ нацѣленнымъ оружіемъ, выжидая перваго выстрѣла, – это обыкновенная формула разбойничьихъ привѣтствій Дагистана; потомъ оба опустили стволы.

– Ты *решидъ*, удалецъ, Искендеръ-Бекъ! молвилъ Мулла-Нуръ. Я не хочу разлучать тебя съ оружіемъ. Отдай мнѣ коня и ступай куда хочешь!

– Возьми оружіе, возмешь и коня: но покуда есть зарядъ въ дулѣ, а душа въ тѣлѣ, рука позора нетронетъ ни этого замка ни этой узды!

Мулла-Нуръ улыбнулся.

– Не надо мнѣ твоего ружья, твоего коня, сказалъ онъ: надобна твоя покорность. Не изъ добычи, изъ прихоти своей разбойничаетъ Мулла-Нуръ: и бѣда тому кто станетъ поперегъ его прихоти. Я слышалъ про тебя неразъ Искендеръ-Бекъ, и теперь самъ увѣрился, что ты *игитъ*. Но я не даромъ искалъ встрѣчи съ тобою: мы не разойдемся, не сложивъ рукъ или сабель. *Ахырымджи сюзъ діимъ*, вотъ мое послѣднее слово: поклонись мнѣ, скажи – Будь другомъ, – и дорога твоя!

– Вотъ мой послѣдній отвѣтъ, наглый хвастунъ! кликнулъ Искендеръ, прицѣливаясь, и спустилъ курокъ.

Далеко брызнули искры изъ дула, но къ удивленію Искендера, выстрѣла не послѣдовало..... Только огненный фонтанъ кипѣлъ долго. Онъ съ гнѣвомъ бросилъ ружье за лѣвую руку, и выстрѣлилъ изъ пистолета: слабо раздался ударъ, пуля упала къ ногамъ Мулла-Нура, а Мулла-Нуръ сложа руки глядѣлъ на бѣшенство Искендера и, будто надежный на очарованіе, насмѣшливо улыбался.

Digitized by Google

— Не спасутъ тебя ни чары, ни латы, вскричалъ Искендеръ, и тутъ уже сверкнули сабли обоихъ противниковъ, и тутъ уже ярость вспыхнула въ обоихъ сердцахъ, и они оба ринули коней на роковую схватку, — грудь съ грудью сгрянулись бѣгуны, — сабля свиснула надъ голой Мулла-Нура, — ударъ палъ какъ Божій гнѣвъ.

Но съ глухимъ трескомъ разсѣлась подъ копытами сразившихся лавина: она не смогла выдержать тяжести двухъ всадниковъ. Конь Искендеръ-Бека всталъ на дыбы въ самый тотъ мигъ, когда сабля, описавъ полкруга, падала на Мулла-Нура и не достигла его; онъ обрушился. Искендеръ-Бекъ опрокинулся назадъ, и только этимъ былъ задержанъ въ паденіи. Но оторванная отъ ущелія глыба садилась, уступала и, трескалась, клонилась въ бездну. Притоптанный своимъ конемъ въ снѣгу, Искендеръ судорожно выбивался, съ ужасомъ прислушивался къ гулу паденія несчастнаго Мулла-Нура, къ шороху катящихся льдинокъ, сорванныхъ съ утеса, къ зловѣщему лопанію глыбы, на которой самъ онъ висѣлъ надъ гибелью. Наконецъ все стихло кругомъ. Только бездна глухо рычала, точно тигръ, когда онъ пожралъ свою жертву и щелкаетъ языкомъ, зарясь на новую, и лижетъ еще окровавленную морду. Жалость проникла въ сердце Искендера: онъ ползкомъ добрался до края провала, и взглянулъ внизъ: у него захватило духъ и померкло въ глазахъ отъ ужаса.

Летя съ конемъ въ глубину по-крайней-мѣрѣ полуверсты, Мулла-Нуръ пробилъ два снѣжные помоста, въ далекѣ другъ отъ друга образовавшіеся отъ падающихъ лавинъ. Эти проломы широко разѣвали пасти свои; но далѣе въ самой глубн невозможно было ничего разглядѣть: все сливалось въ мутный дымъ, въ синеватый мракъ, сквозь который, временемъ, мерцало что-то, будто глаза какого-нибудь чудовища. И

Digitized by Google

со дна вставалъ какой-то страшный ропотъ, будто хрипеніе умирающаго..... Искендеръ отвратилъ очи, и осторожно подползъ къ коню своему; но желаніе спасти, или по-крайней-мѣрѣ увѣриться въ судьбѣ Мулла-Нура, не замлѣло въ немъ. Онъ скоро выѣхалъ изъ гибельнаго ущелія, проскакалъ по каменному поясу, и спустился внизъ, отыскивая истокъ ручья текущаго по дну тѣснины, въ которую обрушился Мулла-Нуръ. Ему не трудно было найти его: гора въ этомъ мѣстѣ раскололась почти до корня, и бѣлая полоса снѣгу, залѣпившаго трещину, издали отбивалась на буромъ полѣ утесовъ. Искендеръ сошелъ съ коня, и, пѣшкомъ, ползкомъ почти, рѣшился войти подъ сводъ, изъ котораго вырывался быстрый, но мелководный, потокъ. Чѣмъ далѣе,—сводъ этотъ возвышался, и наконецъ сомкнулся высоко надъ головою, такъ, что смѣлый бекъ могъ вольно итти подъ нимъ. Сводъ этотъ, отъ паровъ мерзнущей воды, подернулся ледяною корою; ледяныя сосульки гребешками низались по плитняку. Тамъ царствовалъ мракъ и холодъ могилы. Тамъ гробовой саванъ снѣгу задушилъ, или грозилъ задушить все живое; и самый ручей, притаившись на донышкѣ, спѣшилъ вырваться на вольный свѣтъ, покуда мертвенность не сковала его вовсе. Морозъ страха пробѣжалъ по всему тѣлу Искендера и сосредоточился на сердцѣ, когда онъ оглядѣлся, когда оцѣнилъ всю опасность пути. Но великодушіе перемогло чувство самосохраненія: онъ бѣгомъ пустился по дну потока кверху, и скоро, путеводимый просвѣтомъ, достигъ до того мѣста, гдѣ долженъ былъ упасть Мулла-Нуръ сквозь два пробитые имъ помоста изъ снѣгу. Первое, что поразило взоры юноши, была разможденная голова коня, избитаго паденіемъ, издохшаго подъ грузомъ лавинъ. Одна рука и лице Мулла-Нура выказывались изъ подъ снѣгу; остальное было погребено въ немъ. Смертная блѣдность лежала на лицѣ павшаго,

Digitized by Google

глаза были закрыты, уста не зыблемы дыханіемъ. Съ невъяснимою тоскою, съ торопливостью отчаянія, принялся Искендеръ отрывать его, тереть полою виски и сердце. Казалось, ни одного члена не было изломано, ни одной раны по тѣлу, только одежда тамъ и сямъ была изорвана острыми каменьями. И наконецъ грудь Мулла-Нура отвѣтила вздохомъ на призванія жизни! Онъ открылъ тусклыя очи, онъ хотѣлъ говорить, но звуки замирали на губахъ, несвязанные въ слово. Искендеръ-Бекъ волокомъ вынесъ его изъ ледяной пасти, и только на чистомъ воздухѣ совершенно очнулся Мулла-Нуръ. Со слезами на глазахъ сжалъ онъ руку великодушному врагу своему. «Послѣ Бога тебѣ первому благодарность, сказалъ онъ: тебѣ *одному* вѣчная пріязнь моя! Не за свою жизнь благодарю я тебя, Искендеръ-Бекъ, а за твою, которою ты жертвовалъ для моего спасенія. Люди обидѣли меня: я платилъ имъ съ лихвою. Спасибо тебѣ, я помирюсь хоть съ однимъ человѣкомъ. Много злыхъ качествъ дала мнѣ судьба, еще болѣе взвалили ихъ на меня враги мои; но и самые враги не скажутъ – Мулла-Нуръ не благодаренъ! Послушай, Искендеръ-Бекъ: бѣда ходитъ по всѣмъ головамъ безъ разбора; если она ступитъ и на твою, – мое сердце, моя рука, къ твоимъ услугамъ; а это сердце, эта рука, не дрогнутъ ни отъ чего въ свѣтѣ. Пусть Аллахъ будетъ по мнѣ поручителемъ: я продамъ за золото, отдамъ желѣзу, свою голову, чтобы выкупить и выручить тебя изъ бѣды! Я сказалъ, я докажу это.»

И оба медленно стали всходить на гору: Мулла-Нуръ хотя чувствовалъ себя разбитымъ, однако не согласился сѣсть на коня Искендерова. Онъ указалъ ему незамѣтную тропинку, которая скоро привела путниковъ къ утесу, служившему подзорной башнею разбойниковъ. Закатъ уже осыпалъ послѣдними искрами грани Шахъ-дага, когда они достигли до площадки.

Digitized by Google

– Вотъ мой старшій братъ, сказалъ Мулла-Нуръ своимъ товарищамъ, любопытно столпившимся около пришельца. Ему почетъ, ему всѣ услуги ваши, при всякой встрѣчѣ. Кто поможетъ ему въ пустомъ или въ завѣтномъ дѣлѣ, тому я долженъ до смерти. Кто сдѣлаетъ ему вредъ, тому я мститель какъ за кровь.... того не схоронитъ отъ моего гнѣва ни могильная доска, ни волна морская! Пью клятву *, и пусть она сожжетъ ядомъ мою грудь если неисполню этого!

И Мулла-Нуръ предложилъ гостю скромный ужинъ, за которымъ лилась веселость вмѣсто вина. Гюльшадъ скромно стояла всторонкѣ, и хотя Искендеръ-Бекъ узналъ уже, что она жена хозяина, однако жъ и не подумалъ просить ее сѣсть вмѣстѣ на коверъ, поужинать: въ каждомъ краю свои обычаи. Между-тѣмъ молодой мѣсяцъ всплылъ золотою рыбкою надъ голубымъ океаномъ неба, и плеснулъ блѣднымъ свѣтомъ своимъ въ лице заснувшей красавицы Земли, полу-одѣтой сотканіемъ тѣней и тумановъ. О, какая тихая, прелестная ночь разтекалась тогда по Дагистану! Тихая, какъ чистая совѣсть; прелестная, какъ самая молодость, томящаяся въ таинственномъ огнѣ своихъ желаній, въ радужныхъ парахъ мечты своей! На Востокѣ, передъ очами Искендера, море подобно хрустальной стѣнѣ возникало гранью небосклона съ золотой трещиною посерединѣ. Внизу, будто по дну моря видимаго сквозь прозрачную влагу, разстилалась Кубинская долина и побережья Самбура, чуть-чуть по-

* Татары говорятъ, вмѣсто — присягаю, «пью клятву», *шидъ ичеримъ*. Извѣстно, что это выраженіе относится къ старинному, языческому обряду племенъ Монгольской плоской возвышенности, у которыхъ присягающіе выпускали другъ у друга нѣсколько капель крови и пили ее; при этомъ они еще надѣвали себѣ на голову, какъ утверждаетъ одинъ Персидскій писатель, юбку старой бабы, и произносили: «Пусть сдѣлаюсь презрѣннѣе этой исподницы, ежели не сдержу моего обѣщанія!»

Digitized by Google

топленныя зыбью тумановъ. Влѣвѣ тянулись, толпились, мерцали, чернѣли, зубчатые, волнистые, верхи Кара-сырта и Кюринскихъ, Табасаранскихъ, Кара-Кайтахскихъ горъ. Они были безмолвны и чудны какъ сонныя грѣзы, облегшія ложе Дива – Шагъ-дага, погруженнаго въ очарованный сонъ на снѣговыхъ подушкахъ своихъ. И тихо разливался ароматъ луговъ по охладѣвшимъ слоямъ горнаго воздуха, и усладою журчалъ невдалекѣ горный ключъ, летя падучею, но не гаснущей, звѣздою съ утеса; и все въ небѣ и на землѣ было очарованіе, повторенное зеркаломъ души, не только взора, слышное не только тимпану уха, но и сердца; очарованіе въ воздухѣ, въ камнѣ, въ тишинѣ ночи, въ сладко-звучной пѣснѣ природы. О, какое бы юное, любящее сердце не разпустилось нѣгою какъ ночной цвѣтокъ подъ свѣжимъ дыханіемъ южной ночи, и не отдало ей своего благоуханія въ замѣну капель росы? За дружные совѣты Мулла-Нура Искендеръ отдарилъ полною откровенностью. Съ юношескимъ самовѣріемъ онъ разсказывалъ о любви своей, о своихъ надеждахъ и замыслахъ. «О, если бъ я могъ птичкою перелетѣть черезъ мѣсяцъ впередъ, я бы привезъ мою Кичкеню на эту гору, я бы показалъ ей все, на что глядѣть мнѣ совѣстно одному, – такъ оно хорошо; я бы наслаждался ея восхищеніемъ, и, когда бъ у нея изъ устъ вырвалось восклицаніе – Прекрасно!, я бы сжалъ ее на груди и прошепталъ – Ты еще прекраснѣе! Посмотри, Мулла-Нуръ, какъ мило земля, озаренная мѣсяцомъ, засыпастъ въ тысячѣ улыбокъ; но, я вѣрю, милѣй человѣку засыпать подъ тысячею поцѣлуевъ. Счастливецъ ты: воленъ какъ вѣтеръ, какъ орелъ не знаешь путъ, какъ ему тебѣ подругой орлица. Не дивлюсь я, а завидую судьбѣ твоей!»

Въ краю, гдѣ война есть не что иное, какъ разбой, а торговля – воровство, разбойникъ въ общемъ мнѣніи гораздо почтеннѣе купца, потому что добыча перваго

Digitized by Google

куплена удальствомъ, трудами и опасностями, а добыча втораго одной ловкостью въ обманѣ и въ обмѣнѣ. Рыцарство не умерло на Востокѣ, но восточный паладинъ, наѣздникъ, *игитъ*, выѣзжаетъ погулять не для избавленія красавицъ отъ чародѣевъ, а для похищенія ихъ себѣ; не для возмездія притѣснителямъ, а для грабежа встрѣчнаго и поперечнаго. Очень часто кидается онъ въ опасность, очертя голову, безъ всякой надежды на выгоды, – изъ одной неодолимой охоты побуйствовать, истратить на комъ-нибудь избытокъ жизненной дѣятельности, – чтобы принести домой осколокъ отбитаго оружія или рану на тѣлѣ и потомъ весело охать подъ шумомъ поздравительныхъ пѣсень сосѣдей. Разбойникъ самое занимательное лице Азіатскихъ сказокъ и поэмъ, неизбѣжное лице напутныхъ анекдотовъ, и, вообіце, весь бытъ его такъ плотно вкропленъ въ характеръ народа, его слава такъ заманчива, а неприступность горъ и покровительство жителей, даже хановъ, даетъ столько способовъ удачно и безнаказанно быть имъ, что разбои въ подвластномъ намъ Закавказьѣ, не смотря на всѣ старанія правительства, очень нерѣдки. Непокорные горцы хищничаютъ, вкрадываясь подъ личиною мирныхъ; мирные дѣлаютъ то же подъ именемъ непокорныхъ, – и развѣ сотый виновникъ впадаетъ въ руки правосудія. Не дивитесь же, мѣряя Азію Европейскимъ аршиномъ, что Искендеръ-Бекъ отъ глубины чувства позавидовалъ разбойнической жизни Мулла-Нура.

Но грустно качалъ головою Мулла-Нуръ, слушая неопытнаго юношу. «У всякаго есть своя звѣзда, возразилъ онъ: не завидуй мнѣ, не ходи по моему слѣду; опасно жить съ людьми, но и безъ нихъ скучно. Дружба ихъ – безумящій или усыпительный терьякъ*; зато и вражда къ нимъ горьче полыни. Не охотой,

* Опіумъ, приготовленный шариками съ душистою смолою. Употребленіе его не обще, но велико между Азіатцами.

Digitized by Google

а судьбой, выброшенъ я изъ ихъ круга, Искендеръ: насъ дѣлитъ струя крови, и не въ моей силѣ перешагнуть за нее назадъ. Прекраснъ вольный свѣтъ: но развѣ нельзя наслаждаться имъ не бывъ изгнанникомъ? Раздолье въ глуши человѣку; но пустыня всегда пустыня: ни какія думы не населятъ ея, ни какія чародѣйства не оборотятъ камни въ товарищей. Было время, я ненавидѣлъ людей; было время, я презиралъ ихъ: теперь устала душа отъ того и другаго. На одинъ годъ станетъ забавы для гордаго внушать своимъ именемъ страхъ и недовѣрчивость; но страхъ — игрушка, подобная всѣмъ другимъ игрушкамъ: она скоро опостылѣетъ. Потомъ наступаетъ злая охота унижать людей, насмѣхатся надъ всѣмъ, чѣмъ они хвастаютъ, обнажая на-дѣлѣ ихъ гнусности, топча подъ ноги все, чѣмъ дорожатъ они болѣе души..... Жалкая потѣха! Она забавляетъ на мигъ, а даетъ желчи на мѣсяцъ, потому что какъ ни дуренъ человѣкъ, а всё-таки онъ братъ намъ. На конецъ концевъ, отрадно ли, подобясь коршуну, въ каждомъ живомъ существѣ видѣть только добычу, оставлять въ каждомъ встрѣчномъ новаго врага? при молитвѣ думать о проклятіяхъ, посылаемыхъ заочно на мою голову; засыпать и ждать измѣны самыхъ близкихъ; пугать собою, не довѣрять никому?.... И посмотри кругомъ Искендеръ: неизмѣримо широки угорья Дагистана, богаты они дарами своими; но въ цѣломъ свѣтѣ, не только здѣсь, нѣтъ деревца, которое бы покрыло меня своей тѣнью и сказало — Спи спокойно, здѣсь не тропетъ тебя вражеская пуля, здѣсь тебя не выслѣдятъ какъ дикаго звѣря. Многолюдны ваши города, богачъ и бѣднякъ тѣснятся тамъ, но каждый имѣетъ свой уголъ, каждый укрытъ отъ непогодъ зимнихъ; а у меня бурка — единственная кровля, а мнѣ городъ не дастъ ни для дома покоя въ стѣнахъ своихъ, ни даже горсти земли на кладбищѣ закрыть погаснувшіе очи. Да, Искендеръ, да!

Digitized by Google

печаль, какъ ханская жена, умѣетъ ходить по бархатнымъ коврамъ и, какъ сѣрна, прядать на утесы. Ты видишь: я и въ пустынѣ не ушелъ отъ нея!»

– Ты многое претерпѣлъ, Мулла-Нуръ? спросилъ Искендеръ-Бекъ съ живымъ участіемъ.

– Не говори, не поминай объ этомъ! Когда поѣдешь мимо треснувшей скалы, не допытывайся, разбита ли она молніею или разорвана морозомъ, но проѣзжай скорѣй мимо: она можетъ рухнуть на твою голову. Въ саду садятъ цвѣты, а не зарываютъ умершихъ: не хочу отравлять твоей юности повѣстями о моемъ прошломъ. Что было, – было: оно не стлѣетъ и не измѣнится. Что будетъ, – не минуетъ насъ: его не отведешь рукою, не отмолишь слезами. Добрый сонъ тебѣ и дай Аллахъ, чтобы никогда не приснилось никому во снѣ, что случилось со мной на яву! Завтра я укажу тебѣ самую краткую дорогу къ снѣгамъ Шагъ-дага на свершеніе твоего подвига. Прощай!

И онъ завернулся въ бурку. Прочіе давно спали.

Искендеръ долго думалъ о происшествіяхъ дня, о судьбѣ Муллы-Нура, и, когда заснулъ, странныя мечты неразъ пробуждали его: то, ему казалось, выстрѣлъ взрываетъ грудь, то конь сорвался въ бездну, – и онъ летитъ бездыханенъ по острымъ кремнямъ сквозь мракъ и холодъ, – и нѣтъ конца паденью! Грёзы наши отголосокъ настоящей жизни и прежняго хаоса. Крѣпкій сонъ – казовой конецъ смерти.

—

VII.

Тѣпелярдань ель кими, дерилярдань селль кими;
Башь ястуга коймишъ; гюзь юхуя вермишъ.

Онъ мчался какъ вѣтеръ по хребтамъ, какъ волкодавъ по ущелiямъ;
Не прикладывая головы на подушку, не предавая очей сну.

ИЗЪ ПОВѢСТИ.

Одна за одной облетали съ неба звѣздочки, какъ поблекшія блестки съ темноголубой чадры ночи.

Digitized by Google

Просвѣтлѣло небо какъ взоръ дѣвственницы, и вотъ закипѣлъ восточный край моря подобно заздравному кубку; солнце брызнуло лучами на горы. Проснулись всѣ около Мулла-Нура, и, отдавъ молитвою *селямъ* новому сыну вѣчности, весело принялись холить коней, чистить оружіе, готовить завтракъ.

— Товарищъ твой провелъ худую ночь, сказалъ смѣючись Мулла-Нуръ гостю своему. И знаешь ли гдѣ? Въ пятидесяти шагахъ отсюда. Ты еще вчерась проспалъ меня послать за нимъ въ поискъ, но я пустилъ это мимо ушей, не хотѣлъ безпокоить тебя вѣстью, какое наказаніе готовится хвастливому Юсуфу. Возьми его съ собой, и дѣлай что хочешь..... А между-прочимъ, эй, молодцы, снесите-ка поѣсть нашему плѣннику! Я знаю, что для него, какъ для янычара, котелъ святыня *. Накормите, и скажите, что Мулла-Нуръ не хочетъ голоднымъ отправлять его въ безконечное путешествіе: пусть онъ ѣстъ плотнѣе чтобы могъ дождаться второй трубы ангела Страшнаго суда **.

Тутъ Мулла-Нуръ разсказалъ Искендеру, какъ жена его перепугала Юсуфа, и какъ, въ возмездіе его лести и трусости, онъ послалъ его связаннаго ждать до утра казни. Искендеръ-Бекъ хохоталъ до слезъ. Когда новые друзья позавтракали, Мулла-Нуръ прижалъ руку гостя къ сердцу и потомъ къ челу. «Ты у меня здѣсь, и здѣсь, сказалъ онъ: я не отведу отъ тебя глаза, не отниму руки. Теперь ты знаешь дорогу къ верху и къ подошвѣ горы: спѣши быть полезнымъ для своихъ земляковъ! Я ѣду въ другую сторону и на иное дѣло: кто поборетъ судьбу! Она бросаетъ одного въ свѣтъ абазомъ, другаго пулею: моего свинца не пе-

* Въ каждой *одѣ* (ротѣ) янычаръ, котелъ замѣнялъ знамя. Ода, потерявшая въ бою котелъ, разбивалась по другимъ. Обращеніе котловъ вверхъ-дномъ всегда бывало у нихъ знакомъ мятежа.

** Между первымъ и вторымъ звукомъ трубы ангела смерти, протечетъ сорокъ лѣтъ. — Алкоранъ.

Digitized by Google

речеканить въ монету. Прощай другъ, помни Мулла-Нура!»

Вереницей дикихъ голубей, обгоняя другъ друга, понеслась шайка разбойниковъ къ Тенгинскому ущелью. Скала опустѣла. Искендеръ-Бекъ, свелъ въ поводу коня до пещерки, въ которой напередъ указали ему Юсуфа, лежащаго ницъ съ завязанными руками и глазами. «Встань и приготовься умереть!» произнесъ Искендеръ густымъ басомъ: ему захотѣлось продлить комедію, начатую Мулла-Нуромъ. Гаджи Юсуфъ, трепетный какъ тополевый листъ, поднялся сперва на четверенки, а потомъ на колѣни: ничего въ мірѣ нельзя было выдумать уморительнѣе его тогдашней образины. Вся краска его лица взобралась на кончикъ носа, какъ будто спасаясь въ самомъ неприступномъ мѣстѣ. Огромные усы, висящіе, словно крылья огромнаго носа, были растрепаны и перепачканы глиною; бритая, но не выбритая, борода, просѣдая въ отчаянномъ безпорядкѣ по впалымъ щекамъ, еще болѣе обличала ихъ блѣдность. И весь онъ былъ разстегнутъ и разпоясанъ, будто на карантинный осмотръ. И онъ умильно протягивалъ къ небу, у кистей связанныя лапки свои; и такъ жалобно упрашивалъ помиловать себя, что надо было опоясаться тройнымъ поясомъ: простой бы лопнулъ отъ смѣха.

— Ангелъ Азраилъ! восклицалъ онъ: пощади мою голову; она еще не созрѣла для смерти. И чѣмъ я обидѣлъ тебя? въ чемъ я виноватъ передъ тобою?

— Не моя воля, приказъ Мулла-Нура казнить тебя. Онъ говоритъ: Этотъ недовѣрокъ Гаджи-Юсуфъ какъ свирѣпый тигръ дрался съ моимъ другомъ, Кази-Магамма *, и я долженъ отмстить кровь многихъ товарищей, зарѣзанныхъ имъ во время вылазокъ изъ Дербенда!

* Такъ зовутъ горцы славнаго мятежника Дагистанскаго, Кази-Муллу.

Digitized by Google

– Кто? я дрался съ воинами Кази-Муллы? Я? Осрамлю гробы отцовъ и дѣдовъ того, кто наговорилъ на меня такія небылицы! Я зарѣзалъ многихъ Лезгинъ на вылазкѣ, я? Аллахъ, Аллахъ! чего не выдумаютъ клеветники! Нѣтъ, *джанымъ, курбанымъ*, не таковской я человѣкъ, чтобы сталъ воевать противъ правовѣрныхъ. Бывало, во время осады, юсъ-башы кличетъ – На стѣну, на стѣну!, а я шмыгъ на базаръ. Мнѣ очередь въ карауле *, а я себѣ храплю всю ночь напролетъ во славу пророка. Изъ ружья, правду сказать, согрѣшилъ раза три, да и то когда непріятели были верстъ за пять; а сабли не вынималъ, *валлаги'ль-азимъ, биллягги'ль-керимъ*, не вынималъ! Отвѣдай самъ, можно ли ее вынять: она еще при отцѣ моемъ срослась съ ножнами; и я соглашусь охотно, чтобъ ею отрубили мнѣ голову..... долголѣтенъ я буду на земли! Да и зачто сталъ бы я драться съ Кази-Муллою? Прекрасный онъ былъ человѣкъ; святой онъ былъ человѣкъ. Не руби онъ головъ за трубки да за чарки, я бы самъ присталъ къ нему!

– Еще говоритъ Мулла-Нуръ: Онъ такой отчаянный *шаги*, что съ нашимъ братомъ суннитомъ изъ одного ковша воды пить не станетъ! А Мулла-Нуръ поклялся истреблять всѣхъ, которые въ молитвахъ своихъ поминаютъ Али, въ упрекъ Омару!

– Оциплю я бороду этому Али, ему да и двѣнадцати халифамъ, которыхъ Муллы наши зовутъ *имамами*, угодниками Аллаха. Что они мнѣ? Пхе! вздоръ, пыль, *пучъ-затъ!* Какой я шаги? Съ какого конца я шаги? Молюсь я только тогда, какъ нѣкуда дѣваться; затыкаю

* Въ утѣшеніе господъ посылаемыхъ въ карауль безъ очереди, я честь имѣю доложить, что въ словѣ *карауль* нѣтъ ничего христіанскаго. Оно Татарское по родословной книгѣ, и записано въ статьѣ о выходцахъ изъ орды.

Digitized by Google

уши, развѣ длятого чтобъ не слышать имени Алія*, а въ усъ себѣ никогда не дую: чортъ меня унеси, не дую! Да и рукъ не опускаю по швамъ, а, будто поправляя кушакъ, то и дѣло складываю ихъ по-вашему, по-суннитски. Воды не пью, не хочу лгать: ни съ кѣмъ не пью; у меня природная болѣзнь – водобоязнь. Зато поднеси мнѣ водки не только вашъ братъ горецъ, а просто солдатскій поросенокъ,–посмотрѣлъ бы ты, кто кого перепьетъ! Спроси объ этомъ у нашего Фергадъ-Бека: онъ у насъ почетный человѣкъ, достовѣрный человѣкъ, да и питухъ такой, что между Русскими поискать ему ровнаго,–а вѣрно сознается, что я его при всякой попойкѣ спать укладываю. *Валлахъ, биллиахъ*, я не шаги! Я сунни: снутри и снаружи. Развѣ люди–эти шаги! Пхе! Утоплю я въ Армянскомъ *бурдюкѣ*, въ мѣхѣ съ виномъ, души этихъ недовѣрковъ шаги!

– А главная вина, за что велѣлъ убить тебя Мулла-Нуръ, твоя дружба съ Искендеръ-Бекомъ, его заклятымъ врагомъ. «Еще вздумалъ этотъ Гаджи-Юсуфъ, говоритъ онъ, провожать на Шагъ-дагъ, въ мое владѣніе безъ спросу, для какого-то шагійскаго колдовства, этого мальчишку Искендера! Обрадовался невидальщинѣ: по всему свѣту трубитъ, что онъ товарищъ самому чистому, самому благонравному, самому достойному юношѣ изъ всего Дербенда!» Плачь, Юсуфъ! голова твоего пріятеля слетѣла уже прежде твоей.

– Слетѣла? Туда и дорога..... Голова была самая лишняя вещь у этого труспишки. А кому спасибо за то, что онъ попался въ руки Мулла-Нура? Развѣ не мнѣ, скажи: развѣ не мнѣ? Я нарочно привелъ его въ западню! Другъ? Откуда это извѣстіе? Нашли вы

* Надо сказать, шіиты, шаги, имѣютъ кучу вздорныхъ обрядовъ при молитвахъ. Здѣшніе сунниты ихъ отвергаютъ. Между-прочимъ шіиты вначалѣ моленія вкладываютъ большіе пальцы въ уши, и дуютъ на стороны. Руки они кладутъ на колѣни; напротивъ, здѣшніе сунниты складываютъ ихъ подъ грудью.

Digitized by Google

мнѣ прекраснаго дружка, нѣчего сказать! Продамъ я его за пол-пряника, да еще пряникъ дамъ придачи! И кто это, признайтесь пожалуйста, выдумалъ, будто Искендеръ-самый благонравный у насъ юноша? Припечь бы каленными щипцами языкъ у такого враля. Искендеръ-такой куляка, что Аллахъ упаси! Кто первый поздравляетъ новое вницо въ Армянской слободкѣ?..... Искендеръ-Бекъ! Кто у Русскихъ офицеревъ ѣсть да похваливаетъ богопротивную свинину? Опять Искендеръ-Бекъ! Кто выплясываетъ Лезгинку на чьей хочешь буркѣ, не говорю ужъ на коврѣ; кто спитъ въ саду на бубнѣ вмѣсто изголовья? Все таки Искендеръ-Бекъ! У насъ развѣ лѣнивый не цѣлуетъ Искендера, а вы зовете его чистымъ юношею! Сожгу я бороду его матери!

— Ахъ, ты, лгунъ, собачья голова! мало тебѣ чернить Искендера, такъ ты принялся и за мать его? Да ужъ хоть безъ обмолвокъ бы брапилъ ты, кого хочешь безъ совѣсти разбранить: а то нѣтъ въ твоихъ росказняхъ ни складу ни ладу. Ну, развѣ могла быть у Искендеровой матери борода?

— Ей Богу, была бъ длиннѣе Фетхъ-Али-Шаховой *, ссли бъ она ее не брила. Сколько бритвъ перезубрила у меня покойница, это извѣстно только моему брусу, больше никому: я не люблю хвастать добрыми дѣлами. Нѣтъ, не срамите, не вините вы меня дружбою къ Искендеру; отрекаюсь я отъ него, отъ его рода и племени. Какъ можетъ онъ быть добрымъ человѣкомъ, когда отецъ его былъ грабитель, мать глупа, а дядя сапожникъ!

— Усталъ я слушать тебя, безстыдный враль. Протягивай голову: кинжалъ готовъ!

— Охъ, пощади меня, раба твоего, твою вѣрную соба-

* Борода Фетхъ-Али-Шаха, недавно умершаго, славилась по всей Персіи; она доставала у него до пояса.

Digitized by Google

ку! По-крайней-мѣрѣ дай мнѣ посмотрѣть на смерть свою.

– Смотри на свой позоръ! произнесъ Искендеръ и сдернулъ съ глазъ повязку.

Весельчакъ былъ этотъ Юсуфъ, а умирать не любилъ: можете же вообразить его изумленіе, когда, вмѣсто палача, онъ увидѣлъ передъ собой смѣющееся лице Искендеръ-Бека; когда, вмѣсто свиста кинжала, онъ услыхалъ только упреки его.

– Что ты смотришь на меня, будто на моемъ лбу хочешь прочесть сотое имя Аллаха *, ты, кабанъ начиненный небылицами, бурдюкъ лжи, грязный перекрестокъ грѣховъ, базарная лавка всѣхъ глупостей? Повтори-ка, смѣй повторить, проклятый отступникъ вѣры, мнѣ въ глаза, что отецъ мой былъ грабитель, дядя шилъ сапоги, а самъ я пляшу на буркѣ и на бубнѣ сплю!

Что жъ вы думаете, Юсуфъ сгорѣлъ со стыда, смутился, замѣшался? Худо же вы знаете Татаръ вообще и Гаджи-Юсуфа въ особенности! Напротивъ, онъ хохоталъ, обнимая Искендера.

– Ай-да я! говорилъ онъ: успѣлъ таки разсердить моего Искендера: умѣль отплатить насмѣшкой за насмѣшку. Что, братъ, обжегся? Впередъ не ѣшь чужой грязи; не наскакивай на терновый кустъ. Ставилъ силокъ на сокола, да и поймалъ ворону! Нашелъ простака надувать своими затѣями! Да я узналъ тебя по голосу съ перваго слова: я различу твой голосъ, если бъ ты даже вздумалъ лаять или мяукать промежъ тысячи кошекъ и собакъ!

– Ахъ, ты, ртуть бѣгучая! въ тебя и въ ступѣ пес-

* Девяносто девять прозвищъ Аллаха передалъ Магометъ правовѣрнымъ, но сотаго невозможно узнать человѣку въ этой жизни: оно извѣстно только духамъ небожителямъ. Искаше этого сотаго имени — философскій камень для мусульманъ.

Digitized by Google

томъ не попадешь. Ну, пускай ты узналъ меня, пускай я повѣрю, что ты успѣлъ меня одурачить: да съ чего же ты, беззаконный трусъ, отдалъ свое оружіе женѣ Мулла-Нура? какъ допустилъ раздѣть себя безсильной женщинѣ?

– Не хочешь ли ты, чтобъ я застегивался на всѣ пуговки передъ красавицами? Чье же дѣло раздѣвать молодца какъ не женское?..... А, что, развѣ не правду я говорю? Мудрено очень, что я растаялъ, завидѣвши такую милочку; что я отдалъ ей все, начиная съ чухи до сердца!..... Посмотрѣлъ бы я, что бы ты сдѣлалъ встрѣтясь съ ней, *юзъ-би-юзъ оланда*, глазъ на глазъ? Вѣдь ходитъ она – галуны мѣряетъ, говоритъ – червонцами даритъ. Два глаза и носикъ ея точно буквы *джимъ*, *алифъ* и *нунъ*, рядкомъ поставленныя съ двумя точками внутри *. Ротикъ такъ малъ какъ скважина жемчужины, а поясъ могъ бы служить мнѣ вмѣсто перстня.

– Особенно если бъ руки твои были одного размѣра съ твоимъ носомъ! Ну, долыгай, Юсуфъ, поскорѣе; мнѣ право нѣкогда ..... Такъ ты изъ любви далъ связать себѣ руки?

– Душа ты моя, Искендеръ, что жъ мнѣ дѣлать, что у меня такое мягкое сердіце! Не то ремнемъ, волоскомъ привяжи она меня, такъ я пошелъ бы за ней на край свѣта. Да какъ присталъ къ ней мужской нарядъ! У самаго Падишаха, я чай, нѣтъ такихъ шукеровъ!

– Ну, ну; надѣвай, добро, свое оружіе! Мулла-Нуръ велѣлъ его выбросить, чтобъ оно не заразило трусостью оружія его товарищей. Я увѣренъ, что ты по-

* Есть куплетъ на старинномъ Турецкомъ языкѣ, въ которомъ эта мысль развита съ поэтическими подробностями. Азіатцы находятъ ее злодѣйски остроумною. Для уразумѣнія этой Восточной красоты, вотъ начертаніе трехъ-буквеннаго лица Гюль-шады: Ж. Я увѣренъ, что ни одинъ Европейскій умъ не подозрѣвалъ столько прелестей въ лаконическомъ *живете*.

Digitized by Google

крайней-мѣрѣ при мнѣ не станешь расказывать про свой ночлегъ въ этой пещеркѣ. Въ утѣшеніе тебѣ однако жъ скажу, что встрѣча съ нами была приготовлена впередъ. Насъ предалъ Зсафурецъ, у котораго мы завтракали; онъ извѣстилъ Мулла-Нура и налилъ воды въ ружья наши. Мулла-Нуръ схватился было со мною, да оборвался въ ущеліе.

— А что, уѣхалъ онъ?

— Теперь ужъ далеко.

— Оборвался? А вѣдь чортъ не сломилъ ему шеи! Зачѣмъ не провалился онъ сквозь землю! Наплюю я когда-нибудь въ дуло этого разбойника, заставлю ходить пѣшеходью. Не будь у меня мокры заряды, я бы и вчерась далъ ему знать, изъ какихъ буквъ слово *харабъ*, гибель, складывается.

— Если ты будешь его бить по-вчерашнему, похвальными рѣчами, такъ онъ скорѣе умретъ отъ смѣху, а ты съ испугу, чѣмъ отъ твоихъ ударовъ.

— Съ испугу? Я умру съ испугу! Да если что въ цѣломъ свѣтѣ, чего бы испугался я? *Валлахъ, биллахъ, таллахъ*, я развѣ самого себя испугаюсь!

И между-тѣмъ оба бека взбирались по указанной Мулла-Нуромъ тропинкѣ. Ни какой глазъ не отличилъ бы ея снизу, ни какое воображеніе не создало бы возможности взобраться на столь крутую скалу, но опытъ оказывалъ противное: колѣнчатые, незамѣтные уступцы выводили реями до самаго вѣнца.

Такъ многое считаютъ неприступнымъ, недостижимымъ; но, когда необходимость или крѣпкая воля увлекаетъ насъ — мы находимъ, что невозможное есть только трудное, только опасное. «Хочу» половина — «могу».

Достигши вблизь снѣговъ Шахъ-Дага, Искендеръ-Бекъ отдалъ держать своего коня Гаджи-Юсуфу, а самъ съ мѣднымъ кувшиномъ, *бардакъ*, полѣзъ на кругь. Солнечные лучи, протаявъ верхній слой снѣга, образовали почти ледяную кору. На ладонь ниже подъ

Digitized by Google

рыхлымъ снѣгомъ лежала такая же кора; глубже—еще, и еще, въ подобномъ порядкѣ, такъ, что промывающійся подъ ногами путника слоеный настъ, очень затруднялъ подъемъ. Ослѣпительное отраженіе солнца, пылавшаго во всей красѣ, кружило голову Искендера. Передъ очами его, по снѣгу, вспыхивали алые пятна, и тысячи радугъ пересѣкались на каждомъ шагу. Къ счастію, хребетъ Шагъ-дага не сахарной головой, а крутымъ порогомъ, проникаетъ въ область холода, и снѣжная черта его, во время лѣта, не глубоко вьется отъ вершины. Задыхаясь отъ усталости, палъ наконецъ Искендеръ на снѣгъ, не топтанный отъ вѣка ни кѣмъ, кромѣ ангеловъ; но онъ палъ на самомъ темени.

Слишкомъ чистъ, нестерпимо чистъ для человѣка воздухъ неба; ослѣпительно ярокъ лучъ солнца. Сыну земли необходимы испаренья земли для дыханія. Ему нужно раздробить или переломить свѣтъ, чтобы онъ могъ наслаждаться имъ. Онъ ничего не можетъ пить изъ родника, даже самой истины; родникъ поражаетъ его холодомъ или пламенемъ не выносимымъ. Такъ и бсй Искендеръ изнемогъ на вершинѣ Шагъ-дага: грудь его расторгалась отъ рѣдины воздуха, очи залиты были волнами свѣта. Но если небо замкнуто было для взоровъ его лучезарнымъ замкомъ солнца, земля раскрывалась внизу тѣмъ прекраснѣе. Зрѣніе, заманенное въ сѣть оптики, незнало куда обратиться и что покинуть. Прямо передъ нимъ, на сѣверъ, гряда за грядой вставали хребты, идущіе отъ моря до Аваріи, дающіе ложа рѣкамъ Самбуру, Гюльгери, Дарбасу и другимъ меньшимъ *. Они смыкались между собою множествомъ вѣтвей, и, пробивъ параллельною морю каменною волной Кара-Кайтахъ, изливались хребтомъ Салатафа въ синюю даль. Влѣвѣ, вблизи, изум-

* *Чай* на Турецкомъ языкѣ значитъ — рѣка, и потому смѣшно писать рѣка Арпа-Чай, рѣка Гюльгери-Чай. Это такой же плеоназмъ какъ — понтонный мостъ, и тому подобное.

Digitized by Google

рудные холмы ханства Кюринскаго роскошно купали въ воздухѣ кудри своихъ плодовыхъ лѣсовъ, то взбрасывая на опѣненные скалами волны флотъ деревень, то почти поглащая его въ глубину зелени. Далѣе между хребтовъ, тамъ и сямъ убѣленныхъ снѣгами, черною полосой тянулись ущелія ханства Казикумыкъ, осажденные враждебными крутизнами вольныхъ обществъ Алты-пара, Докусъ-пара, Ахти, Сиргили, Акуши, Табасарани, и наконецъ замурованныя въ облачномъ отдаленіи скалистымъ берегомъ Кой-су, подъ прямымъ угломъ, кидающимся съ запада на сѣверъ. А тамъ – горы Султановъ Ели-су, рядомъ съ горами Джарскими, крѣпостью свирѣпыхъ Глуходаровъ. А тамъ–Шекинская и Шамахинская области, тонущія во мракѣ горъ Карабагскихъ. И все это смѣшеніе свѣта и тѣней, зелени и буризны камня, переливающихся дивными узорами и кой-гдѣ затканныхъ золотой ниткою водъ, волновалось передъ очами, какъ покрывало накинутое рукою Аллаха на тайны земли. На востокѣ, будто стальной, повороненный щитъ, окованный горизонтомъ, сверкало море подъ огневой насѣчкою лучей. И все было тихо, безмолвно кругомъ; съ высоты снѣговъ не было видно никого, ничего не слышно: туда не долеталъ обоятельный лепетъ жизни! И вотъ міръ заснулъ въ груди Искендеровой, – міръ, который носитъ человѣкъ съ собой неотлучно, и въ пустыню дикую, и въ святыню молитвы. Привлеченный на темя этой горы своекорыстнымъ желаніемъ овладѣть любимою женщиною, онъ почувствовалъ, проникнутый благостью небеснаго воздуха, какъ недостойны были народнаго довѣрія его замыслы. Несчастія бѣднякамъ отъ засухи обступили, стѣснили въ немъ сердце. Сомнѣніе, которое мелькало въ немъ порой къ щедротѣ Божеской, перешло въ сомнѣніе къ самому себѣ. «Въ чистомъ сосудѣ подобаетъ зажигать Аллаху куреніе молитвы за братій, а я?.....»

Digitized by Google

Онъ палъ на колѣни, и съ примирительными слезами раскаянія молился за себя, съ слезами умиленія за Дагистанъ. Наконецъ, безотчетное, темное, чувство вѣры участило его душу. Онъ набралъ снѣгу въ кувшинъ, обвязалъ его чистымъ полотномъ, и съ набожною осторожностью сталъ спускаться долу. Обратная дорога была гораздо труднѣе восхода: стопы скользили по насту, крутизна увлекала. Но даже скатываясь нѣсколько разъ, Искендеръ сохранилъ въ своихъ объятіяхъ не коснувшійся почвы сосудъ надежды, долженствующій увлажить жадныя поля. Такъ покрайней-мѣрѣ думалось суевѣрнымъ Дербендцамъ; такъ вѣрилъ самъ Искендеръ. Соединившись съ Юсуфомъ, онъ не отвѣчалъ шутками на шутки его и дурачества: онъ уже былъ исполненъ важныхъ думъ, и благоговѣніе къ своему подвигу, проницая наружу, давало его осанкѣ какое-то гордое благородство. Гаджи-Юсуфъ немогъ надивиться такой перемѣнѣ.

– Ужъ не наѣлся ли онъ тамъ солнца, говорилъ проказникъ бей самъ съ собою, что боится выпустить его изъ-за зубовъ вмѣстѣ съ рѣчами! Или не сыгралъ ли въ шахматы съ ангелами, что такъ загордился! Да посѣю я въ его бороду соль, пусть только она выростетъ! Какое мнѣ дѣло, что онъ сталъ угрюмъ какъ голодный кади въ постъ: какая въ этомъ убыль мнѣ? Вѣдь если онъ и приморозилъ себѣ языкъ, такъ ушей вѣрно не отморозилъ. Я всё таки буду говорить: посмотрѣлъ бы я какъ онъ запретитъ мнѣ говорить, а себѣ слушать?

Въ Юсуфѣ тоже, видно, произошло что-то необыкновенное: онъ сдержалъ свое слово.

Какъ ни спѣшили наши всадники, но была глубокая ночь, когда они домчались до запертыхъ воротъ Дербенда. Сильно билось сердце Искендера: если бъ насадить его на бревно тарана, оно бы само пробило

Digitized by Google

стѣну. Страхъ, сомнѣніе, надежда, то вздували, то стискивали его. Повѣсивъ роковой кувшинъ на дерево, Искендеръ съ тоскою смотрѣлъ то на черную стѣну, грозно и таинственно сомкнутую надо всѣмъ, что ему мило, то на мрачное небо: онъ отъ всѣхъ предметовъ пыталъ отвѣта – будетъ ли, не будетъ ли удачи? Онъ съ отрадою увидалъ наконецъ, что легкіе облачка неслись по небу, и подобно стаду дикихъ коней прядали черезъ огонь мѣсяца.

– Видишь ли? сказалъ онъ, толкнувъ засыпающаго Юсуфа: взгляни на его рога!

– Чего глядѣть, бормоталъ тотъ въ просонкахъ: рѣзать его да жарить, возми мой шомполъ, и стряпай скорѣе *шишликъ*.

– Я говорю тебѣ про мѣсяцъ, Юсуфъ!

– А я думалъ, про барана!..... Страхъ, ѣсть хочется. Мѣсяцъ? Какой, чортъ, мѣсяцъ! Я кажется круглый годъ не проглотилъ зернышка.

– У тебя только ѣда на умѣ, долгоносый аистъ: а небойсь не порадуешься со мною, что по небу ходятъ облака!

– А ты, каменное сердце, небойсь, не погрустишь со мною, что по брюху у меня ходятъ мурашки! Облака? Вишь, нашелъ невидаль: кушай себѣ ихъ на здоровье; ты вѣдь съ неба воротился. Я бы гораздо больше былъ радъ, если бъ по небу летали жареные фазаны. Не мѣшай мнѣ, пожалуйста, хоть во снѣ обѣдъ увидать!

– Постой, постой, Гаджи-Юсуфъ. Не чувствуешь ли ты въ землѣ сырости?

– Я только чувствую засуху въ желудкѣ. Такую засуху, что тамъ, я чай, паукъ сѣти раскинулъ. *Юхунъ яхши олсунъ!* да будетъ сладокъ твой сонъ!

И онъ зѣвнулъ; и онъ заснулъ.

*

*

Digitized by Google

Ранымъ-рано, вѣсть о счастливомъ прибытіи кувшина съ священною водою изъ Шахъ-дагскаго снѣгу, электрическою искрою промчалась по сердцамъ въ Дербендѣ. Все, что̀ могло, не только говорить, лепетать, зашумѣло. Все, что̀ могло ползать, если неходить, задвигалось. На дворѣ мечети ужасная была давка, суматоха неописанная; ожиданіе хода томило всѣхъ. И вотъ, послѣ моленія въ мечети, всѣ муллы и почетные жители города, съ знаменами, исписанными текстомъ Корана, потянулись, въ головѣ безчисленной толпы народа, къ морю. Искендеръ скромно несъ кувшинъ; зато Гаджи-Юсуфъ, выбритый наново, въ новой чухѣ, расправляя свои усы за ухо, и закидывая за плеча рукава, къ великому соблазну людей степенныхъ, выступалъ преважно съ нимъ рядомъ и хозяйничалъ будто на своихъ похоронахъ. То семенилъ онъ впереди шествія, то ровнялъ толпы мальчишекъ, то забравшись въ середину зѣвакъ разглагольствовалъ про чудеса, встрѣченныя имъ на Шагъ-дагѣ. Однимъ говорилъ — онъ такъ близко былъ къ небу, что слышалъ какъ чихаютъ хуріи. Другихъ увѣрялъ, что привезъ съ собой уши Мулла-Нура. Пуще всего, по его словамъ, претерпѣли они отъ медвѣдей и змѣй. Шкуру съ самаго большаго убитаго имъ въ рукопашномъ бою, хотѣлъ онъ привезти домой, да разбойникъ конь никакъ не посмѣлъ запрячься его тащить. А изъ змѣй на Шагъ-дагѣ въ одномъ мѣстѣ сплелась рогожка, такъ, что они принуждены были мостить изъ камней мостъ черезъ эту змѣиную полосу. Онъ пересталъ врать только за недостаткомъ слушателей, потому что всѣ бросились смотрѣть, какъ будутъ выливать воду въ море.

Съ самаго утра дулъ горный вѣтеръ: небо подернуто было туманною пеленою, но дождевыхъ облаковъ не видѣлось ни гдѣ. Когда, послѣ долгой, слезной молитвы, главный мулла готовился опрокинуть ро-

Digitized by Google

ковой сосудъ въ волны Каспія, Искендеръ-Бекъ съ примѣтнымъ волненіемъ сказалъ Миръ-Гаджи-Фетхали: — Ага, вспомни свое обѣщаніе! — «Вспомни свое условіе, отвѣчалъ тотъ, съ насмѣшливою улыбкою. Судьба твоя не въ кувшинѣ этомъ, а въ дождевой тучѣ. Ты угоденъ мнѣ, если угоденъ Аллаху!»

И, говорятъ, прыснуло море о камни, когда благословенная вода пролилась въ его лоно. Прыснуло, и зашумѣло глухо. И черныя тучи покатились съ горъ Табасаранскихъ, какъ будто въ раздумьѣ налегли на край Дербендскаго угорія; но вдругъ широко взмахнувъ крылами, быстро помчались врозь по небу, словно спугнутыя съ утеса выстрѣломъ бури. Грянулъ далекій громъ, горное эхо проснулось изъ мертваго сна, окрестность загудѣла подъ вихремъ. Листья весело отряхали съ себя пыль; мусульманки со смѣхомъ выказывали свои личики на совѣсть вѣтра, срывающаго долой ихъ покрывала; всѣ руки, всѣ очи, поднялись на встрѣчу дождя, столь искренно молимаго, столь давно ожидаемаго, — и дождь проливной зашумѣлъ, напоя обильными струями исчахнувшую землю, освѣжая раскаленный зноемъ воздухъ. Не возможно описать, ни оживописать, радостной толпы въ тотъ торжественный мигъ. Шапки летѣли въ воздухъ и воду! Восклицаніямъ и молитвамъ не было конца! Всѣ обнимали, всѣ поздравляли другъ друга; всѣхъ однако жъ болѣе былъ радъ Искендеръ-Бекъ: ему упала съ дождемъ премиленькая невѣста.

Предоставляю судить господамъ философамъ и естествознателямъ явилась ли въ этомъ призванномъ дождѣ счастливая игра случая, или колдовство. Я просто разсказываю дѣло, которому былъ очевидцемъ.

—

Digitized by Google

VIII.

Гечме намердъ кюрписиндань: кой апарсынъ чай аны!
Ятма тюлкю далдасында: кой джирсынъ асланъ аны!

Не ходи черезъ мостъ лукавца: пусть лучше быстрина унесетъ;
Не ложись въ пасть льстицы *: пусть лучше левъ разорветъ!

СТИХЪ-ПОСЛОВИЦА.

Что за юность безъ любви, что за любовь безъ юности? Ярко свѣтитъ свѣча въ чистомъ воздухѣ: а какой воздухъ чище весенняго? И не грѣть огню безъ воздуха, не прожить юному сердцу безъ страсти, гдѣ бы то ни было. Правда, высоки стѣны дворовъ мусульманскихъ, крѣпки затворы: но вѣтеръ проницаетъ и туда! Глубоко лежатъ сердца ихъ красавицъ, замкнутыя за тридесять предразсудковъ, закованныя въ тысячу приличій, но любовь какъ воздухъ находитъ и къ нимъ дорогу. Кичкене ужъ любила, не смѣя самой себѣ въ томъ признаться. Искендеръ-Бекъ сталъ любимою ея мечтой въ день, пріятнѣйшимъ сновидѣніемъ ночи. Вышивая золотомъ сафьянный накременникъ или подсокольную перчатку для своего незнаемаго будущаго, она думала: «Что, если бъ это было для Искендера – *карагюздара*, черноглазаго!» Какова жъ была ея радость, когда суровый дядя съ досадою, но рѣшительно объявилъ ей, что она невѣста Искендеръ-Бека! Вспыхнули ея щеки, затрепеталось ея сердце словно голубь пущенный на волю. И такъ, сбылись ея тайныя желанія! ея безъимянныя надежды облеклись въ законное имя! Теперь ужъ она гордо можетъ принимать цвѣты и поздравленія отъ своихъ подружекъ, и, сидя съ ними за шитьемъ приданаго, хохотать и толковать о своемъ будущемъ мужѣ сколько душѣ угодно. Теперь ужъ никто не запретитъ ей примѣрять хоть сто разъ въ день свадебное платье и повторять обычныя продѣлки перваго свиданія; золотить

* То есть, не ищи покровительства хитреца.

Digitized by Google

воображеніемъ то, что знакомо ей въ быту супружескомъ, и множить на милліоны наслажденій все, что не извѣстно. Ну, право, если есть счастливцы на землѣ, такъ это женихи и невѣсты. Что поете вы мнѣ о сладости медоваго мѣсяца? Медовой мѣсяцъ, какъ и всѣ его братцы, родится съ рожками и пророчески обмывается въ непогодѣ. Притомъ, или нынѣшнія пчелы разучились дѣлать медъ, или вкусъ нашъ испорченъ сахаромъ, только я знаю многихъ новобрачныхъ, которые увѣряютъ, что медовое варенье, даже розовое, приторно. Иное дѣло—пора между помолвкой и свадьбою: это приходъ голоднаго въ столовую; пышный обѣдъ развивается передъ нимъ, уже не въ далекѣ, а на хватъ руки. Вкусъ его изощренъ апетитомъ, взоръ и обоняніе ласкаютъ и манятъ плоды, перевитые цвѣтами, блюда, жарко дышащіе благоуханнымъ паромъ. Слухъ обольщенъ привѣтнымъ бряцаніемъ рюмки о рюмку или паденіемъ серебрянной вилки на фарфоръ. Каждое мгновеніе множитъ его нетерпѣливость, зато близитъ къ вѣрному наслажденію. Онъ грызетъ пустоту, онъ глотаетъ воздухъ, зато чародѣй воображеніе обращаетъ ему каждаго пѣтуха въ золотаго фазана, предсказываетъ шамбертенъ подъ каждою длинною пробкою, увѣряетъ, что онъ можетъ съѣсть полміра и запить его полокеаномъ. И какъ милыми, какъ остроумными, кажутся люди женихамъ передъ свадьбою и гастрономамъ въ виду обѣда. Не скажу, чтобъ они казались также милыми и остроумными людямъ, но всё-таки пресчастливое состояніе жениха, и, если въ обѣихъ нашихъ столицахъ увидите вы кучу невѣстъ и женіховъ вѣчнаго цѣха, это явный признакъ утонченности нравовъ: они вытягиваютъ въ канитель эстетическое наслажденіе между помолвкой и размолвкой; они каплей по каплѣ пьютъ амброзію, которой полный глотокъ отяготилъ бы всякой благовоспитанный желудокъ. Но, передъ всѣми частными и

Digitized by Google

всесвѣтными женихами, тебѣ пальма, достославный Л.! Только ты въ полнѣ постигъ сладость предбрачнаго состоянія, которому посвятилъ три четверти жизни. Скажи, какая красавица въ Петербургѣ не была твоей невѣстою? укажи хоть одну звѣзду бульвара, которая бы не считала тебя женихомъ? Мнѣ сказывали за диво, будто и тебя попуталъ Гименей. Тебѣ же хуже если – *да!* Ты самъ узнаешь зѣвоту, которую безданно доселѣ вдушалъ.

Мусульманину вовсе не слѣдовало бы черезчуръ радоваться женитьбѣ, потому что онъ, по закону, можетъ играть вдругъ четыре, не включая въ то число утѣшительной перспективы замѣщенія послѣ развода; потому что онъ каждый уголъ своего дома украсить можетъ живою статуйкою, купивъ ее точно такъ же, какъ покупаемъ мы у носячаго алебастровыхъ Діанъ и Психей. Но Искендеръ-Бекъ вѣроятно зналъ, а быть-можетъ предчувствовалъ, что рѣдкій мусульманинъ дочитываетъ и первый томъ четырехъ-томнаго романа брака, и потому спѣшилъ насладиться всѣми радостями первинки. Онъ не слышалъ подъ собою земли, бѣгая по лавкамъ; онъ измучилъ свою тетку закупками; и, въ награду себѣ за невозможность пройтись даже близко дома своей невѣсты, – этого требовалъ строгій обычай, – не переставалъ о ней думать наединѣ. «На этомъ новомъ коврикѣ будетъ она сидѣть за работою, на балконѣ у решетчатой двери! Въ этой узорной чашѣ станетъ зерно по зерну выбирать пшено для моего плова! Передъ этимъ зеркаломъ моя Кичкене въ первый разъ увидитъ свое милое личико вмѣстѣ съ лицемъ мужчины; изъ этого посеребреннаго рукомойника освѣжитъ свои пылающія щечки; подъ этимъ атласнымъ одѣяломъ..... Но, впрочемъ, для такихъ мечтаній вовсе не нужно обручальнаго кольца: вы можете, не платя свадебныхъ прогоновъ, съѣздить въ эту завѣтную сторону и на собственномъ воображе-

Digitized by Google

ніи, воля ваша, — я не отдаю въ извозъ своего. А между-тѣмъ спальня женатаго — презанимательная вещь, покрайней-мѣрѣ для холостыхъ.

Но на вешнемъ льду строилъ Искендеръ замокъ своего счастія: въ то время, когда онъ готивился увѣнчать его золотою маковкою, судьба простирала на разрушенье свою огромную, неотразимую десницу.

Въ наши Закавказскія области вѣроисповѣданія Али, нерѣдко пріѣзжаютъ изъ Тебриза или Исфагани странствующіе проповѣдники, муллы. Толкуютъ Коранъ, разсказываютъ легенды про чудеса своихъ имамовъ, и нерѣдко вздорными росказнями питаютъ вражду къ Русскимъ нововведеніямъ. Самая обильная пора на этихъ ораторовъ, сказочниковъ и плясуновъ, бываетъ въ мѣсяцъ мухарремъ, который въ тридцать три года обходитъ всѣ мѣсяцы нашего солнечнаго года. Въ этотъ мѣсяцъ, начиная съ перваго его дня, шіиты празднуютъ, какъ я гдѣ-то описалъ, поминки по Гусейнѣ, сынѣ Алія, который послѣ гибели отца своего, возсталъ на Езида, сына Моаввіи за халифатъ, но, встрѣченный въ тѣснинѣ Кербела, на походѣ изъ Медины въ Куфу, былъ разбитъ на-голову воеводою Езида, Обейдъ-Аллахомъ, и потерялъ тамъ жизнь, въ 10 день мухаррема, 61 года гиджры. Все это происшестіе, драматически изложенное, представляютъ шіиты съ большимъ великолѣпіемъ, а не рѣдко и съ чувствомъ, по ночамъ, при блескѣ тысячи свѣтильниковъ. Повѣсть наша началась по окончаніи этой религіозной трагедіи. Гусейнъ съ дѣтьми своими былъ уже изрубленъ въ куски по всѣмъ правиламъ военнаго исскуства и по всѣмъ правамъ Восточной политики. Остальное семейство его бѣжало, а голова его отправилась, какъ трофей, за сѣдломъ гонца въ Мекку передъ свѣтлые очи торжествующаго халифа Езида. Но этимъ еще не кончается спектакль. Черезъ двѣ недѣли обыкновенно, на которой-нибудь изъ площадей, представляютъ въ подроб-

Digitized by Google

ности судьбу бѣгствующихъ Гусейнидовъ и принесеніе головы Гусейна передъ тронъ злобнаго халифа. Для устройства этого праздника, со всѣми затѣями, пріѣзжій изъ Тебриза мулла Садекъ остался въ Дербендѣ цѣлый мѣсяцъ, склонясь на неотступную просьбу почетныхъ гражданъ, и того болѣе на невозразимый звонъ серебра. Мулла Садекъ былъ человѣкъ лѣтъ сорока пяти, но глядѣлъ степенно и ходилъ съ разстановкою будто семидесяти лѣтній старикъ; его разговоръ и молчаніе равно вышиты были именами Аллаха и Алія, *вели-Аллахъ*, святаго Божія; четки перебиралъ онъ даже во снѣ, и вообще отъ него сіяло святостью и пахло розовымъ масломъ на двадцать шаговъ въ окружности. Впрочемъ Садекъ, разработывая ниву небесную, не забывалъ и округлять свои земныя дѣлишки. Дружбу водилъ онъ съ немногими, а деньги бралъ онъ отъ всѣхъ: истинно былъ добродѣтельный человѣкъ, — не обидитъ отказомъ благосклоннаго дателя; да кромѣ частныхъ подарковъ, еще согласился (благородная душа!) принять по окончаніи Хатыля, за весь потъ ума и тѣла, одну сотнягу серебряныхъ рублей, изъ расходовъ мечети. Не довольствуясь этимъ, онъ хотѣлъ прочнѣе устроить свое житье-бытье какимъ-нибудь брачнымъ родствомъ; и, поразвѣдавъ стороной, куда бы выгоднѣе забросить крючокъ, наживленный краснымъ словомъ, рѣшилъ обратиться къ Миръ-Гаджи-Фетхали, за племянницей котораго, какъ единственной наслѣдницей, прочуялъ онъ изрядное имѣнье.

Вкравшись въ довѣренность Фетхали похвалами его уму и познаніямъ, его учености и краснорѣчію, бранью Русскихъ за то, что они не умѣютъ отличать такія высокія достоинства и что, по ихъ милости, потомки истинныхъ имамовъ стали равны съ простолюдинами, и что даже, *я Аллахъ!* Аліемъ проклятые сунни, сидятъ съ ними рядомъ, а если служатъ Россіи,

Digitized by Google

«странѣ раздора и невѣрія», то нерѣдко распоряжаются Мирами какъ обыкновенными людьми.

— *Ай вай!* восклицалъ онъ, пришли послѣдніе годы, Судъ судовъ зрѣетъ надъ головою! Скоро, скоро, встрепянется рыба *Хутъ*, на которой стоитъ свѣтъ, и сброситъ съ себя долой это гнѣздо змѣиное, этотъ котелъ грѣховный! Правовѣрные гордятся крестами, и темлякъ для нихъ сталъ почетнѣе бороды!... Не знаю, право, что̀ сталось бы съ колесомъ Дербенда *, если бъ ты, Миръ-Гаджи-Фетхали, не служилъ ему осью вѣры и мудрости. Почтенный ты человѣкъ! Святой ты человѣкъ, истинный Гусейнъ! Не садишься въ Диванѣ съ немытыми Армянами и съ невѣрующими свиноѣдами, *донгуcъ еянъ кяфирляръ;* не хочешь чернить своей души ни чернилами, ни порохомъ, на ихъ службѣ. Твоя *тагія*, политика, сливки благоразумія! Только одного не могъ я уложить въ свою голову, одному повѣрить не хотѣлъ, свидѣтели *газрети Аліе*, святые потомки Алія: глупая чернь, *кара халхъ*, толкуетъ, будто ты выдаешь свою племянницу за какого-то безбородаго бечонка? *Наузу биллях!* убѣжище мое у Бога! сказалъ я самому себѣ на ухо: этого не можетъ быть; такой благочестивый человѣкъ, какъ Миръ-Гаджи-Фетхали, не броситъ въ лужу перлу Пророка, не отдастъ простому человѣку дочери брата своего, не смѣшаетъ съ грязью крови сеида. *Вель хамду лиллях, ве ля иляге илля гуэ!* Сбыточное ли дѣло, что бъ такой *кельби Али*, такой «песъ Алія **», допустилъ съѣсть безхвостому

* Кстати объ имени Дербенда. *Дербендъ* есть слово Персидское, часто встрѣчаемое въ географіи Востока, и значитъ — застава, крѣпость замыкающая ущеліе или узкій проходъ. Оно сложено изъ двухъ Персидскихъ словъ, *деръ*, дверь, и *бендъ*, связка, замычка, скоба. Подъ именемъ *Демиръ-капы*, Желѣзныхъ воротъ, его никогда Закавказцы не знали. Аравитяне называли Кавказскій Дербендъ — *Бабъ эль-абудабъ*, Ворота изъ воротъ, главныя ворота, главная застава.

** Впрочемъ, *кельби Али*, въ просторѣчіи *Кельбалай*, есть мусульманское собственное имя. Одинъ Ширванскій ханъ, генералъ-маіоръ

Digitized by Google

котенку райскую птичку? Ее же Аллахъ ему отдалъ подъ призоръ! *Хейръ!* нѣтъ! это *хошъ таплыхъ*, это шутка; *биръ фикиръ-ды*, какая-то выдумка; она родилась въ пустомъ арбузѣ и разнесена вертучимъ вѣтромъ по базару. Даромъ бросаютъ такую пыль въ бороду Фетхали. Не вѣрю я тому, чего быть не можетъ!

— А между-тѣмъ это правда, сказалъ Фетхали, съ такимъ лицемъ, — будто его застали въ чужомъ виноградникѣ.

И онъ разсказалъ муллѣ Садеку, какимъ образомъ и почему принужденъ былъ дать на этотъ бракъ свое согласіе. Притомъ же, замѣчалъ онъ, въ Дербендѣ нѣтъ пары его племянницѣ изъ числа немногихъ Мировъ. Всѣ они такое старьё, или такая голь, что если за инаго выдать, такъ свадьбу придется играть на перекресткѣ, а новобрачнымъ спать на своихъ башмакахъ, прогуливаясь.

Мулла Садекъ два раза погладилъ свою бороду, два раза пропустилъ девяносто девять зеренъ своихъ четокъ между пальцевъ, и сказалъ:

— Все исходитъ отъ Аллаха, все къ нему возвратится. Развѣ нѣтъ достойныхъ Гусейна въ странѣ *Ирана*, въ Персіи, въ благословенномъ краю наслѣдниковъ Сефи? Солнце два раза въ день восходитъ и западаетъ въ *вилаетъ* (владѣніи) *шегиншаха*, государя государей: такъ оно неужели не свѣтитъ въ глаза ни одному женихутвоей племянницы? *Вели пейгамбаръ! ваазы пейгамбари!* о святой пророкъ! о завѣтъ пророческій! Если ты хочешь женить свѣтлый мѣсяцъ на звѣздѣ утренней, я пришлю сюда моего двоюроднаго брата по матери, Миръ-Фейзуллаха-Тебризи, — указательный перстъ учености, изумрудъ красоты: борода его считается третьею послѣ Шаховой; богатъ онъ такъ, что индѣекъ

нашей службы, его носитъ, и оно вовсе не доказываетъ, какъ думаютъ многіе, особенной преданности къ Алію.

Digitized by Google

кормитъ жемчугомъ, и со всѣмъ тѣмъ скроменъ какъ изголовье. Кладъ, а не человѣкъ, *валлаги, билляги!* Когда онъ въ нашемъ городѣ идетъ по базару, даже тѣ, у которыхъ глаза выколоты кричатъ ему — *Гьозимъ усти* *, а купцы бьютъ челомъ кто пряникомъ, кто изюмомъ, кто горстью табаку; ни одинъ не сунется безъ *пешкеша*, подарочка. Если твоя племянница за него выйдетъ, такъ ей даже въ банѣ всѣ *ханумъ* и *бегумъ*, всѣ ханши и бекши, станутъ давать почетное мѣсто, — а Тебризъ не вашему глиняному Дербенду чета!

Это предложеніе польстило и гордости Фетахли, потому что онъ зналъ какимъ уваженіемъ пользуются въ Персіи Миры, и ненависти его къ Искендеру. Однако жъ въ немъ еще были искры совѣсти. Онъ возразилъ муллѣ Садеку препятствіями, со стороны матери Кичкени, и со стороны строгаго коменданта, который вѣроятно не позволитъ переселенія изъ Русской области. Притомъ, «что скажутъ» горожане? *На діаляръ* — важная вещь и на Востокѣ. Le ce qu'en dira-t-on держитъ въ уздѣ Парижанина и Петербуржца, обитателя Пекина и Шамахи. Это почти совѣсть людей безсовѣстныхъ.

— Что̀ скажутъ? съ насмѣшкою отвѣчалъ Садекъ. Скажутъ, что ты умный человѣкъ. Простительно дѣлать ошибки, но исправлять ихъ похвально. И что̀, въ самомъ дѣлѣ, за услугу оказалъ тебѣ Искендеръ? Будто бы до него Аллахъ дождя не выдумалъ? Онъ тебя поймалъ въ западню: оставь же лучше въ западнѣ свой хвостъ, какъ лисица, и уйди отъ него, чѣмъ цѣлый вѣкъ кланяться немилому человѣку. Да я научу тебя какъ, съ помощію Пророка, выбраться изъ обѣщанія,

* Въ Персіи множество нищихъ съ выколотыми глазами, жертвъ каждой политической смуты. *Гьозимъ усти* собственно значитъ — на мой глазъ, но это междометіе должно принимать въ смыслѣ — клянусь я своими глазами въ твоихъ повелѣніяхъ!

Digitized by Google

не запятнавъ своей чести. Откажи Искендеру, и разславь по городу, что твоя сестра — при смерти, и дала обѣщаніе, если выздоровѣетъ, выдать свою дочь неиначе какъ за потомка Пророка, за имама. Этому въ Дербендѣ не одинъ примѣръ. Сестра твоя не выходитъ изъ дому; да и дома почти нѣма какъ рыба: такъ на нее, для пользы внуковъ Алія, можно все взваливать; а слушать ея бредней — будетъ позоръ на твою голову. Развѣ не знаешь, какъ плотно поколотилъ *Эйюбъ, алейги'съ селямъ,* Іовъ (миръ съ нимъ!), свою жену за то, что она совѣтовала ему поклониться Шайтану? А развѣ мать Кичкене — твоя жена? Развѣ ты купилъ ее? Что она тебѣ? Только сестра; а это четвертью меньше нежели ничто. Плюнь ты на ея волю!

— А комендантъ? со вздохомъ сказалъ Фетхали.

— А комендантъ что за помѣха? Развѣ невѣсты — запрещенный товаръ къ вывозу? Да пускай себѣ и запрещенный: можно надуть коменданта, попросить билеть въ Персію для свиданія съ родственниками, да и пошелъ, покатилъ себѣ. Обмануть гяура всё равно что приложить кусочикъ къ сердцу Али: три грѣха съ души долой. Тебѣ же болѣе славы, если ты на чортѣ привезешь даръ *Каабы,* Мекскому храму, за неимѣніемъ бѣлаго верблюда.

Два лукавца ударили по рукамъ.

На утро Искендеру отослана была половина кабына, то есть окупа за невѣсту, обращаемаго обыкновенно на приданое. Искендеръ-Бекъ чуть не оторвалъ себѣ ушей, чтобы убѣриться, не обманываютъ ли они его! Нѣтъ; вѣсть эта была слишкомъ несомнительна. Возвращенный мѣшокъ съ рублями лежалъ передъ нимъ неотвергаемымъ доказательствомъ; тетка его Аджа-Ханумъ бранилась такъ искренно, что словъ ея нельзя было принять за шутку. Сначала, оглушенный неожиданнымъ отказомъ, онъ сидѣлъ блѣ-

Digitized by Google

дный, безмолвный, съ неподвижными очами, какъ тѣло тотько-что охладѣлое въ трупъ. Но скоро юная кровь зажглась негодованіемъ, и оно вырвалось наружу буйнымъ потокомъ угрозъ и проклятій. Быть столь близкимъ къ счастію, подносить уже къ устамъ завѣтную чашу, и вдругъ, вмѣсто желаннаго, драгоцѣннаго питья, выпить горькую обиду, облиться несмываемымъ позоромъ! О, это заставило бы вспыхнуть самое ледяное сердце, закипѣть самую ползучую кровь! Никогда любовница не кажется намъ такъ прелестною, такъ любимою, какъ похищенная измѣной или судьбой. Тогда любовь нарастаетъ на весь ужасъ разлуки, а бѣшенство за разлуку раскипается всѣмъ пламенемъ страсти. Искендеръ-Бекъ неистовствовалъ: разбилъ въ дребезги хрустальный кальянъ свой, выбросилъ за окно зеркало, изорвалъ въ клочки свою круглую подушку, вытолкалъ въ шею нукера, который явился-было съ неумѣстными услугами. Онъ упалъ отъ изнеможенія, но злость не потухла вмѣстѣ съ силами: онъ грызъ подушку и плакалъ. Наконецъ разсудокъ взялъ верхъ, но, если гнѣвъ, если безнадежная любовь покинули голову, они тѣмъ не менѣе терзали его сердце. Два дня и три ночи, обманутый въ самыхъ законныхъ своихъ надеждахъ, юноша не могъ спать, не хотѣлъ ѣсть. Но потомъ Азіатская природа передвоила всѣ бурныя чувства въ тихій, медленный ядъ желанія мести. Онъ перебиралъ и отвергалъ всѣ средства отмстить вѣроломному Фетхали, не подвергая себя опасности отъ Русскаго правительства. О, если бъ это было при ханахъ, – ударъ ему кинжаломъ въ бокъ, и все кончено! И Кичкене стала бы его собственностью послѣ мѣсячнаго бѣгства! Теперь иное!..... теперь надо!..... Искендеръ углубился въ размышленіе, какъ это надо? А передъ нимъ давно уже стоялъ Гаджи-Юсуфъ. Право, за вычетомъ хвастовства и трусости, этотъ Гаджи-Юсуфъ былъ пре-

Digitized by Google

доброе созданіе. Горесть товарища тронула его: если бъ умѣлъ, онъ бы заплакалъ, глядя на безмолвную задумчивость Искендера. Онъ тихо коснулся плеча хозяина и хотя разодѣтъ былъ какъ свѣже-привозный *кашенгъ*, франтъ изъ Тебриза, однако сказалъ свой *селямъ* самымъ степеннымъ голосомъ.

– *На хаберъ?* что новаго? спросилъ очнувшійся Искендеръ.

– Пришло три корабля съ хлѣбомъ: народъ веселится.

– Если бъ пришли три корабля съ мышьякомъ на отраву всѣмъ Дербендцамъ, я бы радовался одинъ болѣе чѣмъ теперь они всѣ вмѣстѣ.

– Помилуй, Искендеръ, за что такая опала! Не хочешь ли ты подражать Эгри-Абу-талебу *, который еще въ люлькѣ на кого-то разсердился, и до-сихъ-поръ косится на цѣлый свѣтъ? Пришло, – пройдетъ!

– Ты слышалъ, Юсуфъ? Вѣрно ужъ слышалъ! Ну, разказывай, что про меня шепчутъ въ Дербендѣ?

– Ничего не шепчутъ: на всѣхъ базарахъ и перекресткахъ только въ бубны бьютъ, что тебѣ отказала мать Кичкени.

– Мать? Мерзавецъ этотъ Фетхали!..... Убью его и уйду, скроюсь въ горы!

– А что развѣ тебѣ Кара-дагъ, дядя **. Видно ты еще не лакомился просяными чуреками, душечка Искендеръ. Велика хитрость убить да уйти, и потомъ по конецъ жизни облизываться на дымъ родпаго города! *Анасыны, бабасыны!*..... Гораздо лучше побить порядкомъ этого Фетхали, – и *гайда* въ Баку! Тамъ, если тебя осѣдлала такая охота жениться, ты можешь на пробу купить себъ жену на два на три мѣсяца. Прекрас-

* *Эгри* косой.

** *Кара-дагъ* — Черногоры.

Digitized by Google

ное это заведеніе – *метеги* *, для удобства путешественниковъ чортъ меня покарай, прелюбезное! Я самъ женился на четыре мѣсяца; да, слава Аллаху, бѣжалъ до срока отъ моей красавицы. Радъ, что ноги унесъ! Бывало, сплю, и боюсь – откуситъ она мнѣ носъ изъ нѣжности. Такъ-то Искендеръ-Бекъ! Отвѣдай самъ, правду ли я говорю, и, воротясь, – объ закладъ побьюсь, – ты за спасибо *пешкешъ* привезешь Фетхали, что онъ не отдалъ тебѣ племянницы.

Искендеръ-Бекъ былъ угрюмъ и безмолвенъ.

– Душечка, цвѣтокъ ты, Искендеръ-Бекъ! ты ничего не слышишь, будто уши по воду послалъ; а печаленъ такъ, словно сердце твое забили въ *фелаку*, лещотку, и отдубасили по пятамъ. Экая невидаль – невѣста! Брось только горсть червонцевъ на улицу, да закричи – *Гель, гель, гель!*, набѣжатъ свахи словно куры. Надоѣдятъ тебѣ жены, вспомни меня, надоѣдятъ!

Искендеръ не внималъ ничему.

– Да и объ чемъ ты такъ грустишь, Искендеръ? Что за звѣзда твоя невѣста! Что за красавица такая! Глаза у ней одинъ больше другаго, а сама такъ сгугла что ты разоришься на одни бѣлила; да кому жъ кажется немножко кривобока. Видѣлъ, братъ, я ее неразъ!

Искендеръ-Бекъ схватилъ Юсуфа за воротъ.

– Ты ее видѣлъ? Гдѣ ты видѣлъ ее? Какъ ты дерзнулъ поднять на нее свои пьяные глаза? Говори жъ, бездѣльникъ, когда и какъ ты ѣлъ ее своими глазами?

– Ради Аллаха, пусти Искендеръ-Бекъ!..... Развѣ не видишь ты, что я шучу! Ты знаешь, что я глаза

* *Метеги*, *мути'и*, временной бракъ, позволенный у шіитовъ, но не вездѣ употребительный. Впрочемъ, и сунниты сѣвернаго Дагистана допускаютъ его изъ корысти, даже съ Русскими. Онъ облеченъ всею законностью, но только низшій классъ народа занимается такою торговлею.

Digitized by Google

ношу всегда въ карманѣ, а карманы мои всѣ въ дырахъ. Гдѣ мнѣ видѣть ее! Да и на кой чортъ стану я заглядывать на эти двуногія жемчужины! Пропадай онѣ, право: я не пахарь такихъ нивъ! Я умильнѣе погляжу на свиной бурдюкъ съ Кизлярскимъ чихиремъ, нежели на женщину. Эй, не женись, душечка Искендеръ-Бекъ! Бѣда тебѣ — жениться: ты такой ревнивецъ, что Аллахъ упаси! Въ сосѣдствѣ съ Русскими молодцами тебѣ придется стоять всю ночь на караулѣ, и цѣлой день какъ рахтарщику осматривать и щупать, кто входитъ и что вносятъ въ твой домъ. Ну, ужъ что за люди, эти Русскіе. Только поставятъ ихъ постоемъ, смотришь глядишь, они ужъ пріятели съ нашими молодушками! Подкатится яблочкомъ, разсыплется бисеромъ, а тамъ..... Знаешь ли ты Муллу-Касима, того сухопараго звѣрка, про котораго говорятъ, что съ него снята была кожа для таинственной книги *Джефръ* *. Ну, мой ага, этотъ Мулла-Касимъ, старый ревнивецъ, купилъ себѣ бѣду подъ бѣлою чадрою, и не спускалъ съ нея глазъ. Что жъ вышло? Онъ по три раза въ недѣлю отворялъ ворота одной подружкѣ хорошенькой женки своей, и сидитъ, бывало, у воротъ, чтобъ не дать женѣ на проводахъ выглянуть на улицу: а эта подружка — былъ Русскій офицеръ въ женскомъ платьѣ!

Оба пріятеля схватились за бока отъ смѣху.

— Мущина? Подъ чадрою? Это прелесть! это единственно! Спасибо тебѣ, Юсуфъ; разъутѣшилъ ты меня этимъ разсказомъ.

И бей Искендеръ чуть незадушилъ гостя въ объятіяхъ.

— Ну, да прощай, душа моя! Мнѣ теперь хлопотъ цѣлое стадо. Я сегодня ночью представлять буду *Фи-*

* Написанная іероглифами, будто-бы Алiемъ, обо всемъ, что было и будетъ до конца свѣта. Повѣрье шіитовъ.

Digitized by Google

ренгъ-эльчи-си, Франкскаго посла, при дворѣ Ези-да: такъ надо заранѣе умудриться, какъ мнѣ влѣзть въ узкіе шальвары! Пусть выкроитъ шайтанъ себѣ подметки изъ кожи этихъ глуровъ за адскую выдумку тѣсныхъ мундировъ и панталонъ: въ нихъ такъ же ловко двигаться какъ въ желѣзныхъ тискахъ. Не даромъ, право, носятъ они на шеѣ удавки: запалю я гробы ихъ отцовъ, да самъ и огонь залью! Не попадайся мнѣ теперь ни одинъ Русскій пѣтухъ: разомъ ощиплю весь хвостъ на султанъ для треугольнаго папаха! Я ужъ задалъ жгучей травы * комендантскому павлину; перестанетъ онъ хвастать своимъ вѣеромъ. Да и Русской водкѣ достанется: какой я буду *кяфиръ*, если не вытяну стакана четыре? *Яхши олсунъ*, Искендеръ-Бекъ, *яхши олсунъ!* Увидишь, я такимъ выйду на Хатыль полнымъ Франкомъ, что солдаты будутъ говорить мнѣ: «Здравія желаю, ваше благородіе!»

— Совѣтую только перемѣнить тебѣ имя Юсуфа, на *Аллахъ-верды* **!

— И, разумѣется! *Аллахъ-верды* прекрасное слово. «Богъ далъ» вино, такъ чортъ не отыметъ. Охъ, служба, служба! горька она и въ нашемъ правовѣрномъ платьѣ, а въ кургузомъ и того втрое. А еще говорятъ, будто я мало служу. Неблагодарные!.....

Юсуфъ удалился, разговаривая самъ съ собою, про безуміе Искендера. «Рѣхнулся бѣдняга; безъ-сомнѣнія, рѣхнулся! То онъ несносенъ какъ пустая бутылка, то хохочетъ будто Исфаганскаго *нагильчи*, сказочника, слушаетъ, то бранитъ меня словно капитанъ, то обнимаетъ ни за что ни про что. Жаль!» И, моло-

* *Истаутъ*, такъ зовутъ Татары перецъ.

** *Аллахъ-верды*, Богъ далъ, обыкновенное восклицаніе того, кто пьетъ; кто подноситъ, говоритъ — *Сизинъ кейфинисса*, на здоровье вамъ, или просто — *яхши олсунъ*, да будетъ благо. Искендеръ смѣется надъ пьянствомъ Юсуфа: впрочемъ Аллахъ-верды (Богданъ) — обыкновенное собственное имя.

Digitized by Google

децкій закинувъ рукава за плечо, онъ пошелъ переваливаясь по улицѣ и напѣвая стихи въ честь Гусейнова побоища при Кербелѣ.

Неджа канъ агламассынъ, дашъ, бугюнъ!
Кеселибты етмишъ-еки башъ бугюнъ!

«Какъ сегодня не прослезиться тебѣ, камень, кровью?
Сегодня отрублено семьдесятъ двѣ головы!»

Зато Искендеръ вовсе не думалъ объ отрубленныхъ головахъ; ему Юсуфъ приставилъ нов ю своимъ разсказомъ. Яркая мысль, пробраться къ своей милой подъ чадрою, озарила его сердце. «Я шелъ законною дорогою, говорилъ онъ себѣ, и она привела меня къ пропасти. Теперь я, во что бы ни стало, дойду до своего окольными тропинками. Теперь всѣ связи мои разорваны, и не мною. Пусть же узнаетъ Фетхали, что значитъ разбудить барса и потомъ дразнить его. Безславіемъ, похищеніемъ, всѣмъ готовъ теперь я добывать вырванную у меня Кичкэну. Да! я одѣнусь женщиною, но докажу, что я не мальчикъ: сегодняшній ночной праздникъ сблизитъ меня съ безцѣнною,—пускай дорога къ ней помощена остріями кинжаловъ! Не слыханную между мусульманами дерзость сдѣлаю я: но развѣ не такова моя обида, моя любовь?» Такъ разсуждая или, вѣрнѣй, безразсудствуя, Искендеръ обшивалъ самъ свои шалвары кружевнымъ позументомъ, какъ носятъ мусульманки; примѣрялъ купленное для будущей невѣсты покрывало, учился подбирать его по подолу и около рта, ходить смиренно, говорить тоненькимъ голосомъ. Къ сумеркамъ, онъ могъ бы представлять на Хатылѣ сестру Гусейна вѣрно лучше своихъ собратій. «Сурьма по бровямъ и темнота ночи скроютъ остальное,» думалъ онъ; однако боясь болтливости своего нукера въ такомъ дѣлѣ, гдѣ бросалъ на ставку свою голову, онъ услалъ его пасти коней на траву. Съ трепетомъ сердца ждалъ онъ ночи; но

Digitized by Google

день не хотѣлъ умирать, какъ богатый дядя. Наконецъ-то, наконецъ, заревой барабанъ сказалъ его сердцу отрадную вѣсточку. Пламенники, напитанные нефтью, замелькали по улицамъ, и вотъ слились въ одномъ мѣстѣ въ багровый дымъ зарева..... Скоро прійдетъ время.

Пустяки говорятъ, будто мы только въ первый разъ любимъ крѣпко и пламенно. Одно вѣрно, что мы только въ первый разъ любимъ сладостно; потому что тогда все въ любви намъ ново, потому что мы вѣримъ тогда непзмѣнности любви и взаимному для ней геройству. Проходятъ лѣта, и не званый гость опять стучится въ сердце: онъ подаетъ очки свои, которые разлагаютъ всѣ мечты, показываютъ всѣ цвѣты, всѣхъ бабочекъ, въ настоящемъ ихъ видѣ, и говорятъ: Это линючая краска, безполезное насѣкомое. Чортъ возьми твой микроскопъ, опытность! Я хочу розъ, а ты подаешь мнѣ скляночку съ духами. Скажи мнѣ, счастливѣе ли я сталъ, узнавъ, изъ чего составлена слеза и какой нервъ движетъ улыбку? Счастливѣе ли, умѣряя сильныя чувства, чтобъ не нажить аневризма? Счастливѣе ли, что, завидя въ комъ-нибудь, даже въ самомъ себѣ, вспышку прекраснаго чувства, я говорю: Знаю чѣмъ это кончится! Холодъ и пустыня; тѣмъ ужаснѣйшіе, что опять даютъ угадчивость уму, а не избавляютъ отъ страстей, отъ чувства.

Искендеръ плавалъ въ безизвѣстномъ для него океанѣ любви, искалъ Новаго Свѣта счастія, который, новому Колумбу, живописался на воображеніи полнымъ сокровищъ и восхитительнымъ новизною. Но если бъ вы спросили его, какія онъ имѣетъ къ успѣху залоги, и для чего выбралъ эту дорогу, для чего хочетъ онъ видѣться съ Кичкенею? онъ бы не умѣлъ дать отчета и самому себѣ. Счеты изобрѣтены конечно не влюбленными. Все, – что онъ бы могъ отвѣчать вамъ, со-

Digitized by Google

стояло въ словахъ – «Я такъ рѣшилъ! я на это рѣшился!» Съ Богомъ!

Начернивъ огромную бровь, которая по послѣдней модѣ должна была соединять какъ мостъ оба уха, и налѣпивъ на щеки двѣ золотыя звѣздочки, Искендеръ заткнулъ за поясъ, стягивающій атласный *дунъ* (родъ бешмета) пистолетъ, обвилъ голову маленькимъ тюрбаномъ, закутался весь до ногъ въ бѣлую чадру съ каймою, и робко пошелъ къ нижнему магалу. Спрятавшись подлѣ дома Кичкени въ ворота, онъ выждалъ, покуда она вышла съ двумя подругами, и, не теряя ее изъ виду, чтобъ послѣ не утратить вовсе межъ тысячи покрывалъ, отправился по пятамъ ея до самаго мѣста представленія. Площадь, улицы, кипѣли пѣшими и конными зрителями; кровли домовъ покрыты были купами и рядами женщинъ, живописно рисующихся въ бѣлыхъ и цвѣтныхъ чадрахъ. Драма еще не начиналась; на возвышеніи, приготовленномъ для Езида, говорилъ прологъ мулла Садекъ, а два другихъ стояли на ступеняхъ, крытыхъ ковромъ, махальными чувствительности, и при каждомъ трогательномъ описаніи громко кричали народу: «Что жъ вы не плачете? Плачьте!» Въ отвѣтъ на это раздавалось обыкновенно вверху и внизу оглушающее хныканье; потомъ потокъ краснорѣчія снова пробивался сквозь жужжанье. Почти въ лихорадочномъ жару взбѣжалъ Искендеръ за Кичкенею, по крутой лѣстницѣ чужаго дома, безпрестанно прикасаясь къ женщинамъ, на плоскую кровлю. На ней уже было до сотни мусульманокъ, сидящихъ, стоящихъ, бѣгающихъ взадъ и впередъ и, болѣе или менѣе, озаренныхъ блескомъ множества мангаловъ, поднятыхъ на шесты. Женщины встрѣчались, цѣловались, болтали безъ умолку, смѣялись безъ удержи. Всѣ онѣ одѣты были въ лучшія платья, увѣшаны золотыми звѣздами и мо-

Digitized by Google

нистами; и все это не забывали онѣ выказывать при встрѣчѣ съ знакомыми, широко распахивая чадры.

Тотъ, кто не знаетъ Азіатокъ, не знаетъ и половины Азіатца, хотя бы онъ жилъ съ нимъ сто десять лѣтъ за панебрата. Вмѣстѣ съ туфлями, мусульманинъ надѣваетъ непроницаемую личину, и внѣ гарема не покажетъ родному брату своему ни дна души, ни дна кошелька; притомъ же, страсть хвалить нравы и обычаи своего народа, свойственная всѣмъ народамъ младенчествующимъ, обладаетъ имъ вполнѣ. Послушать каждаго изъ нихъ, такъ вы подумаете, что это цѣлое поколѣніе праведниковъ, что у нихъ всѣ мужья и жены ходятъ между строчекъ Корана и никогда не помыслятъ вильнуть въ сторону. Только въ семьѣ смѣетъ мусульманинъ быть самимъ собою, потому что жена и дѣти для него вещи, которымъ не обязанъ онъ ни малѣйшимъ отчетомъ. Въ отмѣстку ему, жена бываетъ собою всегда кромѣ его присутствія. Покорная, предупредительная, почти безотвѣтная раба мужу, который для нея—свѣтъ, публика, власть, все, она вознаграждаетъ себя, за домашнее принужденіе, на гуляньѣ, въ садахъ, въ банѣ со своими сосѣдками. Вы скажете, что подруги ей домашніе, а домашніе чужіе. Онѣ откровенны между собою, ибо между ними нѣтъ иной ревности, кромѣ за наряды. Отъ этого выходитъ двойственный міръ, совсѣмъ отличный отъ Европейскаго; міръ болѣе недоступный для мужчинъ чѣмъ для женщинъ, потому что мужъ передъ женой разоблачается вполнѣ, она передъ нимъ—вполовину. Теперь вообразите, что вы какимъ-нибудь счастливымъ случаемъ вкрались въ довѣренность мусульманки или подслушали ея болтовню съ подругою, заглянули въ гаремъ-ханѣ *à vue d'oiseau*, и вы конечно узнаете больше, нежели мусульманинъ захочетъ вамъ сказать, больше, нежели можетъ сказать. Вообразите и то, какъ загадочно изумленъ былъ ничего незнающій юноша

Digitized by Google

Искендеръ, брошенный всередину женскихъ нескромностей, всередину женщинъ, большею частію прехорошенькихъ, онъ, который съ роду не говорилъ ни съ одной, кромѣ старухъ; онъ, который если и видѣлъ ихъ личики, такъ это въ почтительномъ отдаленіи, и то на мигъ. Онъ пожиралъ ихъ глазами, напрягалъ слухъ и умъ, чтобы уловить и понять долетающія до него отрывчатыя фразы. Напрасно! Онѣ оставались для него, какъ останутся вѣроятно для многихъ моихъ читателей, загадками.

«Ахъ, душечка, молодица моя! *эй, джанъ, джюванъ!* какая у тебя прелестная *баги*, головное украшеніе. А мой скупецъ былъ въ Зинзиляхъ, да въ гостинецъ привезъ только шелковый треногъ: правда, затканный золотомъ, да что мнѣ въ этомъ пользы? Его не надѣнешь ни въ мечеть ни въ баню.»—Нѣтъ, мой мужъ, хоть и прихотливъ, а ничего для меня не жалѣетъ; грѣхъ на это жаловаться. Надарилъ мнѣ кучу вещей за то, что я до жаровъ не спорю за лѣтній обычай.—«Слышала ли ты, Фатмѣ-Ханумъ, что мой старый чортъ въ Бакѣ взялъ другую жену? Я въ слезы; а онъ мнѣ: Развѣ мнѣ тамъ безъ плову жить! Мужъ только до семи горъ обязанъ женѣ вѣрностью. *Шахъ-Сейнъ, Вай-Сейнъ!* да развѣ, когда онъ переѣдетъ за семь, отъ меня до него будетъ только шесть? Отплачу я ему за это! Беретъ другую жену, а самъ даже *джума-ахшамы*, кануна недѣли, не справляетъ: такой беззаконникъ!» — Навѣрное ли? — «Какъ, моя жертвочка, не навѣрное! Въ Русской землѣ вышелъ указъ, чтобы всѣ женщины носили туманы по-нашему. Я сама видѣла, что и здѣшнія начальницы перестали гнѣвить Аллаха, надѣли таки бѣленькіе шальвары..... Да и пора была! Бывало по горѣ идутъ, при вѣтрѣ.....» — Чудесный дала ты мнѣ *ваджибетъ*, Шекеръ-Ханумъ; тысячу разъ тебѣ за него спасибо: тѣло отъ него точно персикъ становится. — «Не умѣетъ Аспетъ-Ханумъ

Digitized by Google

готовить *долмы*, вовсе не умѣетъ: хоть бы на свадьбѣ такой ѣсть, не только на похоронахъ, такъ горекъ покажется.»–Умерла? Сама виновата! Умѣла съ чужимъ любовь водить, умѣй концы хоронить; а то, мужъ только со двора, она въ гости, да еще съ фонаремъ. – Такъ онъ до-смерти ее закололъ? – «Насквозь, *джаным*! Тутъ же и душу Азраилу отдала.» – Надоѣли мнѣ мои ребятишки, *баджи* (сестрица); хоть бы подросли поскорѣе, а то такіе крикуны, что голову разломитъ! – «Охъ, сестра, отъ маленькихъ дѣтей болитъ голова, отъ большихъ сердце! Присталъ мнѣ мой Мешгеди: купи да купи ему жену; а вѣдь жена не свистулька..... дорогъ сталъ этотъ товаръ: откуда-я возьму денегъ! – «*Ай вай*, какой стыдъ! съ Армяниномъ, съ переводчикомъ! Развѣ мусульманъ или Русскихъ ей недостало?..... Любой Армянинъ съ придачей двухъ кусковъ *зерръ-бафта*, и четверти грѣха не стопитъ!» – Прелесть манеръ, *чохъ испаи тегеръ*, душечка! И прелегенькій! Онъ называетъ его Тегеранскимъ; наподобіе буквы *джимъ*; да кажется такими узорами переберу я всю азбуку. Преученый человѣкъ мужъ мой! – «Охъ, не поминай, сестрица! Вотъ точь-въ-точь такой затѣйникъ былъ покойный мужъ мой; бывало, какъ начнетъ учить мою малютку, такъ она шепчетъ, шепчетъ..... Аллахъ вѣку ему не продлилъ, а то бы читать ее выучилъ.....»

Восклицанія – *башляды, башляды*, началось, началось, прервали всѣ росказни. Всѣ кинулись смотрѣть на драму. Езидъ, въ красномъ кафтанѣ, въ зеленой чалмѣ сидѣлъ уже на тронѣ; по лѣвую его руку не много ниже, Богъ-вѣсть по какому преданію, сидѣлъ Европейскій посолъ, въ фантастическомъ мундирѣ Русскаго покроя, въ треугольной шляпѣ съ огромнымъ султаномъ, при Европейской саблѣ и въ шпорахъ. Приближенные Езиду и шейхи Арабскихъ племенъ въ бѣлыхъ чалмахъ обнимали тронъ полумѣсяцемъ. Евро-

Digitized by Google

пейскаго посланника игралъ Гаджи-Юсуфъ, но онъ, зитянутый въ непривычномъ нарядѣ, безпрестанно путаясь въ портупеѣ и шпорахъ, безпрестанно поправляя шляпу, которая прогуливалась по бритой его головѣ, былъ такъ уморителенъ, что чавѣрно не заманилъ никого быть Европейцемъ. Огромный носъ его и еще того огромнѣйшій султанъ изъ пѣтушьихъ и павлиньихъ перьевъ дали поводъ къ жаркому спору между женщинами.

– *Шахъ-Гусейнъ! вай Гусеинъ!* сестрицы посмотрите-ка что за звѣрь сидитъ по лѣвую руку проклятаго Езида? закричала одна хатынь (госпожа).

– Это левъ, пресеріозно отвѣчала ей сосѣдка. При мучителяхъ Османскихъ халифахъ всегда дежурилъ какой-нибудь лютый звѣрь: чуть не понравится кто-нибудь, сейчасъ того отдавали на завтракъ.

– Левъ-то левъ, возразила другая, только онъ тотъ самый, что плакалъ надъ гробомъ Гусейна, а не въ службѣ у Езида; плутяги *чауши*, десятскіе, подсмотрѣли, что онъ жалѣетъ нашего Имама, да и взяли подъ караулъ. Слышите ли, Езидъ говоритъ ему – Пріими мою вѣру; а онъ только сморкается: это значитъ – не хочетъ.

– Какой левъ? насмѣшливо произнесла другая: это птица!

– Какъ не птица! возразила та: развѣ у птицъ хвостъ на головѣ? Это грива; такъ, грива и есть.

– Совсѣмъ не грива, а хохолъ попугая: должно быть, этотъ попугай былъ у Езида *мирзою*, секретаремъ: видишь какъ халифъ ласкаетъ его, а тотъ воркуетъ не по-человѣчески!

– Племянница ты попугая, душа моя!

– Львиная ты мордочка, сестра моя!

Споръ сдѣлался общимъ. Однѣ говорили – птица, другія утверждали – звѣрь. Однако жъ сторона, воз-

Digitized by Google

ставшая за попугая, перемогла: женщины всѣхъ странъ отмѣнно любятъ попугаевъ. Надобно сказать, что красный носъ Гаджи-Юсуфа всего болѣе способствовалъ этому мнѣнію; только и въ немъ возникли расколы. Иныя думали, что носъ у этой птицы природный, иныя спорили, что онъ накладной. Все это доказывало, что каждая изъ почтенныхъ мусульманокъ, тамъ сидѣвшихъ, могла бы выдержать профессорскій экзаменъ въ невѣжествѣ исторіи естественной и сверхъестественной, о которой шло дѣло; а дѣло шло своимъ чередомъ. Бѣдный Юсуфъ, никакъ не воображая, что подлинность его носа и его человѣчества подвержена такому сомнѣнію, говорилъ привѣтственную рѣчь Езиду. «Государь мой, повелитель Френгистана (таковъ былъ смыслъ ея), заслышавъ о твоихъ побѣдахъ, прислалъ меня просить о дружбѣ и союзѣ съ тобою». Езидъ отвѣчалъ, что, покуда, ему нѣтъ досуга управиться со свиноѣдами; что онъ даруетъ имъ миръ и время покаяться, но если они не примутъ *шекксизъ китабъ*, несомнѣнной книги, закономъ, такъ онъ объявитъ имъ *джигадъ*, войну за вѣру, и начнетъ систему обрѣзанія съ головъ. Въ это время радостная вѣсть о разбитіи, воеводой халифа, враждебнаго ему Гусейна, приходитъ вмѣстѣ съ трофеями. Пуки стрѣлъ, сабель, кольчугъ, мѣшки съ добычею, разсыпаны къ ногамъ Езида; подносятъ на блюдѣ голову Гусейна. «Вотъ участь всѣхъ, кто мнѣ противится!» гордо говоритъ посланнику халифъ и, сброшенная его ногой голова, катится по ступенямъ: «а этотъ человѣкъ былъ родственникъ Магомета, хотѣлъ быть халифомъ; многіе звали его пророкомъ, заступникомъ молитвъ, имамомъ: и что теперь онъ? Прахъ!» Фиренкъ-Эльчи осмѣливаетя спросить, неужели у нихъ мода такъ обходиться съ пророками. «Со лжепророками», гнѣвно отвѣчаетъ Езидъ. «Въ такомъ случаѣ легко можно убѣдиться, ложный былъ онъ или

Digitized by Google

настоящій», продолжаетъ Франкъ; «голова Гусейна!» примолвилъ онъ, обращаясь къ головѣ, уже взоткнутой на конье: «если ты истинно пользовалась откровеніемъ Бога мусульманъ, и если вѣра, тобой проповѣданная, не обманъ, скажи мнѣ символъ ея, и я, христіанинъ, клянусь обратиться въ мусульманство!» И голова отверзаетъ мертвыя уста; молитва *Ла иляге илль Алаху, эшгеду, энна Мухаммеда ресулюллахъ*, какъ труба, раздается въ воздухѣ. Пораженный, убѣжденный чудомъ, Европеецъ падаетъ ницъ, восклицая: — *Мусульманамъ, шагіямъ!* Я мусульманинъ, я пінтъ! — «Ты глупецъ», говорилъ ему Езидъ, раздраженный примѣромъ дерзости для своихъ послѣдователей: «ты стоишь казни: отрубить ему голову!»

Гаджи-Юсуфъ, которому такъ же ловко было сидѣть на стулѣ какъ на копьѣ, особенно съ грузомъ винныхъ паровъ въ головѣ, не дожидался удара покатился на полъ. Эта потеря равновѣсія, приписанная ужасу, произвела необыкновенный эффектъ. Павшаго Франка утащили, подмѣнили куклою, и срубленная голова его запѣла стихи въ честь Гусейна.

Подъ шумокъ, между-тѣмъ, Искендеръ подсѣлъ рядомъ въ Кичкенѣ: духъ у него занимался отъ радости, сердце обливалось невыразимо сладкимъ пламенемъ. Онъ былъ подлѣ ней, касался ея, чувствовалъ жаръ ея щекъ, ароматъ ея дыханія: и онъ былъ мусульманинъ, и ему только-что минуло двадцать лѣтъ! Онъ не могъ выдержать искушенія, когда Кичкене, привставъ, чтобы лучше взглянуть внизъ, оперлась рукой на его колѣно.

— Кичкене, произнесъ онъ тихо, встань: мнѣ нужно сказать тебѣ два слова, — и онъ крѣпко сжалъ ея руку, подымаясь.

Мысли задумчивой Кичкене были полны Искендеромъ: его искала она въ потокѣ лицъ, озаренныхъ

Digitized by Google

факелами, его взоръ надѣялась встрѣтить между тысячами взоровъ. Не Езидъ привлекъ ее на представленіе, не Езидъ занималъ теперь. Увѣренность поглядѣть хоть еще разикъ на жениха, которымъ ее поманили, и котораго отняли потомъ безъ причины, поглотила все ея вниманіе: каково жъ было ея изумленіе, ея страхъ, когда голосъ, кото аго эхо было сердечное воспоминаніе, прозвучалъ ей на ухо! Крикъ замеръ у ней на устахъ, она не имѣла силы ни жестокости сопротивляться. Искендеръ-Бекъ увлекъ ея на самый темный уголъ кровли: зрительницы такъ заняты были Езидомъ и Эльчи, что ихъ вниманія нѣчего было страшиться.

— Я люблю тебя, Кичкене, сказалъ онъ испуганной красавицѣ: горячо люблю! Ты видишь, на что я рѣшился, *длятого* только чтобы поглядѣть на тебя, сблизиться съ тобою: можешь угадать, на что рѣшусь, если ты скажешь — «Искендеръ-Бекъ я тебя не люблю»!..... *Да* или *нѣтъ*, милая?

Глаза его пылали, жгли; правая рука сжимала пистолетъ. Бѣдная дѣвушка трепетала, робко озиралась. Казалось она бы рада была, если бъ кто ее выручилъ; казалось, она прокляла бы того, кто помѣшалъ бы ей слушать эти страшныя и вмѣстѣ чарующія слова. «Искендеръ! наконецъ произнесла она, послышавъ рѣзкій взводъ курка: я твоя жертва; только не сгуби себя, не обезчести меня..... Позволь мнѣ уйти!..... Я бы рада обнять тебя, какъ поясъ сабли..... но ты знаешь какой человѣкъ мой *дядя*!» Звонкій поцѣлуй раздался, и звукъ этотъ тихо сошелъ на *нѣтъ*, не прерываясь. Краткій мигъ далъ любви на Востокѣ, но она какъ сновидѣніе умѣетъ умѣщать въ него тысячи оттѣнковъ, тысячи произшествій, всю долговременную борьбу Европейской страсти. «О, не говори мнѣ про утреннюю зорю, *азизымъ*! Какъ можешь ты любить свою завистницу?..... Такъ ты соглашаешься,

Digitized by Google

не правда ли? Ты соглашаешься, безцѣнная, *кылатъ-сизъ!* Мы увидимся завтра ночью!» Никто не слыхалъ, что сказала Кичкене, но на лицѣ Искендера отразилось — «завтра». Мнимыя подруги разстались.

Не знаю, какъ провела ночь послѣ такой поучительной встрѣчи милая Кичкене; но Искендеръ-Бекъ заснулъ сладко и скоро: есть грѣхи, послѣ которыхъ спится лучше нежели послѣ добраго дѣла. Если бъ вы увидали тогда его прелестное лице, покоящееся подъ улыбкою нѣги, вы бы сказали, что сами видите гирлянду мечтаній, обвивающую беззаботное чело юноши.

—

IX.

М. Т.

ЭПИГРАФЪ ИЗЪ АЛЬКОРАНА*.

На послѣ-завтра отъ окончанія празднества тризны по Гусейнѣ, въ крѣпости Нарынъ-Калѣ у комендантскаго дома былъ большой съѣздъ бековъ, по случаю какого-то царскаго дня. Нукеры и уздени ** въ блестящемъ вооруженіи водили и держали коней подъ попонами, разшитыми шелкомъ съ бахрамою изъ кистей. Живописныя купы Табасаранскихъ, Кара-Кай-

* На нѣкоторыхъ главахъ Корана, вмѣсто обычнаго заголовка, *бисмеле*, Магометъ ставитъ какія-нибудь двѣ буквы Арабской азбуки. Смыслъ ихъ, говорилъ онъ, извѣстенъ одному Аллаху, со словъ котораго Джебраилъ писалъ эту книгу.

** Уздень, üzden, слово Татарское, сложенное изъ двухъ *üz* и *den*, *самъ* и *отъ*, то есть, отъ себя (зависящій), *самъ собою* (живущій). Оно извѣстно только въ Лезгистанѣ, и напрасно присвоено Русскимъ Черкесамъ. Это родъ нашихъ инородцевъ. Они обязаны ханамъ только службою во время войны да разъѣздами въ гонцы: другой подати не платятъ. Живутъ иногда особыми селеніями; чаще разсѣяны между рабами хановъ, *кулами;* происходятъ первоначально отъ воиновъ покорителей туземцевъ; умножены вольно-отпущенными. Чѣмъ глубже въ горы, тѣмъ они воинственнѣе, независимѣе и многочисленнѣе.

Digitized by Google

тахскихъ и Дербендскихъ владѣльцевъ разговаривали между собою у фонтана, или на площадкахъ лѣстницъ, безпрестанно пересѣкающихся какъ на театральной декораціи. Вверху, обсаженная тополями, караульня вѣнчала эту картину своими бѣлыми аркадами и сверкающими иглами штыковъ.

Зала была полна почетныхъ гостей и граждапъ. У дверей, комендантскій переводчикъ что-то разсказывалъ съ жаромъ: его слушали и разспрашивали со вниманіемъ. Вездѣ шептались; старики пожимали плечами; видно было, что произошло недавно что-то необыкновенное.

— Да, продолжалъ *дильмачь:* разбойники разломали потихоньку простѣнокъ и влѣзли въ спальню Сулейманъ-Бека; онъ проснулся тогда только, когда одинъ изъ нихъ сталъ снимать оружіе надъ его постелью. Разумѣется, онъ выхватилъ изъ подъ-подушки пистолетъ и выстрѣлилъ на угадъ, но видно далъ промаха. Въ это время двое другихъ, которые успѣли въ сосѣдней комнатѣ связать жену его, и въ сѣняхъ работника, подоспѣли на помощь двумъ возившимся около Сулеймана: темнота мѣшала видѣть другъ друга, и потому онъ успѣлъ нанести нѣсколько ранъ наступавшимъ, прежде чѣмъ былъ самъ раненъ. Наконецъ многіе удары по головѣ кинжаломъ оглушили его; онъ упалъ замертво. Между-тѣмъ выстрѣлъ и крикъ растревожили сосѣдей, и покуда они зажгли фонари, сбѣжались и разломали ворота, разбойники разбили сундуки, очистили ихъ, и ушли, убѣжали, такъ что слѣду нѣтъ.

— И неужели ни одного не могли поймать или отыскать по примѣтамъ? спросилъ кто-то изъ пріѣзжихъ.

— Поймали вблизи одного ихъ товарища: онъ видно поставленъ былъ на карауле. У него около тѣла обвита была веревка, конечно, длятого чтобъ спустить

Digitized by Google

молодцевъ черезъ городскую стѣну. За поясомъ нашли заряженный пистолетъ и кинжалъ. Ну, да кинжалъ, правда, онъ имѣлъ право всегда носить по званію бека!

– Бекъ? Не можетъ быть, чтобы какой-нибудь бекъ захотѣлъ участвовать въ разбоѣ! вскричали многіе.

– А почему бы и не такъ, возразилъ мирза, насмѣшливо посматривая на нѣкоторыхъ. Есть беки, которые вздыхаютъ по ханскомъ правленіи. Молодежь любитъ погулять, не то чтобы изъ добычи, а для удальства.

– Да-съ, пойманный вчера съ поличнымъ былъ бекъ изъ лучшей фамиліи. Вы удивитесь когда я скажу, кто онъ! Онъ Искендеръ-Бекъ-Кальфаси-оглы! Комендантъ разсматриваетъ теперь донесеніе калабека и дежурнаго по карауламъ, а Искендера вы сейчасъ увидите: его велѣно привести съ гауптвахты.»

Всѣ, кому было это новостью, вскрикнули отъ удивленія и сожалѣнія. Какъ! тотъ юноша, котораго поведеніе признано было въ одинъ голосъ цѣлымъ городомъ за примѣрное, попался участникомъ въ уголовномъ преступленіи, въ воровствѣ и ночномъ разбоѣ?.....

Впрочемъ, нашлись люди добрые, которые говорили, что имъ это ни сколько не удивительно; что Искендеръ-Бекъ былъ всегда скрытенъ, что пороки не ждутъ возраста, что они входятъ несѣянные, не лѣлеянные. Людей обыкновенныхъ всегда увлекаетъ наружность, особенно въ худомъ, потому что для нихъ лестнѣе предполагать въ каждомъ, наравнѣ съ собою, три четверти худаго, чѣмъ три четверти хорошаго, – а наружность обвиняла Искендеръ-Бека кругомъ. Выходъ коменданта прервалъ жужжанье суда и осужденія.

Онъ былъ изъ того небольшаго числа людей, которые постигаютъ Азіатскій характеръ въ тонкости.

Digitized by Google

Ласковъ съ разборомъ, длятого чтобъ привѣтъ его цѣнился выше подарка; строгъ безъ грубости, которая отравляетъ самую справедливость. Онъ не подражалъ тѣмъ начальникамъ, что воображаютъ плѣнить Азіатцевъ братаньемъ, пожатіемъ рукъ, объятіями на оба плеча, довѣріемъ въ оба уха, и кончаютъ тѣмъ, что становятся игрушкою и притчей всѣхъ себѣ подвластныхъ. Не принадлежалъ онъ и къ разряду тѣхъ, что думаютъ вселить къ себѣ почтеніе острасткою и замѣнить прозорливость шумомъ: зато, кроткій и важный въ своихъ сношеніяхъ съ мусульманами въ домашнемъ быту, онъ былъ непреклоненъ въ рѣшеніяхъ; но, достойный представитель Русскаго правительства, онъ пріучалъ любить его за справедливость и уважать за силу. Невообразимо трудно править областью, составленною изъ многихъ разнородныхъ стихій, совершенно противуположныхъ сущностью и наружностью нравамъ и понятіямъ Европейскимъ. То, что у насъ считается преступленіемъ, у нихъ нерѣдко похвально; что у насъ терпимо, у нихъ раждаетъ кровавую месть; и на равнинѣ – такъ, въ горахъ – совсѣмъ иначе. Притомъ же, по необходимости допущенное, тройственное судопроизводство, то есть, Русское, ханское и третейское по стариннымъ обычаямъ, *Шаріатъ*, затрудняетъ равно слѣдствіе и рѣшенье. Тутъ мало быть законовѣдомъ и безпристрастнымъ: тутъ надо быть сердцевѣдцемъ этого народа. Горцы вообще прямодушнѣе, зато непокорнѣе; горожане – плашмя передъ властью, зато вы не найдете въ свѣтѣ людей умѣющихъ лучше ее обѣжать или провести. Лукавцы и кляузники, они съ удивительною смѣтливостью угадываютъ и разработываютъ въ свою пользу слабости тѣхъ, кто ими правитъ. Не находя въ этомъ комендантѣ пищи для своихъ козней, и того менѣе имъ пощады, они сначала крѣпко не взлюбили его, поперечили ему, клеветали

Digitized by Google

на него потихоньку. Тотъ всё шелъ, и наконецъ увлекъ ихъ прямой дорогой. Онъ явился въ залу въ полномъ мундирѣ.

Положивъ правыя руки на сердце, и потомъ при поклонѣ сжимая ею свое правое колѣно, ряды бековъ и гражданъ жузжали привѣты начальнику, желанья счастія всему дому падишаха. Комендантъ кланялся всѣмъ, говорилъ немногимъ о дѣлахъ: инаго журилъ за невысылку подводъ или обвиненныхъ, другихъ благодарилъ за успѣшное порученіе; подалъ руку двумъ или тремъ владѣльцамъ, отличнымъ своею преданностью Россіи; пригласилъ нѣкоторыхъ къ обѣду.

— Благодарю васъ, *агаляръ*, наконецъ сказалъ онъ собранію, что вы навѣстили меня въ праздникъ, радостный для всѣхъ подданныхъ Русскаго Императора: сегодня мы празднуемъ память рожденія одного изъ Царскихъ сыновей. У насъ — одинъ Богъ, одинъ Падишахъ, и мы каждый по-своему помолимся Богу, чтобы онъ сохранилъ здоровье нашего Падишаха для общаго нашего счастія. Господа окружные беки! вы слышали, я думаю, о грабежѣ, случившемся здѣсь прошлою ночью. Я имѣю всѣ доказательства, что онъ совершенъ не жителями Дербенда, а прихожими горцами. Прошу васъ, поэтому, употребить всѣ средства, открыть и представить ко мнѣ виновныхъ; съ моей стороны будутъ посланы довѣренные беки развѣдать объ участникахъ и укрывателяхъ. Здѣсь уже дѣлаются обыски и допросы. — Ну, что, сказалъ онъ, обращаясь къ мирзѣ: увѣщавалъ ли мулла Искендера признаться, и что говоритъ онъ самъ?

Мирза отвѣчалъ, что Искендеръ стоитъ въ своей невинности по грабежу. Что жъ касается до прочаго, онъ признаетъ себя неправымъ, хотя безъ всякихъ преступныхъ намѣреній. Веревку взялъ онъ, по его словамъ, чтобы спуститься съ городской стѣны въ

Digitized by Google

поле погулять; ему стало душно внутри города: а кто жъ пойдетъ за городъ безъ оружія ночью, когда и днемъ всякій вооружается?

– Неумѣстныя прогулки! замѣтилъ комендантъ. Тутъ что-то кроется, хотя я никакъ не могу согласить съ этимъ грабежемъ всегдашняго добраго поведенія Искендеръ-Бека. Введите его сюда.

Искендеръ-Бекъ, по общему обычаю, вошелъ въ шапкѣ но безъ туфлей, почтительно поклонился коменданту, гордо собранію, и скромно сталъ на указанное мѣсто.

Комендатъ вперилъ проницательныя очи въ обвиненнаго; юноша покраснѣлъ отъ мысли, что его подозрѣваютъ, но взглядъ его былъ ясенъ и не робокъ.

– Никогда не ожидалъ я, произнесъ наконецъ комендантъ, видѣть тебя передъ собою, Искендеръ-Бекъ, какъ преступника!

– Не преступленіе, а судьба привела меня передъ судъ, отвѣчалъ тронутый Искендеръ.

– Знаешь ли важность вины, въ которой обвиненъ ты?

– Я узналъ только здѣсь въ чемъ меня обвиняютъ. Сознаюсь въ своей вѣтренности; чувствую–все обвиняетъ меня: но я не причастенъ къ этому дѣлу, видитъ Богъ!

– Люди должны уступать явнымъ доказательствамъ, и потому, покуда сомнѣнія на тебя не разсѣются, ты долженъ быть арестованъ. Впрочемъ, если найдешь изъ почетныхъ гостей моихъ законнаго поручителя, я избавлю тебя отъ заключенія.

Комендантъ зналъ, что въ бѣду падаютъ, какъ въ пропасть, вдругъ, но въ преступленіе сходятъ по ступенямъ, и не хотѣлъ ожесточить суровостью неволи, можетъ-быть, невиннаго молодаго человѣка, тѣмъ менѣе, что онъ имѣлъ всѣ средства надзора за

Digitized by Google

его сношеніями. Искендеръ-Бекъ окинулъ глазами собраніе, какъ бы спрашивая взоромъ, кто за меня будетъ порукой? Но бѣда какъ зараза удаляла отъ него всѣхъ. Всѣ потупляли очи, поглаживали бороду и молчали.

– Что жъ! никто? сказалъ комендантъ.

–*Сизинъ ахтіарынъ!* отвѣчали всѣ кланяясь: ваша воля!

– Я ручаюсь! произнесъ Гаджи-Юсуфъ, протолкавшись изъ за долгобородыхъ впередъ.

Комендантъ улыбнулся: разумѣется, гости чуть-чуть не засмѣялись. Онъ нахмурился: и у всѣхъ вытянулись лица до пояса.

– Для меня странно, господа почетные граждане Дербенда, что вы, безпокоя меня просьбами выпускать на поруки ваши отъявленныхъ мошенниковъ, и неразъ ручаясь за такихъ людей, которые, презрѣвъ порукой, бѣжали въ горы, не хотите успокоить молодаго бека, котораго недѣлю назадъ признали за самаго достойнаго; котораго я по вашимъ же свидѣтельствамъ представилъ къ наградѣ, въ числѣ пропущенныхъ отличившихся во время осады города Кази-Муллою. Отъ суда не скроется его преступленіе, если онъ виновенъ, и оно приметъ полную мѣру наказанія; но, покуда онъ не судимъ, не осужденъ, онъ вашъ товарищъ и его примѣрная прежняя жизнь стоитъ какого-нибудь вниманія. Впрочемъ, порука дѣло добровольное. Искендеръ-Бекъ, отправляйся домой: я самъ за тебя порукой.

Комендантъ раскланялся, чтобъ ѣхать на церковный парадъ.

Слезы, сладкія слезы благодарности брызнули изъ очей растроганнаго юноши. Никогда не ожидалъ онъ отъ Русскаго, отъ начальника, такого великодушія, и тѣмъ сильнѣе оно на него подѣйствовало. Онъ готовъ былъ пасть на колѣна передъ комендантомъ, поцѣло-

Digitized by Google

вать его руку какъ у отца, разсказать тайну любви своей, которую изъ него не исторгла бы пытка; тайну, которая и теперь вела его въ вѣчную ссылку, съ тяжкимъ именемъ преступника.

Между-тѣмъ Татарская знать отхлынула изъ залы коменданта. Самые завзятые честолюбцы, не успѣвъ своими частыми поклонами выработать у начальника пары словъ, оставались назади, и, пережидая другъ друга чтобъ выйти послѣдними, готовы были выдержать по нѣскольку пинковъ отъ мирзы, только бы успѣть остаться минутку за дверями, — потомъ важно надѣть у порога туфли и, съ значительно-гордымъ видомъ, расталкивая завистливую толпу, за тайну молвить кой-кому: «Ну, ужъ замучилъ меня комендантъ разспросами да порученіями!» Есть свои, есть и общіе коньки у всѣхъ народовъ, а Татаро-Персіяне, какъ извѣстно, народъ конный по-превосходству.

Жаркое утро золотило каменный помостъ большой Дербендской мечети, но свѣжая тѣнь келій съ востока, зыбкій шатеръ огромныхъ чинаровъ посреди, и прохладная галлерея, висящая на воздухѣ у сѣверной стѣны, давали пріютъ цѣлому народу премиленькихъ татарчатъ, распѣвающихъ передъ муллами свои уроки*. Подобно жужжанію пчелинаго роя струились въ воздухѣ голоса ихъ и, казалось, перекликались съ привѣтнымъ шумомъ фонтана, плещущаго, сверкающаго въ глубокомъ водоемѣ. Около него рѣзвилось нѣсколько мальчиковъ и дѣвочекъ, черпая воду звонкими кувшинами. У открытыхъ дверей мечети сидѣли старики, грѣя солнцемъ и разсказами о бываломъ свои холодѣющія сердца. Два три всегдашнихъ или случайныхъ нищихъ тѣснились подъ сводомъ воротъ.

* Замѣчательно, что у Татаръ «читать» и «пѣть» выражается однимъ и тѣмъ же глаголомъ, *охумахъ*.

Digitized by Google

Въ углу, на брошенной буркѣ, отдыхалъ какой-то путникъ: вся жизнь, всѣ случайности мусульманской жизни, видѣлись тутъ въ лицахъ. Надежды и воспоминанія, заботы гражданства и краткій отдыхъ боеваго пути, сошлись по обычаю подъ мирную сѣнь святыни, простертую равно для богача и бездомнаго, для довольнаго и несчастливца.

Невдалекѣ отъ путника разостлалъ свой коврикъ Мулла-Садекъ. Святой мужъ готовился назавтра выѣхать изъ Дербенда, и потому сводилъ свои счеты, выкладывалъ барыши, и, мурлыча про себя похвалы собственному умѣнью обтачивать свои дѣла, съ счастливымъ лицемъ макалъ тонкіе *лаваши** въ чашку кислаго молока съ чеснокомъ, лакомство Татаръ; то макалъ тростинку въ мѣдную чернилицу, заткнутую у него за поясомъ въ видѣ кинжала, и что-то записывалъ на листкѣ лощеной бумаги, напередъ заботливо отгоняя мухъ, чтобы онѣ нескромною, лишнею, точкою не переиначили смысла рукописи**. Умилительно было глядѣть на него, какъ онъ жевалъ съ душевнымъ наслажденіемъ свой завтракъ и потомъ еще съ бо̀льшимъ восторгомъ считалъ на ладони карманныя деньги. Онъ такъ былъ погруженъ въ созерцаніе серебряныхъ созвѣздій, съ такимъ вниманіемъ разбиралъ стертыя подписи на Русскихъ четвертакахъ и Персидскихъ двуабазникахъ, что вы бы могли его почесть придворнымъ астрологомъ шаха или однимъ изъ членовъ Академіи Надписей. Онъ не слыхалъ и не видалъ, что передъ нимъ минутъ пять стоитъ и канючитъ бѣдный Лезгинъ, у котораго давно уже Дербендская грязь служила вмѣсто подошевъ, а Даги-

* *Лаваши*, въ листъ бумаги сухіе блины. Ихъ подаютъ при обѣдахъ вмѣсто закуски и салфетокъ.

** Извѣстно, что Татарское письмо опущаетъ гласные, а точки служатъ титлами для различенія подобныхъ буквъ, связи и движенія рѣчи.

Digitized by Google

станское небо вмѣсто бурки; у котораго сквозь лохмотья видно было все тѣло, а сквозь тѣло навѣрно можно бы увидать желудокъ, если бъ нашелся человѣкъ чтобъ его въэтомъ подозрѣвать. Бѣднякъ такъ жалобно проснлъ милостыни, *биръ Аллахъ учюнъ*, ради единаго для всѣхъ Бога; такъ жадно глядѣлъ на завтракъ муллы Садека, что не грѣхъ было побожиться — онъ не ѣлъ ни крошки хлѣба съ послѣдняго новолунія. Грѣхъ было не тронуться его положеніемъ, но черствое сердце сребролюбца не размягчитъ состраданіе, и совѣсть напрасно изломаетъ надъ нимъ зубы. Мулла Садекъ поднялъ глаза на нищаго, надвинулъ на брови папахъ и принялся считать *эхадъ, ашуратъ, міятъ, альфатъ*, единицы, десятки, сотни, тысячи....

— Я три дни не ѣлъ, мой ага, мой эфенди, мой *пиръ**! говорилъ несчастный, протягивая руку.

— *Эхадъ, ашуратъ, міятъ*, повторялъ мулла Садекъ.

— Одинъ грошъ спасетъ меня отъ голодной смерти хоть на день, а тебѣ отворитъ ворота райскія на вѣкъ.

— *Ашуратъ, міятъ, альфатъ*, твердилъ Садекъ.

— Ты мулла: вспомни, чему учишь всѣхъ изъ *Куръан-и-алишанъ*, изъ высокостепеннаго Корана: не первый ли долгъ мусульманина — милостыня?

Мулла Садекъ потерялъ счетъ и терпѣніе.

— Убирайся ты къ чорту, суннитскій недовѣрокъ! вскричалъ онъ съ сердцемъ. Развѣ для такихъ какъ вы мошенниковъ выдумалъ Аллахъ милостыню? Для васъ есть трава въ полѣ и палки въ городѣ: вотъ все! Есть сила, такъ вы разбойничаете; нѣтъ силы, выманиваете у правовѣрныхъ *шаги* родныя денежки, да послѣ надъ ними смѣетесь. Нѣтъ тебѣ отъ меня ни куска чурека, ни гроша; самъ я дорожный человѣкъ,

* *Пиръ*, человѣкъ угодный Богу дѣлами или страданіями. У Суннитовъ.

Digitized by Google

да и послѣднее отнялъ у меня проклятый землякъ вашъ, Мулла-Нуръ, когда я ѣхалъ сюда: облупилъ, словно каштанъ, разбойникъ.

Путникъ, безмолвно до-сихъ-поръ лежавшій въ углу, приподнялся на руку, разгладилъ свое угрюмое лице и учтиво спросилъ раздраженнаго разсказомъ муллу:

– Не ужели Мулла-Нуръ былъ такъ безжалостливъ и безсовѣстенъ, что пустилъ такого почтеннаго, святаго человѣка, какъ онъ, нищимъ? Я слыхалъ, прибавилъ онъ, будто Мулла-Нуръ грабитъ очень учтиво, очень полюбовно, и рѣдко беретъ съ головы болѣе двухъ рублей серебромъ.

– Двухъ рублей? *Аллахъ! я Аллахъ!* это такой жидъ, что не задумается вынять у васъ послѣдніе два глаза! Да низвергнетъ его Имамъ Али въ *джегеннемъ*, и сваритъ въ томъ золотѣ, которое у меня онъ отнялъ! Даже на мой верблюжій плащъ позарился, волчья душа!

– *Суннетъ-герчекъ*! обрѣзанная правда! сказали человѣкъ пять Дербендцевъ. Мулла-Садекъ пріѣхалъ къ намъ, будто изъ Ноеваго потопа выплылъ: мы складывались, что бы одѣть, снарядить, вознаградить его. Да будетъ проклятъ этотъ разбойникъ Мулла-Нуръ!

Путникъ всталъ на ноги, улыбаясь: слышно было какъ брякали его стальныя поручи о кольчугу; онъ досталъ изъ кармана червонецъ, и, показывая бѣдному Лезгину, сказалъ: «Прокляни Мулла-Нура, и онъ твой!»

Лезгинъ быстро протянулъ-было за нимъ руку, но потомъ остановился въ раздумьѣ.

– Мулла-Нуръ помогъ деньгами въ нуждѣ моему брату, и многихъ земляковъ моихъ выручалъ изъ бѣды. Я незнаю его въ лице, но по сердцу знаю: возми назадъ свое золото; я не продаю проклятій.

Digitized by Google

Странникъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на изнемогающаго отъ голоду бѣдняка, съ укоромъ на богатаго муллу. Богачъ бросилъ проклятіе вмѣсто милостыни въ суму нищаго. Нищій не хотѣлъ проклясть за глаза незнакомаго разбойника за спасеніе жизни! Странникъ всунулъ пять червонцевъ въ руку удивленнаго Лезгина, ударилъ по плечу мулла Садека, сказалъ обоимъ: — «Есть Богъ правды въ небѣ, есть добрые люди на землѣ!», и скрылся.

У воротъ мечети былъ привязанъ конь его; онъ сѣлъ на коня, и тихо сталъ спускаться по искривленной улицѣ къ базару. Миновавъ шумный базаръ, онъ въѣхалъ въ переулокъ, на которомъ стоитъ домъ калабека, то есть, полицмейстера Дербендскаго. Тамъ, подъ широкимъ навѣсомъ воротъ, сидѣлъ обыкновенно кала-бекъ, окруженный просителями и чаушами, творя судъ и расправу. Онъ былъ уже старикъ, но славно чернилъ свою бороду, носилъ чуху испещренную бафтами (галуномъ), и въ знакъ памяти по удалой молодости держалъ четырехъ женъ да трехъ наложницъ; опорожнялъ каждый вечеръ *à huis clos*, за запертыми дверями, по нѣскольку бутылокъ шипучаго, и, если бъ не носилъ огромныхъ зеленыхъ очковъ на носу, морщинъ на лбу и дебелаго пуза въ кушакѣ, вы бы могли его почесть молодымъ человѣкомъ. Въ этотъ день кала-бекъ былъ не въ духѣ. Небогатые жители жаловались ему, что, платя наравнѣ съ богатыми за орошеніе полей съ мареною, они имѣютъ менѣе ихъ воды на полосу. Упрямцы эти никакъ не могли вдолбить себѣ въ голову, что по законамъ Азіатской гидростатики неотмѣнно разливается вдвое больше воды на полосу того, у кого вдвое болѣе земли. Ужъ онъ, уставши кричать, сбирался было писать выкладку этой задачи на пятахъ непонятливыхъ слушателей, когда таинственный путникъ соскочилъ передъ нимъ съ лошади. «*Селямъ алейкюмъ*, Мугар-

Digitized by Google

рамъ-Бекъ!» произнесъ онъ. Мугаррамъ-Бекъ вздрогнулъ, будто скорпіонъ кольнулъ его ниже кушака. Восклицаніе замерло на губахъ; пальцы и ротъ разинулись отъ удивленія. Положивъ руку на пистолетъ, путникъ наклонился надъ ухомъ кала-бека. «Послушай, Мугаррамъ, не тронь стараго знакомца. Я пріѣхалъ сюда не для своей, а для твоей пользы. Я сослужу тебѣ славную службу: пойдемъ только въ твои покои. Тамъ я скажу тебѣ такую тайну, за которую ты мнѣ, а весь Дербендъ тебѣ вѣчное спасибо! Впрочемъ — если ты заикнешься, или мигнешь своимъ чтобы схватить меня, такъ знай что въ этомъ пистолетѣ пуля да шесть картечей, и — сейчасъ съ базара кремень. А когда твой желудокъ переваритъ все это, то двѣнадцать молодцевъ отомстятъ за мою гибель. Ты знаешь, что я не люблю хвастать. Пойдемъ!»

И весело, какъ будто онъ предложилъ кала-беку удалую гулянку, пошелъ незнакомецъ по лѣстницѣ. За нимъ, крехтя, можно сказать скрыпя, потащился испуганный кала-бекъ. Что́ и о чемъ толковали они битые полчаса, не могъ я дознаться, даже отъ болтливаго чауша, имѣвшаго похвальную привычку подслушивать у дверей. Знаю только, что незнакомецъ преспокойно сѣлъ на коня, котораго съ почтеніемъ подвели ему. Бросилъ полтинникъ нукеру, подержавшему ему стремя и, озираясь на всѣ стороны, выѣхалъ изъ городскихъ воротъ. Дня черезъ два разсказывали будто это былъ знаменитый Мулла-Нуръ; будто кала-бекъ послалъ догонять его дюжину нукеровъ, но что онъ показалъ имъ только подковы своего скакуна. Кажется, это сказка.

А между-тѣмъ бѣдный юноша изнывалъ въ стѣнахъ своего дома. Злобный случай привелъ его вблизь того мѣста, гдѣ совершилось злодѣяніе, и онъ, вмѣсто сладостнаго поцѣлуя свиданія на уста, получилъ тяжкій ударъ обвиненія, въ самое сердце; но онъ

Digitized by Google

лучше хотѣлъ отдать поруганію собственную честь, нежели запятнать доброе имя невинной дѣвушки. Разлука томила его, но неизвѣстность терзала еще болѣе: медленность суда — адъ для всѣхъ жителей Азіи; они охотнѣе перенесутъ неправую казнь чѣмъ справедливую проволочку. И не думайте, что это привычка: нѣтъ, это природа Востока. Мгновенное рѣшеніе паши, кадія или *джемаата*, *меслаата* *, *шеріата*, каково бы оно ни было, чего бы ни стоило, для жителя Востока всегда милѣе подробнаго, безпристрастнаго, милосердаго приговора Европейскаго суда. Азіатецъ живетъ только въ настоящемъ, потому что *сегодня* его такъ прекрасно, а *завтра* такъ невѣрно. Завтра дунетъ вѣтеръ съюга, и навѣетъ гнилую горячку, холеру. Завтра онъ купитъ себѣ чуму въ тукѣ хлопчатой бумаги. Завтра онъ поѣдетъ въ путь, и оборвется съ утеса, будетъ измолотъ буйною рѣкою, растерзанъ тигромъ, кроющимся въ камышахъ, застрѣленъ изъзакуста разбойникомъ, или кровоместникомъ. Перемѣните природу Востока, дайте его жизни Европейскія условія, перелейте въ нашу форму нравы его обществъ, и тогда требуйте отъ Восточныхъ терпѣливости въ ожиданіи неумытнаго суда, твердости въ неволѣ; но покуда надъ нимъ дышетъ тлѣтворный, хотя прелестный климатъ, покуда онъ окруженъ опасностями на каждомъ часу и каждомъ шагу, онъ не перестанетъ быть фаталистомъ и цѣнить настоящій мигъ выше всего въ обѣихъ жизняхъ. «О! воскликалъ нетерпѣливый Искендеръ: скорѣй бы смерть или вѣчныя оковы на снѣгахъ Сибири чѣмъ это ядовитое подозрѣніе Русскихъ, которые научили себя любить, и насмѣшки земляковъ моихъ, которыхъ ненавижу болѣе чѣмъ прежде. Лучше умереть отъ саб-

* Собраніе старшинъ у Кавказскихъ народовъ, совѣтъ, судъ по Корану или по преданію.

Digitized by Google

ли, чѣмъ умирать отъ пилы!» И онъ, запертый замкомъ честнаго слова, прыгалъ какъ тигръ въ своей клѣткѣ, рвалъ съ досады рукава платья, плакалъ какъ дитя.

Въ сумерки, въ тотъ часъ, когда мусульманскія улицы пустѣютъ, а дома оживляются голосомъ и свѣтомъ; когда отовсюду несется звукъ чашъ и подносовъ, повсюду разливается благоуханіе плова, упитаннаго пряностями; въ сумерки, когда семейный мусульманинъ отдыхаетъ душою, а одинокій горюетъ вдвое у пустыннаго своего огонька, — Искендеръ-Бекъ послышалъ, что въ его окно что-то прожужжало и упало на полъ. То была привязанная къ камню записка. «Мулла-Нуръ Искендеръ-Беку привѣтъ! Лучше быть невинному въ неволѣ чѣмъ виноватому на свободѣ: вѣрь этому! Я все знаю, и все дѣлаю для выручки тебя изъ бѣды: Аллахъ да устроитъ остальное! Терпи, надѣйся: оправданіе не далеко!»

И въ самомъ дѣлѣ, на другой день, Искендера потребовали къ коменданту, но онъ не успѣлъ еще дойти до него, и его ужъ двадцать голосовъ поздравили съ счастливою развязкою. *Шюкюръ Аллахъ! Аллага шюкюръ!* раздавалось на встрѣчу и по слѣдамъ его. «Разбойники пойманы: они собрались къ Бахтіару дѣлить добычу, и были захвачены всѣ вдругъ: четверо изъ нихъ Лезгины, двое горожанъ, въ томъ числѣ самъ хозяинъ. У этого бездѣльника нашли двойную стѣну, за которою заложеиныя воровскія вещи нѣсколько разъ избѣгали обысковъ. Теперь воровское гнѣздо разорено, и честные люди могутъ спать спокойно. Допросы оправдали Искендеръ-Бека такъ что имя его стало бѣлѣе и слаще сахару!»

Неблагодарность не была порокомъ Искендеръ-Бека: онъ такъ мало занялъ у своихъ земляковъ! Тронутый, пристыженный великодушіемъ начальника, онъ открылъ глаза на достоинства Русскихъ, и убѣжденія,

Digitized by Google

долго отрѣваемыя, толпой втѣснились въ его сердце. Великое дѣло вѣра! Она воскрешаетъ всѣ воспоминанія, убитыя равнодушіемъ, и облекаетъ ихъ въ юношескую красоту, въ силу непобѣдимую. Вѣря, мы разсыпаемъ доблести одного человѣка на цѣлый народъ, или, смотря на него сквозь призму любимой нами доблести, видимъ всѣ его поступки добродѣтелями. Одна идея тогда закрашиваетъ, поглощаетъ всѣ другія, и, сердцемъ переплавленная въ чувство, загарается нерѣдко сокрушительною страстью. Будь это фанатизмъ, будь это пріязнь, будь это любовь, — это всегда будетъ достойно уваженія, потому что оно искренно, потому что истокъ его чистъ. Искендеръ-Бекъ такъ же пылко привязался къ Русскимъ, какъ прежде не любилъ ихъ отъ глубины сердца. Онъ разсказалъ все коменданту, и похожденія своей любви, и превращенія своей ненависти; онъ просилъ одной только возможности доказать службою свою привязанность. Его пожурили за нарушеніе обычаевъ; его похвалили за доброе намѣреніе. Комендантъ заключилъ словами: «Искендеръ-Бекъ, ты самъ испыталъ дочего могла довести тебя непозволенная склонность! Ни Богъ, ни люди, не прощаютъ преступленія своихъ завѣтовъ: ты обвиненъ былъ напрасно въ одномъ дѣлѣ, но спроси у своей совѣсти—былъ ли ты правъ въ другомъ? Развѣ одна лишь кража вещей позорна?..... Смирись же передъ судьбой своей, и знай, что неправдой не загладить неправды, не купить счастья; знай и то, что добрый человѣкъ ничего не дѣлаетъ въ тайнѣ: ночь и тайна—одежда разбойниковъ и обманщиковъ. Будущее счастье твое въ твоемъ сердцѣ, твоемъ усердіи. Русскіе умѣютъ отличать и награждать достойныхъ.»

Искендеръ-Бекъ избавился отъ неминучей бѣды, но избавленіе есть отрицательное благо; оно радуетъ на мигъ, и притомъ не приливаетъ капли счастія въ

Digitized by Google

кубокъ жизни. Тяжко было юношѣ разстаться съ мечтой – сестрой его сердцу, съ мыслію обладанія, которую онъ привыкъ звать кровнымъ правомъ своимъ. Поцѣлуй, полу-данный, полу-сорванный съ устъ Кичкени, какъ роскошное эхо тысячу разъ повторялся въ его сердцѣ, пожигалъ жаждою его уста. Онъ припоминалъ всѣ подробности послѣдней счастливой встрѣчи съ милою: душа замирала въ немъ отъ ея голоса, слышимаго эоирнымъ ухомъ воображенія. Онъ съ сладкимъ трепетомъ смыкалъ очи отъ незримыхъ искръ, брошенныхъ неотступнымъ видѣніемъ; простиралъ руки, чтобы обвить ихъ около стройнаго стана красавицы, такъ сладострастно перехваченнаго извивомъ парчеваго архалуха. Онъ кидался какъ безумный съ ковра, желая зубами сорвать золотую пуговку*, замыкающую отъ дерзкаго взора цѣлый міръ очарованія, и приходилъ въ ярость, встрѣчая воздухъ, вмѣсто своей невѣсты. «Нѣтъ! восклицалъ онъ: вздоръ писалъ ко мнѣ Мулла-Нуръ; я готовъ преступленіемъ купить себѣ Кичкеню, и увѣренъ, что съ ней буду счастливъ на голой землѣ, подъ кровлей свѣта! Волею или неволею заставлю ее бѣжать со мной въ горы. Окунуть хоть на часъ свое сердце въ блаженство, – и потомъ я готовъ съѣсть его медленно.»

И милая Кичкене грустила въ одиночествѣ: и она узнала счетъ въ часахъ разлуки, въ долгихъ, безрадостныхъ часахъ. «Роза прижалась къ груди моей и прошептала – взгляни на меня: я весна! Соловей пропѣлъ мнѣ свою завѣтную пѣсню: я назвала его радостью. Искендеръ-Бекъ взглянулъ на меня и поцѣловалъ меня: я въ немъ узнала любовь! Но гдѣ жъ роза, гдѣ соловей, гдѣ Искендеръ мой? Куда улетѣло мое счастье?»

—

* Восточныя женщины мусульманки вовсе не употребляютъ поясовъ: исключенія чрезвычайно рѣдки.

Digitized by Google

X.

Биримись екимись олды; екимись биримись олды.

ЩАРАДА ВЪ ЛИЦАХЪ.

Буйно клубится Тенга, спертая въ узкомъ ущелін, но не тяжкая сила огромныхъ озеръ пробила насквозь огромный хребетъ, чтобы излиться ниже; не подъ бременемъ вѣковъ треснулъ онъ; нѣтъ, онъ раскололся до сердца ада въ раннюю пору міросданія, когда растопленный гранитъ кипѣлъ еще подъ самою пятою его, и кора земли, остывая, расторгалась легко отъ взрыва паровъ. Бури многихъ столѣтій не смыли со стѣнъ Тенгинскаго ущелія чернаго клейма огня. Сѣрныя и селитряныя полосы и пятна видны повсюду, гдѣ текло его бурное дыханіе. Цѣлыя скалы, брошенныя землетрясеніями съ вершинъ, нахмуренныхъ надъ бездною, завалили низъ трещины, и стали дномъ быстраго потока. По нимъ, какъ по ступенямъ, катится онъ, гнѣвный и шумный; злобно грызетъ волнами ложе свое; какъ бѣшеный звѣрь, мечется на стѣны, хлещетъ пѣнною гривою, реветъ громомъ, и наконецъ, разбивъ грудью свою темницу, весело скачетъ по Рустамской долинѣ, мелькаетъ между деревьями лѣса, исчезаетъ въ холмахъ, не пойманный ни въ одно колесо мѣльницы. Угрюмы и дики окрестности Тенгинской пасти; ужасенъ самый зѣвъ ея. Правый берегъ далеко на долину бросаетъ тѣнь своихъ отвѣсныхъ утесовъ; лѣвый, уклоняясь немного всторону, вгоняетъ въ воду конную тропинку, бѣгущую сквозь клиновидную рощицу. Далѣе нѣтъ инаго пути кромѣ ложа водострема; волею и неволею путникъ долженъ въѣзжать на встрѣчу быстринѣ и, положа свое спасеніе на крѣпость ногъ коня, пробиваться выше и выше. Бока этой пропасти, надвигая свои громады надъ громадами до самыхъ облаковъ, грозятъ раздавить его; ревъ потока оглушаетъ, кличъ

Digitized by Google

орловъ наводитъ зловѣщій страхъ на сердце, вѣчный сумракъ и холодъ бросаютъ трепетъ на тѣло. Бѣда неопытному всаднику, если онъ, безъ проводника, рѣшится на борьбу съ этимъ текущимъ адомъ, въ часъ дождевой ростополи или въ пору таянія снѣговъ! Бѣда, если судьба приведетъ его встрѣтить здѣсь разбойниковъ; а это мѣсто любимо разбойниками, потому что бѣгство и защита въ немъ невозможны, потому что крутые повороты и узкость проѣзда предаютъ въ ихъ руки каждаго проѣзжаго, по-одиначкѣ. Здѣсь-то Мулла-Нуръ съ двѣнадцатью человѣками, остановилъ три полка Карабагскихъ и Ширванскихъ всадниковъ, возвращавшихся съ богатою добычею изъ похода генерала Панкратьева во-свояси. При самомъ спускѣ въ рѣку онъ предсталъ имъ, вооруженный съ головы до ногъ, на лихомъ бѣгунѣ; бросилъ на землю бурку и сказалъ: «Привѣтствую васъ, товарищи; да будетъ высокъ вашъ порогъ, какъ высоко вздымалась ваша рука надъ врагами. Аллахъ даровалъ вамъ побѣду и добычу: *мубарекъ ольсунъ*, поздравляю съ этимъ! Сдѣлайте жъ и меня участникомъ вашей радости; не требую, но прошу: дайте мнѣ, изъ чести, отъ доброты своей, каждый что захочетъ. Подумайте, братья: вы несете дары своимъ домашнимъ, вы теперь богаты, — я бѣденъ и у меня нѣтъ крова, и за минутный покой я долженъ платить золотомъ. Впрочемъ, знайте, братья, люди у меня отняли все неправдою, но правдивый Аллахъ оставилъ мнѣ храбрость, щедрый Аллахъ отдалъ мнѣ въ удѣлъ пропасти и голые утесы, презрѣнные вами. Я властелинъ ихъ, и никто безъ моей воли не перейдетъ черезъ мои заповѣдныя тѣснины. Васъ много, вы храбры, однако, если вздумаете пробиться силою, много потеряете крови, еще больше времени, прежде чѣмъ я и удальцы мои ляжемъ трупомъ: за меня будетъ драться каждый камень, каждый орелъ этого ущелія, я самъ,

Digitized by Google

до послѣдняго зерна пороху, до остальной капли крови. Рѣшайтесь: вамъ много терять; мнѣ нѣчего. Я называюсь Свѣтъ (*Нуръ*), но жизнь моя хуже тмы.»

Ропотъ пробѣжалъ по толпѣ Карабагскихъ всадниковъ; многіе негодовали. «Мы стопчемъ Мулла-Нура подковами, говорили они: посмотрите сколько насъ, и сколько ихъ. Впередъ, впередъ на разбойниковъ!» Но никто не хотѣлъ быть первымъ; отвага уступила мѣсто расчету. Согласились не на дань, а на даръ. «Мы добровольно удѣляемъ тебѣ, сколько кому вздумается», говорили всадники, и, морщась бросали на бурку Мулла-Нура мелкія монетки. «Силою ты бы у насъ не взялъ гвоздя изъ конской подковы!» и по-одиначкѣ проѣзжали мимо. Мулла-Нуръ кланялся, лукаво улыбаясь. «Мудрено ли стричь Дагистанскихъ барановъ», говорилъ онъ послѣ, «когда я снялъ волну съ Карабагскихъ волковъ! И напрасно жалуются на неурожай въ этомъ году: мои камни даютъ хорошую жатву; надо умѣть только взяться за дѣло, такъ, не только съ каждаго вьюка, съ каждаго дула можно снять по абазу.»

Но въ началѣ того лѣта, въ которое развилась наша повѣсть, нигдѣ ничего не было слышно про Мулла-Нура: онъ будто въ воду канулъ. Удалился ли онъ въ Шекинскую область, бѣжалъ ли въ Персію, убитъ ли кѣмъ въ глушн горъ,— не зналъ, не вѣдалъ никто. А между-тѣмъ *керваны* тянулись за керванами изъ Кубы въ Шамаху, по самой ближней дорогѣ черезъ Тенгинское ущеліе, не встрѣчая обычнаго взимателя пошлины. Перекатъ людей и денегъ совершался свободно; никто не былъ остановленъ Мулла-Нуромъ. И хотя извѣстная честность и умѣренность его никогда не отпугивали отъ горной дороги черезъ Кунаенты купцевъ и путниковъ, однако жъ всѣ были очень рады кончать путешествіе безплатно и безостановочно.

Digitized by Google

Выѣхавъ изъ Кубы съ разсвѣтомъ, достопочтенный Мулла-Садекъ къ полудню достигъ уже того мѣста, гдѣ рѣка Тенга вырывается на волю изъ тисковъ ущелія. Скупой до высшей степени, онъ никакъ не рѣшился нанять проводника, чтобъ не разрознить своего любезнаго семейства червонцевъ и рублевиковъ, нажитаго въ Дербендѣ. Увѣренный въ Кубѣ всѣми пасчетъ безопасности дорогъ, онъ болѣе всего надѣялся на два сѣрые предъидущіе дня, которые не могли много растопить снѣговъ, и потому русло Тенги полагалъ проѣздимымъ. Но день его выѣзда изъ Кубы былъ ясенъ и жарокъ. Іюньское солнце пекло нестерпимо, такъ, что странствующій мулла нѣсколько разъ перебрасывалъ съ плеча на плечо разгорѣвшееся свое ружье: оно жгло его набожную спину. Онъ радъ былъ, добравшись въ тѣнь лѣска и утесовъ прибрежныхъ, но очень не радъ увидя вздутую рѣку. Тенга кипѣла, бушевала, росла. Какъ ни велико было его желаніе поспѣть къ празднику Курбанъ-байрама (Жертвоприношенія) въ Шамаху, гдѣ надѣялся получить порядочную плату за свои проповѣди, потому что свѣтъ новомѣсячья имѣетъ магическое свойство разплавлять сердца мусульманъ въ щедрость, — только, страхъ погибели заглушалъ въ муллѣ Садекѣ зудъ корыстолюбія. Кровь охолодѣла въ немъ, когда онъ взглянулъ на громады, висящія надъ его головою, на влагу ревущую подъ ногами. «Чортъ возми! подумалъ онъ: если бъ эта рѣка текла жидкимъ серебромъ по яхонтамъ, я бы и тогда не рѣшился кинуться въ нее безъ товарища. Ну, не настоящій ли я былъ оселъ, что не нанялъ въ Рустахъ проводниковъ? Пожалѣлъ червонца, когда мнѣ каждый часъ дороже двухъ!» И онъ съ тоскою обвелъ взорами окрестность: она была пуста и безмолвна. Одно эхо, осужденное на вѣчную каторгу пѣнія, вторило грозному шуму мятежныхъ водъ. Однако жъ, приглядываясь пристальнѣе, онъ замѣ-

Digitized by Google

тилъ въ лѣсу пасущуюся лошадь подъ сѣдломъ, которому баранья шкура служила вмѣсто чапрака; и не много далѣе, средняго роста, добраго съ виду, Татарина въ простой сѣрой чухѣ безъ всякаго оружія, кромѣ кинжала. Мука, обѣлявшая бороду, шапку и платье этого человѣка, доказывала его ремесло. Мулла-Садекъ ободрился.

— Эй, пріятель! закричалъ онъ незнакомцу: ты вѣрно здѣшній, вѣрно знаешь всѣ броды этой безумной рѣки?

— Здѣшній, отвѣчалъ тотъ, работая надъ черствымъ чурекомъ. Какъ мнѣ не знать всего житья-бытья Тенги, когда она течетъ сюда сквозь мое рѣшето, и съ моего позволенія! Эта рѣчка — моя рабыня: она у меня ходитъ въ колесѣ выше ущелія; толчетъ и мелетъ безъ отдыха.

— Кстати же ты мнѣ попался добрый человѣкъ! Да благословитъ тебя Аллахъ, если ты сослужишь мнѣ службу, проведешь сквозь это ущеліе.

— Погоди до ночи, хладнокровно возразилъ мельникъ; вода стечетъ, конь мой насытится, я самъ отдохну отъ дальной дороги, и тотда, въ четверть часа, мы проѣдемъ по этой живой дорогѣ. Теперь опасно.

— О, ради самаго Аллаха, ради святыхъ Алія и Гусейна, ради молитвы моей, (я вѣдь мулла), проведи меня безъ замедленія, теперь же, сейчасъ, въ этотъ же мигъ!

— А, да ты *шаги!* съ презрѣніемъ произнесъ мельникъ. На кой же чортъ мнѣ твои молитвы и благословенія! Развѣ *для* пророка въ *джаганнемъ?* Для нашего брата сунни, призадумался я бы въ такое полноводье пускаться въ проводники, а для недовѣрка *шаги* и въ засуху не поѣду.

— Полно, полно упрямиться, душа ты моя, черепъ ты мой, *меньмъ таджисарымъ!* Аллахъ прольетъ на

Digitized by Google

тебя щедроты свои за то, что ты сдѣлаешь добро муллѣ.

– Будь ты муллой хоть надъ всѣми собаками, моимъ муллой не будешь! Аллахъ утопитъ меня середи рѣки, если я проведу этотъ конный грѣхъ къ людямъ.

– Куда брюзгливая у тебя совѣсть, молодецъ ты мой! Проведи безопасно: я заплачу тебѣ.

Лице мельника зашевелилось улыбкой.

– А что ты мнѣ дашъ за мой потъ? спросилъ онъ, почесывая бородку.

– Если ты умудришься вспотѣть по такому холоду, я дамъ тебѣ два абаза.

– Не возьму двухъ рублей серебромъ. *Валлахъ, талахъ,* менѣе червонца не поѣду! Твоими абазами не подкуешь коня, если онъ сорветъ подковы по этому дну. Да правду сказать, и червонца вмѣсто головы не приставишь: а тутъ не мудрено сломать ее!

Пошли переторжки. Мулла-Садекъ, котораго корысть сдѣлала почти храбрецомъ, настаивалъ ѣхать. Мельникъ упрямился въ цѣнѣ, и поставилъ таки на своемъ. Мулла-Садекъ согласился.

Вручивъ проводнику поводъ коня, мулла совершенно предался его волѣ, его опытности, и не даромъ. Проводникъ безпрестанно переѣзжалъ отъ одной стѣны къ другой, избѣгая глубины или водопадовъ; то направлялся въ самый бой быстрины, то, обогнувъ камень, возвращался почти на прежній слѣдъ. Каждый шагъ открывалъ и поглощалъ новые виды, но Мулла-Садекъ былъ не изъ тѣхъ людей, что находятъ прелесть въ ужасѣ; онъ вздрагивалъ при каждомъ всплескѣ, летящемъ черезъ сѣдло; тѣнь утесовъ лилась на него холодомъ страха; страшную пѣсню напѣвали ему клубящіеся около валы. Когда конь скользилъ по гладкой, подобно зеркалу, плитѣ и, несмотря на отчаянныя усилія, съѣзжалъ въ глубь кипучую, онъ про-

Digitized by Google

клиналъ свою дерзость, свое корыстолюбіе, онъ молился громко, желая заглушить молитвою сознаніе грѣховъ. Впрочемъ, мятежница совѣсть слышна бываетъ людямъ только въ неминучей бѣдѣ или въ тяжкой болѣзни; а чуть миновало, чуть отдало, – сейчасъ на замокъ эту крикунью, долой голову пѣтуху, который насъ будитъ такъ рано! Щипли его, жарь его, подноси на блюдѣ своему сластолюбію! Послѣ воздержанія–двойной апетитъ: смотришь, ото всѣхъ обѣщаній и намѣреній исправленія не осталось даже косточекъ. Мулла-Садекъ, въ тискахъ опасности, почувствовалъ необыкновенную нѣжность къ святой, безупречной жизни, и надававъ Алію девяносто девять завѣтовъ не кривить душой для стяжанія золота и хорошенькихъ женъ, – сталъ прежнимъ скупцемъ и сластолюбцемъ, едва ущеліе разступилось долиною. Золотой, веселый лучъ солнца просыпался на него какъ червонцы, которыхъ ждалъ онъ въ Шамахѣ. Зелень манила его какъ покрывало красавицы, которую купитъ онъ на эти червонцы. Онъ вздохнулъ отрадно, и оглянулся на пасть тѣснины какъ на страшный, но зловѣщій, но вздорный, сонъ; онъ уже гордо закричалъ проводнику своему: «пошелъ скорѣе, *гарамъ-задѣ! Тэзъ гитъ, тэзъ!*»

Но рано, слишкомъ рано ободрился нашъ странствующій мулла. Шпрокая рѣка, поглощаясь вдругъ жерломъ ущелія, прядая незапно черезъ зубчатый порогъ кипѣла тутъ ужаснѣе чѣмъ гдѣ-нибудь. Отшибенныя волны ниспадали на встрѣчу набѣгающимъ вновь и, споря, сливались въ шумный водобой. Проводникъ остановился въ самомъ снопѣ быстрины, гдѣ огромные лучи влаги разпрыскивались другъ о друга, и оборотилъ коня своего.

– Ну, Мулла-Садекъ, сказалъ онъ, протягивая руку: берегъ въ десяти шагахъ, пора къ разплатѣ. Ты видишь, что я не даромъ заслужилъ червонецъ!

Digitized by Google

– Червонецъ? Есть ли въ тебѣ душа, пріятель? Шутишь ты, что ли? Развѣ не знаешь, что въ червонцѣ три монеты *, то есть, пятнадцать абазовъ! Этакъ за каждый шагъ по полуабазнику придется! Что я тебѣ, серебромъ мостъ развѣ мостить стану! Пхе! Велика важность проѣхать сковь эту лужу: тутъ курица безъ башмаковъ ноги не промочитъ, а рыба пѣшкомъ взойдетъ. Полно братъ; съ тебя будетъ и двухъ абазовъ: возми-тка ихъ, да съ Богомъ!

– А уговоръ? сердито сказалъ мельникъ.

– Вынужденный уговоръ, любезный мой, пустякъ; это и въ Коранѣ сказано. Гдѣ мнѣ, горемычному путнику, заплатить тебѣ такую пропасть денегъ! Меня ужъ и то обобрали здѣсь мошенники до кожи, такъ, что я, даромъ мулла, а бѣднѣе всякаго *фагера* сталъ **. Не хочешь брать? Твоя воля! Вотъ же тебѣ мое благословеніе вмѣсто платы. Что жъ ты не ѣдешь?

– Я не тронусь съ мѣста, покуда не сведу съ тобой счета, грозно возразилъ проводникъ: а счетъ мой не за одинъ сегодняшній проѣздъ будетъ. У тебя нѣтъ совѣсти, Мулла-Садекъ, но есть память. Ты разславилъ въ Дербендѣ, длятого чтобъ выманить у легковѣрныхъ горожанъ лишнюю дюжину червонцевъ, будто Мулла-Нуръ ограбилъ тебя, пустилъ почти нагаго: скажи теперь, безстыдный лжецъ, гдѣ и какъ это было?

– Никогда не говорилъ я этого! Пусть покараетъ меня Аллахъ, не говорилъ! Пусть не Азраилъ, а шайтанъ, пріймета мою душу; пусть я въ этой жизни не найду воды для омовенія, ни огня закурить трубку!

* Въ нашихъ Закавказскихъ областяхъ такъ зовутъ рубль серебра.

** *Фагеръ*, собственно значитъ бѣднякъ, нищій (*факиръ*), но нерѣдко присвоиваютъ это имя, по обѣщанію, странствующимъ въ веригахъ дервишамъ (родъ монаховъ). Фагеры эти – великіе обманщики и нахалы. За Кавказомъ они пришельцы и рѣдкіе гости.

Digitized by Google

— Изобивай грѣхъ на грѣхъ, вѣнчай обманъ ложью, топи въ проклятіяхъ черную душу свою! Помнишь ли дворъ мечети, Садекъ? помнишь ли, что̀ ты сказалъ нищему, что̀ разсказывалъ путнику, лежавшему на буркѣ? Развѣ не ты былъ тогда передо мною, развѣ не я видѣлъ тебя лицемъ къ лицу?

Мулла-Садекъ расширилъ испуганныя очи; страшное сомнѣніе закралось въ его сердце. Черты лица мельника, омытые водою, совершенно измѣнили свое выраженіе; густая, черная бородка, проглянувъ изъ подъ мучной пыли, орамила смуглое лице. Изъ подъ сдвинутыхъ бровей засверкали грозные очи. Однако жъ, не видя на немъ ни какого оружія, Мулла-Садекъ почувствовалъ выгоды свои, и схватился вдругъ за винтовку; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ оборотить ее, дуло пистолета уперлось въ его грудь.

— Шевельни усами, не только пальцемъ, красноголовая баба, и ты отправишься внизъ головою по рѣкѣ проповѣдывать рыбамъ, чтобы онѣ не пили водки! Брось ружье, сними долой саблю! Аллахъ не для Персіанъ выдумалъ желѣзо. Твое дѣло обмѣривать народъ въ лавкѣ, обманывать его на каѳедрѣ *, лгать вездѣ: только не твое дѣло битва, не твое добро отвага. Не шевелись, говорю я тебѣ, сынъ собаки; мнѣ не надо на тебя тратить даже пороху: стоитъ пустить поводъ твоего коня, — и ты трупъ!

Блѣдный какъ воскъ, трепетный какъ платъ на вѣтрѣ, стоялъ Мулла-Садекъ, схватившись обѣими руками за гриву коня, слѣдя обоими глазами малѣйшее движеніе пистолета, направленнаго ему въ сердце. Бѣдою прыскалъ и шумѣлъ подъ нимъ прибой; смерть зіяла изъ руки разбойника; онъ вовсе потерялся меж-

* Муллы не составляютъ исключительнаго класса, и нерѣдко занимаются торговлею, ходятъ на бой, водятъ караваны.

Digitized by Google

ду двумя гибелями; онъ невнятно роптал: «Помилуй, я мулла!»

– Я самъ мулла, возразилъ разбойникъ: болѣе чѣмъ мулла, хотя не муфти, не муштандъ **: я Мулла-Нуръ!

Со стономъ упалъ Садекъ на шею лошади, закрывъ одной рукою свою шею, – будто роковой кинжалъ замахнутъ уже былъ надъ его головою. Долго, злобно, смѣялся Мулла-Нуръ испугу Садека, но наконецъ велѣлъ ему подняться и сказалъ:

– Ты обезчестилъ меня разсказомъ своимъ передъ Дербендцами: ты увѣрилъ всѣхъ, что я отнялъ у тебя послѣднюю копѣйку, послѣднюю рубашку, я который отдаю нищему кровью купленный кусокъ хлѣба, я который ни съ одного купца не взялъ болѣе червонца въ жизнь мою, и то не для себя, – для товарищей моихъ; а мои товарищи, если бъ не висѣла надъ ними моя рука, грабили и рѣзали бы встрѣчнаго и поперечнаго безсовѣстно, безпощадно. Мало этого: ты хотѣлъ обмануть въ условной платѣ проводника за опасный трудъ, отъ того только, что считалъ его беззащитнымъ бѣднякомъ; готовъ былъ пулею заплатить ничтожный долгъ свой..... убить меня!.....

– Сжалься, помилуй! вопіялъ Садекъ.

– Пожалѣлъ ли ты нищаго, умирающаго съ голоду? пощадилъ ли бы ты меня, если бъ я не предупредилъ твоего выстрѣла? Бездушный корыстолюбецъ, злой грѣшникъ!....Толкователь святыни, ты чеканилъ деньги изъ каждой буквы Корана и, проповѣдникъ мира, ты для выгодъ своихъ смущалъ семейства, разлучалъ сердца. Я зналъ тебя, и далъ спокойно проѣхать мимо; ты не зналъ меня и оклеветалъ. Въ первый разъ

** Муфти, духовный глава суннитскихъ муллъ. Муштандъ, правильнѣе *муджтегидъ*, то же самое для духовныхъ Аліева исповѣданія.

Digitized by Google

и добровольно ты сталъ предсказателемъ своей судьбы, собственнымъ судьею. Да будетъ! Завтра ты безъ обмана можешь разсказывать въ Шамахѣ, что я тебя ограбилъ. Вынимай всѣ деньги, которые ты выподличалъ въ проѣздъ свой!

Тяжко было разставаться скупцу съ родною деньгою, но съ жизнію еще страшнѣе. Съ жалобнымъ стономъ, будто изъ него щипцами вырывали душу по кусочку, вынималъ онъ изъ переметныхъ сумъ серебро и бросалъ въ полу Мулла-Нура, сжимая крѣпко въ рукѣ каждый рубль, будто въ надеждѣ, что серебряное масло останется на пальцахъ. «Всё» наконецъ произнесъ онъ вздыхая.

— Ты, я думаю, и въ могилѣ червей обманывать станешь, Садекъ! Если не хочешь узнать сколько въ моемъ пистолетѣ картечей, то вѣрнѣе считай сколько у тебя въ карманѣ червонцевъ. Ты отдалъ мнѣ сто двадцать рублей серебромъ, но у тебя есть еще золото и мелочь — и мнѣ извѣстно количество каждаго!

Прослезился мой Садекъ, бросивъ послѣднее въ кису Мулла-Нура, какъ плачемъ мы, бросая горсть земли въ могилу родимаго брата! А между-тѣмъ буйная рѣка кипѣла и ревѣла кругомъ; а между-тѣмъ пистолетъ разбойника всё-еще грозилъ груди ограбленнаго муллы. Вытащивъ его на берегъ, Мулла-Нуръ сошелъ съ коня и велѣлъ ему сдѣлать то же. У бѣдняги сердце такъ сжалось, что его можно бы уложить въ грецкой орѣхъ.

— Еще дѣло не кончено, произнесъ Мулла-Нуръ. Ты разбилъ свадьбу Искендеръ-Бека, ты же долженъ уладить ее по-прежнему. Чернилица у тебя за поясомъ: пиши къ Миръ-Гаджи-Фетхали отказъ за своего брата. Скажи что онъ не хочетъ, не можетъ, жениться на его племянницѣ; что онъ уѣхалъ въ Мекку, заболѣлъ со скуки, умеръ отъ бездѣлья. Выдумай,

Digitized by Google

что хочешь, только бы Искендеръ-Бскъ непремѣнно сталъ мужемъ своей прежней невѣсты: нето я прежде срока женю тебя на всѣхъ гуріяхъ! Пиши, то есть, лги: лишняя ложь не разоритъ тебя!

– Никогда! вскричалъ отчаянный Мулла-Садекъ: этого никогда не будетъ! Ты отнялъ у меня все, что имѣлъ я; но что могу я имѣть, отнимешь вмѣстѣ съ душой.

– Въ самомъ дѣлѣ? произнесъ Мулла-Нуръ и ударилъ въ ладоши: двѣнадцать разбойниковъ одинъ другаго рослѣе, одинъ другаго страшнѣе, возникли на этотъ звукъ будто изъ земли, и обстали муллу-Садека, пронзая его свирѣпыми взглядами.

– Почтенный мулла хочетъ писать, сказалъ имъ Мулла-Нуръ: приготовить все, чего пожелаетъ его присутствіе!

Одинъ Лезгинъ почтительно вытащилъ кинжаловидную чернилицу изъ за кушака Садекова; другой подалъ ему листокъ бумаги, вылощенный, съ золотыми рамками; третій обдулъ тростинку, очиненную на восточный ладъ..... Между-тѣмъ Садекъ шепталъ: «Не хочу, не стану писать!», но, окинувъ робкимъ взглядомъ долины и убѣдившись, что въ такомъ пустырѣ напрасно ждать избавителей, со вздохомъ принялся за дѣло. Сначала однако жъ оно шло очень плохо:

«Онъ восемъ разъ перо въ чернилицѣ купалъ,
И восемь разъ въ нее, со страху, не попалъ*.»

Потомъ губка, намоченная чернилами, показалась ему такъ тверда, что онъ долго не могъ выдавить изъ нея ни капли; потомъ мозгъ его зачерствѣлъ хуже самой губки.

– Пиши хоть своею кровью, думай хоть шапкою! вскричалъ сердито Мулла-Нуръ, замѣтивъ, что Садекъ

* Стихи Петрова.

Digitized by Google

возится съ перомъ и третъ пальцемъ лобъ свой: но пиши скорѣе, нето я поставлю у тебя надъ бровями такой *дю-зиръ* *, что одинъ развѣ бѣсъ догадается, на какую букву походилъ носъ твой.

Какъ скоро посланіе къ Миръ-Гаджи-Фетхали было готово, и печать *Абдугу Мулла Садекъ-ибнъ-Ахмедъ*, то есть, раба Божьяго Муллы-Садека, сына Ахметова, приложена краскою подобно замочку послѣдней строки, Мулла-Нуръ высыпалъ на голову чуть живаго проповѣдника всѣ деньги, прежде у него отнятыя.

—Вотъ твое золото, Садекъ: возьми его назадъ, и скажи, кто изъ насъ двухъ корыстолюбецъ, кто воръ?.... Впрочемъ, это не даръ, а плата: ты долженъ за нее позолотить мое имя въ Шамахѣ, зачерненное тобою въ Дербендѣ, и сказать въ тамошней мечети мнѣ похвальное слово. Ступай, но помни завѣтъ мой; и если ни благодарность, ни страхъ не заставятъ тебя исполнить его, то знай напередъ, что моя пуля найдетъ тебя, и на тайной дорогѣ, и на шумномъ базарѣ; въ объятіяхъ твоей жены, въ гаремъ-ханѣ, и на крыльцѣ Тебризской мечети. Ты испыталъ, что я все знаю: я докажу тебѣ, что все могу!

Обрадованный Мулла-Садекъ тогда только повѣрилъ, что его избавленіе — не сонъ, когда счелъ до послѣдняго абаза свои милыя денежки. Страхъ, чтобы Мулла-Нуръ не раздумалъ, вытѣснилъ удовлетворенное сребролюбіе, и онъ, бросившись на коня, понесся впередъ безъ оглядки.

Черезъ два дня Мулла-Садекъ, къ немалому удивленію Шамахинцевъ, разлился красною рѣкою похвалъ — умѣренности, великодушію и безкорыстію Мулла-Нура, котораго назвалъ онъ не разбойникомъ, а покровителемъ дорогъ, львомъ съ сердцемъ голубя. Каждый

* Титло въ видѣ двоеточія.

Digitized by Google

разъ, что̀ какой-нибудь изъ слушателей клалъ руку на кинжалъ или подъ полой коварно шевелилась ручка воображаемаго пистолета, онъ блѣднѣлъ, онъ занкался, — и потомъ опутывалъ безконечною цѣпью сравненій Мулла-Нура, нанизывая на него звѣзды и цвѣты, наряжал его въ кожу всѣхъ вельможъ звѣринца. Народъ шепталъ промежъ собою, что̀ достопочтенный мулла навѣрное хватилъ лишнюю полдюжинку пилюль терьяка.

Вѣроятно, что письмо доставленное къ Миръ-Гаджи-Фетхали отъ пріятеля, Садека, съ приличнымъ увѣщаніемъ состороны Мулла-Нура, возымѣло полное дѣйствіе. Черезъ недѣлю послѣ встрѣчи въ Тенгинскомъ ущелін, ночная тишина Дербенда смущена была скрыпомъ зурнъ, сопѣлокъ, ударами въ бубны, кликами и пѣснями толпы; летучее зарево отъ множества пламенниковъ, подобно огненному змѣю, забагровѣло изъ тѣсныхъ улицъ: то везли невѣсту въ домъ Искендеръ-Бека изъ дома родительскаго. Пѣшіе и конные, мужчины и женщины окружали шатеръ, подъ которымъ какъ луна въ облакѣ скрыта была красавица Кичкене. Привѣты и восклицанія рвали воздухъ, вслѣдъ и съ кровель раздавались ружейные выстрѣлы: и ни одного изъ нихъ не было внизъ *; казалось, весь Дербендъ ожилъ любовью и радостью счастливца Искендера.

А Искендеръ-Бекъ чахъ отъ нетерпѣнія, страстная лихорадка пробѣгала по немъ то ледяною, то пламен-

* Если невѣста, за вѣтренность, подвергалась нареканію, то насмѣшники, при проѣздѣ мимо ее, стрѣляютъ внизъ, а не вверхъ, какъ обыкновенно. Такія шутки однако жъ рѣдко проходятъ даромъ, и за холостой зарядъ подобные Зоилы рискуютъ получить въ бокъ зарядъ съ приложеніемъ свинцу. Мусульманинъ будетъ хладнокровно слушать, если вы браните его мать и дѣда, гробъ отца и его собственную колыбель; но за брань жены онъ держитъ отвѣтъ, не за зубами, а за кушакомъ.

Digitized by Google

ною щеткою..... Заслышавъ громъ поѣзда, онъ двадцать разъ подбѣгалъ къ воротамъ, не слушая выговоровъ тетки своей, строгой почитательницы причудливыхъ, важныхъ, обрядовъ свадебной встрѣчи. И вотъ едва онъ выставилъ въ двадцатый разъ свою голову въ чуть отворенную дверь, какой-то всадникъ протянулъ къ нему стальной перчаткою одѣтую руку. «*Аллахъ версынъ тале*, Искендеръ! произнесъ онъ: Богъ пусть даруетъ тебѣ счастье!» И, крѣпко пожавъ руку изумленнаго бека, поворотилъ коня, и какъ разъ носомъ къ носу столкнулся съ Гаджи-Юсуфомъ, который и тутъ нашелъ средство втереться въ число поѣзжанъ и хозяйничалъ въ головѣ брачныхъ проводовъ. Гаджи-Юсуфъ такъ былъ пораженъ этимъ неожиданнымъ явленіемъ, что бросилъ поводья и въ ужасѣ вскрикнулъ: «Мулла-Нуръ! пощади!»

Смутился поѣздъ. Крики—«Мулла-Нуръ! здѣсь Мулла-Нуръ! держите, ловите разбойника!» раздались по всѣмъ переулкамъ. Конные родственники и друзья дома невѣсты, кинулись вслѣдъ за нимъ, но онъ летѣлъ какъ стрѣла по извилистымъ, кривымъ, неровнымъ, улицамъ Дербенда, сыпля искры на мостовую. Впрочемъ, такъ какъ ворота городскія были давно заперты, уйти ему было не возможно, а скрыться отъ преслѣдователей некуда; его держали на виду, въ него стрѣляли. Доскакавъ до моря, замкнутаго съ обѣихъ сторонъ стѣнами, входящими въ воду, онъ остановился. Буйно плескалъ и крутился передъ нимъ прибой; враги настигали..... Но вдругъ нагайка его мелькнула сквозь мракъ, и онъ исчезъ въ пѣнящихся и ревущихъ валахъ Каспія.

Долго, пристально смотрѣли прискакавшіе на берегъ всадники въ глубь ночи..... Только бѣлѣлись и сверкали тамъ брызгами буруны, разшибаясь о подводныя гряды.

Digitized by Google

– Онъ утонулъ! онъ погибъ! наконецъ закричали они въ одинъ голосъ.

Громкій смѣхъ и пронзительный свистъ отвѣчалъ имъ за стѣною.

Плотно сомкнуты двери Искендеръ-Бека. Тишина въ его спальнѣ. Веселость ищетъ шуму и толпы, счастіе любитъ уединенье и безмолвіе: не станемъ же смущать блаженства новобрачныхъ. Я, только, раскланиваясь съ читателями, удостоившими милую Кичкеню проводить до самаго полога, переведу имъ первую половину Татарскаго эпиграфа моего послѣдней главы: это значитъ –

«Каждый изъ насъ сталъ двойной.....»

Остальное потрудитесь отгадать.

Александръ Марлинскій.

=

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ АЛИНѢ.

Алина, вижу, ты прекрасна;
Я хладенъ къ прелестямъ твоимъ; —
Но, вѣрь мнѣ, назвала напрасно
Мое ты сердце ледянымъ.
Будь ледъ въ груди моей, донынѣ
Я былъ-бы плѣнникъ красоты:
Не трудно таять хладной льдинѣ
И отъ ничтожной теплоты!
Тогда бъ, палимый чуднымъ жаромъ,
О солнце нѣги, предъ тобой
Мой ледъ курился влажнымъ паромъ
И капалъ вѣчною слезой!

Взгляни мнѣ въ грудь, — глубокимъ взглядомъ, —
И сердце, чуждое любви,
Суровымъ облитое хладомъ,
Скорѣй желѣзнымъ назови.
Оно тяжелымъ испытаньемъ
Сквозь пылъ страстей проведено;
Оно проковано страданьемъ;
Оно въ бѣдахъ закалено;
И грудь, — потухшее горнило, —
Отягощаемая имъ,
По жизни носится уныло
Съ желѣзнымъ бременемъ своимъ.
Вотъ вешній пиръ сошелъ въ долины:
Проснулся бъ ледъ, — желѣзо спитъ!
Вотъ лучъ полудня, — взоръ Алины, —
И тотъ мнѣ сердца не живитъ!

Digitized by Google

Но слушай: временно сей холодъ
Почіетъ на сердцѣ моемъ;
Судьба-кузнецъ свой тяжкій молотъ
Еще испробуетъ на немъ;
Еще въ жару оно потонетъ,
И подъ ударами застонетъ,
И брызнетъ кровью и огнемъ.
Тогда прійди взглянуть на друга!
Мои мученья пережди;
И послѣ, въ легкій часъ досуга,
Скажи мнѣ что̀ въ моей груди!

В. БЕНЕДИКТОВЪ.

УПРЕКЪ.

ИЗЪ ГРЕЧЕСКОЙ АНТОЛОГІИ.

Время быстро летитъ
На пространствѣ міровъ,
Скорбь и радости мчитъ
Въ бездну̀ павшихъ вѣковъ.

Вотъ и, Надинька, ты
Позабыла мечты,
Что̀ весенней порой
Такъ играли тобой.

О, ты нынче не та!
Въ головѣ суета;
Пересуды людей
И разсудокъ-злодѣй.

Не солгу я никакъ:
Все на свѣтѣ пустякъ;
Наслажденія часъ —
Вотъ столѣтье для насъ!

Digitized by Google

Время быстро летитъ
На пространствѣ міровъ,
Скорбь и радости мчатъ
Въ бездну павшихъ вѣковъ.

РУССКАЯ ПѢВИЦА.

Когда ты нѣжностью своей
Лелѣяла мое томленье,
И слушалъ я душой моей
Твое плѣнительное пѣнье;
О, какъ все то, чѣмъ жизнь цвѣла,
Чѣмъ юность бурная мила,
Въ груди кипѣло и тѣснилось!
Но вдругъ мечтанье измѣнилось,
И ты въ міръ тайный увлекла
Думъ пылкихъ рой непостижимый,
Въ чудесный міръ, душею зримый.
Я въ нѣгѣ счастья, я въ слезахъ;
Мое упорно сердце бьется,
И, сжатое земнымъ, несется,
Дышать любовью въ небесахъ.

Съ какою ты волшебной силой
Играешь пламенной душой,
Когда любви напѣвъ унылый
Плѣняетъ сладкою тоской!
Какъ, можетъ-быть, прекраснѣй море
Въ тревогѣ мрачныхъ синихъ волнъ, —
Такъ наша жизнь звучнѣе въ горѣ:
Хотя кружится бѣдный челнъ,
Пловецъ смѣется надъ грозою,
Ведомъ мелькающей звѣздою.
Печаль роситъ душевный цвѣтъ:
Небудь ея, — надежды нѣтъ!

Digitized by Google

Но томное любви роптанье
Уже не слышно. Голосъ твой
Пылаетъ, льстъ очарованье,
Напѣвомъ радости живой.
Онъ вѣетъ свѣтлыми мечтами, —
Подругами веселыхъ дней;
И обольстительными снами
Невольно милыхъ намъ страстей;
И вѣетъ тайной думъ высокихъ,
И упоеньемъ чувствъ младыхъ,
И прелестью пѣвицъ далекихъ,
И пѣснями долинъ родныхъ.
Онъ, дивной зыбкою стрѣлою,
Летитъ сквозь радужный эѳиръ,
Небесною блеститъ красою.....
Въ немъ жизнь сердецъ, — въ немъ цѣлый міръ!

ИВАНЪ КОЗЛОВЪ.

ДУБЪ.

Краса родной горы, съ тѣнистыми вѣтвями,
И крѣпокъ и высокъ являлся юный дубъ,
Зеленые кусты съ душистыми цвѣтами
Кругомъ его растутъ.

Игривый ручеекъ, отрадной, свѣжей влагой,
Струяся близь него, привѣтливо шумѣлъ,
И мощный сынъ дубравъ съ какою-то отвагой
Чрезъ поле вдаль смотрѣлъ.

И младостью цвѣтя, грозы онъ не боялся:
Отъ грозъ живѣй весна, межъ тучъ яснѣй лазурь;
Сверканьемъ молніи и громомъ любовался,
Дышалъ подъ свистомъ бурь.

Digitized by Google

Любили юноши и сельскія дѣвицы
Подъ тѣнь его ходить; и сладко тамъ пѣвалъ
Полночный соловей, и алый блескъ денницы
Ихъ въ нѣгѣ заставалъ.

И видя вкругъ себя во всемъ красу природы,
Онъ думалъ, что ему она не измѣнитъ,
И дерзостно мечталъ, что вѣтеръ непогоды
Къ нему не долетитъ.

Но вдругъ небесный сводъ одѣлся черной тучей,
И ливнемъ хлынулъ дождь, и буйный ураганъ
Клубяся полетѣлъ, и взвился прахъ летучій,
И долъ покрылъ туманъ.

Зеленые кусты съ душистыми цвѣтами
Онъ съ корнемъ вырывалъ, и свѣтлый ручеекъ
Закиданъ былъ землей, каменьями и пнями:
Исчезъ отрадный токъ!

Громъ грянулъ, молнія дубъ крѣпкій опалила
Дубъ треснулъ; но грозой онъ не былъ сокрушенъ:
Еще осталось въ немъ стесненной жизни сила, —
Хоть вянуть обрѣченъ.

Отрадной влаги нѣтъ, и нѣтъ земли родимой,
Гдѣ буйно выросъ онъ, красуясь межъ долинъ,
На голой ужъ горѣ, теперь судьбой гонимый,
Остался онъ одинъ.

Увы, надежды нѣтъ, и стрѣлы роковыя,
Бѣдой отравлены, все рушатъ и мертвятъ!
Одни лишь небеса, какъ прежде голубыя,
Надъ гибнущимъ блестятъ.

И началъ сохнуть дубъ, но, къ долу не склоненный,
Онъ, вѣтви вознося, казалъ ихъ облакамъ,
Какъ-будто-бы своей вершиной опаленной
Стремился къ небесамъ.

ИВАНЪ КОЗЛОВЪ.

Digitized by Google

ОБИТАТЕЛЬ СІОНА.

ПОДРАЖАНІЕ ПСАЛЬМУ.

О Господи, кто обитаетъ,
Въ Твоихъ Сіонскихъ высотахъ?
Тотъ, кто неправду презираетъ
И истину хранитъ въ устахъ;
Кто удалился отъ злословья,
Кто ближняго привыкъ любить,
И жертвуетъ своею кровью,
Чтобы полезнымъ только быть.
Кто дѣлъ своихъ не оцѣняетъ,
И мзды за нихъ себѣ не ждетъ;
Кто свято, свято сохраняетъ
Въ чемъ клятву ближнему даетъ.
Кто неподкупенъ низкой лестью,
Какъ голубица чистъ душой,
Не омраченъ кровавой местью,
Кто не роптялъ на Промыслъ Твой;
Кто сирымъ щитъ и оборона,
Предъ кѣмъ коварные дрожатъ,
Тотъ на Святой горѣ Сіона
До вѣка будетъ обитать.....
Ты Господи ему защита!
И онъ во-вѣкъ неколебимъ,
Какъ кердъ высокій и маститый,
Благословеніемъ Твоимъ.

КНЯЗЬ ИВАНЪ КОЗЛОВСКІЙ.

Digitized by Google

Море стонетъ отъ усилья,
Дѣва ворону кричитъ:
«Воронъ, воронъ! другъ печальный!
«Отлетая въ дальній путь;
«Ты отдать поклонъ прощальный,
«Другу сердца не забудь!»

Чтоже воронъ? воронъ крикнулъ!
Полетѣлъ искать могилъ.
Межъ скалами вѣтеръ свиснулъ,
И протяжно вдругъ завылъ.
Зашумѣло, заплескало
Море вдругъ передъ грозой,
Вьется съ вихремъ покрывало,
Дѣва борется съ волной.

Н. В.

ВЕЧЕРЪ.

Лѣтній вечеръ притаился:
Еле дышетъ вѣтерокъ.
Мѣсяцъ всплылъ. Засеребрился
Млечный Вѣчности потокъ.

Небо убрано звѣздами.
Твердь алмазами горитъ.
Мысль, сроднившись съ небесами,
Въ даль незримую паритъ:

Въ этой роскоши небесной,
Тамъ, въ таинственной тиши,
Есть край радужный, чудесный,
Край поэзіи, души.

Digitized by Google

Передъ нимъ все такъ ничтожно
Окружающее насъ,
Что безъ горести не можно
Съ неба свесть на землю глазъ.

Счастливъ тотъ, къ кому слетѣла
Съ неба память юныхъ дней, —
Дума сердца просвѣтлѣла,
И надежда вмѣстѣ съ ней!

Кто въ восторженномъ мечтаньѣ
Полетъ времени забылъ
И свое существованье
Съ существомъ вселенной слилъ!

КНЯЗЬ МИХАЙЛО ГОЛИЦЫНЪ.

Digitized by Google

ПРОЗА.

КАВКАЗСКІЕ ОЧЕРКИ.

X.

ПУТЬ ДО ГОРОДА КУБЫ.

Laffemas.

Tu chante faux à rendre envieuse une orfraie,
Tais-toi!

Le Gracieux.

Le chant est faux, mais la chanson est vraie.

V. HUGO.

.....

.....Самуръ еще не разгулялся, однако многія промели, дѣлящія его на рукава, исчезали подъ разливомъ, когда мнѣ пришлось его переѣзжать. Молочный братъ со всѣми Дагистанскими рѣками, на своемъ конѣ я бы перебродился за эту, не вынимая изъ зубовъ трубки; но, сидя на тощей почтовой клячѣ, признаюсь, не безъ опасенія спрыгнулъ я въ кипучія волны Самура. Всѣмъ путешественникамъ обыкновенно совѣтуютъ не глядѣть при переѣздѣ на воду, чтобы уменьшить головокруженіе и боязнь: вопреки этому я всегда люблю вперять взоры въ самую быстрину, чтобы какимъ-нибудь развлеченіемъ выкупить опасность. И въ самомъ дѣлѣ, это, кромѣ важной выгоды избранія пути между огромными камнями, даетъ вамъ чудное, невиданное зрѣлище въ игрѣ

Digitized by Google

воды и свѣта. Быстрина горныхъ рѣкъ увлекаетъ собою мпріады валуновъ, и обманутому взору кажется, будто все дно течетъ мимо ногъ коня. Но бѣлые валуны, скользя и прыгая по обросшимъ мхомъ каменьямъ ложа, вмѣстѣ съ пѣною волнъ и вьюновъ, вмѣстѣ съ отраженіемъ солнечныхъ лучей пропзводятъ пестроту и блескъ, нестерпимые для глаза. Конь мой, чѣмъ далѣе тѣмъ глубже, ложился на правый бокъ, инстинктомъ угадывая, что острый уголъ надежнѣе выдержитъ напоръ теченія, такъ, что правая нога моя была уже вся въ водѣ, а лѣвой едва замоченъ былъ слѣдокъ; наконецъ все сѣдло окунулось въ воду. Шумные всплески подмывали меня; конь качался отъ усилій; былъ мигъ, что я вынулъ ноги изъ стремянъ, и взглянулъ внизъ рѣки, куда бы выплыть, хотя выплыть въ полномъ вооруженіи изъ такого ада плохая была надежда. У самаго берега бѣда удвоилась: Самуръ оборвалъ покатость взъѣзда, и конь мой разъ пять пытая выскочить на круть, скользилъ, падалъ, чуть не опрокинулся, а рѣка, хлеща прибоемъ въ берегъ, шипѣла, разѣвала пасть будто голодный шаркъ,—и даромъ: я благополучно выбрался на сушу. Описываю этотъ ничтожный случай потому только, что за мной слѣдомъ ѣхалъ мой толстый спутникъ, гражданскій чиновникъ, и когда я, отливая воду изъ за сапоговъ, оглянулся на него, то меня взялъ истинно гомеровскій смѣхъ. Надобно признаться, что вся наша Европейская одежда, не имѣетъ въ себѣ ничего эстетическаго, еще того менѣе живописнаго, особенно въ горахъ, на очной ставкѣ съ величавою, дикою природою, въ толпѣ Азіатцовъ въ картинной, развѣвающейся, ловкой одеждѣ ихъ, короткополый, ощипанный фракъ на разшитомъ чапракѣ, на конѣ Персидской породы, представляетъ не-вообразимо жалкую аномалію, самую колкую эпиграмму на безвкусіе и несообразность нашего платья. Прибавьте къ этому, что та-

Digitized by Google

кой фракъ надетъ на шесть футовъ человѣчества, которое обтягиваетъ онъ въ упоръ, дожидаясь перваго случая лопнуть; что это человѣчество сидитъ, подкорчивъ ножки и схватясь обѣими руками за сѣдельную луку; что оно бранитъ изобрѣтателя верховой ѣзды, и проклинаетъ свою охоту преобразовать Грузію посредствомъ своего высокоблагороднаго чина; что оно наконецъ труситъ буйства рѣки, вскрикиваетъ и ежится, окунываясь въ воду, — и все еще вы не вообразите сотой части смѣшнаго, которое было тогда у меня подъ глазами. И вотъ передній проводникъ съ помощію повода, а задній съ помощію плети, успѣли вытащить коня, усталаго подъ громадою, на берегъ. Спутникъ мой бросилъ протяжный, отрадный-ухъ!; потомъ по всегдашнему своему обычаю закричалъ: «Эй, малый! развяжи лапку!» Лапку развязали *. Густое дербендское вино было наточено въ ковшъ и выпито съ канцелярскою точностью; потомъ господинъ коллежскій ассесоръ, вытирая съ умиленіемъ губы, сказалъ:

— Благословенная влага вино: я увѣренъ, что тотъ, кто выдумалъ вино, былъ великій поэтъ, и выдумалъ его въ припадкѣ вдохновенія. Что до меня касается, то оно стало моей природою: я долѣе проживу подъ воздушнымъ колоколомъ безъ воздуха, чѣмъ безъ виноградnаго сока. Воды я терпѣть не могъ и съ малолѣтства; а съ тѣхъ поръ, какъ меня чуть въ ней не утопили, одинъ взглядъ на нее наводитъ ужасъ.

— Какъ это было? спросилъ я отъ нечего-дѣлать.

— Я служилъ по таможенной части въ А—ѣ, и, замѣтивъ, въ одинъ ненастный, осенній вечеръ, что изъ Двины проскользнула въ море разшива на встрѣчу къ идущему въ портъ иностранному кораблю, выж-

* У *бурдюковъ*, то есть, кожаныхъ мѣховъ, обыкновенно одна изъ четырехъ лапокъ служитъ кранomъ.

Digitized by Google

далъ ея возврата съ контрабандою, и на объѣздномъ катерѣ какъ-разъ захлопалъ ее близъ таможеннаго островка М—а. Туда сюда, — отговариваться нечего, — нойманы съ поличнымъ. Товаръ былъ дорогой, люди богатые: имъ крѣпко не хотѣлось потерять его и еще платить за него огромный штрафъ; взмолились мнѣ — отпусти; даютъ тысячи, сулятъ золотыя горы..... Разумѣется, я отказалъ на-отрѣзъ. Но мои объѣздчики думали иначе. По прежней штемпельной совѣсти они привыкли къ полюбовнымъ сдѣлкамъ съ контрабандистами, и моя неумѣстная строгость давно уже ихъ раздражала. Приступили ко мнѣ съ просьбами: я взбѣсился; стали грозить: я схватилъ румпель, и давай крестить бездѣльниковъ; но какъ ихъ было восемь человѣкъ, а я одинъ, сила перемогла. Страхъ наказанія и приманка богатой добычи рѣшили мою участь. Разбойники раскачали меня какъ пѣсельника на офицерской пирушкѣ; прокричали «Ужъ нѣтъ у насъ такого молодца какъ С—та, въ свѣтѣ какъ П—ча!», и бросили въ воду прохолодить мой жаръ къ открытіямъ.

— Авось утонетъ, подумалъ я.

— Однако жъ на зло имъ я неутонулъ. Я плаваю какъ боченокъ, примолвилъ онъ, поглаживая по своему экватору: и счастливо добрался до отмели, а по ней, по образу пѣшаго хожденія, на таможенный островъ. Съ тѣхъ поръ я возненавидѣлъ коварную стихію: однѣ рыбы могутъ купаться въ ней и пить ее, не чувствуя лихорадки. Я смѣнялъ водяное царство на виноградное, и не каюсь.

А я глубоко вздохнулъ по своемъ водяномъ царствѣ. Я бы отдалъ всѣ грозды въ мірѣ за кисть рябины, склонившейся надъ зеркальнымъ потокомъ моей родины! Однако жъ пора въ путь въ дорогу.

— Ну, любезный С—тъ П—чъ, сказалъ я, готовьтесь изъ воды въ полымя: передъ нами лѣсъ, притонъ Та-

Digitized by Google

басаранскихъ разбойниковъ. Они спускаются по берегу Самура съ горъ, на грабежъ нашихъ приморскихъ ватагъ, откуда уводятъ съ собою плѣнныхъ; или на грабежъ каравановъ и путниковъ, въ чьихъ карманахъ устроиваютъ они свою жемчужную ловлю и свой монетный дворъ. Застали вы въ Дербендѣ офицера корпуса топографовъ, Тим—ва?

— Я его встрѣтилъ на дорогѣ.

— Этого офицера, два мѣсяца назадъ, захватили здѣсь разбойники, вотъ, въ этой самой рытвинѣ. Съ нимъ былъ одинъ Донской Казакъ и два нукера. Началось съ того, что какой-то, истощенный, бѣдный Лезгинъ, кланяясь въ землю, упросилъ его позволить сѣсть ему сзади Казака, чтобъ переѣхать за рѣку. Онъ сжалился и позволилъ. Не проѣхалъ онъ пятидесяти шаговъ, какъ человѣкъ десять разбойниковъ выскочили внезапно изъ за пней съ крикомъ, схватили за повода его коня, сорвали шапку, прежде чѣмъ онъ опомнился, между-тѣмъ какъ Лезгинъ, сидѣвшій за Казакомъ охватилъ ему руки и уронилъ на земь, а проводники, какъ это всегда водится, побросали оружіе. Подъ остріями кинжаловъ оттащили его съ дороги, раздѣли до нога. Раздѣливъ коней и платье плѣнниковъ, атаманъ бросилъ на него нѣсколько лоскутковъ, по которымъ, конечно, ни одинъ археологъ не доискался бы, къ какому роду одежды они принадлежали встарину. Впрочемъ атаманъ, котораго окружающіе величали бекомъ очень ласковъ, утѣшалъ его, увѣрялъ, что ему нечего бояться, прикрылъ на время буркою, подчивалъ чурекомъ. «Только раза три,» разсказывалъ офицеръ, «я былъ на волосокъ отъ смерти.» Сквозь обнаженный лѣсъ замелькали штыки и всѣ разбойники бросились ко мнѣ съ кинжалами, чтобы въ случаѣ нападенія схоронить концы въ воду. Одинъ даже ударилъ меня прикладомъ, но атаманъ грозно вступился за меня, спорилъ, горячил-

Digitized by Google

ся: его худо слушались. Къ счастію, штыки исчезли, и все успокоилось. Но каждый скрыпъ колеса, каждый ударъ бича по дорогѣ возобновлялъ требованія моей смерти; и въ такомъ смертномъ страхѣ провелъ я цѣлый зимній день. Когда смерклось, атаманъ вывелъ меня на дорогу, указалъ на деревню, и всѣ умчались прочь. Я, говоритъ, бѣгомъ прибѣжалъ со своими спутниками къ старшинѣ селенія, и долго не вѣрилось мнѣ, что голова у меня на плечахъ.» Всего замѣчательнѣе въ этомъ происшествіи то, что этотъ офицеръ – хорошій рисовщикъ, и по пріѣздѣ въ Дербендъ нарисовалъ портреты человѣкъ пяти изъ разбойниковъ, особенно поразившихъ его вниманіе: Татары называли каждаго по имени. Въ атаманѣ узнали какого то бѣглаго Кубинскаго бека.

– И ужъ ихъ навѣрно переловили, осудили?

– О, да; только прежде казни они, вѣроятно, ожидаютъ случая засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе лично, отвѣчалъ я осматривая пистоны двухстволънаго ружья.

Я положилъ себѣ за правило ни куда не ѣздить въ Азіи безъ исправнаго оружія, и не имѣлъ причинъ въ томъ раскаяваться. Въ Россіи говорятъ: Не клади плохо, не вводи вора въ грѣхъ; за Кавказомъ надо говорить: Не ѣзди плохо. Въ самомъ дѣлѣ, готовое оружіе и смѣлый видъ производятъ необыкновенное впечатлѣніе на всѣхъ Горцевъ. Вообще, надобно убѣдиться, что они во-все неохотники умирать, и рѣшаются на явное нападеніе лишь въ такомъ случаѣ, когда число или превосходство оружія ручается имъ за вѣрный успѣхъ. Но повѣрьте, что рѣдкій изъ нихъ кинется на человѣка, у котораго три огня подъ рукою и рѣшимость послать ихъ по адресу на самомъ близкомъ разстояніи. Вотъ почему оружіе необходимо въ горахъ гораздо болѣе какъ предупредительное средст о противъ искушенія встрѣчныхъ, нежели какъ средство

Digitized by Google

обороны отъ разбоя. Во всякомъ случаѣ, если вы замѣтили вдалекѣ подозрительныхъ людей, ѣдущихъ вамъ вслѣдъ или на встрѣчу, не показывайте ни какого признака безпокойства, выправьте оружіе, но не хватайтесь за него, не снимайте съ плеча до тѣхъ поръ, покуда они не сдѣлаютъ этого первые: иначе, вмѣсто того, чтобъ удалить непріязненныя дѣйствія, вы ихъ вызовете. Но если всадники ѣдутъ съ ружьями поперегъ сѣдла, это предполагаетъ враговъ, и вы имѣете полное право сдѣлать то же; если они останавливаются, совѣщаются, разъѣзжаются въ стороны, это неминуемый знакъ нападенія; и тогда, спросясь своего сердца – быть убитымъ или быть въ плѣну? рѣшайтесь на сдачу или на смертный бой. Въ послѣднемъ случаѣ, надо вспомнить пословицу, что храбрымъ владѣетъ Богъ, а что нигдѣ такъ несправдива эта пословица какъ въ Азіи. Тогда, перекрестясь, прыгайте на землю, ищите какого-нибудь дерева, камня, бугорка, за которымъ бы вы могли удобнѣе дѣйствовать. Если ничего нѣтъ, стрѣляйте черезъ сѣдло; когда убьютъ коня ложитесь занего; всего болѣе берегите зарядъ въ дулѣ: ваше спасенье въ терпѣніи. Я знаю много примѣровъ, что отважные отстаивались вдвоемъ, втроемъ, въ одиночку даже, отъ цѣлой шайки, не бросая на вѣтеръ ни одной пули. Трудно вообразить, чтобъ Дагистанцы, да еще разбойники, ударили въ сабли *: у нихъ на это не станетъ душонки; но если бъ это и случилось, не можетъ быть чтобъ разомъ рѣшилось болѣе четырехъ человѣкъ. Тогда, выждавъ ихъ на десять шаговъ, если вы одного убьете, противъ васъ останется только одинъ, ибо по всегдашнему, священному у мусульманъ, обычаю, товарищи должны унести трупъ уби-

* Что я говорю о Дагистанцахъ, не относится ни къ Чеченцамъ, ни Черкесамъ. У каждаго народца на Кавказѣ свой образъ войны и разбоя, свой нравъ, свои обычаи, особенныя ухватки и причуды.

Digitized by Google

таго. Вотъ ужъ трое вонъ, а четвертый смущенъ какъ-нельзя болѣе, и если еще не улепетнулъ, такъ это оттого что ему во всѣхъ сторонахъ мерещутся ружья. Кто бывалъ часто въ горахъ, кто преломилъ не только хлѣбъ, но и конье съ Горцами, тотъ конечно не станетъ спорить со мной, что осторожность на каждомъ шагу, отвага при каждой опасности и хорошее оружіе всегда на-готовѣ — самые надежные тѣлохранители и лучшіе проводники для странника по Азіи.

Спутникъ мой былъ вовсе не трусъ на сухомъ пути, и мы спокойно проѣхали сквозь selva selvaggia, (дикій лѣсъ). Весна дышала на сердце отрадой; первинки благоуханія видимо струились въ воздухѣ съ молодой зелени травъ, съ чуть оперившихся деревьевъ; земля звучала какъ Эолова арфа тысячью водныхъ струнъ. Голубки ворковали на цвѣтистыхъ вѣткахъ черешни, фазаны, распустивъ летучей радугой хвостъ, съ шумомъ перепархивали черезъ дорогу; впереди открывалась очаровательная долина, обрамленная слѣва сверкающимъ сквозь лѣсъ моремъ, справа предгорьями снѣговаго Шахъ-дага; прямо, яркою синетою южнаго небосклона, по которому катились и падали наливчатые серебреныя яблоки легкихъ облаковъ. Но кто бы захотѣлъ путешествовать, еслибъ живописецъ и поэтъ могли перевесть на холстъ или бумагу всю прелесть природы далекихъ странъ, выразить новое чувство, прекрасное дитя чувствъ, пораженныхъ ея разнообразіемъ? Смѣшонъ человѣкъ, когда онъ строитъ Вавилонскій столпъ, чтобы убѣжать отъ природы; вдвое смѣшонъ, когда хочетъ поймать ее на палитру или умѣстить въ чернильницу. Великое дѣло мысль, великое дѣло чувство, но это два океана — ихъ не вычерпать черепомъ человѣческимъ, тѣмъ безнадежнѣе, что зачерпнутое должно хранить въ рѣшетѣ выраженія: нѣтъ у насъ другаго сосуда, другаго орудія передачи.

Digitized by Google

Но, скажутъ мнѣ, мысль безгранична и неизмѣрима какъ сама природа: на первой можетъ отразиться вторая вся, будто въ зеркалѣ.

Положимъ, что я согласенъ на это: но какъ скоро вы захотите осуществовать эту мысль, когда вознамѣритесь превратить это зеркало въ картину, вы принуждены будете занимать у природы средства написать и одушевить ее; эти средства – части природы, а части никогда не обоймутъ цѣлаго.

Глазъ есть совершеннѣйшій органъ нашего тѣла, но и онъ можетъ схватить только треть горизонта лучами взора. Кромѣ того, его устройство и разстройство показываетъ нерѣдко предметы иначе, нежели они въ самомъ дѣлѣ, и потому напрасно говорятъ – видъ моря, снятый такимъ-то; видъ Кавказа, срисованный съ природы такимъ-то. Должно говорить – переводъ съ глазъ такого-то, при отраженіи въ нихъ моря, Кавказа, – ни какъ не болѣе. Что сказано о зрѣніи относится и къ воображенію. Человѣкъ можетъ вамъ картиною, барельефомъ, звукомъ, книгой, передать только *свое* понятіе о вещи, а не самую вещь, свой взглядъ на нее, а не точный ея видъ. Вотъ почему нелѣпо требовать отъ поэта портретнаго сходства мѣстностей: онъ перестанетъ быть поэтомъ, если возьмется не за свое дѣло. Его циркуль – умъ, его палитра – сердце, его кисть – фантазія. Напрасно съ его страницами въ рукѣ станете вы повѣрять Колизей, соборъ тріумфальныхъ воротъ, нагроможденныхъ тысячами на побѣдные вороты; или Венецію, водяную лилію морей, или дымный адъ Альпійскихъ ущелій. Вы скажете – описаніе вовсе не сходно съ истиною, и скажете неправду. Вы глядите на свой Колизей, а Байронъ видѣлъ свой, и та ночь слилась давно съ ночью вѣчности, въ которую онъ *такъ* его видѣлъ. Вычтите изъ

Digitized by Google

этого, что онъ, вѣроятно, не могъ выразить всего, что̀ чувствовалъ, а мы понять того, что̀ онъ выразилъ. Это не Колизей, не океанъ, не гяуръ, это душа Байрона въ разныхъ ея изгибахъ; это не мадонна, это вѣра Рафаэля; это не любовница, а самая любовь Тиціана; это не Абруццы, а мрачное воображеніе Сальватора-Розы. Одинъ Богъ можетъ творить въ лонѣ своемъ, одинъ человѣкъ все пересоздавать въ горнѣ мысли. Правда, человѣкъ усвоиваетъ * все непроизвольно, безъ сознанія, безъ отчета, – потому что качество и степень пріимчивости даны ему свыше, и онъ можетъ только развить, изострить, вылощить, но не добыть и не перемѣнить ихъ. Зато каждый человѣкъ усвоиваетъ все особеннымъ образомъ: мудрено ли же, что вѣчно неизмѣнная природа, раздѣленная на милліоны преходящихъ *я*, будетъ отражена въ каждой грани разнообразно, и въ разныя времена въ той же самой грани различно. Человѣчество – живая волна океана: вѣтеръ свиваетъ и чеканитъ ее въ причудливые кристаллы по произволу. Природа – гора Исландскаго хрусталя. Въ обѣихъ сверкаетъ Божество, но въ первомъ видны лишь бѣгучія, перелетныя искры, въ другой постоянные лучи **.

Совсѣмъ тѣмъ, валы морскіе величественнѣе скалъ прибрежныхъ; и величіе, прелесть ихъ, заключены въ жизни, въ движимости, въ разнообразіи. Вотъ почему –

The proper study of mankind — is man,

* Такъ приспособляю я къ мысленному міру физіологическій терминъ assimilatio.

** Надѣюсь что мои риторическія фигуры не будутъ судимы какъ философическіе выводы. Конечно сила вѣтра и вращеніе волны подвержены гидростатическимъ законамъ, равно какъ нѣтъ неподвижности и безжизненности даже въ самыхъ камняхъ, но мы по необходимости принимаемъ иногда условное и относительное за положительность.

Digitized by Google

«Приличнѣйшая наука для человѣчества – есть человѣкъ».

Вотъ почему въ обратномъ порядкѣ можно изучать человѣчество въ людяхъ разныхъ вѣковъ.

Но знаменитые представители, обращики каждаго вѣка, знакомы намъ изъ повѣствованія современниковъ или потомковъ (за исключеніемъ Кощея Безсмертнаго, я не думаю, чтобы кто-нибудь изъ насъ служилъ подпрапорщикомъ у Ксенофонта, или ѣлъ трипотанумъ на пиру Каракаллы); а современники, по личностямъ, по предубѣжденіямъ или изъ выгодъ, могли исказить характеры, подмѣнить или умолчать обстоятельства знаменитыхъ историческихъ лицъ и переворотовъ. Напримѣръ, со всѣмъ уваженіемъ къ ликторскимъ пукамъ и кручеными фразамъ Цицерона, многіе не безъ причины думаютъ, что злодѣянія Катилины преувеличены. Свидѣтельство человѣчка, каковъ Саллюстій, слишкомъ пахнетъ стачкою. Саллюстій былъ всегда поклонникомъ тѣхъ, кто давалъ ему средства грабить и наживаться. Желаю также знать, чтобы подумали наши внуки о состояніи Франціи и Англіи, еслибъ до нихъ дошли одни оппозиціонные памфлеты или одни журналы ultra и nec plus ultra.

Съ другой стороны потомки, чуждые современныхъ страстей и знаменъ, наитствуются духомъ вѣка. Они судятъ хладнокровно, но мѣряютъ все на свой аршинъ, подводятъ все подъ насущныя правила. Люди и дѣла являются въ новомъ свѣтѣ: но въ настоящемъ ли свѣтѣ? Пусть разногласіе господъ историковъ рѣшитъ этотъ вопросъ. Одни обращаютъ исторію въ героическую поэму или въ урокъ нравственности, другіе въ философическую систему, третьи въ народную драму. Изо всего этого слѣдуетъ, что истинной исторіи не было, да вѣроятно и быть не можетъ.

Digitized by Google

До-сихъ-поръ мы находили романъ въ Исторіи. Вальтеръ Скоттъ ухитрился одѣть исторію въ романъ. Удивляюсь, почему зовутъ историческій романъ незаконнымъ сыномъ вымысла съ истиною! Развѣ у него иное родство, иное кумовство чѣмъ у старшей его сестрицы? Мало правды въ историческихъ лицахъ Вальтера Скотта: но развѣ ея болѣе въ портретахъ Плутарха? Я полагаю, домашняго человѣка легче угадать чѣмъ политическаго! Да пускай себѣ Тацитъ, Шиллеръ, Юмъ, Карамзинъ, ошибались во многихъ и во многомъ: судьбы человѣчества очевидныя по дѣлу, а не по слову, не могли ускользнуть отъ читателя мыслящаго. Въ каждой книгѣ самое занимательное есть именно то, чего въ ней нѣтъ, но объ чемъ она заставитъ васъ подумать: а романъ имѣетъ это достоинство наравнѣ съ лѣтописью. Я такъ же мало забочусь, какимъ уксусомъ разторгъ Аннибалъ хребетъ Альповъ, какъ, изъ чего были сдѣланы кляпцы около дворца Людовика XI. Однако объ сказки, у историка какъ и у романиста, основанныя на преданьяхъ народныхъ, даютъ мнѣ мѣрку обоихъ историческихъ дѣятелей. Но главный рудникъ лежитъ въ самыхъ авторахъ, какого бы рода словесности они ни были. Читая Квинта Курція, Анну Комнену, Фроассара, нашего Нестора, точно также какъ Тиртея, Аристофана, Виргилія, Проперція, Корнеля, Кантемира, Державина, Попа, Газзлитта, Байрона, Гёте, я угадываю ихъ столѣтія, ихъ современниковъ, ихъ земляковъ, хотя бы и сомнѣвался въ подлинности ихъ разсказовъ или въ изяществѣ ихъ вымысловъ. Одинъ языкъ, независимо отъ достоинства историческаго или поэтическаго, есть неисчерпаемый ключь открытій. По его походкѣ, можно угадать ходъ просвѣщенія и хватъ идей (la portée des idées) каждаго народа, ровесника подсудимому сочинителю; по пріемамъ слога касту и характеръ автора. Пускай что ни гово-

Digitized by Google

рять, а книга и сочинитель — одно и то же лице, только въ разныхъ переплетахъ. Стало-быть, какъ бы сочинитель ни вытертъ былъ подражаніемъ, какъ бы ни хотѣлъ онъ скрываться умышленно, настоящій цвѣтъ его кожи пробьетъ гдѣ-нибудь сквозь заемныя бѣлила: гдѣ-нибудь онъ промолвится нарѣчіемъ души. Ловите же его въ такіе проблески искренности: и съ нимъ вмѣстѣ вы поймаете цѣлый неводъ его современниковъ, съ ракушками и растеніями его родины, его поры. Можетъ-быть онъ вамъ наговоритъ съ три короба чепухи о томъ, что было до него и при немъ: умѣйте же изъ его словъ извлечь признаніе, исповѣдь, завѣтъ того вѣка, того народа. Бѣда право не велика, если вы прикинете лишнюю горсть сыпучаго песку похвалъ къ подножію статуи Марія насчетъ подножія Силлы; не бѣда, если вы обоихъ забрызгаете грязью: человѣчество ничего не проиграетъ въ нихъ. Теперь свирѣпствуетъ мода считать миѳами все древнее: почему жъ не счесть за басню нѣкоторыхъ доблестей или чудовищныхъ пороковъ древнихъ? Почему я повѣрю, что Юлій Цезарь самъ писалъ, и диктовалъ еще тремъ секретарямъ вдругъ, въ колесницѣ, скача во весь опоръ по недѣланнымъ дорогамъ, когда не вѣрю ни Немвроду, ни Ромулу? Дѣло въ томъ, чтобъ выслѣдить развитіе гражданственности у разныхъ народовъ, и..... и..... Куда это завезла меня верховая Метафизика? Господа читатели, тысячу извиненій! Я хотѣлъ только доказать, что во всѣхъ описаніяхъ и живописаніяхъ зритель и слушатель видитъ только умѣнье художника изображать предметы, а не слѣпокъ, не отраженіе предметовъ; и въ слѣдствіе этого примолвить, что если кто воображаетъ по моимъ очеркамъ познакомиться съ Кавказомъ, а не со мною, тотъ горько ошибется. Еще болѣе ошибется тотъ, кто станетъ искать на немъ красотъ, мною видѣнныхъ: можетъ-быть эти прекрасные цвѣты были

Digitized by Google

завѣтные цвѣты, — только для меня распустились, а вслѣдъ за мной облетѣли какъ одуванчики. Можетъ-быть мой небосклонъ полинялъ теперь, и солнце, которое мнѣ свѣтило, погасло въ дождевомъ облакѣ! Я бы далъ вамъ въ заемъ своихъ глазъ, своихъ думъ: научите только, гдѣ отыскать мнѣ ихъ? сегодня я уже не тотъ, чѣмъ былъ вчера; вчера отъ меня далеко на столько же, на сколько день моего рожденія и день рожденія первой моей мысли; все вчерашнее уже схоронено въ желудкѣ прожоры Сатурна. Глядь поглядь, — отъ нитки до иголки дошился было я до историко романическаго узора. Виноватъ, господа, не люблю тормозить своей откровенности: да и на кой чортъ сталъ бы я тормозить ее, когда никого не приглашаю съ собою? Suivra qui voudra. Въ моихъ запискахъ — я не въ чужихъ саняхъ, и беззаботно отдаюсь влеченію пера, а перо, какъ вамъ извѣстно, вещь очень легкая: малѣйшее дуновеніе фантазіи несетъ его въ тридесятое поднебесье.

Впрочемъ, милостивые государи, если кто-нибудь изъ васъ почтетъ мою велемудрую выходку за мистификацію «въ творящемъ и творимомъ ея качествахъ», я готовъ тому дать благородное удовлетвореніе: готовъ стрѣляться черезъ столъ, хоть двустишными эпиграммами, изъ которыхъ одна будетъ холостая, а другая заряжена перцомъ и солью до нельзя. Бросимъ жеребьи кому пасть! Раздѣлаться можемъ мы на просторѣ въ Архивѣ сѣвернаго вѣтра, подалѣе отъ пошлой рыночной молвы, подальше отъ будочниковъ наблюдателей на курьихъ ножкахъ. Секундантомъ моимъ, извольте вѣдать, беру я моего печатнаго пріятеля, того, вы знаете, что съ деревяшкой вмѣсто головы. За нимъ, правду сказать, водится маленькій недостаточекъ: онъ привыкъ бранить встрѣчнаго и поперечнаго такъ, какъ я бы не позволилъ браниться моему пуделю; впрочемъ предобрый и препростой

Digitized by Google

малый – за рюмку шипучаго. Я увѣренъ, что онъ не откажетъ, онъ очень будетъ радъ найти человѣка, который бы хоть ex officio дослушалъ его военный анекдотъ. Совѣтую только, если онъ вздумаетъ подать вамъ руку, пожать ее не иначе какъ щипцами, и сжечь благовонный листикъ, когда онъ раскланяется: пріятель мой не отличается чистотою, и до того въ пятнахъ, что издали его можно продать за леопарда. И такъ-съ, до пріятнаго свиданья! Это дѣло рѣшеное.

Спутникъ мой, вѣроятно, за какой-нибудь тяжкій грѣхъ осужденъ былъ говорить безъ умолку; но я, не находя за собой достаточной вины, часто увольнялъ свои уши отъ тягостной барщины вниманія, и всякій разъ, какъ онъ обращался ко мнѣ съ извиненіемъ: «Скажите пожалуйста откровенно, не мѣшаю ли я вамъ мечтать своими разсказами?», готовъ былъ сказать – Нѣтъ-съ, продолжайте, сдѣлайте милость: вѣдь я васъ не слушаю! Но я не могъ не слышать его жалобъ и проклятій на Дагистанскія сѣдла. Они ли были сдѣланы не въ пору по его грузовой ватеръ-линіи, или природа худо разочлась размѣромъ его туловища въ отношеніи къ верховой ѣздѣ? Дѣло въ томъ, что бѣднякъ былъ рѣшительно не въ своей тарелкѣ, хотя сѣдло его величиной съ очень укладистое блюдо. Коварная передняя лука безпощадно буравила гастрономическій департаментъ его высокоблагородія, кажется, въ отмѣстку за то, что его необычайная круглота мѣшала ей выглянуть на бѣлый свѣтъ; между-тѣмъ какъ съ другой стороны край сѣдла не поддерживалъ и половины основанія. Наконецъ онъ не выдержалъ насѣдельной пытки: онъ расчиталъ съ обычнымъ себѣ остроуміемъ, что существовать гораздо пріятнѣе на колескахъ чѣмъ верьхомъ, и нанялъ довезти свою особу до Кубы первую Нагайскую арбу, какую мы настигли. На нее взвалили огромный двухъ-спальный

Digitized by Google

пуховикъ, который возится неразлучно съ моимъ спутникомъ для удобства, а на пуховикъ, съ немалыми, правда, трудами, взобрался онъ самъ. Я оставилъ всѣхъ тѣлохранителей хранить разбитое тѣло С—та П—ча; послалъ прощальный привѣтъ на высокую колесницу, и самъ-третей пустился по знакомой дорогѣ впередъ.

Не даромъ говорятъ – дорога лучше женитьбы открываетъ характеры! Какъ ни забавенъ бывалъ подчасъ мой спутникъ, я не жаловался на разлуку. Надобно имѣть необыкновенное сходство чувствъ, если не мыслей, для товарищества напутнаго. Я, если не могу опрокинуть сердца вполнѣ, бываю обыкновенно очень молчаливъ и углубленъ внутрь себя. Желаніе насладиться видами и впечатлѣть ихъ въ память дѣлаетъ меня невнимательнымъ ко всему близкому. Минутный гость чужихъ сторонъ, я ихъ привѣтствую и прощаюсь съ ними каждымъ взоромъ; ихъ чудные образы проходятъ по моему сердцу въ блѣдномъ озареніи мечты, смѣняются, исчезаютъ какъ сонъ!..... Грустно, о какъ грустно, глядѣть незваному на роскошный пиръ природы, и ѣхать мимо, все ѣхать, все странствовать бездомному на чужбинѣ!..... Любоваться ею и думать объ отечествѣ, которое носитъ онъ въ сердцѣ! Быть Танталомъ на каждомъ шагу, при каждой встрѣчѣ! Хотѣть забыть свое вчерась, не имѣя завтра!.... .

Да! грустное чувство даетъ мнѣ путешествіе по прекраснымъ долинамъ Кавказа, по угрюмымъ скаламъ его: зато въ этомъ чувствѣ нѣтъ горечи, нѣтъ яда. Оно кладетъ свою мирительную руку на грудь мою, и, мнѣ кажется, на ней лежитъ нѣжная ручка любимой женщины. Оно роняетъ на все кругомъ дымчатое покрывало свое: зато подъ нимъ не видны тернія. Благодѣтельное впечатлѣніе производятъ на меня красоты природы .... Видя ихъ, и вспоминая объ нихъ я

Digitized by Google

становлюсь добрѣе, чище, любовнѣе: душа горитъ тогда, не вспыхивая негодованіемъ, не заплывая страстью; разумъ расправляетъ крылья, пытаетъ взлетѣть за облака, проглянуть бездны земли и моря. Это не радость, но и не тоска; не покой и не треволненіе — это зыбь, которая хранитъ въ себѣ слѣды бури и начатки тишины. Словомъ, я былъ доволенъ обновленіемъ своего одиночества; мнѣ хотѣлось почувствовать на свободѣ, мнѣ это было нужно, необходимо: я лучше люблю чтобы вешній вѣтеръ, нежели осенній взоръ, стеръ мою слезу съ ресницы; чтобы лѣсное эхо, а не болтливый языкъ повторилъ слова, вырывающіяся у меня въ разсѣянности. Люди милы въ городѣ, занимательны книги зимою, по природу люблю я всегда искреннѣе чѣмъ людей, и громады горъ болѣе чѣмъ громады книгъ; особенно въ провесень, когда никакое непріятное чувство не мѣшаетъ сливаться съ природой, вдыхать ее всѣми пòрами безъ инея и раскаленной пыли, не сквозь шубу или струю пота. Вешній воздухъ дѣйствуетъ на меня какъ музыка: онъ навѣваетъ мнѣ тихую грусть, которая готова при малѣйшей случайности растаять въ слезы, хотя я очень далекъ отъ сансибларизма, и конечно не разжалоблюсь надъ палевыми сливками, разлитыми изъ разбитаго горшка, ни даже надъ кровью товарища, раненаго въ битвѣ. Слезы — выраженіе раздражительности, а не доказательство чувствительности. Но всего страннѣй, что вы не найдете двухъ особъ, которыя бы доступны были этой раздражительности съ одинаковой стороны. Одинъ плачетъ отъ страха, другой отъ гнѣва, многіе, но различно, отъ печали. Иной слушаетъ съ сухими глазами панихиду по отцѣ, и потомъ льетъ горькія слезы по своей лошади. Тотъ съ бранью выталкиваетъ изъ присутствія бѣдную сироту умоляющую о правосудіи, а вечеромъ разливается слезами въ театрѣ надъ мнимыми несчастіями. Я ви-

Digitized by Google

дѣлъ одну чувствительную даму, которая чуть не оторвала мальчику уха зато, что онъ не успѣлъ выхватить муху, попавшую въ сѣть паука; зналъ другую, которая отдала въ солдаты своего кучера, зачѣмъ онъ, на катаньѣ по Невскому, затопталъ санями голубя. Добрая душа говорила, что совѣсть ей рисовала и во снѣ смерть сизокрылаго, которой она была невинною участницею..... Совѣсть ей ни разу не представила осиротѣвшую семью кучера! Та плакала о мухѣ, отравленной ядомъ шестилапаго чудовища; эта о раздавленномъ голубкѣ, и обѣ не притворялись. Источникъ слезъ ихъ былъ чистъ, хоть очень дурно направленъ. Тутъ вина не сердца, а ума, залѣпленнаго и искаженнаго воспитаніемъ или тѣснаго отъ природы. Да! повторяю: источникъ слезъ чистъ, покуда онъ искренепъ: это – мгновенное пробужденіе вѣчной совѣсти, это поминка неба на землѣ. Но презрительны и смѣшны слезы, проливаемыя для порочныхъ обольщеній или по ребяческимъ прихотямъ моды. Чье сердце не таяло подъ крокодильими слезами прекрасной обманщицы? Кто не увлекался заготовленною слезою жестокаго судьи? Кто не слыхалъ о томъ нѣжномъ времени, когда каждая порядочная дама считала необходимымъ долгомъ выплакать въ день покрайней-мѣрѣ баночку духовъ въ батистовый платокъ свой? Каждый авторъ разливался чернильными слезами по бумагѣ, и всѣ говорили не иначе какъ со вздохами вмѣсто запятыхъ! Что жъ изъ этого? Неужели мы устыдимся слезы истиннаго умиленія, истиннаго раскаянія, потому что она была приманкою простоты или шутихою жеманства? Модныя слезы брошены какъ мушки; дай Богъ, чтобъ и коварныя употреблялись какъ возможно рѣже: но чувство души не прихоть: его не задуешь какъ свѣчу, не купишь какъ новую шляпу. И потому, если я, по остатку ложнаго стыда и покраснѣю, когда кто застанетъ слезу на моихъ

Digitized by Google

рѣсницахъ, но не краснѣя готовъ сказать, что все великое заставляетъ на глаза мои навертываться слезы, – а что величественнѣе природы? – зато кромѣ умиленія ни какая печаль не выпроситъ у меня росинки. Почему это? Не знаю. Я говорю что есть.

Такъ мечтая и разсуждая, приближался я къ Кубѣ, и между-тѣмъ любовался на вечерѣющее солнце. Отчего объясните мнѣ, пожалуйста, мы любимъ видѣть солнце на востокѣ или на западѣ болѣе, чѣмъ на высотѣ полудня? Механическая ли удобность для глазъ, или гордая мысль, что свѣтило міра наровнѣ съ нами, придастъ столько прелести утру и вечеру? Въ самомъ дѣлѣ, наступивъ на зенитъ, солнце льетъ на землю море невыносимаго свѣта, лишаетъ земные предметы лучшаго ихъ украшенія, – тѣни, уничтожаетъ человѣка своею знойною, яркою славою. Зато прелестно оно, когда по розамъ денницы восходитъ изъ моря съ обѣтомъ благъ жизни, и еще за-просто, безъ лучезарнаго вѣнца, привѣтливо глядитъ на насъ, и нехотя покидаетъ украйну сумрака, и будто говоритъ – я тоже принадлежу половиною землѣ, половиною небу! Очаровательно оно и въ часъ разставанія съ землею, когда въ пышномъ вѣнкѣ изъ облаковъ, отходитъ благотворить брату нашего полушарія. Мы задумчиво провожаемъ благотворнаго гостя, и думаемъ, качая головой, – увидимся ль мы? будетъ ли завтра, для тебя, искры, и для меня, пылинки передъ лицемъ Бога? Пускай! хотя бы не разсвѣтаемая ночь падала на меня этимъ сумракомъ и наступила вѣчность вмѣсто завтра, я засну тѣмъ не меньше спокойно; засну какъ дитя въ колыбели. Развѣ не пеленка саванъ; развѣ не люлька намъ гробъ, и еще для лучшаго, для чистѣйшаго, для новаго бытія? Черна здѣшняя сторона могильной двери; но та сторона свѣтлое зеркало, и въ немъ отражено вечерѣющее солнце Правды и благости,– ликъ Божій.

Digitized by Google

Подъѣздъ къ пригороду Кубѣ (у меня не подымается языкъ назвать ее городомъ) очень живописенъ. Лѣсистое угорье вдругъ спадаетъ рытвиною, и Куба, какъ островокъ, возникаетъ вдали на противоположномъ ея берегу. Впрочемъ это – милое предисловіе къ самой нелѣпой книгѣ. Если вы не новичекъ въ Азіи, и ѣздили по ней не въ чемоданѣ, то конечно разочарованія для васъ – привычка; со всѣмъ тѣмъ, ни одинъ городъ по званію своему, если не по виду, не обманываетъ васъ злѣе Кубы. Подъѣзжаете, – грязная рѣчка встрѣчаетъ васъ у воротъ дрянной, изъ сырцу сложенной, стѣнки, тамъ и сямъ обвалившейся, тамъ и сямъ повѣнчанной терновникомъ. Въѣзжаете,– болото въ грудь коня; по немъ прыгаютъ Татары и солдаты, плаваютъ собаки и ребятишки, а неуклюжіе сакли сидятъ кучками кругомъ и печально ждутъ своей очереди потонуть въ грязи, которая здѣсь уже не пятая, а единственная стихія. Улицы..... Дай Богъ памяти, есть ли полно тамъ улицы? По-крайней-мѣрѣ диры, сквозь которыя лазитъ православный и правовѣрный народъ во-истинну достойны изученія, хотя изученіе ихъ во сто кратъ отчаяннѣе Татарскихъ дѣепричастій. Все плоско, всѐ черно, все одинаково безобразно; ни одного купола мечети, нигдѣ высокаго зданія, которое могло бы служить маякомъ. Идешь, идешь – стѣна!..... полѣзай въ какую-то заслонку черезъ чужой дворъ, на страхъ оставить одну полу на зубцахъ забора, а другую въ зубахъ собакъ. Идешь, идешь–мое почтеніе!..... курятникъ середи дороги, – выбѣжалъ вѣрно поглазѣть на прохожихъ, да заслонилъ, разбойникъ, проходъ. Я увѣренъ, что Критскій лабиринтъ начинался именно здѣсь, но какъ по несчастію, не нашлось ни одной Аріадны въ красныхъ шароварахъ, которая бы подарила мнѣ клубокъ за урядъ проводника, то я двадцать разъ въ день терялъ дорогу и кружилъ около своей квартиры: не дается,

Digitized by Google

будто кладъ! Впрочемъ, говоря географическимъ слогомъ, «сей нарочито великій городъ сѣвернаго Дагистана» пользуется необыкновенною выгодою свѣжести: въ немъ никогда нѣтъ пыли; и хотя въ одномъ тѣлѣ заключаетъ онъ до пяти тысячъ душъ, однако жъ не душенъ. Климатъ здѣсь гибеленъ только для новичковъ, но впослѣдствіи очень сносенъ. Окружающіе Кубу лѣса поглащаютъ вредныя испаренія и охлаждаютъ знойную атмосферу лѣта. Въ этомъ конечно пособляютъ ей и снѣговыя горы: зато горы безпрестанно насылаютъ слякоть; — облака этой области, изволите видѣть, не знаютъ за собой другаго ремесла кромѣ дождя. Куба славится своими коврами: ихъ ткутъ по окрестнымъ деревнямъ; впрочемъ добротою они далеко уступаютъ Персидскимъ. Генералъ Ермоловъ далъ здѣшнимъ мастерамъ прекрасные Европейскіе рисунки, и, точно, до-сихъ-поръ по заказу можно имѣть здѣшніе ковры на Европейскій образецъ, и не дорого. Зато вмѣсто ковра вы купите убѣжденіе, какъ трудно передѣлать Азію. Невообразимо, что̀ за рококо выходитъ подъ Татарскою рукою изъ нашихъ рисунковъ! Шерсть, крашенная урывками и клочками измѣняетъ оттѣнки на каждой четверти. Тамъ синяя роза красуется на малиновыхъ листьяхъ; здѣсь половина акантоваго развода желтая а другая фіолетовая. Потѣха да и только! Правду сказать, имъ нѣтъ износа: но какая грубость, тяжесть, какое непріятное безвкусіе! По-моему Кубинская капуста, которою снабжаетъ она Баку и Дербендъ, гораздо лучше кубинскихъ ковровъ.

До-сихъ-поръ здѣсь была штабъ-квартира Апшеронскаго пѣхотнаго полка и бригады, въ которой онъ считается. Здѣсь же и мѣсто управленія Дагистана. Полкъ расположенъ былъ въ такъ называемой Новой Кубѣ, въ двѣнадцати верстахъ отъ Старой, ближе къ морю, на берегу рѣчки Гусари. Мѣстоположеніе-пре-

Digitized by Google

лесть; плодовые лѣса шумятъ кругомъ. Виноградники плохо принимаются, и оттого нѣтъ своснаго вина; а воды почти пить невозможно, — такъ она мутна и нездорова.

Общество? Въ Закавказьѣ не надо спрашивать и толковать о обществѣ, потому что оно зависитъ отъ случая. Два три порядочные дома столкнутся на-мигъ, и потомъ разкочуютъ навѣчно. Сегодня здѣсь весело, мирно; завтра переведутъ почтеннаго чиновника въ другое мѣсто, и—прощай дружескія бесѣды, прогулки, танцы. Упалъ заклепный камень свода, — и весь сводъ врозь. Кромѣ того, рѣдко случается, чтобы семейные люди, съ разныхъ краевъ свѣта, разныхъ состояній и образованій, сходились въ одинъ кружокъ или, встрѣтясь, могли долго ужиться вмѣстѣ, особенно когда отношенія службы разрозниваютъ ихъ. Можете вообразить, что такое общество, чуть только замѣшаются въ игру женщины, настоящій котелъ сплетней и пересудовъ! Русское злословіе въ этомъ климатѣ плодовитѣе кроликовъ, такъ, что если вы въ минуту довѣрчивости примете за правду хоть сотую долю разсказовъ возлюбленныхъ земляковъ и землячекъ другъ о другѣ, вы конечно получите не слишкомъ выгодное объ нихъ мнѣніе. Впрочемъ, попадаются и между поддѣльными деньгами настоящія — только я вѣдь не оберъ-пробирёръ.

Теперь, достойное семейство генерала К***, правителя Дагистана, провидѣніемъ Кубинскаго общества, разумѣется, очень маленькаго. Согласіе и хорошій тонъ, рѣдкіе гости Закавказья, сказываютъ, тамъ недиковинка. Съ шуткой пополамъ набирается дамъ на Французскую кадриль. Ловкость и танцовальное искусство хотя не удѣлъ боевыхъ офицеровъ нашего вѣчно воинствующаго корпуса, но въ числѣ добрыхъ, умныхъ малыхъ, которыхъ стрѣлковыя привычки разлучаютъ съ гостиною, есть однако жъ всегда нѣ-

Digitized by Google

сколько человѣкъ, которые не оставили свѣтскости на горахъ и остріяхъ Кавказа, и вамъ ходить по паркету не скользя. Впрочемъ если не случится ловкихъ и красивыхъ, есть молодые, а это чего-нибудь да стоитъ. Молодость обѣщанье всего хорошаго.

Въ Кубѣ счастливый случай далъ мнѣ увидѣть второе за Кавказомъ семейство, о которомъ воспоминаніе – гостинецъ сердцу. Гостепріимство, радушіе, образованность, для чужихъ; кротость и неусыпное вниманіе, къ дѣтямъ; словомъ всѣ достоинства общежительности и домашняго быта вмѣстѣ. И какія милыя умныя дѣти, какъ умѣютъ они понимать и цѣнить каждое слово, каждый взглядъ матери, каждую ласку отца! Право, глядя на нихъ приходитъ охота опять стать десятилѣтнимъ мальчикомъ, или нажить имъ подобныхъ.

«Но эту странную идею,
Признаться, я ласкать не смѣю! *»

—

8 апрѣля.

День почты – для меня день лихорадки: жду не дождусь ея прихода, а чуть въ воротá города, ужъ я въ конторѣ, и давай докучать почтмейстеру. И вотъ между дюжинами адрессовъ одинъ другаго куріознѣе, какъ напримѣръ, въ *Грузію, въ Дербентъ, –на островъ Кубу, что въ Персіи, на Кавказской линіи*, и тому подобныхъ, какъ звѣзда блистаетъ красный грифъ: Петербургъ, Москва, *А. А. М-у*. Мнѣ-съ, это мнѣ!–«Да еще-съ книги!» – Очень радъ!–«И посылочка въ вывороченной клѣенкѣ. Эхъ жалко, что подмочена!..... Видно рѣки шалятъ не нашутку!» – Слава Богу, я давно ждалъ ее! – Расписываюсь въ полученіи, бѣгу съ добычею на квартиру, и, съ опасностію носа, спотыкаясь на каждыхъ пяти шагахъ, пробѣгаю петер-

* Изъ Вельтмана.

Digitized by Google

пѣливо письма. Читаю, перечитываю, улыбаюсь, хмурюсь. Потомъ начинаю перелистывать газеты, незабывая заглядывать въ журналы. Въ этотъ день у меня сгараетъ лишняя свѣчка; потому что этотъ день мнѣ праздникъ. Потомъ проглотивъ цѣлое извержніе почти съ невѣроятною быстротою, я, потягиваясь, бросаю въ тишину ночи многосложный зѣвокъ и съ простодушіемъ дѣвушки говорю: Ce n'est que ça?!! Потомъ, вы по опыту можете судить, крѣпко ли я засыпаю.

На этотъ разъ однако жъ, я легъ спать не поужинавши ни одною книгою. Библіотека для Чтенія, на которую болѣе другихъ журналовъ точилъ зубы, пріѣхала въ Кубу крещеная во всѣхъ встрѣчныхъ рѣчкахъ, и дотого слѣпилась листами, что, безъ комплиментовъ, составляла «нѣчто цѣлое». Я съ томленіемъ лакомки мимо котораго несутъ бутылки съ надписью— Clos Vougeau, – St.-Péray, – прочелъ на загнутомъ уголкѣ переплета заглавные имена нашей словесности: жуковскій, пушкинъ, загоск..... кукол..... ерш..... Пушкинъ? И только на три куша? – Mais Vous dérogez mon cher! – Играя въ славу нечего резониться. Va banque, по-старинному; и банкъ въ карманѣ. Публика бьетъ только *темныхъ*; но ея сердечная сторона отдана любимому поэту. Бойкой понтёръ всегда будетъ играть въ ней по бархату.

Мнѣ здѣсь прожужжали уши про Мулла-Нура; и, сколько я могу судить изъ разсказовъ, разбойникъ этотъ очень хорошо постигъ свое ремесло. Если бъ онъ вздумалъ убивать или обирать купцовъ и проѣзжихъ, тянущихся изъ Кубы въ Шамаху, онъ бы отпугнулъ, отучилъ ихъ отъ этой дороги, и лишился бы хоть небольшой, но вѣрной пошлины. Теперь, каждый, пускаясь въ путь черезъ ущеліе, говоритъ себѣ: «Очень вѣроятно я не встрѣчу Мулла-Нура, а

Digitized by Google

если и встрѣчу, бѣда невелика. Онъ возьметъ съ меня рубля два, много червонецъ, между-тѣмъ какъ окольная дорога на Алты-агачъ будетъ стоить вдвое серебромъ и втрое временемъ.» И всѣ ѣдутъ безъ опасенія; и никто не ропщетъ крѣпко на встрѣчу, потому что честность его вошла въ пословицу. Удивительно до непонятности, что Татаринъ и ктомужъ разбойникъ, въ силахъ побѣдить искушеніе при видѣ золота и дорогихъ товаровъ; довольствоваться малымъ, когда можетъ взять все! Это уже относится болѣе къ природному безкорыстью чѣмъ къ дальновидному расчету. Еще замѣчательнѣе особенная благосклонность его къ Русскимъ. Онъ не только никогда не грабитъ ихъ, но ласкаетъ, провожаетъ сквозь буйную рѣку, охраняетъ въ опасныхъ мѣстахъ отъ наѣзжихъ разбойниковъ; при разставаніи дастъ яблоко или гранату; скажетъ — «Помни Мулла-Нура!» и былъ таковъ. Особенно принялъ онъ въ любовь полковаго священника Апшеронскаго полка, который по требамъ церковнымъ часто обязанъ ѣздить въ Шамаху. Встрѣтитъ и проводитъ его, ведетъ за устцы лошадь по скользкому броду Тенги, и говоритъ: «Не благодари; я долженъ служить тебѣ, потому что ты мулла по сердцу, а я только по имени; потому что я тебя уважаю. Богъ единъ въ тысячахъ! Ступай!» Однажды слуга священника залѣнился и далеко отсталъ отъ него. Мулла-Нуръ, встрѣтивъ виноватаго на возвратѣ, далъ ему ременный выговоръ, приговаривая: «Не бросай господина въ такихъ мѣстахъ, гдѣ онъ можетъ пропасть безъ вѣсти и безъ помощи, отъ воды, и отъ камней, и отъ злыхъ людей!« Во время голода онъ бралъ рахтаръ зерномъ со всѣхъ вьюковъ съ пшеницей, перевозимыхъ изъ Ширвани, не потерпѣвшей отъ засухи, и раздавалъ ее по горнымъ деревнямъ самымъ бѣднымъ людямъ. Зато привязанность къ нему окрестныхъ жителей доселѣ устояла противъ денегъ и стра-

Digitized by Google

ия наказанія. Мулла-Нуръ вездѣ найдетъ пріютъ; извѣщенъ всегда въ пору, если на него готовится тайный наѣздъ, и обыкновенно всадники, посланные схватить его, возвращаются въ Кубу безъ успѣха и безъ подковъ, между-тѣмъ какъ удалой разбойникъ смѣется такой попыткѣ съ вершины какой-нибудь неприступной скалы. Впрочемъ неразъ доходило до бою; но Мулла-Нуръ, покровительствуемый мѣстностью, пробивался и уходилъ со своею шайкою, не безъ урона, зато безъ погони, потому что, гдѣ онъ проѣдетъ на конѣ, тамъ непривычному не проѣхать и на бѣсѣ. Съ полгода назадъ, вызвался поймать его Кубинскій плацъ-адъютантъ. Одинъ Кубинецъ, довѣренный Мулла-Нура, долженъ былъ указать домъ въ деревнѣ, въ которомъ ночевалъ онъ у родственника. На разсвѣтѣ, сотня лихихъ всадниковъ и есауловъ, приближались къ логовищу барса, – и онъ еще спалъ. Но часовой открылъ тревогу, и вмигъ ружье Мулла-Нура привѣтило наступающихъ. Онъ и его товарищи дрались какъ отчаянные; домъ, прислоненный къ скалѣ, давалъ къ тому всѣ выгоды. Офицеръ былъ раненъ, и разбойники, пользуясь минутнымъ замѣшательствомъ, ушли въ гору. Ловить ихъ въ ущельяхъ было бы всё равно, что ловить вѣтеръ въ полѣ. Экспедиція воротилась.

На другой день вечеромъ Мулла-Нуръ вошелъ въ комнату своего предателя, и молча сѣлъ у огня. Несчастный обомлѣлъ, узнавъ грозныя черты Горца. Уйти было нѣкуда: двери замкнулись дуломъ пистолета.

– Помнишъ ли, Багиръ, промолвилъ наконецъ Мулла-Нуръ, сколько передавалъ я тебѣ золота, сколько разъ избавлялъ отъ бѣды? Нето что ты въ довольствѣ живешъ, но и то что ты живъ – мое дѣло. Такъ-ли?

Голосъ замеръ на губахъ Багира.

– Впрочемъ, подлецъ бы я былъ еслибъ упрекнулъ тебя такими ничтожными дарами. Что такое жизнь,

Digitized by Google

что такое золото, если жизнь – горе, а золото – позоръ; если нельзя ихъ обоихъ истратить честно и весело? Но я спасъ твое доброе имя, Багиръ, я далъ тебѣ средство и впередъ сохранить его безъ укора. Скажи, правду я говорю или нѣтъ?

Багиръ упалъ на колѣна.

– И ты точно такъ же какъ теперь упалъ тогда передо мною на колѣна, призывалъ Бога въ свидѣтели своей благодарности; положилъ руку на святой Коранъ и клялся дружить мнѣ, неизмѣнять мнѣ!..... Было ли это, или я видѣлъ это во снѣ? Отвѣчай.

– Помилуй! восклицалъ Багиръ, ломая руки съ отчаянія.

– И ты безъ всякой нужды явился на торгъ, продавать мою голову; вѣсилъ въ одной горсти мою кровь, а въ другой за нее плату? Ты не знаешь расчету Багиръ: тебѣ выгоднѣе было продавать мнѣ Русскій порохъ чѣмъ Русскій свинецъ. Сколько обѣщали тебѣ за кровавое посредничество? Червонцевъ двадцать, тридцать?

– Десять, прошепталъ обвиненный.

– Только десять? Если меня оцѣнили не дороже, значитъ, что тебя цѣнили они въ настоящую цѣну, ни вочто. И ты получилъ уже плату и подарочки, *биръ доннухъ*, *биръ муштуллухъ*, за свой прекрасный поступокъ *?

– Нѣтъ; мнѣ обѣщано все, только въ такомъ случаѣ, когда я приведу тебя въ Кубу!

Глаза Мулла-Нура сверкнули гнѣвомъ. «Я въ Кубѣ», молвилъ, онъ вскакивая. «Ты заслужилъ свое золото; ты получишъ его сполна!»

* *Доннухъ*, жалованье, чѣмъ бы оно ни выдавалось. *Муштуллухъ*, отдарокъ за пріятную вѣсть, сукномъ, конемъ, оружіемъ.

Digitized by Google

Сосѣди нашли Багира застрѣленнаго червонцами въ самое сердце. Послѣ этой золотой казни, нѣтъ еще охотниковъ предавать Мулла-Нура, и онъ такъ же крѣпко какъ и прежде носитъ на плечахъ свою оцѣненную, преступную голову. Любопытство мое разыгралось.

– Желалъ бы я увидать этого звѣрка! сказалъ я.

– Это не такъ-то безопасно, возразилъ одинъ офицеръ.

– Это не такъ легко, промолвилъ другой. Я искалъ его нарочно. Звалъ, кликалъ, нѣтъ какъ нѣтъ!

– Это почти неизбѣжно, если вы поѣдете черезъ Тенгинское ущеліе: я вовсе не желалъ видѣть Мулла-Нура, и встрѣтилъ неожиданно, сказалъ мнѣ третій.

Поѣду черезъ Тенгинское ущеліе.

И вотъ передо мной *абаратъ*, на Русскомъ и Татарскомъ языкахъ.

«Чинить такому-то свободный пропускъ отъ Кубы до Шамаха, по дорогѣ лежащей черезъ Кунакенты; давать за указные прогоны столько-то коней подъ верхъ и, по мѣрѣ опасности, вооруженныхъ проводниковъ». Съ этимъ ковромъ-самолетомъ я какъ-разъ перемахну за хребетъ въ Ширвань. Комендантъ отговаривалъ меня ѣхать по ближней дорогѣ: «въ ущельяхъ вздулись рѣки, на хребтахъ не протаяли снѣга; опасностей кучи отъ многаго и отъ многихъ!» Причиной болѣе избрать эту дорогу! Довольно и того, что меня не пустили цѣликомъ по снѣжному хребту прямо въ Нуху, въ которой бы я очутился черезъ два дня, а я было подговорилъ ужъ и проводника, такого удальца, что полѣзетъ на дно моря и на спину облака, только бросьте туда червонецъ. «Полковникъ, сказалъ я коменданту: ваши раны доказываютъ, что вы не разбирали несомнѣнныхъ опасностей, такъ мнѣ стыдно было бъ думать о мнимыхъ.»

Digitized by Google

– Любезнѣйшій, возразилъ комендантъ: я раненъ на службѣ Царской, и если бы на этихъ хребтахъ росла какая-нибудь польза, я бы не только не удерживалъ, а самъ повелъ васъ туда. Но кому будетъ польза, смѣю спросить, если вы познакомитесь съ этими пропастями? кому?

– Поэзіи, отвѣчалъ я.

– Въ самомъ дѣлѣ? Виноватъ, я и забылъ-было, что вы принадлежите къ числу людей, которымъ заоблачныя страны принадлежатъ по праву, и которые могутъ ломать себѣ шеи самымъ живописнымъ образомъ. Ну, съ Богомъ! Я не мѣшаю. Только, право, сдѣлали бы вы гораздо благоразумнѣе, если бъ ѣздили на горы въ подражаніе вашихъ товарищей сочинителей, верхомъ на перѣ.

– За то и горы моихъ товарищей сочинителей походятъ на чердаки, полковникъ; а мнѣ хочется прочесть ихъ въ оригиналѣ. Много благодаренъ.

Печать приложена, и кони у крыльца. Прощай душа, Кубушка. Очень мила ты; но если тебѣ невздумается пожаловать ко мнѣ въ гости, – въ гости къ тебѣ я ужъ конечно не пріѣду.

АЛЕКСАНДРЪ МАРЛИНСКІЙ.

=

Digitized by Google

БѢДНАЯ СЕРАФИМА.

Вдовѣ убитаго во Франкфуртскомъ сраженіи полковника, долго томившейся съѣдающею болѣзнію, присовѣтовали исполнить долгъ христіанскій. Это было увѣдомленіемъ, что человѣческія пособія уже безсильны, и назначенный часъ наступаетъ. Страдалица, съ радостнымъ благоговѣніемъ, сказала: *Нынѣ отпущаеши, Владыко, рабу твою!*, и передъ совершеніемъ священнаго обряда велѣла призвать трехъ дочерей, Надежду, Вѣру и Любовь, изъ которыхъ старшей было только семнадцать лѣтъ.

«Дѣтушки! сказала она: срокъ мой пришелъ. Прощайте! Живите богобоязненно. Это уже не первое испытаніе будетъ вамъ, посланное отъ Господа. Въ дѣтствѣ лишились отца; а теперь, когда вамъ помощь и попеченіе родительское всего нужнѣе, вы лишаетесь и матери. Такова воля Божія! И горе, горе вамъ, дѣтушки, если вы вздумаете роптать на свою участь. Это будетъ тяжкій грѣхъ!.....

«Мое положеніе было во сто разъ хуже вашего. Вы молоды, воспитаны, имѣете порядочный достатокъ: это уже облегчаетъ сиротство. А я, овдовѣвши, была больна, безъ покровителей, безъ родственниковъ, съ тремя малолѣтными дѣтьми, которыя были мнѣ тогда тяжелымъ бременемъ. Обязанностей на мнѣ лежало много, силъ у меня было мало. Но я въ то же время подумала: ежели Господь послалъ мнѣ такое тяжкое горе, вѣрно было оно мнѣ расчитано по силамъ моимъ. Унывать грѣшно! Мой ангелъ-хранитель, по

Digitized by Google

велѣнію Отца Небеснаго, печется обо мнѣ. Буду просить его помощи!.....

«И просила я, дѣтушки! И ангелъ хранитель былъ моимъ помощникомъ. Вотъ вамъ мое предсмертное завѣщаніе: всякое горе въ жизни переносите терпѣливо. Въ трудныхъ случаяхъ прибѣгайте къ ангелу-хранителю: онъ всегда готовъ вамъ помогать. Онъ вамъ отыщетъ все, что для васъ нужно, и помощь человѣческую и крѣпость душевную. Уныніе — тяжкій грѣхъ, дѣтушки! Радуйтесь о скорбяхъ вашихъ, *яко-же отъ Бога ниспосланныхъ!*.... Теперь примите мое послѣднее материнское благословеніе.....»

Когда почтенная вдова была предана землѣ, старшая изъ трехъ осиротѣвшихъ дѣвицъ сказала: «Сестрицы голубушки! начнемъ исполнять завѣщаніе родимой матушки. Перестанемъ плакать и горевать, а будемъ усердно Богу молиться объ успокоеніи ея душеньки и о призрѣніи насъ сироть. А между-тѣмъ дадимъ себѣ слово, сестрицы: гдѣ бы мы ни были, вмѣстѣ ли, врозь ли, всякое горе намъ дѣлить; и которая изъ насъ будетъ въ бѣдѣ, той общими силами помогать.»

И три дѣвицы, Надежда, Вѣра и Любовь, заключили такой союзъ сестеръ.

Въ непродолжительномъ времени всѣ онѣ вышли замужъ.

Старшая, Надежда Михайловна, въ супружествѣ своемъ нашла одно горе, которое впрочемъ облегчилось раннимъ ея вдовствомъ; облегчилось, какъ страданіе тѣлесное отъятіемъ больнаго члена. Надежда Михайловна отреклась отъ вторичнаго супружества, и поселилась въ своей Новгородской отчинѣ, близъ Тихвина, гдѣ въ женскомъ монастырѣ проживала ея родная тетка и единственная родственница по матери.

Вторая сестра, Вѣра Михайловна, по выходѣ въ замужство, жила въ Москвѣ.

Digitized by Google

Меньшая, Любовь Михайловна, послѣ вдовства старшей сестры, вышла за человѣка, который страстно любилъ ее и котораго она любила. Вначалѣ, ея супружество было самое счастливое. Но во время беременности она была сильно испугана. Это разстроило ея здоровье. Она умерла, родивши дочь кривую лѣвымъ глазомъ.

«Видно всему нашему роду опредѣлено горе! писала Вѣра Михайловна къ старшей сестрѣ.

«Грѣшишь, сестра!» отвѣчала Надежда Михайловна. «Не то намъ покойница матушка завѣщала.»

Мужъ Любови Михайловны, до брака своего, былъ несчастливъ: неудовлетворенное честолюбіе терзало его какъ мучительная болѣзнь. Любовь, – безъ всякой игры словъ, – любовь, облегчила на-время его страданіе. Но когда обожаемая супруга такъ бѣдственно погибла въ цвѣтѣ лѣтъ, отчаяніе имъ овладѣло снова. Онъ началъ проклинать свою судьбу, сдѣлался нелюдимомъ болѣе прежняго, и не хотѣлъ видѣть дочери, которая, къ довершенію его бѣдствій, была поражена такимъ отвратительнымъ безобразіемъ.

– Что это наша бѣдная Серафима? говорила Надежда Михайловна. Сестра пишетъ объ ней, что она уродъ, страшно глядѣть, а сумасшедшій отецъ и видѣть ее не можетъ. Посмотрѣть было мнѣ!

И Надежда Михайловна отправилась въ путь.

– Да это ангелъ! съ умиленіемъ сказала Надежда Михайловна кормилицѣ, показавшей ей спящаго младенца.

– Такъ, матушка! отвѣчала кормилица, когда почиваетъ. А то глазочикъ-то у нея больно нехорошъ!

– Долженъ быть очень нехорошъ, если это говоритъ кормилица!

Надежда Михайловна испугалась, когда младенецъ проснулся. Лѣвый глазъ до половины былъ закрытъ красною, какъ-будто окровавленною, плевою, изъ

Digitized by Google

подъ которой выказывалось, что-то тускло-бѣлое, безъ зрачка..... О бѣдная Серафимочка!

– Сиротка ты моя! говорила Надежда Михайловна, взявши на руки дитя и обливаясь слезами: глядя на тебя, согрѣшишь и спросишь у Отца Небеснаго, за что Онъ такъ жестоко тебя наказалъ?..... Однако покойная матушка правду говорила: уныніе – тяжкій грѣхъ! Почему знать, бѣдная Серафима? можетъ-быть ты будешь самая счастливая изъ всего нашего бѣдствующаго рода.....

Она увезла несчастную дѣвушку въ свою деревню, чему отецъ ни сколько не сопротивлялся. Года два спустя онъ умеръ, назначивши Надежду Михайловну опекуншею своей дочери.

– Если она постигнута такимъ несчастіемъ при самомъ рожденіи, нѣтъ ни какого сомнѣнія, что Богъ готовитъ ей въ замѣнъ долю счастія. И эта мысль не даромъ родилась въ моей головѣ. Кто знаетъ? можетъ-быть, Господь избралъ меня для услажденія жизни этой несчастной, у которой есть также свой ангелъ-хранитель. Его я буду молить усердно за нее. Его – научу ее молить. Пусть онъ будетъ ея надеждою и подпорою. А я заступлю ей мѣсто матери. Здѣсь, въ уединеніи, въ глуши, она будетъ неизвѣстна свѣту; стало, и добрая половина ея несчастія не будетъ ей извѣстна. Въ деревнѣ на тѣлесное безобразіе мало смотрятъ: здѣсь она можетъ быть счастлива!

– И, вѣдомо, дитятко! отвѣчала тетушка Клавдія Николаевна. Ни она для большаго свѣта, ни большой свѣтъ для нея, не годится. Держи ее у себя хорошенько, люби ее, и она будетъ счастлива въ дѣтствѣ своемъ. А между-тѣмъ, вози ее почаще къ намъ, въ монастырь. Когда придутъ ея зрѣлыя лѣта, она сама увидитъ, что Царица Небесная готовитъ ей здѣсь вѣрный и спокойный пріютъ, въ которомъ тѣмъ и

Digitized by Google

бываютъ счастливы, что не знаютъ суетъ большаго свѣта.

Я сказалъ, что Надежда Михайловна овдовѣла въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ. Будучи отъ природы одарена характеромъ рѣшительнымъ, нѣсколько скорымъ, наклоннымъ къ дѣятельности и веселости, она живо чувствовала горести, но легко въ нихъ утѣшалась. Время и нѣжныя попеченія о маленькой Серафимѣ начинали излечивать ея сердечныя раны. Съ малюткою она была уже не одна, и раннее вдовство менѣе тяготило ее. Уединеніе и, такъ сказать, затворничество, начали ей казаться не совсѣмъ приличными ея молодости, званію, блестящему воспитанію и достатку. Надежда Михайловна, подъ разными предлогами, стала выѣзжать въ Петербургъ, гдѣ посѣщала и театры и гулянья и общества, и возвращалась въ деревню болѣе и болѣе съ свѣтскимъ расположеніемъ. На время своего отсутствія, отвозила она малютку Серафиму въ монастырь, къ своей теткѣ, а ея бабушкѣ, Клавдіи Николаевнѣ.

Если бы младенчество было способно чувствовать счастіе, бѣдная Серафима могла бъ назваться блаженнымъ ребенкомъ. Тетушка, бабушка, всѣ домашніе и знакомые, любили ее безъ ума. Къ безобразію ея скоро привыкли. Что я говорю – къ безобразію? Всѣ восхищались ея красотою, потому что Серафимочка была прелестнѣйшее дитя. Несчастный глазокъ закрывался повязкою, а оставалось наружѣ одно ангельское личико. Даже строгая бабушка, равнодушная ко всему земному, «заглядывалась» на милое дитя. А добрыя монахини обожали Серафимочку, ласкали ее, нянчили, дарили и говорили: Это будетъ наша! Одна бѣлица сшила ей повязочку изъ цвѣтной ленты, украшенную блестками и шелками. О, какая была радость малютки, когда на нее надѣли эту драгоцѣнность! Она громко смѣялась, каждому встрѣтивше-

Digitized by Google

муся указывала на завязанный глазъ, и хвастливо кричала:

— А!..... А!.....

— Славно! Прекрасно! отвѣчали ей. Ахъ, какъ хорошо!

Когда, по возвращеніи изъ Петербурга, тетенька Надежда Михайловна увидѣла свою милую малютку съ такимъ неожиданнымъ украшеніемъ, она расхохоталась, и эта выдумка добрыхъ инокинь такъ ей понравилась, что она заказала имъ нѣсколько подобныхъ повязокъ, разныхъ фасоновъ. Это было праздничнымъ нарядомъ для малютки, и когда она начала подростать, ее пріучили саму выбирать ту изъ повязокъ, которую она была намѣрена надѣть. Она такъ къ этому привыкла, что, можетъ-быть, съ сожалѣніемъ глядѣла на здоровые глаза, ненуждающіеся въ такихъ красивыхъ прикрытіяхъ. Бѣдная Серафимочка!

Тетенька Надежда Михайловна расчитала, что къ такимъ прелестнымъ повязочкамъ не худо сдѣлать и праздничное платьице. И велѣла тетенька Надежда Михайловна сшить своей Серафимочкѣ цвѣтное атласное фурò, разукрашенное лентами. И, хотя малюткѣ не такъ ловко было бѣгать и рѣзвиться въ этомъ нарядѣ, однако всѣ говорили, что она очень хороша въ атласномъ фурò. И дворовыя дѣвушки безпрестанно повторяли, своимъ Новгородскимъ выговоромъ на *о*: Глядитьо, какая наша боярышня-то *гожая!*»

Мало-по-малу Серафимочка начала привыкать къ нарядамъ, а тетенька выучила ее присѣдать по модѣ и подарила ей маленькое опахало, которое малютка должна была раскрывать и вертѣть въ рукахъ съ особенною граціею, какъ вертятъ знатныя дамы. Во всѣхъ этихъ пріемахъ Серафимочка удивительно успѣвала. Не мудрено, что, видя такія способности, тетенька стала ей показывать менуэтъ, который для нея

Digitized by Google

сама наигрывала на клавицинѣ. Потомъ, чтобы лучше пріучить къ кадансу, тетенька начала ее учить разыгрывать на инструментѣ.

– Ахъ, Надинька Богъ съ тобою, что ты это затѣваешь? Къ чему ты пріучаешь ребенка? Начто ей всѣ эти наряды и танцы?

– Ахъ, тетушка, сокровище мое, вѣдь надобно же чѣмъ нибудь ее утѣшить! Пусть она воображаетъ себѣ, что она лучше другихъ. Придетъ время – узнаетъ свое горе, и тогда вдоволь объ немъ натоскуется.

Однажды Надежда Михайловна привезла съ собою изъ Петербурга пожилую женщину, которая очень плохо говорила по-Русски. Оказалось, что это Француженка. Надежда Михайловна взяла ее къ себѣ по контракту, на три года, съ ежегодною платою по тысячѣ рублей. Тутъ весь округъ всполошился. Что это значитъ? Зачѣмъ залетѣла въ нашу сторону эта бусурманка? И шутка ли? Тысячу рублей христіанскихъ денегъ себѣ беретъ! За что? На все это Надежда Михайловна отвѣчала, что она Француженка, очень умная и воспитанная, долго жила въ лучшихъ домахъ въ Петербургѣ, и что теперь она взяла ее, себѣ для компаніи, а Серафимочкѣ для надзора. Всѣ затыкали уши отъ такихъ нечестивыхъ рѣчей, а Клавдія Николаевна прогнѣвалась и стала выговаривать племянницѣ: «Побойся ты Бога, Надежда Михайловна! Что ты это затѣваешь? Куда ты прочишь несчастную сироту? Самъ Господь ей опредѣлилъ житье смиренное и уединенное, а ты дѣлаешь изъ нея куклу большаго свѣта, и отдашь ее на руки иноземкѣ, которая..... прости Господи и сохрани Царица Небесная!..... и отъ Русскаго-то языка ее отучитъ!.....»

– Ахъ, моя безцѣнная! съ жалобнымъ видомъ отвѣчала Надежда Михайловна: неужели вы хотите, чтобы эта бѣдная сиротка, и безъ того обиженная судь-

Digitized by Google

бою, была еще лишена того, что ей и по рожденію и по состоянію слѣдуетъ? Какъ можно оставить ее безъ воспитанія, безъ ученія? Что она уродлива тѣломъ въ этомъ ей винить нѣкого: такою Богъ ее создалъ! А будетъ она уродлива разумомъ, увидитъ она другихъ..... да чего другихъ?..... увидитъ своихъ двоюродныхъ сестеръ, свою тетку, и, даже не выѣзжая отсюда, замѣтитъ, что я сама говорю по Французски, читаю Французскія книги, знаю музыку, — неужели вы думаете, что она этому не позавидуетъ, и нестанетъ меня упрекать въ душѣ за такое упущеніе въ ея воспитаніи? Нѣтъ, тетушка! нѣтъ голубушка! я такого грѣха на себя не возьму!..... И добро бы не изъ чего было! А то, благодаря Бога.....

Клавдія Николаевна проворчала:

— А если она будетъ тебя упрекать за то, что ты ее къ соблазну и къ роскоши пріучила, тогда пеняй на себя! Впрочемъ, какъ хочешь. Вѣдь ты опекунша. Тебѣ отецъ ее отдалъ.

Такимъ-то образомъ Серафима получила самое тщательное воспитаніе, а мадамъ Леонаръ, умная и образованная Француженка, позаботилась, чтобы ея питомица знала всѣ приличія большаго свѣта, была развязна, ловка и, что называется, умѣла себя держать въ хорошемъ обществѣ. И хотя это искусство преподавалось ей, такъ сказать, заочно, однако Серафима воспользовалась уроками своей наставницы. Мадамъ Леонаръ увѣряла, что ея воспитанница кланяется съ такимъ же величіемъ и съ такою же граціею, какъ знаменитая актриса Клеронъ, которая въ этомъ искусствѣ перещеголяла знатнѣйшихъ дамъ. Можно было повѣрить мадамъ Леонаръ.

А глазъ? несчастный глазъ? Объ немъ и помину не было; да едва-ли не было включено въ контрактъ мадамъ Леонаръ, два раза возобновленный, такого пунк-

Digitized by Google

та, что гувернантка обязуется не говорить объ ужасномъ глазѣ.

Вѣра Михайловна Пронская, постоянно жившая въ Москвѣ, давно невидалась съ сестрицею Надеждою Михайловною, съ которою однако исправно переписывалась: въ одномъ письмѣ начала приглашать ее къ себѣ, вмѣстѣ съ Серафимочкою, которую видѣла только въ колыбели. Для удобнѣйшаго свиданія, Вѣра Михайловна переѣхала на цѣлое лѣто въ свою Ярославскую отчину. Туда отправилась и Надежда Михайловна, съ шестнадцати лѣтнею Серафимою, которая горѣла нетерпѣніемъ познакомиться съ тетенькою и съ кузинами.

Кромѣ дочерей своихъ, Вѣра Михайловна привезла въ деревню, племянницъ мужа, компаньонокъ, мамзелей, такъ, что составилась женская компанія особъ въ пятнадцать. Мужчинъ было немного. Все это общество любопытствовало видѣть бѣдную Серафиму, которую знали только по отзывамъ и по ея прекраснымъ письмамъ. Вѣра Михайловна строго наказала всѣмъ своимъ не говорить ни слова о несчастномъ глазѣ. – Это, де, было бы не по-христіански. Когда пріѣхала ожиданная Серафима, и провели съ нею часъ времени, строгій наказъ Вѣры Михайловны оказался ненужнымъ: всѣ позабыли о глазѣ бѣдной дѣвушки, такъ, что во все время ея пребыванія, никто неполюбопытствовалъ увидѣть ее безъ повязки. Серафима очаровала своею любезностью и милымъ характеромъ. Двоюродные братцы и сестрицы полюбили ее отъ души, и заставили своего рисовальнаго учителя списать съ нея портретъ въ профиль. Наконецъ ближайшія и дальнѣйшія кузины, всѣ компаньонки, всѣ мамзели, и даже горничныя, рѣшились просить Надежду Михайловну, привезти къ нимъ Серафиму, зимою въ Москву. У тетеньки ушки засмѣялись отъ радости: вотъ какъ всѣ полюбили ея ненаглядную сиротку!

Digitized by Google

Однако она, ничего не обѣщая, сказала, что переговоритъ объ этомъ съ Вѣрою Михайловною.

Обѣ сестры спали вмѣстѣ, и каждый вечеръ, лежа въ постели, при свѣтѣ лампады предъ образами по-крайней-мѣрѣ часъ проводили въ разговорахъ о своихъ дѣлахъ, заботахъ, воспоминаніяхъ, надеждахъ и тому подобномъ. Въ такое время объявила Надежда Михайловна о всеобщей просьбѣ касательно Серафимы, и Вѣра Михайловна сказала, что она и сама о томъ же хотѣла просить. Тутъ старшая сестрица тяжко вздохнула.

– Въ первый разъ въ жизни, я узнаю нерѣшимость и беретъ меня раздумье.

– Раздумье! О чемъ?

– На счетъ твоего приглашенія. Повѣришь ли, я боюсь везти въ Москву мою бѣдную Серафиму?

– Ахъ, Боже мой! Отчего?

– Послушай, Вѣрушка. Когда я хорошенько подумаю, я усматриваю то, чего прежде никакъ не видала. Жизнь этой бѣдняжки, всѣ эти ласки, любовь, счастіе, которыми ее окружили, все это было нѣчто что какъ обманъ!

– Я тебя непонимаю!

– Ей минуло шестнадцать лѣтъ, и до-сихъ-поръ отъ нея скрывали, что она уродъ!

– Помилуй, Наденька! Что съ тобою? Какой же она уродъ? Она прелестная дѣвушка, настоящая красавица. А что она крива, это сама она знаетъ, и нечего отъ нея скрывать.

– Вѣрушка, ты не хочешь меня понять! Видѣла ли ты ея страшный глазъ?

– Видѣла, при ея рожденіи. А теперь и видѣть нехочу. Онъ такъ хорошо закрытъ повязкою.....

– Да, повязкою! Эта повязка отъ нея самой скрывала ея несчастіе. До сихъ-поръ, изъ состраданія, никто ей не говорилъ, что она между людьми не что

иное какъ уродъ, жалкое существо, обиженное природою; а сама она этого не замѣчаетъ. Она такъ привыкла къ своей повязкѣ, что почитаетъ ее какимъ-то украшеніемъ! Въ кругу родныхъ и друзей можно было поддерживать это заблужденіе, а въ Москвѣ, въ большомъ свѣтѣ..... на нее станутъ пальцами указывать, и тогда-то узнаетъ она вполнѣ свое горе.

— И, Наденька, Богъ съ тобою! Что у тебя за мысли! Въ Москвѣ станутъ на нее указывать пальцами! Да кто же смѣетъ это сдѣлать? Сверхъ-того, развѣ мало въ Москвѣ кривыхъ? Что онѣ тамъ за невидальщина? Скажи лучше, что въ деревнѣ, у тебя, Серафимочка одна такая несчастная, а въ Москвѣ..... всѣ кривы, и никто этого не замѣчаетъ!

— А замѣтила ли ты, что она охотница наряжаться?

— Такъ что же? Тѣмъ лучше.

— Вѣрно тебѣ показалась довольно странною ея повязка на глазу, разукрашенная какъ фонтанжъ!

— Что же за бѣда?

— Въ Москвѣ это покажется смѣшнымъ. Я должна буду надѣть на нее черную тафтяную повязку. Вотъ уже первое огорченіе.....

— Ахъ, Наденька, что ты это говоришь? Почему покажется смѣшнымъ? Недавно княгиня Лелева оцарапала себѣ щеку, и наклеивала на больное мѣсто цвѣтокъ изъ зеленой тафты: никому же не показалось ни страннымъ, ни смѣшнымъ. Гораздо смѣшнѣе то, что ты такъ заботишься объ этихъ мелочахъ. Постой же, я утѣшу тебя. Какъ-только пріѣду въ Москву, закажу для Серафимочки золотую цѣпочку съ шатономъ, который закроетъ ей глазъ. А цѣпочка, спустится отъ прически къ лѣвому виску. Посмотри какъ это будетъ хорошо!

Несмотря на утѣшительныя обѣщанія, сердце Надежды Михайловны болѣзненно трепетало при одной мысли о поѣздкѣ въ Москву. Она сама не могла по-

Digitized by Google

нять причины такого страха. А Серафимочка была въ восхищеніи! До-сихъ-поръ она видѣла только Тихвинъ, Бѣлозерскъ и Устюжну: теперь увидитъ бѣлокаменную, златоглавую Москву, о которой и въ сказкахъ разсказывается и въ пѣсняхъ поется!

Зимою, въ древней столицѣ, къ одному извѣстному столяру заѣхалъ недавно прибывшій въ отпускъ конной гвардіи секундъ-ротмистръ князь Ліодоровъ съ двумя пріятелями. Всѣ трое были очень веселы, и на перебивку разговаривали по-Французски, вѣроятно о чемъ-нибудь очень смѣшномъ, потому что безпрестанно хохотали. Между-тѣмъ столяръ, степенный Нѣмецъ, держа въ рукахъ колпакъ, почтительно дожидался, когда угодно будетъ ихъ милости объявить причину своего посѣщенія. Наконецъ князь Ліодоровъ, оборотившись къ слугѣ, взялъ у него большой портретъ, и, показывая хозяину, сказалъ по Нѣмецки: «Вотъ, надобно сдѣлать богатую рамку на этотъ портретъ!» Столяръ повелъ ихъ въ другую комнату, гдѣ было нѣсколько портретовъ въ новыхъ рамкахъ, и просилъ выбрать на фасонъ. Веселая компанія, перебирая портреты, болѣе обращала вниманія на изображенныя лица нежели на рамки. Это — всѣмъ извѣстный князь Сергій, большой чтитель Нѣмцовъ за то что Нѣмецкой работы башмаки никогда не жмутъ ему ногъ. Вотъ онъ! вотъ его важная физіономія и звѣзда..... А это?..... это почтенная Прасковья Анисимовна, которая своего противника по тяжебному дѣлу хотѣла прибить по щекамъ при первой встрѣчѣ, и такимъ милостивымъ обѣщаніемъ, заставила его отказаться отъ иска. Молодецъ барыня!..... А это кто?

Весельчаки перестали смѣяться, и съ особеннымъ вниманіемъ стали разглядывать потретъ въ профиль прелестной молодой особы. «Кто это?» спросили они у хозяина. Тотъ отвѣчалъ, что не знаетъ ни чей портретъ, ни кому онъ принадлежитъ, потому что при-

Digitized by Google

несшій только заказалъ рамку и обѣщалъ самъ заѣхать надняхъ. Князь Ліодоровъ упросилъ Нѣмца непремѣнно развѣдать чей это портретъ. Между-тѣмъ три пріятеля не сводили глазъ съ прелестнаго изображенія.

– Довольно странно! сказалъ одинъ: портреты въ профиль обыкновенно пишутся направо, а этотъ глядитъ налѣво.

– Такъ вздумалось живописцу.

– Нѣтъ! Я подозрѣваю другое. Если это не вымыселъ художника, а точно портретъ, вѣроятно у красавицы есть какой-нибудь недостатокъ съ лѣвой стороны. Можетъ-быть, большая бородавка на щекѣ или родимое пятно, что-нибудь такое.

– Вотъ прекрасно! И все это, потому что портретъ написанъ налѣво?

– Кромѣ того! Безъ какого-нибудь недостатка это была бы совершеннѣйшая, почти нечеловѣческая, красота. Посмотрите, какія удивительныя черты! Да сама Греческая Елена, со всею Троянскою осадою, негодится ей въ служанки! Нѣтъ, природа не такъ щедра. Тутъ что-нибудь есть.

– Будь на этой красавицѣ дюжина бородавокъ, я готовъ въ нее влюбиться.

– Князь!..... А? Вѣдь прелесть!

Князь Ліодоровъ, не говорившій ни слова, тяжело вздохнулъ и сказалъ только – да! Потомъ, какъ-будто очнувшись, онъ сталъ непремѣнно требовать отъ Нѣмца, чтобы тотъ узналъ, чей это портретъ. Столяръ повторилъ обѣщаніе развѣдать, какъ только за нимъ пріѣдутъ.

Трое пріятелей ѣхали, и князь Ліодоровъ, котораго веселость вдругъ какъ-будто подкосилась, нашелъ предлогъ освободиться отъ своихъ товарищей, и отправился домой, гдѣ цѣлый день провелъ одинъ, въ размышленіи о прелестномъ портретѣ. «Чортъ возь-

Digitized by Google

ми, думалъ онъ, я влюбился не на шутку..... въ портретъ! Что же? Не я первый, не я и послѣдній. Полно портретъ ли это?..... Портретъ, безъ всякаго сомнѣнія; можетъ-быть старинный, такой особы, которая мнѣ въ бабушки годится..... Нѣтъ, живопись свѣжа, и прическа нынѣшняя..... Эта красавица должна быть не бѣднаго состоянія, если судить по рамкѣ, а по благородству лица, по плѣнительному величію физіономіи, она не менѣе какъ принцесса. Впрочемъ, почему знать: можетъ-быть Модестъ и правду сказалъ, что она хороша только съ правой стороны; можетъ-быть еще, она ряба какъ кукушка; вѣдь рябины не изображаются на портретахъ. Все это было бы хорошимъ антидотомъ для влюбчивыхъ. Ай, чортъ возьми, портретъ, портретъ! изъ ума нейдетъ.....»

Вечеромъ князь Ліодоровъ поѣхалъ въ театръ, и во всѣхъ женскихъ лицахъ искалъ подлинника этого портрета. На другой день послалъ онъ къ столяру узнать, взяли ли портретъ. Нѣтъ еще! И онъ поѣхалъ къ столяру любоваться на портретъ. Наконецъ портретъ увезли и, – о бѣда! – Нѣмца не было дома, когда его взяли. За такую вѣсть, князь Ліодоровъ лично по-Нѣмецки пожелалъ столяру, чтобы его чортъ взялъ. Этого мало. Въ теченіе двухъ недѣль онъ объѣздилъ всю Москву, обходилъ всѣ лавки, бывалъ во всѣхъ собраніяхъ, вездѣ гдѣ только можно видѣть публику, и нигдѣ не встрѣтилъ своей красавицы. Серафима еще не пріѣзжала въ столицу.

Мало-по-малу, Ліодоровъ отрезвился и самъ, шутя, сталъ разсказывать о внезапномъ дѣйствіи, которое произвелъ надъ нимъ таинственный портретъ. Изъ обширнаго круга его знакомыхъ никто не могъ вспомнить, чтобы гдѣ-нибудь видѣлъ этотъ потретъ. И не мудрено: онъ еще не былъ повѣшенъ на стѣнѣ, въ домѣ Пронскаго.

Digitized by Google

Николай Ѳедотовичъ Пронскій – мужъ Вѣры Михайловны. Князь Ліодоровъ съ нимъ знакомъ, и даже у нихъ затѣвается маленькая сдѣлка, насчетъ пустоши, лѣсу, чего-то такого; потому что они сосѣди по деревнямъ. Князь Ліодоровъ уже былъ раза два у Николая Ѳедотовича: онъ живетъ въ собственномъ домѣ, въ Красномъ Селѣ. Далеко! Въ ту сторону мимоѣздомъ не завернешь! Однако князь Ліодоровъ и нарочно съѣздитъ: ему нужно побывать у Николая Ѳедотовича.

Какъ-то передъ святками, князь Ліодоровъ обѣдалъ въ Басманной. Часа въ четыре, когда уже смерклось, заѣхалъ онъ по сосѣдству къ Пронскому. Пронскій, который, только-что всталъ отъ по-полуденнаго отдыха, принялъ его въ своемъ кабинетѣ и, ведя къ широкому канапе, заставилъ встрѣтиться глазами съ знакомымъ портретомъ. Начали разговаривать о неважныхъ предметахъ. Николай Ѳедотовичъ доводилъ рѣчь до писцовыхъ книгъ и межевыхъ плановъ, но князь безпрестанно заворачивалъ голову къ стѣнѣ, и прервалъ его вопросомъ:

– Позвольте узнать, Николай Ѳедотовичъ, чей это портретъ? Не очень давно я видѣлъ его у столяра.

– А!..... этотъ? Серафимы Александровны Онигиной. Родной племянницы моей жены. Молодая дѣвушка, сирота. Впрочемъ, состояніе хорошее.

– Она..... здѣсь, въ Москвѣ?

– Недавно пріѣхала съ своею теткою и опекуншею.

Развѣдавши сколько нужно, Ліодоровъ захотѣлъ поправить нескромность своихъ распросовъ.

– Этотъ портретъ удивилъ меня и моихъ знакомыхъ тѣмъ, что, противъ обыкновенія, написанъ въ лѣвую сторону.

– Да! На это есть причина..... Бѣдняжка находится..... въ несчастіи. Да неугодно ли пожаловать въ

Digitized by Google

гостиную? Мои дѣвицы всѣ тамъ должны быть и жена сейчасъ пріѣдетъ.

Въ столовой услышали они звуки музыки и пѣнія.

– Ну, такъ! сказалъ Пронской: это ихъ любимое занятіе. И вѣрно Серафима поетъ.

– Ахъ, Николай Ѳедотовичъ, мы имъ помѣшаемъ! А мнѣ хотѣлось бы послушать.....

– А вотъ мы полегоньку подкрадемся.

Они вошли въ первую гостиную какъ-можно тише, и стали около дверей, такъ, что могли въ зеркало видѣть все происходившее въ другой комнатѣ. За фортепіяно сидѣла прелестная дѣвушка, въ бѣломъ неглижѐ, завязанномъ на шеѣ голубою лентою. Это она! Точно въ этомъ нарядѣ и изображена на портретѣ. Вокругъ нея сидѣли пять или шесть молодыхъ дѣвицъ. Красавица пѣла Русскую пѣсню, «Бѣлолица, круглолица, красная дѣвица», и каждый стихъ, по обыкновенію, повторялся хоромъ. Прелестный, нѣсколько меланхолическій напѣвъ, чистота, звучность голоса Серафимы, и согласное пѣніе ея подругъ, все это пробудило въ молодомъ князѣ романическое расположеніе духа. Или комната была слабо освѣщена, или пѣнье слишкомъ увлекло вниманіе Ліодорова, только онъ не могъ порядочно разглядѣть, что̀ значила голубая полоса на лицѣ Серафимы. Пѣсня была допѣта.

– Ну, еще! сказалъ Николай Ѳедотовичъ.

– Ахъ!..... Охъ!.....

– Не пугайтесь! Я привезъ новаго гостя!

И началъ поочередно рекомендовать своихъ дочерей и племянницъ.

Такъ вотъ она! Вотъ подлинникъ прекраснаго портрета. Этотъ завязанный глазъ, неясное упоминаніе Пронскаго объ ея несчастіи, и особенное положеніе, выбранное живописцемъ.....Нѣтъ сомнѣнія! Бѣдняж-

Digitized by Google

ка крива, а Модестъ правъ: природа не щедра на совершенную красоту!

Въ этомъ пріятномъ обществѣ князь Ліодоровъ провелъ болѣе часа, и какъ ловкій гвардеецъ, мастерски умѣлъ занять молодыхъ красавицъ. Дочери Пронскаго были очень миловидны. Только вниманіе Ліодорова было исключительно устремлено на Серафиму. Онъ искусно вглядывался въ ея черты, замѣчалъ улыбку и движенія, прислушивался къ произношенію, словомъ, заставилъ Серафиму выдержать порядочный экзаменъ въ красотѣ, граціи и ловкости. Чего онъ хотѣлъ? Это едва ли было извѣстно ему самому. Можетъ-быть онъ, самъ того не замѣчая, желалъ узнать насколько природа оказала себя злою мачихою и насколько доброю матерью бѣдной Серафимы.

Онъ разсказалъ товарищамъ о своемъ открытіи; разсказалъ съ торжественнымъ видомъ человѣка, который не боится сдѣлаться плѣнникомъ красоты, и даже безнадежнымъ любовникомъ. Нѣтъ, кривой глазъ «весьма значительное притупленіе стрѣламъ купидона учинилъ». А впрочемъ Ліодоровъ объявилъ, слогомъ того времени, что Серафима, *преизрядная и немало интересная дѣвица.*

Между-тѣмъ, по такому же старинному слогу, Серафима въ Москвѣ, «какъ сыръ въ маслѣ каталась». Всякій день былъ для нея праздникомъ. Разъѣзды, визиты, театръ, наряды и приглашенія. А ласки милыхъ родственниковъ и всѣхъ ихъ знакомыхъ? А разумная привѣтливость почтеннѣйшихъ особъ въ столицѣ? И въ добавокъ ко всему, вѣжливость, угодливость и особенное вниманіе князя Ліодорова, гвардіи секундъ-ротмистра, кавалера и молодаго человѣка; знатнаго, богатаго, отлично образованнаго, замѣтнаго едвали не болѣе всѣхъ своихъ сверстниковъ въ Московскомъ обществѣ, и прочая, и прочая. Сколько радостей, сколько безвредныхъ удовольствій вдругъ!

Digitized by Google

Не мало этому способствовали и весёлые пріятели Людорова, которые любопытствовали узнать «презрядную» Серафиму, такъ заманившую ихъ своимъ портретомъ. И когда они увидѣли ее, когда еще изъ разсказовъ своего товарища получили понятіе объ ея умѣ, образованности, любезности, они тоже сдѣлали ее предметомъ своихъ вседневныхъ и ежемѣстныхъ разсказовъ, дотого что вся Москва захотѣла увидѣть «*интересную кривушу*», — такъ ее называли. Это было торжествомъ, и для матушекъ, и для дочекъ неслишкомъ благовидныхъ: они могли чистосердечно сожалѣть о прелестной дѣвушкѣ, такъ жестоко обезображенной, и слѣдовательно не опасной ни въ какомъ отношеніи. Въ нѣсколько дней, во всей Москвѣ вошло въ моду ласкать бѣдную Серафиму: это называлось дѣломъ человѣколюбивымъ и самымъ христіанскимъ.

Еще за двѣ недѣли было получено приглашеніе на одинъ великолѣпный балъ. Въ первый разъ въ жизни должна была Серафима явиться въ такомъ кругу, гдѣ люди отличаются отъ людей не умомъ, не познаніями, не качествами души, даже не добродѣтелями, даже не лошадьми и не собаками, а ловкостью тѣла, пріятнымъ пустословіемъ и нарядомъ. Надобно было приготовиться, и Серафима взяла нѣсколько уроковъ въ танцованіи у славнаго въ то время танцмейстера Меранвиля, который торжественно объявилъ, что она, можетъ «*съ честью* показаться при любомъ Европейскомъ дворѣ». Знаменитая уборщица, мадамъ Роже, дѣлала бальное платье и сама завѣдывала пробою полнаго костюма. Мадамъ Роже рѣшила, что Серафима имѣетъ рѣдкія способности для таулета. Какъ все это весело!

Двоюродныя сестрицы не могли налюбоваться на милую дѣвушку.

— Ахъ, Серафимочка, сказала одна: какъ ты хороша! Если бы не этотъ несчастный глазъ.....

Digitized by Google

– Такъ что же глазъ? съ простодушнымъ удивленіемъ спросила Серафима. Вѣдь его не будетъ видно.

И точно, глазъ былъ закрытъ богатою цѣпочкою съ эмалью.

Мы сказали, что на балѣ люди отличаются отъ людей пустословіемъ. Это называется – разговоръ. Нуженъ разговоръ, особенный, исключительно бальный, отличающійся отъ другихъ разговоровъ какъ щебетаніе ласточки отъ пѣсней жаворонка. Его можно взять на прокатъ у пріятелей, то есть, должно научиться ему въ свѣтѣ, а Серафима въ свѣтѣ, еще новорожденная. Но мадамъ Леонаръ, также прибывшая въ Москву, тайкомъ помогла всему горю. Каждый вечеръ, на-единѣ, она повторяла Серафимѣ все, что могутъ сказать на балѣ ей, молодой, новопріѣзжей, провинціялкѣ, и научила ее отвѣчать безъ застѣнчивости и безъ смѣшной вольности, безъ промаховъ и безъ показанія ребяческаго удивленія. Такимъ образомъ приготовленная, наряженная, причесанная, Серафима явилась на балѣ, гдѣ всѣ любопытствовали видѣть кривую красавицу.

Тутъ былъ и князь Ліодоровъ съ товарищами. Онъ бралъ на себя видъ какъ-будто покровителя Серафимы, потому что онъ первый открылъ это замѣчательное явленіе на Московскомъ горизонтѣ. Такъ уже прежде было объявлено имъ и товарищами. По этой причинѣ, не только безъ обиды другимъ красавицамъ, но даже съ общаго ихъ одобренія, онъ исключительно занимался Серафимою и, при помощи своихъ пріятелей, дѣлалъ изъ нея какъ-бы царицу бала. Бѣдная, неопытная дѣвушка была очарована такимъ предпочтеніемъ. Вдругъ подошелъ къ ней главноначальствующій надъ первопрестольнымъ градомъ, старецъ украшенный заслугами и почестями. Онъ зналъ ея дѣда, падшаго въ сраженіи, и съ того началъ свой разговоръ. Онъ осыпалъ Серафиму лестными привѣт-

Digitized by Google

ствіями, какихъ только можно ожидать отъ вельможи, состарѣвшагося при самыхъ блестящихъ дворахъ Европы.

Почтительно отошелъ князь Ліодоровъ, когда фельдмаршалъ приблизился къ Серафимѣ, и въ отдаленіи ожидалъ окончанія разговора, въ продолженіе котораго Серафима взглядывала на него раза два.

– Я уже боюсь къ вамъ подойти, сказалъ онъ.

– Почему же?

– Вы сейчасъ разговаривали съ самымъ почтеннымъ и самымъ любезнымъ кавалеромъ въ цѣлой столицѣ. Въ сравненіи съ графомъ я слишкомъ ничтоженъ.....

– Графъ очень милостивъ, возразила Серафима, а вы очень.....

«Милы» – хотѣла она сказать. Только опомнилась и въ полголоса договорила:

– Очень учтивы!

Князь Ліодоровъ догадался и хотѣлъ было произнесть *злодѣйскій* комплиментъ, но Серафима поспѣшно встала. Ангажантою своего рукава, она зацѣпила за рѣзьбу креселъ такъ, что кружево отпоролось и она ушла въ уборную.

Тамъ, за ширмами, сидѣли двѣ женщины для дамской прислуги. Серафима вошла очень тихо, такъ, что женщины не слыхали, и продолжали разговаривать. Она позвала бы ихъ, но, приближаясь къ таулету, услышала слова: «А кривая-то барышня чья такая?» Серафима хотѣла уйти, но побоялась зашумѣть, и нехотя стала подслушивать: говорили объ ней, и между-прочимъ сказали: «Бѣдняжка! Никто чай замужъ то не возьметъ?» – Почему знать, говорила другая. Вѣдь приданое есть. Авось кто-нибудь, коли не для нея самой, такъ для имѣнія возьметъ. Ну, что дѣлать что уродъ! Поживетъ съ нею, можетъ и полюбитъ. Она же, говорятъ, такая добрая!»

Digitized by Google

Серафиму, какъ-будто что ужалило въ сердце. Она потихоньку отошла къ двери, и сказала: «Естьли здѣсь кто-нибудь?» Женщины вышли, и она съ ласковымъ видомъ попросила ихъ принять кружево. Возвратившись въ залу, она старалась скрыть свое смущеніе, но уже не могла быть такъ весела какъ въ первую половину бала.

Она ссылалась на усталость, но тетеньку Надежду Михайловну трудно было обмануть. Та слишкомъ хорошо знала Серафиму, и умѣла различать въ ней дѣйствіе усталости отъ признаковъ огорченія. Сверхъ-того, добрая дѣвушка не привыкла скрываться передъ своею второю матерью. На другой день по вечеру она разсказала Надеждѣ Михайловнѣ о разговорѣ, слышанномъ въ уборной. Тетушка была не мало поражена этимъ случаемъ. Если слова двухъ женщинъ такъ сильно подѣйствовали на Серафиму, не ясно ли это доказываетъ, что пришла ея пора узнать свое настоящее положеніе? До-сихъ-поръ, у Надежды Михайловны всегда были готовы для племянницы удовлетворительные отвѣты, необходимыя объясненія и истолкованія, полезные совѣты и наставленія, словомъ, полный запасъ ума для руководства молодой дѣвушки; а теперь Надежда Михайловна не знала, что̀ сказать. Но у нея была привычка, въ затруднительныя минуты предаваться первому движенію сердца и искать помощи въ его внезапномъ внушеніи. «Это что̀ еще значитъ? сказала Надежда Михайловна такъ гнѣвно, какъ Серафима еще съ роду не слыхала: можно ли! прилично ли! не стыдно ли!..... подслушивать пустяки!..... И какъ въ эти лѣта..... и думать объ чемъ?.....» И пятое и десятое, и прочая и такъ далѣе. Закидывая словами бѣдную племянницу, тетушка между-тѣмъ выдумывала, что̀ бы ей сказать дѣльнаго, мало-по-малу смягчала тонъ, и наконецъ выговорила: «Эти простыя, необразованныя женщины разговари-

Digitized by Google

вали между собою отъ нечего-дѣлать, и даже забыли, что ты не крестьянка, что барышнямъ твоихъ лѣтъ нельзя и думать о замужествѣ..... Сверхъ-того, какъ могутъ эти служанки знать твою будущую участь, и утвердительно говорить о такихъ вещахъ, о которыхъ я сама до-сихъ-поръ еще не думала и думать не хочу? Стыдись, Серафима! Кто знаетъ, что̀ будетъ? Тебѣ и самой извѣстно, что ты умрешь: но когда? Это отъ насъ скрыто. И если бы кто-нибудь задумалъ теперь разговаривать о твоихъ будущихъ похоронахъ, ты, пожалуй, вообразила бы, что тебѣ пора къ смерти готовиться?..... Нѣтъ, выкинь весь этотъ вздоръ изъ головы!»

Много было словъ, да мало складу. Понятно только приказаніе тетеньки «выкинуть весь этотъ вздоръ изъ головы», то есть, забыть, что, по всеобщему мнѣнію, ей, бѣдной Серафимѣ, одно приданое можетъ доставить жениха. Легко приказать, тетенька, да легко ли выкинуть такую дурь, которая какъ-то не въ голову, а въ сердце запала?..... Впрочемъ, добрая дѣвушка такъ привыкла повиноваться своей благодѣтельницѣ, теткѣ, матери и другу вмѣстѣ, что точно старалась успокоиться, и даже разочла, что, чѣмъ ей грустить о неизвѣстномъ будущемъ, гораздо лучше наслаждаться настоящимъ, — ласками и дружбою всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, удовольствіями столичной жизни, вѣжливостью милаго и добраго князя Ліодорова, который какъ будто старается во всемъ ей угождать и понравиться. Онъ таки и нравится! И почему знать.....

Князь Ліодоровъ точно занимался Серафимою болѣе нежели чѣмъ другимъ. Такое предпочтеніе мужчины не могло бы оказываться всякой другой дѣвушкѣ безъ намѣреній важныхъ, рѣшающихъ судьбу жизни. Съ бѣдною Серафимою совсѣмъ не то! Ни она, ни онъ, не могутъ помышлять о бракѣ. Ліодоровъ зани-

Digitized by Google

мается ею какъ взрослая особа дитятею своего пола: невинная забава, пріятная взаимная любовь на-минуту, а впереди и нѣтъ ничего, и быть ничего не можетъ. Такъ говорилъ, и такъ думалъ молодой князь.

Между-тѣмъ захотѣлось ему провѣдать, была ли бы способна Серафима любить, — какъ любятъ, какъ должно любить. Такое любопытство, съ перваго взгляда, кажется очень опаснымъ и, такъ сказать, діавольскимъ. Но разсудивши хорошенько, тутъ не находишь ни какого вреда; его и быть не можетъ. Серафимѣ очень извѣстно, что она уродъ, и что любовь не ея удѣлъ. Слѣдовательно, возбудить въ ней на-минуту кое-что похожее на это страшное чувство, значитъ то же, что заставить виннаго откупщика сыграть роль героя на домашнемъ театрѣ. Отъ этого, не бойтесь, онъ еще не будетъ героемъ, хотя винный откупщикъ и герой имѣютъ впрочемъ то общее свойство, что и тотъ и другой *берутъ* города. Но можно посмотрѣть, умѣетъ ли онъ говорить и держать себя по-геройски. Такія пробы доставляютъ удовольствіе и испытующимъ и испытуемымъ.

Это намѣреніе было сообщено только не многимъ, искреннимъ и надежнымъ пріятелямъ. Но и въ числѣ ихъ нашлись робкія души, которыя почитаютъ невинность и спокойствіе непорочнаго сердца какими-то неприкосновенными святынями. Что дѣлать съ такими упрямыми врагами всякой умной попытки? Для успокоенія ихъ, князь Ліодоровъ ограничилъ свои испытанія тѣмъ, что, выбравши удобный случай, спросилъ у Серафимы, какого она мнѣнія о любви.

Серафима затруднилась этимъ вопросомъ.

Князь помогъ ей, объяснивши, что дѣло идетъ объ исключительной любви къ одному человѣку, совершенно постороннему, котораго хотѣлось бы имѣть самымъ близкимъ своему сердцу.

Digitized by Google

Серафима, — какъ бы сказать? — закраснѣлась. Да только это незамѣтно было изъ-подъ румянъ, которыя тогда были въ общей модѣ.

Она въ полголоса объявила что еще не знаетъ такого чувства.

Дальнѣйшимъ разспросамъ и объясненіямъ князя, помѣшали. Но любопытство Серафимы уже подстрекнулось, и сердце въ ней билось сильнѣе. Эта загадка, о любви, должна была имѣть свою разгадку. У кого бы спросить? У тетеньки? Сохрани Боже! Любовь сродни замужству, а ей и за чужія рѣчи о *семъ послѣднемъ* предметѣ порядкомъ досталось! Распросить по-искуснѣе мадамъ Леонаръ?..... Кстати объ ней.

Мадамъ Леонаръ, въ молодости оставила свое отечество по причинѣ неровнаго брака. Въ Россіи она овдовѣла, и вынуждена была употребить въ пользу свое образованіе и свои таланты. Проживая въ знатнѣйшихъ домахъ столицы, мадамъ Леонаръ должна была издерживать почти все, что получала. Для сбереженія чего-нибудь на старость, рѣшилась она искать мѣста въ деревнѣ, и такимъ образомъ выжила десять лѣтъ у Надежды Михайловны. Воспитаніе Серафимы было кончено. Мадамъ Леонаръ, женщина слишкомъ пятидесяти лѣтъ и накопившая денегъ болѣе сорока тысячъ ливровъ, по пріѣздѣ въ Москву объявила о намѣреніи отправиться лѣтомъ во Францію. При воспитанницѣ своей она жила, что называется, на прощаніи.

Очень наморщилась мадамъ Леонаръ, когда Серафима приступила къ ней съ нескромными вопросами. Но умная Француженка знала, что насчетъ нѣкоторыхъ вещей, у семнадцати-лѣтней дѣвушки уже не бываетъ дѣтской довѣрчивости и неопредѣленные отвѣты сейчасъ оказываются неудовлетворительными. Она сказала довольно сухо:

Digitized by Google

– На твоемъ мѣстѣ, я спросила бы князя, какого самъ онъ мнѣнія объ Арабскомъ языкѣ.

– Объ Арабскомъ языкѣ?

– Да! Онъ объ немъ столько же имѣетъ понятія, сколько ты о любви. Удивляюсь очень, что такой благовоспитанный молодой человѣкъ такъ неловко, и даже такъ невѣжливо, тебя распрашивалъ. Что такое любовь дѣвушки къ мужчинѣ! Это не что иное какъ согласіе отдать свою руку человѣку, предпочтеніе, которое оказывается ему передъ другими въ самомъ важномъ обстоятельствѣ жизни, въ выборѣ супруга; а у тебя, дитя мое, жениховъ нѣтъ, слѣдовательно и предпочитать нѣкого.

Добрая мадамъ Леонаръ! Какъ она хорошо все это растолковала. И если теперь князь задумаетъ повторить свой вопросъ, то мы уже знаемъ, что ему отвѣчать.

Мадамъ Леонаръ начала примѣчать за Серафимою.

Ліодоровъ не угомонился. Ему непремѣнно хотѣлось продолженія прерваннаго разговора. Можетъ-быть и Серафимѣ того же хотѣлось. Случай вскорѣ представился. Всѣ домашніе были въ гостиной, Серафима сидѣла за фортепіано, Ліодоровъ подсѣлъ къ ней.

– Вы скоро ѣдете? спросилъ онъ.

– Недѣли черезъ двѣ. По послѣднему пути.

– Какъ бы я желалъ побывать въ вашей деревнѣ!

– Что же? Милости просимъ.

– Провесть съ вами..... хоть одинъ день.

– Здѣсь мы и не одинъ день вмѣстѣ проводимъ.

– Всегда при свидѣтеляхъ! Нѣтъ, побесѣдовать съ вами вдвоемъ..... вотъ чего бы мнѣ хотѣлось.

– Мы и теперь вдвоемъ. Объ чемъ же мы стали бы бесѣдовать?

Digitized by Google

– Мы докончили бы разговоръ, который когда-то начали.

– А, понимаю! сказала Серафима, смѣясь какъ дитя. Опять о любви! И, полноте! Что намъ говорить о такихъ предметахъ, о которыхъ, ни вы ни я, понятія не имѣемъ!

– Изъ чего же вы заключаете, что я понятія не имѣю?

Серафима не знала что отвѣчать.

– Почему вы думаете, продолжалъ князь, что можно быть вмѣстѣ съ вами и не имѣть понятія о любви?

Это и подавно притупило языкъ Серафимы. Князь взялъ ее за руку.

– Повѣрьте, что кто знаетъ васъ.....

Дверь изъ внутреннихъ покоевъ отворилась, и мадамъ Леонаръ очутилась передъ Серафимою. «Сидите, сударыня! сказала она строгимъ голосомъ, и придерживая ее за руки. Потомъ, сдернула повязку съ ея глаза. Глядите, сударь! Разсмотрите хорошенько, и послѣ..... осмѣльтесь окончить вашъ разговоръ тѣмъ же тономъ, которымъ начали».

Серафима вскрикнула; обѣ тетеньки прибѣжали въ комнату.

– А ты, бѣдное дитя, продолжала разгнѣванная Француженка, когда мужчина будетъ говорить тебѣ о любви, смѣло покажи ему свой страшный глазъ, и если онъ убѣжитъ отъ испуга, ты закричи вслѣдъ ему: «Вотъ тебѣ за твое безчеловѣчіе, за то, что ты не хотѣлъ уважить ни невинности, ни несчастія!»

Князь Людоровъ убѣжалъ. Серафима сидѣла почти безъ чувствъ. Изумленныя тетки стояли безъ движенія, а мадамъ Леонаръ громко захохотала.

– Ха, ха, ха, какъ онъ испугался! Какъ-будто око Провидѣнія поразило его грознымъ взглядомъ. Безчеловѣчный, безстыдный обманщикъ!.....

*

Digitized by Google

Мадамъ Леонаръ залилась слезами. Она была подвержена истерикѣ. Добрая Серафима, видя что-то похожее на обыкновенные припадки своей наставницы, въ минуту позабыла все происшествіе и съ участіемъ бросилась къ ней. Тетки также засуетились около Француженки, и тотъ вечеръ прошелъ безъ объясненій.

На другой день, какъ только Надежда Михайловна проснулась, ей подали письмо отъ Князя Ліодорова. Въ вѣжливыхъ выраженьяхъ извинялся онъ въ неумышленной тревогѣ, произведенной не столько имъ сколько опрометчивостью мадамъ Леонаръ; честью своею увѣрялъ онъ, что не имѣлъ никакихъ дурныхъ намѣреній, ни въ какомъ смыслѣ, но что дѣйствительно, почувствовавши особенное расположеніе къ такой несчастной и интересной дѣвицѣ, онъ хотѣлъ, своею дружбою, своимъ почтеніемъ, утѣшить ее въ злополучіи и одиночествѣ, которое вѣроятно будетъ ея удѣломъ на всю жизнь. Князь Ліодоровъ былъ человѣкъ умный и начитанный. Надежда Михайловна расплакалась. Правду ли, неправду ли, писалъ князь о самомъ себѣ, только онъ не ошибся, предрекая злополучіе и одиночество бѣдной Серафимѣ. Конечно, Надежда Михайловна знала это и прежде, но всякое напоминаніе объ этомъ предметѣ растравляло ея душевную болѣзнь. Она велѣла позвать сестру и мадамъ Леонаръ, и прочитала имъ письмо. Послѣдней стала она выговаривать за опрометчивость, съ которою та разрушила счастливое и такъ долго сохраняемое невѣдѣніе бѣдной Серафимы. Гордо посмотрѣла на нее Француженка.

– Невѣдѣніе? Такъ! Это самое удобное средство! Лучше всего держать въ невѣдѣніи тѣхъ, кому боишься открыть истину. Это гораздо спокойнѣе для насъ! Но я, благодаря Бога, чужда такого эгоизма. Я была наставницею Серафимы, я люблю ее всею

Digitized by Google

душею, я желаю ей счастія, и мнѣ очень извѣстно, что невѣдѣніе не можетъ оставаться всегдашнимъ ея удѣломъ. Рано или поздно она должна ознакомиться съ своимъ бѣдствіемъ. Такъ велитъ самъ Богъ! Когда не нужно было, я не говорила ни слова. А тутъ, когда ея душевное спокойствіе было на краю пропасти, тутъ можно было пожертвовать слишкомъ продолженнымъ молчаніемъ. Однако я еще не довершила начатаго. Серафима должна узнать, что есть любовь, святое и блаженное чувство, къ которому стремится все живущее, но которое для нея не существуетъ. Жестоко будетъ такое открытіе; въ особенности ей, которую съ младенчества окружали любовью и неприметнымъ образомъ вели къ любви настоящей, и вели для того чтобъ послѣ сказать: Отрекись отъ этого блага! Возненавидитъ она того, кто пояснитъ ей ужасную тайну!..... Такъ и быть. Я на это отважусь. Возвращаясь на родину, я надѣялась, что оставлю по себѣ доброе воспоминаніе. Пусть клянетъ меня милая воспитанница, и даже вы, моя почтенная. Но я не посмотрю на ваши сопротивленія. Я вразумлю Серафиму.....

Мадамъ Леонаръ заплакала, и Надежда Михайловна обняла ее со слезами. Послѣ краткаго совѣщанія, обѣ тетки согласились съ мнѣніемъ гувернантки, и препоручили ей объявить Серафимѣ, что она должна отложить всякое помышленіе о замужствѣ, слѣдовательно и о любви. Хотѣли, чтобы она прочитала письмо Ѳиодорова, но мадамъ Леонаръ отвергла это съ негодованіемъ. «Неужели вы думаете, что тутъ есть хоть слово правды?» сказала она. «Пусть лучше наша милая Серафима не имѣетъ понятія о хитромъ, обманчивомъ языкѣ безжалостныхъ мужчинъ!» Старыя гувернантки, узнавъ въ молодости, до какой степени мужчины бываютъ безжалостны, вообще очень строги

Digitized by Google

къ «этому предательскому полу», — говоря слогомъ старыхъ гувернантокъ.

Когда мадамъ Леонаръ исполнила послѣднюю свою обязанность, Серафима, преодолѣвая душевное волненіе, довольно твердымъ голосомъ сказала: «Да будетъ воля Божія!»

Надежда Михайловна рѣшилась сократить свое пребываніе въ Москвѣ, чему ея племянница и была очень рада. Разставаніе съ мадамъ Леонаръ было самое горестное. Однимъ другомъ меньше у бѣдной Серафимы! А она уже понимала, что ей не суждено имѣть ихъ много.

Обрадовались всѣ домашніе, когда возвратилась барыня съ милою барышнею въ деревню, обѣ въ добромъ здоровьѣ и послѣ благополучнаго пути, и съ этимъ ихъ поздравляли. Но, къ крайнему удивленію веселая и ласковая Серафима, вмѣсто того чтобы утѣшать себя и другихъ разсказами о Москвѣ, казалась разсѣянною и грустною. Клавдіи Николаевнѣ открыли причину грусти, и она вздохнувши сказала: «Вѣдь я прежде говорила!»

Надежда Михайловна видѣла необходимость употребить всѣ средства чтобы какъ-нибудь сдружить Серафиму съ ея положеніемъ. Но какія средства? Сколько разумъ ни представлялъ ихъ, тотъ же самый разумъ не находилъ ни одного вѣрнаго и дѣйствительнаго.

— Ты грѣшишь, Серафима! Рѣшительно грѣшишь! Ты нарушаешь предсмертное завѣщаніе нашей матери, которое я въ точности тебѣ передала. Уныніе — грѣхъ, говорила покойница. А ты, какъ-будто охотно предаешься унынію, грустишь, худѣешь. Этимъ ты оскорбляешь Бога. Подумай хорошенько, разсуди, и послѣ, по совѣсти, скажи есть ли у тебя на то настоящая причина?

— Причина? Вы ли мнѣ это говорите, милая тетень-

Digitized by Google

ка? Удивляюсь, какъ я прежде не замѣчала этой причины, которую однако зеркало мнѣ исправно показывало всякой день. Но мнѣ никто не сказывалъ, и сама я не угадывала, что я уродъ. Или лучше сказать, я не знала, я не могла знать, что эта уродливость будетъ помѣхою моему счастію; что для меня прійдетъ пора, когда я почувствую необходимость воспользоваться общими правами всѣхъ живущихъ, то есть, не нуждаться ни въ чьемъ состраданіи, а имѣть свою долю благополучія и быть самой сострадательною къ несчастію ближняго. Скажите сами, тетенька, не пользуется ли этимъ благомъ всякая тварь..... кромѣ одной меня!

– Какія мысли, мой другъ! И откуда ты ихъ набралась? Еще разъ повторяю: ты грѣшишь! Кто далъ тебѣ право расчитываться съ Отцемъ Небеснымъ и жаловаться на такой удѣлъ, который имъ самимъ тебѣ опредѣленъ?

– Сохрани меня Боже, отъ такого прегрѣшенія, милая тетенька! Я не жалуюсь, а сокрушаюсь. Отнимите у человѣка ногу, и заставьте его не сокрушаться о томъ, что онъ не можетъ ходить какъ другіе живущіе; лишите человѣка того, что̀ ему дороже всего, и прикажите, чтобы онъ о томъ не сожалѣлъ! Этого Богъ никогда не требуетъ! Онъ самъ насъ создалъ чувствительными къ нашимъ потерямъ, къ нашимъ жестокимъ лишеніямъ.....

Бѣда, когда дѣти начинаютъ разсуждать! Чѣмъ неожиданнѣе ихъ опытность и зрѣлость мыслей, тѣмъ въ бо̀льшее замѣшательство они приводятъ тѣхъ, которые привыкли къ безусловному ихъ вѣрованію. Надежда Михайловна почувствовала это, и съ живостью прервала племянницу вопросомъ:

– А ты чего лишена? Ноги или зрѣнія?

– Хуже нежели зрѣнія, также съ живостью отвѣчала Серафима. Я лишена всякой надежды любить и

Digitized by Google

быть любимою. Да! не стыжусь это выговорить. Никогда мнѣ не бывать ни супругою ни матерью. Клеймо отверженія наложено на меня. И правду сказали тѣ простыя, необразованныя женщины, которыхъ я подслушала на балѣ: никто не выберетъ меня въ подруги своей жизни! Развѣ какой-нибудь безчувственный корыстолюбецъ согласится взять меня въ придачу къ моему имѣнію..... Нѣтъ, этому не бывать! Клянусь Богомъ не бывать! Мнѣ не велѣно помышлять о замужствѣ. Не буду!..... Остаюсь всѣми отверженною сиротою: только не мѣшайте мнѣ оплакивать мое сиротство.....

– Неблагодарная! Давно ли ты мною отвержена?

Серафима не дала ей договорить, и со слезами бросилась къ ней на шею.

– Виновата, моя благодѣтельница! Не взыщи ты съ меня за слово скорбное. Да! кромѣ твоего сердца, я всѣми отвержена. Ты у меня одна. Тебя мнѣ далъ Богъ нато чтобы ты дѣлила мое горе, и страдала, глядя на мое несчастіе.

– Успокойся, мой другъ. Богъ тебя не оставитъ, и если ты чувствуешь такъ сильно потребность любить, возлюби его всѣмъ сердцемъ. Эта любовь будетъ прочнѣе всякой земной.

– Развѣ это легко, моя безцѣнная? И если бы такая святая любовь зависѣла отъ воли человѣка, кто захотѣлъ бы прилѣпляться къ земному, которое и смерть можетъ у насъ похитить, которое и само по себѣ обманчиво, перемѣнчиво? Нѣтъ, милая тетенька: возлюбить Бога можетъ тотъ, кто достоинъ такой благодати, кто уже побѣдилъ всѣ земныя скорби и искушенія. А я чѣмъ заслужила такую милость отъ Господа? Мое скорбное испытаніе только что начинается. Дай же мнѣ, родимая, оплакать земное горе прежде, нежели возсіяетъ утѣшеніе небесное.

Надежда Михайловна болѣе ея не уговаривала.

Digitized by Google

Въ то время, Потемкинъ, еще не ознаменовавшій себя устройствомъ южнаго края Россіи, имѣлъ временное пребываніе въ Новгородѣ. Носились даже слухи, что онъ заслужилъ немилость Государыни. Послѣдствіе доказало, что это было несправедливо, а приближенные къ вельможѣ тогда же были увѣрены въ противномъ. Но Потемкинъ самъ какъ-будто старался распространить такое мнѣніе. Онъ пересталъ заниматься политикою и дворомъ, и чуждался всякихъ дѣлъ кромѣ тѣхъ, которыя касались до Военной Коллегіи. Эта часть сдѣлалась единственною его должностью и съ окружающими не было другихъ предметовъ разговора кромѣ военной службы.

Разговаривали однажды о замѣчательныхъ военныхъ чиновникахъ. Рѣчь коснулась храбрости, и отъ частныхъ примѣненій перешло къ общему сужденію объ этой добродѣтели. Каждый сказывалъ свое мнѣніе. Князь Потемкинъ иногда не соглашался.

— Трудно опредѣлить, говорилъ онъ, врожденное ли это свойство и независимое отъ постороннихъ причинъ, или не возбуждается ли храбрость сильнымъ чувствомъ своего долга и фанатизмомъ чести, или наконецъ, не есть ли это побѣда благоразумія надъ природнымъ чувствомъ самосохраненія. Какъ хочешь разбирай, только то вѣрно, что человѣкъ, можетъ быть и храбрымъ и трусомъ по произволу. Это я на себѣ испыталъ.

— Ваша свѣтлость никогда не бывали послѣднимъ.

— Трусомъ? Ну, не знаю! Для воина, лучшіе цѣнители храбрости — его солдаты. Ссылаюсь на тѣхъ, которые были подъ моимъ начальствомъ въ сраженіяхъ: они по совѣсти скажутъ, что никогда не видали меня трусомъ. Но самъ я признаюсь, что иногда..... я желалъ бы быть за сто верстъ отъ поля битвы, хотя ни на лицѣ, ни въ дѣйствіяхъ моихъ, ничто не обнаруживало этого непохвальнаго желанія.

Digitized by Google

– Если бы ваша свѣтлость не сами говорили, никто бы этому не повѣрилъ.

– Вмѣсто комплимента ты сказалъ большую глупость, мой любезный. Впрочемъ, да что я за необыкновенное существо, чтобы мнѣ и смерти не бояться? Я тоже человѣкъ, а изъ людей не боятся смерти только нѣкоторые сумасшедшіе. Плохой же ты придворный, мой голубчикъ! Другой сказалъ бы на твоемъ мѣстѣ: тѣмъ болѣе вамъ чести, что вы умѣли преодолѣть боязнь. А будь на твоемъ мѣстѣ поэтъ, тотъ воскликнулъ бы: «О герой! самъ весь дрожалъ отъ страха, и побѣждалъ врага!» Одинъ такой стихъ стоилъ бы цѣлой похвальной оды. И я бы за него подарилъ поэту богатый перстень, а въ душѣ сказалъ бы: «Эка дурачина! самъ не знаетъ что вретъ.» А поэтъ, можетъ-быть въ свою очередь сказалъ бы обо мнѣ: «Экой дуракъ! не понялъ, что я его назвалъ трусомъ!»..... Ха, ха, ха, ха!

Всѣ усердно повторили хохотъ его свѣтлости, хотя иному вовсе не о чемъ было смѣяться.

– Да знаете ли вы, продолжалъ князь, развеселившись: въ какомъ случаѣ я наиболѣе оказывалъ себя храбрецомъ? Вы напрасно будете пересчитывать всѣ сраженія. Это былъ совсѣмъ особенный случай, который прославилъ меня у всѣхъ Петербургскихъ барынь, барышенъ, женщинъ, дѣвицъ. А кто у нихъ въ славѣ, того превозносятъ всѣ ихъ мужья, угодники и обожатели. Все дѣло было въ томъ, что я велѣлъ себѣ вставить глазъ. Кажись, нѣтъ тутъ ничего необыкновеннаго, но надобно было видѣть, какую потѣху это произвело во всемъ Петербургѣ. Правда, это случилось внезапно, потому что я никому не говорилъ о своемъ намѣреніи. Но все таки дивиться было нечему, если бы городской умъ и затѣйливое воображеніе барынь не прибавили къ тому чудес-

Digitized by Google

наго или, лучше сказать, сумазброднаго. Увѣряли, не въ шутку, что я самъ себѣ вырѣзалъ глазъ простымъ ножемъ!

– Объ этомъ и я слышалъ, ваша свѣтлость.

– Ну, вотъ! Дошли вѣсти до глухаго. Слышалъ и конечно вѣрилъ! Видно моя судьба слыть за сумасшедшаго. Ничего такого не было. Искусный врачъ дѣлалъ мнѣ операцію, и вся моя отважность, все мое геройство, состояли въ томъ, что я смирно сидѣлъ на стулѣ. Тутъ столько же необыкновеннаго, сколько въ кровопусканіи или въ выдергиваніи больнаго зуба.

– Правда, ваша свѣтлость. Однако позвольте замѣтить, что надобно имѣть особенную отважность для такой операціи, которая приводитъ въ содраганіе естество человѣка.

– Пустяки!

– Не можетъ же дѣло обойтись безъ боли.....

– Бездѣлица.

– Однако можно ручаться, что изъ всѣхъ дамъ, прославившихъ вашу свѣтлость за этотъ подвигъ, ни одна не рѣшилась бы выдержать такую операцію.

– Если бы хоть одна имѣла въ томъ нужду и была бы въ полной зависимости отъ меня, я насильно заставилъ бы ее вытерпѣть эту страшную муку.

– Здѣсь есть одна особа, для которой такое насиліе было бы благодѣяніемъ.

– Кто такова?

– Одна благородная дѣвица, недавно пріѣхавшая съ старою родственницею. Я видѣлъ ее въ церкви, въ ***мъ монастырѣ. Прелестная дѣвушка. Только лѣвый глазъ завязанъ, по причинѣ страшной уродливости. Сказываютъ также, что по этой причинѣ бѣдная барышня отказывается отъ свѣта. А не худо было бы подарить ему такую красавицу!

– Какъ ея фамилія?

Digitized by Google

– Говорятъ, что Онигина. Только не знаю навѣрное, она ли, родственница ли, такъ называется.

– Онигина? Ба, ба, ба! Да не дочь ли?..... Онигина! Узнай толкомъ, чья она дочь.

– Мудрено, ваша свѣтлость! Ея почти никто не знаетъ, и живетъ она, вмѣстѣ съ своею старухою, въ монастырѣ. Къ нимъ доступу нѣтъ. А если прикажете распросить.....

– Вотъ прекрасно! Какое право имѣю приказывать? Я здѣсь ничего не значу. Не приказываю, а прошу тебя развѣдать, такъ чтобы никто не зналъ.

– Слушаю, ваша свѣтлость!

– Ну, такъ! Слушаешь?..... А что слушаешь?

– Что вы изволили приказывать.

– Что же я приказывалъ?

– Развѣдать.

– О чемъ?

– О чемъ приказать изволите.

– Умная голова! Садись и пиши:

«Приказъ о кривой барышнѣ. Узнать, точно ли «она несетъ фамилію Онигиныхъ? Не зовутъ ли ее «Нимфодорою или Серафимою, какъ-то этакъ? Але«ксандровна ли она по отечеству? На развѣданіе сро«ку два дня, то есть, до будущаго 18 числа.» Вотъ все.

Приказаніе было исполнено. Дѣйствительно, то была бѣдная Серафима, которую Клавдія Николаевна привезла съ собою погостить у короткой ея знакомой Игуменьи. Ни несчастная дѣвушка, ни бабушка ея не знали что сильный вельможа, находившійся въ то время въ Новгородѣ, былъ нѣкогда другомъ отца Серафимы. Внезапное повышеніе Потемкина и многихъ другихъ такъ оскорбило честолюбіе Онигина, что онъ рѣшился оставить службу и, что всего смѣшнѣе, возненавидѣлъ Потемкина, который казался ему недостойнымъ временщикомъ, хотя онъ тогда былъ еще

Digitized by Google

очень далекъ отъ того могущества, которое въ послѣдствіи сдѣлалось его удѣломъ. Григорія Александровича сильно огорчала несправедливость его друга. «Я не виноватъ предъ тобою, Александръ!» говорилъ онъ ему: «почести не заставили меня ни возгордиться, ни перемѣниться къ тебѣ, что впрочемъ было бы гораздо естественнѣе твоего отчужденія.» — Это и будетъ со временемъ отвѣчалъ Онигинъ. — Когда онъ подалъ въ отставку, Потемкинъ всѣми силами старался отклонить его отъ этого намѣренія. «Знаешь ли ты, Александръ, что дѣлаешь? Ты надѣваешь изорванную мантію мнимаго философа, котораго гордость, по словамъ Сократа, была видна черезъ прорѣхи его рубища. И что всего хуже, всякой въ правѣ подумать, что къ твоей гордости примѣшивается и зависть.» — Но Онигинъ стоялъ на своемъ, что онъ имѣлъ одинаковыя права съ Потемкинымъ и съ другими. Когда женился, онъ увѣдомилъ бывшаго друга о своемъ счастіи, и объявилъ, что теперь никому не завидуетъ. Потемкинъ, въ отвѣтѣ своемъ, поздравилъ его отъ чистаго сердца. Когда Онигинъ лишился обожаемой супруги, онъ облегчилъ себѣ душу длиннымъ письмомъ къ Потемкину. Въ немъ-то упоминалъ онъ о своей бѣдной Серафимѣ, при самомъ рожденіи постигнутой такимъ несчастіемъ, и это обстоятельство сдѣлалось памятнымъ князю Григорію Александровичу. Когда по справкамъ оказалось, что несчастная дочь Онигина находится въ Новгородѣ, воспоминанія о другѣ молодыхъ лѣтъ такъ сильно подѣйствовало на князя, что онъ прослезился.

Впрочемъ, если бы Серафима и знала, что ею такъ занимается могущественный Потемкинъ, она сочла бы это совершенно безполезнымъ для себя. Что могъ ей сдѣлать Потемкинъ? Въ его ли власти было заставить кого-нибудь полюбить ее? А если бы кто и нашелся, былъ ли бы это..... *тотъ*, чьею любовью до-

Digitized by Google

рожила бы она? Нѣтъ! обреченная на вѣчное одиночество, она не нуждается въ покровительствѣ знатныхъ и сильныхъ. Такъ разсуждала сама Серафима, когда предавалась горестнымъ размышленіямъ о своей участи.

Между-тѣмъ бабушка Клавдія Николаевна, вдоволь нагостившись, стала собираться во-свояси. Положено было выѣхать двадцать четвертаго числа послѣ обѣдни. Серафима, въ бытность свою въ Новгородѣ, нерѣдко навѣщала бѣдныхъ и больныхъ. Она выходила изъ монастыря или съ какою-нибудь пожилою монахиною или съ старымъ слугою ея бабушки. Наканунѣ отъѣзда, послѣ вечерни, она сказала, что посѣтитъ всѣхъ страждущихъ, которымъ оказывала помощь, и что слѣдовательно отсутствіе ея продолжится часа два. Она ушла съ человѣкомъ. Клавдія Николаевна бесѣдовала съ игуменьею. Прошло болѣе двухъ часовъ.

– Что это замѣшкалась моя Серафима? сказала бабушка, и спокойно продолжала разговоръ.

– Можно ли войти, матушка? сказалъ голосъ за дверьми.

– Кто тамъ? Войдите.

– Я, матушка! говорила, вошедшая пожилая монахиня. Ахъ, Царица небесная, что это съ нами будетъ!

– Что такое, Господи?

– Бѣда, матушка! Страшно и выговорить!..... Я шла къ себѣ въ келью: слышу, стучатъ у воротъ. Я подошла къ калиткѣ, отворила, и какой-то незнакомый мужчина спросилъ: «У васъ здѣсь живетъ барыня Клавдія Николаевна?» – У насъ. Что вамъ надобно? Доложите ей, что племянница ея Серафима Александровна жива, здорова и благополучна, только бы она ее ни сегодня, ни завтра, ни черезъ недѣлю, ни черезъ мѣсяцъ не дожидалась. Она уѣхала отсюда далеко.

Digitized by Google

– Серафима? Боже мой!

И Клавдія Николаевна упала безъ чувствъ.

На другой день, по вечеру, одинъ изъ чиновниковъ князя возвратился, по окончаніи препорученнаго ему дѣла.

– Ну что? спросилъ Григорій Александровичъ.

– Все благополучно, ваша свѣтлость. Въ Чудовѣ она отдохнула, покушала и спокойно отправилась далѣе. Только просила меня, ради Бога, успокоить ея бабушку.

– Успокоимъ! Разсказывай, какъ все дѣло происходило.

– Каптенармусша съ утра забралась въ монастырь, и послѣ обѣдни, пристала къ барышнѣ съ слезною просьбою, навѣстить ея убогій домишко. «Вы, де, матушка, благословеніе Божье мнѣ принесете!» Барышня согласилась. Я велѣлъ приготовить карету, и сказалъ Ольгѣ Карповнѣ..... Часу въ шестомъ, Серафима Александровна пожаловала вмѣстѣ съ старымъ слугою, котораго, какъ только барышня вошла въ комнату, я велѣлъ схватить и отвести въ острогъ.....

– Какъ въ острогъ? За что?

– Некуда было покамѣсть его дѣвать, ваша свѣтлость! Впрочемъ, я напередъ сказалъ смотрителю, чтобы онъ держалъ его у себя и обходился съ нимъ ласково.

– Добро, добро! Что далѣе?

– Потомъ и я вошелъ въ комнату, и самымъ вѣжливымъ образомъ доложилъ Серафимѣ Александровнѣ, что вашей свѣтлости очень нужно съ нею видѣться, и что вы изволили прислать за нею карету. Она удивилась, и спросила, какая надобность. Я отвѣчалъ, какъ вы изволили приказывать, что по дружескимъ обстоятельствамъ съ ея покойнымъ батюшкою, и въ разсужденіи такихъ благоусмотрительныхъ причинъ.....

Digitized by Google

– Ну, ну, короче. Безъ вранья!

– Къ крайнему моему изумленію, онѣ спокойно изволили сказать: Надобно же мнѣ заѣхать домой, переодѣться. Я доложилъ, что ваша свѣтлость не взыщете; вынувши часы, я показалъ ей, что безъ пяти минутъ шесть, и догадался сказать, что вы изволили приказывать ровно въ шесть часовъ ее привезти. Подумавши немного, барышня сказала: «Хорошо, я готова.» Я взялъ ее за руку, посадилъ въ карету, самъ сѣлъ и закричалъ – пошолъ! Въ двѣ минуты были мы у Петербургскато въѣзда. Ольга Карповна дожидалась. Карета остановилась. Мнѣ подали пакетъ. Я распечаталъ и началъ медленно читать. Между-тѣмъ Ольга Карповна сѣла въ карету. Дверцы затворились. Я опять закричалъ – пошолъ!, и мы помчались по большой дорогѣ. Тутъ Серафима Александровна, какъ-будто опомнилась, и торопливо спросила куда ее везутъ. Я въ торопяхъ замялся; да Ольга Карповна выручила, и очень ласково ей объявила, что ваша свѣтлость прислали приказаніе отвезти ее въ Петербургъ. Барышня испугалась и начала было говорить..... такъ сказать, очень сильно. Только..... право, эта Ольга Карповна преумная! Она ее такъ хорошо начала уговаривать, что та понемногу успокоилась. Потомъ сказала, что хочетъ напиться, и когда я открылъ сумку у дверцы и показалъ, что тутъ была вода, и квасъ, и молоко, Серафима Александровна вдругъ вскрикнула: «Стало, вы прежде знали куда меня везутъ, когда заблаговременно все приготовили въ дорогу? Стало меня обманывали?» И пошла! и пошла!..... Боже мой!..... Я все молчалъ. Ольга Карповна ее уговаривала.

Князь усмѣхнулся.

– Ну что же послѣ?

– Послѣ, поплакала, потолковала о бабушкѣ, о те-

Digitized by Google

тушкѣ; а Ольга Карповна все ее урезонивала, и наконецъ она угомонилась.

– Какъ же урезонивала ее Ольга Карповна?

– Богъ вѣсть, ваша свѣтлость! Не припомню.

– Такъ я за тебя вспомню. Она говорила, что ей не только не сдѣлаютъ зла, но и хотятъ добра. «Да Потемкинъ-то привыкъ все дѣлать по своему! Приказалъ, – и чтобы въ минуту было исполнено! Не подумаетъ о томъ, легко ли, человѣку выполнять всѣ его прихоти!» Такъ ли? Молчишь?..... Стало быть такъ. Спасибо Ольгѣ Карповнѣ: хоть и выставила меня настоящимъ звѣремъ, да по-крайней-мѣрѣ ей тѣмъ угодила. А я таки поставлю на своемъ. Иногда людей насильно должно дѣлать счастливыми. До-сихъ-поръ все хорошо.

– Не совсѣмъ, ваша свѣтлость, сказалъ съ мрачнымъ видомъ одинъ чиновникъ. Клавдія Николаевна умираетъ отъ этой потѣхи.

– Э? Какъ такъ?

– Отъ пріятной вѣсти, ее разбилъ параличъ. Она лежитъ безъ языка, и почти безъ надежды.

– Ай, чортъ возьми! Это не хорошо! Что за дурацкая натура у этихъ бабъ! Съ ними и пошутить нельзя. Бьюсь объ закладъ, что ей глупо сказали, безъ предосторожностей..... Ничего не умѣютъ сдѣлать толкомъ.

Никто не осмѣлился возражать князю, что его приказанія были всѣ исполнены толкомъ и съ строжайшею точностью.

Пособія медицины, личныя обнадеживанія и увѣренія Потемкина, письмо отъ Серафимы, хотя не ясное, всё-таки утѣшительное, а болѣе всего твердая вѣра и безпредѣльная покорность Промыслу, помогли Клавдіи Николаевнѣ. Однако она уѣхала во свояси со ртомъ нѣсколько искривленнымъ и съ небольшимъ замѣшательствомъ въ выговорѣ. «Все равно, говорила

Digitized by Google

она: «еще станетъ языка на то, чтобы произнесть молитву къ Господу и изречь мое грѣшное благословеніе бѣдной Серафимѣ!»

А Серафима гдѣ?

Она была привезена въ Петербургъ, прямо въ домъ къ одной знатной дамѣ, предувѣдомленной княземъ Потемкинымъ. Ее приняли со всевозможною ласкою, и позволили написать къ бабушкѣ и къ теткѣ. Но причина ея похищенія оставалась для нея тайною. Наконецъ, ей разсказали исторію глаза князя Потемкина, и объявили, что непремѣнная воля его свѣтлости, чтобы и ей была сдѣлана такая же операція, хотя бы для того нужно было употребить насиліе: «Только-то!» сказала усмѣхаясь Серафима. «Стоило же труда похищать меня какъ романическую героиню! Для этого я бы и сама поѣхала въ Петербургъ, если бы знала что есть такая операція.» Разумѣется, что этихъ словъ не донесли князю Потемкину.

Операція была сдѣлана счастливо. Прекрасный голубой глазъ, Парижской работы, замѣнилъ прежній, причину безобразія и горестей бѣдной Серафимы. Вскорѣ пріѣхала тетушка Надежда Михайловна, а вслѣдъ за нею и князь Потемкинъ. Онъ обласкалъ Серафиму, увѣрилъ въ своемъ покровительствѣ, прозвалъ ее милою дочкою. «Теперь, сказалъ онъ, надобно позаботиться о женихѣ для моей дочки!» О, какое волшебное дѣйствіе имѣло на Серафиму это слово, женихъ! «Пусть не будетъ у меня жениха, думала она: пусть я состарѣюсь..... въ одиночествѣ; по-крайней-мѣрѣ я знаю, что не лишена правъ человѣческихъ, и могу быть супругою и матерью.»

Князь заблаговременно запретилъ разглашать это происшествіе. «Операція — дѣло обыкновенное, говорилъ онъ: но пусть только узнаютъ, что она сдѣлана по моему приказанію, и всѣ будутъ говорить объ ней

Digitized by Google

какъ о чудѣ. Я готовлю что-нибудь другое для разговоровъ и толковъ обо мнѣ!»

Съ поддѣльнымъ глазомъ, Серафима была введена въ общество той знатной дамы, у которой до операціи жила невидимкою. Ее представили какъ пріѣзжую и дочь старинаго друга князя Потемкина. Всѣ дивились ея красотѣ, и ни кто не зналъ, что она крива. Покровительство и расположеніе князя привлекали къ ней особенное почтеніе всего общества. Объ ней говорили очень мало, потому что насчетъ ея никто не смѣлъ дѣлать заключеній.

Наступила зима, и Серафима стала изрѣдка показываться въ свѣтѣ. При видѣ гвардейскаго мундира, она невольно содрогалась. Онъ напоминалъ ей самое ужасное происшествіе въ ея жизни. Но князя Ліодорова не было въ Петербургѣ. Онъ еще не возвращался изъ годоваго отпуска. Серафима вспоминала объ немъ, но воспоминаніе было не въ его пользу. Въ Петербургѣ и другіе офицеры не уступали ему въ любезности и образованности. Что же оставалось на его сторонѣ? Неумѣстное объясненіе въ любви, такъ страшно прерванное грозною мадамъ Леонаръ? О, это была ужасная сцена! Прочь всякое воспоминаніе объ ней!

На святкахъ былъ маскарадъ въ домѣ одного вельможи. Серафима одѣлась пилигримкою. Милая дѣвушка уже понаучилась пріемамъ большаго свѣта и имѣла понятіе о маскарадныхъ мистификаціяхъ. Многіе молодые люди были щегольски замаскированы; другіе, безъ масокъ, сверхъ Французскихъ кафтановъ и гвардейскихъ мундировъ, имѣли богатые кружевные домино. Въ числѣ такихъ былъ и князь Ліодоровъ, только что пріѣхавшій изъ Москвы. Онъ разговаривалъ съ какимъ-то почтеннымъ старичкомъ, какъ вдругъ изъ трехъ вошедшихъ пилигримокъ, одна сказала ему: Bon soir, prince Liodoroff.

Digitized by Google

Онъ оборотился. «Ступайте, ступайте! сказалъ усмѣхаясь старичекъ. Это важнѣе нашихъ разговоровъ.»

– Вы меня знаете, прекрасная маска! спросилъ Лѣодоровъ, слѣдуя за пилигримкою.

– Вѣдь вы слышали, я васъ назвала по имени.

– Я очень счастливъ. Но..... знаю ли я васъ?

– Можетъ быть..... если память у васъ хороша.

– Помогите ей, прекрасная маска, и скажите гдѣ.....

– Тсъ!..... Давно ли вы изъ Москвы?

– О, стало я имѣю счастіе быть очень вамъ извѣстенъ, если вы такъ безошибочно спрашиваете! Я пріѣхалъ третьяго дня. Теперь и я могу спросить.....

– Нѣтъ, не можете. Вопросы моя привиллегія. Вы должны отвѣчать и удагывать.

– Угадывать! Не мудрено было бы по этому плѣнительному голосу, по этому прекрасному, величественному стану..... Прекрасная маска, васъ легко отличить отъ другихъ: только или вы являетесь мнѣ въ первый разъ, или.....

– Или что?

– Или очаровавши меня гдѣ-нибудь своими прелестями, вы заколдовали мой разсудокъ такъ, что онъ потерянъ вмѣстѣ съ памятью.

– Скажите лучше, что разсудокъ и память вы оставили въ Москвѣ, посреди тамошнихъ очарованій.

– А вы не принадлежите къ числу ихъ?

– Еще разъ вамъ говорю, что спрашивать мое дѣло.

– Я васъ слушаю.

– Имѣли ли вы успѣхи около Московскихъ дѣвицъ?

– Успѣхи! Въ чемъ?

– Напримѣръ, хоть въ изъясненіяхъ. Удалось ли вамъ растолковать имъ внятно, что̀ такое любовь?

Digitized by Google

– Ахъ!.....

Этотъ вопросъ какъ молніею освѣтилъ воспоминанія Ліодорова. Взглянувши въ сторону, онъ встрѣтилъ устремленный на него взоръ Надежды Михайловны, которая чинно сидя въ креслахъ, обмахивалась вѣеромъ. Это обнаружило всю тайну.

– Теперь я васъ узналъ! сказалъ онъ.

Молча протянула къ нему пилигримка ладонь, на которой по обыкновенію, онъ долженъ былъ, пальцемъ начертать первую букву ея имени. Они разговаривали по-Французски. Но Ліодоровъ въ разсѣяніи вмѣсто Французскаго S, сдѣлалъ Русское С. Маска покачала головою.

– Не то! сказала она.

– Вы не признаетесь.

– По законамъ маскарада, не имѣю на то никакого права. Вы не угадали вотъ и все.

– Если писаніе было неудачно, я постараюсь объясниться на словахъ.

– Увидимъ.

Загремѣла музыка.

– Смѣю ли вамъ предложить польскій? сказалъ князь.

– Охотно!

Молча прошли они нѣсколько шаговъ. Ліодоровъ безпрестанно поглядывалъ на маску своей дамы.

– Нетрудитесь по напрасну, сказала пилигримка, по-Русски. Вы ничего не увидите.

– Я уже довольно видѣлъ!

Что такое?

– То, отвѣчалъ Ліодоровъ, стараясь придать голосу какъ-можно болѣе нѣжности: что съ лѣвой стороны вы похожи на Амура, а съ правой..... на его мать.

– Ахъ, Боже мой, стало-быть у меня лице.....разнокалиберное? ха, ха, ха!

Digitized by Google

Князь покраснѣлъ. Я не хорошо объяснился. У Амура, оба глаза покрыты повязкою; у васъ.....

— Ну что же у меня?

Пилигримка поглядѣла ему прямо въ лице, и онъ явственно усмотрѣлъ изъ подъ маски два глаза. Это его совершенно сбило съ толку.

— Извините! Я ошибся, сказалъ онъ.

Но Польскій кончился. Маска откланялась ему, насмѣшливо кивнула головою и присоединилась къ своимъ подругамъ пилигримкамъ.

«Какая грубая ошибка!» думалъ онъ. «Это не Серафима! Ея голосъ, ея станъ!..... Только оба глаза цѣлы. Да и самый разговоръ такъ свободенъ, что скорѣе изобличаетъ женщину большаго свѣта, нежели скромную, неопытную дѣвушку. Но Надежда Михайловна, которая такъ пристально на нея и на меня смотрѣла?..... Вотъ задача! Надобно развѣдать.»

Ліодоровъ хотѣлъ подойти къ Надеждѣ Михайловнѣ, которую долгъ вѣжливости вынудилъ бы ему отвѣчать; но она была занята разговоромъ съ другими дамами. Сколько ни вертѣлся онъ около нея, разговоръ не прекращался. Не нужно было большихъ усилій ума чтобъ угадать, что Надежда Михайловна избѣгала съ нимъ объясненій. Огорченный Ліодоровъ уѣхалъ домой.

На другой день, по утру, Серафима была очень весела. Она безпрестанно смѣялась и пѣла. Тетушка спросила ее о причинѣ такой радости.

— Это остатокъ веселости отъ вчерашняго маскарада, отвѣчала она.

— Кстати о вчерашнемъ маскарадѣ. О чемъ ты разговаривала съ Ліодоровымъ?

— О пустякахъ. Какъ водится. Онъ узналъ было меня, и довольно исловко упомянулъ о повязкѣ на глазу. Я показала ему, что на мнѣ нѣтъ повязки, и сбила его съ толку.

Digitized by Google

— Послѣ Московскаго происшествія тебѣ не слѣдовало бы съ нимъ говорить.

— Почему же?

— Какъ почему? Давно ли ты такъ забывчива?

— Я ничего не забыла, милая тетенька. Только, съ тѣхъ поръ я уже слышала до десятка такихъ попытокъ любовныхъ объясненій, и заключаю изъ того, что это обыкновенная привычка всѣхъ мужчинъ. Чѣмъ же Ліодоровъ виноватѣе другихъ?

Тетушка нахмурилась.

— Виноватый узнается потому, сказала она, что самъ онъ признаетъ себя виноватымъ, когда бываетъ изобличенъ. О любви почему не говорить, если только говорится безъ всякаго умысла, *для* одного разговора. А князь Ліодоровъ не былъ такъ простосердеченъ. Вотъ, продолжала она, вынувши изъ шкатулки письмо: Прочти; это его признаніе.

Серафима прочитала.

— Такъ что же тетенька?

— Какъ что? Развѣ ты не видишь, что онъ оправдывается въ худыхъ намѣреніяхъ, и старается ихъ прикрыть личиною дружбы и состраданія.....

— А можетъ-быть, тутъ нѣтъ никакой личины, съ живостью возразила Серафима.

— Хорошо, дитя! Цѣни ихъ по собственнымъ чувствамъ! Оправдывай этихъ обманщиковъ!.....

— Какіе обманщики, милая тетенька?

— Мужчины, сударыня! Вѣрь имъ, пожалуй!..... Послѣ наплачешься.

— Не ужели они всѣ такіе?

— Всѣ, безъ исключенія.

Серафима вздохнула, подошла къ зеркалу и, посмотрѣвшись, горестно покачала головою.

— Не много же прибыли отъ моего красиваго ветавнаго глаза! сказала она.

— Какъ такъ? спросила Надежда Михайловна.

Digitized by Google

— А такъ, что прежде я сокрушалась о томъ, что ни какой мужчина меня не выберетъ въ подруги своей жизни; а теперь я должна грустить о томъ, что я сама ни за кого непойду..... Если только правда, что всѣ мужчини обманщики.

— Правда, мой другъ. Такими ихъ Богъ создалъ! Ужасный народъ!:....

— Я не хочу имѣть дѣла съ обманщиками!

— Преблагое намѣреніе, мой милый другъ. Я сама была замужемъ, и знаю, что въ этомъ состояніи болѣе горестей нежели радости.

— Для всѣхъ, тетенька?

— Для всѣхъ, душенька!

— И между-тѣмъ всѣ выходятъ замужъ?

— Это оттого что Богъ создалъ насъ несовершенными.....

— Только не меня. Я нехочу испытывать горестей.... Нѣтъ!

Надувшись, она начала расхаживать по комнатамъ. Надеждѣ Михайловнѣ это было не понутру.

«Охъ, пословица! думала она: маленькія дѣтки, маленькія бѣдки; побольше дѣтки, побольше и бѣдки! Что у нея за мысли теперь въ головѣ? Никто этого не знаетъ!»

Вдругъ Серафима приняла веселый видъ, и сѣла на канапе, гдѣ, въ граціозной позиціи лежала большая откормленная кошка.

— Вотъ, мой другъ! говорила Серафима, поглаживая ласковое животное. Она меня любитъ, привѣтливо мурлычетъ, когда я къ ней подойду; умильно глядитъ на меня; по-своему изъясняетъ мнѣ свою привязанность; и во всемъ этомъ нѣтъ ни лести, ни обмана. Да и на что тебѣ обманывать, милая кисанька? Не нужно тебѣ увѣрять человѣка, ни въ привязанности, ни въ усердіи: ты ихъ на-дѣлѣ показываешь. Ты служишь человѣку всѣми способностями, которы-

Digitized by Google

ми Богъ одарилъ тебя. Кто вправѣ требовать отъ тебя болѣе? И за все, ты требуешъ только немного корму, ласки и нестѣсненія твоей свободы. Умѣренны твои желанія, моя кошечка бѣлолапчатая! А если бы ты знала, какъ несправедливы къ тебѣ люди! Да, моя милая! Они говорятъ что ты коварна, лукава..... Безумные! не понимаютъ, что тогда только бываетъ коварство и лукавство, когда есть помышленія и расчеты, которыхъ у тебя нѣтъ. Просто, свои дурныя качества придаютъ тебѣ, и думаютъ тѣмъ себя оправдать; упрекаютъ тебя въ жестокости, потому что ты играешь съ своею жертвою, утѣшаешся ея мученіями. А сами?..... Но ты это дѣлаешь безъ жестокости, безъ умысла, по инстинкту, по природѣ своей. Такою тебя Богъ создалъ, и человѣкъ не имѣетъ права требовать отъ тебя совершенства.....

– Эге, Серафима! что ты за элегію тамъ напѣваешь?

– Да такъ, милая тетенька! Отъ нечего-дѣлать философствую съ кошкою, и доказываю,– не ей, а самой себѣ,– что кому Богъ далъ какія свойства, тѣми люди и должны довольствоваться. Иначе, не найдутъ ничего хорошаго въ мірѣ.

– Ты говоришь такъ свысока, что я ничего не понимаю. Поди, сударыня, одѣвайся. Намъ нужно два визита сдѣлать.

Когда Серафима ушла, Надежда Михайловна поглядѣла въ слѣдъ за нею, покачала головою, и со вздохомъ проворчала: «Охъ, большія дѣтки!.....»

Князь Ліодоровъ послѣ маскарада, былъ похожъ на любителя чтенія, который дочиталъ занимательную, но недокончанную, книгу. Любопытство и досада мучали его поперемѣнно. Впрочемъ, не мудрено было развѣдать тайну прелестной маски. Въ приличное время поѣхалъ онъ къ секретарю вельможи, дававшаго маскарадъ. Не нужно было много хитрить, чтобы

Digitized by Google

узнать, что въ числѣ приглашенныхъ была Надежда Михайловна съ племянницею Серафимою Александровною. Но важно было то открытіе, что эта дѣвушка состоитъ подъ особеннымъ покровительствомъ князя Потемкина, и что оба ея глаза цѣлы. Сообразно съ этими новостями, рѣшился дѣйствовать Ліодоровъ. Московская исторія не надѣлала шуму, но тѣмъ не менѣе она лежала у него на душѣ. Онъ игралъ такую неловкую роль въ этомъ происшествіи! Онъ былъ пристыженъ!.... Страшно и подумать. А еще страшнѣе то, что по маскарадными разговорамъ, Серафима обнаружила и наклонность и особенную способность къ насмѣшливости. Теперь, когда искусная операція избавила ее отъ жалкаго безобразія, легко можетъ статься, что она захочетъ отмстить за поступокъ который озлобилъ и грозную Француженку и, какъ видно, строгую тетушку. Она можетъ обезславить его, а для достиженія этой цѣли нужно только разсказать какъ дѣло происходило. Досужіе языки сейчасъ примутся описывать черными красками человѣка, который, безъ жалости, безъ уваженія къ несчастію и неопытности, хотѣлъ словами обольстить бѣдную дѣвушку и, можетъ-быть, лишить ее душевнаго спокойствія. Надобно примириться съ Надеждою Михайловною, во что бы ни стало.

Онъ вмѣнилъ себѣ въ обязанность отдать ей личное почтеніе, но она его не приняла. Въ другой, въ третій разъ таже неудача. Въ театрѣ, онъ видѣлъ Серафиму и вѣжливо ей поклонился: она отвѣчала поклономъ, а тетушка будто не замѣчала его. Ліодоровъ хотѣлъ вторично оправдаться письмомъ, но такая настойчивость была бы и неучтива и неловка, и что всего хуже, Надежда Михайловна могла пожаловаться князю Потемкину. Такъ прошли недѣли двѣ, и Ліодоровъ, видя, что Московское происшествіе нейдетъ въ огласку, началъ успокоиваться; даже сталъ

Digitized by Google

увѣрять себя въ правотѣ, потому что онъ исполнилъ все, что долженъ сдѣлать *галантомъ*, какъ выражались въ то время.

Тетушка Надежда Михайловна, которая безъ вѣдома Серафимы велѣла у себя дома, отказывать Ліодорову, не догадывалась, что она дѣлаетъ противное тому, чего той хотѣлось. Серафима досадовала и огорчалась тѣмъ, что онъ къ нимъ не ѣдетъ; а онъ мучился мыслію, что ему воспрещенъ входъ въ благородный домъ. Это и нынче почитается оскорбленіемъ. Наконецъ, ему удалось встрѣтить Надежду Михайловну съ племянницею, въ знакомомъ домѣ, и такъ счастливо, что, сказавши привѣтствіе хозяйкѣ, онъ почти невольнымъ образомъ долженъ былъ обратиться къ гостьѣ. Надежда Михайловна вынуждена была отвѣчать, и отвѣчала довольно сухо, но Серафима уже слышала изъ его словъ, что онъ нѣсколько разъ былъ у нихъ и никогда не заставалъ дома. Когда онъ обратился къ ней, она отвѣчала ему ласково и весело какъ давнишняя знакомая. У Ліодорова камень свалился съ сердца. Онъ почувствовалъ живѣйшую благодарность къ милой дѣвушкѣ, которая избавила его отъ мучительнаго недоумѣнія. Гримасы Надежды Михайловны оставались безъ дѣйствія. Дружеская короткость возобновилась между молодыми людьми не въ четверть часа, — быть-можетъ и скорѣе. Не въ томъ дѣло.

Послѣ этой встрѣчи, грозная тетушка не могла не принять Ліодорова, который однако жъ не учащалъ своими посѣщеніями. Онъ видѣлся съ Серафимою въ обществѣ, и былъ съ нею вѣжливъ и любезенъ, — не болѣе. Часъ-отъ-часу находилъ онъ Серафиму плѣнительнѣе, и вездѣ называлъ ее прелестною дѣвушкою, украшеніемъ общества, — но также не болѣе. Прежней его влюбчивости не было и тѣни. Красота Серафимы, такъ сильно поразившая его на портретѣ, теперь какъ-будто потеряла свою очаровательность. Князь Ліодо-

Digitized by Google

ровъ чувствовалъ что-то, похожее на почтеніе и на дружескую склонность, но не на любовную страсть. Эти самыя чувства, заставили его желать объясненія съ Серафимою, объясненія искуснаго, посредствомъ котораго могъ бы онъ вывѣдать, чистосердечно ли простила она ему проступокъ молодости и легкомыслія.

Случай ему поблагопріятствовалъ; не смотря на бдительность тетушки, минутъ на пять онъ остался на-единѣ съ Серафимою. Надлежало воспользоваться этимъ временемъ, хоть бы съ пожертвованіемъ всѣхъ приличій. На неожиданный его вопросъ, Серафима отвѣчала со вздохомъ.

— Забудьте это. Я васъ менѣе виню, нежели вы думаете. Я была бѣдная сирота, обиженная природою; вы, какъ знаете, молодой человѣкъ, привыкшій къ веселости большаго свѣта, захотѣли надо мною посмѣяться.....

— Посмѣяться? Боже мой! Клянусь вамъ.....Но теперь не время.

Ліодоровъ отошелъ отъ нея и отеръ слезы, которыя совсѣмъ не ожиданно брызнули изъ его глазъ. Если когда-нибудь сердце его сильно говорило, такъ въ эту минуту: оно рѣшило судьбу его жизни.

Объ чемъ тутъ долго думать? Жениться надобно, и не рано или поздно, а въ настоящую пору, чтобы не запоздать. Ліодорову что мѣшаетъ? Молодъ, знатенъ, богатъ, и уже получилъ благословеніе родителей на выборъ себѣ невѣсты по сердцу. Вотъ первая, которая тронула его сердце! Правда, тронула не любовью, а жалостью. Но впрочемъ чего ей не достаетъ, чтобы быть любимою? Начать съ того, что Серафима совершенная красавица. Пожалуй, можно себѣ настроить воображеніе такимъ образомъ, что эта красота будетъ недѣйствительна: стоитъ только забрать въ голову,

Digitized by Google

что изъ прелестныхъ ея глазъ, одинъ – не живое Божіе твореніе, а мертвая работа искуснаго эмальёра. Но это было бы черезчуръ прихотливо. Сверъ-того, по правилу, которое всѣ повторяютъ, и которому едвали кто слѣдуетъ, должно обращать вниманіе не столько на тѣлесную, сколько на душевную, красоту. А съ этой стороны, Серафима по-видимому торжествуетъ. По-видимому, – потому что ни одинъ женихъ не узналъ настоящихъ душевныхъ свойствъ своей невѣсты, и общее мнѣніе, что нѣтъ великаго человѣка для своего камердинера, вѣрнѣе бы выразилось такъ, что нѣтъ ангела-женщины для своего мужа. Но это доказываетъ только несовершенство человѣческое, и въ такомъ случаѣ – рискъ благородное дѣло! Фениксы не существуютъ; искать ихъ, значитъ – отказываться отъ воробьевъ и тетерекъ и оставаться ни при чемъ. Въ этой мысли, Ліодоровъ, себѣ невѣдомо, столкнулся съ мнѣніемъ Серафимы.

Эти простые расчеты были, въ положеніи Ліодорова, едва ли не мудрѣе самыхъ утонченныхъ выводовъ философіи. Онъ исходатайствовалъ аудіенцію у князя Потемкина, и, безъ утайки разсказавши Московское происшествіе, просилъ первоначально его дозволенія искать руки Серафимы. Князь одобрилъ, тетушка поморщилась и поплакала, племянница согласилась. Ліодоровъ объявилъ всѣмъ, что онъ женится на кривой; и какъ остроты были тогда въ большой модѣ, то онъ говорилъ, что много черезъ это выигрываетъ, потому что жена будетъ смотрѣть на его недостатки только однимъ глазомъ. Клавдія Николаевна, отъ чистаго сердца поздравила и благословила «милую кривушу». Она прислала ей повязочку, вышитую блестками и шелками, и совѣтовала ей хранить въ воспоминаніе того времени, когда бѣдная сирота, отъ состраданія убогой и смиренной отшельницы, получила такой приличный своему несчастію по-

Digitized by Google

дарокъ. Эту повязочку Серафима повѣсила на икону Божьей Матери.

Князь Потемкинъ долженъ былъ ѣхать въ южную Россію и поторопилъ свадьбою нареченной дочки. Въ началѣ мая, Серафима сочеталась съ княземъ Лiодоровымъ. Благотворитель молодыхъ супруговъ сдѣлалъ для нихъ все, что было во власти такаго вельможи. Чему люди завидуютъ, то я вамъ далъ, говорилъ онъ: а истинное счастiе можетъ вамъ дать одинъ Богъ. Старайтесь сами заслужить!»

Не задолго до отъѣзда, князь Григорiй Александровичъ, лаская Серафиму, спросилъ ее, довольна ли она имъ.

Серафима, свой единственный глазъ устремила на единственный глазъ князя. Онъ засмѣялся.

– Что же ты не отвѣчаешь, моя милая дочка? Сколько я ни дѣлалъ добра людямъ, все имъ казалось мало. Не такъ ли и ты чувствуешь?

– Нѣтъ, милый папенька! У меня есть другое чувство или, лучше сказать, воспоминанiе.

– На примѣръ?

– О томъ испугѣ, о томъ огорченiи, которое я чувствовала, когда была увезена и, въ особенности, когда узнала, что эта шутка едва не стоила жизни моей доброй, почтенной бабушкѣ.

– Эге!

– Да, мой милый папенька! Если бы вы тогда меня призвали къ себѣ, и объявили о вашемъ намѣренiи; дѣло обошлось бы гораздо лучше.

– Стало, когда дѣлаешь подаянiе нуждающемуся, надобно напередъ его спросить, изъ которой руки ему угодно будетъ принять? И когда скорбящему несешь утѣшенiе, то надобно расчитывать, какимъ голосомъ ему сказать, погромче или потише?

– Это было бы не худо!

Digitized by Google

— А безъ этого — вмѣсто благодарности жди одного осужденія?

— Какъ быть! Таковъ человѣкъ!

— Слѣдовательно, продолжалъ князь съ горестнымъ видомъ, и потомство будетъ также цѣнить мои дѣянія?

— Милый папенька, сказала Серафима умильнымъ голосомъ. Потомство будутъ составлять человѣки, а не ангелы!

Князь Потемкинъ тяжело вздохнулъ и покачалъ головою.

— Стоитъ же труда мнѣ ѣхать въ степь, слишкомъ за двѣ тысячи верстъ! пробормоталъ онъ.

— Теперь мы квиты, сказала Серафима. Одно чувство благодарности и душевной привязанности остается за мною. Пріятно быть въ такомъ долгу.....

Княгиня Ліодорова жила почти пятьдесятъ лѣтъ послѣ своего замужства. Она была въ полномъ смыслѣ счастливая супруга и счастливая мать. Благотворительность ея была извѣстна всей Москвѣ, гдѣ впослѣдствіи она поселилась. Въ особенности сострадала она къ обиженнымъ природою, такъ, что говорили и въ шутку и безъ шутокъ: «Чтобы вполнѣ понравиться княгинѣ Ліодоровой, надобно быть уродомъ.» Добрая, милая, всегда веселая княгиня ни сколько этимъ не обижалась, и всегда отвѣчала: «Такъ что же? Свой своему по неволѣ братъ. Я и сама уродъ!

Княгиня любила разсказывать происшествія своей молодости, и никогда не утомляла своими разсказами. Она съ такимъ краснорѣчіемъ описывала свое давно минувшее горе! И какъ она говорила не вытерженное, то каждый разъ извлекала изъ своихъ разсказовъ новую нравственную мысль, — то описывая, какъ, непримѣтнымъ для нея самой образомъ, пріятное обращеніе и особенное вниманіе Ліодорова, подѣйствовали на ея неопытное сердце, — она говорила, что каждый

Digitized by Google

мужчина долженъ вмѣнять себѣ въ строжайшую обязанность осторожное обращеніе съ молодою дѣвушкою; что это существо до такой степени деликатно, что не рѣдко лишнее ласковое слово, неумышленно оказанное предпочтеніе, невинное пожатіе руки, могутъ возмутить ея душевное спокойствіе. То изображая ужасъ своего положенія, когда ей объявили, что она должна отказаться отъ любви и отъ супружескаго счастія, — она указывала на безсиліе человѣка, который, въ одно время, долженъ быть и вѣстникомъ несчастія и утѣшителемъ въ этомъ самомъ несчастіи: по этому поводу, она припоминала всѣ тщетныя старанія доброй, умной и сердобольной тетки разсѣять ея скорбь и сдружить съ жестокою судьбою. То, наконецъ, дивилась она благости Провидѣнія, которое такъ часто поражаетъ насъ бѣдствіемъ для того чтобы научить насъ пользоваться предстоящимъ благополучіемъ. Княгиня увѣряла, что ея супружеское счастіе не имѣло бы для нея и половины цѣны, если бы прежде она не была лишена всякой надежды на это счастіе. И всѣмъ подобнымъ разговорамъ было одно и тоже заключеніе, — что покойная ея бабушка сказала святую истину: «Уныніе — тяжкій грѣхъ!»

В. УШАКОВЪ.

Digitized by Google

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПУТЕШЕСТВІЯ ГАВРИЛЫ ПАІО.

РАЗСКАЗЪ Г. АЛЕКСАНДРА ДЮМА.

Въ концѣ 1833, – я жилъ тогда въ улицѣ Святаго Лазаря, – однажды утромъ слышу я у себя въ передней громкій споръ; голосъ камердинера моего Осипа раздавался во всемъ своемъ краснорѣчіи.

– Барина дома нѣтъ, говорилъ Осипъ.

– Знаемъ, слыхали мы это, отвѣчалъ другой знакомый голосъ; мнѣ ужъ за-ранѣе говорили, что въ Парижѣ никого дома нѣтъ.

– Да говорятъ вамъ, что баринъ ушелъ со двора.

– Ушелъ со двора! Въ восемь-то часовъ утра! это хорошо у насъ, въ горахъ; а здѣсь, въ большомъ городѣ, если кого нѣтъ дома въ восемь часовъ утра, такъ знать не ночевалъ дома.

– Баринъ всегда ночуетъ дома, сухо отвѣчалъ Осипъ, желая сохранить мнѣ дѣвичью репутацію.

– Я вѣдь не въ обиду вамъ это говорю; а всё таки если бъ онъ зналъ, что я здѣсь, онъ бы меня какъ-разъ кликнулъ.

– Скажите, какъ васъ зовутъ; такъ я доложу барину, когда онъ воротится.

– Пожалуй, я скажу свое имя; какъ онъ узнаетъ, что я въ Парижѣ, онъ самъ прилетъ за мной, да еще мигомъ.

– А гдѣ вы живете? спросилъ Осипъ, начиная трусить.

Digitized by Google

– У Вилльетской заставы; тамъ, знаешь, подешевле.

– А какъ вашъ чинъ, фамилія? спросилъ Осипъ, всё болѣе и болѣе смущаясь.

– Мой чинъ-съ?

– Да; какъ вы изволите, то есть, сударь, примѣрно называться.

– Гаврилою Паіо.

– Гаврила Паіо, изъ Шамуни? закричалъ я изъ постели.

– Что, балагуръ? Я зналъ, что онъ дома.....Да, да, Гаврило Паіо изъ Шамуни; я пришелъ съ вами повидаться.

– Поди, поди сюда, любезный другъ.

– А!..... сказалъ Паіо.

Осипъ отворилъ дверь и прокричалъ для доклада: Monsieur Gabriel Payot de Chamouny!

Паіо поглядѣлъ на него изкоса, думая что тотъ надъ нимъ смѣется; но Осипъ затворяетъ дверь, и мой гость сталъ важно искать, гдѣ я: онъ увидѣлъ меня въ постели.

То былъ дѣйствительно добрый и честный Савоярь Паіо, мой проводникъ на Монъ-Бланъ.

– Ахъ, извините, сударь, не прогнѣвайтесь, сказалъ онъ.

– Ничего, братъ, ничего. Какими судьбами?

– Я вамъ сейчасъ, сударь, все это разскажу.

– Садись сначала.

– Ничего сударь, я и постою; я не усталъ.

– Садись, садись. Въ Парижѣ гости всегда садятся.

– Ну, когда такъ.....Я вѣдь не знаю..... Если вамъ непремѣнно угодно.....

– Садись, вотъ здѣсь.

Я указалъ ему на стулъ, который стоялъ подлѣ моей кровати.

– Узнаешь ли ты эти часы, Паіо?

Digitized by Google

Передо мною, на столикѣ, лежали часы, которые я потерялъ въ Монъ-Бланскихъ снѣгахъ и эти добрые люди нашли ихъ и принесли ко мнѣ.

– Какъ не знать! Невелички, а много хлопотъ надѣлали цурину Петру. А что, все еще ходятъ?

– Да; когда я не забуду завести.

– У меня тоже были часы: да куда-те! вчетверо больше этихъ, Женевскія. Былъ я какъ то на веселѣ, да и вернулъ ключикомъ разовъ десятокъ лишнихъ; они и испортились; вишь-ты, пружина что ли соскочила. Я, украдкой отъ жены, снесъ ихъ къ нашему кузнецу; онъ мастеръ хоть куда, хитеръ какъ обезьяна, дѣлаетъ вертѣлы самоходы; да не тутъ-то было: съ тѣхъ поръ мои часы не оправились.

– Скажи, ради Бога, что же тебя привело въ Парижъ?

– Въ Парижъ? Да я прямехонько сюда изъ Лондона.

– Изъ Лондона! Кой чортъ занесъ тебя въ Лондонъ?

– Надобно вамъ сказать, сударь, что въ прошломъ году, вслѣдъ за вами, пріѣхалъ въ Шамуни одинъ Англичанинъ; вы знаете, одинъ уѣдетъ, другой пріѣдетъ; тѣмъ лучше для насъ, они хорошо платятъ. Не то, чтобъ Французы не хорошо платили; они тоже платятъ; да притомъ, у насъ для всѣхъ одна цѣна. Однако Французовъ-то мы лучше любимъ, потому что они говорятъ по-Совоярдски. Ну, такъ изволите видѣть, пріѣхалъ Англичанинъ, и обходилъ вездѣ, также какъ и вы; только онъ былъ еще въ саду, а вы не были, а напрасно, потому что какъ былъ, такъ по-крайней-мѣрѣ говоришь – былъ. Ну, такъ онъ спросилъ меня: – У кого ты былъ въ послѣдній разъ проводникомъ? – У господина Дюма; славный малый, дай Богъ ему здоровья; не погнѣвайтесь, сударь, васъ вѣдь тутъ не было; я сказалъ, что думалъ; да вѣдь вы и сами знаете, что васъ всѣ любятъ въ деревнѣ. – Вотъ, говорю я, его аттестаты. – Вы помните, что вы дали

Digitized by Google

мнѣ три аттестата, одинъ на Французскомъ, другой на Италіянскомъ и третій на Англійскомъ языкѣ.

– Помню.

– Хорошо. Да вотъ что̀ забавно: онъ, изволишь видѣть, и говоритъ мнѣ: – Продай мнѣ который-нибудь изъ этихъ аттестатовъ; я тебѣ дамъ двадцать франковъ. – Развѣ вы хотите пойти въ проводники? сказалъ я: скверное ремесло, сударь; милордомъ лучше быть. – Нѣтъ, говоритъ, но я собираю *орѳографы*; такъ продай мнѣ, говоритъ, эту бумагу. – Ужъ конечно она не безъ орѳографовъ, сказалъ я: вѣдь онъ сочинитель. – Англичанинъ вынулъ изъ кармана двадцать франковъ и я взялъ ихъ. Что̀, хорошо я сдѣлалъ? Этотъ лоскутокъ больше не сто̀итъ?

– Онъ не сто̀итъ и двадцати грошей.

– Я такъ и думалъ: но эти Англичане такъ глупы! Ну, какъ пришли мы въ садъ, что́ на Монъ-Бланѣ, между ледниками, вдругъ выбѣжали двѣ серны; такъ, Богъ вѣсть съ чего; а Агличанинъ зарадовался. – Господи Боже мой, сказалъ онъ: я бы за этихъ звѣрковъ далъ по тысячѣ франковъ за штуку, если бъ кто доставилъ ихъ въ мой паркъ. – Можно взять и дешевле. – Право? – Честное слово. – Ну, такъ вотъ тебѣ мой адресъ въ Лондонѣ. Если ты приведешь мнѣ двухъ живыхъ сернъ, я не отрѣкусь отъ своего слова. – По рукамъ! сказалъ я. – Хочешь я напишу условіе? – Не надо; дайте только руку. – И больше ни гугу. Только на прощаньи, онъ далъ мнѣ за три дня сто франковъ, вмѣсто двадцати семи. Вы знаете, по девяти франковъ на день за человѣка съ муломъ. А кстати, помните ли вы моего мула, Трясучку? Онъ вѣдь здѣсь.

– Жаль мнѣ тебя, если ты на немъ пріѣхалъ. Онъ ужасно трясокъ.

– Ба! я его отдаю внаймы путешественникамъ, а самъ никогда на немъ не ѣзжу. Дуракъ я, что̀ли, самъ

Digitized by Google

на немъ ѣздить! Для себя я запрягаю его въ телѣжку. Ну, такъ, знаете, весною я и вспомнилъ объ этомъ Англичанинѣ. Я вѣдь знаю гдѣ водятся серны; поймалъ пару маленькихъ, самца да самку; они были ростомъ не больше моего кулака; да и плохо видѣли-то; мы ихъ кормили рожкомъ, какъ ребятишекъ: прости, Господи, наше прегрѣшеніе! Это дочь моя вздумала. А кстати, вы вѣдь знаете мою дочь? Она была брюхата; теперь родила, и меня ждутъ къ крестинамъ. Ну, такъ изволите видѣть, какъ моимъ сернамъ стукнуло три мѣсяца, я говорю женѣ: — Мнѣ надо ѣхать въ Лондонъ. — И, Господи упаси, какъ она разсердилась! — Зачѣмъ тебѣ, говоритъ, въ Лондонъ? — Да поставить товаръ; вотъ этихъ двухъ звѣрковъ; они стоятъ двѣ тысячи франковъ. — Ты, видно, говоритъ, черезъ край хватилъ. — Она мнѣ всегда говоритъ, что я черезъ край хватилъ; да пусть себѣ говоритъ. Я пошелъ во дворъ, приладилъ старую клѣтку; вытащилъ телѣжку; пошелъ въ конюшню, да и говорю Трясучкѣ: — Ну, братъ, Трясучка, въ путь да въ дороженьку! — Посадилъ себѣ своихъ сернъ въ клѣтку; поставилъ ее на телѣжку; въ телѣжку запрягъ Трясучку; да и спросилъ у нашего школьнаго учителя, гдѣ дорога въ Лондонъ. — Поѣзжай, говоритъ, въ Саланшъ; а оттуда держи путь на Ліонъ; а какъ переѣдешь, говоритъ, Ліонъ, такъ поверни только на лѣво. — И съ Богомъ! Пріѣхалъ я въ Ліонъ, повернулъ на лѣво, и вотъ я..... Вы думаете въ Лондонѣ? Не тутъто было; я попалъ въ Парижъ. Ахти, Господи Боже мой! что дѣлать? Пошелъ я распрашивать. Здѣсь мнѣ сказали: — Вотъ видишь ли Сену? Ступай все по ней, такъ и пріѣдешь въ Гавръ.

— И ты поѣхалъ безо всякаго условія съ Англичаникомъ?

— Какое вамъ условіе? Вѣдь мы ударили по рукамъ. Чего же еще? Но вотъ что забавно. Пріѣзжаю я

Digitized by Google

въ Гавръ; ночью, темень была такая что зги Божьей не видно. На утро сталъ я закладывать своего мула, какъ приходитъ какой-то молодецъ въ лакированной шляпѣ, въ синей курткѣ да въ бѣлыхъ шараварахъ; я надѣвалъ тогда свой кафтанъ. Этотъ молодецъ спрашиваетъ: — Ты, что-ль, ѣдешь въ Лондонъ? — Я. — Хочешь ли, я перемахну тебя черезъ рукавъ? — Поди ты, шутъ! — Ну такъ я завезу тебя въ Лондонъ. —Я, братъ, и самъ доѣду. Скажи только, по какой дорогѣ ѣхать въ Лондонъ. — Прямо. — Я затянулъ Трясучкѣ подпругу, да и маршъ. Лакированная шляпа за мной. Ѣхалъ, ѣхалъ я, да и доѣхалъ такъ, что и дороги нѣтъ. Я спрашиваю, что это такое; мнѣ говорятъ: гавань. — Да гдѣ же Лондонъ-то? — По ту сторону рукава. — Знаете ли вы, сударь, что они рукавомъ, la Manche, называютъ моремъ? Экіе шуты! Ну, пусть по вашему, рукавъ море: а моста-то нѣтъ? — Лакированная шляпа сталъ смѣяться. — Оно дѣло-то плохо, сказалъ я: объ этомъ мы не условились съ Англичаниномъ; тотъ чудакъ и не сказалъ мнѣ, что тутъ море. Я вѣдь не морякъ. Смерть было досадно. Что дѣлать? Я говорю Трясучкѣ: — Ну, братъ, Трясучка, повернемъ оглобли, да и домой; море не наше дѣло. — Ѣдемъ мы назадъ. Негодяй трактирщикъ стоитъ у дверей. — Ба, да это ты вернулся! — Да я; не боишься ты Бога, что жъ ты мнѣ не сказалъ, что тутъ море? — Онъ началъ хохотать. — Экой разбойникъ! что ротъто разинулъ? — Да вѣдь съ тобой былъ матросъ съ парохода. — Съ парохода ли, съ морехода, кто ихъ знаетъ! Какой матросъ? Лакированная то шляпа? — Ну, да. — Хорошъ малый; такой же какъ ты. — Ну, ну, ладно, пойдемъ выпьемъ сидру. — Надобно вамъ сказать, что въ той землѣ гонятъ вино изъ яблокъ.

— Знаю. Ну, какъ же ты поѣхалъ?

— Да пришлось дѣлать что велятъ. Я оставилъ Трясучку съ телѣжкой у трактирщика, и на другой день

Digitized by Google

чуть свѣтъ сѣлъ со своими звѣрками на пароводъ. Повѣрите ли вы, сударь, что эти безбожники заставили меня заплатить за провозъ моихъ звѣрковъ? Заплатилъ-то, правда, не я, а какой-то милордъ, потому что серны мои всю дорогу забавляли его дочь. Бѣдная дѣвушка! она была больна грудью. Осьмнадцати лѣтъ. Да какая хорошенькая! На пароводѣ говорили, что она уже не жилица на этомъ свѣтѣ. Она была въ Италіи, да стосковалась о своей родной землѣ. Я тоже тосковалъ, только не о землѣ, а отъ моря. Бывали ли вы, сударь, на морѣ?

— Случалось.

— Ну, такъ вы знаете, что̀ это. Ей Богу, мнѣ легче какъ жена родитъ, чѣмъ тутъ было. Да не мнѣ одному было тошно; всѣ вповалъ лежали. Я думаю, что это проклятый сидръ воротилъ мнѣ душу. Лакированная шляпа все твердилъ мнѣ: поѣшь, поѣшь чего-нибудь. — Да! поѣшь, легко сказать; тутъ не до ѣды. Всѣ мы были на боку. Одна только молоденькая гуляла, прохаживалась между нами, словно тѣнь, да играла съ моими сернами. Хоть бы она отворила клѣтку, да выпустила нхъ, такъ я бы не побѣжалъ за ними. Куда-те! и ноги не двигались. Подъ вечеръ, вѣтеръ сталъ свѣжать: какъ они тамъ говорятъ. Громъ разходился, а море стало плясать. Намъ отъ этого не легче. Я ужъ думалъ, что приходится отдать душу Богу. Да тутъ еще несло жареными котлетами..... Прр! такъ душу и воротило. Это лакированная шляпа готовилъ себѣ ужинать. Буря-то все разыгривалась. — Ну, говорилъ я самъ себѣ, авось Богъ, мы потонемъ. — Какъ этакъ боленъ, такъ жизнь плевка не сто́итъ: все вертѣлось, ну словно, какъ-будто пьяный. Ночью на палубѣ стало пусто; пароводъ какъ будто шелъ на волю Божью; только дѣвушка стояла, прислонясь къ мачтѣ. При каждой молніи, она виднѣлась тутъ, бѣлая, блѣдная какъ

Digitized by Google

привидѣніе; длинные ея волосы летали по вѣтру, а глаза горѣли лихорадкою; и кашляла она такъ, что мнѣ было больно. При одной молніи я замѣтилъ, что она поднесла платокъ ко рту, и отняла его весь въ крови; потомъ стала улыбаться, да такъ печально, что душенька надрывалась. Тутъ опять блеснула молнія, какъ-будто небо разтворилось, а бѣдняжка кивнула головою, словно хотѣла сказать: Иду, иду! Я закрылъ глаза; мочи не было.... Не знаю что потомъ вокругъ меня дѣялось; помню только, что былъ вѣтеръ, да дождь лилъ ливмя; вотъ и все. Потомъ, послышались мнѣ голоса; кажется, кто-то ходилъ съ фонаремъ. Потомъ, меня взяли подъ плеча: я обрадовался, думалъ что хотятъ выбросить въ море.... Черезъ полчаса, мнѣ стало полегче; что-то мягкое и теплое двигалося у меня по рукамъ; я открылъ глаза, и поглядѣлъ; это мои звѣрки меня лизали. Я очутился въ комнатѣ, на постели; въ каминѣ горѣлъ огонекъ; мы были въ Брайтонѣ. Минутъ десять по больше я все не могъ увѣриться, что мы на твердой землѣ; мнѣ все чудилось, будто-меня качаетъ; однако жъ, по-немиожку, это прошло, и я почувствовалъ, что въ желудкѣ у меня пусто какъ въ сараѣ. Не мудрено: я цѣлый день ничего не ѣлъ, напротивъ; да притомъ изъ кухни славно пахло котлетами. — Дѣло! подумалъ я: видно готовятъ ужинъ. — Тутъ вошелъ мальчикъ, и проборматалъ мнѣ что-то по Англійски. У него была салфетка въ рукахъ, да притомъ онъ сдѣлалъ знакъ; поднесъ руку ко рту, и я понялъ, что горячее на столѣ. Я не сталъ ждать другаго объясненія, и мигомъ сбѣжалъ съ лѣстницы. Внизу меня спросили, изъ которыхъ я: изъ первыхъ или изъ вторыхъ? Я сказалъ: — Изъ вторыхъ. Я вѣдь не спѣсивъ. Дверь столовой первыхъ мѣстъ отворилась. Я взглянулъ туда мимоходомъ; всѣ ужъ принялись за дѣло, кромѣ Англичанки, да отца ея. Злодѣй, лакированная шляпа, сидѣлъ за нашимъ

Digitized by Google

етоломъ, и передъ нимъ стояло блюдо говядины...: — Ну, что пріятель? Ты, я надѣюсь, не сердитъ; сѣсть мнѣ, что ли, противъ тебя. — Садись, говоритъ. — Онъ былъ добрый малый. — Налей-ка, братъ винца; у меня на душѣ отойдетъ. — Винца? Да развѣ ты такой богачъ, что можешь пить вино? Оно здѣсь стоитъ двѣнадцать франковъ бутылка. — Что ты, Господь съ тобой? развѣ двѣнадцать су. — Не двѣнадцать су, а двѣнадцать франковъ. — Вотъ-те разъ! Такъ что жъ это у тебя въ кружкѣ? — Ale. — Что?... — Ничего; пиво, коль хочешь. Ты до него охотникъ что-ли? — Не больно. Ну да ужъ нѣчего дѣлать, давай; все же лучше воды. — За твое здоровье. — За твое то жъ. А кстати о здоровьѣ; какова наша Англичаночка? — Какая? — Да что была на пароводѣ-то. — Плохо; умираетъ. — Ба! да она и больна не была. — Не больна была твоей болѣзнью; это вздоръ; а ея болѣзнь по важнѣе. Плохой знакъ, когда христіанская душа не чувствуетъ въ морѣ того же что другія; я зналъ что плохо; большая болѣзнь побѣдила маленькую; ее поддерживала смерть. Когда вы лежали на кораблѣ, она одна оставалась на ногахъ; теперь всѣ на ногахъ, она одна лежитъ, да ужъ и не встанетъ. — Экой ты человѣкъ, поподчивалъ меня ужиномъ, а теперь мнѣ кусокъ въ ротъ не пойдетъ; бѣдная дѣвушка!.... На другой день, утромъ, я собирался ѣхать съ извощикомъ, который былъ безъ сѣдока; гляжу, отецъ этой дѣвушки сидитъ на дворѣ на скамейкѣ, и какъ-будто ни объ чемъ не думаетъ. — Экой каменный! подумалъ я; сидитъ словно истуканъ. Ну, Божескій ли народъ, эти Англичане? Если бъ у меня была дочь при смерти, я бы, кажется, разбилъ себѣ голову о стѣну. Этакой жирный песъ!.... Хлопнуть его что ли по шеѣ?... — Я ходилъ вокругъ его; смерть, хотѣлось задать ему порядочно кулакомъ; а онъ какъ будто и не видалъ меня. Только, заглянулъ я ему въ лице.... Бѣднята! двѣ крупныя слезы выкатились изъ

Digitized by Google

глазъ его и текли по щекамъ. – Извините, сударь, сказалъ я, виноватъ я передъ вами. – Она умерла! отвѣчалъ онъ. – И точно, какая-то жилка лопнула у ней въ груди и кровь ее мочью задушила. Ну, да Богъ съ ними! Два дня ѣхалъ я до Лондона. Два дня долги кажутся, когда ѣдешь съ чудакомъ, который безпрерывно поетъ, и когда въ душу запала тоска. Мнѣ все казалось, будто вижу какъ эта бѣдненькая Англичанка ходитъ по палубѣ, а толстый отецъ ея сидитъ на камнѣ. Ну да полно объ этомъ! Скоро ли, долго ли, наконецъ я пріѣхалъ. Слава тебѣ Господи! показываю адресъ, и мнѣ тотчасъ растолковали гдѣ это. У воротъ спрашиваю: – Тутъ ли мой милордъ. – Тутъ. – Я въѣхалъ во дворъ съ моими звѣрками; весь домъ собрался вокругъ телѣжки; какой-то господинъ выглянулъ въ окно и спросилъ что̀ тутъ такое. Я узналъ моего путешественника. – Это я, сударь, Гаврило Паіѳ, здравія желаемъ, изъ Шамуни, сказалъ я: привезъ вамъ вашихъ сернъ. – А! – Вы знаете что вы мнѣ обѣщали..... – Да, да! – Онъ меня тотчасъ узналъ, какъ вы же. Славный малый этотъ милордъ. Что̀ за радость была во всемъ домѣ! Сернъ моихъ свели въ великолѣпную комнату. – Дѣло! подумалъ я: если ужъ имъ дали такую квартеру, такъ гдѣ жъ меня-то помѣстятъ? Во дворцѣ? – И въ самомъ дѣлѣ, предлинный лакей попросилъ меня итти за нимъ. Онъ повелъ меня въ третій этажъ. Отворили мнѣ комнату, гдѣ все были ковры, да шелковые занавѣсы, да бархатные стулья: роскошь такая что и Боже упаси! Церемониться было нѣчего; я оставилъ башмаки у порога и вошелъ, какъ-будто къ себѣ домой. Минутъ черезъ пять человѣкъ принесъ мнѣ туфли и спросилъ, какъ я буду завтракать, съ милордомъ или въ своей комнатѣ. – Какъ милорду угодно. – Потомъ онъ спросилъ меня, самъ ли я брѣюсь. Я отвѣчалъ, что въ Шамуни приходилъ меня брить на досугѣ школьный учитель, но что доро-

Digitized by Google

гой я принужденъ былъ самъ бриться. – Да, это и замѣтно, сказалъ онъ. – И точно, у меня были три или четыре царапины, потому что у меня рука тяжела; изволишь видѣть, привыкъ опираться по горамъ на кованую палку..... Я пришлю вамъ, говоритъ, милордова камердинера. – Пришлите. – Минутъ черезъ пять вошелъ какой-то господинъ, въ синемъ фракѣ, въ бѣлыхъ іштанахъ, въ шелковыхъ чулкахъ. Угадайте кто это былъ?

– Камердинеръ.

– Экой вы угадчикъ!..... А я было принялъ его за мера. Я всталъ и поклонился..... Онъ сказалъ, что пришелъ брить меня; я не хотѣлъ-было вѣрить; но онъ вынулъ бритвы, мыльницу, все что̀ нужно, и подвинулъ кресла; я долго не садился, хотѣлъ показать, что знаю учтивость. Я говорилъ ему: – Нѣтъ, нѣтъ, благодарю, я и постою. – Но онъ отвѣчалъ, что этакъ ему неловко: я сѣлъ. Онъ намазалъ мнѣ бороду мыломъ, отъ котораго такъ и пахло мускусомъ, и началъ водить мнѣ по лицу бритвою. Что за бритва! словно бархатъ. Потомъ онъ сказалъ мнѣ: – Готово. – А я ничего и не чувствовалъ! – Прикажете васъ одѣть? – Благодарю покорно, я всегда самъ одѣваюсь. – Не прикажете ли вамъ подать бѣлье? – У меня есть въ чемоданѣ все, что̀ нужно. Велите только подать мой чемоданъ. Тамъ все есть. Я вѣдь не голякъ. – А скоро ли вы будете готовы? – Минутъ черезъ десять. – Милордъ ждетъ васъ завтракать. – Если онъ торопится, то скажите ему, чтобъ начиналъ безъ меня. Я его догоню. – Милордъ подождетъ васъ. – Ну, такъ поскорѣе же, ради Бога!..... Я одѣлся щегольски; какъ-нельзя лучше. Милордъ былъ въ столовой съ супругою и двумя хорошенькими дѣтками. Онъ рекомендовалъ меня своей хозяйкѣ и пробормоталъ что̀-то по-Англійски. – Извините, сказалъ онъ; миледи не говоритъ по-Французски. Забавное имя, – миледи! – Ничего,

Digitized by Google

отвѣчалъ я: тутъ нѣтъ никакого стыда. – Милордъ налилъ мнѣ вина. Я поклонился почтенному собранію и поднесъ стаканъ ко рту. – Знатное винцо! сказалъ я милорду. – Да; оно не дурно. – А этотъ шутникъ, лакированная шляпа, увѣрялъ меня, будто вино стоитъ въ Англіи двѣнадцать франковъ бутылка. – Да; обыкновенное бордо; а это шато-маргò.–Вотъ забавно! Такъ развѣ чѣмъ лучше тѣмъ дешевле. Чудная земля! – Вы меня не поняли. Это стоитъ, кажется, луидоръ бутылка. – Я взялъ бутылку, чтобы вылить туда что оставалось у меня въ стаканѣ. – Что это вы дѣлаете? вскричалъ милордъ, схвативъ меня за руку. – Нѣтъ, сударь! сказалъ я милорду, я не стану пить вина по луидору бутылка. Это грѣхъ передъ Богомъ. Берегите его, чтобы поподчивать короля, когда онъ къ вамъ пріѣдетъ. – Развѣ оно вамъ не нравится? – Какъ не нравиться! – Такъ пейте же, говоритъ, сколько вамъ угодно, а потомъ я бутылокъ двадцать дамъ вамъ на дорогу. – Покуда надо было только пить бордо и ѣсть бифштекъ, все шло какъ-нельзя лучше; но вотъ, въ концѣ завтрака, какой-то длинный шутъ принесъ подносъ съ чашками, серебряный кофейникъ и мѣдную вазу, въ которой былъ огонь и вода. Все это поставили передъ хозяйкою; она положила въ кофейницу цѣлую горсть цѣлебной травы, отвернула кранъ и вода полилась; минутъ черезъ пять этотъ настой разлили въ чашки. Одну взялъ милордъ, другую миледи, третью подали мнѣ. Я сказалъ: – Нѣтъ, покорно благодарю, у меня нѣтъ червей въ желудкѣ; кушайте на здоровье свое лекарство, а я не стану. – Это не отъ червей, а для того, чтобы желудокъ лучше варилъ. – Я не посмѣлъ отказаться въ другой разъ, взялъ чашку, пропустилъ въ горло глотка три, на четвертомъ остановился: смерть гадко!..... Я поставилъ чашку на столъ. – Что жъ? развѣ не хорошо? спросилъ ми-

Digitized by Google

лордъ. – Тьфу! Прр! – Да это самый лучшій чай, привезенный изъ..... постойте, откуда бишь?.....

– Изъ Китая?

– Да; точно, изъ Китая. Странно, вы все знаете!... Да я забылъ, что вы сочиняете книги!..... Чай, говоритъ, привезенный изъ Китая. – А далеко ли этотъ Китай? спросилъ я. – Да льё тысячъ пять будетъ отъ Лондона. – Ну, такъ уже право не я поѣду за этою травой, если бъ ея здѣсь не стало. – Госпожа миледи шепнула ему что-то по-Англійски. – Такъ вы не положили сахару? – Нѣтъ, я не зналъ, что надо. – О, такъ это въ самомъ дѣлѣ должно быть отвратительно. – Да таки не хорошо; притомъ вы не сказали мнѣ, что это такъ горячо; я обжегъ себѣ весь языкъ. Глядите-ка..... – Бѣднякъ! – Да это еще не все..... Ей Богу, сударь, сказалъ я, мнѣ кажется, что у меня опять Англійская болѣзнь начинается: это отъ горячей воды; я терпѣть не могу горячей воды; да и холодной тоже. – Что жъ бы вамъ выпить, Паіd; а непремѣнно, говоритъ, надобно чтò-нибудь выпить. – Позвольте мнѣ самому полечиться. – Какъ угодно, говоритъ. – Такъ прикажите подать мнѣ водки; только старой.

– Да кстати, сказалъ я, радуясь, что нашелъ случай прервать разсказъ словоохотнаго Паіd. Помнится, что ты любишь коньякъ. Осипъ!.....

Человѣкъ мой вошелъ.

– Водки!

– Немножко, сказалъ Паіd; будетъ одной бутылки.

– Не безпокойся. Такъ тебя въ Лондонѣ принимали какъ-нельзя лучше? Долго ли же ты тамъ оставался?

– Три дня. Въ первый день милордъ повезъ меня къ себѣ на дачу. Мы пустили сернъ въ паркъ; супруга его, госпожа миледи, и дѣти не могли на нихъ нарадоваться; для дѣтей это былъ настоящій праздникъ. На другой день мы были въ театрѣ, и все разъѣзжали въ милордовой каретѣ. На третій, онъ повезъ

Digitized by Google

меня къ портному, у котораго было платьевъ полтораста готовыхъ. – Выбирайте любое, говоритъ; полную пару. – Я вѣдь не промахъ: выбралъ бархатное платье, которое такъ и стояло; да вотъ оно.....

Паіо всталъ, и два раза повернулся.

– Теперь, сказалъ милордъ, надобно положить что-нибудь въ карманы, чтобы они не болтались: вотъ сто гиней! – Что жъ это будетъ, сто гиней? – Около двухъ тысячъ семи сотъ франковъ. – Да вы мнѣ должны только двѣ тысячи франковъ. – За сернъ, двѣ тысячи; а семь сотъ пойдутъ на дорожные расходы. – Ну, сударь! сказалъ я ему: не знаю какъ и благодарить васъ. – Не стоитъ благодарности. Теперь живите здѣсь сколько вамъ угодно; мнѣ всегда пріятно будетъ васъ видѣть. – Покорно благодарю; мнѣ надобно домой: дочь моя родила и меня ждутъ на крестины; а безъ этого я бы радъ здѣсь пожить по-дольше; житье здѣсь славное. – Такъ я велю отвезти васъ завтра въ Брайтонъ; пакетботъ идетъ въ Гавръ послѣ завтра; я велю взять для васъ мѣсто. – Послушайте, милордъ, сказалъ я: мнѣ бы хотѣлось ѣхать другою дорогою, хоть бы пришлось заплатить за экипажъ, а моремъ я не согласенъ. – Это невозможно, любезный другъ; Англія островъ, какъ тотъ садъ, въ которомъ мы съ вами были; только вмѣсто льду, здѣсь кругомъ морская вода. – Ну если ужъ нѣчего дѣлать, такъ и быть, я пущусь завтра въ дорогу. – На другой день, какъ я садился въ карету, миледи сунула мнѣ въ руку ящичекъ. Это, говоритъ, подарокъ для вашей дочки. – О, госпожа миледи, вы слишкомъ милостивы! Зовите жену мою просто миледи. – Избави Богъ! – Отчего жъ нѣтъ, когда я позволяю? – Отказаться было невозможно и я сказалъ ей просто: – Прощайте, миледи, – какъ-будто: Прощай, Катенька. Такъ-то я сюда добрался!

Digitized by Google

– Очень радъ, Паіò, что ты вспомнилъ обо мнѣ. Ты обѣдаешь у меня, не правда ли?

– Покорно благоларю, вы очень милостивы.

– Въ которомъ же часу ты обыкновенно обѣдаешь?

– Да я ѣмъ горячее обыкновенно вполдень.

– Очень хорошо; я въ это время всегда завтракаю. Такъ я тебя жду.

Паіò ушелъ. Я послалъ Осипа заказать завтракъ въ Rocher de Cancale.

Въ исходѣ двѣнадцатаго гость мой явился.

– Поѣдемъ, любезный Паіò; у меня нѣтъ кареты, какъ у милорда, но мы возмемъ извощика; я не держу дома бордосскаго вина, но знаю гдѣ его можно достать и притомъ самаго лучшаго; а что̀ касается до чаю.....

– Покорно благодарю; если вамъ все равно, то лучше что-нибудь другое.

– Вмѣсто чаю, мы будемъ пить кофе.

– Вотъ это дѣло; кофе питье христіанское; а чай Богъ знаетъ что̀ такое, хуже ромашки.

Я сдержалъ свое слово; напоилъ его самымъ лучшимъ виномъ у Бореля, самымъ лучшимъ кофе у Ламбсена; потомъ, когда увидѣлъ, что онъ находится въ блаженномъ расположеніи духа, которое обыкновенно слѣдуетъ за хорошимъ завтракомъ, я спросилъ, не хочетъ ли онъ, чтобы я его свезъ въ четверть часа въ Шамуни.

– Вы смѣетесь надо мною?

– Ни сколько. Если хочешь, мы черезъ четверть часа будемъ у дверей трактира.

– У Жана Терраса?

– И увидишь Монъ-Бланъ, какъ теперь меня видишь.

– Кто знаетъ; быть-можетъ, сказалъ Паіò: я столько видѣлъ чуднаго, что всему вѣрю.

– Ну, такъ рѣшено?

Digitized by Google

– Пожалуй.

– Поѣдемъ же.

Мы опять сѣли въ фіакръ. Извощикъ остановился у дверей Діорамы. Мы вошли.

– Гдѣ жъ это мы?

– Въ пограничной таможнѣ. Я сей-часъ заплачу по два франка пятидесяти сантимовъ за тебя и за себя.

Я отдалъ ему билетъ.

– Вотъ твой паспортъ.

Мы очутились въ совершенной темнотѣ.

– Узнаешь ли ты Паіо, гдѣ мы?

– Нѣтъ.

– На Лѣстницахъ.

– Которыя ведутъ въ гроту?

– Да; ты видишь какъ темно.

– Ну, такъ мы близко, сказалъ Паіо.

– Да, минутъ черезъ пять будемъ на мѣстѣ, или еще скорѣе. Посмотри!

Мы вошли въ то самое время, какъ Черный Лѣсъ исчезалъ и являлся Монъ-Бланъ. Въ углу картины, которая начинала показываться, виднѣлись сосны и снѣгъ. Я поставилъ Паіо такъ, чтобы взоры его могли погружаться въ отверзтіе по мѣрѣ того, какъ оно разширялось. Онъ смотрѣлъ сначала неподвижно, едва дыша и протягивая руки впередъ по-мѣрѣ-того, какъ волшебная картина развивалась; наконецъ онъ вскрикнулъ и хотѣлъ броситься. Я удержалъ его.

– О! сказалъ онъ: пустите меня! Вотъ нашъ Монъ-Бланъ; вотъ ледникъ Таконнѣ; вотъ деревня на берегу; Шамуни за нами!.....

Онъ обернулся.

– Пустите меня обнять жену и дочь! ради Бога пустите, я сейчасъ догоню васъ!

Всѣ зрители обратились къ намъ, и я замѣтилъ, что нахожусь въ довольно неловкомъ положеніи..... Я видѣлъ, что пора окончить эту комедію и какъ Паіо

Digitized by Google

продолжалъ проситься въ Шамуни, я сказалъ ему, что все это не природа, а картина. Онъ упалъ на лавку.

– О, какъ вы меня огорчили! вскричалъ онъ, и началъ плакать.

Зрители насъ окружили.

– Кто это? спрашивали они меня.

– Это проводникъ изъ Шамуни; ему показалось, что онъ видитъ свою родину и онъ прослезился. Вотъ и все.

– Извините, сказалъ Паіо, но я не могъ удержаться.

Онъ опять обратился къ картинѣ.

– Да, это точно моя родная долина! сказалъ онъ; и сложивъ руки, онъ смотрѣлъ молча, погруженный въ безмолвное, жадное созерцаніе; этотъ холстъ оживлялъ въ душѣ его всѣ воспоминанія юности, напоминалъ всѣ семейныя наслажденія, представлялъ всѣ прелести отчизны.

Я воспользовался его задумчивостію и ушелъ. Я боялся, чтобы меня не приняли за пріятеля, подосланнаго хозяиномъ діорамы, для произведенія бо́льшаго эффекта на посѣтителей. Въ Парижѣ, это – дѣло бывалое.

На другой день въ семь часовъ утра, Паіо былъ уже у меня.

– Зачѣмъ же это вы ушли? сказалъ онъ.

– Я хотѣлъ сдѣлать тебѣ удовольствіе и между-тѣмъ огорчилъ тебя; мнѣ это было больно.

– Нисколько не огорчили; родную землю пріятно видѣть даже и на картинѣ. У васъ Парижанъ, нѣтъ родной земли; у васъ есть только улицы; вы не виноваты, что не знаете этого: надобно родиться въ деревнѣ, чтобы понимать что̀ это такое. Въ Шамуни нѣтъ ни одного дома, котораго бы я не видалъ издали такъ же какъ изблизи; въ этихъ домахъ нѣтъ ни одного человѣка, который бы не былъ мнѣ знакомъ; на кладбищѣ, ни одной могилы, которую бы я не зналъ. Мнѣ

Digitized by Google

стоитъ только закрыть глаза, и я все это вижу; а въ Парижѣ не достанетъ жизни десяти человѣкъ, чтобы только выучить имена всѣхъ улицъ.

— Да; ты правду говоришь, любезный другъ. Что жъ ты тамъ дѣлалъ послѣ меня?

— Тамъ я нашелъ одного господина, который былъ въ Шамуни и даже въ Саду, куда вы не захотѣли итти. Тутъ мнѣ пришлось разсказывать всѣмъ, какъ на Монъ-Бланъ взбираются цѣлые три дня, какъ первую ночь проводишь на боковой вершинѣ; да, однимъ словомъ, все.

— И они, конечно, были довольны?

— Кажется, что такъ, потому что они сложились и дали мнѣ пятьдесятъ франковъ на водку.

— Послушай, Паіо, если бъ ты прожилъ года два во Франціи и въ Англіи, ты бы, я думаю, сдѣлался миліонщикомъ.

— Надобно думать, что такъ; да я не стану этого дожидаться; я пришелъ проститься съ вами; я ѣду.

— Сегодня?

— Сейчасъ. Ахъ, вы показали мнѣ мою родину, и мнѣ надобно туда возвратиться!

Я пожалъ ему руку.

— А развѣ вы не хотите поздороваться съ Трясучкой; онъ здѣсь внизу со своей телѣжкой.

— Очень радъ. Мы съ нимъ старые знакомые и онъ оставилъ мнѣ много неизгладимыхъ воспоминаній.

— Ну, такъ пойдемъ-те же.

— А развѣ ты не выпьешъ на дорогу?

— Да, не мѣшаетъ.

Я надѣлъ шлафрокъ и проводилъ Паіо. Трясучка ждалъ его у дверей. Я тотчасъ узналъ его.

Паіо просилъ позволенія обнять меня. Я прижалъ его доброе сердце къ моему. Онъ отеръ слезы, вскочилъ на свою телѣжку, хлыснулъ мула и поскакалъ.

Не проѣхавъ еще десяти шаговъ, онъ остановилъ

Digitized by Google

своего Трясучку, обернулся и, видя, что я слѣдую за нимъ глазами, вскричалъ:

– Если вы когда-нибудь пріѣдете опять въ Шамуни, будьте увѣрены, что васъ примутъ, какъ роднаго. Ну, прощайте!

Минутъ черезъ пять онъ повернулъ за уголъ предмѣстія Поассоніеръ и скрылся у меня изъ виду. Я воротился въ свою комнату.

Нѣсколько дней тому назадъ, я принялся разпечатывать письма, которыя получены были на мое имя, пока я ѣздилъ по Сициліи. Между прочими нашелъ я одно письмо со штемпелемъ Салланша. Я узналъ почеркъ Жака Бальма, Шамунійскаго жителя, съ которымъ познакомился во время путешествія на Монъ-Бланъ. Я разпечаталъ это письмо. Въ немъ было написано:

«Пользуюсь отъѣздомъ въ Парижъ господина доктора, который очень хорошо знаетъ васъ, чтобы написать къ вамъ и поблагодарить васъ за ваши «Впечатлѣнія путешествія», и за «Минералогію» Бедана, которыя вы прислали мнѣ съ Гаврилою Паіо. Послѣдняя изъ этихъ книгъ будетъ мнѣ очень полезна, потому что я наконецъ нашелъ золотую жилу, которая доведетъ меня къ руднику; а какъ время стоитъ очень хорошее, то я завтра же пущусь на поиски.

«Имѣю честь кланяться и благодарить васъ.

«*Жакъ Бальма.*»

«P. S. Я чуть было не забылъ сказать вамъ, что Паіо, возвратясь въ Шамуни, оборвался съ горы и убился.»

Письмо выпало у меня изъ рукъ. Такъ вотъ зачѣмъ этотъ человѣкъ такъ торопился на родину!.... Я оттолкнулъ ногою корзинку, въ которой лежали мои письма.

Revue des deux Mondes.

Digitized by Google

БОСТОНСКАЯ СТАРУШКА.

АМЕРИКАНСКАЯ БЫЛЬ.

Два узкія окна съ глубокими впадинами пропускали лунные лучи и освѣщали большую комнату, убранную пышно и въ старинномъ вкусѣ. Свѣтъ, проходившій сквозь одно изъ этихъ отверзтій, разливалъ на Венеціянскій коверъ пестрые оттѣнки цвѣтныхъ стеколъ и ихъ ослабленную прозрачность. Другое окно съ толстыми шелковыми гардинами желтаго цвѣта прямо роняло свой блѣдный отблескъ на альковъ, кровать и лице спящаго молодаго человѣка. То была сцена необычайная и живописная; одна изъ тѣхъ фантастическихъ существенностей, которымъ воображеніе отказывается вѣрить и которыя удивляютъ умы, наименѣе одаренные поэзіею.

Спящій молодой человѣкъ наслаждался сномъ глубокимъ. И какимъ сномъ! послѣднимъ изъ всѣхъ, единственнымъ, котораго уже не тревожатъ страсти! Онъ былъ покрытъ бѣлою простынею и не двигался. Но вдругъ показалось будто бы его неподвижныя черты оживились и чувство жизни возрождается на этомъ блѣдномъ лицѣ. То былъ совершенный оптическій обманъ. Онъ произошелъ отъ весьма естественнаго случая: занавѣсъ, находившійся между окномъ и кроватью покойника потрясся въ ту минуту какъ дверь комнаты отворилась. Дѣвушка высокая, прекрасная, со строгимъ и страстнымъ челомъ, съ Испанскою физіономіею, вошла и тихо приблизившись къ постели, судорожно обвила руками мертвое тѣло.

Digitized by Google

Не одна нѣжность являлась на этомъ характеристическомъ лицѣ, но какое-то пламенное торжество, смѣшанное съ глубокою горестію. Трупъ, казалось, въ другой разъ пошевелился, какъ-бы хотѣлъ отвѣчать объятію. То же самое дѣйствіе производило прежній результатъ. Дверь снова отворилась подъ рукою другой женщины, которая съ полными слезъ глазами, подошла къ бреннымъ остаткамъ молодаго человѣка. Эти двѣ женщины долго смотрѣли другъ на друга, не говоря ни слова, и стояли тутъ какъ двѣ статуи у гробницы. Онѣ нисколько не походили одна на другую. Одна была символомъ сильныхъ ощущеній; другая выражала чувствительность, нѣжность и горесть.

– Довольно оспоривала ты у меня его при жизни, сказала первая изъ нихъ. Оставь мнѣ его мертваго; онъ мой.

– Да, ты сдѣлала его трупомъ, онъ твой, отвѣчала другая!.....

Она залилась слезами.

Ярость изобразилась на лицѣ первой; надменныя ея уста сжались съ выраженіемъ угрозы, она отступила на два шага и, скрестивъ руки на груди, смотрѣла на ту, которая была ея соперницею. Но послѣдняя, не отвѣчая ей, стала у кровати на колѣна и опустивъ голову свою подлѣ головы трупа, смѣшала длинные свои свѣтло-русые волосы съ черными волосами молодаго человѣка. Она продолжала вздыхать и плакать.

– Ну да, это правда, вскричала первая дѣвушка, онъ умеръ, потому что я его любила; да, это правда. Марія! это правда!

Безмолвіе комнаты прерывалось только рыданіями дѣвушки, стоящей на колѣнахъ.

– Марія! вскричала она снова.

Марія испустила продолжительный стонъ, приподъ-

Digitized by Google

няла голову съ подушки и устремила влажный взоръ свой на ту, которая называла ее такимъ образомъ.

– Хочешь-ли ты измѣнить мнѣ, Марія? Ты все знаешь и можешь погубить меня.

– Нѣтъ, я не измѣню тебѣ. Исполни судьбу свою; я исполню то, что мнѣ предопредѣлено. Когда мертвые станутъ говорить противъ тебя, я буду подражать имъ и тоже стану говорить. Ты любила его, говоришь ты, и ты же его умертвила!

– Я была горда и честолюбива!

Марія не отвѣчала. Но послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія она сказала:

– Иди; ищи почестей, блеска, богатства, которыхъ гордая душа твоя такъ жадно желаетъ. Я ничего не скажу. Ты знаешь, что я однимъ словомъ могу всего лишить тебя. Оставь меня съ тѣмъ, котораго ты сдѣлала своею жертвою! Пусть протекутъ годы и тогда ты скажешь мнѣ была ли ты счастлива. Клянись, что ты придешь сюда чрезъ тридцать лѣтъ, если проживешь до тѣхъ поръ, въ этотъ же самый день, въ этотъ же часъ!..... Клянись!.....

– Согласна; но что дашь ты мнѣ въ залогъ твоего молчанія?

– Этотъ локонъ волосъ, отвѣчала Марія, приподнимая одну изъ кудрей, которыя украшали еще бѣлое чело молодаго человѣка.

– Хорошо; но что будетъ съ тобою?

– Что нужды; со временемъ ты это узнаешь; мы увидимся.

Руки обѣихъ женщинъ скрестились на груди молодаго человѣка. Та, которая была повыше, обернулась, чтобы бросить еще взглядъ на альковъ и на кровать, потомъ она подошла къ дверямъ и рука ея задрожала. Послѣ еще новой остановки, она, какъ бы удивляясь своей слабости, бросилась въ корридоръ, гдѣ черный невольникъ, старый слуга ея семейства,

Digitized by Google

держалъ зажженный факелъ, чтобы свѣтить ей при выходѣ. Ей показалось, что это черное лице, эти бѣлые зубы, озаренные краснымъ свѣтомъ, преслѣдовали ее ужасною насмѣшкою. Негръ отворилъ большую дверь и приподнялъ факелъ, чтобы вѣтеръ не затушилъ его. Въ то время, какъ она спускалась по ступенямъ, ведущимъ въ большую часть Бостонскихъ домовъ, молодой пресбитеріянскій священникъ, другъ ея родителей, всходилъ по тѣмъ же ступенямъ. Онъ поклонился дѣвушкѣ и прошелъ, не сказавъ ни слова.

.....

Дни слѣдовали за днями; мѣсяцы за мѣсяцами; годы за годами. Міръ постарѣлъ, обновляясь; тридцать разъ это обновленіе природы покрывало цвѣтами весну и желтило осень, съ тѣхъ поръ, какъ руки соперницъ утвердили это странное смертное условіе. Въ Бостонѣ жила старая женщина, которой умственныя способности, конечно, притупились отъ лѣтъ, но которая являлась столь кроткою въ своей прихотливости, столь спокойною въ своей дряхлости, столь благодѣтельною въ своей бѣдности, что ей прощали всѣ ея слабости и что народъ, обыкновенно суровый и несправедливый ко всему, что переступаетъ за обыкновенную черту, говорилъ о ней съ уваженіемъ. Никто не зналъ ея имени и она жила совершенно одна. Она имѣла странное обыкновеніе провожать всѣ похороны; и къ этому такъ уже привыкли, что церемонія погребенія казалась бы неполною, если бъ ея при этомъ не было. Всякій разъ какъ гробъ, бѣдный или богатый, въ сопровожденіи толпы пріятелей, или одного вѣрнаго животнаго, подымался въ верхъ по улицѣ Бартелеми къ кладбищу, вы могли быть увѣрены что увидите нашу старушку, безмолвную и торжественную въ ея длинномъ бѣломъ платьѣ, похожемъ на саванъ. Народъ называлъ ее «старою дѣвицею въ бѣломъ саванѣ». Вмѣсто того, чтобы смѣшать-

Digitized by Google

ся съ провожающими гробъ, она всегда оставалась въ отдаленіи; шла какъ тѣнь въ десяти или двѣнадцати шагахъ отъ гроба, слушала молитвы на паперти и уходила только тогда, когда бренные остатки покойника были уже опущены въ общее убѣжище смертныхъ. Всѣ уважали этотъ плачевный обычай старушки; дни похоронъ были ея праздничными днями! Исключая этихъ случаевъ, она выходила не иначе какъ ночью. Она любила сидѣть на могилахъ; и это мрачное удовольствіе было нѣкотораго рода освященіемъ, котораго она удостоивала только людей добродѣтельныхъ. Всѣ склонности старой дѣвушки были замѣчены: старательность, съ которою она украшала нѣкоторыя избранныя могилы, милостыня, которую она относила сиротамъ; и эта всеобщая доброжелательность распространила въ народѣ неопредѣленное вѣрованіе, что старая дѣвушка есть существо сверхъестественное. Встрѣтить ее, если солнце еще не закатилось, считалось дурнымъ предзнаменованіемъ. Однажды, во время свадебнаго обряда, которымъ соединились между собою богатый молодой человѣкъ и дѣвушка измѣнившая первымъ своимъ клятвамъ, она явилась въ церкви и присутствіе ея показалось угрозою, которая испугала всѣхъ присутствующихъ.

Такова была тихая и фантастическая жизнь, которую вела она уже тридцать лѣтъ; и поколѣнія, которыя раждались и умирали въ торговомъ городѣ Бостонѣ, такъ привыкли къ ней, что она казалась необходимою для города, какъ погребальный колоколъ для соборной церкви; никто и не думалъ, чтобы можно было умереть и отправиться на кладбище безъ провожанія старой дѣвушки въ бѣломъ саванѣ.

30 іюня 1780 года, большая Бостонская улица, и тогда уже богатая и оживленная обширною торговлею, которая должна была составить его будущую пышность и независимость, представляла сцену весь-

Digitized by Google

ма любопытную, которой живость и движеніе дѣлались еще замѣтнѣе отъ наступленія ночи. Вотъ важные негоціанты 1780 года въ бѣлыхъ парикахъ и бархатныхъ жилетахъ съ разводами, надающіе на колѣна; смуглыя лица корабельныхъ капитановъ; широкіе бѣлые шаравары и оливковый цвѣтъ лица Испанскихъ креоловъ; гордая и надменная походка сыновъ Великобританіи, составляющая совершенную противуположность съ дикою физіономіею двухъ или трехъ колонистовъ дальнихъ лѣсовъ; эти люди торгуютъ за нѣсколько долларовъ зѣмли, которые стоятъ пол-царства, и въ которыхъ никогда не раздавались удары дровосѣка. Нѣсколько дамъ одѣтыхъ по-Французски, проходя, производятъ шелестъ шелковыми тканями, покрывающими ихъ фижмы, съ пріятностію изученною въ Версали, и которая перебравшись черезъ Атлантическій океанъ, почти нисколько не утратила своей жеманности. Поступь ихъ, искусно размѣренная, высокіе каблуки, красивыя вышивки, замедляющія ихъ походку, весь этотъ отблескъ старой Европы носитъ на себѣ отпечатокъ странности, которую нельзя безъ улыбки встрѣтить по близости горъ Аллеганскихъ. Наступалъ послѣдній часъ труда и первый часъ забавъ. Уже длинныя тѣни, отбрасываемыя каменными массами, погружали улицы въ темноту и только свѣтлая полоса струилась вдоль крышъ и карнизовъ, но вскорѣ ихъ оставила и перенеслась на шпицъ соборной колокольни, который она позолотила своимъ яркимъ и умирающимъ свѣтомъ.

Все движеніе, которое описалъ я, происходило въ центрѣ города, недалеко отъ зданія, величественнаго по своей огромности и замѣчательнаго по своей уединенности. Окружающая его мостовая проросла травою, которая доказывала глубокую одинокость этого зданія. То было одно изъ тѣхъ строеній, воздвигнутыхъ по образцу Европейской архитектуры первыми

Digitized by Google

торговцами обогатившимися въ Бостонѣ; тяжелый стиль временъ Карла I пробилъ въ немъ эти узкія окна, устроилъ эти толстыя балюстрады, вырѣзалъ эти полновѣсные карнизы и сложилъ это магическое крыльцо. Спрашивали отъ чего это зданіе не сдѣлалось базаромъ, биржею, городскимъ домомъ, отчего красивая вывѣска, качаемая вѣтрами, не предлагала прохожимъ дорогаго трактирнаго гостепріимства. Наслѣдники не могли согласиться между собою и споръ ихъ тянулся такъ долго, что незанятое зданіе начало разваливаться и набрасывать свою торжественную, печальную тѣнь на самый центръ города.

Наступала ночь, когда женщина, страннымъ образомъ одѣтая, появилась въ концѣ Пуританской улицы. Два или три матроса разговаривали между собою не далеко отъ этого дома.

— Гляди, гляди! парусъ подъ вѣтромъ, вскричалъ одинъ изъ нихъ.

— Что ты хочешь сказать? спросилъ Ливерпульскій капитанъ. Эта женщина, что ли, въ бѣломъ платьѣ?

— Да; ужъ, конечно, ни одна живая тварь не походила болѣе этой на привидѣніе.

Зрители узнали старушку въ бѣломъ саванѣ. Всѣ глаза обратились въ эту сторону; всѣ толпились, чтобы увидѣть хотя часть ея бѣлаго платья; появленіе этой женщины въ такой день, когда похоронъ не было, казалось происшествіемъ чрезвычайно удивительнымъ; обыкновенные предметы разговоровъ были забыты и всѣ стали искать объясненія этого явленія. Нигдѣ не видно похоронъ, ни двери, завѣшанной чернымъ, ни церковнаго служителя, ни священника, ни толпы родственниковъ въ траурѣ. Съ колокольни, останавливающей на себѣ послѣдній лучь солнца, не раздается погребальный звонъ, который всегда сопровождаетъ шаги старухи. Присутствующіе не смѣли слиш-

Digitized by Google

комъ распрашивать другъ друга, чтобы не показаться суевѣрными; иные даже старались улыбнуться; но эти улыбки, смѣшанныя съ безпокойствомъ, показывали только въ какомъ неловкомъ положеніи находятся тѣ, которые пытались выказать такое мужество и спокойствіе. Какъ это существо, которое мертвецы требуютъ къ себѣ, осмѣливается являться между живыми? Какое дурное предзнаменованіе соединяется съ этимъ неожиданнымъ появленіемъ? Какое новое несчастіе угрожаетъ городу и его мирнымъ обитателямъ? Ужасъ, въ которомъ не смѣемъ себѣ признаться, сильнѣе всѣхъ другихъ ужасовъ; всѣ почтительно сторонились, когда старая дѣвушка тяжелыми шагами приближалась. Ей давали мѣсто какъ царицѣ; никто не хотѣлъ, чтобы платье привидѣнія до него коснулось, и за первымъ ропотомъ удивленія послѣдовало глубокое молчаніе. Она была блѣдна, худа и слаба, но ходила не согнувшись, какъ другія старухи; она скорѣе скользила чѣмъ шла. Изъ одной полуотворенной двери выбѣжалъ ребенокъ; и, вѣроятно привыкнувъ къ ласкамъ всѣхъ, которые его встрѣчали, онъ весело подбѣжалъ къ старухѣ, какъ бы ожидая поцѣлуя изсохшихъ устъ ея. Она наклонилась къ нему и прошла мимо: быть можетъ она не хотѣла осквернить смертнымъ дыханіемъ этотъ нѣжный младенческій цвѣтокъ; быть можетъ, поцѣлуй ея былъ пагубенъ. Такъ по-крайней-мѣрѣ думали тѣ, которые тутъ были.

— Посмотрите! сказала одна женщина, она сжалилась надъ ребенкомъ. Еслибъ она поцѣловала его, онъ не прожилъ бы и года.

Но всеобщее удивленіе еще увеличилось, когда старуха, подойдя къ пустому дому, твердыми шагами взошла на крыльцо, попирая ногами покрывавшій его мохъ, приподняла заржавѣлый желѣзный молотокъ и три раза стукнула въ двери.

Digitized by Google

– Она, видно, безумная, подумали зрители. Какое нибудь не ясное воспоминаніе забралось въ ея старый изсохшій мозгъ! Она, вѣрно, пришла искать тутъ старыхъ друзей своей юности, которыхъ уже давно нѣтъ на свѣтѣ. Пожилой человѣкъ подошелъ къ рѣшеткѣ крыльца и, почтительно открывъ свои сѣдые волосы, сказалъ:

– Сударыня.....

Привидѣніе обернулось и пристально на него поглядѣло.

– Сударыня (продолжалъ онъ, вооружившись всѣмъ своимъ мужествомъ) въ этомъ домѣ давно уже никто не живетъ. Никто даже не бывалъ въ немъ со смерти молодаго полковника Фенвикка; наслѣдники не могутъ согласиться между собою и домъ, какъ вы видите, покинутъ.»

Старуха сдѣлала рукою отрицательный знакъ, положила указательный палецъ другой руки себѣ на губы и въ этомъ положеніи казалась еще болѣе фантастическою чѣмъ когда нибудь. Потомъ она снова подняла желѣзный молотокъ и стукнула въ четвертый разъ. Тогда – кто бы этому повѣрилъ? – на лѣстницѣ раздались тяжелые шаги. Ясно было, что это походка человѣка стараго, дряхлаго, согбеннаго лѣтами; по мѣрѣ того какъ житель этого дома, который давно уже считали пустымъ, подходилъ къ крыльцу, стукъ шаговъ его слышался явственнѣе. Наконецъ, желѣзная полоса, которою запирались двери, была вынута и дверь отворилась. Старуха бросила послѣдній взглядъ на шпицъ колокольни, на которомъ замиралъ послѣдній лучь солнца; потомъ, она скрылась во мракѣ сѣней.

– Кто же отворилъ дверь? спросили нѣкоторые граждане.

– Негръ, отвѣчалъ пожилой человѣкъ, негръ, который удивительно походитъ на Цезаря, невольника

Digitized by Google

полковника Фенвикка. Лѣтъ тридцать назадъ, по смерти полковника, онъ получилъ свободу.

– Ну, вскричалъ матросъ, видно это женское привидѣніе вызвало изъ могилы духъ служителя ея семейства. Скоро все кладбище сюда явится.

Эти слова произвели на лицахъ зрителей улыбку, но улыбку печальную, которая тотчасъ исчезла; и всѣ принялись снова разсуждать о странномъ происшествіи, котораго тайнаго смысла никто не могъ постигнуть.

Толпа, любопытная, но вмѣстѣ и боязливая, начала расходиться, разговаривая шопотомъ, и наполняла еще нижнюю часть Пуританской улицы, какъ вдругъ толпу раздѣлила старая карета, ѣхавшая вверхъ по улицѣ. Карета въ Бостонѣ и особенно въ то время, была вещь необыкновенная; кузовъ этого старинаго экипажа почти влачился по землѣ; бока украшены были множествомъ геральдическихъ знаковъ; важный кучеръ, чрезвычайно толстый, занималъ козлы, много возвышавшіяся надъ имперіаломъ. Колеса съ широкими ободами, глухо стучали по мостовой. Карета остановилась передъ пустымъ домомъ; лакей сошелъ съ запятокъ, вошелъ на крыльце и три раза ударилъ молоткомъ. Пока онъ ждалъ отвѣта, двое или трое любопытныхъ собрались вокругъ кареты и какой-то адептъ въ геральдикѣ объяснилъ удивленнымъ своимъ согражданамъ фигуры изображеннаго на ней герба.

– Это гербъ Фитцъ-Гербертовъ, сказалъ онъ, старинной Нормандской фамиліи, происходящей отъ царской крови и не оставившей по себѣ наслѣдниковъ, какъ показываетъ ромбъ, которымъ обведенъ щитъ. Это, безъ сомнѣнія, экипажъ вдовы.

Тогда изъ кареты вышла старуха, сморщеная и красная; одна изъ тѣхъ старыхъ женскихъ физіономій, которыя изображаютъ не страхъ приближающейся

Digitized by Google

смерти; а жалкую, безсильную досаду. Это появленіе заставило любопытныхъ отступить; и лакей взялъ ее подъ руку, чтобы помочь ей выйти. То была женщина сгорбленная, дряхлая, больная, съ орлинымъ носомъ, съ выдавшимися скулами, съ глазами еще живыми и угрожающими; какая то развалина, еще довольно благородная и на которую нельзя было смотрѣть безъ чувства страха; она опиралась на трость съ золотымъ набалдашникомъ и медленно взошла на крыльце оставленнаго дома. На шелковомъ ея платьѣ съ золотыми разводами отражался свѣтъ факела изнутри дома. Она остановилась, бросила взглядъ назадъ и какъ бы внезапнымъ усиліемъ устремилась въ домъ. Любопытный, который показалъ такія познанія въ геральдикѣ, осмѣлился подойти къ самой рѣшеткѣ крыльца; онъ утверждалъ потомъ, и не безъ ужаса, что точно узналъ лице стараго негра Цезаря, который конечно уже очень постарѣлъ, но котораго еще можно было узнать; онъ держалъ факелъ и ужасно улыбался.

Между тѣмъ карета поѣхала назадъ и, стуча по мостовой, исчезла во мракѣ.

Этотъ старинный экипажъ, эта сивилла въ придворномъ костюмѣ, это новое появленіе стараго негра; всѣ эти идеи, всѣ эти образы толпились въ умѣ жителей, которые, въ безпокойствѣ и замѣшательствѣ, снова собрались вокругъ оставленнаго зданія и устремили внимательные взоры на окна, которыхъ стекла начинали отражать лучи показывающейся луны. Старики, которые всегда любятъ разсказывать, толковали о старинной пышности фамиліи Фицъ-Гербертовъ, о знаменитыхъ именахъ прославившихъ этотъ домъ и о странныхъ судьбахъ этой аристократической фамиліи.

Эти разсказы сильно поражали воображеніе слушателей и, казалось, вызывали тѣни минувшаго. При

Digitized by Google

малѣйшемъ шумѣ всѣ вздрагивали, думая что услышатъ гробовой стукъ молотка о старинную дверь. Присутствующіе были старые купцы, матросы, привыкшіе къ бурной морской жизни, и они дрожали передъ старымъ, оставленнымъ зданіемъ. Наконецъ явился престарѣлый священникъ, бывшій нѣкогда другомъ фамиліи, которой этотъ домъ принадлежалъ; всѣ окружили его. Стали распрашивать этого почтеннаго человѣка; онъ отвѣчалъ въ немногихъ словахъ, пошелъ къ дому Фицъ-Гербертовъ такъ скоро какъ невозможно было и ожидать при его преклонныхъ лѣтахъ, и устремился туда къ величайшему изумленію зрителей.

.....

Съ большимъ нетерпѣніемъ ждали когда священникъ выйдетъ изъ дома; но не дождались; онъ не выходилъ. На слѣдующее утро толпа еще окружала этотъ таинственный домъ и волненіе, произведенное этимъ происшествіемъ было столь сильно, что возбудило вниманіе городскаго начальства. Народъ начиналъ роптать. Бостонскія болтуньи утверждали уже, что діаволъ, бѣднякъ, на котораго мы сваливаемъ всѣ свои глупости, принялъ въ свое вѣдѣніе и старый домъ, и стараго священника, и старуху, которая пріѣхала въ каретѣ, и стараго негра, который безпрерывно смѣется, и бѣлый саванъ остальной старухи.

Когда Шерифъ, во имя закона, явился въ это смертное жилище, никто его не встрѣтилъ. Мебели, домашнія утвари, картины, занавѣсы, все принадлежавшее полковнику Фенвикку, осталось на своемъ прежнемъ мѣстѣ. Огромныя паутины покрывали фамильные портреты; и летучія мыши, испуганныя шумомъ, вылетали изо всѣхъ угловъ потолка. Ковры, источенные червями, поднимали пыль подъ ногами тѣхъ, которые шли по лѣстницѣ. Нельзя было удержаться отъ нѣкотораго чувства страха при видѣ этой домаш-

Digitized by Google

ней развалины, этого дома, сдѣлавшагося могилою и глубокаго спокойствія, которое въ теченіи полувѣка тяготило надъ всѣми этими предметами. Окна, которые владѣтель дома, любившій искусства, украсилъ прекрасными Голландскими стеклами съ готическою живописью, затускли отъ накопившейся на нихъ пыли. Дверныя петли совершенно заржавѣли, но сгнившее дерево безъ сопротивленія уступало рукѣ, которая его толкала. Надобно было зажечь факелъ, чтобы посвѣтить Шерифу, потому что покрытыя ржавчиною задвижки не позволяли отворить ставней. Нижній этажъ былъ пустъ; въ немъ не замѣтили ни малѣйшаго слѣда живаго существа; но когда шаги Шерифа и его провожатыхъ раздались на лѣстницѣ, ведущей во второй этажъ, показалось старое, морщиноватое лице негра Цезаря и не говоря ни слова онъ протянулъ надъ круглою лѣстницею руку свою въ которой держалъ горящую свѣчу изъ желтаго воска. Чувство долга и оффиціальная важность сановника боролись съ невольнымъ трепетомъ, производимымъ этою фантасмагоріею разливала въ душѣ почтеннаго Драйтона, который уже десять лѣтъ былъ Шерифомъ; но никогда еще при отправленіи своей должности не встрѣчалъ онъ ничего подобнаго. Онъ сохранилъ наружное хладнокровіе; но живость, съ которою стучалъ своею палкою по полу и болѣе обыкновеннаго громкій его голосъ, обличали въ немъ внутреннее волненіе.

— Здѣсь происходитъ что-то странное сказалъ онъ негру.

Цезарь, котораго долговременное уединеніе пріучило къ молчанію, не отвѣчалъ ни слова; но указалъ пальцемъ на спальню полковника Фенвикка, ту самую комнату, въ которой читатель въ началѣ нашего разсказа, видѣлъ молодаго человѣка, лежащаго на смертномъ одрѣ, и двухъ молодыхъ соперницъ, которыя его оплакивали. Первое мерцаніе дня играло на лох-

Digitized by Google

мотьяхъ, висѣвшихъ у окна и которые, изтертые, разодранные годами, были нѣкогда великолѣпными шелковыми занавѣсами. Кровать, на которой прежде лежалъ трупъ Фенвикка, была на своемъ мѣстѣ; но вмѣсто бренныхъ останковъ молодаго полковника, на ней лежалъ бѣлый саванъ старушки, о которой мы говорили; она умерла. На лѣво, противъ кровати, на низкихъ дубовыхъ креслахъ съ высокою спинкою, съ рѣзною работою, изъѣденною червями, съ вычурными ручками, лежала другая женщина; она также была мертва; а старый священникъ, стоя на колѣнахъ передъ окномъ, въ которое едва проникалъ слабый утренній свѣтъ, продолжалъ читать молитву, въ которой по-видимому была погружена вся душа его и которой онъ не прерывалъ даже тогда, когда Шерифъ со своими провожатыми вошелъ въ эту плачевную комнату.

– Милости просимъ, Г. Шерифъ, сказалъ онъ наконецъ, вставая и садясь на низкія кресла, обитыя алымъ бархатомъ, которыя, конечно, играли нѣкогда важную роль въ торжественныхъ случаяхъ. Присутствіе ваше здѣсь необходимо. Я объясню вамъ въ нѣсколькихъ словахъ всѣ эти странности, которыя должны чрезвычайно удивлять васъ и которыя не что иное, какъ плодъ романическаго воображенія и пылкихъ страстей этихъ двухъ пріятельницъ, которыхъ трупы лежатъ здѣсь и которыхъ судьба была связана столь странною цѣпью.

Я не стану, въ присутствіи этихъ двухъ труповъ, разсказывать любовной исторіи; это было бы святотатство. Увы! вся жизнь этихъ несчастныхъ женщинъ была отравлена первыми страстями ихъ молодости! Маріи Фенвиккъ было двадцать три года, Джоржинѣ Фенвиккъ двадцать пять лѣтъ, когда онѣ обѣ полюбили двоюроднаго своего брата, полковника Фенвикка. Кто

Digitized by Google

бы узналъ въ этихъ трупахъ двухъ дѣвушекъ, которыя нѣкогда были прекраснѣйшими во всемъ Бостонѣ. Молодой человѣкъ отдалъ сердце свое самой надменной, самой тщеславной, самой опасной изъ этихъ двухъ дѣвушекъ, Джоржинѣ; она отвѣчала на любовь его, между-тѣмъ какъ Марія, болѣе нѣжная и скромная, скрывала отъ всѣхъ взглядовъ и хотѣла бы скрыть отъ себя самой страсть, которая наполняла ея душу. Привязанность Джоржины къ своему двоюродному брату была болѣе пылка, чѣмъ глубока и не устояла противъ честолюбія и тщеславія, главныхъ страстей женщины, о которой говорю я. Бракъ, котораго блескъ ослѣпилъ ея взоры, заставилъ ее измѣнить своимъ клятвамъ, своей нѣжности, и долговременной перепискѣ, которую эта дѣвушка, слишкомъ смѣлая, вела съ полковникомъ Фенвиккомъ. Онъ замѣтилъ перемѣну въ сердцѣ своей любезной; и, не угадывая причины этого, впалъ въ уныніе, которое еще болѣе разстроило и безъ того слабое его здоровье. Бѣдная Марія, къ величайшему своему огорченію, сдѣлалась въ одно время повѣренною и полковника и Джоржины; она не измѣнила ни честолюбію одной, ни довѣренности другаго. Письма, содержавшія въ себѣ обѣщанія Джоржины и доказательства любви полковника, были въ ея рукахъ; ей легко было бы воспользоваться этими письмами, чтобы воспрепятствовать браку, предмету всѣхъ желаній честолюбивой Джоржины. Она этого не сдѣлала. Полковникъ умеръ на ея рукахъ; она до конца была великодушна; только Богъ можетъ наградить за эту добродѣтель; она не для земли и люди, которые ею пользуются, рѣдко за нее платятъ. Марія, по смерти своего любезнаго, жила въ этомъ домѣ, который принадлежалъ частію и ей и гдѣ негръ Цезарь, получившій по смерти господина своего, свободу, одинъ съ нею оставался. Она совершенно исчезла и ее считали мертвою. Она

Digitized by Google

выходила изъ дома не иначе, какъ дверью, ведущею въ паркъ и дѣлала длинный обходъ по полямъ; она всегда носила длинное бѣлое платье, которое народъ принималъ за саванъ. Эта тридцати-лѣтняя тюрма; эта жизнь, посвященная одному образу, единственной идеѣ, повредили ея разсудокъ; она полюбила символы смерти и похоронныхъ церемоній; весь городъ зналъ эту странность, и никто не догадывался, что старая дѣвушка въ бѣломъ саванѣ есть наслѣдница богатой и знатной фамиліи Фенвикковъ.

Между-тѣмъ Джоржина Фенвиккъ преходила блестящее поприще, на которое увлекло ее честолюбіе. Джоржина блистала при Англійскомъ дворѣ; но, какъ она сама призналась мнѣ передъ смертію, тишина, спокойствіе, счастіе всегда отъ нея убѣгали. Мужъ ея, одинъ изъ могущественнѣйшихъ людей во всей Великобританіи, вскорѣ оставилъ ее и обратился къ болѣе молодымъ любовницамъ. Даже самая жадность, съ которою искала она почестей и отличій, была для нее вѣчнымъ мученіемъ. Въ этой самой комнатѣ, передъ этою кроватью, на которой лежали тогда бренные остатки молодаго человѣка, она дала двоюродной сестрѣ своей обѣщаніе посѣтить Марію черезъ тридцать лѣтъ, если будетъ еще въ живыхъ, въ тотъ самый день и часъ, въ который заключили онѣ это странное условіе. Всегда жадная къ сильнымъ ощущеніямъ и ко всему необычайному, она исполнила свое обѣщаніе. Она покинула страну, въ которой юность ея была временемъ безпокойствъ и терзаній, а старость медленно влачилась въ огорченіяхъ и печальныхъ воспоминаніяхъ; она, дряхлая, истощенная горестію и честолюбіемъ, переплыла Атлантическій океанъ; и пріѣхала сюда, чтобы сдержать слово, данное за тридцать лѣтъ предъ тѣмъ. Какими воспоминаніями, какими признаніями, какими сожалѣніями

Digitized by Google

мѣнялись между собою эти женщины, что онѣ говорили, – этого я не знаю; я нашелъ одну уже мертвою, другую при смерти. Всѣ пособія были тщетны; старость ихъ не устояла противъ ужаснаго впечатлѣнія воспоминаній ихъ первой любви и сильнаго душевнаго волненія.

Въ ту минуту какъ священникъ произносилъ эти слова, лохмотья, висѣвшія на окнахъ, зашевелились; усилившійся солнечный лучь проникъ сквозь нихъ, упалъ, играя, на лице Маріи и устрашеннымъ зрителямъ показалось, что оно одушевилось новою жизнію. Шерифъ приказалъ похоронить этихъ двухъ женщинъ и разсказалъ гражданамъ, собравшимся передъ домомъ, эту странную исторію, которую Бостонскіе старожилы и теперь еще помнятъ. Это, одно изъ весьма рѣдкихъ фантастическихъ преданій коммерческаго Бостона, составляетъ предметъ народной баллады: «Старая дѣвушка въ бѣломъ саванѣ».

New England Magazine. – Revue Brit.

Digitized by Google

ДЕРЕВЕНСКІЙ ГЕНІЙ.

или

ФАВОРИТКА БАРЫНИ.

Фанни Ферфильдъ была такая хорошенькая дѣвочка, какую только можно видѣть въ ясный лѣтній день, и такая добренькая, умненькая, что и нельзя высказать. Она была дочь бѣднаго мѣщанина, жителя одного изъ тѣхъ мѣстечекъ, которыхъ мѣщане почти не отличаются отъ крестьянъ образованіемъ и занятьями.

Первая благодѣтельница Фанни Ферфильдъ, достойная супруга почтеннаго Голливелльскаго пастора, дала хорошее и благоразумное направленіе ея уму; и хотя отъ ея разборчиваго участія не скрылись признаки особенныхъ дарованій, и даже поэтическаго таланта, въ маленькой воспитанницѣ, почти самой младшей изъ дѣтей приходской школы, которою мистриссъ Клиффордъ сама завѣдывала, она однако жъ не хотѣла развивать и поощрять необыкновенныхъ способностей милаго дитяти, назначеннаго въ этой жизни не выходить изъ предѣловъ смиренія, нищеты и трудолюбія. Мистриссъ Клиффордъ избѣгала всего, что могло сколько-нибудь разбудить пылкое воображеніе лучшей ея воспитанницы, но она не была причастна тому нелѣпому предразсудку, который предполагаетъ благополучіе бѣдныхъ въ одномъ только невѣжествѣ, и считала первою своей обязанностью проникнуть умъ маленькой Фанни высокимъ и священнымъ благоразуміемъ, проистекающимъ свыше, принаровленнымъ

Digitized by Google

ко всѣмъ сословіямъ и доступнымъ для всѣхъ способностей: она старалась пріучить ее къ порядку, опрятности и трудолюбію; она знакомила ее даже съ правилами чистописанія, и наслаждалась ея успѣхами. Но неразъ добрая попечительница находила нужнымъ остановить на нѣкоторое время страсть къ письму въ маленькой Фанни, которая обнаруживала раннее къ нему расположеніе и на каждомъ лоскуткѣ бумаги излагала гармоническія мечты своей плодовитой фантазіи, прибѣгая иногда за неимѣніемъ бумаги, къ аспиднымъ доскамъ своихъ подругъ, даже къ чистымъ страницамъ и полямъ учебныхъ книгъ. Мистриссъ Клиффордъ съ важною строгостью давала ей тогда полезныя наставленія, и, средь этихъ наставленій не могла отказать себѣ въ удовольствіи выслушать маленькій гимнъ или простую балладу, которые малютка читала такимъ пріятнымъ дѣтскимъ голосомъ, что сердце наполнялось невольнымъ восторгомъ. Часто, когда милое дитя скромно стояло передъ ней, или обнаруживало въ своихъ простыхъ урокахъ, чувства и способности болѣе возвышенныя, чѣмъ толпа ея подругъ и соученицъ, добрая наставница, которой Провидѣніе въ счастливомъ бракѣ не даровало дѣтей, думала о томъ, сколько бы она оживила свое одиночество, взявши къ себѣ эту необыкновенную дѣвочку, вмѣсто дочери, и воспитавъ ее такъ, чтобы Фанни была не только подпорою для нея въ старости, но и украшеніемъ ея дома, гдѣ умственныя дарованія, которыми природа такъ щедро одарила бѣдную малютку, могли бы цвѣсти съ большимъ блескомъ, и принесть плоды полезнѣйшіе, нежели на нагой почвѣ родной нищеты. Счастіемъ было бы для молодой дѣвушки, если бъ это состоялось, или если бы благоразумное попеченіе, которому столько обязано было ея дѣтство, продлилось бы до сколькой поры юнаго женскаго возраста. Но иначе опредѣлила судьба. Почтен-

Digitized by Google

ный пасторъ умеръ, и вдова его, простившись съ домомъ, который недавно былъ свидѣтелемъ ея счастья, отправилась искать далеко убогаго пріюта у своей родни. Горько и тяжело было для бѣдной Фанни разставаться съ своею доброй наставницей. Она хотѣла упасть къ ея ногамъ и закричать: «Ахъ! возьмите меня съ собой, я буду вашею служанкой.» Но Фанни была также нѣжною дочерью; она любила своихъ родителей, двухъ своихъ братьевъ и престарѣлую слѣпую бабушку; привязанность къ семейству и дому преодолѣла въ ней всѣ прочія чувства.

Новый Голивѣльскій священникъ вступилъ въ должность съ твердымъ намѣреніемъ въ точности исполнять свои обязанности. Но усердіе неопытнаго рѣдко сопровождается умѣньемъ приняться за дѣло. Чтобы предохранить приходское училище отъ упадка, онъ принялъ, какъ ему казалось, самую рѣшительную мѣру, — пригласилъ нѣсколько сосѣдственныхъ дамъ быть попечительницами и визитаторшами заведенія. Наборъ шелъ такъ успѣшно, что молодой пасторъ вскорѣ незналъ, куда самому дѣваться отъ столькихъ прелестныхъ ревнительницъ просвѣщенія, которыя всѣ вмѣстѣ хотѣли управлять классами приходскаго училища.

Маленькая Фанни продолжала регулярно посѣщать школу какъ и прежде. Несмотря на безпорядокъ, который водворился, и который неизбѣженъ при такой системѣ управленія, она умѣла пріобрѣсть болѣе познаній чѣмъ всѣ прочія дѣвушки. Она была любима своими соученицами: да и могли ли онѣ не полюбить такой прелестной дѣвочки, готовой всегда сдѣлать добро и забыть обиду? Нѣкоторыя даже считали ее существомъ сверхъестественнымъ потому что она скоро выучила уроки и писала такіе же хорошіе стихи какъ на надгробныхъ камняхъ. Но онѣ мало искали ея

Digitized by Google

общества. Фанни была въ школѣ пріятельницею всѣхъ хотя и не имѣла искреннихъ подругъ, а у себя дома украшеніемъ и радостью. Маркъ Ферфильдъ, конечно, не могъ похвалиться бо́льшею грамотностью, однако жъ онъ гордился своею дѣвочкой, и часто хвасталъ, что она читаетъ лучше пономаря и почти такъ же хорошо какъ пасторъ: что касается до письма, то въ этомъ отношеніи онъ ставилъ ее на ряду съ учителемъ чистописанія, хотя самъ онъ, признаться, не могъ быть судьею, потому что умѣлъ только читать по печатному. Между-тѣмъ, время и умъ шли впередъ, и вотъ маленькая Фанни уже стройная четырнадцатилѣтняя дѣвушка: она даже давно бы достигла степени учительницы въ приходской школѣ, если бъ мать не имѣла надобности въ ея помощи дома и бабушка, которая дряхлѣла, болѣе и болѣе не привязывалась къ той, которую она обыкновенно называла подпорою своей старости.

Около этого времени произошла большая перемѣна въ удаленномъ и всегда однообразномъ Голливелльскомъ приходѣ.

Старый *сквайръ*, мистеръ Джошуа Лессельзъ, конюшій, одинъ изъ знатнѣйшихъ помѣщиковъ прихода и владѣтель бо́льшей части мѣстечка, залечился въ Лондонѣ, по лучшимъ методамъ врачеванія. Молодой сквайръ, съ своею прелестною и ученою подругой, мистеръ Джонъ Лессельзъ, конюшій, съ леди Гертрудою Лессельзъ, возвратились изъ путешествія «по твёрдой землѣ», чтобы вступить во владѣніе Лессельскимъ замкомъ, его помѣстьями и мѣстечкомъ, или лучше сказать, чтобы провесть здѣсь нѣсколько времени, съ толпою налетныхъ фешонеблей.

Мистеръ Лессельзъ и леди Гертруда были въ самомъ дѣлѣ любезные люди, по-своему: любезность ихъ состояла въ утонченной свѣтскости, то есть, не-

Digitized by Google

искусствѣ придавать грубому эгоизму всѣ формы добраго сердца. Благотворительные, также по своему, если имъ представлялся случай сдѣлать благодѣяніе безъ всякаго пожертвованія. Съ сосѣдями не надмѣнные, даже слишкомъ вѣжливые, такъ, что ихъ вѣжливость приближалась къ оскорбительной снисходительности. Кромѣ-того, леди Гертруда была уже предана безсмертію въ разныхъ журналахъ: ее подозрѣвали въ сочиненіи одной модной повѣсти и знали въ публикѣ какъ издательницу другой. Между прочими страстями леди Гертруды, — у леди Гертруды все оканчивалось страстью, — была страсть покровительствовать. Никто и ничто не могло ускользнуть отъ ея всеобъемлющей филантропіи: она довольствовалась даже одною возможностью прикрыть хоть тѣнью своей протекціи любимый предметъ или любимое лице. Возможно ли чтобы маленькая Фанни, этотъ розанъ всего прихода, ускользнула отъ ея покровительства? Въ первое воскресенье, когда конюшій и его веселая компанія заняли свое почтенное мѣсто въ Голивелльской церкви, вниманіе леди Гертруды было поражено «восхитительнымъ эффектомъ» небольшой семейной группы поселянъ, которые почтительно дали ей дорогу, когда она медленно проходила черезъ ограду къ своему экипажу.

— Что за милое дитя, которое ведетъ эту слѣпую старушку! воскликнула леди довольно громко, чтобы заставить покраснѣть стыдливое личико Фанни, и обращаясь къ кавалеру, который велъ ее за руку къ экипажу, между-тѣмъ какъ мистеръ Джонъ Лессельзъ, конюшій, шелъ за ними съ важностью, приличною мужу.

— Что за милое дитя! И что за интересное семейство! Я непремѣнно должна съ ними познакомиться.

И прежде нежели уѣхала, она уже поручила одно-

Digitized by Google

ну изъ своихъ грумовъ узнать имя и жительство *этихъ людей.*

– Ахъ, леди Гертруда, сказалъ кавалеръ съ двусмысленною улыбкою: вы все та же!..... всегда готовая дѣлать добро! всегда чувствительная ко всему изящному въ природѣ! Признайтесь, не придумали ли вы уже какого-нибудь хорошенькаго Швейцарскаго или Итальянскаго костюма для этой дѣвушки къ первому сельскому празднику?

– Да! можетъ быть, отвѣчала леди Гертруда съ необыкновеннымъ самодовольствіемъ: что жъ, если я устрою Швейцарскую хижинку, около которой будутъ пастись коровы? Поселянка эта будетъ моей молочницей. Я не хочу подражать дамамъ старинной Аркадіи и доить сама коровъ. Но что жъ вы такъ улыбаетесь?..... Я не скажу вамъ ни слова болѣе о моихъ благотворительныхъ планахъ въ пользу бѣдныхъ Лессельскихъ поселянъ: вы увидите!

Спустя нѣсколько дней, экипажъ леди Гертруды уже стоялъ у небольшаго садика, окружавшаго хижину Марка Ферфильда. Честное семейство чинно посадило ее подлѣ почтенной бабушки на стулъ, съ котораго хозяйка вытерла пыль своимъ передникомъ. Маленькая Фанни стояла передъ ней въ замѣшательствѣ, и, съ потупленными глазами, запиналась, отвѣчала въ полголоса на быстрые вопросы.

– Такъ ты въ самомъ дѣлѣ, душа моя, сочиняешь также хорошо стихи, какъ вяжешь теплые чулки для своей бабушки?

Персиковыя щечки маленькой Фанни облились пунцовымъ цвѣтомъ. Но слѣпая старушка протянула изсохшую руку и, прижавши къ сердцу дѣвушку, сказала за нее:

– Да, сударыня: она большая мастерица стихотворить, и я часто съ удовольствіемъ слушаю, когда моя

Digitized by Google

Фанничка читаетъ гимны своего сочиненія. Однако жъ, сударыня, я ей безпрестанно твержу, чтобы она не занималась много такою безполезною суетою, и не забывала что она дитя бѣдныхъ и простыхъ родителей, что она должна трудомъ снискивать свой хлѣбъ.

– Ахъ, моя милая, ты хочешь убить ея дарованіе! сказала леди съ человѣколюбивымъ ужасомъ. Какъ это можно? Вы посягаете на даръ Божій..... Это преступленіе!

Бѣдные мѣщане смутились.

– Первая обязанность человѣка уважать въ другихъ тѣ дарованія, которыя ниспосланы имъ свыше. Останавливать развитіе этихъ дарованій значитъ – истреблять будущее счастіе молодаго существа въ самомъ зародышѣ.....

Мѣщане ничего не поняли.

– Позвольте мнѣ озаботиться судьбою вашей прелестной Фанни.

Они низенько поклонились.

Съ того дня расположеніе къ ней леди Гертруды начало быстро увеличиваться. Въ замкѣ безпрестанно встрѣчалась надобность въ ея услугахъ, и эти услуги, должно признаться, несравненно болѣе сходствовали со вкусомъ молодой мѣщанки нежели тяжкая домашняя работа. Чѣмъ стирать грубое бѣлье своего семейства или мести кирпичный полъ, ей гораздо пріятнѣе было приготовлять букеты въ будуарѣ леди Гертруды, собирать розаны въ прелестномъ саду, ходить съ нею въ поле съ корзинкою за дикими цвѣтами, потому что Ботаника и ученыя сельскія занятія были главнымъ развлеченіемъ ея госпожи; или помогать ей въ сушеніи травъ для гербарія, расположеннаго въ великолѣпномъ альбомѣ.

Таковы были небольшія услуги, которыми леди Гертруда, жаждущая покровительствовать, занимала

Digitized by Google

новоприобрѣтенную воспитанницу во время пребыванія своего въ замкѣ: не имѣя собственныхъ дѣтей, къ которымъ бы она могла примѣнить свою систему воспитанія и соскучившись учить снигиря свистать, съ пламеннымъ энтузіазмомъ принялась она за образованіе Фанни.

«Прежде всего», съ важностью замѣтила леди пастору, «прежде всего я считаю долгомъ проникнуть умъ и сердце моей юной любимицы нравственными и религіозными *чувствами* (леди Гертруда никогда не говорила о *правилахъ*). Вы не можете себѣ вообразить, съ какою пріятностью она читаетъ наизустъ «Еврейскія мелодіи» Мура и другія лирическія стихотворенія, которыми я начала наши уроки. Вообразите, что она ничего этого не знала!..... Эти мѣщане воспитываютъ своихъ дѣтей какъ рогатый скотъ. О, у меня большіе планы для этой чудесной дѣвочки!»

И эти планы, какіе бы они ни были, леди Гертруда преслѣдовала съ большимъ постоянствомъ. Послѣ каждаго отсутствія изъ замка, она продолжала прерванныя занятія такъ же систематически, какъ принималась за прочія свои сельскія забавы. Однако жъ эти отсутствія были часты и продолжительны, и у Фанни оставалось много свободнаго времени для исполненія своихъ смиренныхъ обязанностей, которымъ она посвящала себя безъ негодованія, если не съ радостью, потому что юное ея сердце всегда стремилось къ ея бѣдному дому и семейству.

Мы уже видѣли, что соученицы маленькой Фанни вообще ее любили, но что онѣ не искали въ ней себѣ подруги. Когда она сдѣлалась la protégée владѣтельницы Лессельскаго замка, гдѣ даже въ разныхъ случаяхъ имѣла доступъ въ блестящій кругъ друзей леди Гертруды, прежняя фамильярность ея пріятельницъ скоро перешла въ холодность и скрытность: бѣдная

Digitized by Google

Фанни, не знавшая ни надменности, ни тщеславія прежде чѣмъ вкусила наслажденіе быть покровительствуемой за свою красоту и геніальность, часто видѣла себя не только безъ подругъ, но даже въ тягость имъ, даже предметомъ ихъ насмѣшекъ. Она не разъ уходила отъ нихъ съ огорченнымъ сердцемъ и съ глазами полными теплыхъ слезъ; однако жъ ни какая обида не могла заставить ее платить своимъ сверстницамъ обидою. Она перестала показываться въ веселомъ кругу, гдѣ ни одна рука ея не привѣтствовала.

Одинъ только другъ оставался ей всегда неизмѣннымъ: его великодушное и нѣжное участіе въ беззащитной «фавориткѣ барыни» было еще болѣе возбуждено опалою, которой подвергли ее завистливыя подружки.

Франкъ Ловель, неустрашимый поборникъ Фанни, былъ почти тремя годами старше ея. Сынъ богатаго мѣщанина, торговавшаго волами, котораго жена умерла вскорѣ послѣ родовъ, онъ отданъ былъ для кормленія женѣ Марка Ферфильда. Попеченію этой доброй женщины Франкъ Ловель обязанъ былъ не только сохраненіемъ своей жизни, но еще столь крѣпкимъ здоровьемъ, что, когда ему минуло пять лѣтъ, въ цѣломъ мѣстечкѣ не было такого красиваго и бойкаго мальчика какъ сильный, загорѣлый, кудрявый Франкъ, который всё-еще находился подъ кровомъ своей кормилицы. Онъ болѣе всего гордился тѣмъ, что она поручала ему возить крошечное двухлѣтнее существо, которое Франкъ съ самой колыбели привыкъ называть *своей* Фанничкой. Онъ былъ для нея старшимъ братомъ, даже и потомъ, когда отецъ взялъ его къ себѣ на мызу, гдѣ содержались ихъ волы. Рѣдкій день проходилъ въ недѣлѣ, чтобы Франкъ не заглянулъ въ хижину кормилицы и не повстрѣчался съ Фанни. Они пользовались каждымъ случаемъ, чтобы

Digitized by Google

доказать другъ другу свою привязанность. Дѣвочка всегда его любила. Но когда онъ, изъ друга и товарища, сдѣлался ея заступникомъ, и сталъ защищать ее съ такимъ жаромъ противъ насмѣшекъ и несправедливости, ея молодое сердце воспламенилось еще нѣжною благодарностью: она чувствовала себя способною ко всякому пожертвованію, какого бы онъ ни потребовалъ; она готова была даже отказаться отъ дорогихъ преимуществъ благосклонности леди Гертруды.

— Да, да, милый Франкъ, я готова все бросить и не ходить болѣе туда, хотя миледи такъ ко мнѣ добра и я тамъ вижу и слышу столько хорошаго, учусь такимъ прекраснымъ вещамъ! Я все брошу и останусь дома, если ты этого хочешь: только знаешь ли, какъ добра миледи даже къ папенькѣ, къ маменькѣ и бѣдной слѣпой бабушкѣ! Да и родители мои охотно видятъ, когда я бываю въ барскомъ домѣ, хотя бабушка и покачиваетъ иногда головой, и говоритъ, что тутъ не бывать добру. Но что за бѣда можетъ тутъ случиться, милый Франкъ? Ты знаешь, я никогда не горжусь и не хвастаю расположеніемъ ко мнѣ миледи, и не забываю, что я бѣдная, мѣщанская дѣвушка; и миледи говоритъ, что если она дастъ хорошее направленіе талантамъ, которые я получила отъ природы,— это не мои слова, а слова миледи, Франкъ! (прибавила Фанни, краснѣя и потупивъ робкіе взоры) то я буду, говоритъ миледи, со-временемъ въ состояніи поддерживать добрыхъ моихъ родителей въ старости и доставлять имъ всѣ удобства жизни.

Эта рѣчь, самая длинная, которую Фанни когда-либо говорила, произнесена была въ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда Франкъ, долго поджидая ея у воротъ Лессельскаго замка, уже потерялъ терпѣніе и хотѣлъ уйти домой. Фанни вышла въ то самое время, и въ

Digitized by Google

отвѣтъ на привѣтливый поклонъ встрѣтила упрекающій взоръ и холодность. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на великодушный жаръ, съ какимъ Франкъ защищалъ ее, когда при немъ дурно говорили о слѣдствіяхъ милости къ ней миледи, онъ такъ же, какъ и бабушка, имѣлъ свои сомнѣнія, проистекавшія можетъ-быть отъ ревности.

– Однако жъ..... Со всѣмъ тѣмъ.....» хотѣлъ онъ прервать ее разъ или два, когда она съ восторгомъ разсказывала о великолѣпіи въ замкѣ, о чудесахъ утонченности вкуса и фантазіи, которыя открывали передъ ней новый міръ въ этой волшебной странѣ. – Со всѣмъ тѣмъ, сказалъ онъ наконецъ, что тутъ хорошаго для насъ? Ты красивѣе всѣхъ дѣвушекъ въ мѣстечкѣ, и вдвое добрѣе ихъ: такъ диво ли, что ты такъ понравилась миледи и прочимъ господамъ? Я только говорю, дадутъ ли они тебѣ столько состоянія, чтобъ ты могла жить безъ заботъ, какъ леди, сидя цѣлый день на диванѣ въ шелковомъ платьѣ и читая книги? – Но, Фанни, говорилъ онъ болѣе кроткимъ голосомъ: кто тебя будетъ любить больше тѣхъ, которые кормили и няничили тебя, когда ты была еще ребенкомъ? Вся ихъ утонченность не сдѣлаетъ тебя ни веселѣе ни счастливѣе. Я помню то время, когда ты была вся моя и ничего такъ не любила какъ по праздникамъ собирать со мной орѣхи или ягоды, или сидѣть и плести коробки!..... Тогда и стихи твои казались мнѣ звучнѣе, и я охотнѣе слушалъ разсужденія твои о вещахъ, въ которыхъ самъ не много смыслю..... Ахъ, Фанни, Фанни, гдѣ это время!

Эти маленькія сцены тѣмъ чаще повторялись, чѣмъ чаще Фанни посѣщала замокъ; и не разъ замѣчаніе Франка готово было сдѣлаться упрекомъ, а отвѣтъ Фанни укоризной въ несправедливости и жестокости, и они расходились, если не съ злобой, по-крайней-

Digitized by Google

мѣрѣ съ раздраженнымъ сердцемъ; однако жъ все это еще не вредило ихъ взаимной привязанности.

Тогда Фанни минуло семнадцать лѣтъ, а Франку, рослому, красивому юношѣ, стукнуло двадцать.

Франкъ и Фанни, несмотря на случайныя ссоры, продолжали нѣжно любить другъ друга; и можетъ-быть Франкъ давно уже попросилъ бы согласія своего отца на бракъ съ Фанни Ферфильдъ, если бы чувство ревнивой недовѣрчивости и тяжкое сознаніе собственнаго ничтожества, волнуя умъ его во время частыхъ разлукъ, не заставляли его сомнѣваться въ искренней привязанности дѣвушки съ высшимъ умомъ и талантомъ, къ существу, лишенному свѣтской любезности и ловкости, которыя она привыкла такъ высоко цѣнить, и въ которыхъ сама сдѣлала большіе успѣхи подъ руководствомъ леди Гертруды. Онъ чувствовалъ больше нежели Фанни, что непреодѣлимая, непонятная преграда поселилась между ними.

Были минуты, когда сердце Фанни упрекало ее, что она порой забывала Франка, или что мысли ея обращались къ нему въ кругу блестящаго общества Лессельскаго замка въ видѣ невыгодныхъ сравненій. «Но что жъ такое! восклицала она въ душѣ, стараясь этимъ заглушить свои мысли: «Франкъ красивѣе ихъ! Милый Франкъ!..... И онъ былъ бы лучше всѣхъ, если бъ одѣвался по модѣ. Я увѣрена, если бъ его образовать, онъ былъ бы и отмѣнно ловокъ.»

Надобно знать, что расположеніе леди Гертруды къ Фанни дошло наконецъ до того, что она уже представляла ее всѣмъ своимъ гостямъ не иначе какъ деревенскаго генія, какъ деревенское чудо, какъ свою «интересную» воспитанницу. Фанни была необходимою и самою живописною принадлежностію ея замка. Она одѣвала ее въ прекрасныя платья на свои праздники, ободряла когда другіе удивлялись ея поэтиче-

Digitized by Google

скому таланту, или заставляя показывать коллекціи безчисленныхъ портфёлей и альбомовъ, для развлеченія утреннихъ и вечернихъ гостей.

Положеніе дѣвушки было одно изъ опаснѣйшихъ для сердца и правилъ потому самому обстоятельству, которое, по мудрой системѣ леди Гертруды, устраняло всякую опасность.

— Вы такъ добры къ моей воспитанницѣ! говорила она въ присутствіи Фанни, когда гости слишкомъ превозносили ея дарованія, или льстили ея красотѣ. Вы не должны однако жъ дѣлать ее тщеславною и возбуждать ея самолюбія. Я не могу этого позволить, хотя и вмѣняю себѣ въ нѣкоторую заслугу, что спасла это заброшенное *твореніе* съ такими дарованіями! и доставила ему средства, которыя доведутъ его..... Я не скажу куда. Однако жъ, Фанни, прочитай намъ эти стихи, которые ты написала, по моимъ мыслямъ, въ родѣ Спенсеровыхъ стансовъ, на линяніе моего снигиря.

Какое бы впечатлѣніе ни дѣлали подобныя разсужденія на друзей леди Гертруды или на самую Фанни, извѣстно только то, что посѣтители Лессельскаго замка оказывали пагубное уваженіе воспитанницѣ, увы, не всегда изъ одной доброты сердца или угожденія хозяйкѣ! Льстивыя слова, которыя нашептывали ей въ роскошномъ будуарѣ записные Лондонскіе волокиты, не всегда были данью ея генію или пустымъ комплиментомъ. И удивительно ли, если эти слова, малой цѣны, но съ вредными послѣдствіями, простая дѣвушка слушала сперва съ робкою недовѣрчивостью, а наконецъ съ удовольствіемъ и замѣшательствомъ? Удивительно ли, если ея слухъ и воображеніе болѣе и болѣе привыкали къ такому пріятному напѣву, и она уже стала сама требовать этой безсмыслицы и пугаться простыхъ ласкъ своего сословія, даже желать, что-

Digitized by Google

бы милый Франкъ былъ немного половчѣе и говорилъ также языкомъ комплиментовъ? Бѣдная, бѣдная Фанни!

Странствующіе владѣтели Лессельскаго замка, послѣ необыкновенно долгаго пребыванія въ своемъ помѣстьѣ, отправились наконецъ въ Лондонъ. Зимніе балы уже начинались въ столицѣ. Леди Гертруда, въ отчаяніи, что опоздаетъ въ собранія, которыхъ она считала себя душею, уже не заботилась о Фанни, и отвѣчала слезамъ и безмолвному прощанію бѣдной дѣвушки снисходительнымъ поцѣлуемъ и обѣщаніемъ привезть ей лѣтнюю шляпку, въ которой онѣ пойдутъ опять въ поле собирать цвѣты для гербарія. Фанни снова была заключена въ хижину своего отца, но съ сердцемъ полнымъ воспоминаній о минувшихъ дняхъ и негодующимъ на простоту тѣхъ, которые ее окружали. Домашнія занятія дѣлались для ней болѣе и болѣе отвратительными, хотя снисходительная мать освободила ее отъ труднѣйшихъ работъ, по требованію леди Гертруды, которая весьма заботилась объ этомъ, чтобы сберечь нѣжныя ручки для другихъ занятій. Эти занятія *со-временемъ* должны сдѣлаться для нее весьма выгодными. Со-временемъ! Да когда же прійдетъ это время? Великодушная покровительница деревенскихъ талантовъ никогда не могла съ точностью опредѣлить этого. Теперь ей надо поспѣшить въ Лондонъ. Она увидитъ *послѣ*. Между-тѣмъ она оставляетъ ей нѣсколько шелку, кисей и рисунковъ для упражненія въ вышиваніи вовремя *ея* отсутствія. Между-тѣмъ, вотъ ей всѣ нужные матеріалы,— письменный столикъ, перья, множество книжекъ съ чистою бумагою, изъ которыхъ одну, въ переплетѣ съ замкомъ, Фанни назвала своимъ альбомомъ, нѣсколько томовъ новѣйшей прозы и стихотвореній, выбранныхъ, какъ говорила миледи, съ особенною осмотрительностью, и небольшой гравированный пор-

Digitized by Google

треть ея покровительницы, въ рамкѣ подъ стекломъ; и еще портретъ лорда Байрона, котораго сочиненія такъ же входили въ осмотрительный выборъ леди Гертруды.

Эти вещи составляли то, что Фанни называла своимъ «сокровищемъ»; она расположила ихъ во вкусѣ кабинета леди Гертруды, сколько позволяла обширность ея маленькой спальни и небольшаго столика, всегда украшеннаго букетомъ цвѣтовъ въ стаканѣ. Сюда-то, въ этотъ освященный уголокъ, она удалялась съ работой или безъ работы, во всякое время, лишь только освобождалась отъ домашнихъ занятій.

Она всё-еще находила удовольствіе удовлетворять разныя прихоти отца, возвратившагося вечеромъ съ работы; она готова была исполнять желанія младшихъ братьевъ, когда была возможность исполнить, хотя они и докучали ей своими грубыми шутками; несмотря на условленное освобожденіе, она никогда не могла видѣть матери обремененной работою, чтобы не помочь ей, или оставить дряхлой бабушки безъ тѣхъ нѣжныхъ услугъ, которыя всегда были данью сердца послушной Фанни. Со всѣмъ тѣмъ мать говорила, что «дѣвушка – не то, что прежде!» И кто болѣе былъ чувствителенъ къ этому замѣчанію, кто такъ горько оплакивалъ перемѣну, какъ не товарищъ ея дѣтства, какъ не другъ ея юности, – даже болѣе чѣмъ другъ, – какъ непритворный и добрый, простаго происхожденія, но съ благородною душою, Франкъ Ловель! Со времени разговора его съ Фанни, когда она изъявила готовность отказаться для него отъ всѣхъ удовольствій, которыми наслаждалась въ замкѣ, – и хорошо было бы для обоихъ, если бъ онъ воспользовался этимъ самоотверженіемъ съ ея стороны; но тронутый такимъ великодушіемъ и стыдясь своей ревности, онъ не захотѣлъ воспользоваться ея

Digitized by Google

уступчивостью, — со времени этого разговора случилось еще одно обстоятельство, которое поселило въ немъ новыя подозрѣнія. Фанни уже съ той минуты перестала сообщать съ прежнею откровенностью свои мысли и чувства тому, который недавно еще былъ лучшимъ ея другомъ. Онъ все-таки продолжалъ караулить ее и ходить ей на встрѣчу. Но однажды, ему показалось, что она выходила изъ замка не одна. Звуки ея знакомаго голоса, при вечерней тишинѣ, долетѣли до него прежде чѣмъ онъ могъ различить ее самую въ темнотѣ аллеи. Эти звуки, смѣшанные еще съ другими, наполняли каждую фибру въ его сердцѣ новою горестью. Отступивъ нѣсколько шаговъ отъ воротъ, онъ напрягъ зрѣніе, чтобы разсмотрѣть идущихъ. Фанни дружески опиралась на руку какого-то щеголя, который наклонялся къ ней и, казалось, былъ увлеченнымъ пріятнымъ разговоромъ. Франкъ не зналъ что думать: взглянувъ еще разъ болѣе съ горестію нежели съ досадой, онъ безмолвно оставилъ печальное мѣсто и не прежде оглянулся, какъ очутясь передъ старыми воротами своей мызы. Онъ съ минуту посмотрѣлъ на домъ своего отца съ чувствомъ необыкновеннаго унынія. Ветхій домикъ съ своими черепицами и мрачными стѣнами вполовину поросшими плющемъ, стоялъ, какъ надгробный памятникъ, въ глубокомъ сумракѣ; порой красноватый свѣтъ огня или мельканіе свѣчи, проникавшія чрезъ маленькія окна, озаряли эту развалину. Взоръ Франка блуждавшій по этому мирному пріюту, остановился на освѣщенномъ окнѣ. Тутъ подлѣ гостепріимнаго очага, на которомъ весело горѣлъ большой огонь, сидѣлъ его сѣдой отецъ, заслонивъ глаза рукой; тутъ же, противъ него, сидѣла тетка, Эми, съ своимъ кроткимъ лицемъ и всегда проворными пальцами, въ которыхъ сверкали блестящія чулочныя иглы; далѣе стоялъ дубовый круглый столъ, покрытый бѣлою

Digitized by Google

скатертью; Марія приготовляла имъ ужинъ своими тонкими ручками, съ умиленіемъ посматривая на почтенную чету: она суетливо ходила взадъ и впередъ, и съ радушіемъ исполняла любимое свое занятіе. Марія была не наемная дѣвушка, но признательная сирота, племянница хозяину. Не красивой наружности, но добрая и веселая, она почитала свои услуги какъ дань сердца за благодѣянія, иначе незаплатимыя. «О, зачѣмъ Фанни не походитъ на нее: какъ счастливы были бы мы вмѣстѣ!» говорилъ про себя вполголоса задумчивый наблюдатель, преслѣдуя глазами хозяйственныя занятія двоюродной сестры. «И батюшка, и тетушка, и Марія, любили бы ее какъ дочь и сестру!» Тяжко вздохнувъ, Франкъ вошелъ въ ворота, и черезъ минуту очутился за убогимъ ужиномъ. Но прежде чѣмъ онъ легъ спать, сердце его стало извинять Фанни и придумывать самыя благовидныя причины къ ея оправданію. При первой ихъ встрѣчѣ одно ея слово, одинъ взоръ, разсѣяли бы тяжкія его сомнѣнія. Но ни одно слово, ни одинъ взоръ, не ободряли его желанія примириться, не показывали никакого безпокойства со стороны Фанни насчетъ его холодности. Фанни видѣла его, — онъ былъ въ томъ увѣренъ, — когда онъ, раздраженный, ушелъ отъ воротъ замка. Фанни знала, думалъ онъ, объ его чувствахъ и она могла бы облегчить его и извиниться сама простымъ увѣреніемъ, что ей вовсе не была пріятна услужливость этого кавалера и что она безпокоилась огорчить Франка непріятною встрѣчею. Но Фанни никогда не старалась избѣгать внимательной вѣжливости лорда Генри Фельтама, — такъ назывался ея кавалеръ, — и другихъ безнравственныхъ волокитъ, которые искали только временнаго удовольствія и злобно пользовались ея затруднительнымъ положеніемъ. Она была увѣрена, что Франкъ удалился болѣе изъ гордости нежели изъ печали. Такъ они встрѣтились и разо-

Digitized by Google

шлись, съ холодностью и неудовольствіемъ. Тщетно Фанни послѣ этого приключенія, возвращаясь изъ замка, старалась увидѣть того, кто еще недавно слѣдилъ за нею. Онъ болѣе неявлялся. Зато другой тѣмъ чаще предлагалъ свои услуги, которыя на зло ли, или безъ намѣренія, были принимаемы съ меньшимъ отвращеніемъ. Ее нерѣдко оставляли ночевать въ замкѣ, или, что еще хуже, отпускали домой въ такое время, когда семейство ея давно уже покоилось. Богъ знаетъ чѣмъ бы все это кончилось, если бы балы не отозвали леди Гертруды въ Лондонъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, послѣ отъѣзда Лессельзовъ, когда слѣпая бабушка, руководимая чувствомъ любви, проникающимъ далѣе чѣмъ то, котораго она давно была лишена, замѣтила, что Франкъ и Фанни между собою уже были не то, что прежде, — не въ враждѣ, говорила бабушка, а всё какъ-то не по-прежнему. Впрочемъ Франкъ довольно часто заглядывалъ въ хижину своей кормилицы, и садился иногда, по привычкѣ, съ ними за скромный ужинъ, на прежнее свое мѣсто, подлѣ Фанни. Онъ никогда не проходилъ мимо плетня или рощи, гдѣ цвѣли жимолость и шиповникъ, чтобы не нарвать ей пучка любимыхъ цвѣтовъ, хотя сердце шептало ему: «Что ей теперь въ нихъ!» И всякій разъ, когда ему случалось, по дѣламъ отца, ѣздить по ярмаркамъ или въ столицу, онъ привозилъ по-прежнему ей какія-нибудь бездѣлушки. Франкъ, хотя и не ученый поселянинъ, былъ однако не совсѣмъ безъ познаній, и еслибъ не собственная его скромность, и не холодность, постепенно поселившаяся между ними, онъ бы удивилъ и порадовалъ Фанни, открывъ ей, какъ хорошо онъ употребляетъ каждый свободный часъ для украшенія своего ума полезными свѣдѣніями. Франкъ не былъ простой мужикъ, и Фанни особенно могла замѣтить это во время ихъ взаимнаго охлажденія. Въ

Digitized by Google

тишинѣ хижины и при ровномъ теченіи жизни, къ которому она опять привыкла, нравъ ея становился спокойнѣе, и сердце, не находясь болѣе подъ вліяніемъ вредной раздражительности, снова стремилось со всею нѣжностью, къ предмету первой и чистѣйшей любви. Возвратившись, послѣ цѣлой недѣли отсутствія изъ столицы, Франкъ съ веселымъ видомъ вошелъ въ калитку сада Марка Ферфильда, и первый предметъ, который броился ему въ глаза, была Фанни: она спокойно сидѣла за работой подъ старымъ дубомъ, опять похожая на «его Фанничку.» Пораженная неожиданнымъ голосомъ, она вся засіяла радостью, воскликнула съ восторгомъ — «Милый Франкъ!», и побѣжала къ нему на встрѣчу. Его мужское сердце мигомъ поколебалось, и, посмотрѣвъ на нее сквозь слезы, которыми покрылись его глаза, онъ спросилъ ее дрожащимъ голосомъ: «Развѣ ты рада меня видѣть, Фанни?»

То были счастливыя минуты! Въ одно мгновеніе ока молодые люди, не говоря ни слова, поняли другъ друга, и тотчасъ посыпались признанія и упреки, увѣренія и прощенія. «Ну, милая Фанни, какой же я тебѣ привезъ подарокъ! онъ навѣрное тебѣ понравится, потому что совершенно въ твоемъ вкусѣ.» И тутъ онъ подалъ хорошенькій томикъ сочиненій Блумфильда, Farmer's Boy, Деревенскій парень. «И знаешь ли,» продолжалъ онъ, пока Фанни разсматривала и восхищалась милымъ подаркомъ, «знаешь ли, что я самъ со-временемъ сдѣлаюсь поэтомъ, такъ понравилась мнѣ эта сказка; хотя это вовсе не сказка, а совершенная истина и природа.

Сердце Фанни со всею живостью женской чувствительности наполнилось прелестною картиною счастія, изображеннаго въ знакомой ей книгѣ, и она поощрила мечтателя нѣжнымъ взоромъ въ его благородной простотѣ души.

*

Digitized by Google

Лучь солнца и тишина наступили за этимъ неожиданнымъ примиреніемъ, и вслѣдъ за ними пришли любовь и довѣріе съ одной стороны, признательность и откровенность съ другой. Хотя Франкъ, въ воскресшемъ блаженствѣ, ничего болѣе не желалъ, ничего не требовалъ, однако Фанни, предугадывая его желанія насчетъ будущаго, сама придумала себѣ благоразумную систему на тотъ случай, когда, по возвращеніи владѣльцевъ замка, она опять была бы поставлена въ такое положеніе, которое могло бы причинить ему безпокойство. Съ своей стороны Франкъ, отринувъ всякое подозрѣніе, съ полнымъ чувствомъ возобновленной любви, бросился къ своему отцу просить согласія, въ которомъ онъ былъ совершенно увѣренъ. Но какъ изумился, когда старикъ нахмуривъ брови, съ суровостью, которая такъ мало соотвѣтствовала его обыкновенному виду, сказалъ: «Знаешь ли что ты затѣваешь! Знаешь ли, Франкъ, чего ты хочешь? Не жены, а барыни, которая будетъ бояться запачкать себѣ башмачки, когда ей нужно пройти черезъ дворъ, чтобы накормить куръ; которая захочетъ цѣлый день сидѣть за своими глупыми книгами и за рукодѣльемъ, вмѣсто того чтобы заниматься хозяйствомъ, какъ дѣлала бѣдная твоя мать, — добрая была женщина, царство ей небесное; которая вздумаетъ важничать передъ твоимъ отцемъ и теткою и насмѣхаться надъ нашими обычаями, потому что мы не выучились передразнивать знатныхъ, а остались при своемъ. Нѣтъ, нѣтъ, Франкъ: пусть ее беретъ кто хочетъ, кому она нравится. А жаль, что они то ее такъ испортили! Но безъ этого, въ цѣломъ приходѣ не нашлось бы дѣвушки, которая бы болѣе годилась быть твоею женою, и занять мѣсто твоей матери, чѣмъ дочь Марка Ферфильда, хотя у ней нѣтъ копѣйки за душой. Теперь же нѣчего объ этомъ и думать. Пусть она достается тѣмъ, которые ее избаловали. Для мызы-то она боль-

Digitized by Google

но не годится.» Но Франкъ защищалъ свое дѣло или, лучше сказать дѣло Фанни, такъ хорошо и съ такимъ жаромъ, и тетка Эми, самая добрая тетка, какая есть подъ солнцемъ, содѣйствовала ему съ такимъ искусствомъ, выхваляла съ такимъ усердіемъ хозяйственныя и другія добродѣтели дочери Марка, что мало-по-малу жестокость мызника пропала и онъ долженъ былъ уступить соединеннымъ силамъ, съ тѣмъ однако жъ что бракъ отложенъ будетъ на цѣлый годъ.

Съ того времени Фанни, съ которою любовникъ долженъ былъ по-неволѣ заключить это долгое обязательство, гостила по нѣскольку дней на мызѣ, и скоро внушила о себѣ лучшее мнѣніе почтительной внимательностью къ старику и помощію въ ихъ хозяйствѣ. Однажды утромъ, когда онъ кусокъ ржанаго хлѣба намазывалъ себѣ масломъ ея работы, тетушка и Марія сознались, что не сдѣлали бы лучшаго: онъ мигнулъ сыну, улыбаясь отъ удовольствія, ущипнулъ за щечку свою будущую сноху, которая подлѣ него сидѣла, и сказалъ «Нѣтъ, Франкъ, еще не совсѣмъ ее испортили!»

Но скоро счастіе ихъ было нарушено возвращеніемъ владѣльцевъ замка, которые пріѣхали съ множествомъ гостей, и Фанни опять была увлечена въ заколдованный кругъ. Правда, это произошло болѣе по долгу признательности къ покровительницѣ чѣмъ по собственной ея волѣ. Леди Гертруда нѣкоторое время была больна, не выходила изъ комнаты, и имѣла почти постоянную надобность въ прислугѣ Фанни. Франкъ, слишкомъ великодушный, слишкомъ довѣрчивый, не могъ требовать отъ той которой онъ теперь совершенно предался, чтобы она за ласки своей благодѣтельницы платила неблагодарностію. «Вѣдь этому жъ не долго быть!» утѣшалъ онъ самъ себя: «они не долго здѣсь пробудутъ, а какъ уѣдутъ къ чорту,

Digitized by Google

она опять будетъ моя; а тамъ черезъ восемъ мѣсяцевъ и всему конецъ!» Легковѣрный Франкъ! Неосторожная Фанни!

Впрочемъ болѣзнь леди Гертруды была такого рода, что ни сколько не мѣшала ей искать привычныхъ удовольствій, и въ залахъ Лессельскаго замка былъ необыкновенный приливъ денди, литераторовъ и артистовъ. Леди на нынѣшній годъ вдругъ сдѣлалась охотницею до живописи и покровительницей молодыхъ артистовъ. Одинъ изъ такихъ молодыхъ артистовъ съ нѣкоторымъ дарованіемъ, и еще съ большими претензіями, пріѣхалъ съ нею и посвящалъ свою кисть всѣмъ предметамъ, какіе только покровительница его назначала изъ живой и мертвой природы: талантъ Г. Дилейля былъ всеобъемлющій. Завели домашнее литературное общество и типографію. Брошюрки, въ стихахъ и прозѣ, съ красивыми заглавными листками, раждались къ каждому завтраку подъ Лессельскими станками. Тутъ открылись авторскія способности даже въ такихъ людяхъ, которые при первомъ взглядѣ на свое печатное издѣліе готовы были воскликнуть съ Жоржомъ Данденомъ: Comment, j'ai fait de la prose? Во всемъ царствовали роскошь, великолѣпіе и утонченность; и хотя все это было не что иное какъ тщеславіе, однако эти очарованія, дополненныя прелестью музыки, благоуханіемъ цвѣтовъ и прихотями нѣги, зажгли въ раздражительной, романической и слабой Фанни стихіи, опасныя для ея спокойствія и счастія; и первыя намѣренія были забыты, прежде чѣмъ она сама замѣтила въ себѣ перемѣну и опомнилась. Леди Гертруда, съ настойчивостью, которая нерѣдко отличала ея благотворительные планы, принялась прошедшею зимою въ Лондонѣ за окончаніе начатаго дѣла, и теперь разкрыла передъ удивленной дѣвушкой списокъ, въ которомъ цѣ-

Digitized by Google

лые листы испещрены были именами всѣхъ возможныхъ герцоговъ, маркизовъ, графовъ, поэтовъ и романтистовъ, подписавшихся на «Собраніе разныхъ стихотвореній», съ краткимъ извѣстіемъ о сочинительницѣ и съ ея портретомъ. И кто же сочинительница? Фанни Ферфильдъ! Гдѣ жъ книга? Погодите, она будетъ напечатана зимою. Леди Гертруда сама напишетъ къ ней предисловіе, чтобы доказать цѣлому свѣту, какіе геніи водятся въ ея помѣстьяхъ. Теперь надо приготовить портретъ для гравера. Счастливъ тотъ живописецъ, который вѣрно передастъ бумагѣ и потомству это вдохновенное, ангельское лице! Фанни какъ-будто прикованная волшебною силою къ списку, посматривала то на леди Гертруду, то на эту бумагу. Удивленіе дѣвушки скоро превратилось въ робкое, невинное удовольствіе, глаза ея потупились и она, краснѣя, трепеща, почти задыхаясь, силилась выразить свою признательность, между-тѣмъ какъ торжествующая покровительница, краснорѣчиво и съ чувствомъ, распространялась о выгодѣ, какую она можетъ извлечь для семейства изъ довольно значительной суммы, собранной подпискою на первое ея сочиненіе. Фанни была въ восторгѣ, Фанни была счастлива. Наконецъ она будетъ полезна своимъ родителямъ! Ни одна тщеславная мысль не занимала ее въ это время, кромѣ той, — что скажетъ Франкъ, когда она вдругъ подастъ ему хорошенькую книжечку, собственнаго произведенія, и еще украшенную ея портретомъ? И въ своемъ восторгѣ, она уже рѣшилась сохранять это въ совершенной тайнѣ, прежде нежели сама леди Гертруда потребовала отъ нея обѣщанія никому о томъ не говорить внѣ замка и круга, избраннаго въ повѣренные великой тайны.

Около того времени Франкъ былъ отозванъ въ другое графство родственникомъ своего отца, который, чувствуя приближающуюся смерть, хотѣлъ отказать

Digitized by Google

небольшое имѣніе крестному своему сыну и раздѣлить съ нимъ послѣднее время. Франкъ уступилъ свою Фанни съ полной довѣренностью леди Гертрудѣ, и смотрѣлъ на это какъ на пожертвованіе святому чувству признательности. Со всѣмъ тѣмъ, непріятныя мысли по-временамъ вкрадывались въ него, особенно когда ему хотѣлось быть подлѣ своей любезной, которая, съ его согласія, принадлежала теперь другимъ. «Но это скоро пройдетъ, скоро пройдетъ. Мнѣ теперь надо ѣхать. Оно и кстати, потому что лучше быть разлученными на нѣсколько недѣль, чѣмъ жить близко, а видѣться рѣдко. Къ тому времени, какъ мнѣ возвратиться, миледи уѣдетъ какъ-нибудь за море, и тогда..... Оно скоро пройдетъ!» Такъ разсуждалъ онъ наканунѣ своего отъѣзда, прогуливаясь съ своей милой по ровнымъ дорожкамъ между прекрасно обработанными полями. Фанни на этотъ день не безъ труда отпросилась изъ замка, и провела почти все время съ своимъ Франкомъ или въ кругу его семейства. Иногда ей приходилось отвѣчать на брюзгливые вопросы стараго скотовода, который не совсѣмъ былъ доволенъ толкованіемъ своего сына на счетъ того, что онъ съ досадою называлъ «возвращеніемъ Фанни къ своимъ привычкамъ», какъ онъ выражался съ досадою. Но гнѣвъ его скоро проходилъ,—такой уже она взяла теперь верхъ надъ его добрымъ нравомъ; да и тетушка Эми всегда была готова замолвить доброе слово въ защиту невѣсты ея любезнаго Франка, и даже скромная Марія, которая никогда не смѣла сказать болѣе десяти словъ, сказала ихъ теперь кстати въ ея пользу: за обѣдомъ она искусно обратила вниманіе своего дяди на превосходство его любимаго блюда, приготовленнаго руками Фанни, гораздо лучше, нежели какъ бы сама состряпала. Плутовка! а блюдо было состряпано ею. «Что и говорить, что и говорить! сказалъ старикъ, от-

Digitized by Google

части улыбаясь, отчасти досадуя: пирогъ славный, и я готовъ вѣрить, что Фанни, при всѣхъ ея безсмысленностяхъ, дѣвушка добрая; да только же она не проворнѣе и не лучше моей Маріи. Правда, она красивѣе, и искуснѣе въ иныхъ вещахъ, но все-таки я желаю только, чтобы она была въ половину такою доброю женою для Франка, какою бъ ты могла быть ему.» Грубая шутка дяди такъ сильно встревожила Марію, что она, наклонившись надъ тарелкою, старалась скрыть слезы, которыя навернулись у ней на глазахъ, и наконецъ потекли по лицу, между-тѣмъ какъ она молча играла ножемъ и вилкой. Фанни, проникнутая живѣйшею признательностью за ея великодушное покровительство, жалѣла объ ней отъ всего сердца, и когда обѣ дѣвушки побѣжали послѣ обѣда въ садъ, она, нѣжно обнявъ свою подругу, сказала ей: «Милая, милая, добрая Марія! о, еслибъ я вполовину была такъ добра какъ..... вполовину такъ и искусна!.....» Остальное не было договорено, однако жъ было понято; безмолвный поцѣлуй и выразительный взглядъ заступили мѣсто словъ съ обѣихъ сторонъ. Чувства ихъ были такъ многосложны, такъ нѣжны, что не возможно было опредѣлить ихъ словами. Это была одна изъ тѣхъ минутъ, когда одинъ мигъ глаза, одинъ звукъ голоса, легкое дрожаніе устъ, разомъ открываютъ всѣ тайны двухъ сердецъ, которыя до того были закрыты какъ завѣтная книга. «Пойдемъ на кладбище,» сказала Фанни, взявши подъ руку своего нарѣченнаго, когда онъ вечеромъ провожалъ ее домой. «Пойдемъ на кладбище. Старая липа теперь въ полномъ цвѣтѣ; я люблю прелестные блѣдные цвѣты ея больше чѣмъ всѣ заморскія растенія моей леди.» Они отправились, и шли безмолвно. Франкъ былъ опечаленъ мыслію о разлукѣ, въ продолженіи которой Богъ знаетъ, что могло случиться съ его любовью. Фанни была удручена сознаніемъ, что она не довольно от-

Digitized by Google

кровенна съ своимъ другомъ: но она не смѣла сообщить ему тягостной тайны, которая могла снова отравить его спокойствіе. Какая же это тайна?..... ея никто еще не знаетъ. Но тайна вовсе не литературная. Часъ, въ который они вошли въ тихую отраду кладбища; послѣдній лучъ заходящаго солнца, отражавшійся отъ большаго красноватаго окна до вершины креста старинной церкви, – этотъ лучъ, который, позолотивъ сбоку крученыя готическія колонны, какъ бы нехотя уходилъ за зеленѣющія могилы; мрачный видъ огромныхъ ильмовъ, темная зелень вѣтвистой липы, сладостное благоуханіе ея цвѣта, и, во всемъ этомъ молчаніи, одинъ только звукъ, – жалобное воркованіе дикаго голубя, такъ согласовались съ меланхолическимъ и страстнымъ воображеніемъ молодой мечтательницы, что она готова была бы пролить роскошныя слезы или въ поэтическомъ восторгѣ выразиться стихами, если бъ присутствіе товарища не заставляло ее удержать полетъ своей фантазіи.

Франкъ набралъ ей пучекъ цвѣтовъ и сѣлъ подлѣ нея. Она, съ задумчивымъ видомъ, на краю старой полуразвалившейся могилы, занялась безмолвно составленіемъ прекраснаго букета. Грусть прилипчивѣе чѣмъ веселость, когда любовь служитъ ей проводникомъ: смотря на Фанни, Франкъ скоро сдѣлался не обыкновенно серіознымъ. Но, скоро преодолѣвъ это тягостное состояніе души и охвативъ рукой гибкій станъ своей невѣсты, онъ сказалъ съ нѣжностью. «Милая Фанни! ты будешь мнѣ писать, когда я уѣду? Дай Богъ чтобы мы никогда не разлучались. Теперь уже іюль мѣсяцъ. Осень и зима скоро пройдутъ; а тамъ какъ тутъ весна и Троица; я и ты, и всѣ наши друзья, пойдемъ по этой дорожкѣ къ тѣмъ дверямъ, и когда оттуда выйдемъ, Фанни, ты будешь уже моею женою, и не прольешь слезинки, не узнаешь горести, что бы твой мужъ не помогалъ ей.» Она улыб-

Digitized by Google

нулась, и признательная слеза выкатилась изъ ея глазъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, она приподняла голову, покоившуюся на его плечѣ, и показывая на рядъ камней, изъ которыхъ самый старый, съ вырѣзанными песочными часами, почти весь погрузился въ землю, сказала:

— Вотъ гдѣ, Франкъ, покоятся Ловели! Всѣ ваше племя, одно поколѣніе за другимъ. Каждый съ означеніемъ имени и возраста, съ надгробною надписью. А тамъ направо наши бѣдные камни, безъ надписей. Сколько Ферфильдовъ подъ этими кустами, и ни одного имени надъ ихъ прахомъ!..... Какъ тяжко и ужасно лежать тамъ, гдѣ ничто о тебѣ не напоминаетъ! Однако жъ можно ли быть забытымъ, когда тѣ, которые насъ любили еще живы?..... Франкъ, если я умру прежде нашего супружества, и меня положатъ тамъ же. Но ты не позабудешь, кто тамъ лежитъ, хотя на моей могилѣ не будетъ также надписи? И не забудь, Франкъ, если будешь проходить тамъ, когда зацвѣтетъ старая липа, нарвать нѣсколько этихъ цвѣточковъ и посыпать ими мой дернъ.

— Что это сдѣлалось съ тобой, Фанни, что ты сегодня говоришь такія грустныя рѣчи? отвѣчалъ ей милый тихимъ голосомъ, обнявши ее еще крѣпче. Хоть часто молодые умираютъ прежде стариковъ, однако жъ мы можемъ надѣяться, что проживемъ долго и счастливо вмѣстѣ, пока дѣти наши не положатъ насъ бокъ о бокъ подлѣ нашихъ стариковъ (дай Богъ имъ многія лѣта), которыхъ намъ вѣроятно придется предать землѣ. Уйдемъ отсюда, моя милая! роса сильно падаетъ; твои прелестные локоны совсѣмъ отсырѣли.....

И, взявши ее за руку, онъ поднялъ ее и повелъ съ туманнаго кладбища на тропинку, ведущую къ ея дому.

Франкъ уѣхалъ на шесть недѣль. Шесть недѣль

Digitized by Google

убійственной скуки ему предстояли. А Фанни?..... Если бъ какой благодѣтельный голосъ предсказалъ ей, какъ она проведетъ это время, она съ негодованіемъ отвергла бы это предсказаніе. Но сѣть была уже раскинута, и бѣдная птичка запуталась, даже не предчувствуя опасности. Еще до отъѣзда Франка, начались ея засѣданія для портрета, который писалъ съ ней Г. Дилейль. Только самые короткіе пріятели были допускаемы въ завѣтный кабинетъ: время и обстоятельства благопріятствовали предпріятію, которое внушилъ его расчетливому уму разсказъ леди Гертруды объ успѣхахъ подписки, открытой на первый опытъ деревенской дѣвушки-поэта. Живописецъ не только былъ прельщенъ красотою Фанни, и ея дарованіями, но даже обнялъ съ перваго взгляда всѣ случаи, при которыхъ эта красота и эти дарованія могли сдѣлаться выгоднымъ пріобрѣтеніемъ для начинающаго художника. Покровительство леди Гертруды и сотня щедрыхъ подпищиковъ составляли славное приданое. Онъ не безъ основанія полагался еще на участіе лорда Генри Фельтама, котораго слово было закономъ для моднаго свѣта во всемъ, что касается до Художествъ. Спекуляція была въ самомъ дѣлѣ хороша, и Г. Дилейль приступилъ къ дѣлу. Изъ всего этого легко заключить, что этотъ господинъ не имѣлъ никакихъ правилъ. Его наружность, со всѣми живописными принадлежностями костюма и пріемовъ, была совершенно Байроновская. Онъ игралъ на Испанской гитарѣ, припѣвая аріи, собственнаго сочиненія, довольно хорошо чтобъ очаровать немузыкальное ухо, и рисовался едва-ли не лучше чѣмъ рисовалъ. Языкъ его былъ поэтическій, голосъ — звучный, такой какъ любятъ женщины, имя романическое, — Альджернонъ Дилейль. Фанни, не забывая впрочемъ клятвъ въ вѣрности, всегда увлекалась своимъ воображеніемъ, и сердце ея само готовило легкую побѣду первому на-

Digitized by Google

тиску того, который заключалъ въ себѣ столько плѣнительнаго. Увѣренная въ неприкосновенности своихъ обѣтовъ, она почувствовала благодарность и удивленіе къ страстной любви, которую обнаруживалъ человѣкъ столько превосходный передъ нею и сочла предложеніе его сердца, руки и состоянія, чрезвычайнымъ пожертвованіемъ. Дилейль и его несчастная страсть то наводили на нее печаль, то льстили и ободряли ее, и между-тѣмъ увлекали далѣе нежели какъ желалъ бы Франкъ, еслибъ онъ зналъ объ этомъ. Въ совѣсти своей она была совершенно спокойна. Она скромно, но рѣшительно, отклоняла предложеніе Дилейля, и даже дала ему уразумѣть, что она уже не свободна. Чего жъ болѣе требовать? Онъ былъ покоренъ въ своемъ отчаяніи; она сострадательна, но не поколебима; леди Гертруда огорчена и не довольна, потому что Дилейль заблаговременно получилъ ея согласіе и одобреніе. Когда миледи выговаривала ей, что она отказывается отъ такой выгодной партіи, застѣнчивая Фанни давала самые неудовлетворительные отвѣты, не смѣя по непростительной слабости, сослаться на причины болѣе важныя и сказать откровенно о обѣщаніи, давно уже данномъ другому. Но леди Грертруда не перестала благопріятствовать видамъ Дилейля, и, встрѣтивъ неожиданное сопротивленіе, изъ гордости рѣшилась всячески помогать ему. Что могло болѣе способствовать къ достиженію общей ихъ цѣли, какъ не частыя и продолжительныя свиданія во время засѣданій для портрета? леди Гертруда сообщила самымъ короткимъ своимъ пріятелямъ нѣсколько словъ на счетъ пристройства своей фаворитки. Она сдѣлалась предметомъ выразительныхъ улыбокъ и взглядовъ; и была такъ проста, такъ робка, такъ смущена, что не умѣла остановить всѣ эти улыбки и взгляды однимъ словомъ, ни спастись откровенно въ объятія Франка до его отъѣзда. Она упа-

Digitized by Google

дала подъ тяжестью этой тайны, и уста ея не смѣли открыться, чтобы объявить другимъ о томъ, чѣмъ сама она гнушалась и что почитала своимъ преступленіемъ. Между-тѣмъ лордъ Генри Фельтамъ, который иногда бывалъ при долгихъ утреннихъ засѣданіяхъ, позволилъ себѣ однажды намѣкнуть съ тою привѣтливою наглостью, которая дается только знати, что онъ намѣренъ дать списать съ себя портретъ Дилейлю, лишь-только слишкомъ счастливый художникъ вступитъ во владѣніе этимъ прекраснымъ оригиналомъ. Фанни задрожала всѣмъ тѣломъ. Увѣренность, съ какою эти слова были сказаны, и взглядъ, которымъ они сопровождались, повергли ее въ незапное и мучительное замѣшательство. Что ей осталось дѣлать? на что рѣшиться? Оставаться или бѣжать, когда еще было время? Это мгновеніе должно было рѣшить ея судьбу, а въ такія мгновенія, никакого человѣка не оставляетъ его ангелъ хранитель или внутренній голосъ собственнаго сердца. Что жъ Фанни, кого послушается, кому покорится? Бѣги, бѣги, несчастная, отъ соблазнителей или собери всѣ свои силы, чтобъ отразить ихъ прельщенія!

Франка уже не было. Леди Гертруда была тутъ. Она явилась какъ-разъ къ интересному разговору.....

Продолжительная болѣзнь стараго родственника Франка, кончилась смертью. Молодой человѣкъ, сдѣлавъ на-скоро нѣкоторыя распоряженія касательно небольшаго наслѣдства, торопился домой съ нетерпѣніемъ влюбленнаго. Какія чувства волновали его сердце, когда онъ приближался къ родинѣ и къ той минутѣ, которая должна была объяснить всѣ сомнѣнія и догадки? Около восьми безконечныхъ недѣль былъ онъ разлученъ съ Фанни; тонъ и краткость ея писемъ, въ послѣднюю половину пребыванія въ Дербишейрѣ, очень его безпокоили, даже больше нежели самая ихъ

Digitized by Google

рѣдкость. Опасенія его сдѣлались еще мучительнѣйшими, когда онъ получилъ отъ отца письмо, которое оканчивалось слѣдующею припиской. «P. S. Чуть «было я не забылъ тебѣ сказать, что *она* все таже, «Франкъ. Опять принялась за старыя бредни, и пуще «нежели прежде. Ищи себѣ другой жены, или пріѣзжай домой, посмотри, не будетъ ли Марія тебѣ «пара.»

Въ одинъ Сентябрскій вечеръ, почтовая карета, въ которой Франкъ нанялъ себѣ мѣсто, уже спустилась съ послѣдняго холма и подъѣзжала къ Голивеллю. Огонекъ за огонькомъ мелькали изъ оконъ домиковъ одинокой улицы и хижинъ, разбросанныхъ между садами и огородами на скатѣ косогора. Но Франкъ искалъ глазами только одного, и вскорѣ сквозь ставень уединенной хижины блеснулъ ему маленькій лучъ свѣта, который съ самаго дѣтства привыкъ онъ почитать своею вечерней звѣздочкой: она и теперь мелькнула въ его сердцѣ радостью, лишь-только онъ завидѣлъ этотъ давно знакомый маякъ. Карета высадила его на поворотѣ съ горы. Вмѣсто того, чтобы итти прямо къ своему дому, онъ пустился въ противную сторону къ уединенной хижинѣ.

Все еще мелькалъ и зыблился огонекъ на томъ же мѣстѣ, какъ вдругъ онъ зашевелился, дверь отворилась настежъ, выбѣжалъ мальчикъ безъ шляпы и бросился по направленію къ деревни. Франкъ успѣлъ разслушать только слово «Докторъ!», и замѣтить нѣсколько лицъ въ безпокойствѣ.

Онъ остановился передъ домомъ, не имѣя духу войти; колѣни его дрожали, сердце сильно билось. Сдѣлавъ усиліе и приготовившись къ горю, каково бы оно ни было, онъ ускорилъ шагъ и очутился передъ взволнованнымъ семействомъ. Одного взгляда было довольно, чтобъ разгадать причину тревоги. Маркъ

Digitized by Google

Ферфильдъ съ женой и младшимъ сыномъ поддерживали холодное тѣло бабушки, которая лежала въ старыхъ высокихъ креслахъ; и хотя еще въ ней были признаки дыханія, но опущенныя вѣки, казалось, навсегда уже закрылись и грозная тѣнь смерти осѣняла блѣдное лице и чело. Нѣсколько отрывистыхъ словъ были достаточны, чтобы объяснить гостю, что почтенная старушка за ужиномъ, вдругъ получила ударъ, и, только успѣла выговорить имя Фанни, какъ пришла въ это плачевное состояніе.

– Гдѣ, гдѣ она? Боже мой, гдѣ же Фанни? вскричалъ Франкъ, ища ея глазами въ комнатѣ, и надѣясь найти ее здѣсь въ такую горестную минуту.

Тутъ только узналъ онъ, что она не показывалась уже нѣсколько дней.

– Вѣдь она всё въ замкѣ, сказалъ отецъ.

– Ахъ, какъ же я рада, Франкъ, что ты наконецъ воротился! говорила со слезами разтроганная мать: теперь, если Богу угодно, опять все пойдетъ хорошо! Что жъ было мнѣ дѣлать?..... Хоть бы пришла проститься съ своею бабушкой, пока еще въ ней сколько-нибудь есть жизни! Ни отцу ни мнѣ нельзя отлучиться.....

– Постойте, я схожу за нею, я самъ, матушка! Не безпокойтесь; я приведу ее сюда, воскликнулъ Франкъ, схвативъ шляпу.

Тамъ, въ замкѣ, было очень весело; тамъ было собраніе; представляли живыя картины: и если Фанни не была въ сердцѣ счастливѣйшею изъ счастливыхъ, по-крайней-мѣрѣ она казалась самою веселою, въ своемъ фантастическомъ костюмѣ одной изъ нимфъ Діаны Ловительницы, которой роль, для показанія собственныхъ своихъ прелестей, приняла на себя сама хозяйка, леди Гертруда.

Digitized by Google

Костюмъ богини и ея спутницъ былъ столько вѣренъ Альбассову оригиналу, сколько позволяло чувство приличія въ порядочномъ обществѣ, однако оставлялъ еще превосходный этюдъ глазамъ знатоковъ, которые сквозь свои лорнеты любовались не только на общій эффектъ, но и на округлости частныхъ формъ, на живость красокъ, на роскошныя положенія, какихъ вы не увидите даже въ натурномъ классѣ академіи художествъ. Эта картина была послѣдняя, и принята зрителями съ восхищеніемъ. Фанни, утомившись отъ долгой неподвижности и еще упоенная сознаніемъ, что была предметомъ всеобщаго удивленія, поспѣшно удалилась изъ залы, чтобъ переодѣться въ своей комнатѣ, какъ ей попалась на встрѣчу горничная съ извѣстьемъ, что какой-то молодой человѣкъ требуетъ ее къ умирающей бабушкѣ.

— Уже ли вы пойдете съ нимъ въ такомъ видѣ, миссъ Фанни? сказала горничная, съ улыбкой, осмотрѣвъ ее съ ногъ до головы, и съ насмѣшливымъ удареніемъ на словѣ *миссъ*.

Но Фанни уже ничего не видѣла и не слышала: забывъ обиду, странный свой костюмъ, себя, и все, кромѣ умирающей бабушки, она сбѣжала по задней лѣстницѣ въ людскую и едва не упала на Франка, который дожидался ея у дверей.

Но какъ отскочилъ онъ назадъ, увидѣвъ ее въ такомъ превращеніи! Суровый, испуганный взглядъ его остановилъ ея стремленіе: они стояли, вперивъ глаза другъ въ друга, какъ окаменѣлые. Наконецъ она произнесла его имя. Только тогда увѣрился онъ, что это была та самая Фанни, его Фанни, его невѣста, и въ то же время убѣдился въ своемъ несчастіи. Онъ прислонился къ стѣнѣ, какъ-бы отдаляя ее отъ себя, и задыхающимся голосомъ сказалъ. «О, Фанни! ужель дошло до этого?»

Digitized by Google

Но скоро онъ подавилъ свои чувства, и, обратясь къ дрожащей, плачущей Фанни, ласковымъ, полнымъ участія голосомъ, сообщилъ ей печальную вѣсть и приказаніе родителей, чтобы она немедленно пришла съ нимъ домой. «Но.....», и онъ остановился, взглянувъ презрительно на ея классическій костюмъ: «Но..... въ такомъ видѣ..... но тебѣ нельзя итти со мной, Фанни?..... Я подожду, пока ты одѣнешься.» Непросвѣщеннымъ глазамъ простаго мѣщанина ея нарядъ казался близкимъ къ наготѣ: эти люди ничего не смыслятъ въ Изящныхъ Художествахъ! «Скорѣй же, Фанни, торопись, ради Бога!»

Ни слова, ни одного слова, не было сказано ни тѣмъ ни другою во всю дорогу. Разъ или два глубокій вздохъ вырывался изъ ея груди, и помѣръ приближенія къ порогу хижины, Франкъ чувствовалъ, что она всё тяжелѣе опиралась на его руку. Доброе его сердце обливалось кровью за нее и за себя. Подошедъ къ самымъ дверямъ, она судорожно ухватилась за его руку. Съ глубокимъ вздохомъ, взялся онъ за замокъ, отворилъ дверь, и ввелъ ее осторожно въ домъ скорби.

На другой день въ тотъ же часъ вечеромъ Франкъ Ловель, сдѣлавъ наскоро кое-какія распоряженія, уѣхалъ съ своимъ отцемъ опять туда, откуда онъ вчера такъ торопился пріѣхать.

И мы, пока, простимся съ Голивеллемъ и его обитателями на цѣлыхъ три года. Въ теченіе этого времени многое тамъ перемѣнилось. Замокъ опять пустъ. Его благородные владѣльцы путешествуютъ по странѣ миртовъ и апельсиновъ. На мызѣ Ловелля и въ хижинѣ Марка Ферфильда видѣнъ огонекъ на очагѣ, и изъ трубы клубится дымъ; снаружи тамъ все постарому. Но не такъ внутри. Мѣсто стараго мызника пусто: его ужъ нѣтъ; не видно также и ни одной жи-

Digitized by Google

вой души Ферфильдовъ подлѣ ихъ домика; не видать, въ деревнѣ, ни по сосѣдству, — гдѣ дѣдъ, отецъ и сынъ цѣлое столѣтіе и болѣе снискивали себѣ насущный хлѣбъ въ потѣ лица, но честно и примѣрно. Какъ! ужели всѣхъ не стало въ такое короткое время? старика и молодыхъ? отца и сыновей? Нѣтъ, — одинъ холмъ присоединился съ того времени къ семейнымъ могиламъ Ферфильдовъ на кладбищѣ. Тамъ, насупротивъ надгробнаго камня, на которомъ дѣтская любовь начертила почтенное имя Матвѣя Ловелля, возвышается и скромная могила послѣдне-умершей изъ Ферфильдовъ. Но уже давно, уже три года лежитъ здѣсь та, у постели которой мы оставили плачущее семейство. Гдѣ жъ прочіе, — мужъ и жена? Гдѣ жъ эти мальчики, здоровые и полные надеждъ? Гдѣ дѣвочка, цвѣтокъ всего семейства? Увы, она виной, что родители и братья обрекли себя на добровольное изгнаніе за море, въ страну далекую, куда не достигнетъ ихъ стыдъ и не долетитъ имя, которымъ они такъ прежде дорожили. Они присоединились къ толпѣ поселенцевъ, отплывающей въ Канаду, чтобы не слышать болѣе о Фанни. Что жъ она?..... Фанни — жена; но не жена Франка Ловелля. Несчастная! она погибла.

Мы не станемъ разсказывать подробно всѣхъ начальныхъ обстоятельствъ, которыя кончились бракомъ ея съ Дилейлемъ, вскорѣ послѣ смерти бабки и внезапнаго отъѣзда Франка. Леди Гертруда..... лордъ Фельтамъ..... покровительницы, покровители..... всѣ..... всѣ этого хотѣли. Леди Гертруда забрала себѣ въ голову непремѣнно соединить поэзію съ живописью! Ей казалось это *очень интереснымъ;* больше ничего. Кто не имѣлъ несчастія быть покровительствуемымъ, тотъ еще не знаетъ тиранства покровителей. Фаворитка барыни! Знаете ли вы это? Видѣли ль вы кошку, когда она играетъ съ мышкою, которая должна

Digitized by Google

сдѣлаться ея жертвою, – непремѣнно сдѣлаться жертвою? Это – покровительство. Въ одинъ недобрый часъ, уговоренная, осыпанная льстивыми обѣщаніями, обманутая своими чувствами и страстными клятвами новаго обожателя, бѣдная дѣвушка отдала руку Дилейлю и переселилась съ нимъ въ Лондонъ. Нѣсколько времени ея родители получали оттуда, по оказіи, письма, сопровождаемыя небольшими подарками, – какіе были въ ея силахъ: такъ она сама писала. Но о мужѣ, и его обстоятельствахъ, съ самаго перваго письма, она мало и рѣдко упоминала, и наконецъ и вовсе перестала говорить. Зато тѣмъ нѣжнѣе и убѣдительнѣе становились ея увѣренія въ любви, къ родителямъ, братьямъ, и ко всему дорогому ей въ Голивеллѣ, особенно на второй годъ ея злополучнаго замужества. Потомъ не было писемъ. Разъ или два жена Ферфильда покушалась обратиться къ миледи, во время ея короткихъ и рѣдкихъ наѣздовъ въ замокъ, чтобы узнать что-нибудь о дочери. Покровительница отвѣчала очень сухо на боязливые вопросы бѣдной матери; и наконецъ замѣтила ей, съ нѣкоторымъ соболѣзнованіемъ, что она не имѣетъ никакихъ сношеній съ своей прежней любимицей, потому что ея поведеніе сдѣлало это невозможнымъ. Миледи не сказала того, что, скоро послѣ замужества Фанни, другіе предметы заняли мысли ея милости, другія лица подверглись ея покровительству; что слѣдственно Фанни и Дилейль, поэзія и живопись, были забыты; и, что этотъ переходъ отъ прихотливой благосклонности къ жестокому равнодушію, разочаровалъ ожиданія безнравственнаго Дилейля, предалъ его беззащитную жену самому ужасному обращенію и заставилъ ее съ отчаяніемъ оскорбленной души, въ которомъ сердце женщины такъ расположено къ вліянію посторонняго, искренняго или притворнаго, участія, броситься въ объятія губителя.

Digitized by Google

Миледи ничего этого не сказала, и именно потому что знала всѣ эти подробности; но другія лица, низшаго разряда, болѣе болтливыя, охотно разсказали всю правду, послѣ чего бѣднымъ родителямъ болѣе ничего не оставалось какъ лечь въ могилу, или навсегда оставить родину.

Они уѣхали въ Америку.

Старикъ Ловелль умеръ на другой годъ, и, благословляя сына въ часъ смерти, просилъ его соединить судьбу свою съ судьбою его доброй Маріи, сироты Маріи, которая оставалась безъ покровителя. Франкъ исполнилъ завѣщаніе родителя, и съ радостью узналъ изъ устъ юной супруги, что она страстно любила его съ дѣтскихъ лѣтъ, и что, стараясь содѣйствовать браку его съ Фанни, хотѣла принесть себя въ жертву его счастью, которымъ дорожила болѣе нежели своимъ собственнымъ. Добрая Марія!..... Они были счастливы.

Въ концѣ зимы, Франкъ по дѣламъ своего скотоводства долженъ былъ отправиться въ столицу. И въ этотъ разъ, какъ всегда, онъ торопился кончить ихъ и поскорѣе воротиться домой, къ милой Маріи. Ему оставалось только исполнить, до отъѣзда, долгъ человѣколюбія, навѣстить въ послѣдній разъ бѣдняка, присужденнаго къ заключенію въ Ньюгетской тюрмѣ, который былъ нѣкогда честнымъ обывателемъ ихъ мѣстечка, а теперь, думалъ онъ, долженъ быть кающимся грѣшникомъ. Франкъ обѣщалъ несчастному посѣтить его еще разъ, и съ этимъ намѣреніемъ пошелъ въ тюрму. Въ первыя свои посѣщенія, онъ познакомился съ однимъ тюремщикомъ, о благородномъ характерѣ котораго затворникъ разсказывалъ ему съ признательностью. Онъ зашелъ къ нему. Тюремщикъ Ивенсъ приглашалъ его раздѣлить скромный завтракъ, и въ теченіе разговора началъ разсказывать про сво-

Digitized by Google

ихъ узниковъ. Между прочими обитателями Ньюгета, Ивенсъ въ особенности упоминалъ объ одномъ несчастномъ, который ожидаетъ приговора за подлогъ, но которому вѣроятно не дожить до рѣшенія дѣла. «Вотъ онъ тутъ томится, въ этой келіѣ,» сказалъ тюремщикъ, указывая на стѣну, «и какъ я ни привыкъ къ подобнымъ вещамъ, а у меня кровь въ жилахъ застываетъ, когда слышу стоны этого Богомъ забытаго человѣка. Никакой богоотступникъ не можетъ ужаснѣе обращаться съ несчастнымъ твореніемъ, бѣдною женой, которая одна еще его не покинула въ его несчастіи и горести. Слышите,» прервалъ онъ вдругъ, положивъ руку на плечо Франка: слышите ея вздохи и его проклятія, — какъ онъ мерзавецъ ее ругаетъ! Подождите минутку, я пойду туда и усмирю его, нето онъ злодѣй убьетъ ее.» Снявъ ключъ со связки, добродушный стражъ побѣжалъ въ темницу. Франкъ изъ любопытства вышелъ за нимъ въ корридоръ, и, когда дверь отворилась, онъ могъ разсмотрѣть внутренность кельи и лице ея несчастнаго обитателя: длинный и худой какъ скелетъ, преступникъ сидѣлъ на своей кровати; подлѣ стояла на колѣняхъ женщина, которой лице было закрыто одѣяломъ; ужасные вздохи вырывались изъ ея груди, судорожное волненіе, казалось, потрясало каждый нервъ этого слабаго существа. Она ломала тощія, но нѣжныя руки, и волны прекрасныхъ темныхъ волосъ, съ которыхъ звѣрская рука сорвала чепчикъ, катились съ ея плечъ на полъ, представляя рѣзкую противоположность съ ея блѣднымъ лицомъ и старымъ чернымъ салопомъ. Кроткое сердце Франка вскипѣло негодованіемъ, когда звѣрь мужъ, посмотрѣвъ на нее сурово, отбросилъ часть этихъ волосъ, упавшую на его колѣни, и закричалъ: «Продай ихъ; они что-нибудь принесутъ; больше чѣмъ они стоютъ; больше чѣмъ твои честныя занятія, какъ ты ихъ называешь.» Онъ бросилъ на

Digitized by Google

полъ нѣсколько шиллинговъ, которые онъ держалъ въ рукѣ. «Вотъ твои добродѣтельные доходы! Гдѣ была твои добродѣтель, когда ты ушла съ этимъ негоднымъ лордомъ? Тогда ты, сударыня, могла вести преступную жизнь, а теперь вдругъ нашла на тебя добродѣтель! Ты можешь вести жизнь, какую хочешь, лишь бы она для меня была выгодна: для чего же я и женился на тебѣ? И что мнѣ толку въ твоемъ раскаяніи, какъ ты это называешь? Когда ты приходишь сюда въ эту проклятую пору, гдѣ я бы не былъ безъ тебя, что мнѣ отъ твоего визга и твоихъ подаяній? — Ты должна мнѣ помочь, какъ себѣ хочешь,» проворчалъ злодѣй, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, понизивъ голосъ, и отворотившись въ другую сторону; но Ивенсъ, не въ состояніи удерживать долѣе своего негодованія, велѣлъ ему замолчать, поднялъ чепчикъ несчастной, лежавшій подъ ногами ея подлаго мужа, помогъ ей встать, и закуталъ ее въ салопъ. Она между-тѣмъ отыскала гребешки въ распущенныхъ волосахъ и, небрежно накинувъ на голову чепчикъ, завязала его, или скорѣе запутала, дрожащими пальцами. Когда человѣколюбивый проводникъ хотѣлъ ее вывесть, она еще разъ обратилась къ своему тирану и хотѣла-было говорить; но прежде нежели она вымолвила слово, онъ закидалъ ее ругательствами и проклятіями, и Ивенсъ утащилъ ее за руку въ смѣжную комнату, откуда проводилъ ее другимъ корридоромъ въ комнату своей жены. Ивенсъ воротился къ Франку, извиняясь, что такъ долго заставилъ его ждать себя: «Но мнѣ право жаль этой бѣдненькой, прибавилъ тюремщикъ возвращаясь съ нимъ къ прерванному завтраку: я вѣрю, что она не безъ грѣховъ; но какая бы она ни была прежде, теперь она кается, и съ тѣхъ поръ она у ногъ Спасителя. Когда бы вы слышали, какъ она вымоляетъ прощеніе у этого мошенника! и какъ въ отвѣтъ получаетъ отъ него руга-

Digitized by Google

тельства за то, что не хочетъ вести развратной жизни для удовлетворенія гнусныхъ его требованій!..... Она днемъ и ночью за иголкой, и отдаетъ ему все, что заработываетъ, оставляя для себя не болѣе того, сколько нужно чтобы не умереть съ голоду; бѣдность и болѣзнь сдѣлали изъ нея настоящій скелетъ; когда моя жена дала ей немного покушать, она ѣла съ такою жадностью, что видно какой она терпитъ недостатокъ..... Но этому не долго быть: докторъ говоритъ, что у мужа ея чахотка въ самой сильной степени, и что черезъ нѣсколько дней перенесутъ его въ больницу; тамъ ему уже нельзя будетъ съ ней такъ обращаться какъ въ этой кануркѣ.»

Франкъ былъ глубоко тронутъ тѣмъ, что слышалъ, и хотя полумракъ темницы не позволилъ ему разглядѣть лица этой женщины, однако звукъ немногихъ словъ, которыя она произнесла въ его присутствіи, отразился въ его сердцѣ столь знакомымъ эхомъ, что онъ не смѣлъ спросить Ивенса объ имени преступника, опасаясь удостовѣриться въ основательности ужаснаго предчувствія. Онъ ушелъ печальный. Эта сцена и горестныя догадки преслѣдовали его нѣсколько дней; первое дуновеніе сна на его вѣки тотчасъ возобновляло внутри его картину мрачнаго Ньюгетскаго зрѣлища, во всей дикости ея красокъ, и въ слѣдующую поѣздку въ Лондонъ онъ опять пошелъ въ тюрму съ намѣреніемъ облегчить свое сердце, оставивъ Ивенсу небольшое денежное пособіе для страдалицы, которой даже онъ не хотѣлъ знать имени. Но его желанія были предупреждены встрѣчею съ самою несчастной, которая, возвращаясь изъ тюрмы тихими и слабыми шагами, издали, казалось, прятала отъ него свое лице. Когда онъ приближался къ ней, голова ея висѣла на груди и старая, измятая шляпа была такъ глубоко надѣта, что совершенно скрывала ея черты отъ сострадательнаго взора Франка, хотя она

Digitized by Google

такъ близко прошла мимо его, что онъ услышалъ тяжкій вздохъ. Ростъ, походка..... Франкъ вздрогнулъ какъ-бы отъ удара кинжаломъ въ сердце. Онъ побледнѣлъ, смутился, и не имѣлъ смѣлости остановить ее. «Все кончено, сударь! сказалъ Ивенсъ. Онъ отправился на Божій судъ, этотъ злодѣй. Повѣрите ли, что передъ самою смертью, будучи уже безъ языка и не въ силахъ браниться, онъ хотѣлъ еще побить ее, когда она на колѣняхъ умоляла его, чтобъ онъ сказалъ ей хоть одно слово въ знакъ прощенія. Теперь она ушла, но, моя добрая жена и я, мы ея не забудемъ. Не долго и ей, несчастной, жить на этомъ свѣтѣ! Мнѣ кажется, этотъ глухой кашель и красныя пятна на щекахъ — признаки смерти.» Послѣ нѣсколькихъ словъ объ этой женщинѣ, Франкъ всунулъ въ руку человѣколюбивому смотрителю нѣсколько кронъ для ней, и отправился на квартиру.

Короткій зимній день клонился къ вечеру, когда онъ шелъ по Лондонскому мосту къ своему временному жилищу, откуда ему хотѣлось какъ-можно скорѣе убраться домой. Онъ уже переходилъ мостъ, какъ вниманіе его устремилось на женщину, облокотившуюся о перилы. Лице ея было погружено въ складки стараго чернаго салопа, и широкій капишонъ закрывалъ шляпку. Она сидѣла неподвижно какъ каменная. Франкъ остановился. Онъ не могъ ошибиться. Это то же самое несчастное существо. Какое она имѣетъ здѣсь дѣло? Какое намѣреніе хочетъ исполнить на мосту, въ такую пору? Франкъ задрожалъ при мысли о возможномъ слѣдствіи ея отчаянія, и подошелъ ближе. Однако она его не примѣчала. Черезъ нѣсколько минутъ глубокій вздохъ вырвался изъ ея груди; простирая руки, какъ-будто хотѣла молиться, она встала, оборотилась къ водѣ и наклонилась надъ периломъ. Франкъ поровнялся съ ней. Она стала на колѣна у самыхъ перилъ

Digitized by Google

и съ минуту смотрѣла на черныя волны Темзы; потомъ, вдругъ, вскочила на ноги съ какимъ-то неистовствомъ, произнесла пронзительнымъ голосомъ – «Господи, помилуй меня грѣшную!», и хотѣла броситься; но тутъ была рука, орудіе Провидѣнія, которая уже держала ее за платье съ той самой минуты, какъ она приняла это опасное и подозрительное положеніе. Несчастная, въ своемъ отчаяніи, молила о небесномъ милосердіи, и молитва ея была услышана: преступный замыселъ отклоненъ. Она спасена, – спасена отъ смерти вѣчной; но, по тому же самому милосердію, дни ея на землѣ, казалось, были сосчитаны. Когда Франкъ поднялъ ее съ перилъ, голова ея висѣла на бокъ въ совершенномъ безчувствіи, и тонная струя крови текла изъ посинѣвшихъ устъ на ея плечо, съ котораго салотъ почти свалился. Не зная сначала на что рѣшиться, онъ-было понесъ ее на себѣ нѣсколько шаговъ, но потомъ воспользовался предложеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, собравшихся на мосту, взять карету съ ближней биржи. Пока привели карету, онъ обдумалъ что дѣлать съ несчастной. Онъ не зналъ ея квартиры, и по-неволѣ долженъ былъ принять въ свою.

Франкъ приказалъ извощику ѣхать какъ-можно тише въ одну изъ улицъ, примыкающихъ къ Копной Площади. Поддерживая страдалицу, лежавшую безъ чувствъ въ углу кареты, онъ хотѣлъ поправить шляпку, чтобы дать ей больше воздуху; но она прижала ее головой къ стѣнкѣ кареты, какъ-бы стыдясь взоровъ своего спасителя, и Франкъ удовольствовался тѣмъ, что развязалъ ей кушакъ и заботливо предохранялъ ее отъ всякаго толчка. Онъ потрогалъ ея холодную руку, лежавшую безжизненно на колѣнахъ. Пульсъ билъ слабо, почти не примѣтно, однакожъ билъ, и когда Франкъ въ этомъ удостовѣрился, онъ вздохнулъ и тихо произнесъ: «Слава Богу!»

Digitized by Google

Казалось, что этотъ искренній вздохъ пробудилъ и собралъ ея погасшія чувства. По всему тѣлу больной пробѣжала дрожь. Раза два, три, она сильно перевела дыханіе, и когда Франкъ замѣтилъ этотъ возвратъ къ жизни, онъ наклонился къ ней и сказалъ нѣжнымъ голосомъ нѣсколько словъ. Она открыла глаза и, приподнявши нѣсколько голову, хотѣла говорить. Но усиліе было не по ея силамъ. Она опять упала въ обморокъ, и Франкъ при отражающемся свѣтѣ фонарей, замѣтилъ, что снова крупныя капли крови начали капать съ губъ ея. Онъ затрясся, и больше чѣмъ отъ состраданія.

Это усиліе дало теперь головѣ такое положеніе, что можно было видѣть одну сторону лица, и каждый лучъ газоваго свѣта ярко освѣщалъ блѣдныя черты. Онъ пристально посмотрѣлъ на нихъ..... Нѣтъ сомнѣнія. Это она!

На мызѣ большая была радость; тамъ получили извѣстіе, что молодой хозяинъ долженъ возвратиться на третій день, считая съ того числа, когда отправлено письмо, какъ вдругъ пришло другое, которымъ Франкъ увѣдомлялъ, что непредвидимыя дѣла удержатъ его въ Лондонѣ до конца недѣли. Письмо было длинное и адрессовано къ тетушкѣ Эми. Старушка и нѣжная Марія плакали, читая его. Старушка положила письмо на столъ, осушила глаза передникомъ и снова принялась за чтеніе. «Она говорила мнѣ се-«годня, когда я сидѣлъ подлѣ ея креселъ, потому «что она не можетъ сидѣть на стулѣ: Франкъ! «мнѣ бы хотѣлось умереть на моей родинѣ и быть «похороненной подлѣ своихъ, подлѣ бабушки, хотя «отца, и матери, и братьевъ моихъ, никогда тамъ не-«будетъ. Мнѣ кажется, я скоро буду въ силахъ от-«правиться туда въ повозкѣ; приходъ можетъ-быть «не откажетъ принять меня въ богодѣльню на ко-

Digitized by Google

«роткое время, которое мнѣ остается еще жить. И «это мѣсто еще слишкомъ хорошо для меня несчаст- «ной твари. Больно слышать, когда она такъ гово- «ритъ! Проклятая покровительница! изъ одного тще- «славія она повергла ее въ эту бездну.»

Марія бросилась на шею тетушки и прижалась къ ея груди. Обѣ онѣ долго рыдали.

Вначалѣ второй недѣли, въ пріятный, теплый день, подъ вечеръ, небольшая крытая повозка, запряженная старою рослой кобылою, съ опрятно одѣтымъ погонщикомъ, медленно подымалась на покатую возвышенность, ведущую отъ большой Лондонской дороги къ мызѣ. Въ дверяхъ домика, въ огромныхъ сѣняхъ, стояли Эми и Марія. Глаза ихъ, обращенные въ ту сторону, откуда ѣхала повозка, наполнялись слезами, хотя видно было, что обѣ онѣ старались крѣпиться. Когда повозка подъѣхала ближе, краснощекая дѣвушка, стоявшая позади хозяйки, побѣжала отворить ворота. Но Франкъ уже выскочилъ изъ повозки и самъ отворилъ ихъ. Оставивъ лошадь, онъ спѣшилъ отвѣчать на привѣтствія милаго семейства. Они переговорили тихонько нѣсколько словъ, Франкъ возвратился съ тетушкой и съ женой къ повозкѣ, гдѣ, наклонившись, онъ, казалось, ласково уговаривалъ спутницу, которая при видѣ свидѣтельницъ ея дѣтства и невинности, вздрогнула, хотѣла укрыться отъ ихъ взоровъ, желала чтобы горы на нее обрушились, чтобы земля ее приняла.

— Фанни, дитя мое! сказала старушка, прислонившись къ своему племяннику и протягивая руку къ повозкѣ. Фанни! дитя мое! Добро пожаловать, моя душа! Здѣсь всѣ твои друзья, Марія и я.

И рука Маріи была также въ повозкѣ. Когда Фанни почувствовала ихъ пожатіе, она прижала ихъ къ сердцу, и опустивъ на нихъ голову, пролила пріят-

Digitized by Google

ныя и вмѣстѣ горькія слезы. Франкъ принялъ ее на руки, поднялъ съ тюфяка и понесъ въ домъ; тетушка Эми шла подлѣ и держала ее за руку; Марія побѣжала впереди приготовить подушки на покойномъ стулѣ, поставленномъ для ней подлѣ камина.

Поэтическое чувство пережило въ ней всѣ несчастія, и хотя, сознавая свое печальное положеніе, она старалась подавлять его, однако отблески прежняго романическаго воображенія прорывались иногда при самыхъ даже маловажныхъ вещахъ, которыя до послѣдней минуты трогали въ ней таинственныя струны глубокой и опасной чувствительности.

«Если бъ мнѣ можно было еще разъ сходить въ нашу церковь!» было желаніе, которое часто выходило изъ ея устъ; единое желаніе, какое ей оставалось еще на этомъ свѣтѣ. «Если бъ мнѣ можно было опять стать на колѣни тамъ, гдѣ я, бывало, стояла въ счастливые дни подлѣ моихъ родителей, мнѣ кажется, я умерла бы покойнѣе, потому что благословеніе и прощеніе, которыхъ я никогда уже не услышу изъ ихъ устъ, остались для меня..... въ храмѣ Отца Небеснаго.» Временное улучшеніе ея здоровья благопріятствовало этому желанію. Ее привезли къ воротамъ ограды. Франкъ и Марія тихонько высадили ее изъ повозки и провели къ дверямъ церкви. Она упала на колѣни и, рыдая, цѣловала порогъ роднаго храма. Съ трудомъ подняли ее съ полу, къ которому она простирала судорожныя объятія. Ее привели къ клиросу, гдѣ заблудшую овцу ожидалъ добрый пастырь съ небеснымъ утѣшеніемъ и символомъ милости Спасителя. Съ потупленнымъ взоромъ, съ лицемъ блѣднымъ какъ мраморъ, опершись на руку Маріи, она пріобщилась Святыхъ Тайнъ. Какое безтревожное блаженство, какая любовь, признательность, спокойствіе излились въ эту бѣдную душу! Она испила чашу божественна-

Digitized by Google

го примиренія; она слышала слово человѣческаго прощенія, сказанное какъ-бы устами родителей; и теперь, почти въ обморокѣ, чуждая всего земнаго, она лежала на благородной груди того, кто все, все забылъ и еще любилъ ее какъ сестру; рука ея была въ рукѣ лучшаго друга на свѣтѣ; ей слышались голоса другаго міра, голоса нѣжные, пріятные, и одинъ изъ нихъ пріятнѣе всѣхъ: «Прощеніе – прощеніе – прощеніе!»

Въ такомъ ощущеніи блаженства, но совершенно утомленная, она была отвезена на мызу, и уже больше не переступала за гостепріимный порогъ, пока ея не вынесли въ гробу въ общую обитель покоя.

Въ одно воскресенье, когда Голивелльскіе прихожане собрались въ церковь къ вечерни, глубокое молчаніе, мертвая тишина царствовали между ними. Печально или задумчиво было лице каждаго, исключая невинныхъ ребятъ, которые съ свойственнымъ ихъ возрасту любопытствомъ похаживали взадъ и впередъ и зѣвали. Глаза всѣхъ обращены были къ срединѣ церкви: тамъ стоялъ гробъ подъ широкимъ чернымъ покрываломъ. Всторонѣ стояли три человѣка, въ траурѣ. По-временамъ слышенъ былъ глубокій вздохъ молодаго женскаго сердца одной изъ двухъ женщинъ, одѣтыхъ въ траурѣ, и она съ безпокойствомъ посматривала на эту длинную, черную массу. Другая, пожилая, женщина глядѣла туда спокойнѣе, но съ умиленіемъ и тихою печалью, какъ прилично той, которая уже пережила пылкія страсти. Никто не узналъ третьяго, ни въ ту минуту когда онъ прежде всѣхъ и одинъ вошелъ за тѣломъ въ церковь, ни въ продолженіе всей вечерни, ни во время погребальнаго молебствія, ни на могилѣ, ни въ ту минуту, когда произнесены были торжественныя слова: «Персть да возвратится персти», ни когда онъ вздрогнулъ отъ сту-

Digitized by Google

ка земли, падавшей на гробъ, ни когда онъ отправился домой безмолвный и сопровождаемый только заботливыми взорами и тайными молитвами двухъ печальныхъ спутницъ, которыя въ этомъ случаѣ сочли за лучшее предоставить его собственнымъ чувствамъ и не мѣшать разбитому сердцу облегчиться слезами.

– Маменька, зачѣмъ вы всегда смотрите на эту могилу, вотъ что подлѣ старой липы? И зачѣмъ папенька ходитъ туда, когда я съ нимъ одна бываю и смотритъ на нее такъ долго, и такъ печально? И разъ какъ-то, когда липа цвѣла, онъ поднялъ меня и велѣлъ мнѣ нарвать горсть хорошенькихъ цвѣтовъ, и насыпалъ ихъ на этотъ холмикъ; потомъ крѣпко поцѣловалъ меня и назвалъ «милая Фанничка!» Чья это могила, маменька?

Такъ спрашивала маленькая, пятилѣтняя дѣвочка съ болтливою простотою ребенка, женщину не такъ пригожую, но съ пріятною наружностію, когда онѣ обѣ шли однажды домой черезъ Голивелльское кладбище. Съ кроткою улыбкою, которая придала бы прелесть лицу самому немиловидному, мать наклонилась къ маленькой дочери, обласкала ее и запечатлѣла своими устами на юномъ челѣ поцѣлуй своего супруга.

– Душенька моя, та, которая тутъ покоится, была нѣкогда такая же молоденькая, веселая и счастливая дѣвочка, какъ и ты, столько же любимая своими подружками и родителями какъ ты, но горе постигло ее, и болѣзнь прекратила ея жизнь; и Богъ взялъ ее отсюда въ другой, лучшій свѣтъ. Мы ее очень любили, папенька и я, такъ, что когда ты родилась, мы назвали тебя по ней Фанни.

А что, она была очень добрая, маменька? спросила малютка важно, съ выраженіемъ большаго участія.

Digitized by Google

Видно оттого, что она была очень добра, ты и папенька и всѣ ее такъ любили? А Богъ любилъ ее?

— Богъ любитъ всѣхъ, душа моя; но никого нѣтъ совершенно добраго кромѣ Его, и никто не родится вполнѣ добрымъ. Потому-то мы и просимъ Его ежедневно, ради Его Сына, чтобы онъ сдѣлалъ насъ болѣе и болѣе добрыми, покуда не позоветъ насъ къ Себѣ, на небеса. Такова была и та, которой прахъ покоится въ могилѣ. Душа ея теперь у Бога, откуда она пришла! Когда ты будешь постарше, другъ мой, я разскажу тебѣ по больше объ этой бѣдной Фанни: теперь же ты не все поймешь.

Blackwood's Magazine.

Digitized by Google

ПОУЧИТЕЛЬНАЯ БЕСѢДА

ДИДРО.

Кто читалъ записки Дидрò, тотъ знаетъ, въ какомъ множествѣ родовъ испытывалъ себя этотъ необычайный талантъ, и вѣроятно помнитъ, что, стараясь избавиться отъ ужасной нищеты, которая грозила погубить его молодость, онъ сочинялъ и продавалъ проповѣди. Одинъ добрый миссіонеръ, купившій эти рукописи, увезъ ихъ въ Индію, и надобно думать, что онѣ тамъ споспѣшествовали къ обращенію нѣсколькихъ невѣрныхъ въ католическую вѣру. Эти плоды неистощимаго дарованія Дидрò потеряны для литературы. Послѣдній изъ нихъ, и самый странный, погибъ бы тоже, если бъ одно происшествіе, тщательно записанное очевидцемъ, не сохранило для потомства этой удивительной импровизаціи, которая показалась бы невѣроятною, если бъ не была достовѣрна:

Десятаго февраля 1778 года *monsieur de* Voltaire выѣхалъ изъ своего Фернейскаго замка и прибылъ въ Парижъ, чтобы присутствовать при представленіяхъ своей «Ирины», уродливой и несчастной дочери его старости, а можетъ-быть и для того чтобы оживить въ сердцахъ Парижанъ энтузіазмъ, который время и отсутствіе, какъ онъ и самъ къ сожалѣнію своему видѣлъ, очень прохладили.

На другой день по пріѣздѣ его въ отель маркиза Вилльета, вѣсть о возвращеніи «великаго человѣка» разнеслась по всему Парижу; тутъ начался шумъ, чрезвычайно лестный для безмѣрнаго честолюбія старика; корыстные пріятели явились первые; за ними со-

Digitized by Google

брались тайные враги, и нѣсколько дней около дома маркиза Вилльета была толкотня неслыханная; кареты съ огромными гербами, пробирались между скромными извощичьими каретами, и бѣдные пѣшеходы терялись посреди этого стеченія людей и лошадей къ прославленному философу.

Къ концу мѣсяца всеобщее любопытство было насыщено; стукотня экипажей, шумъ и брань лакеевъ, не безпокоили болѣе хвораго и раздражительнаго гостя Г. де Вилльета. Тишина и молчаніе заступили мѣсто громкой хлопотни. Вихрь моды обратился въ другую сторону; легкіе умы Парижанъ опять забыли Вольтера. Автора «Кандида» привѣтствовали восторженными рукоплесканіями уже только въ тѣхъ гостиныхъ, гдѣ владычествовали энциклопедисты. Самъ Вольтеръ чувствовалъ себя усталымъ; онъ харкалъ кровью и бѣдные его нервы, слабые какъ у поэта, были въ ужасномъ состояніи. Притомъ, какъ ни велики были его ослѣпленіе и гордость, онъ, со своимъ проницательнымъ умомъ, не могъ не видѣть въ побужденіяхъ своихъ посѣтителей болѣе пустаго и пошлаго любопытства чѣмъ истиннаго уваженія къ его генію. Приторность и однообразіе лести, которою его осыпали, породили въ немъ отвращеніе, и онъ неразъ жалѣлъ о своемъ тихомъ Фернейскомъ убѣжищѣ и грубыхъ привѣтствіяхъ поселянъ своихъ помѣстьевъ.

Въ первыхъ числахъ марта, въ одно изъ тѣхъ утръ, въ которыя солнце и дождь другъ у друга оспориваютъ атмосферу, человѣкъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, въ черномъ платьѣ, вышелъ изъ отеля маркиза Вилльета. Прежде чѣмъ пуститься по набережной, осторожный старикъ старался угадать, не разразится ли надъ его головою туча, которая пробѣгала по небу; потомъ, пошелъ къ Pont-Neuf шагами, по его лѣтамъ, довольно скорыми. Онъ не сдѣлалъ еще и двадцати шаговъ, какъ окно въ домѣ, изъ котораго онъ вышелъ, съ шумомъ

Digitized by Google

отворилось. Голова старика, въ богатой бархатной шапочкѣ, выглянула изъ окна, и голосъ повелительный, хоть нѣсколько дрожащій, закричалъ:

– Eh! oh!..... eh!..... monsieur D'Alembert! monsieur D'Alembert!

Осторожный пѣшеходъ, услышавъ свое имя, остановился, обернулся и едва удержался отъ смѣху, увидѣвъ жалко-искривленное лице Вольтера, которое, какъ голова старой обезьяны, высунулось изъ окна.

– Приведите къ намъ Дидро, любезный Даламберъ! Отчего это до-сихъ-поръ его не видно? Какъ ему не стыдно забывать старыхъ друзей!

Тутъ окно съ новымъ шумомъ захлопнулось, и проходящіе, которые остановились-было послушать ихъ разговора, увидѣли только исчезающую черную шапочку стараго философа и черное платье академика, который бѣжалъ далѣе укрыться отъ дождя, скопившагося надъ Парижемъ.

Въ тотъ же день, часа въ два по-полудни, Даламберъ пришелъ къ Дидро; его ввели въ кабинетъ, въ которомъ хозяинъ сидѣлъ въ широкихъ креслахъ, обитыхъ краснымъ дамасомъ съ большими позолоченными гвоздями; на старомъ, краснаго дерева бюро, лежали однѣ на другихъ книги, рукописи, гравюры. Всѣ картины въ этой комнатѣ повѣшаны были криво. На каминѣ слоями лежала пыль старыхъ букиновъ, священная для истиннаго библіомана. Зеркало было также тускло какъ и оконныя стекла. Башмаки съ пряжками и коротенькое исподнее платье свѣтло-орѣховаго цвѣта просторно покоились на стулѣ, а на полу лежалъ огромный фоліантъ, заложеніый, вмѣсто замѣтки, толстою тростью съ костянымъ набалдашникомъ. Краснорѣчивый безпорядокъ державно царствовалъ въ этой небольшой комнатѣ. Во всемъ была замѣтна безпечность и разсѣянность писателя, который

Digitized by Google

думаетъ обо всемъ, исключая того что̀ касается до удобствъ собственной его жизни.

Середи этого миніятюрнаго изображенія хаоса, Дидро̀ медленно и съ важнымъ видомъ перечитывалъ огромный томъ твореній Святаго Іоанна Златоуста, и руки его не безъ труда поддерживали эту колоссальную книгу.

Даламберъ подошелъ къ нему, тихонько ударилъ по плечу, и сказалъ:

– Каково поживаешь, любезный философъ?

Дидро̀ вздрогнулъ, вышелъ изъ своей задумчивости, и, вмѣсто отвѣта своему пріятелю, пробормоталъ сквозь зубы:

– Философъ? Какой чортъ, философъ!..... Мы смѣемъ называть себя философами, мы погибшіе дѣти испорченнаго вѣка? Философы!..... Какъ-будто вся Философія не была еще до насъ заключена въ этихъ книгахъ!

Даламберъ хорошо зналъ своего собрата по академіи; зналъ, что его идеи, чрезвычайно живыя и подвижныя, часто слѣдовали весьма противоположнымъ направленіямъ; зналъ, что этотъ недовѣрокъ по модѣ, – потому что тогда была *мода* ни во что не вѣровать, – предавался иногда внезапному энтузіазму къ вещамъ священнымъ, которыя столько разъ были имъ унижаемы всенародно. Даламберъ не удивился, что Дидро̀ съ восторгомъ выхваляетъ творенія, надъ которыми можетъ-быть еще наканунѣ безумно смѣялся. Онъ даже едва улыбнулся, увидѣвъ, что пріятель его ищетъ платка, чтобы отереть непритворную слезу, которую извлекло у него чтеніе книгъ набожныхъ.

Наконецъ, чрезвычайная разсѣянность Дидро̀ вывела его изъ терпѣнія; онъ взялъ стулъ и, не говоря ни слова, сѣлъ подлѣ него.

Черезъ нѣсколько минутъ Дидро̀ опомнился. Замѣтивъ, что довольно странно принимаетъ своего това-

Digitized by Google

рица, онъ повернулся къ нему съ видомъ всё-еще разсѣяннымъ, и сказалъ:

– Ну что, любезный академикъ? что новаго въ свѣтѣ?

– Что новаго, Дидрò? отвѣчалъ Даламберъ, радуясь, что тотъ наконецъ очнулся. Да то, что величайшій изъ поэтовъ, величайшій изъ философовъ, царь остроумцевъ, уже съ мѣсяцъ какъ въ Парижѣ, а ты!..... Знаменитый Вольтеръ дивится и огорчается, что до-сихъ-поръ не видитъ своего любезнаго Дидрò.

– Ну, что жъ! вскричалъ Дидрò съ удивительною живостью: пойдемъ къ нему! Пора разбить этотъ кумиръ!

Даламберъ, не понимая смысла этого восклицанія, помогъ ему одѣться, и черезъ нѣсколько минутъ они вмѣстѣ пошли къ Вольтеру. Дорогою, Дидрò, съ жаромъ разговаривая вполголоса, безпрестанно повторялъ: «Философъ! Хорошъ философъ! Тянется въ маркизы. Философъ, а ни день ни ночь не спитъ, оттого что онъ такой же плебей какъ я!»

Эти слова, и многія другія въ томъ же родѣ, безпокоили услужливаго царедворца Вольтерова. Даламберъ боялся, чтобы Дидрò не надѣлалъ исторій; и какъ воротиться было уже нельзя, то онъ сталъ увѣщевать его и всячески старался успокоить. Въ этомъ онъ по-видимому не много успѣлъ, потому что когда онъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ отеля маркиза Вилльета, покинулъ Дидрò, чтобы поздороваться съ Кондорсѐ, который шелъ по набережной къ нимъ на встрѣчу, тотъ опять пробормоталъ: «Я разобью кумиръ!»

Передъ отелемъ, въ который Дидрò долженъ былъ войти, стояли двѣ кареты. Одна была прекрасна и пышно расписана гербами; стекла въ ней были опущены и взоръ, проникая во внутренность экипажа, могъ перечесть всѣ его роскошныя украшенія. Корпусъ былъ обитъ розовою матеріей съ серебрянными

Digitized by Google

листочками; подушки были обиты превосходнымъ алымъ бархатомъ съ золотыми кистями по угламъ. Эта великолѣпная карета могла принадлежать только знатной дамѣ.

Другая, напротивъ, была очень проста, очень подержана, и выкрашена темною краскою: это могла быть карета развѣ только неутѣшной вдовы, скряги или доктора. Маленькій кучеръ, съ жалкимъ видомъ и въ грязной одеждѣ, покачиваясь на полинявшихъ кожаныхъ козлахъ, съ завистью смотрѣлъ на дюжихъ слугъ-щеголей въ пудрѣ и бѣлыхъ перчаткахъ, а тѣ хохотали надъ нимъ во все горло, стоя вокругъ пылкихъ лошадей первой кареты.

Это двойное зрѣлище не обратило на себя вниманія Дидрò; онъ прошелъ мимо, не поднявъ глазъ; взбѣжалъ на лѣстницу, и у дверей покоевъ, которые занималъ Вольтеръ, его встрѣтила госпожа Дени. Эта дама приняла его чрезвычайно ласково: она знала, что дядя ея, monsieur de Voltaire, очень дорожилъ дружбою Дидрò, который своимъ краснорѣчіемъ, своимъ неистощимымъ остроуміемъ и ѣдкою насмѣшливостью часто бывалъ ему опасенъ.

— Дядюшка очень радъ будетъ васъ видѣть, Г. Дидрò, сказала она съ привѣтливою улыбкою. Онъ васъ такъ любитъ!

Она еще не окончила, какъ Дидрò былъ уже у дверей спальни Вольтера.

— Постойте, вскричала госпожа Дени: я должна предварить васъ, что дядюшка боленъ, очень боленъ, и что мосьё Троншенъ строго запретилъ ему говорить. Впрочемъ, мосьё Троншенъ тамъ; онъ самъ вамъ это скажетъ.

Дидрò поглядѣлъ на племянницу «великаго Вольтера» съ совершенно комическимъ видомъ.

— Будьте спокойны, сударыня, отвѣчалъ онъ: будь-

Digitized by Google

те спокойны; я одинъ поддержу разговоръ. Мнѣ надобно кой-что разсказать вашему дядюшкѣ.

Онъ отворилъ дверь спальни и вошелъ туда.

Хотя было не болѣе трехъ часовъ по-полудни, однако занавѣсы были уже опущены въ спальнѣ; полупотухшій ночникъ стоялъ на каминѣ, и разливалъ по комнатѣ свѣтъ неясный, дрожащій. Знаменитый больной лежалъ на широкой кровати съ богатымъ пологомъ. Голова его покоилась на подушкахъ, и онъ по-временамъ испускалъ вздохи съ восклицаніями «А! охъ!» которыя обличали его страданія.

Пожилой мужчина и дама, еще не совсѣмъ старая, сидѣли у кровати. Дама старалась успокоить больнаго насчетъ его здоровья и оживить бесѣдою объ его славѣ, о блистательномъ успѣхѣ послѣдней его пьесы на Французскомъ Театрѣ. Пожилой мужчина, напротивъ, не говорилъ ни слова, сидѣлъ съ мрачнымъ видомъ, поднималъ и потуплялъ глаза, и порой съ досадою слегка постукивалъ тростью по паркету.

Одно изъ этихъ двухъ лицъ былъ знаменитый врачъ, Теодоръ Троншенъ; другое — не кто иная какъ сама графиня Дюбарри, бывшая любовница Людовика XV.

Дидро съ важнымъ видомъ выступилъ на середину комнаты, поклонился немногочисленному собранію, поглядѣлъ на печальное зрѣлище, какое богатая постель представляла глазамъ его, и потомъ, какъ-бы вдохновенный этимъ зрѣлищемъ, вскричалъ съ восторженностью:

«Привѣтъ великому грѣшнику, привѣтъ послѣднему язычнику! Я пришелъ, отъ имени твоихъ жертвъ, отъ имени тѣхъ, которыхъ ты погрузилъ въ развратъ, присутствовать при послѣднихъ твоихъ страданіяхъ и на вѣкъ съ тобою проститься! Какъ этотъ огонь, который уже не грѣетъ, какъ эти свѣчи, которыя уже не горятъ, жизнь твоя угасаетъ. Внимай мнѣ! Вѣчная

Digitized by Google

ночь ниспускается на твою голову и шумъ этого свѣта мало-по-малу утихаетъ въ ушахъ твоихъ.....»

Тутъ онъ остановился, какъ бы прислушиваясь къ умолкающему стуку кареты, которая прокатилась подъ окнами. Вольтеръ приподнялся и сѣлъ, какъ-бы съ тѣмъ чтобы позвать людей; госпожа Дюбарри съ удивленіемъ и страхомъ смотрѣла на проповѣдника; Троншенъ сидѣлъ неподвижно.

«О жестокій обольститель! продолжалъ Дидро: вѣкъ, который обожалъ тебя, былъ бы немилосердо наказанъ верховнымъ, небеснымъ Судіею, если бы никто изъ жившихъ въ одно время съ тобою не напомнилъ тебѣ, въ смертный часъ, всѣхъ правъ твоихъ на ихъ ненависть и презрѣніе. Неужели изъ глубины этой комнаты, мрачной и безмолвной, ты ничего не слышишь? Неужели стоны и рыданія, неужели вопль отчаянія, до тебя не доходятъ? Неужели эти стѣны такъ непроницаемы, что ни одно изъ проклятій, которыми родъ человѣческій обременяетъ твое пагубное имя, здѣсь не раздается и не будитъ тебя какъ труба судная?

«Приближьтесь, отцы безчеловѣчные, матери преступныя, дѣти навлекшія на себя проклятіе родителей! Приближься, плачевный сонмъ существъ оскверненныхъ и осужденныхъ на вѣчное раскаяніе! Осушите навремя ваши слезы; умолкните на минуту, горестные и жалобные голоса, вѣчно оплакивающіе невинное младенчество! Придите, о христіяне отторгнутые отъ Бога, лишенные обѣтованнаго вамъ вѣчнаго наслѣдія; явитесь на мое призваніе, о вы, которые еще не пали, но уже быстрыми шагами стремитесь къ безднѣ!

«Придите! придите! придите!

«Окружите одръ умирающаго! Вотъ вашъ великій врагъ, нагой и обезоруженный. Сорвите съ него вѣнецъ мишурный, который вы въ минуты заблужденія

Digitized by Google

возложили на чело его, изрытое сквернымп мыслями. Возьмите назадъ славу мірскую, которою вы его покрыли, чтобы заслонить отъ себя самихъ его отвратительную наготу.

«Приближьтесь, сберитесь вокругъ смертнаго одра его; падите ницъ предъ нимъ; благодарите его за то, что онъ похитилъ у васъ вѣру, задулъ прекраснѣйшія ваши надежды, принесъ души ваши въ жертву наслажденіямъ вашего тѣла; благодарите его за то, что онъ сгубилъ, обезчестилъ, осквернилъ, предалъ васъ вѣчной мукѣ!»

Тутъ, Вольтеръ хотѣлъ-было закричать, госпожа Дюбарри побѣднѣла, Троншенъ закрылъ лице руками.

«И все не кончится съ тобою, о великій врагъ рода человѣческаго! Новое поколѣніе возникнетъ изъ ничтожества взамѣну того, которое низходитъ въ гробъ. Сироты спросятъ исторію отцевъ своихъ, и имъ скажутъ: «Они были несчастны, и виною злополучія «ихъ былъ Вольтеръ.» Тогда они станутъ проклинать твою память, построятъ искупительный памятникъ, образъ твой будетъ тамъ выставленъ и преданъ анаѳемѣ; и они разсѣятъ прахъ твой по вѣтру; и предадутъ пламени пагубныя книги, обольстившія нашу гордость; и будутъ сочетать имя твое съ именемъ твоего повелителя: они станутъ говорить – *Вольтеръ и діаволъ*.

«Но время течетъ; я исполнилъ мою обязанность. Теперь царедворцы твои снова могутъ начать свои льстивыя привѣтствія, снова сожигать ѳиміамъ у ногъ твоихъ. Пусть этотъ врачъ, старый и опытный, пытается скрыть отъ тебя твое состояніе; пусть эта погибшая женщина, которую ты по праву можешь причислить къ сонму жертвъ твоихъ, твердитъ тебѣ о славѣ, которая навсегда угасаетъ: истина уже тебѣ извѣстна; я сказалъ ее. Прощай! Я тебя оставляю.

Digitized by Google

Скоро будешь ты передъ лицемъ твоего Судіи, передъ лицемъ Бога, котораго ты оскорблялъ своими богохульствами и съ которымъ наконецъ ты встрѣтишься.»

Окончивъ рѣчь Дидро убѣжалъ.

Вольтеръ вскорѣ пришелъ въ себя; онъ хотѣлъ улыбнуться; но судорожно искривленныя черты его не могли образовать улыбки.

Троншенъ съ важностью всталъ, сказалъ нѣсколько словъ на ухо своему больному, подалъ руку графинѣ Дюбарри, и вышелъ съ нею изъ комнаты.

– Сударыня, сказалъ онъ любовницѣ покойнаго Людовика XV: этотъ философъ немножко напыщенъ, немножко помѣшанъ, но въ словахъ его много правды.

– А Вольтеръ! Онъ умретъ со страху! возразила госпожа Дюбарри.

– Да! онъ умретъ. Дня черезъ два событія покажутъ, что Г. Дидро не обманулся..... Великаго человѣка уже не будетъ на свѣтѣ.

Госпожа Дюбарри съ задумчивымъ видомъ сѣла въ свою прекрасную карету; Троншенъ тоже сѣлъ и закричалъ кучеру: «Домой!..... Я больше никуда сегодня не поѣду!»

France Littéraire.

Digitized by Google

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ФИЛОСОФІЯ
ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ.

=

СОЧИНЕНІЕ ДОКТОРА ВИРЕ *.

=

Наблюдая природу въ собственныхъ ея царствахъ, а не въ шкафахъ кабинетовъ, не запертую подъ стекломъ, не мертвую, сухую и печальную, какое обширное и разнообразное зрѣлищѣ представляетъ она въ одушевленномъ и не одушевленномъ быту своемъ! Можно и съ минералогомъ углубляться въ нѣдра земли, чтобы узнать ея камни и металлы, можно и съ химикомъ разлагать ея таинственные составы, чтобы извлечь изъ нихъ пользу для человѣка, или съ геологомъ изучать расположеніе ея слоевъ, чтобы объяснить ихъ безпорядокъ вторженіемъ внѣшней силы или дѣйствіемъ внутреннихъ огней и, наваливъ груду ипотезъ, прибавить сотни вѣковъ къ исторической ея древности; но когда, отъ этихъ болѣе или менѣе правдоподобныхъ предположеній, вы перейдете съ ботаникомъ въ поле, та же природа, которая доселѣ, какъ изваянная статуя, была безжизненна и холодна, вдругъ оживится для васъ волшебнымъ образомъ. Тяжелая матерія, сколько бы химикъ ни приводилъ ее въ летучее состояніе, всегда тяжелая матерія; но дыханіе жизни, то чудесное свойство, котораго пять тысячъ лѣтъ любопытства и

* Philosophie de l'histoire naturelle, ou Phénomènes de l'organisation des animaux et des végétaux, par le *docteur Virey*, Paris, 1835.

Digitized by Google

изысканій не могли разгадать, только здѣсь начинаетъ являть первые свои признаки. Мы можемъ коротко опредѣлить жизнь — возрастаніемъ тѣла черезъ пріятіе и усвоеніе частицъ посторонняго вещества, совершающимся помощію болѣе или менѣе сложнаго механизма и восходящимъ до силы собственнаго своего воспроизведенія; по исполненіи котораго въ извѣстномъ объемѣ, тѣло разлагается на свои неорганическія начала, и опять возвращается въ лабораторію природы, откуда оно заимствовало свое кратковременное существованіе. Отъ плесеней, которыя составляютъ основаніе плодоносной почвы и, перенесенныя вѣтрами или влажнымъ воздухомъ на поверхность безплодныхъ скалъ, образуютъ тамъ колыбель для будущихъ лѣсовъ, одѣвающихъ острова волканическаго происхожденія, до огромной пальмы и могучаго дуба, какъ безчисленны и какъ пріятны для взоровъ формы растительнаго царства! Ни одно отдѣленіе природы не снабжаетъ человѣка большимъ числомъ предметовъ потребности и роскоши, чѣмъ это. Изъ него извлекаетъ онъ самыя драгоцѣнныя лекарства, которыя облегчаютъ его страданія, здѣсь собираетъ онъ лучшія украшенія своего стола, и отсюда выдавливаетъ тѣ вкусные соки, которые могутъ, смотря по приготовленію, быть для него прохладительнымъ или хмѣльнымъ напиткомъ, умѣрять внутренній жаръ тѣла или производить веселыя грезы упоенія. Въ слабомъ поколѣніи травъ нашелъ онъ для себя твердую опору жизни, и даръ драгоцѣннѣе самыхъ крѣпкихъ деревьевъ и ихъ приторныхъ плодовъ. Орудія воспроизведенія, сокрытыя въ животномъ мірѣ, здѣсь напитаны благоуханіемъ, одѣты восхитительными красками, отличены изящнѣйшими формами. Природа еще не стыдится здѣсь важнѣйшаго изъ своихъ отправленій, и довѣрчиво предлагаетъ его органы удивленію одушевленнаго свѣта. Стыдъ начинается только вмѣстѣ съ горизонтальнымъ движеніемъ.

Существа растительнаго царства кажутся первымъ опытомъ природы съ органическою матеріею. Они еще прикованы къ мѣсту своего рожденія и движутся только вверхъ, перпендикулярно. Органы ихъ приспособлены къ этой единственной цѣли,—къ движенію вверхъ, къ возрастанію или, другими словами, къ питанію. Но природа не хотѣла остановиться на этомъ

Digitized by Google

первомъ изобрѣтеніи, и пожелала соединить съ отвѣснымъ движеніе горизонтальное. Совокупность этихъ двухъ движеній есть первая идея животной жизни. Какая сверхъестественная мудрость нужна была для того чтобы отторгнуть живое существо отъ мертвой почвы; чтобы, подрѣзавъ его у самой земли, дать ему способность перемѣнять на ней мѣсто; чтобы пустить его свободно по ея поверхности съ правомъ двигаться вверхъ, расти, гдѣ ему угодно! Сколько орудій, членовъ, органовъ, силъ и потребностей, надобно было прибавить къ простому устройству растенія, чтобы произвесть въ немъ вдругъ два перекрестныя движенія, которыя, надобно замѣтить кстати, составляютъ также и жизнь самой планеты! Но когда и все это было прибавлено, мы видимъ, что, какъ будто испытывая свое новое ухищреніе, природа сначала осторожно кладетъ еще тѣло отвѣсное, отдѣленное отъ почвы, плашмя на мягкой водѣ или ставитъ горизонтально къ землѣ и опираетъ на многочисленныя подставки: рыба плаваетъ погруженная въ густой стихіи, червь тяжело передвигается по сушѣ на своихъ многочисленныхъ ножкахъ. Совершенствуя далѣе свое дѣло, она прибавляетъ существамъ новые органы и способности, раздѣляетъ и обдѣлываетъ ихъ члены, придаетъ имъ болѣе гибкости и ловкости, переноситъ центръ ихъ тяжести побліже къ груди: многія животныя подымаются на заднія лапы, но тотчасъ же падаютъ опять наземь; птицы держатся уже прямо на двухъ ногахъ, но тѣло ихъ еще стоитъ косвенно къ землѣ; медвѣдь, обезьяна, уже могутъ оставаться довольно долго на двухъ ногахъ и почти отвѣсно къ землѣ; наконецъ, самый усовершенствованный органическій механизмъ, человѣкъ, выходитъ изъ рукъ ея вполнѣ способнымъ и расти перпендикулярно какъ дерево и двигаться горизонтально съ желанною легкостью. Природа достигла въ немъ своей великой цѣли, но не прежде какъ истощивъ на него всѣ свои сокровища, вещественныя и невещественныя, и сдѣлавъ его участникомъ въ безсмертномъ духѣ, наравнѣ съ небожителями.

Переходя отъ растительнаго царства къ первой лужѣ, гдѣ живутъ существа, отторгнутыя отъ почвы и снабженныя болѣе сложною организаціею, вы уже примѣчаете признаки положительнаго ощущенія. Жить, въ растительномъ цар-

Digitized by Google

ствѣ, значило только — питаться. Здѣсь, жить значитъ уже — питаться и перемѣщаться, для чего нужны уже выборъ, желаніе, воля, чувство. Однако жъ граница между растительнымъ и животнымъ царствами не такъ рѣзко обозначена, или болѣе загромождена невнятными очерками и докончennыми опытами новаго рода бытія, чѣмъ между растительнымъ и ископаемымъ. Двѣ жизни такъ тѣсно связаны между собою, что прежніе ботаники причисляли къ растеніямъ многіе предметы, которые по новѣйшимъ изслѣдованіямъ оказались подданными животнаго царства. Первые слѣды одушевленія находимъ мы въ области водъ: здѣсь каждая капля кипитъ міріадами незримыхъ существъ, и микроскопъ въ рукахъ Эренберга предложилъ въ нихъ нашему удивленію міръ совершенно неожиданный *. Отъ монадъ, имѣющихъ $^1/_{48000}$ дюйма въ діаметрѣ, до самыхъ крупныхъ незримыхъ существъ, всѣ наливочныя животныя, которыхъ Кювіе почиталъ за «однородныя», homogène, потому что, какъ онъ думалъ, у нихъ нѣтъ внутренности, одарены весьма чисто отдѣланною организаціей: ея устройство и расположеніе можно видѣть въ прекрасныхъ рисункахъ Эренберга, который былъ въ состояніи представить ее во всѣхъ подробностяхъ и даже сравнивалъ съ организаціей млекопитающихъ, называя ее столь же совершенною. Въ этихъ живыхъ атомахъ нашелъ онъ нервную систему, зубы, весьма сложную внутренность и дѣторадные органы. Теорія саморожденія, которая призывала въ свои свидѣтели наливочныя животныя, должна была рушиться окончательно, съ цѣлымъ чертогомъ предположеній о слѣпомъ случаѣ какъ началѣ вещей. Неисповѣдимая мудрость и преднамѣреніе разлиты въ устройствѣ даже этихъ, недоступныхъ зрѣнію, одушевленныхъ пылинокъ, и наука принуждена сказать вмѣстѣ съ Библіею, что, при сотвореніи, воды обильно вывели движущіяся твари, которыя имѣютъ жизнь, каждыя *по роду ихъ*.

«Правильное сходство микроскопическихъ племенъ въ раз-

* Совѣтуемъ заглянуть въ его удивительное твореніе, Organisation, Systematik und geographisches Verhältniss der Infusions-Thierchen, Berlin, 1830, folio, и въ прибавленіе къ этой книгѣ, Zur Erkenntniss der Organisation in der Richtung des kleinsten Raumes, 1832 u. 1834.

Digitized by Google

личныхъ жидкостяхъ и отдаленныхъ странахъ, говоритъ Г. Вирѣ, объясняется легкостью, съ какою могутъ распространяться по землѣ ихъ зародыши, мелкіе до непостижимости. Ежели, при обыкновенной перегонкѣ растеній въ кубѣ, вмѣстѣ съ ихъ атомами подымается такое множество легкихъ веществъ, почему жъ бы водянымъ испареніямъ не увлекать съ собою въ воздухъ тонкихъ и незримыхъ зародышей плесени, жилочницы и наливочныхъ животныхъ? Мы видимъ, что вѣтры далеко переносятъ облака насѣкомыхъ и плодородную пыль многихъ растеній Извѣстно, что въ дождевой водѣ, собранной въ открытомъ полѣ и поставленной подъ самымъ чистымъ стекломъ, быстро развиваются при солнечномъ лучѣ милліоны мельчайшихъ животинокъ, малыя зеленыя конфервы и всѣ начала перворожденной жизни. Поэтому легко понять, какимъ образомъ вѣтры переносятъ, а дожди осаждаютъ на поверхность материковъ и океановъ, безчисленные зародыши бездны непримѣтныхъ микроскопическихъ племенъ, перемѣшанныхъ и плодящихся въ пути своемъ черезъ моря и воздухъ, и какъ земля дѣлается поприщемъ рожденія и разсѣлнія первобытныхъ и повсемѣстныхъ жителей своихъ, между-тѣмъ какъ мы не пересчитаемъ и даже не видимъ этихъ толпъ, потерянныхъ во мракѣ ихъ безпредѣльной мелкости.

«Когда зародыши крупнѣйшихъ видовъ первоначально бываютъ такъ тонки, каковы же должны быть яички микроскопическихъ наливочныхъ? Очевидно, что они ускользаютъ отъ нашего наблюденія по своей чрезмѣрной мелкости. Разсматривая зеленую плесень, маленькія жилочницы являются безъ всякой видимой причины на веществѣ, поверженномъ въ гніеніе, какъ животинки являются въ застоявшейся водѣ: но кто осмѣлится заключить изъ этого, что онѣ—внезапный плодъ саморожденія? Онѣ вездѣ имѣютъ одинаковое, опредѣленное устройство, и мы можемъ отыскать ихъ виды въ сочиненіяхъ естествоиспытателей, которые задолго до насъ ихъ наблюдали и нарисовали.

«Можно бы подумать, что для нихъ существуетъ родъ *всесеменья*: тмы ихъ являются вездѣ по мѣрѣ своего истребленія. Мы вдыхаемъ, глотаемъ, эти зародыши и яички; совершенно непримѣтные, они смѣло проникаютъ въ насъ, и тѣ

Digitized by Google

изъ нихъ, которые не погибли въ нашихъ сокахъ, находятъ случай, мѣсто и средство, развиться. Тогда они какъ-будто воспрянули изъ ничего, и мы относимъ ихъ рожденіе къ случайности. Прежніе натуралисты, у которыхъ не было микроскопа, приписывали случаю и рожденіе насѣкомыхъ. Многіе невѣжды, или дурные наблюдатели, утверждаютъ и теперь, что вши и сырные червячки родятся сами собою. Въ одной Швейцарской долинѣ посѣяли пшеницу, на которую тотчасъ упала съ горъ огромная лавина снѣгу: когда, по прошествіи двадцати лѣтъ, снѣгъ растаялъ, погребенныя зерна вдругъ взошли, и вотъ нашлись натуралисты, которые стали доказывать, что эта пшеница родилась сама собою, и что очевидно живыя существа, неодушевленныя и одушевленныя, могутъ возникать изъ ничего.

«Такимъ точно образомъ, по словамъ нѣкоторыхъ гельминтологовъ, черви, обитающіе во внутренности животныхъ и человѣка, суть плодъ саморожденія, хотя родъ nematoidea явно снабженъ половыми органами, а Бремзеръ нашелъ, что cestoidea принадлежатъ къ разряду гермафродитовъ, и что разныя членосоставленія одного и того же червя могутъ соединяться между собою. Гдѣ же тутъ невѣроятность, чтобы тонкія яичка этихъ червей не могли быть всасываемы сквозь нѣжныя и рѣдкія ткани дѣтей, или заносимы кровообращеніемъ и пасочными сосудами въ самую глубину тканей, и развиваться тамъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ, — какъ echinochus въ легкихъ, coenurus въ мозгу, и такъ далѣе? Правда, что не у всѣхъ животныхъ находятъ одинъ и тотъ же видъ червей; но виды присвоены возрастамъ, и различные климаты производятъ различные роды этихъ тунеядныхъ существъ. Когда, такимъ образомъ, въ одинаковыхъ тѣлахъ мы не всегда открываемъ одинаковыхъ глистовъ, это еще не доказательство саморожденія нутроживотныхъ, хотя обстоятельства ихъ быта сходны между собою.

«Глисты безъ-сомнѣнія требуютъ животной пищи и животнаго теплотвора для своего развитія: но кто станетъ утверждать, что яйца ихъ не могутъ существовать въ водѣ, которую пьютъ животныя? Всѣ знаютъ, что рыбы и другія водяныя племена, какъ и жители болотъ, болѣе другихъ

Digitized by Google

подвержены червямъ болѣзнямъ. Напримѣръ, почему бы яйца тесемочнаго глиста, которыя выгоняются изъ тѣла вмѣстѣ съ испражненіями, не могли расходиться въ водѣ и плавать, не находя мѣста приличнаго для своего развитія, доколѣ ихъ не проглотятъ животныя, пьющія воду? Говорятъ, что тесемочныхъ глистовъ находили въ младенцахъ, заключенныхъ въ чревѣ матери, и въ цыплятахъ, только-что выклюнувшихся изъ яйца. Это очень возможно, потому что мать могла передать зародышу, вмѣстѣ съ сокомъ, яички этихъ нутроживотныхъ, которые такъ глубоко проникаютъ въ экономію тѣла. Сверхъ-того, пища, которую мы принимаемъ, заключаетъ въ себѣ непримѣтныя семяна нашихъ болѣзней, и каждое плотоядное животное, лижа кровь или пожирая мясо своей добычи, глотаетъ и яички ея червей. Палласъ далъ собакѣ яицъ тесемочнаго глиста, и они развились въ ней съ чрезвычайною легкостью.

«Такимъ образомъ, микроскопическій міръ, который играетъ такую важную роль въ невидимой природѣ, сокрытъ какъ потаенныя колеса машины, являющей намъ только общій результатъ своего дѣйствованія. Конечно, мы находимъ разные виды глистовъ только въ животныхъ, которымъ они присвоены: это необходимое условіе ихъ рожденія и жизни; но внѣшняя природа, плодовитая мать всякихъ зародышей, имѣетъ порученіе распространять ихъ вмѣстѣ съ миріадами насѣкомыхъ, животныхъ и плесеней, которыя помощію воздуха или воды расходятся вездѣ и проникаютъ въ самые сокровенные тайники земли. И дѣйствительно, постоянство видовъ и сохраненіе отличительнаго ихъ устройства удостовѣряютъ насъ въ правильности ихъ рожденія изъ предсуществующихъ яицъ или зародышей, изданныхъ подобными имъ родителями.»

Оставимъ наконецъ *первозвотныя*, protozoa, которыя являютъ самый разительный примѣръ тайныхъ пружинъ повсемѣстнаго распространенія одушевленности, потому что одинъ ихъ родъ не щадитъ даже нашего мозга, и избираетъ своимъ жилищемъ самый этотъ органъ, что придаетъ ему необыкновенную важность въ чинѣ созданія, между-тѣмъ какъ другіе гнѣздятся въ менѣе благородныхъ убѣжищахъ,— въ животѣ, легкихъ, глазахъ и даже въ сѣточной плевѣ чело-

Digitized by Google

вѣка и животныхъ. Восходя по «лѣстницѣ», мы должны указать, въ классѣ животнорастеній, на двѣ породы существъ, изъ которыхъ одна производитъ губку, а другая кораллъ: послѣдняя, племя смѣлыхъ каменщиковъ, безмолвно работая въ пучинахъ океана, своими красивыми сростками превращаетъ неизмѣримыя пропасти въ подводныя скалы, мосты и острова, и не нужно объяснять, какое сильное вліяніе оказываютъ эти ничтожныя на видъ животныя на судьбы человѣка и на внѣшнее очертаніе планеты. Другія, какъ actinia, убираютъ тѣ же самыя недоступныя пропасти блестящею и веселою пестротою цвѣтника. Иныя плаваютъ на поверхности водъ и украшаютъ ночи океана блѣднымъ фосфорическимъ освѣщеніемъ, представляя воображенію путника картины волшебныхъ сценъ и тритоническихъ праздненствъ. Въ этой-то области животнаго царства мы находимъ самый рѣзкій отпечатокъ растительнаго міра, и сходства бываютъ иногда такъ обманчивы, что, какъ мы прежде замѣтили, весьма ученые естествоиспытатели принимали животныхъ за растенія и растенія за животныхъ.

Перейдемъ теперь къ слизистымъ, или мягкотѣлымъ, животнымъ, mollusca, которыхъ по-видимому надо, съ Гольдфусомъ и Дюмерилемъ, помѣстить несравненно выше кольчатыхъ, annulosa, хотя Кювіе ставилъ ихъ ниже. Ихъ-то раковины нерѣдко возбуждаютъ въ насъ такое удивленіе изящностью своихъ формъ, красотою и гармоніей своихъ цвѣтовъ и неподражаемымъ искусствомъ своихъ изваяній. Любуясь на нихъ въ кабинетахъ Естественной Исторіи, мы почти и не думаемъ о разнообразныхъ свойствахъ отправленій, которыя ихъ производятъ, и о бездонности пропастей, откуда случай выбросилъ ихъ на морской берегъ для нашего наслажденія: между-тѣмъ воображеніе наше должно бы представить себѣ эту непостижимую роскошь, которую природа расточила на украшеніе заповѣдныхъ для насъ областей планеты, — потому что и самая отдаленная глубина картины созданія, самые темные закоулки чертога, также тщательно отдѣланы и убраны живописными группами какъ и первый планъ величественной декораціи, передъ которою поставлены зрѣніе и понятіе человѣка. Одни изъ этихъ дивныхъ существъ, какъ напримѣръ аргонавтъ, ловко перелe-

Digitized by Google

таютъ большія пространства, предаваясь морскимъ теченіямъ или скользя собственною силою по гладкой поверхности тиши, и вдругъ уходятъ на дно при видѣ опасности. Другія, какъ устрицы, прикованы къ твердымъ скаламъ, отъ которыхъ можно ихъ отторгнуть только механическою силою. Иныя наконецъ подвигаются, внезапно хлопая двумя своими раковинами, и какъ-бы помощію пружины производятъ свое перемѣщеніе, тогда какъ весь отдѣлъ заключенныхъ въ одну цѣльную раковину, напримѣръ обыкновенныя улитки, принужденъ съ трудомъ прикрѣплять липкія ножки къ предметамъ, чтобы совершить во всю жизнь нѣсколько саженъ пути. Весьма многія породы этого класса годятся въ пищу, и слизистое ихъ тѣло часто столь же дорого эпикурейцу, какъ блестящая перла одной изъ нихъ красотѣ и царскому сану.

Далѣе встрѣчаемъ мы черепокожныхъ, crustacea: это животныя, одѣтыя плотною бронею черепа, и между которыми рѣчные и морскіе раки перещеголяли, быть-можетъ, всѣхъ прочихъ своей красотою. Нравы многихъ существъ этого отдѣленія чрезвычайно любопытны, въ особенности путешественная страсть одной породы земныхъ раковъ; нѣкоторыя еще болѣе удаляются отъ своего типическаго характера морскихъ животныхъ, и стремятся въ воздушныя области, какъ древесный ракъ, который смѣло и съ большими ухищреніями взбирается на обрывистыя кокосовыя пальмы, чтобы достигнуть до завѣтнаго орѣха. Въ этомъ классѣ, какъ и въ слѣдующемъ, огромную часть народонаселенія составляютъ промышленныя ткацкія племена, пауки, arachnoidæ. Тутъ уже, изъ моря, какъ главнаго рудника одушевленной жизни, мы чаще выходимъ на сушу, гдѣ масса этой жизни менѣе значительна, но зато разнообразіе несравненно больше, потому что здѣсь она должна преодолѣвать тысячи преградъ и затрудненій, которыхъ нѣтъ въ мягкой, ровной стихіи водъ, и поддерживать себя высшею степенью хитрости. Нѣкоторые пауки взлетаютъ на воздушныхъ шарахъ своей работы подъ широкую твердь неба какъ наши воздухоплаватели, иные подобно водолазамъ спускаются въ подводныхъ колоколахъ на дно моря; тѣ, живя въ подземельяхъ, снуютъ свои ткани на поверхности земли, расчитывая неосторожность насѣкомаго;

Digitized by Google

другіе растягиваютъ свои красивыя нити отъ прутика до прутика: говорятъ, что одна порода ловитъ маленькихъ птичекъ, но это подлежитъ сомнѣнію; есть однако пауки, которые невзначай бросаются какъ тигры на свою жертву. Пытались, но доселѣ безуспѣшно, употребить ихъ ткани на полезные для человѣка предметы, и однажды сдѣлали изъ паутины нѣсколько паръ перчатокъ и, кажется, цѣлое дамское платье. Скорпіоны, и acari, которые зараждаются въ хлѣбѣ, сырѣ и мясѣ, суть самые страшные для человѣка, первые своимъ ядомъ, вторые какъ источникъ самыхъ ужасныхъ болѣзней.

Слѣдующій классъ, насѣкомыя, образуетъ несмѣтное народонаселеніе, самое многочисленное въ цѣломъ животномъ царствѣ и безъ-сомнѣнія самое удивительное, по своимъ волшебнымъ превращеніямъ и способностямъ, развитымъ иногда въ весьма высокой степени. Здѣсь мы находимъ племена, пристрастныя къ общественному быту, не чуждыя гражданственности, промышленныя, строго наблюдающія благочиніе, трудящіяся для пользы общей подъ спасительною сѣнію властей и какъ-бы передразнивающія человѣка въ его политикѣ. Пчелы и муравьи занимаютъ здѣсь ту самую умственную степень, которая присвоена намъ между существами высшей организаціи: извѣстно, что нѣкоторыя породы муравьевъ строятъ города, ведутъ кровопролитныя войны, берутъ въ плѣнъ себѣ подобныхъ и обращаютъ ихъ въ рабовъ, обязанныхъ исполнять за побѣдителей всѣ тяжкія работы. Кажется, какъ-будто природа сперва не имѣла намѣренія селить млекопитающихъ и человѣка на землѣ, и весь свой планъ усовершенствованій, по части одушевленной жизни, хотѣла привесть въ дѣйствіе и ограничить насѣкомыми. Быть-можетъ, есть планеты, изъ числа маленькихъ, какъ Веста, Церера, Юнона, которыхъ они — единственные и самые разумные жители; и тотъ, кто недавно вздумалъ приписать сиръ Джону Гершеллю мнимое открытіе людей на Лунѣ, конечно поступилъ бы гораздо остроумнѣе, если бъ отдалъ нашего спутника во владѣніе однимъ только насѣкомымъ. Правда, что во всѣхъ классахъ животнаго царства находятся племена стадныя, но общественныхъ нѣтъ нигдѣ, кромѣ какъ у насѣкомыхъ и у человѣка. Нѣчто подобное встрѣчается между

Digitized by Google

грачами, но, если допустить это единственное изъятіе, всѣ прочія животныя заботятся только о личныхъ выгодахъ и не трудятся совокупно для общей пользы. Ни одно изъ нихъ, при высшей силѣ и болѣе сложной организаціи, не исключая даже бобра, не обнаруживаетъ такого трудолюбія, искусства въ дѣлѣ, чувства потребностей и удобствъ земнаго бытія, какъ нѣкоторыя породы этого класса. У многихъ замѣчены даже несомнѣнные признаки понятій изящнаго и роскоши. И какое разнообразіе формъ, какія блистательныя краски достались имъ въ удѣлъ! Поэты заимствовали у нихъ самыя живописныя картины, моралисты самыя сильныя нравоученія. Мелкій шелковый червь даетъ занятіе, и слѣдственно насущный хлѣбъ, многимъ милліонамъ людей, — а сколько другихъ насѣкомыхъ доставляютъ намъ предметы потребности и роскоши!

Взглянемъ теперь на рыбъ, пересѣкающихъ Океанъ во всѣхъ направленіяхъ и всѣхъ возможныхъ формахъ, какія только могутъ быть удобны для этой стихіи, — однѣ уродливыя до крайности, другія изящныя, и всѣ вообще ужасно обжорливыя, — самыя обжорливыя существа въ цѣломъ одушевленномъ созданіи, и, какъ-бы въ вознагражденіе опустошительныхъ слѣдствій этого качества для ихъ рода, самыя плодовитыя. Кто перечтетъ ихъ миріады, быть-можетъ многочисленнѣе самаго песку, въ которомъ онѣ плаваютъ! Какой драгоцѣнный даръ въ нихъ изготовленъ человѣку, только какъ предметъ пищи! Многія полу-дикія поколѣнія исключительно ими поддерживаютъ свое существованіе. Относительно объема, по-крайней-мѣрѣ длины, нѣкоторыя изъ нихъ — самыя значительныя изъ числа животныхъ. Разсказы объ ихъ чрезмѣрной долговѣчности вѣроятно ни на чемъ не основаны. Перстень, найденный въ жабрѣ щуки, въ Кайзерслаутернѣ, если это не былъ наслѣдственный, фамильный клейнодъ рыбы, безъ-сомнѣнія привѣшенъ ей проказниками, которые хотѣли сыграть шутку съ естествоиспытателями: какъ можно повѣрить, чтобы мягкоплотное, органическое, тѣло вынесло жизнь почти трехъ столѣтій? Такой возрастъ столько же правдоподобенъ сколько и длина самой щуки, въ девятнадцать съ половиною футовъ.

Digitized by Google

За рыбами идутъ пресмыкающіяся, всѣ вообще болѣе или менѣе гадкія на видъ и по своимъ привычкамъ, а нѣкоторыя и отвратительно противныя нашимъ чувствамъ со времени первобытнаго проклятія. Этого-то класса гражданами были тѣ уродливыя и исполинскія твари, которыхъ остовы находимъ мы въ глубокихъ слояхъ земли какъ обломки разбитаго колосса первозданной жизни. Здѣсь-то надобно помѣстить великоящерицу, megalosaurus, которая, какъ полагаютъ, имѣла десять саженъ длины и три съ половиною аршина вышины, и игванодона, почти столь же огромнаго и еще болѣе страннаго. Быть-можетъ, эти пресмыкающіеся великаны водятся и теперь въ подземныхъ водохранилищахъ и пустотахъ шара; быть-можетъ, они никогда не видали солнечнаго свѣта и мрачныя нѣдра планеты опредѣлены быть ихъ отечествомъ и тюрмою. Одинъ остроумный писатель * считаетъ весьма возможнымъ, судя по общему размѣщенію одушевленной жизни на поверхности земли, и по существованію досихъ-поръ, въ подземныхъ озерахъ и лужахъ, одного животнаго изъ этого класса, именно протея, что природа столь же дѣятельна и подъ почвою: эти темныя бездны должны имѣть свое народонаселеніе, и вѣроятно ни одна скважина, гдѣ только можетъ водиться живая тварь, не оставлена безъ обитателей. Внутреннія сотрясенія могли выбросить ихъ останки и перемѣшать съ нижними слоями земной коры, и такимъ образомъ безпрерывные потопы, любимый ключъ геологовъ ко всѣмъ загадкамъ, сдѣлались бы вовсе ненужными для объясненія ихъ начала. Но, какъ бы то ни было, что же сказать о тѣхъ, еще болѣе необычайныхъ тваряхъ, о птеродактилахъ, которыхъ почти всѣ натуралисты единогласно почитаютъ за летучихъ пресмыкающихся? Кювіе утвердалъ, что они дѣйствительно были такими; Коллини однако жъ видѣлъ въ нихъ рыбъ, а Зёммерингъ причисляетъ ихъ къ млекопитающимъ. Вагнеръ слѣдуетъ его мнѣнію, и создаетъ для нихъ особый классъ, включая въ него также плезіосауровъ, ихтіосауровъ и парадокса, ornithorynchus, породу, которая существуетъ и доселѣ, млекопитающее четвероногое, покрытое перьями, съ птичьимъ клювомъ и гуси-

* Kirby, Bridgewater Treatise.

Digitized by Google

ными лапками. Но то, что́ другіе принимаютъ у птеродактила за крылья, Вагнеръ называетъ просто рыбьими перьями, и производитъ его въ плавающее животное. Окену птеродактилъ кажется пресмыкающимся, какъ Кювіе и Мейеру. Къ этому классу принадлежатъ также змѣи, которыхъ многіе народы обоготворили, а Священное Писаніе сдѣлало символомъ зла. Природа надѣлила ихъ опаснымъ орудіемъ, которое превращаетъ ихъ самозащиту въ ужасную казнь дерзающему нарушить ихъ неприкосновенность и обидѣть ихъ слабость, — странное изъятіе въ чинѣ одушевленнаго созданія, которому вообще позволено только защищаться, а не карать! Это обстоятельство было, вѣроятно, поводомъ къ присвоенію имъ сверхъестественныхъ качествъ и правъ на богопочтеніе. Но какъ красивы движенія змѣи! Древніе нарекли ихъ — путемъ боговъ. Огромная величина удава, boa, его страшная мышечная сила, разширительность его пасти и способность охватывать предметы хвостомъ, позволяютъ ему обрекать себѣ въ жертвы оленя, и даже быка, измолоть ихъ кости въ своихъ кольцахъ и, обдавъ ихъ своей слюною, поглощать цѣликомъ: операція эта происходитъ очень медленно, и рога добычи долго еще, по ея пожраніи, торчатъ изорта урода, откуда они бываютъ наконецъ выброшены. Но козленокъ не приводитъ его въ затрудненіе своими рожками, и они, торча въ его желудкѣ, только подымаютъ острыми концами кожу его, порой натягивая ее такъ сильно, что, кажется, должны поминутно пробить бока змѣи. Страшные пиѳоны древняго міра, конечно, ни въ чемъ не уступаютъ Американскимъ удавамъ. Разсказъ о змѣѣ, въ сто двадцать футовъ, убитой воинами Регула въ Африкѣ, безъ-сомнѣнія преувеличенъ, но, впрочемъ, мы, въ нашихъ холодныхъ климатахъ, не можемъ составить себѣ вѣрнаго понятія о могуществѣ животной жизни подъ плодотворною теплотою того солнца, которое возбуждаетъ тамъ ихъ зарожденіе и придаетъ имъ живый колоритъ, странныя формы, чудовищную величину.

Мы только упомянемъ, для свѣдѣнія, что на свѣтѣ есть жабы и черепахи, и поспѣшимъ къ болѣе привлекательному зрѣлищу, — къ воздушному племени птицъ, котораго многочисленные народы, отъ крошечнаго медососа, colibri, насѣкомаго одѣтаго перьями, мерцающаго всѣми красками драго-

Digitized by Google

цѣннаго камня и едва крупнѣе пчелы, качающейся на цвѣтках, до величественнаго кондора, представляютъ такое занимательное разнообразіе формъ, инстинктовъ и нравовъ. Взятый въ совокупности, это безъ-сомнѣнія самый красивый и любезный классъ животнаго царства, какъ насѣкомыя — самый промышленый и дивный. Поля и рощи, отданныя человѣку, оживлены ихъ пѣніемъ для услажденія его посреди трудовъ; обильная пища, подобно маннѣ, нисходитъ съ неба въ ихъ образѣ на его трапезу; ихъ пухъ согрѣваетъ его нагое, безволосое, тѣло и знакомитъ съ первою нѣгою, и безъ пера ихъ крыльевъ не было бы, — какое несчастіе! — не было бы ни журналовъ, ни этого похвальнаго слова почтенному птичьему племени!....

Между птицами и млекопитающими, или собственно «животными», звено соединенія составляетъ тотъ странный птице-звѣрь, парадоксъ, ornithorynchus paradoxus, о которомъ мы уже говорили мимоходомъ и должны еще сказать, что онъ, говорятъ, несетъ яйца, въ которыхъ заключаются живые парадоксята. Это, безъ-сомнѣнія, самый примѣчательный звѣрь Новой Голландіи, страны, примѣчательной наибольшею частью своихъ растеній и животныхъ. Его гусиныя лапки съ перепонками общи многимъ породамъ его разряда, на необычайная шпора, которою вооружены заднія ноги самца, налитая, какъ утверждаютъ, ядомъ для пораженія врага смертію при защитѣ своей независимости, была бы первымъ примѣромъ ядовитаго органа, найденнаго у млекопитающихъ, у существъ сродни человѣку по организаціи, виду и уму. Весьма любопытно, что въ этомъ классѣ природа приготовила заранѣе для человѣка, не только основную пищу, но даже слугъ и помощниковъ, которые только ожидали повелительнаго голоса господина, чтобы явиться къ нему, преданные и покорные, съ самоотверженіемъ, признательностью и дружбою. Смышленая собака добровольно, за кусокъ хлѣба, стережетъ его стада, овца охотно отдаетъ ему свое руно за горсть корму зимою и за защиту отъ хищнаго звѣря, волъ помогаетъ пахать и удобрять землю за тѣ же преимущества, конь готовъ летѣть съ нимъ въ огонь сраженія, верблюдъ переноситъ его пожитки черезъ пустыни,—и этотъ ужъ совершенно en amateur, потому что человѣкъ не даетъ

Digitized by Google

ему ничего и покровительство наше для него не нужно. Вообще, въ этомъ классѣ, какъ и въ другихъ, самыя полезныя для человѣка животныя суть тѣ, которыя довольствуются растительною пищею; между плотоядными мы встрѣчаемъ только совмѣстниковъ къ мясу и явныхъ враговъ, обреченныхъ впрочемъ платить намъ за свою недружбу собственною шкурою, которая, надо отдать справедливость врагамъ, часто бываетъ превосходна. Много спорили о томъ, животное ли человѣкъ, или нѣтъ: что скотовъ между людьми пропасть, въ этомъ ни одинъ натуралистъ не сомнѣвается, но нѣкоторые изъ естествоиспытателей, и у насъ Г. Максимовичъ, не признаютъ человѣка животнымъ и ставятъ его внѣ всего царства. Какъ бы то ни было, нельзя не согласиться, что мы крѣпко сродни животнымъ во всемъ, исключая одного разума; и хотя удивительный органъ, въ которомъ имѣетъ пребываніе это неземное качество, положилъ неизмѣримое разстояніе между самымъ глупымъ человѣкомъ и самымъ смышленымъ животнымъ, однако мы очевидно связаны съ нихъ семействомъ земными узами, — что́ даже весьма полезно, для обузданія нашей гордости, помнить съ приличнымъ этому случаю смиреніемъ. Но не однимъ только разумомъ человѣкъ отличается отъ животнаго: Бурдахъ * доказалъ физіологическими выводами, что животная природа преобладаетъ въ одномъ только мужчинѣ, между-тѣмъ какъ въ женщинѣ человѣчество, — противоположность животности, — достигло своего зенита относительно формъ, устройства, и своего развитія; и вотъ отчего нравственныя добродѣтели преимущественно составляютъ ея собственность и приданое. Такимъ образомъ, если отдѣлить человѣка отъ животныхъ и назначить для него особый классъ, мужчина будетъ образовать звено перехода отъ четвероногихъ къ чистому человѣчеству, какъ парадоксъ отъ птицъ къ классу четвероногихъ. Здѣсь и предѣлъ Естественной Исторіи: далѣе начинаются уже отвлеченности, — добродѣтели, пороки, умственныя силы, и прочая, которыхъ она не принимаетъ на себя классифицировать, потому что, какъ сказалъ бы Линней, «у нихъ нѣтъ зубовъ». Впрочемъ одинъ

* Die Physiologie als Erfahrungswissenschaft, I, 284.

Digitized by Google

остроумный систематикъ нынѣшняго времени предлагалъ допустить ихъ въ ея разряды.

Мы бѣгло исчислили порядки предметовъ и существъ, которыми занимается Естественная Исторія, но не такъ расположены онѣ въ природѣ: тамъ они перемѣшаны, дѣйствуютъ и противодѣйствуютъ, питаютъ и истребляютъ, другъ друга; и эта кажущаяся нестройность отдѣльныхъ тоновъ большаго концерта природы отражается въ цѣломъ совершеннѣйшею гармоніею подъ изумительнымъ сводомъ созданія. Частное зло прикрыто общею пользою, жизнь дѣятельно перегоняется въ безчисленныхъ кубахъ, становясь всё чище и эѳирнѣе, и если насѣкомому кажется обиднымъ, что его глотаетъ птица, если волъ недоволенъ тѣмъ, что человѣкъ, за его труды и заслуги, превращаетъ тѣло его въ свою кровь, они должны быть благодарны и за то, что наслаждались существованіемъ, хотя и кратковременнымъ, бывъ только для этого выведены изъ персти. Надобно же чѣмъ-нибудь быть полезными природѣ въ ея великихъ цѣляхъ за безцѣнный и сладкій даръ жизни; и здѣсь еще они должны признать ея благость, потому что, создавъ ихъ единственно для перелитія ихъ жизни въ другія благороднѣйшія жилы, она не отдаетъ цѣлаго ихъ рода на съѣденье, а только беретъ съ нихъ десятину, по жеребью, позволяя каждому спасаться отъ своей судьбы дарованною имъ хитростью и осторожностью. Но важная польза этого порядка для всѣхъ созданныхъ тварей состоитъ въ томъ, что, за небольшое пожертвованіе своей цѣлостью, такое безпредѣльное множество ихъ родовъ можетъ обитать на землѣ: нѣтъ сомнѣнія, что въ каждомъ родѣ число отдѣльныхъ яицъ соразмѣрено съ главною цѣлію, къ которой они предназначены, и что сумма случающагося между ними истребленія заранѣе и съ избыткомъ вознаграждена присвоенною имъ плодовитостью. Такимъ образомъ ни одинъ уголокъ планеты не потерянъ, и почти нѣтъ примѣра, чтобы какой-нибудь родъ совершенно истребился. Впрочемъ, если бъ это и случилось, созданныя твари тутъ ничего не теряютъ, потому что общая масса жизни увеличивается, а не уменьшается, на землѣ, и притомъ, по мѣрѣ развитія умственнаго могущества человѣ-

Digitized by Google

ка, она еще переливается въ существа болѣе и болѣе изящныя и благородныя въ обоихъ царствахъ, растительномъ и животномъ.

Отношенія растительнаго царства къ животному чрезвычайно разнообразны; но отношенія между членами самого царства животнаго еще болѣе многосложны. Растительное составляетъ какъ бы основаніе, которое прямо или косвенно поддерживаетъ все остальное, и въ возвратъ за это растенія во многихъ случаяхъ размножаются и совершенствуются не иначе какъ помощію животныхъ. Въ животномъ мірѣ всѣ классы состоятъ между собою въ довольно запутанныхъ отношеніяхъ: одни классы какъ тунеядцы живутъ насчетъ своихъ сосѣдей, которые должны поддерживать ихъ разными способами; другіе хоть и пользуются независимымъ существованіемъ, однако пропитываются посредствомъ прочихъ, ежели не на ихъ иждивеніи; но самое общее отношеніе животныхъ между собою предназначаетъ тѣ племена, которыя питаются травами, служить жертвою плотоядныхъ. Такъ одно колесо ворочаетъ другое, и многосложная машина являетъ во всѣхъ частяхъ выспренній видъ Вездѣсущей и Всесильной мудрости. Обширный планъ созданія постепенно раскрывается здѣсь передъ нашей наблюдательностью, и предметъ сотворенія, — разлитіе наибольшаго количества благополучія на самомъ маломъ пространствѣ, вполнѣ и могущественно обнаруживаетъ, какъ велико было милосердіе, которое его предначертало. То, что кажется избыткомъ плодотворности, есть только запасъ для продовольствія, изготовленный съ крайнею бережливостью и въ количествѣ, необходимомъ для сохраненія родовъ, которыхъ огромное множество, неисчислимое разнообразіе и различные, часто исключительные, инстинкты, нужны были для милліоновъ частныхъ цѣлей, ведущихъ дружно къ одной общей цѣли, для блага жизни, для удовлетворенія потребностей разныхъ существъ, для прямаго или косвеннаго облегченія ихъ быта. Каждый родъ, каждый видъ, каждое частное созданіе, есть только пружина чрезвычайно сложнаго и чрезвычайно легкаго механизма, котораго мы далеко еще не постигаемъ во всѣхъ его частяхъ, потому что для этого слѣдовало бы знать всю необъ-

Digitized by Google

ятную массу перекрещивающихся отношений между родами, видами и прочими подразделениями племенъ трехъ царствъ. Въ нынѣшнемъ состояніи Естественной Исторіи, мы едва знаемъ общія черты этого дивнаго механизма. Мы видимъ, что растительное царство, царство безъ чувства и мысли, царство грубой жизни, котораго всѣ отправленія ограничиваются однимъ только процессомъ собственнаго питанія, обильно выдѣлываетъ въ своихъ тонкихъ сосудахъ органическую матерію изъ поглощенныхъ влагъ, газовъ и другихъ родовъ мертваго вещества: эта матерія въ образѣ стебля, волоконъ, мезги, коры, листьевъ, цвѣтовъ, плодородной пыли, липкой влажности, студенистаго клею, мяса окружающаго плоды, и сѣмянъ, обращается въ пищу болѣе нѣжной, животной жизни, гдѣ, въ органахъ тварей различныхъ классовъ, исключительно потребляющихъ растительное вещество, переработывается еще въ болѣе питательную, животную матерію, для поддержанія бытія существъ плотоядныхъ, которыя, въ низшихъ разрядахъ, часто пожирая другъ друга, препятствуютъ сами излишнему размноженію своихъ породъ и удерживаютъ людность свою въ точныхъ предѣлахъ пользы, приносимой ими человѣку и, вообще высшей, совершеннѣйшей жизни. Плотоядныя животныя, возвращая тѣло землѣ, кормятъ собою многочисленныя племена червей, которыя въ ея нѣдрахъ пожираютъ обумершую животную матерію и, въ свою очередь, утучняютъ почву своими останками, для благополучія растеній,— перваго основанія всякой жизни. Къ той же цѣли, въ этомъ кругооборотѣ взаимныхъ пользъ, безъ-сомнѣнія служитъ и изумительная плодовитость насѣкомыхъ, которыхъ цѣлыя облака являются въ воздухѣ и тотчасъ гибнутъ; и хотя во многихъ случаяхъ насѣкомыя причиняютъ большія опустошенія въ лѣсахъ и на пашняхъ, однако существенная польза ихъ племени для растительнаго царства сильно перевѣшиваетъ всѣ эти явленія частнаго вреда, вѣроятно полезнаго тоже чѣмъ-нибудь общему движенію, успѣху и счастію жизни. Смотря съ этой стороны на созданную природу, въ которой мы, люди, составляемъ важнѣйшее звено и какъ-бы подъемное кольцо цѣпи, человѣкъ, самый несчастный, вынужденъ сказать, что — въ мірѣ нѣтъ несчастія; что міръ всегда дышетъ блаженствомъ и веселіемъ; что наши

Digitized by Google

отдѣльныя страданія и мнимыя неудачи суть только исполненіе долга каждаго изъ насъ — причиняться посредственнаго, болѣе или менѣе долгаго, наслажденія, къ общей радости всего живущаго, которая состоитъ изъ всѣхъ частныхъ *мановеній* радостей и получается не иначе какъ на счетъ тѣхъ, которые отрадовались свой мигъ и на ту минуту уже непреоборимо увлекаются шумнымъ, игривымъ, ликующимъ потокомъ общей жизни подъ колеса великой мельницы созданія; что мы не должны, ни въ какомъ случаѣ, роптать на Бога, потому что милосердіе его безмѣрно и проявляется именно этимъ непрерывнымъ праздникомъ творенія, этимъ повсемѣстнымъ счастіемъ жизни, радужно брызжущей изъ планеты, этимъ постояннымъ гуломъ юностей, красотъ, любовей, удовольствій, восторговъ, упоеній, въ которомъ частный вредъ служитъ къ пользѣ всѣхъ и стонъ раздавленныхъ совершенно незамѣтенъ въ громѣ кликовъ потѣхи. И все это происходитъ въ величайшемъ порядкѣ, все опредѣлено положительными границами; нигдѣ нѣтъ ни потери ни излишества; то, что бы могло вредить себѣ лишнимъ изобиліемъ, останавливается въ своемъ избыткѣ предпринятою мѣрою, прежде чѣмъ достигнетъ возможности уничтожить самаго себя; то, что бы пострадало отъ произвола потребителей, обезпечено въ своемъ сохраненіи ихъ особенными инстинктами: птицы, питающіяся зернами, разсыпаютъ ихъ въ то же время по отдаленнымъ мѣстамъ и способствуютъ къ размноженію растеній; насѣкомое, пьющее медъ изъ цвѣтка, уноситъ на своихъ крылышкахъ пыль лепестковъ и оплодотворяетъ ею другіе цвѣтки; всѣ вообще животныя извлекаютъ себѣ кормъ только изъ извѣстныхъ классовъ существъ, и такимъ образомъ не истребляютъ того, что могло бы потерпѣть отъ безпорядка въ выборѣ; наконецъ человѣкъ, который наиболѣе разоряетъ и растительное и животное царство, наиболѣе также изливаетъ благъ на животныхъ и растенія, между которыми онъ водворяетъ даже роскошь и удобства образованной жизни: однимъ словомъ, всюду, кажущійся вредъ творенія переходитъ на-дѣлъ въ его существенную выгоду, всюду примѣтна удивительная гармонія системы, которой зрѣлище возвышаетъ умъ смерт-

Digitized by Google

наго до понятія тайнъ вѣчнаго добра, к благоговѣнію съ заключаетъ изысканіе.

Чтобы имѣть точное понятіе о томъ безпрерывномъ праздненствѣ жизни, на которое мы указали какъ на неумолкающій гимнъ земнаго счастія, надобно, отъ нашихъ сѣверныхъ широтъ, подвинуться къ тропическимъ климатамъ, гдѣ эта жизнь вся — блескъ, радость, миръ и величіе. Представьте себѣ яркій день въ первобытномъ лѣсу подъ экваторомъ, въ дождливую пору года, которая собственно соотвѣтствуетъ нашему лѣту, а не зимѣ, какъ многіе привыкли думать. Прозябеніе рвется изъ почвы въ жарко натопленный воздухъ, волны пышныхъ цвѣтовъ несутся съ вѣтвей на землю радужными и благовонными каскадами; толпы звѣрей, птицъ, пресмыкающихся, насѣкомыхъ, расписанныя богатѣйшими красками, живущія въ изобиліи, роскоши, раздольѣ, наполняютъ все пространство ревомъ, пѣснями, свистомъ, крикомъ, щебетаніемъ; лѣсъ гудитъ перемѣшанными голосами несмѣтнаго и счастливаго населенія, и отвсюду слышатся самое дикое веселье, самый необузданный восторгъ бытія. Этотъ нестройный концертъ милліона пронзительныхъ звуковъ, этотъ всеобщій матежъ сладостныхъ страстей, выраженныхъ тысячью различными образами, по свойству, инстинкту и нравамъ каждаго, безъ-сомнѣнія образуютъ самую выспреннюю картину блаженства живой природы; и таково тамъ могущество бытія, что даже растенія имѣютъ даръ голоса, и пальма возвѣщаетъ открытіе своего цвѣта выстрѣломъ, не менѣе громкимъ пушечнаго.

Отъ этого высокаго и утѣшительнаго зрѣлища, надобно еще обратиться къ существеннымъ пользамъ, которыя приноситъ уму правильное изученіе Естественной Исторіи.

Безконечное разнообразіе органическихъ существъ лучше всего видно изъ списка породъ, уже извѣстныхъ наукѣ: мы приведемъ здѣсь вычисленіе, которое весьма недавно сдѣлалъ докторъ Свенсонъ *, и присовокупимъ, къ этимъ положительнымъ итогамъ, его таблицу вѣроятнаго числа всѣхъ породъ, существующихъ на земномъ шарѣ.

* Lardner's Cyclopædia, Zoology, vol. II.

Digitized by Google.

Млекопитающія	1,000.
Птицы	6,000.
Рыбы	6,000.
Насѣкомыя	120,000.
Мягкотѣлыя	5,100.
Лучистыя	1,000.
Полипы	1,500.
	140,000.

Должно замѣтить, что въ этомъ спискѣ вовсе пропущены пресмыкающіяся; птицы означены только въ томъ количествѣ, въ какомъ онѣ собраны въ Берлинскомъ музеумѣ, а рыбы — въ числѣ породъ, извѣстныхъ покойному Кювіе. Надо еще прибавить огромный итогъ 140,600 однѣхъ породъ пресмыкающихся и растеній: послѣднія, по Декандоллю, простираются до шестидесяти тысячъ.

Вотъ Свенсонова таблица вѣроятнаго числа породъ; мы приведемъ только его итоги, потому что мѣсто не позволяетъ намъ входить въ выводы, на которыхъ онъ основываетъ свои вычисленія:

I. Позвоночныя животныя.	Четвероногія	1,200.
	Птицы	6,800.
	Пресмыкающіяся и земноводныя	1,500.
	Рыбы	8,000.
II. Кольчатыя животныя.	Насѣкомыя	550,000.
	Черви, и проч.	2,500.
III. Мягкотѣлыя животныя.	Лучистыя	1,000.
	Полипы, кораллы	1,500.
	Улитки	600.
	Черепокожныя	4,500.
		577,600.

Если прибавить къ этому:

IV. Микроскопическія животныя	100,000.
V. Растенія	60,000.

общій вѣроятный итогъ разныхъ формъ органической жизни будетъ простираться до 840,000 породъ. Но нѣкоторые натуралисты полагаютъ до милліона породъ однѣхъ насѣкомыхъ, которыя здѣсь выставлены только въ числѣ пяти сотъ пятидесяти тысячъ *.

* Reich's Beitrag zur Lehre von der geographischen Verbreitung der Insecten.

Digitized by Google

Вычисленіе породъ, извѣстныхъ наукѣ, можетъ-быть преувеличено въ круглыхъ числахъ доктора Свенсона, хотя терпѣливыя изысканія путешественниковъ и естествоиспытателей каждый день умножаютъ наши списки вновь открытыми существами. Г. Кеферштейнъ считалъ, въ 1834 году*, всѣхъ извѣстныхъ породъ, – нынѣ живущихъ на земномъ шарѣ, со включеніемъ растительнаго царства, 46,759,– ископаемыхъ 9,629,–всего 56,388. Это число, конечно, ниже настоящаго: многія ископаемыя породы, при тщательнѣйшемъ изслѣдованіи, конечно, будутъ признаны за тождественныя съ нынѣшними, однако нѣкоторые итоги Нѣмецкаго натуралиста, кажется, слишкомъ обрѣзаны аккуратностью, и оттого общая сумма выходитъ у него неполною. Такъ напримѣръ онъ показываетъ не болѣе четырехъ тысячъ всѣхъ вообще мягкотѣлыхъ животныхъ, нынѣ существующихъ на землѣ, тогда какъ мы читаемъ въ донесеніи Комитета Британскаго Музеума, что однѣхъ черепокожныхъ извѣстно болѣе девяти тысячъ**.

Какъ бы ни было, мы уже имѣемъ передъ глазами до шестидесяти тысячъ изслѣдованныхъ породъ, животныхъ и растительныхъ, и эта огромная сумма вѣроятно составляетъ только десятую, быть-можетъ пятнадцатую часть того, что существуетъ на землѣ. Очевидно, что познаніе такой массы органическихъ существъ, можетъ быть достигнуто только методическимъ раздѣленіемъ ея на порядки и разряды, по отличительнымъ признакамъ и особенностямъ каждой формы бытія. Величайшая точность и проницательность необходимы для того чтобы, отдѣливъ данное существо отъ толпы созданія, въ которой оно замѣшано, отыскать по этимъ признакамъ его классъ, породу, видъ, оттѣнокъ вида, и найти приличное ему названіе. Естественная Исторія имѣетъ свой особенный языкъ, извѣстный подъ варварскимъ именемъ «терминологіи», который требуетъ большой разборчивости въ употребленіи. Эта необходимость слѣдовать безпрерывно строгой методѣ и повѣрять на каждомъ шагу свои наблюде-

* Die Naturgeschichte des Erdkörpers in ihren ersten Grundzügen dargestellt.

** Report of Select Committee on the British Museum. August, 1835.

Digitized by Google

нія съ правилами науки, чтобы проложить себѣ вѣрный путь сквозь хаосъ обманчивыхъ сходствъ и разнородныхъ явленій, превосходно образуетъ умственныя силы и придаетъ ихъ дѣйствіямъ необыкновенную правильность, которая можетъ быть примѣнена съ выгодою ко всякому другому занятію. «Привычка классифицировать безчисленное множество идей, невольно пріобрѣтаемая при изученіи Естественной Исторіи, говоритъ Кювіе, есть одно изъ важныхъ преимуществъ, которыя представляетъ эта наука: его долго не замѣчали, а оно можетъ сдѣлаться первѣйшимъ изъ всѣхъ въ составѣ обыкновеннаго воспитанія. Умъ находитъ здѣсь постоянное упражненіе въ искусствѣ раздѣлять все по ясной, логической методѣ, точно такъ же какъ въ Геометріи онъ пріучается къ тому, что называется силлогизмомъ; ибо Естественная Исторія есть наука, требующая строжайшей методы, а Геометрія — наука, требующая строжайшаго доказательства. Эта метода, однажды пріобрѣтенная, бываетъ чрезвычайно полезна и въ другихъ занятіяхъ, даже вовсе не сходныхъ съ Естественною Исторіею. Разборъ каждаго предмета требуетъ распредѣленія фактовъ: всякое изысканіе, которое сопряжено съ предварительнымъ обзоромъ матеріаловъ, совершается по тому же закону, и молодой человѣкъ, посвятившій нѣсколько времени этой наукѣ только для забавы, самъ удивляется потомъ той легкости, какую она даетъ при разборѣ дѣлъ самыхъ запутанныхъ.»

Но кромѣ методы, изученіе Естественной Исторіи представляетъ еще множество другихъ выгодъ. «Оно, говоритъ далѣе Кювіе, не менѣе полезно и въ уединеніи. Довольно обширная, чтобы наполнить собою умъ самый необъятный; довольно разнообразная и занимательная, чтобы развлечь мысль самую тревожную, эта наука доставляетъ утѣшеніе несчастному, изглаживаетъ изъ сердца вражду и ненависть. Однажды возвысившись до созерцанія гармоніи природы, могущественно управляемой Провидѣніемъ, вы видите всю слабость, всю ничтожность воли человѣка, которая думала своими средствами имѣть вліяніе на судьбу вашу. Признаюсь, что эти уваженія всегда имѣли для меня большую силу; и если я старался подвинуть преподаваніе этой мирной науки, такъ это потому что она, какъ мнѣ кажется, болѣе всѣхъ

Digitized by Google

другихъ способна удовлетворить ту безпокойную жажду дѣятельности, которая произвела столько несчастій въ послѣдніе полвѣка.»

Всѣ классы, возрасты, полы, могутъ пользоваться выгодами этой науки и заниматься ею въ такой степени, какая кому подъ силу: она равно годится быть предметомъ занятія и средствомъ къ пріятному развлеченію; какъ забава, это самая невинная, самая поучительная забава, какую только образованный человѣкъ можетъ пріискать себѣ на свѣтѣ. Портретъ натуралиста и природы, который написалъ докторъ Вирѐ, въ состояніи обратить въ вѣру Естественной Исторіи и самого недовѣрчиваго.

«Натуралистъ есть человѣкъ созерцающій и тихій, который старается открывать и прославлять въ душѣ законы природы и ея Виновника. Возвышаясь выспренними мыслями до Первой Причины всего, онъ благоговѣетъ передъ мощною рукою, которая населила свѣтъ, вывела изъ земли пшеничный колосъ и гроздь винограда, создала всѣ живыя породы и утвердила законы ихъ воспроизводительности, сохраненія и истребленія. Онъ слѣдитъ по всей землѣ соотношенія и гармонію существъ, порядокъ ихъ цѣпи, ихъ отличительныя способности, ихъ дивныя свойства и чудесное устройство; разыскиваетъ ихъ пользу въ отношеніи къ нуждамъ и недугамъ человѣка, для украшенія его быта, для доставленія ему пищи, одежды и житейскихъ удобствъ. Безъ Естественной Исторіи, не было бы ни домашняго, ни сельскаго хозяйства, и ничего полезнаго въ мірѣ; поля представляли бы намъ только безплодное и пустое великолѣпіе; видъ свѣта скоро бы сдѣлался прискорбнымъ, если бъ не привлекалъ насъ къ себѣ своими пользами для нашего рода: онъ только льстилъ бы нашему зрѣнію, не наполняя души пріятнымъ и сладкимъ удовольствіемъ. Самая торговля не существовала бы безъ произведеній природы, — торговля, которая питаетъ толпы бѣдняковъ и, водворяя роскошь, заставляетъ богача дѣлиться съ голодными избыткомъ своего хлѣба. Природа содержитъ родъ человѣческій; ея грудь есть первая, которую мы сосемъ; и если бъ мы глубоко и вполнѣ изучили законы ея плодородности, ея благодѣтельныя намѣренія, ея мудрость, любезность и просто-

Digitized by Google

ту, мы бы жили довольными и добродѣтельными въ обилiи и безопасности.»

Безполезно входить здѣсь въ разборъ разныхъ системъ природы, предложенныхъ естествоиспытателями: довольно будетъ замѣтить, что весьма несправедливо утверждаютъ нѣкоторые, будто всѣ породы разобщены между собою, будто каждая существуетъ только для себя, и ни одна не имѣетъ связи съ другой какой-либо въ цѣлой природѣ. Это смѣшно сказать, да и несогласно съ ежедневнымъ наблюденіемъ. Подобный порядокъ вещей былъ бы самъ по себѣ нелѣпый, и притомъ пагубный въ своихъ слѣдствіяхъ; онъ бы разбилъ стройное единство природы въ милліонъ отдѣльныхъ кусковъ безъ связи и значенія, и въ нѣсколько дней уничтожилъ бы весь органическій міръ. Если породы созданы независимыми, то ужъ ближе было природѣ создать всѣ лица независимыми; и нѣтъ сомнѣнія, что у ней достало бы на это силы, при небольшомъ желаніи составить свѣтъ изъ отрывковъ. Кажущееся разобщеніе породъ и отдѣльныхъ лицъ въ животномъ царствѣ исчезаетъ само собою передъ примѣрами племенъ стадныхъ, и еще болѣе — племенъ общественныхъ, особенно такихъ, которыя покоряютъ своей власти другія. Ничто въ мірѣ не пользуется такою независимостью, чтобы могло обойтись безъ чужой помощи; и хотя таинственные узы, которые связываютъ все въ одно цѣлое, не вездѣ ощутительны для нашихъ чувствъ, однако мы видимъ и ощущаемъ такое ихъ множество, что должны по необходимости заключить о существованіи остальнаго. И узы эти — не одинокія; они всегда многосложны и, вообще, гораздо менѣе примѣтны между двумя очень близкими организаціями чѣмъ между самыми противоположными. Безразсудно было бы думать, что такое разнообразіе формъ допущено природою изъ одного только удовольствія разнообразить. Мы еще не достигли, и вѣроятно никогда не достигнемъ, до знанія сокровеннаго равновѣсія инстинктовъ и постепенныхъ видоизмѣненій отправленія, которое ихъ производитъ, но нельзя не видѣть, что они уравновѣшены въ цѣлой природѣ, что на этомъ основано сохраненіе и неприкосновенность породъ, что инстинкты дѣйствительно составляютъ между собою правильную систему,

Digitized by Google

начиная отъ самого грубаго, который заставляетъ щуку глотать маленькихъ окуней, до самаго выспренняго, который на цѣлой землѣ, говоритъ человѣку — Смирись и благоговѣй, потому что надъ тобою еще есть Богъ. Этотъ послѣдній инстинктъ тоже — отнюдь не произвольный; онъ выражаетъ для человѣка точно такую же первую потребность жизни, какъ и та, которая относится къ пищѣ. Суевѣріе дикаря есть только грубый способъ удовлетворенія этому непреоборимому инстинкту, какъ пожираніе сыраго, кроваваго, мяса — грубый способъ удовлетворенія его голода. Отсюда, изслѣдованіе животныхъ инстинктовъ есть самая важная и, надо сказать, самая плѣнительная часть Естественной Исторіи: оно придаетъ особенную заманчивость изученію разнообразной организаціи существъ, ихъ устройства, физіологіи нравовъ и хозяйства, ихъ взаимныхъ отношеній и вліяній, и, наконецъ, ихъ конечной причины, въ которой заключены и судьбы самого человѣка.

Digitized by Google

АНГЛІЯ ВЪ 1835 ГОДУ.

СОЧИНЕНІЕ Г. РАУМЕРА.

Въ наше время политическаго раздраженія, когда каждый писатель разсуждаетъ о самыхъ незначительныхъ обстоятельствахъ и событіяхъ въ духѣ и по понятіямъ какой-нибудь партіи, Великобританія составляетъ обыкновенно предметъ или самыхъ мрачныхъ картинъ или неумѣренной хвалы. Ея учрежденія, подъ однимъ перомъ, являютъ образецъ совершенства, подъ другимъ видъ разрушенія и упадка. У иныхъ сочинителей зависть при взглядѣ на ея богатство дѣлаетъ то, что, не только ея политическое состояніе, даже ея общество, вовсе не понятое, превращается подъ ихъ живописною кистью въ самыя уродливыя карикатуры. И надо замѣтить, что какъ немногіе принимаютъ на себя трудъ судить о странѣ по собственнымъ наблюденіямъ, то большая часть этихъ преувеличеній бываетъ обыкновенно взята изъ книгъ самихъ же Англичанъ, которые, также принадлежа къ одной или другой партіи, стараются всегда изображать свое отечество или плавающимъ въ верховномъ блаженствѣ или занесеннымъ бурею безпорядка на скалы неминуемой гибели. Приверженцы школы «движенія» во Франціи и послѣдователи «юной Германіи» смотрятъ теперь на Англію съ особенною враждою; и, на ихъ глаза, все въ этой землѣ покрыто мрачною тучей, готовой разразиться всеобщимъ переворотомъ. Съ другой стороны Англія испытываетъ постоянную ненависть именно отъ тѣхъ классовъ и партій во Франціи, которымъ доставило власть паденіе Наполеона. Къ нимъ надобно прибавить еще ревностныхъ католиковъ, всегда склонныхъ смотрѣть съ невыгодной стороны на земли, зараженныя ересью, и еще Нѣмецкихъ газетчиковъ, которые, кто изъ лишняго либерализма, кто изъ неловкаго угожденія

Digitized by Google

политикѣ своего правительства, сдѣлали изъ своихъ сѣрыхъ и грязныхъ листковъ треножникъ Пиѳіи для провозглашенія каждое утро, съ неподражаемымъ шарлатанствомъ, самыхъ безсмысленныхъ предсказаній.

«Не думаю», говоритъ Г. Раумеръ, Пруссакъ, и преданный своему правительству, «чтобы гдѣ-нибудь можно было найти болѣе вредящій о близкой тебѣ Англіи какъ въ Берлинѣ. Wochenblatt-, Спикеровъ Correspondent, и въ особенности «Пруссакъ», весьма искусный и смѣлый наблюдатель, всѣ соглашаются въ томъ, что Великобританія уже лежитъ на смертномъ одрѣ, умираетъ, умретъ непремѣнно, и не мало-по-малу, а разомъ, внезапно, именно отъ десяти различныхъ безпорядковъ, — реформы и революціи, налоговъ и долговъ, бѣдности и невѣжества, упадка земледѣлія и упадка мануфактуръ, пьянства и разврата, и прочаго тому подобнаго. Жалкія краски, черное на черномъ, сѣрое на сѣромъ, перехитренное подражаніе Рембрандту въ Риторикѣ!

«Не судите, говоритъ онъ въ другомъ письмѣ, о положеніи міра исключительно по видамъ дипломатовъ; всѣ они крѣпко привязаны только къ извѣстнымъ вещамъ, и питаютъ отвращеніе отъ прочихъ; а то, что они затвердили себѣ сто разъ, дѣлается у нихъ наконецъ неопровержимою истиною. Само званіе удаляетъ ихъ отъ знакомства съ нѣкоторыми классами и занятіями; рѣдко слышатъ они мнѣніе, высказанное откровенно. Жизнь, въ необъятномъ своемъ разнообразіи, имѣетъ множество свѣтлыхъ точекъ и темныхъ угловъ: гладкая мраморная дорога дипломатовъ ведетъ ихъ только къ блестящему. Для дипломатовъ твердой земли особенно трудно понять страну, столь отличную отъ другихъ, какова Британія; если, притомъ, они побывали въ Парижѣ, то всему конецъ, — все Англійское кажется имъ въ туманѣ, и самыя ясныя формы, самыя рѣзкія черты, будутъ для нихъ мутны въ Французскихъ очкахъ. Нѣсколько дней тому, одинъ *знаменитый* дипломатъ сказывалъ мнѣ, что Англійскій король произведетъ отъ пятидесяти до ста новыхъ перовъ, для того чтобы Ирландскій церковный билль принятъ былъ въ Верхней Палатѣ. Я, не будучи ни знаменитъ ни дипломатъ, сказалъ ему, что король для этого не сдѣлаетъ ни одного новаго пэра. — Ну, такъ билль упадетъ, и О'Коннелль начнетъ меж-

Digitized by Google

доусобія. — Я отвѣчалъ, что не будетъ и междоусобій, но что католики настоятъ на отмѣненіи десятины, а протестантская Церковь въ Ирландіи, за которую теперь такъ жарко сражаются, понесетъ всю потерю. — Во всякомъ случаѣ, возразилъ тотъ, протестантская Церковь погибнетъ, будетъ ли билль принятъ или нѣтъ, а съ падеміемъ Церкви неминуемо падетъ и сама Англія. — Я на это замѣтилъ, что, какъ бы событія ни колебались, передача въ свѣтское владѣніе доходовъ протестантской Церкви не будетъ имѣть мѣста. Но вообще всѣ измѣненія въ Церкви ведутъ не къ ея разрушенію и гибели, а къ усовершенствованію ея устарѣвшихъ установленій. Притомъ же, не вся Британская имперія имѣетъ одну и туже Церковь: въ Ирландіи Церковь католическая, въ Аглія епископольная, въ Шотландіи пресвитеріянская: все это живыя учрежденія, и всѣ будутъ продолжать жить, совершенствуясь годъ отъ году, по мѣрѣ того какъ камни раздоровъ и нетерпимости, которыми онѣ теперь кидаютъ одна въ другую, будутъ болѣе и болѣе убираемы съ дороги; каждая Церковь узнаетъ наконецъ, что истинное ея благоденствіе должно быть основано на всеобщей любви, великомъ фундаментѣ нашей вѣры.»

Когда такъ мало знаютъ Англію тѣ, которые по званію должны изучать иностранныя государства, что жъ сказать о записныхъ системодѣльцахъ, помѣшанныхъ обыкновенно на одной идеѣ и по ней перестроивающихъ вселенную? Проповѣдникъ равенства не можетъ постигнуть варварства народа, котораго политическая жизнь и обычаи на каждомъ шагу свидѣтельствуютъ о перевѣсѣ сильной и богатой олигархіи, и съ презрѣніемъ отвращаетъ взоры отъ государства, гдѣ законъ и нравы освящаютъ участіе наслѣдственной аристократіи въ правленіи, между-тѣмъ какъ остальной свѣтъ просвѣтился уже долгого, что жидъ ростовщикъ держитъ въ своихъ рукахъ судьбы Аррагоніи и Кастиліи, а профессоры и адвокаты свободно угнетаютъ старинныхъ вельможъ во Франціи. Ученики Вольтера смотрятъ съ соболѣзнованіемъ на твердость этого народа въ христіанствѣ и на множество мелкихъ его сектъ; набожные Американцы сердятся напротивъ, что у него есть господствующая Церковь. Англія служитъ и въ эту минуту, какъ служила въ теченіе послѣднихъ ста

Digitized by Google

пятидесяти лѣтъ, убѣжищемъ эмигрантовъ всѣхъ возможныхъ покроевъ. Спросите у нихъ, что они думаютъ о современномъ положеніи этого государства, и вы не найдете между ними двухъ человѣкъ, которые бы дали одинаковый отвѣтъ. Многіе, возвратясь на твердую землю, издали цѣлые томы объ Англіи; и по прочтеніи этихъ книгъ, вы опять принуждены повторить вопросъ — что жъ такое Англія?

Отъ этихъ пристрастныхъ и противорѣчащихъ воззрѣній, — потому что они всегда односторонни, — пріятно перейти къ свѣтлымъ сужденіямъ такого писателя какъ Г. Раумеръ. Знаменитый историкъ посѣтилъ Англію въ первый разъ въ прошломъ году, и до того времени не имѣлъ случая узнать практически ни Англійское общество ни его нравы. Но, какъ историкъ, онъ изучалъ это общество и эти нравы въ старыхъ книгахъ, прежде чѣмъ ознакомился съ ними на-мѣстѣ. Оттого съ первой минуты своего прибытія, онъ вдругъ понялъ эту многосложную машину въ самыхъ мелкихъ ея подробностяхъ, частныхъ и политическихъ, которыя такъ непостижимы для другихъ. Онъ обозрѣвалъ Англію не какъ иноземецъ, но болѣе какъ человѣкъ, который вновь посѣщаетъ знакомую страну послѣ долгаго отсутствія.

Въ отдѣленіи «Смѣси» послѣдней книжки Б. для Ч. мы сообщили нѣсколько выписокъ о первомъ вступленіи Г Раумера въ Англійское общество, но политическія партіи и вообще политическое состояніе Англіи занимаютъ главное мѣсто въ его книгѣ. Онъ прибылъ туда во время перелома Пилева министерства, и посвящаетъ его характеру и судьбамъ бо́льшую часть первыхъ своихъ писемъ. Извѣстно, что это министерство составилось съ цѣлію воспрепятствовать предполагаемому употребленію части огромныхъ доходовъ Протестантской Церкви въ Ирландіи на предметъ народнаго просвѣщенія. Напитанный историческими примѣрами и привыкшій смотрѣть на участіе свѣтской власти въ распоряженіи церковными доходами, какъ на неотъемлемое и естественное право законодателя, которое приводится въ дѣйствіе почти въ каждомъ Европейскомъ государствѣ, онъ не можетъ понять упрямства Пиля и его партіи въ дѣлѣ, по его мнѣнію, самомъ ясномъ изъ всѣхъ политическихъ вопросовъ. Еще болѣе непонятнымъ кажется ему, столь знакомому съ

Digitized by Google

исторіею трехъ послѣднихъ столѣтій и нынѣшними отношеніями Германскаго Союза, этотъ отчаянный фанатизмъ, который въ Англіи дѣлаетъ источникомъ общественной вражды всякое различіе религіозныхъ мнѣній.

«Старая партія торіевъ, говоритъ онъ, — новой еще нельзя опредѣлить съ точностію, — не только почитаетъ всѣ церковныя имѣнія безусловною, частною собственностію духовенства, но даже подраздѣленія этихъ имѣній, какъ напримѣръ знаменитые доходы епископа Деремскаго, признаетъ неотъемлемою принадлежностію его и его преемниковъ. Виги, съ другой стороны, утверждаютъ, что весьма позволительно брать отъ слишкомъ богатаго служителя Церкви, долгого чтобы прибавить слишкомъ бѣдному. Тори говорятъ, что Церковь и училища — вещи такъ совершенно различныя между собою, что излишекъ церковныхъ доходовъ никакъ не можетъ быть употребленъ на потребности народнаго воспитанія, между-тѣмъ какъ виги доказываютъ, напротивъ, что Церковь и просвѣщеніе составляютъ одно великое и нераздѣльное цѣлое. Тори полагаютъ несправедливымъ, даже преступнымъ, употребленіе доходовъ Церкви или государства на Церковь католическую; но виги не забыли еще, что доходы ихъ Церкви происходятъ первоначально изъ католическихъ источниковъ. Положеніе Пиля между такихъ двухъ образовъ мыслей очень неловко, но онъ самъ виноватъ этому. Человѣкъ съ умомъ и талантомъ, — и не умѣетъ побѣдить предразсудковъ перваго своего воспитанія! Старыя вражды двухъ вѣроисповѣданій должны быть теперь забыты. Конфискація, ссылки и насильственныя обращенія были нѣкогда тремя великими средствами, которыя употреблялись для достиженія въ Англіи религіознаго единства. Кто теперь въ состояніи предложить которое-нибудь изъ нихъ? И что пользы въ маскѣ, которою тори хотятъ скрыть эгоизмъ и нетерпимость? Успѣхъ Вилліама III, столь благопріятный для Англіи и для цѣлой Европы, именно этотъ успѣхъ заковалъ въ цѣпи Ирландію, консервативную, преданную торіямъ Ирландію. Цѣлое столѣтіе продолжались гоненія; Англія медленно и противъ воли уступала голосу природы и справедливости; и каждый обратный шагъ на этомъ пути она знаменовала обидными и вред-

Digitized by Google

ными мѣрами, которыя наконецъ повергли въ опасность протестантскія Церковь, религію и власть въ Ирландіи. И тори на каждомъ шагу твердили, что она уступаетъ слишкомъ много! Слишкомъ много? Чѣмъ же, послѣ этого, можно объяснить существованіе такого человѣка какъ О'Коннель? Кто далъ возможность О'Коннелю занять такое мѣсто въ обществѣ и производить такое сильное вліяніе? Демагогъ такого размѣра, — демагогъ, какихъ немного представляетъ Исторія! При самомъ могущественномъ правительствѣ въ мірѣ, частный человѣкъ дѣлается главою, надеждою и законодателемъ трехъ королевствъ; бѣднякъ и голодный даютъ своему заступнику плату, которой не въ состояніи дать Англійскій король своимъ министрамъ: все это, говорятъ, только слѣдствіе революціоннаго духа времени! Будто это отвѣтъ! Обращайтесь съ Ирландскими католиками какъ обращаются съ католиками въ Пруссіи, и революціонный жаръ О'Коннелля, неугасимый, какъ вы говорите, потухнетъ ту же минуту; вмѣсто пламени, вы увидите одну золу, и неугомонный ораторъ возвратится къ спокойствію и миру.

«Еслибъ виги и тори согласились насчетъ умной и справедливой политики въ отношеніи къ католикамъ, скоро насталъ бы конецъ всѣмъ этимъ спорамъ, обидамъ, возмущеніямъ, грабежамъ. Но если не поступятъ такимъ образомъ, ни одно министерство не удержится, кто бы ни былъ его главою.

«Странное дѣло! Такъ называемая «частная собственность» Вестъ-Индскихъ владѣльцевъ негровъ была уничтожена; употребили десятка два милліоновъ для того, чтобы вознаградить владѣльцевъ и дать свободу нѣсколькимъ стамъ тысячъ араповъ. И въ то же время не только не хотятъ отложить части доходовъ Церкви или государства на нравственное и религіозное образованіе пяти или шести милліоновъ Ирландцевъ, да еще называютъ это дѣломъ святотатственнымъ и революціоннымъ!!.....

«Англія не имѣетъ мелкихъ политическихъ тирановъ какъ Франція, и въ ней нѣтъ десяти-копѣечныхъ шпіоновъ какъ въ Германіи; зато она изобилуетъ религіозными фанатиками. Съ тѣмъ же безчувственнымъ, безсловѣчнымъ, нехристіан-

Digitized by Google

скимъ изувѣрствомъ, съ которымъ прежде сражались противъ Римско-католической Церкви, теперь они нападаютъ на господствующую Англійскую, и хотятъ ввести наместо ея Церковь свободную, voluntary Church, стараются, не исправить то, что недостаточно и несовершенно, а разрушить все зданіе. Какъ будто раздробленіе можетъ возвратить Церкви и государству прочность и единство? Какая нелѣпость! Ни Церковь, ни государство, не зависятъ въ своихъ успѣхахъ отъ простыхъ умозрѣній. Англійскіе защитники «свободной системы церкви» и Французскіе панегиристы «всеобщей воли», обработываютъ одно и то же безплодное и неплодотворное поле. Едва простая травка произрастетъ на немъ при всѣхъ ихъ усиліяхъ; наступаетъ дневной жаръ, и скороспѣлка, которая такъ удивила сѣятеля, тотчасъ гибнетъ и исчезаетъ. И каждый день производитъ тотъ же опытъ, быстрый успѣхъ и скорую гибель. Религіозные раскольники и политическіе богословы имѣютъ особенное отвращеніе отъ науки богословія. Милость Божія даровала каждому смертному чувство справедливости, истины, религіи, самосохраненія. Но, когда знаніе справедливости исчезаетъ, крамольники торжествуютъ; когда исчезаетъ философія, невѣжество занимаетъ ея мѣсто; удаляется истинное богословіе, — безвѣріе и предразсудки замѣняютъ его; и, когда забываютъ врачеваніе тѣла и истинную политику государствъ, наступаетъ періодъ судорогъ и шарлатановъ. Учители и ученики, пастыри и паства, обработанное знаніе и безотчетное чувство, не противоположны, но принадлежатъ одинъ другому. Кто избѣгаетъ одной половины, или хочетъ возвысить свою половину въ достоинство цѣлаго, тотъ живетъ въ опасномъ недоразумѣніи.»

Политика часто приводитъ Г. Раумера и къ предметамъ, не касающимся до Англіи; и въ одномъ изъ этихъ уклоненій онъ разсуждаетъ о Россіи. Г. Раумеръ не большой любитель вліяній Русскихъ и Французскихъ на Германію, и вообще на Европу: при такомъ расположеніи духа нашего историка, и при извѣстной независимости его мнѣній, слѣдующая выписка конечно доставитъ нашимъ читателямъ еще болѣе удовольствія.

Digitized by Google

«Русскіе, говоритъ онъ, въ настоящее время счастливѣе многихъ Европейскихъ народовъ, — они имѣютъ конституцію сообразную съ ихъ потребностями. Конституцію? скажете вы. Да, милостивые государи! Лучшую изъ всѣхъ конституцій! У нихъ, правда, нѣтъ Палатъ, ни избирателей, ни правой, ни лѣвой стороны, но у нихъ есть то, что̀ такъ же необходимо въ наукѣ Политики какъ въ Математикѣ, — есть *одинъ* центръ, и этотъ центръ есть нынѣшній ихъ Государь. Законодательное сословіе, всеобщій кодексъ, одна Церковь для всей имперіи и всѣхъ ея народовъ, — эти и подобныя учрежденія были бы для ней совершенно безполезны, даже гибельны. Формы другихъ, болѣе старыхъ государствъ никакъ не могутъ примѣниться къ этому исполинскому составу такого множества народовъ, религій, степеней образованности; оно требуетъ одного мужа *для* управленія цѣлымъ, и этотъ мужъ есть нынѣшній Русскій Императоръ, мужъ въ полномъ смыслѣ слова, и тѣломъ и духомъ. Множество истинно царскихъ достоинствъ соединились въ его особѣ, — величественная, и въ то же время привлекательная наружность, необыкновенная сила воли, непреклонная твердость духа. Все это сохранило ему корону въ минуты многихъ опасностей, и самое то обстоятельство, что онъ всегда съ торжествомъ можетъ выходить изъ опасностей, ужѐ дѣлаетъ его достойнѣйшимъ носить корону. И окончательный судъ Исторіи никогда не пройдетъ его молчаніемъ, его, который въ продолженіи цѣлой своей жизни считалъ священными права независимыхъ націй и предпочиталъ ихъ дружбу завоеванію! Нѣтъ сомнѣнія, что благоденствіе страны всегда болѣе или менѣе зависитъ отъ долговѣчности такого самодержца; но, въ моихъ глазахъ, конституція Императора Николая отличается столь высокимъ характеромъ, что я немедля готовъ держать пари за ея прочность и вѣрность скорѣе чѣмъ за прочность многихъ конституцій на бумагѣ.»

Когда дѣло идетъ объ Англіи, то уже напередъ есть восемь или девять данныхъ точекъ, на которыя всегда устремлены любопытство и вниманіе образованнаго міра, и о которыхъ должно непремѣнно сказать свое мнѣніе. Это — ея могущество и богатство, ея промышленость и торговля, ея

Digitized by Google

долгъ и литература, ея флотъ и земледѣліе. Вопросъ о финансахъ и государственномъ долгѣ Англіи — вопросъ слишкомъ Европейскій и важный для политической науки, чтобы пропустить сужденія объ нихъ столь возвышеннаго ума какова Г. Раумеръ.

Бросивъ общій взглядъ на исторію государственныхъ доходовъ и народнаго долга, Г. Раумеръ переходитъ къ тому, что́ сдѣлано въ Англіи для погашенія капитала и процентовъ, и къ налогамъ со времени послѣдняго мира. «Если это страшилище, говоритъ онъ, народный долгъ, и потеряло весь свой ужасъ при ближайшемъ разсмотрѣніи, другая сторона этой Янусовой головы, увеличеніе налоговъ для уплаты процентовъ, многимъ кажется еще болѣе гибельною. Но то, что́ толкуютъ и пророчатъ теперь на этотъ счетъ, далеко не можетъ сравняться съ криками Давенана, которымъ теперь уже сто лѣтъ. Подобно ему, многіе политическіе экономисты, смотря только на голыя числа, увѣряютъ, что Англія обременена налогами вдесятеро бо́льшими, напримѣръ, чѣмъ въ Польшѣ, гдѣ обложенный податью платитъ сумму въ десять разъ меньшую нежели Англичанинъ. Но Англичанинъ, не смотря на эти десятеричные налоги, ѣстъ, пьетъ, живетъ и одѣвается вдесятеро лучше чѣмъ Полякъ.

Мы пропускаемъ разсужденія Г. Раумера о разныхъ предметахъ Англійскихъ налоговъ. Въ заключеніе этихъ мыслей, авторъ представляетъ факты о состояніи общественнаго дохода, которые сообщилъ ему Г. Спрингъ-Райсъ, канцлеръ казначейства, и которые ясно показываютъ, что финансовое положеніе Великобританіи далеко не такъ отчаянно, какъ полагаютъ иностранцы и домашніе крикуны. Полный доходъ государства теперь превосходитъ только пятью или шестью милліонами сумму податей, сложенныхъ со времени мира. Послѣ разныхъ подробностей, взятыхъ изъ офиціальныхъ документовъ, Г. Раумеръ продолжаетъ:

«Что́ жъ это доказываетъ, какъ не то, что роскошь вездѣ увеличивается? Но Исторія удостовѣряетъ, говорятъ многіе, что народъ всегда упадаетъ и приближается къ гибели, по мѣрѣ усиленія своей роскоши. Я отвѣчу этимъ господамъ, что, во-первыхъ, это справедливо, только отнюдь не въ об-

Digitized by Google

щемъ смыслѣ: ровно столько же народы упадаютъ отъ уменьшенія своего довольства; и еще надо прибавить, что народъ, не знающій ни какихъ удовольствій роскоши, находится на одной изъ самыхъ низкихъ ступеней животной жизни. Вопроса такой важности нельзя разрѣшить общими мѣстами; множество изслѣдованій и розысканій необходимы для того чтобы хоть немного приблизиться къ истинѣ. Я предложу нѣсколько замѣчаній.

«Во-первыхъ, въ тѣ эпохи, въ которыя роскошь можно считать признакомъ и слѣдствіемъ упадка, всегда уменьшалось народонаселеніе; число людей, пользовавшихся достаткомъ, ограничивалось немногими богатыми особами, а бѣдные классы и рабы болѣе и болѣе чувствовали наступающія несчастія. Въ Великобританіи, напротивъ, народонаселеніе увеличивается, число людей, пользующихся довольствомъ, и роскошь, увеличиваются въ той же пропорціи. Никто не можетъ сказать, чтобы масса народа въ эту минуту была несчастнѣе чѣмъ двадцать лѣтъ тому назадъ, и чтобы уменьшеніе многихъ налоговъ не было для нея благодѣтельно. Англія въ послѣдніе двадцать лѣтъ утроила и учетверила произведенія своей земли и привозы заграничныхъ продуктовъ, тогда какъ ея населеніе умножилось только пятою частью. Никто не повѣритъ, чтобы одни лорды потребляли все это приращеніе съѣстныхъ припасовъ и хлѣба, выпивали весь этотъ излишекъ чаю, кофе и прочаго.

«Во-вторыхъ, спрашиваю, къ чему ведутъ всѣ эти безразсудные толки объ «убійственномъ» распространеніи роскоши? Развѣ не всѣ одинаково наслаждаются ею? Шерсть, хлопчатая бумага, сало и кирпичъ, развѣ все это потребность однихъ богачей? Усилившееся потребленіе доказываетъ прежде всего умноженіе дѣятельности работъ, а всякій трудъ ожидаетъ и стоитъ награжденія, которое, слѣдовательно, ни сколько не убійственно. Всякій хочетъ жить въ домахъ, построенныхъ изъ кирпича, превратить шерсть и бумагу въ одежду, колосья въ хлѣбъ, солодъ въ пиво, и такъ далѣе. Кто не считаетъ плодовъ человѣческаго труда плодами, кто отнимаетъ у промышленности ея награду, и слѣдственно всю ея привлекательность, и называетъ всякое довольство неестественнымъ, для того, конечно, лѣность, безчувственность и

Digitized by Google

нерадѣніе должны казаться высшими цѣлями существованія человѣческаго. »

«У каждаго народа есть свой собственный образъ тѣлесной и умственной дѣятельности, тѣлеснаго и умственнаго наслажденія. Если бъ мнѣ пришлось упрекать Англичанъ, я бы обвинилъ ихъ не въ излишнемъ пристрастіи къ роскоши, которое обуреваетъ столицу, но скорѣе въ той неутомимой дѣятельности, которая, подобно часовому маятнику, никогда не останавливается, и потому доставляетъ возможность только обладать множествомъ удовольствій, а не дѣйствительно наслаждаться ими. Между-тѣмъ, это самое обстоятельство несказанно увеличиваетъ могущество и капиталы, и слѣдственно имѣетъ ту выгоду, что, хотя бы будущее время потребовало большихъ военныхъ усилій или народъ пріобрѣлъ болѣе любви къ покойному наслажденію, всегда останется много источниковъ благосостоянія на длинный рядъ годовъ. »

Г. Раумеръ разсматриваетъ подробно, и съ большимъ умомъ, земледѣльческое состояніе Англіи, послѣдній законъ о мореплаваніи, выгоды торговли съ Пруссіей, и постановленія обоихъ государствъ, изданныя по случаю коммерческихъ недоразумѣній. Мы не войдемъ въ эти вопросы, которые болѣе занимательны *для* Германіи чѣмъ *для* нашихъ читателей, и охотнѣе приведемъ замѣчанія Г. Раумера о мануфактурномъ положеніи страны.

«Когда вы слышите въ Англіи, съ одной стороны, что торговля и фабрики разорились отъ предпочтительнаго покровительства земледѣлію, а съ другой, что земледѣліе есть самое жалкое ремесло, потому что торговля и мануфактуры поощряются выше всякой мѣры, эти противорѣчащія жалобы такъ противодѣйствуютъ другъ другу, или по-крайней-мѣрѣ уравновѣшиваютъ одна другую, что нѣтъ возможности вывести изъ нихъ яснаго заключенія, не разсмотрѣвши нѣкоторыхъ подробностей дѣла. Но разсмотрѣніе покажетъ, что довольство и благосостояніе господствуютъ у обѣихъ спорящихъ сторонъ, а неуспѣхи составляютъ только изъятіе; и что зло очень рѣдко находится тамъ, гдѣ на него жалуются. Изъ множества случаевъ, я приведу одинъ. Нѣтъ предмета, который бы, относительно, возбуждалъ большія пренія въ

Digitized by Google

парламентѣ, какъ перчатки. Утверждали, что съ позволеніемъ ввоза Французскихъ перчатокъ разорится множество народу. Что жъ вышло изъ преній? Прежде всего то, что многіе носятъ теперь полотняныя и шерстяныя перчатки, которыя прежде не были въ употребленіи; во-вторыхъ, то что теперь выдѣлываютъ въ Англіи болѣе пятнадцати милліоновъ паръ Французскихъ перчатокъ, а изъ Франціи привозятъ ихъ не болѣе милліона паръ; въ-третьихъ, что привозъ и потребленіе кожъ для перчатокъ весьма увеличились въ послѣдніе годы; въ-четвертыхъ, что пошлина въ двадцать два процента была весьма достаточна для поощренія Англійскихъ перчаточниковъ, которые, при своемъ искусствѣ и вкусѣ, не могли долго оставаться ниже Французскихъ. Но тѣ, именно, которые не имѣли успѣха въ новой отрасли промышлености, произносили самыя громкія жалобы на законъ.»

«Перемѣны въ запретительномъ законодательствѣ не имѣли вреднаго вліянія на хлопчато-бумажныя фабрики; онѣ еще побудили шелковыхъ и перчаточныхъ мануфактуристовъ къ совершенствованію вкуса и качества своихъ издѣлій. И теперь, когда считаютъ невозможнымъ и безразсуднымъ придерживаться старой системы даже въ дѣлѣ чулокъ и перчатокъ, какъ можно подумать о неизмѣнности другихъ, болѣе важныхъ статей? Однако жъ, вчера еще Веллингтонъ сказалъ въ парламентѣ: «Я послѣдній буду совѣтовать измѣнить систему нашихъ коммерческихъ отношеній; я думаю, напротивъ, что эта система удержится и будетъ продолжаться по-прежнему.» Онъ говорилъ это въ то время, когда Пруссія только-что ввела у себя систему свободной торговли, и уже побудила этимъ Англію къ принятію мѣръ, менѣе стѣснительныхъ для другихъ націй. Г. Робинсонъ утверждалъ еще нелѣпѣе, 11 іюля 1831, будто бы «Пруссія запретила ввозъ всѣхъ (Англійскихъ) товаровъ и издѣлій», тогда какъ новый ея тарифъ предписывалъ именно противное!

«....Туманъ былъ такъ великъ, что я увидѣлъ Ливерпуль тогда только, когда онъ былъ у меня передъ носомъ. Ни одинъ городъ въ Англіи, даже во всей Европѣ, не увеличился столько въ пространствѣ и благосостояніи въ такое короткое время. Это — слѣдствіе его положенія и необыкно-

Digitized by Google

венной промышленой дѣятельности. Изъ Ливерпуля я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Манчестеръ. При всемъ, что вы слышали и знаете объ этихъ дорогахъ, видъ длиннаго ряда повозокъ, нагруженныхъ такимъ множествомъ людей и товаровъ, которыя мчатся съ невыразимою скоростью, единственно помощію небольшаго количества воды, произвелъ бы надъ вами странное впечатлѣніе! Въ Манчестерѣ, я видѣлъ огромную мануфактуру машинъ, Гг. Шарпа и Робертса, шерстобитную фабрику Гг. Коннелль, ситцевую Г. Нильда, и другія. Вы не захотите слышать отъ меня поверхностныхъ замѣчаній о предметахъ, которые требуютъ тщательнаго обзора и глубокаго знанія дѣла. Я нашелъ здѣсь подтвержденіе нѣкоторыхъ доводовъ, которые излагалъ выше: прославленная нищета рабочаго класса въ Англіи составала бы богатство бѣдныхъ другой страны. Англійскій работникъ, — я не говорю о дѣтяхъ, — получаетъ гораздо высшую плату, и живетъ несравненно лучше, чѣмъ Нѣмецкій. Въ мануфактурѣ господъ Шарпа и Робертса, напримѣръ, онъ получаетъ около тридцати шиллинговъ въ недѣлю, кромѣ содержанія, пищи, одежды и отопленія. Я видѣлъ завтракъ этихъ бѣдняковъ: онъ состоитъ изъ прекраснаго бѣлаго хлѣба, отличнѣйшаго сыру и порядочной порціи пива или портеру. Нѣкоторые копятъ денежки, другіе издерживаютъ все жалованье; и въ этомъ отношеніи, суда по огромной массѣ работниковъ, Англіи предстоитъ гораздо болѣе опасности, въ случаѣ паденія ея торговли, нежели Германіи. Но въ настоящую минуту рынокъ Англіи такъ обширенъ, что ей нѣчего страшиться. Постепенныя измѣненія системы необходимы; внезапныя перемѣны могутъ навремя вытолкнуть изъ колеи какое-нибудь колесо въ торговлѣ, хотя оно само собою перешло бы потомъ въ другую колею. Но, ни въ какомъ случаѣ, невозможно провести искуственной грани торговлѣ и мануфактурамъ, и принудить сотни людей къ экономіи.

«Я особенно вникалъ въ состояніе дѣтей при шерстяныхъ фабрикахъ. Жалобы и тутъ были преувеличены; многіе упреки, какъ напримѣръ тотъ, что тѣло находится въ неестественномъ положеніи при многихъ машинахъ, устранены улучшеніемъ этихъ самыхъ машинъ. Билль о факторіяхъ имѣлъ благодѣтельное вліяніе въ томъ отношеніи, что онъ обратилъ

Digitized by Google

общее вниманіе на этотъ предметъ, поощрилъ щедрыхъ мануфактуристовъ, и положилъ конецъ худому обращенію съ фабричникомъ. Работы дѣтей теперь вообще весьма легки и просты. Самая меньшая ихъ плата, есть четыре шиллинга въ недѣлю, — плата небольшая, но очень достаточная. Чѣмъ бы они жили безъ нея?

«Это одна сторона картины; съ другой стороны, нельзя не согласиться, что самая легкая работа, если заставите ее дѣлать сряду двѣнадцать часовъ въ день, будетъ слишкомъ тягостна для дѣтей; что они цѣлую жизнь учатся одной только механической ловкости; что умы ихъ не получаютъ ни какого образованія; и что у нихъ не остается ни времени ни силъ, чтобы посѣщать школу. Притомъ, всякое усовершенствованіе въ машинахъ болѣе и болѣе устраняетъ нужду въ сильной работѣ взрослаго, и умножаетъ требованія на дѣтей. И отсюда проистекаетъ, — благодареніе Небу, не во всей Англіи, а только въ мануфактурныхъ округахъ, — это превращеніе бѣдныхъ мальчишекъ, въ дополнительныя колеса машинъ, это невольничество, которому нѣтъ примѣра въ исторіи міра. Законодательство ни какимъ образомъ не можетъ пресѣчь этого быстро возрастающаго зла; но оно въ состояніи сообщить нѣсколько образованія ихъ уму и сердцу, что по-сю-пору совершенно забыто. Положеніе этого дѣла у насъ, въ Германіи, несравненно проще, естественнѣе и благопріятнѣе здоровью; мы, правда, производимъ менѣе тканей и кисеи, зато болѣе идей и чувствованій, и поэзія дѣтства еще не изгнана у насъ громомъ машинъ. Одинъ машинистъ замѣтилъ мнѣ, что дѣти у него какъ-нельзя болѣе довольны; мальчикъ, услышавъ эти слова, покачалъ головою. Когда они пошли къ обѣду, я спросилъ на улицѣ у этого мальчика, зачѣмъ онъ качалъ головою. «Качалъ я головою для себя, а не для другихъ,» отвѣчалъ онъ. Но, какъ я ласково продолжалъ его распрашивать, то онъ сказалъ мнѣ: «Я, сударь, родился въ деревнѣ, и до десяти лѣтъ принужденъ былъ пасти свиней; наслышавшись о богатствѣ городской жизни, я убѣжалъ изъ деревни, и тотчасъ получилъ мѣсто на фабрикѣ. Сначала я былъ въ восхищеніи и дивился новости: но, добрый мой господинъ, какъ бы охотно ушелъ я теперь пасти свиней! Я могъ говорить что хотѣлъ каждой

Digitized by Google

свиночкѣ, и каждая отвѣчала мнѣ по-своему. Я могъ кричать, орать, свистѣть, драться направо и налѣво, сколько хотѣлъ; гналъ скотину домой, выгонялъ въ поле, когда мнѣ вздумалось; когда шелъ шагомъ, а когда бѣжалъ: какое разнообразіе! Здѣсь, одно и то же круглый день; сколько ни кричи и ни свисти, а съ досады бить машины запрещено; даже говорить невозможно съ другими работниками, отъ шуму. Хрюканье свиньи надоѣдало мнѣ часто, но чего бы я теперь не отдалъ, если бъ машины могли производить хоть такіе звуки! Притомъ же, сударь, тогда слушалъ я пѣніе птицъ, видѣлъ восхожденіе и закатъ солнца, восхищался каждою травкою, и имѣлъ еще въ виду пасти коровъ и лошадей, ѣздить верхомъ, и разныя другія вещи. Здѣсь, я долженъ цѣлую жизнь считать да тянуть бумажныя мотки и завязывать кипы. Повѣрьте, сударь, я сдѣлался глупѣе свиньи, и теперь уже не былъ бы въ состояніи пасти ее такъ хорошо какъ прежде.»

Поѣздка въ Гринвичъ доставила автору случай сдѣлать нѣсколько остроумныхъ и весьма утѣшительныхъ замѣчаній о будущей судьбѣ государствъ образованныхъ.

«Я отправился съ господиномъ М***, его супругою и дочерьми, въ Гринвичъ, который лежитъ въ шести Англійскихъ миляхъ отъ Лондона и все-таки составляетъ часть Лондона, потому что онъ соединяется съ нимъ неразрывною линіею домовъ и улицъ. Ввечеру, многочисленныя лавки такъ же хорошо освѣщены здѣсь какъ въ самомъ центрѣ столицы. Вы спрашиваете себя, какъ такая огромная масса народа можетъ жить въ такой тѣснотѣ, и находить себѣ достаточное пропитаніе. Если Дельфы почитались сердцемъ, или, какъ говорили Греки, пупомъ, *омфалосъ*, городовъ Греціи, то Лондонъ должно назвать сердцемъ всего міра. Ни изъ одного мѣста въ свѣтѣ не выходитъ столько венъ и артерій, развѣтвляющихся во всѣ стороны; и континентальная система, которая хотѣла остановить это кровообращеніе, столь же была нелѣпа въ наше время какъ старинные Англійскіе законы о мореплаваніи, которые стѣсняли это движеніе.

«Госпиталь, или скорѣе дворецъ, для устарѣлыхъ моряковъ, въ Гринвичѣ, вѣроятно построенъ былъ съ цѣлію затмить Парижскій Hôtel des invalides, Людовика XIV; и зат-

Digitized by Google

мѣваетъ Сентъ-Джемскій дворецъ и Buckingham-house. Положеніе его на Темзѣ избрано весьма удачно, и должно напоминать ветеранамъ дѣятельность и энтузіазмъ ихъ молодыхъ лѣтъ. Но, суди объ этихъ вещахъ по утилитарному ученію, само учрежденіе безполезно. Крона, даная инвалиду, возвращающемуся домой, принесла бъ ему болѣе пользы нежели фунтъ-стерлинговъ, издержанный на него въ этомъ мѣстѣ. Изображенія морскихъ сраженій и бурь, портреты и статуи морскихъ героевъ, суть хорошія воспоминанія, школа Исторіи, примѣры для соревнованія, но они незамѣчательны какъ памятники Искусства.

«Вечеромъ я пошелъ къ М***, и мы до полуночи проболтали о прошедшей и будущей судьбѣ Англіи, о развитіи и характерѣ Германіи и Пруссіи.

«Во мнѣ не было бы ни капли исторической крови, когда бъ я былъ равнодушенъ къ горести столь многихъ Англичанъ, возбуждаемой взглядомъ на времена прошедшія, когда бъ не понималъ побужденій тѣхъ благородныхъ умовъ, которые желаютъ сохранить неприкосновенными учрежденія, уже принесшія несомнѣнную пользу и составившія славу отечества. Но увядаютъ и самые пышные цвѣты, гибнутъ и благороднѣйшія деревья, зданія падаютъ въ развалины, народы исчезаютъ съ лица земли. Гдѣ же лежитъ сила сохраненія и обновленія? Не въ томъ, что неизмѣнно, что одинаково постоянно: это скорѣе признакъ и существо смерти. Но и мертвое постепенно приближается къ возрожденію въ новой жизни. Растенія обновляются свѣжимъ орошеніемъ, зданія постоянною починкою. Человѣкъ, какъ лице, долженъ умереть, но умирая онъ оставляетъ дѣтямъ, и дѣтямъ своихъ дѣтей, благословенія а не проклятіе. Онъ знаетъ, что они не походятъ на него во многихъ отношеніяхъ, и сноситъ это: онъ видитъ, что это — необходимое слѣдствіе времени. Однако, все это общія мѣста, а я хотѣлъ сказать иное. Я отрицаю необходимость смерти для народовъ. Говорятъ, нація состоитъ изъ отдѣльныхъ лицъ; всѣ лица должны умереть, слѣдовательно, должна когда-нибудь умереть и нація. Это сравненіе не совсѣмъ дружно съ логикою. Кто станетъ утверждать, что такъ какъ исчезаетъ всякое отдѣльное растеніе, то необходимо должны когда-нибудь исчезнуть

Digitized by Google

и самый видъ и родъ растенія? Развѣ не видна въ великомъ цѣломъ сила вѣчнаго обновленія? Ни одинъ народъ не гибнетъ безъ причины, которая всегда происходитъ отъ собственной вины или кореннаго порока: вѣра въ вѣчное существованіе и обязанность сохранять его есть первый законъ нравственной силы народовъ. Nil desperandum! Эта вѣра ни сколько не основывается на личномъ самолюбіи; она, напротивъ, соединена неразрывнымъ звеномъ съ признаніемъ вѣчнаго существованія другихъ, и съ отреченіемъ грубой страсти къ покоренію и разрушенію. По обыкновенному порядку вещей, Аѳины должны бы умереть въ нашествіе Персовъ, а Римъ, когда Галлы находились въ его стѣнахъ; Пруссія въ Семилѣтнюю войну и во время Французовъ; Испанія и Россія, когда Наполеонъ вступилъ въ Мадритъ и Москву. Еще разъ, nil desperandum! Есть, однако жъ, неизбѣжныя причины смерти; но и тогда, не одинъ погребальный вѣнокъ кладутъ на могилу: неувядаемые цвѣты побѣды благословляютъ ее, какъ при паденіяхъ Карѳагена и Нуманціи.

«Нашъ вѣкъ имѣетъ въ своихъ рукахъ болѣе средствъ къ безсмертію государствъ, нежели сколько имѣлъ который-либо изъ предъидущихъ, если только онъ захочетъ пользоваться ими. Во-первыхъ, болѣе познаній въ употребленіи земли и ея плодовъ, съ болѣе дѣятельнымъ радѣніемъ объ ихъ взаимномъ соотношеніи. Во-вторыхъ, болѣе знанія финансовой и военной природы, съ лучшими системами налоговъ и воинскихъ службъ. Въ-третьихъ, болѣе законодательной природы. Въ-четвертыхъ, болѣе нравственной и религіозной природы, съ потоками вѣчной жизни, изливающими христіанскія чувства любви на всѣ общественныя отношенія. Въ третій разъ скажу — nil desperandum!»

Послѣднее письмо Г. Раумера изъ Англіи, наполнено чрезвычайно любопытными замѣчаніями о двухъ законодательныхъ сословіяхъ государства, и о послѣднихъ важныхъ узаконеніяхъ.

«Муниципальный билль прошелъ; — законъ, который множествомъ и разнообразіемъ своихъ слѣдствій, былъ конечно важнѣе самаго билля о реформѣ парламента и однако жъ, по умѣренному духу своихъ положеній, не приводилъ въ опасеніе ни отдѣльныхъ лицъ ни публики. Различные образы мы-

Digitized by Google

слей Верхней и Нижней Палатъ подавали поводъ къ жаркимъ преніямъ, а иногда къ ужасному пристрастію; къ счастію, въ самыхъ стѣнахъ парламента нѣкоторые радикалы и ультра-тори, слишкомъ далеко увлеклись страстями. Я говорю—къ счастію, пототу что Англійскій народъ имѣетъ довольно здраваго смысла, чтобы отгадать побужденія спорщиковъ по самому тону ихъ выходокъ. Пренія въ Верхней Палатѣ, пренія посвѣщенной аристократіи, которыя, своей умѣренностью, хладнокровіемъ и учтивостію обыкновенно имѣютъ большое преимущество передъ крикливыми и заносчивыми спорами депутатовъ, не заслуживали похвалы въ настоящемъ случаѣ. Лордъ Джонъ Россель весьма основательно жаловался какъ на тонъ этихъ преній такъ и на ихъ сущность; бранчивость, пристрастіе и грубость, которыя овладѣли Верхнею Палатою при разборѣ этого *билля*, ясно показали тайныя побужденія благородныхъ лордовъ. Болѣе дружнымъ голосомъ они легче достигли бы цѣли, и не навлекли бы на себя такого негодованія. Отъ этого и поднялся крикъ о реформѣ Верхней Палаты. Вообще и безусловно, нельзя утверждать, чтобы ей не нужно было нѣкоторое преобразованіе, и что она неспособна къ реформѣ; этимъ самымъ поставили бы ее ниже всѣхъ учрежденій, которыя всегда поддерживаются только счастливыми измѣненіями; этимъ обрекли бы ее на неизмѣнность, то есть, на смерть. Только поспѣшное, безполезное, нелѣпое преобразованіе, въ этомъ случаѣ какъ и во всякомъ другомъ, должно встрѣчать противниковъ.

«Главные члены Нижней Палаты, во время преній о преобразованіи муниципальной части, вели себя осторожнѣе и благороднѣе горячихъ лордовъ. Я считаю въ числѣ величайшихъ наслажденій моей жизни то время, когда видѣлъ и слышалъ людей, совершенно противоположныхъ мнѣній, Росселля и Пиля, Спрингъ-Райса и О'Коннелля, съ одинаковой умѣренностью и осмотрительностью разсматривавшихъ великій вопросъ о благоесостояніи своего отечества. Всѣ теоріи, всѣ страсти, отложены были встрону, чтобы благородной и достойной уступкою отвратить Богъ знаетъ сколько несчастій отъ государства. Верхняя Палата наконецъ угомонилась; и Англія, послѣ этихъ преходящихъ грозъ, стала

Digitized by Google

еще сильнѣе и тверже, нежели какъ полагаютъ многіе политики. Мое всегдашнее мнѣніе, что здѣсь, не такъ какъ во Франціи, кризисъ служитъ всегда началомъ спокойствію, оправдалось и въ этомъ случаѣ. Тѣ, которые сравнивали преобразованный парламентъ съ Французскими національными собраніями, крѣпко ошибались; вмѣсто спокойствія и порядка, царствующихъ въ Англіи, тѣ же самыя мѣры во Франціи тотчасъ привели бы въ движеніе гильотину.»

Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній о разныхъ мнѣніяхъ лордовъ и депутатовъ, Г. Раумеръ продолжаетъ:

«Подобно парламенту и муниципальнымъ сословіямъ, не миновать реформы духовенству и Церкви; и тотъ восторжествуетъ, кто пойметъ какъ согласить съ величайшимъ искусствомъ выгоды прошедшаго съ требованіями настоящаго. Но этого никогда не достигнутъ, пока не займутся школами; пока не удѣлятъ части доходовъ церкви или государства для равнаго образованія католиковъ и протестантовъ; пока не будутъ смотрѣть на нихъ какъ на братьевъ одного семейства. Предначертаніе, чтобы Ирландскіе католики сами содержали свои училища, могло бы имѣть большой вѣсъ, если бъ только было возможно бросить въ Лету дѣла минувшія и забыть исторію Ирландіи. Но положимъ, что это возможно, что всѣ забыли Ирландскую исторію: — въ состояніи ли Ирландскіе католики добыть необходимыя суммы? Ирландскіе католики? Долженъ ли я опять выставить ужасныя картины ихъ бѣдности и несчастій *, чтобы заставить хладнокровныхъ резонеровъ трепетать при одной объ этомъ мысли и воскликнуть — Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ!

«Здѣсь-то лучше всего можно было видѣть, что Пиль не просто лучшій политическій фехтовальщикъ въ Англіи, но что онъ умѣетъ и сказать лучшее надгробное слово протекшему, и пропѣть посреди побѣды утренній гимнъ, предтечу новой эры. Теперь обѣ партіи стерегутъ и обвиняютъ другъ друга; при всемъ томъ, каждая изъ нихъ лучше, нежели какъ ее изображаютъ противники и даже сами приверженцы. Я

* Въ «Смѣси» послѣдней книжки, статья «Видъ Ирландіи», стр. 93 и слѣдующія.

Digitized by Google

убѣдился въ этомъ личнымъ наблюденіемъ, которое заставляетъ меня уважать и ту другую. Но еслибъ я перенесся за нѣсколько столѣтій впередъ и захотѣлъ написать въ воображеніи исторію Англіи, какъ бы отличными отъ этого понятія представились мнѣ всѣ партіи, пренія, дѣянія! сколько бы изъ нихъ сдѣлались и вовсе незамѣтными. Да и теперь, какъ не назвать близорукими тѣхъ, которые не въ состояніи одинаково уважать Питта и Фокса, Борка и Мекинтоша? Развѣ трофеи Веллингтона, блестящая ловкость Пиля, энергія Росселя, торжествующая своей простотою, ясный и самоувѣренный умъ Спрингъ-Райса, О'Коннелевы порывы энтузіазма, не принадлежатъ одно другому и всѣ вмѣстѣ современной Англіи? Развѣ картина не сдѣлалась бы бѣднѣе, результатъ менѣе вѣрнымъ, когда бъ я пропустилъ что-нибудь изъ всего этого въ моей исторіи? Всѣ побужденія къ ненависти и пристрастію далеки отъ меня; и въ этомъ отношеніи, хвалы мои и порицанія совершенно внѣ всякихъ вліяній. Это ни сколько не значитъ, что я чрезвычайно уменъ или не причастенъ ошибкамъ; я хотѣлъ сказать только, что я не могу подвергнуться упреку въ умышленныхъ искаженіяхъ и не говорю ни слова противъ своей совѣсти.

«Или я нахожусь можетъ-быть подъ непреодолимымъ вліяніемъ оптическаго обмана? Историкъ долженъ быть безпристрастенъ въ отношеніи ко всѣмъ вѣкамъ и народамъ: но отчего же чувствую я въ себѣ такое сочувствіе съ Англичанами и такую антипатію къ Французамъ? Отчего, для первыхъ у меня всѣ вещи разрѣшаются ровными числами, а для вторыхъ всегда въ результатѣ остаются дроби, caput mortuum, разладица, однимъ словомъ, нѣчто нерѣшеное, не клеящееся, неудобное? Въ чемъ же причина этому, во мнѣ или въ самихъ вещахъ? Я смѣло утверждаю, что она въ вещахъ, и не поскупился бы на доказательства, еслибъ имѣлъ достаточно мѣста для ихъ изложенія.

«Я могу опасаться упрековъ въ томъ, что слишкомъ много говорилъ о политикѣ въ моихъ письмахъ. Но здѣсь вся атмосфера насыщена политикою; вы глотаете ее вмѣстѣ съ воздухомъ. Она здѣсь необходима, и потребность ея заключается въ самихъ учрежденіяхъ; однако жъ, какъ я уже часто замѣчалъ, вѣчные политическіе толки суть нравственная бо-

Digitized by Google

лизнь, которая очень вредно дѣйствуетъ на умъ. Лучшій признакъ истинной политической мудрости — когда народъ не думаетъ о своихъ государственныхъ установленіяхъ и забываетъ политику. Тогда, голова и сердце могутъ свободно слѣдить за другими предметами, которые дотого были пренебрежены или отстранены съ умысломъ. Какъ ни занимательно и поучительно все, что я видѣлъ и слышалъ въ Великобританіи, я не рѣдко чувствовалъ охоту заняться бесѣдою объ исторіи минувшихъ временъ, о Философіи, изящныхъ Искусствахъ, музыкѣ, драмѣ, и тому подобномъ. Скажутъ, что это Германское педантство, или школьное пристрастіе къ мелочамъ; но я замѣчу, что важность и всеобемлемость историческаго и философическаго разсужденія составляютъ именно антиподъ педантства, и что наши бесѣды объ Искусствѣ, театрѣ, актерахъ, актрисахъ, право не ниже разговоровъ объ интригахъ политическихъ проидокъ, хитростяхъ и издержкахъ кандидатовъ въ депутаты и обѣдахъ съ длинными рѣчами въ тавернѣ. Suum cuique. Эти замѣчанія написалъ я съ цѣлію напомнить своему уму удовольствія роднаго общества.»

«Безъ всякаго сомнѣнія, Англія въ весьма многихъ отношеніяхъ отлична отъ Германіи, но при болѣе возвышенномъ и безпристрастномъ взглядѣ открываются разныя сходства между двумя странами. Тогда какъ Италія всё-еще покоится на лаврахъ своей блестящей жизни въ древніе и средніе вѣки; когда Испанія, очнувшись отъ своего усыпленія, раздираетъ себя на части внутренними междоусобіями; когда Франція никакъ не можетъ отыскать точки опоры своего счастія и не отыщетъ ея до тѣхъ поръ пока не присоединитъ подчиненности къ своей храбрости, благоразумія къ своему могуществу, терпѣнія къ дѣятельности, нравственности къ талантамъ, — что̀ можетъ составлять надежду міра, поруку въ будущности, защиту противъ приливовъ невѣжества? Что̀? Старинное и прочное древо Германскаго элемента, и двѣ главныя его отрасли, — Пруссія и Великобританія. Если обѣ націи глубоко поймутъ свое благородное и возвышенное предназначеніе, если напрягутъ всѣ свои силы къ этой цѣли, даже обширнія части Европы возвратятъ себѣ прежнее здоровье, — откликнутся всѣ чувства человѣческой жизни на ве-

Digitized by Google

ликій призывъ, и небольшой уголъ земнаго шара сдѣлается вожатаемъ міра на пути къ просвѣщенію и благодѣнствію.».

Мы оставимъ теперь политику, которую авторъ справедливо называетъ болѣзнію, и обратимся къ замѣчаніямъ знаменитаго историка о странѣ, лицахъ, нравахъ и заведеніяхъ. Всѣ эти замѣчанія носятъ на себѣ печать ума обширнаго и проницательнаго. Начнемъ первыми впечатлѣніями Г. Раумера при въѣздѣ въ Англію, и потомъ выберемъ нѣсколько любопытнѣйшихъ отрывковъ, не стараясь уже соединять ихъ между собою, потому что и самая книга его имѣетъ форму отдѣльныхъ писемъ.

«Когда я взошелъ на палубу, рано утромъ, 22 марта, мы только-что оставили за собою Сѣверный Форлендъ и Маргетъ; влѣво лежалъ островъ Шеппи, съ обработанными холмами, и вскорѣ показался низкій берегъ Эссекса. Всѣхъ родовъ корабли мчались какъ птицы вокругъ насъ, и когда мы достигли Гревесенда, они стали такъ многочисленны, и красота богато засѣянныхъ береговъ была такъ велика, что я не могъ удержаться отъ изумленія и радости. Историческія воспоминанія тѣснились въ моей головѣ, и объясняли, какимъ путемъ этотъ счастливый островъ, въ теченіе восмнадцати столѣтій, возвысился до нынѣшней степени величія, которое не имѣетъ себѣ подобнаго въ исторіи міра. Я чувствовалъ минуты восхищенія, какія никогда не могутъ встрѣтиться въ обыкновенномъ теченіи жизни, и цѣль путешествія казалась мнѣ уже достигнутою однимъ этимъ часомъ. Но это не имѣло бы мѣста, если бъ долгое историческое изученіе не сдѣлало меня, такъ сказать, «домашнимъ» въ Англіи. Я съ особеннымъ восторгомъ смотрѣлъ на Тильбери, гдѣ въ 1588 году высокомѣрная Елисавета собирала и воодушевляла войско, которое назначено было совершить паденіе Испаніи и даровать новую эпоху міру.»

«Отъ Тильбери до Вульвича, берега Темзы безплодны; отъ Вульвича до Гринвича дѣятельность и обработанность увеличиваются до самыхъ доковъ, куда мы прошли уже сквозь лѣса кораблей. То, что я видѣлъ въ этомъ родѣ въ Гаврѣ, въ Бордо и Марсели, можетъ быть сравнено развѣ съ одною комнатою этихъ огромныхъ дворцевъ. Какъ и въ Парижѣ, зданія съ перваго взгляда вовсе не

Digitized by Google

поразительны; но разныя особенности вскорѣ показываютъ вамъ ихъ превосходное практическое приспособленіе, и это дѣлаетъ ихъ болѣе интересными. Если кто вздумаетъ порицать въ нихъ преобладаніе утилитарности, которой подчинено все прочее, напримѣръ изящность, тому я замѣчу, что эти лѣса кораблей должно здѣсь считать за главный предметъ, и что берега, далеко не столь занимательные, обязаны по-необходимости соображаться съ ихъ удобствами. Здѣсь-то узнаемъ мы, что Лондонъ есть истинный центръ міра, а не Парижъ, съ притязаніями его журналистовъ. Парижъ есть городъ по преимуществу, столица; Германія — провинція; объ одномъ Лондонѣ можно говорить какъ о мірѣ.

«Съ самаго перваго впечатлѣнія, дома и лавки этой метрополіи уже много говорятъ въ ея пользу. Объемъ и количество, конечно, не суть еще вывѣски цѣны и качества, — въ торговлѣ, въ наукахъ, искусствахъ, и во всемъ; но здѣсь и самый объемъ, превосходящій всѣ столицы Европы и всего земнаго шара, замѣчателенъ и поразителенъ. Къ этому должно прибавить, что въ Лондонѣ, количество не въ разладѣ съ качествомъ; потому что богатство проистекаетъ только изъ самой разнообразной дѣятельности, которая требуетъ величайшихъ усилій и тѣла и ума. Все человѣческое подвержено разрушенію. Лондонъ можетъ упасть, какъ упали многія другія столицы; но дубъ и послѣ паденія отличается отъ репейника и грудя своими корнями. Развѣ Римъ не потерпѣлъ тысячи лѣтъ упадка, и его обновленное существованіе развѣ не было болѣе умственно чѣмъ прежнее? И чего не испытывалъ уже Парижъ! Между тѣмъ Лондонъ еще не знакомился съ несчастіемъ. Если радикалы и консервативные твердой земли дружно предрекаютъ паденіе Англіи, потому что они все мѣряютъ Парижскою единицею, Англичанинъ, по-крайней-мѣрѣ, увѣренъ въ противномъ, и его отечество — stat mole sua, хотя партіи часто схватываются за усы. Дураковъ много на бѣломъ свѣтѣ; но умный тори правъ, когда не хочетъ поставить христіанской церкви на ряду съ жидовской конторой или съ биржею, а умный вигъ правъ въ томъ, что христіанская религія требуетъ нравственнаго образованія юношества. Дай Богъ, чтобъ эти два,

Digitized by Google

по наружности противоположныя стремленія, произвели наконецъ діагональ, истинный путь для вещей. Я надѣюсь, что они произведутъ ее, и вѣрю, что, всегда и вѣчно, умъ важнѣе тѣла, знаніе — невѣжества, образованность — варварства.

«Въ Парижѣ все кажется, съ перваго взгляда, болѣе блестящимъ, милымъ, остроумнымъ, привлекательнымъ, чѣмъ въ Лондонѣ; но это впечатлѣніе относится къ впечатлѣнію Лондона какъ тѣнь къ сущности, какъ мишура къ дорогому металлу, который никогда не теряетъ цѣны отъ промыванія и чистки; и здѣсь, за этими мрачными стѣнами, несравненно болѣе богатства, удобства и роскоши, чѣмъ тамъ, гдѣ мелочныя уловки призваны для провозглашенія мнимыхъ сокровищъ. Шумъ и крики на улицѣ здѣсь также совершенно отличны: въ Лондонѣ, это шумъ дѣятельности; въ Парижѣ, шумъ легкомыслія и тщеславія; въ Неаполѣ, шумъ парадѣнія и лѣни; въ Берлинѣ, шумъ ребятишекъ.

«Мѣсяцъ тому назадъ, въ этотъ самый день, я оставилъ Берлинъ. Я едва вѣрю, чтобы время было такъ коротко, — столько я уже видѣлъ, слышалъ и узналъ. Въ этомъ отношеніи ни одна часть моей жизни не была такъ богата; эта по-крайней-мѣрѣ равняется съ эпохами первыхъ юныхъ посѣщеній Парижа, Рима, Неаполя и Швейцаріи. Отказавшись отъ профессорской жизни я рѣшился посвятить себя наукѣ, и посвятилъ; но я никогда не думалъ, занимаясь наукою, корпѣть на одномъ мѣстѣ и довольствоваться только чтеніемъ. Исторія, мой предметъ, требуетъ болѣе разнообразной и дѣятельной жизни; люди и событія кажутся мнѣ теперь въ болѣе ясномъ и вѣрномъ свѣтѣ, нежели какими представились бы мнѣ въ моемъ кабинетѣ, при трескѣ камина.

«.....Изъ Kensington Palace я отправился, черезъ сады и Гайдъ-Паркъ, мимо Гринъ-Парка, въ Сентъ-Джемзъ-Паркъ и ко дворцу. Сюда прибылъ я въ настоящее время, около двухъ часовъ, чтобы видѣть эту тму каретъ, подъѣзжающихъ къ крыльцу. Былъ день рожденія Вилліама IV. Если, кромѣ особъ принадлежащихъ ко двору, являлись до тысячи осьми сотъ человѣкъ въ полной формѣ, для поздравленія короля, то каретъ конечно было девять сотъ, потому что въ каждой ѣхали не болѣе двухъ человѣкъ. Экипажи и

Digitized by Google

лошади были чудесные; лакеи и кучера всѣ въ форменныхъ ливреяхъ разныхъ цвѣтовъ, въ кафтанахъ шитыхъ золотомъ, нитанахъ и бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ; у лакеевъ большія треугольныя шляпы, а у кучеровъ самыя маленькія, изъ-подъ которыхъ торчали заплетенныя косы. Въ каретахъ я замѣтилъ нѣсколько особъ въ отроныхъ парикахъ. Но все это привлекало мое вниманіе гораздо менѣе чѣмъ женщины, на которыхъ природа и искусство истощили всѣ свои сокровища. Какъ процессія двигалась медленно и останавливалась каждыя пять минутъ, то я имѣлъ случай подвигаться вмѣстѣ съ экипажами и останавливаться передъ тѣми, которые заключали въ себѣ прелестнѣйшихъ женщинъ. Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ случая, гдѣ бы вы могли съ такою удобностью, чтобы не сказать дерзостью, смотрѣть въ лицо дамамъ. Этотъ смотръ, единственный въ своемъ родѣ, доставляетъ, увѣряю васъ, неизъяснимое удовольствіе. Я проникалъ воображеніемъ въ различныя состоянія души прелестныхъ моихъ субъектовъ, и старался отгадывать ихъ по взглядамъ. Особы, напримѣръ, въ первой каретѣ очевидно гораздо болѣе заботились о своемъ представленіи, нежели вотъ эта государственная блондинка, что въ концѣ поѣзда. И какія различныя чувствованія, характеры, физіономіи! Вотъ самый пышный экипажъ; вотъ побѣдительнѣе, вотъ самое богатое платье, но здѣсь съ большимъ вкусомъ; эта повидимому будетъ царицею празднества по своей наружности, а эта по уму, сердцу. Въ числѣ экипажей, которыхъ блескъ и богатство превосходитъ все, что я видѣлъ въ другихъ столицахъ, находилась одна несчастная наемная карета, съ дряннымъ кучеромъ и еще болѣе грязнымъ лакеемъ. Дама, сидѣвшая въ ней, задернула стору, такъ что нельзя было ея видѣть: заключенная красота вѣрно находила свое положеніе вовсе не confortable.

«Когда церемонія проѣхала, я отправился въ Атеней и занялся. По окончаніи работы, я хотѣлъ уйти, но секретарь, Г. М***, который дѣлалъ для меня все, что только отъ него зависѣло, просилъ меня остаться тутъ до шести часовъ, говоря, что я увижу вещь, которую только въ Лондонѣ можно видѣть. Въ этомъ я не сомнѣвался, послѣ давишняго зрѣлища единственной аристократіи въ мірѣ. Теперь на-

Digitized by Google

добно было посмотрѣть на «черный народъ». Съ балкона Атенея, въ углу Pall-Mall и на Ватерлооской Площади, быть можетъ лучшей въ Лондонѣ, я увидѣлъ несмѣтныя толпы народа, лошадей и экипажей всякаго рода, и цѣлую бездну дѣтей съ цвѣтами и флагами, поющихъ God save the king. Но не для этого зрѣлища приглашалъ меня Г. М'''; онъ хотѣлъ показать мнѣ процессію всѣхъ дилижансовъ, mail-cotches. Наконецъ они появились; кондукторы важно на козлахъ, а сзади городская стража въ красныхъ мундирахъ, съ бантами и лентами. Красивыя кареты наполнены были ихъ женами, дочерьми и родственницами, страннымъ контрастомъ съ соборомъ благородныхъ дамъ Сентъ-Джемской процессіи. Я былъ не довольно близко отъ нихъ, чтобы сравнить аристократокъ съ демократками; меня болѣе всего поразила удивительная красота лошадей и упряжи. Во всемъ Берлинѣ не встрѣтите вы четырехъ барскихъ каретъ, которыя бы могли стать на ряду съ этими почтовыми экипажами, а такихъ лошадей и подавно. Весело было любоваться на этихъ сильныхъ и здоровыхъ животныхъ, которыя черезъ полчаса будутъ скакать во всѣ концы Англіи, и съ скоростью, у насъ не извѣстною. Наши почтовыя заведенія во многомъ исправлены, кареты теперь гораздо лучшія, но въ отношеніи къ качеству лошадей, Нѣмцы по-сю-пору ѣздятъ на жалкихъ россинантахъ.

«.....Лондонъ въ самомъ дѣлѣ необъятенъ, и хотя въ немъ нѣтъ точекъ, столь богатыхъ видами, какъ Pont-des-Arts въ Парижѣ или Linden-strass въ Берлинѣ, зато на каждомъ шагу открываются новыя массы домовъ, дворцовъ, лавокъ и прочая. Число экипажей превышаетъ все, что другія столицы могутъ представить въ этомъ отношеніи, и вы подумаете что на улицѣ происходитъ что-нибудь необыкновенное, тогда какъ это — просто ежедневное движеніе. Эта страшная, удушливая дѣятельность такъ тѣсно набитаго народу, который однако жъ находитъ довольно простора для безчисленныхъ и обширныхъ занятій и для житейскихъ удовольствій, походила бы на неразгадаемое чудо, если бъ не объяснялась еще большими чудесами силы просвѣщенія. Всѣ другія Европейскія столицы суть только столицы своихъ государствъ; Лондонъ — вмѣстѣ столица Англіи и сто-

Digitized by Google

лица многихъ странъ, и сверхъ-того первый торговый городъ въ мірѣ. И это соединеніе столицы и торговаго города составляетъ главную его особенность и источникъ его жизни. Мадритъ, Парижъ, Римъ, Вѣна, Берлинъ, и другіе, суть только столицы и торгуютъ какъ столицы, но они не торговые города. Петербургъ въ этомъ отношеніи нѣсколько походитъ на Лондонъ, но ему не такъ благопріятствуютъ его климатъ и природа.

«Великая и особенная красота Лондона, это его многочисленныя площади; онѣ здѣсь не оставлены, такъ какъ въ Берлинѣ, для разнощиковъ, солдатъ, берейторовъ и почтальоновъ, но огорожены прекрасными чугунными рѣшетками, и искусно убраны клумбами, деревьями, цвѣтами, дорожками. Одни только парки превосходятъ эти *скверы:* Риджентсъ-Паркъ, съ своими террасами и дворцами, удивителенъ, и по объему и по великолѣпію, и правило nil admirari не можетъ быть къ нему приложено, развѣ когда совершенно зажмурите глаза.

« Видъ съ Лондонскаго моста на таможню и Темзу великолѣпенъ. Какая бездна кораблей и какая, опять, ужасная, неутомимая дѣятельность! Парижъ, съ немногими судишками на Сенѣ не стоитъ припоминанія при этой картинѣ. Зато, здѣсь нѣтъ тѣхъ богатыхъ набережныхъ, которыя составляютъ украшеніе береговъ Сены.

«Отъ настоящаго и будущаго мы обратимся къ прошедшему, къ Вестминстерскому Аббатству и капеллѣ Генриха VII. Назовутъ глупостью, когда я признаюсь, что Вестминстеръ, который я видѣлъ въ Парижѣ въ неорамѣ, сдѣлалъ на меня болѣе торжественное, болѣе гармоническое впечатлѣніе, нежели въ Лондонѣ настоящій Вестминстеръ. Тамъ я окидывалъ огромное зданіе однимъ взглядомъ; оно цѣлое лежало передо мною, во всемъ своемъ величіи, и глубокое молчаніе, казалось, вызывало знаменитыхъ покойниковъ изъ могилъ, хотя не видно было гробницъ. Здѣсь, напротивъ, это настоящій лабиринтъ деревянныхъ галлерей, входовъ, выходовъ, рѣшетокъ, угловъ: нѣтъ общаго впечатлѣнія, нѣтъ цѣлаго. Кажется, будто всѣ эти пристройки придѣланы для того чтобъ можно было разставить поболѣе часовыхъ и швейцаровъ. Я пытался возвысить свои чувства мыслію,

Digitized by Google

что здѣсь лежатъ безсмертные люди; но большая часть изъ гробницъ такъ ужасно безвкусны, такъ совершенно чужды всякой скульптурной красоты, что наводятъ однѣ только жалкія мысли, недостойныя великаго мѣста.

«Я ходилъ посмотрѣть на соборъ Святаго Павла, но признаюсь, онъ произвелъ надо мною впечатлѣніе самое поверхностное и невыгодное, потому что съ перваго взгляда вы уже дѣлаете сравненія между нимъ и соборомъ Святаго Петра въ Римѣ, которыя всѣ въ пользу послѣдняго. Во-первыхъ, всякое подражаніе ниже подлинника, а что это — подражаніе, доказывается и наружнымъ его видомъ. Еще хуже, — что внутренность собора Святаго Павла лишена всякаго разнообразія, всякихъ украшеній, живописи, образовъ, которыхъ недостатка не замѣнятъ, въ этой огромной бѣлой пустотѣ, мраморные памятники морскихъ героевъ Британіи. Когда я вступилъ въ соборъ Святаго Петра, мною овладѣло чувство гармоніи и высокаго удовольствія; зодчество, не подавляя ума, вызывало мысли и чувствованія: совсѣмъ напротивъ въ соборѣ Святаго Павла. Это Петровскій Соборъ передѣланный на пуританскую стать. Какъ бы вы ни хвалили пуританизмъ въ другихъ отношеніяхъ, онъ враждебенъ Искусству, сухъ и холоденъ. Къ этому надобно еще присовокупить поэтическія окрестности Святаго Петра, тогда какъ соборъ Святаго Павла окруженъ дурною прозою.

Въ одинъ изъ лучшихъ дней іюля, я отправился съ другомъ моимъ, Г. Ваагеномъ, въ Hampton Court, черезъ прелестныя мѣста, богато обработанныя, усѣянныя загородными домами, лугами, цвѣтами и деревьями. Дворецъ здѣшній, хотя не столько фантастическій какъ Виндсоръ, но по наружности и внутреннему устройству болѣе поразителенъ чѣмъ Букингамскій. Относительно картоновъ Рафаэля, этотъ дворецъ имѣетъ сокровища, равныя только Ватиканскому. Мы тотчасъ занялись ихъ разсмотрѣньемъ. Чѣмъ болѣе стояли мы передъ ними, тѣмъ глубже одушевлялись ихъ жизнью и вдохновеніемъ. Послѣ трехъ столѣтій самаго варварскаго обращенія съ ними, и хотя ихъ поставили въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, они до-сихъ-поръ несравненныя произведенія Искусства. Непостижимо, какъ этотъ великій художникъ успѣлъ столько обдумать, перечувствовать и испол-

Digitized by Google

нить въ теченіе своей короткой жизни! Спустя нѣсколько дней, я обѣдалъ у знаменитаго скульптора, Г. Кембелля: какой-то джентльменъ вздумалъ увѣрять, что одно воспитаніе дѣлаетъ человѣка такимъ, каковъ онъ есть, и что одинаковое воспитаніе всегда даетъ равные результаты. Это, безспорно большая утилитарная нелѣпость: тогда очень легко было бы сдѣлать всѣхъ великими людьми. Что можетъ приблизиться къ безконечному, къ генію? Онъ — дѣло Всемогущества; оно посылаетъ ему вдохновеніе, — numine afflatur; оно проявляется и въ выспренныхъ твореніяхъ Рафаэля, Шекспира, Фидіаса и другихъ высокихъ умовъ. Воспитаніе можетъ прогнать слѣдъ невѣжества, можетъ возвысить умъ до извѣстной степени, можетъ даже образовать человѣка по данному образцу, то есть, по образцу учителя, но — non ex quovis ligno fit Mercurius, — не изъ каждаго дерева сдѣлаешь Меркурія.

«Сотни любопытныхъ тѣснились въ залѣ картоновъ, но они проходили безъ вниманія мимо безсмертныхъ, и останавливались только, чтобъ бросить легкій взглядъ на новыя гравюры, которыя всѣ вмѣстѣ не имѣютъ половины той истины какъ одинъ изъ нихъ. Въ отношеніи къ живописи, «рыбная ловля» лучше другихъ: кромѣ вѣрныхъ фигуръ и ландшафта, тутъ есть истина простоты; но и тутъ, — можете ли вообразить! — варварская рука обрѣзала края картины, потому что она была слишкомъ велика и не умѣстилась бы на стѣнѣ. Всѣ вообще картины повѣшены слишкомъ высоко, и, Богъ знаетъ кчему верхи оконъ нарочно закладены, чтобы свѣтъ проходилъ снизу!

«Религія, которая, подобно Индѣйской, зарываетъ всякое чувство изящнаго подъ грубыми символами, и религія, которая, какъ исламизмъ и пуританизмъ, запрещаетъ выражать духовное видимыми формами, обѣ находятся въ заблужденіи. Впрочемъ, идея и сущность религіи не заключаются единственно въ красотѣ; иначе древніе Греки были бы лучшими нашими учителями въ дѣлѣ вѣры.

«Только однажды, въ исторіи міра, цѣлый народъ, кажется зналъ и чувствовалъ изящное, и вызывалъ его отовсюду, какъ-бы магическою силою. Въ другія времена, благопріятныя для Искусства, нѣкоторые лишь даровитые умы прони-

Digitized by Google

кали въ нѣдра изящнаго, а большинство людей умѣло только удивляться ихъ твореніямъ, не будучи само посвящено въ таинства, и самые художники не пользовались совершенною свободою, по необходимости угождать требованіямъ невѣжества или отъ отсутствія истинной красоты въ избираемыхъ предметахъ.

«Британскій Музеумъ, въ отношеніи Аттическихъ барельефовъ, обладаетъ превосходными обломками Фигаліи и Парѳенона, кромѣ другихъ образцовыхъ произведеній, сокровищъ ваянія Греческаго, которыя нерѣдко превосходятъ богатствомъ и внутреннимъ достоинствомъ собранія этого рода, хранящіяся въ Ватиканѣ, и слѣдовательно всѣ собранія въ мірѣ. Когда я разсматриваю надгробные памятники, сраженія Кентавровъ, Лапиѳовъ, Амазонокъ, и прочая, гдѣ ужасъ, страданія и смерть изображены въ самыхъ различныхъ видахъ, — отчего цѣлое или части не оставляютъ во мнѣ непріятнаго впечатлѣнія? Отчего глазъ, сердце и голова остаются въ постоянной гармоніи передъ ними? Оттого, что ваяніе достигло въ нихъ той высоты, на которой по Аристотелю стояла Греческая трагедія. У Софокла самое ужасное смягчено; даже смерть Эдипа въ Колоннахъ не представляется страшной кончиною, и гнѣвъ Геркулеса облагораживается его божественною природою. Здѣсь также каждая фигура, побѣдоносная и умирающая въ мученіяхъ, одинаково остается величественною, изящною.

«..... Около пяти часовъ утра я отправился въ Studley-Park. Этотъ паркъ есть не что иное какъ огромный, прекрасно отдѣланный ландшафтъ. Большія красивыя деревья; журчащій ручей: природа въ дружескомъ соединеніи съ искусствомъ; нѣтъ ничего грубаго и ничего перехитреннаго. При внезапномъ поворотѣ дороги, вдругъ представилось глазамъ моимъ знаменитое Fountains-Abbey, и я поспѣшилъ къ нему съ моимъ смышленымъ проводникомъ. Я помагалъ, что вижу самый фасъ аббатства, но это былъ одинъ его бокъ. Какимъ огромнымъ и величественнымъ зданіемъ явились передо мною эти старинныя развалины! Торжественная тишина, живая мѣстность и мохъ, покрывающій стѣны и башни, казались мнѣ подобіями холоднаго ума и юной природы. Невозможно найти развалинъ болѣе величественныхъ и по-

Digitized by Google

разительныхъ, болѣе полныхъ мысли и чувства. Я никогда не чувствовалъ истиннаго энтузіазма передъ остатками развращенныхъ временъ Римскихъ императоровъ. Въ Колиссеѣ, я всегда припоминалъ несчастную судьбу Евреевъ, принужденныхъ поставить столбъ Небу и торжища, на которыхъ тѣшили низкія страсти битвами гладіаторовъ и дикихъ звѣрей. Здѣсь совершенно иначе. Одинокіе странники приходятъ въ пустынное мѣсто; они отдыхаютъ подъ старыми деревьями, терпятъ всякую нужду, ревнуя только о своемъ спасеніи и вѣрѣ Христовой. Духовное торжествуетъ; вѣра воздвигаетъ храмъ Господу; и горсть отшельниковъ скоро дѣлается многочисленною братіею, и столѣтнія, дѣвственныя деревья видятъ въ своей средѣ достойное себя зрѣлище. Нѣсколько остатковъ мозаики указываютъ на мѣсто алтаря. Протестантскіе политики радуются уничтоженію того, что они называютъ слѣдствіемъ суевѣрія и монашеской лѣности. Несчастные! Но что останется по прошествіи нѣсколькихъ столѣтій, отъ всѣхъ вашихъ машинъ и желѣзныхъ дорогъ? Вы обвиняете самихъ себя, обвиняя предковъ. Можете ли вы, съ вашими тканіями и мануфактурными издѣліями, создать своды и столбы, подобные этимъ? И какъ жалокъ, бездушенъ и мелокъ громкій шумъ вашихъ фабрикъ, въ сравненіи съ выспренною гармоніею старинныхъ Sanctus, Gloria in excelsis, Requiem, которою и теперь наполняется душа при видѣ величественныхъ остатковъ католицизма?

«.....Я ѣздилъ, по приглашенію профессора В. С'''', въ Остъ-Индскій Коллегіумъ, East India College, въ Гелиберри, близъ Гертфорда. Погода была прекрасная, туда и на возвратномъ пути, — два лучшихъ дня прошлогодней весны. Посѣвы и произрастенія были вездѣ восхитительны; ряды красивыхъ дачъ, мызъ, садовъ, полей и рощъ, обставляютъ всю дорогу. Мы ѣхали черезъ Гакни, Стамфордъ Гилль, Тоттенгамъ, Идмонтонъ, Вормли и Годдисдонъ. Трудно было опредѣлить, гдѣ начинается и гдѣ оканчивается городокъ или селеніе: только, дома построены всѣ на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, и это придаетъ много разнообразія мѣстности.

«East India College основана Остъ-Индскою Компаніею, съ цѣлію образовать чиновниковъ для ея службы, то есть,

Digitized by Google

болѣе или менѣе превращать молодыхъ Европейцевъ въ Азіятскихъ служителей. Къ этой цѣли направлено все ихъ воспитаніе. Плата за учениковъ неимовѣрно щедра: на одинъ столъ отпускается въ годъ по пятидесяти по двѣ гинеи (1,050 рублей). Учители тоже получаютъ отъ Компаніи хорошее жалованье; каждому изъ нихъ даютъ порядочный домъ съ садикомъ.

«Въ воскресенье утромъ, когда всѣ еще спали, я пошелъ прогуливаться по окрестностямъ, посреди кустарниковъ и густыхъ, средней величины, дубовъ, по бархатной зелени луговъ, при утреннемъ пѣніи жаворонковъ. Кромѣ ихъ, все молчало. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ неумолкаемомъ шумѣ Лондона, эта тишина и одиночество произвели надо мной величайшее впечатлѣніе. Мнѣ казалось, что никого нѣтъ болѣе на землѣ, и что я да эти птицы — единственныя живыя существа въ мірѣ. Это, вмѣстѣ съ мыслію объ отсутствіи дорогихъ моему сердцу и воспоминаніями о родинѣ, возбудило во мнѣ чувство невыразимой меланхоліи. Мнѣ надобно было употребить довольно времени чтобы прійти въ себя и подумать о возвращеніи въ людское общество. Я завтракалъ съ Г. Дж***, и выдержалъ съ нимъ длинный разговоръ о сравнительномъ положеніи нашихъ (Пруссскихъ) крестьянъ и Англійскихъ мызниковъ. Я постепенно проясняю себѣ понятія объ этомъ предметѣ, тогда какъ Англичане находятъ труднымъ понять, въ чемъ состоятъ наши улучшенія. Потомъ я слушалъ литургію и прекрасную проповѣдь, посѣтилъ библіотеку, и отправился одинъ домой.

«Такъ я провелъ два новыхъ, поучительныхъ дня. Если я не вдаюсь теперь въ ихъ подробности, то этому есть важная причина: я долженъ прежде всего говорить объ Англійскомъ воскресеньѣ. Я вполнѣ одобряю Англичанъ, что они рѣзко отличаютъ воскресный день отъ будничнаго и противополагаютъ ихъ другъ другу; послѣ неутомимыхъ занятій мірскими предметами въ теченіе недѣли, они посвящаютъ воскресенье почти исключительно дѣлу набожности, и болѣе исключительно чѣмъ Нѣмцы или другіе народы. Образованные классы, конечно, легко могутъ находить себѣ и умственныя развлеченія; но нельзя не замѣтить, что этотъ контрастъ воскресенья и прочихъ дней недѣли — слишкомъ

Digitized by Google

строгъ, слишкомъ Іудейскій; онъ не даетъ пищи, и не позволяетъ полезныхъ развлеченій для ума, — развлеченій вовсе не противныхъ христіанству, какъ то утверждаютъ нѣкоторыя секты. Низшіе классы, которые провели шесть дней безъ отдыху за привычною работою, находятъ воскресный день самымъ печальнымъ изо всѣхъ. Пѣніе, музыка, пляска, театръ, и другія невинныя увеселенія, имъ запрещены, и они смотрятъ на нихъ какъ на дьявольскія потѣхи. Какое жъ выходитъ слѣдствіе? То, что умѣренные люди остаются умѣренными и спокойными, а большинство, менѣе разборчивое и не столь терпѣливое, ищетъ удовольствія въ грубыхъ чувственныхъ наслажденіяхъ, и въ нихъ полагаетъ все различіе между воскресеньемъ и буднями. Набожные видятъ въ этомъ нарушеніе саббата, и они правы; но полагаютъ помочь злу еще болѣе строгими установленіями, и въ этомъ, по моему мнѣнію, они ошибаются. Если бъ, — что весьма трудно, — закрывать въ воскресенье всѣ публичные и питейные дома, то какъ бы масса народа стала проводить это время? Въ умственныхъ упражненіяхъ? Но развѣ двѣ проповѣди, одна утромъ, другая послѣ обѣда, не достаточны? Въ чтеніи книгъ? Но многіе не умѣютъ читать. Спать, что-ли?.....

«Продолжая такимъ образомъ пріискивать для нихъ упражненіе, мы найдемъ, что одно средство удержать милліоны народа отъ порока — связать ихъ или запереть до понедѣльника, если не будетъ позволительныхъ развлеченій. Я увѣренъ, что пьянство гораздо бы уменьшилось, если бъ разрѣшили народу музыку, пѣніе и пляску, — увеселенія несравненно менѣе животныя нежели другія, и уже утонченныя увеселенія. Кто, напримѣръ, хочетъ пѣть, плясать или итти въ театръ, тотъ не станетъ пить джину. Другимъ слѣдствіемъ такихъ развлеченій была бы большая опрятность. Нынѣшній способъ наблюденія воскресеньевъ въ Англіи есть еще причина немузыкальности простаго народа, а какъ скоро нѣтъ для музыки этого обширнаго основанія, немногія частныя дарованія могутъ выйти изъ посредственности. Музыкальная чувствительность — важный признакъ народной образованности и, слѣдственно, нравственности. Я совершенно отрицаю, будто-бы милліоны Англичанъ дѣлаются хорошими христіанами потому именно, что дурно поютъ въ

Digitized by Google

церкви или вовсе не умѣютъ пѣть. Нѣсколько утреннихъ концертовъ въ Лондонѣ и высокія цѣны мѣстамъ въ Италіянской Оперѣ не имѣютъ никакой связи съ народною образованностью, и ни сколько не доказываютъ общаго вкуса и любви къ искусству.

«.....Я осматривалъ Buckingham-House, новый дворецъ короля въ Сентъ-Джемсскомъ паркѣ. Наружность, пропорція частей, коллонада, объемъ, составляютъ видъ величественный. Но что сказать о внутренности? Я еще не видалъ ничего, чтобы сильнѣе свидѣтельствовало объ отсутствіи вкуса и истиннаго искусства. Говорятъ, и самъ король жалѣетъ, что истратилъ такія суммы на зданіе, котораго безвкусіе заронило уже въ немъ отвращеніе когда-либо переѣхать въ этотъ дворецъ. Оно весьма естественно. Я самъ не согласился бы избрать своею резиденціею палатъ, гдѣ все такъ уродливо-богато, гдѣ всѣ стили архитектуры въ раздорѣ, гдѣ нѣтъ уголка, украшеннаго съ истинною изящностью. Даже первая комната, въ которую вы входите съ лѣстницы, имѣетъ всѣ эти недостатки: дверь на лѣстницу сдѣлана сбоку, и вся зала походитъ на какой-то огромный пустырь, освѣщенный на мѣдныя деньги; вы никакъ не можете постигнуть его назначенія. Главные апартаменты *украшены* колоннами, красными, розовыми, голубыми и синими, подъ мраморъ, которыя Богъ знаетъ съ какой здѣсь стати, потому что онѣ ничего не поддерживаютъ. Но, вотъ, въ смежныхъ покояхъ нѣтъ колоннъ: тутъ только пилястры, — да какіе пилястры! Безъ основаній и капителей, или кой-гдѣ съ капителью и усѣченнымъ основаніемъ. Въ одной и той же залѣ, стили Египта, Греціи, Этруріи, Рима и среднихъ вѣковъ, перемѣшаны наудачу; двери, окна, камины, въ этихъ несчастныхъ чертогахъ, такъ не соразмѣрны, что самый неопытный глазъ не можетъ не оскорбиться ими. Раздѣленія самыя неправильныя и неискусныя; двери иногда въ центрѣ, иногда въ углу, иногда съ боку; въ одной даже комнатѣ есть трое дверей, различныхъ по ширинѣ, вышинѣ и украшеніямъ. Надъ дверьми красуются иногда барельефы и изваянія, изображающія рядомъ Пигмеевъ съ Бробдиньягянами, людей въ два фута и людей въ шесть футовъ на одномъ планѣ. Меньшія фигуры имѣютъ паучьи руки и ноги, и можно право

Digitized by Google

подумать, что онѣ пришли въ королевскія палаты, чтобъ откормиться. Одна только зала не безъ достоинства: это живописная галлерея въ готическомъ вкусѣ; но и та не у мѣста, и слишкомъ напоминаетъ капеллу Генриха VII. Таковъ этотъ дворецъ, который дорогою цѣной доказалъ старинную истину, что самое огромное богатство, не управляемое образованнымъ вкусомъ и знаніемъ Искусства, не произведетъ того, что́ можно бы сдѣлать съ болѣе умѣренными средствами, но при пособіи вкуса и таланта; дворецъ совершенно въ духѣ Бентамовой, утилитарной теоріи Искусствъ, въ которой все изящное подчинено полезному. Полезному? Но дворецъ же не доки и не мануфактура! Самою полезною вещью было бы — его не строить, или то, чтобъ Аладдинъ явился съ своей магической лампою и перенесъ все зданіе въ Африканскія пустыни. Пусть бы стекались въ него ученые путешественники, и рвались надъ разгаданіемъ того, въ какомъ странномъ состояніи образованности находился народъ, который строилъ зданія въ такомъ уродливомъ, и вмѣстѣ дорогомъ, стилѣ. Народъ могъ бы еще быть оправданъ, или по-крайней-мѣрѣ извиненъ, но архитекторъ и тотъ, кто утверждалъ его проекты и смѣту, стоили бъ быть провозглашены новыми Геростратами; потому что сжечь прекрасное зданіе или выстроить такое на прекрасныя деньги — всё равно.»

Мнѣніе Г. Раумера о старинномъ Оксфордскомъ университетѣ, теперь быть-можетъ единственномъ, который еще сохранилъ привиллегіи и обряды университета среднихъ вѣковъ, объ университетѣ ученыхъ сановниковъ и ученыхъ церемоній, исключительномъ, богословскомъ безъ терпимости, страстномъ ко всему заплеснѣвшему и ультра-консервативномъ, — это мнѣніе можетъ быть предугадано, но оно тѣмъ не менѣе любопытно, какъ высказанное бывшимъ членомъ Нѣмецкихъ университетовъ, которые имѣютъ тотъ недостатокъ, что бѣгутъ слишкомъ скоро, тогда какъ недостатокъ этого — что онъ не двигается съ мѣста.

«Никто не можетъ судить объ Оксфордѣ, объ его ученомъ, политическомъ и церковномъ состояніи, если не видѣлъ его своими глазами. Многое, что́ кажется издали непостижимымъ, очень ясно на мѣстѣ, и строгое сужденіе охотно смягчается,

Digitized by Google

чтобъ сдѣлаться справедливымъ. Въ другихъ городахъ, вы встрѣтите одну древнюю церковь, или развалины одного древняго замка; онѣ стоятъ одинокія, безъ сочувствія съ окружающими зданіями, подаренныя или, вѣрнѣе сказать, застроенныя огромнымъ числомъ новѣйшихъ зданій совершенно другаго характера. Здѣсь, совершенно противное. Здѣсь цѣлый городъ наполненъ благороднѣйшими и изумительнѣйшими памятниками стариннаго періода, а всѣ новѣйшія зданія кажутся незначительной пристройкою. И этотъ старинный періодъ не есть вѣкъ уже минувшій; онъ живетъ и теперь, въ настоящемъ, въ полной своей силѣ. Даже камни изъ Колисея, въ Римѣ, употреблены были на сооруженіе новыхъ зданій; но здѣсь не возьмутъ ни одного оборвавшагося рельефа, ни одного рогатаго украшенія готическаго, — это считаютъ святотатственнымъ посяганьемъ на священные остатки Искусства временъ феодализма. Эта благородная любовь къ сохраненію родной старины не могла не проникнуть мнѣній жителей касательно государства, Церкви и науки. Было бы противно всѣмъ законамъ природы, не ожидать такого результата.

«Жилья, построенныя на пескѣ, легко могутъ быть сняты, перенесены и снова построены; не таковы Оксфордскія зданія: они созданы прочно, на столѣтія, и жители не позволятъ никому выгнать себя изъ нихъ или устроить въ нихъ, или подлѣ нихъ, шумную фабрику. Можемъ ли порицать такое уваженіе вѣковыхъ памятниковъ, потому только что они не нашего вѣка и не послѣдней моды?»

«Мы радуемся и дивимся новѣйшимъ изобрѣтеніямъ нашего времени, — желѣзнымъ дорогамъ и пакгаузамъ, паровымъ машинамъ, повозкамъ и станкамъ. Но какое главное ихъ назначеніе? Они помогаютъ тѣлу, карману, а не уму. Между-тѣмъ люди тѣхъ темныхъ вѣковъ основали заведенія, которыя до-сихъ-поръ изумляютъ; основали безкорыстно, съ единственной цѣлію изящнаго и пищи для ума и души. Нѣтъ сомнѣнія, говорятъ другіе, что и хлопчатая бумага и желѣзо имѣютъ вліяніе на умъ, потому что тѣло неразрывно связано съ головою: но, милостивые государи, mens agitat molem, — умъ долженъ быть начальникъ и правитель, а не слуга и подчиненный.

Digitized by Google

«Когда парламентъ богатѣйшей націи въ мірѣ даетъ только двадцать тысячъ фунтовъ (500,000 рублей) на усовершенствованіе ума, какъ жалко видѣть эту мелочность, не достойную даже упоминанія, подлѣ подвига частнаго основателя Оксфордскаго университета? Англичане отвѣчаютъ, что правительство рѣшилось, какъ требовали того справедливость и духъ времени, предоставить все народное просвѣщеніе промышленности гражданъ и дѣйствію частныхъ заведеній. Какъ требовала того справедливость, говорите вы? Но гдѣ тотъ уставъ, который обязываетъ правительство издавать законы для одного только тѣла, пренебрегая дѣла ума и предоставляя его попеченіямъ человѣколюбиваго Самаритянина? Духъ времени! Покажите же ваши новѣйшія учрежденія, которыя бы превосходили старинныя. Не воскресныя ли школы, гдѣ въ полчаса вы хотите просвѣтить умы, спящіе цѣлые шесть дней при механическихъ работахъ, или не ваши ли рабочіе домы, въ которыхъ обучаете бродягъ ремесламъ и нравственности? И радикальные филантропы хотятъ «воскресить» Оксфордъ, замѣстивъ его старые коллегіумы фабриками и рабочими домами! Оксфордъ, который доселѣ считалъ своимъ священнымъ долгомъ стоять на стражѣ ума противъ тѣла, духовности противъ матеріализма, науки противъ корысти! Пока онъ совѣстливо будетъ исполнять этотъ свой долгъ, до-тѣхъ-поръ всѣ благомыслящіе люди будутъ на его сторонѣ.

«Философія среднихъ вѣковъ, которая такъ неосновательно подверглась порицаніямъ и презрѣнію, имѣла своимъ центромъ и животворнымъ началомъ ученіе о Богѣ и отношеніи человѣка къ своему Творцу и Хранителю. Предметы подлежащіе чувствамъ, исчезали передъ верховнымъ владычествомъ души и ума. Заслуга Бекона состояла въ томъ, что онъ возвратилъ законныя права природѣ и опыту; но, отбросивъ все старое въ пользу новаго, скоро предали старое совершенному забвенію, и не могли не прійти къ эмпиризму Лока, Кондильяка, и наконецъ Бентама. Глубокое богословіе прежнихъ временъ замѣнено новымъ созерцаніемъ природы, въ которомъ огонь, вода и воздухъ играютъ важнѣйшую роль. Германская философія имѣетъ ту выгоду, что, несмотря на нѣкоторыя слишкомъ странныя умозрѣнія она

Digitized by Google

всегда умѣла находить путь къ спиритуализму, всегда становила у себя на челѣ законъ духа и всегда чувствовала недостатки противной системы: это сдѣлаетъ ее со-временемъ болѣе полезною для человѣка нежели паровыя машины и гидравлическіе прессы.

«Лордъ Брумъ, предлагая разныя усовершенствованія системы Англійскаго воспитанія, сказалъ, что «на Европейскомъ материкѣ запрещено преподаваніе политической исторіи», и выкинулъ тутъ же блестящее похвальное слово Исторіи и жестокую филиппику противъ тиранства и варварства иностранныхъ правительствъ. Я только спрошу, подобно Греку, слышавшему о «похвальномъ словѣ» Геркулесу: «Да кто жъ его бранилъ?» Всѣ знаютъ, *гдѣ* лордъ Брумъ нашелъ источники *для* своей хвалы и брани, и *гдѣ* дѣйствительно Исторія запрещена. Но зачѣмъ онъ всю Европу обратилъ въ предметъ своего нападенія, и бросаетъ стрѣлы на воздухъ? Онъ могъ бы, ничего не страшась, какъ безошибочный Аполлонъ, метать удары въ точку, въ которую хотѣлъ бить. Я думаю, что тутъ должна заключаться какая-нибудь адвокатская уловка, подъяческій крючекъ. Лордъ Брумъ доказывалъ необходимость улучшенія Англійскихъ училищъ, и могъ безъ церемоніи привести, какъ одно изъ самыхъ рѣзкихъ доказательствъ, то, что ни въ Итонѣ, ни въ Оксфордѣ, ни въ Королевскомъ Коллегіумѣ, ни даже въ существующемъ въ его фантазіи или мудрости Лондонскомъ Университетѣ, словомъ нигдѣ въ Англіи, Исторія не читается такъ какъ должна быть читана. Кромѣ розысканій объ Ассирійской и Вавилонской исторіи, да о Грекахъ и Римлянахъ, разысканій по большей части филологическихъ, въ Англіи не занимаются Исторіею. Я надѣюсь, что прожектёрный умъ Брума предложитъ, *для* университетскаго преподаванія, ту историческую систему, которая давно уже процвѣтаетъ въ Германіи.

«Вообще, должно сказать относительно училищъ, что быть-можетъ ни одна страна не имѣетъ столько старинныхъ и почтенныхъ заведеній какъ Англія: а между тѣмъ при такихъ обширныхъ средствахъ, какіе жалкіе результаты! Донесеніе парламентскаго комитета о состояніи просвѣщенія въ 1834 году, представляетъ обстоятельное извѣстіе объ

Digitized by Google

Англійскихъ школахъ; оно основано на вопросахъ, предложенныхъ тысячѣ пяти стамъ инспекторамъ, и на которыя они отвѣчали при помощи духовенства и учителей. Большая часть училищъ принадлежатъ двумъ частнымъ компаніямъ, Народному Обществу, the National Society, и Обществу Британскихъ и Иностранныхъ школъ, British and Foreign School Society. Связи, соединяющія ихъ между собою, состоятъ во власти ихъ собственнаго благоусмотрѣнія, потому что онѣ ни отъ кого не зависятъ, не подчинены ни чьему надзору или направленію, и не имѣютъ ни какой общей формы или общаго устава. Однимъ словомъ, онѣ въ такихъ точно отношеніяхъ между собою, въ какихъ находились въ средніе вѣки монастыри Бенедиктинцевъ, прежде основанія большихъ конгрегацій. Главное различіе между двумя «Обществами *для* просвѣщенія» состоитъ въ томъ, что Народное Общество принимаетъ въ свои училища дѣтей всѣхъ исповѣданій, даже жидовъ; но обучаетъ всѣхъ — религіи господствующей, Англиканской. Общество Британскихъ и Иностранныхъ школъ не даетъ религіознаго воспитанія, въ духѣ никакой особенной Церкви, а довольствуется чтеніемъ и объясненіемъ нѣкоторыхъ частей Библіи. Оба общества чрезвычайно распространились въ послѣднее время. Они поощряютъ своихъ воспитанниковъ небольшими подарками. Кромѣ этихъ ободреній, они не имѣютъ почти ни какого вліянія на усовершенствованіе методъ воспитанія, въ учебномъ отношеніи. Отдѣльныхъ училищъ *для* образованія учителей, не существуетъ, и учители часто получаютъ весьма незначительную плату. Британское Общество, вслѣдствіе принятаго имъ правила на счетъ Закона Божія, не пользуется ни какими вспоможеніями отъ духовенства. Да и школамъ Народнаго Общества оно помогаетъ когда и какъ ему вздумается.

«Какъ число школъ было слишкомъ не значительно и дѣти, работающія цѣлую недѣлю въ полѣ или на мануфактурахъ, не могли посѣщать ихъ, то вздумали основать «восе кресныя» училища, Sunday-schools, которыя весьма размножились въ послѣдніе годы, и конечно принесли нѣкоторую пользу. Но немногіе часы, которые въ воскресный день позволяютъ удѣлить обученію, суть самое слабое подставно-

Digitized by Google

средство вместо болѣе основательнаго и прочнаго образованія въ настоящихъ, систематическихъ училищахъ. Говорятъ, что до полутора милліона дѣтей прибѣгаютъ въ эти школы по воскресеньямъ. Положимъ, что это число не преувеличено: тогда сто тысячъ Прусскихъ дѣтей проводятъ болѣе часовъ въ классѣ нежели эти полтора милліона Англичанятъ. Притомъ надобно замѣтить, что несмотря на безденежное обученіе въ воскресныхъ школахъ, многіе однако жъ не посѣщаютъ ихъ, напримѣръ въ Манчестерѣ, по словамъ господина Бредли, пятнадцать тысячъ мальчиковъ не ходятъ ни въ какія школы. Г. Бредли предлагаетъ разныя мѣры, чтобы принудить ихъ учиться; но едва ли это насильственное образованіе принесетъ пользу.

«Нѣтъ сомнѣнія, что училища съ большими средствами, правильно устроенныя и приноровленныя къ возрастамъ обучающихся, принесли бы гораздо болѣе пользы. Недостатки публичныхъ заведеній для воспитанія породили въ Англіи тму частныхъ пансіоновъ, которые еще менѣе подвержены чьему-либо надзору. Содержаніе пансіона сдѣлалось торговою спекуляціею, которая обогащаетъ или разоряетъ, смотря по свѣтлости содержателя. Это его первый опытъ, experimentum in corpore vili, на пути къ обогащенію; не удастся — нужды нѣтъ, онъ тутъ ничего не теряетъ; но его опыты часто дѣлаются надъ благороднѣйшими тѣлами и душами, и въ этихъ пансіонахъ, какъ я слышалъ, болѣе занимаются тѣлесными наказаніями чѣмъ нравственнымъ образованіемъ ученика.

«Еще болѣе жалобъ на гимназіи, и въ особенности на знаменитый Итонскій коллегіумъ. Не мое дѣло разбирать подобныя тяжбы; я позволю себѣ только нѣсколько замѣчаній, укажу на предметы требующіе необходимаго исправленія; на малое число классныхъ часовъ (ихъ бываетъ только одинадцать въ недѣлю), на тиранство старшихъ школьниковъ надъ младшими, на чрезмѣрное упражненіе одной памяти, на скопленіе множества учениковъ въ одной и той же комнатѣ, что мѣшаетъ имъ заниматься и думать, на пристрастное и несправедливое различіе въ обхожденіи съ богатымъ и бѣднымъ, на тѣлесныя наказанія, которымъ подвергается большая часть учениковъ, и пуще всего на недостаточное

Digitized by Google

число предметовъ преподаванія, на устарѣлую методу преподаванія. На это уже давно жаловались, до сихъ поръ жалуются, и жалуются справедливо. Образованіе въ Германскихъ гимназіяхъ несравненно обширнѣе.»

Послѣ этихъ разсужденій объ Англійской системѣ воспитанія, Г. Раумеръ описываетъ состояніе университетовъ и училищъ въ Шотландіи и Ирландіи, и сравниваетъ Британскія учебныя заведенія съ Прусскими. Вотъ что онъ говоритъ объ излишкахъ Ирландскихъ церковныхъ доходовъ, которыя виги хотятъ употребить на училища.

«Министерская партія представляетъ ихъ огромными, въ намѣреніи, какими бы то ни было средствами, присвоить ихъ себѣ; тори, или консервативная оппозиція, напротивъ того, утверждаетъ, что никакого излишка не существуетъ, но утверждаетъ это только для того чтобы удалить ближайшее разсмотрѣніе этого вопроса. Если достовѣрно, что нѣтъ никакого излишка, то зачѣмъ вооружаться противъ его разсмотрѣнія и представлять это безполезнымъ? Имъ слѣдовало бъ скорѣе побуждать къ этому, чтобы вѣрнѣе торжествовать побѣду. Но что такое излишекъ, и что такое необходимое? Когда протестантскій епископъ получаетъ ежегодно тысячу или четырнадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ, а приходскій священникъ двадцать фунтовъ или двѣсти фунтовъ, то можно выводить самые различные результаты. То вѣрно, что въ іерархіи должны существовать важныя злоупотребленія, когда одно духовное лице пользуется огромными суммами, а другому не даютъ приличнаго куска хлѣба: когда 535 мѣстечекъ не имѣютъ приходовъ, и 339 мѣстечекъ не имѣютъ пасторовъ.

«Министерство находится на совершенно правомъ пути, когда желаетъ исправить недостатки Ирландской Церкви; но не всѣ мѣры его — правыя. Оно настаиваетъ на непремѣнномъ существованіи излишка, потому что не хочетъ искать другихъ источниковъ дохода. Но этотъ излишекъ чрезвычайно уменьшится, быть-можетъ совершенно исчезнетъ, при болѣе справедливомъ распредѣленіи его между протестантскимъ духовенствомъ. Развѣ болѣе нѣчего дѣлать? Развѣ не надо обратить вниманія на католическую Церковь, которая чрезвычайно бѣдна въ сравненіи съ протестантской?»

*

Digitized by Google

Нынѣшнее состояніе Англійской литературы, которая съ потерею своихъ великихъ свѣтилъ, болѣе и болѣе померкаетъ, не могло много занимать Г. Раумера, и знаменитый историкъ весьма основательно предпочелъ заняться нынѣшнимъ состояніемъ кухни и другихъ изящныхъ Искусствъ. Г. Раумеръ какъ-нельзя удачнѣе сравниваетъ Англійскую кухню съ Египетскою миѳологіею, и весьма искусно выводитъ доселѣ никѣмъ не замѣченныя точки удивительнаго сходства между бифстекомъ, ростбифомъ, Изидою и Озирисомъ.

«Проходя однажды мимо одного трактира, я замѣтилъ въ росписи обѣденныхъ блюдъ «рисовый супъ». Какъ я ни разу еще не ѣлъ въ Лондонѣ этого любимаго моего супу, то очень извинительно влеченіе, которое я почувствовалъ при одномъ его названіи. Я вошелъ въ трактиръ. Столъ былъ отличный, и вовсе не Англійскій, а скорѣе Французско-Нѣмецкій: это и было мнѣ по вкусу. Англійская кухня очень непріятна; вы должны изъ всѣхъ силъ жевать всякое мясо, — такъ оно сыро: это очень полезно молодымъ зубамъ, но убійственно для старыхъ зубовъ и желудковъ. Англійская кухня весьма походитъ на ту, которую описываетъ Гомеръ. Хорошее качество провизіи — главная основа всему; и потому у Англичанъ всегда отличны рыба, мясо и зелень. Но искусство,—они, къ сожалѣнію, его не знаютъ, или оно нейдетъ у нихъ впередъ, хотя во всемъ необходимо ученое и изящное соединеніе природы и искусства. Ихъ рыбный соусъ вѣчно одинъ и тотъ же. Всякая зелень является у нихъ in naturalibus; всякій супъ старается скрыть свои недостатки подъ массою перцу и пряныхъ кореньевъ. Посмотрите, что дѣлаетъ изъ тѣхъ же самыхъ матеріяловъ Французская кухня! Но Англійская, съ своими жирными и вѣчными ростбифами, бифстеками и жареной бараниной — точь-въ-точь монотонныя Египетскія божества, съ руками и ногами, сложенными вездѣ въ одной и той же позиціи, и всегда одинаковымъ выраженіемъ лица. Эти же самые боги и богини, въ рукахъ Фидіаса и Праксителя, дѣлаются фигурами полными жизни и выраженія. Точно такъ баранина и говядина въ рукахъ Французскихъ артистовъ превращаются въ образцовыя творенія кухоннаго ножа, и монотонный видъ растеній въ си-

Digitized by Google

стемахъ Линнея и Жюссіё, дѣлается самымъ разнообразнымъ на столѣ, при помощи ихъ искусства.

«Рисовый супъ напоминаетъ мнѣ Англійскіе обѣды, а эти обѣды, о которыхъ я уже столько толковалъ, приводятъ къ нѣсколькимъ замѣчаніямъ объ Англійской бесѣдѣ. Когда число гостей выше трехъ, разговоръ перестаетъ быть общимъ, никто не беретъ на себя труда управлять бесѣдою, и она идетъ полу-шопотомъ изъ устъ сосѣда къ сосѣду. И, странное дѣло, она почти никогда не касается предметовъ важныхъ, общезанимательныхъ, политическихъ. Въ какое бурное время я посѣщалъ Англійскія общества, — парламентскіе выборы неожиданно сдѣлались благопріятными вигамъ, — палъ одинъ изъ предводителей ихъ партіи, — приближалось открытіе парламента, — и что же?..... я не видалъ и слѣдовъ этого въ разговорахъ общества. Старинная аксіома — «отъ избытка сердца говорятъ уста» по-видимому не прилагается къ Англичанамъ. Французъ, въ такихъ обстоятельствахъ кипѣлъ и пѣнился бы какъ бутылка шампанскаго; всѣ его мысли и чувства какъ пробка взлетѣли бъ на воздухъ. Въ парламентскихъ преніяхъ, Французы далеко ниже Англичанъ, но они превосходятъ ихъ въ обществѣ и бесѣдѣ. Если бъ Англичане, во время всѣхъ этихъ переворотовъ въ правленіи, сдѣлались Французами, я могъ бы многое прибавить къ моему повѣствованію. Журналы, конечно, пишутъ о томъ, что происходитъ въ парламентѣ, но иностранцу было бы еще интереснѣе слышать комментаріи и замѣчанія общества, народа.

«Я отправился въ Exeter-Hall, чтобы присутствовать при засѣданіи Общества Искусствъ и Художествъ, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ адмирала Кодрингтона. Хотя я въ Лондонѣ былъ во многихъ утреннихъ собраніяхъ, и привыкъ въ нихъ видѣть болѣе дамъ нежели мужчинъ, при всемъ томъ ихъ многочисленность меня поразила. Я никогда не видалъ болѣе женщинъ въ одномъ мѣстѣ; ихъ было по-крайней-мѣрѣ восемь сотъ, а мужчинъ не болѣе шестой доли этого. Послѣ раздачи многихъ наградъ за усовершенствованія и открытія по части земледѣлія, Механики, Химіи, и прочая, приступили къ изящнымъ Искусствамъ. Тутъ только я понялъ, отчего дамы явились въ такомъ числѣ:

Digitized by Google

многія удостоились полученія золотыхъ и серебряныхъ медалей! Знаменитый президентъ старался каждой изъ награжденныхъ сказать по комплименту, и его примѣру слѣдовала вся мужская часть залы. Любопытство мое было подстрекнуто: я пошелъ полюбоваться на картины. И что жъ увидѣлъ? Самыя плохія рисовки, какія только встрѣчалъ я на нашихъ выставкахъ, — мелкія фигуры, собачки, цвѣты, кошки, головки, за которыя, право, не стоило бы похвалить и школьнаго рисовальщика.

«Нѣсколько дней спустя, я посѣтилъ мастерскую знаменитаго Чантре, лучшаго скульптора въ Англіи. Если сравнить его работы съ прежними старинными, то успѣхъ виденъ огромный, — возвращеніе отъ изысканнаго и утрированнаго къ простотѣ природы. Но возвращеніе къ природѣ есть необходимое условіе, а не высшая степень Искусства. Большая часть Чантреевыхъ произведеній состоитъ въ бюстахъ, статуяхъ и гробницахъ. Я нахожу въ нихъ только хорошее познаніе природы и вѣрное ей подражаніе; но въ нихъ нѣтъ поэтическаго и идеальнаго украшенія природы, которымъ облекаютъ свои творенія ваятели высшаго разряда. Простое сходство портрета, въ Искусствѣ, всегда будетъ вещь односторонняя, мелкая, безъискуственная; но Лисиппъ, Рафаэль, Тиціанъ, умѣютъ сочетать дѣйствительное съ идеальнымъ: у нихъ, портретъ не простое подражаніе, а возсозданіе главной мысли подлинника. Сравните Тиціанова Карла V съ Карломъ V Адамбергера, и вы поймете мое замѣчаніе. Въ Чантреевыхъ колоссальныхъ статуяхъ полководцевъ, государственныхъ людей, и прочая, видно какое-то однообразіе положеній, фигуръ и драпировки, такъ, что трудно извлечь изъ творенія опредѣленную идею какого-нибудь отдѣльнаго лица. Вы не находитесь въ такомъ сомнѣніи, когда смотрите на истинно великія произведенія Искусства, напримѣръ на Раухова Блюхера и Шарнгорста. Всѣ работы Чантреа, въ этомъ отношеніи, стоятъ на той чертѣ, гдѣ у Грековъ начиналось Искусство, въ которомъ изящность формы и идеальность, въ истинномъ значеніи слова, были высшимъ концемъ. Канова, безъ сомнѣнія, имѣетъ свои слабыя стороны; но онъ создалъ Париса, Персея, Венеру, Танцоровъ и Грацій. Рауховы двѣ королевы, по своей

Digitized by Google

красотѣ и выполненію, превосходятъ все, что я видѣлъ въ этомъ родѣ у Чантре. Но творенія, которыхъ исключительною цѣлію суть пѣніе и та красота, которой разгадкою должна быть полна душа артиста, — такія творенія не могутъ быть произведены въ Англіи; потому что въ Англіи знаменитаго художника тотчасъ же засыплютъ бездною заказовъ по вкусу публики или богатыхъ пивоваровъ.

«Вчера я долженъ былъ посвятить цѣлый день отдохновенію, чтобы обсудить множество вещей, видѣнныхъ въ предъидущіе дни. Весь день я занятъ былъ чтеніемъ и письмомъ. Изъ достойныхъ упоминанія вещей, я долженъ сказать вамъ нѣсколько словъ о лекціи Г. Тельра, Taylor, который говорилъ о новѣйшихъ Англійскихъ композиторахъ пѣсень.» Авторъ сомнѣвается въ истинномъ вкусѣ Англійской публики, и весьма справедливо; онъ жалуется, что она совершенно незнакома съ старинными произведеніями своихъ отечественныхъ талантовъ по части музыки.» Это очень понятно. Отчего, въ Европѣ, всякой знаетъ и чтитъ поэтовъ, ораторовъ и государственныхъ людей Англіи, и никто не слыхалъ объ ея живописцахъ и музыкантахъ? Отчего видимъ мы совершенно противное въ отношеніи къ Германіи и Италіянцамъ? Нѣмецъ, который не знакомъ съ великими Англійскими поэтами, начиная отъ Шекспира до Скотта и Байрона, почитается у насъ невѣждою; но относительно музыкантовъ, даже я не слыхалъ, исключая Бишопа, ни объ одномъ изъ тѣхъ, которыхъ осыпаютъ здѣсь такими громкими хвалами, хотя я не круглый невѣжда. Кто, напримѣръ, знаетъ въ Берлинѣ о господахъ Шайлдъ, Кукѣ, Стивенсѣ, Споффортѣ, Горсли, Аттвудѣ, Госсѣ, и множествѣ другихъ геніевъ? Никто, никто! Лирическая отрасль музыки, конечно, очень важна, однако она не можетъ еще составить хорошей музыкальной школы, точно такъ же какъ одна портретная живопись не составитъ школы въ живописи. Многія произведенія этихъ господъ въ самомъ дѣлѣ имѣли *что-то* общее, носившее на себѣ *какой-то* характеръ школы, но глава школы еще не являлся, а безъ него всѣ небольшіе ручьи Искусства быстро засыхаютъ и гибнутъ. И этотъ неопредѣленный характеръ пѣсенъ, скорѣе всего подходящій къ болѣзненной чувствительности, какъ онъ далекъ отъ того высокаго клейма,

Digitized by Google

которое носятъ на себѣ музыкальныя творенія нашего Рейнхардта и Цельтера, не говоря о другихъ!

«Кстати сказать нѣсколько словъ о превозносимой Италіянской Оперѣ въ Лондонѣ. Но, что̀ это такое? Оранжерейное растеніе, совершенно чуждое Англійской почвѣ, и которое доказываетъ только то, что Англичане весьма богаты и могутъ имѣть у себя, что̀ ни захотятъ, даже оперу. Они платятъ пѣвцамъ и пѣвицамъ огромнѣйшія суммы, и между-тѣмъ, въ теченіе цѣлаго года, пойдутъ послушать двѣ или три новыхъ оперы, сочиненія нынѣшнихъ не-драматическихъ композиторовъ Италіи, которыя труппа выполняетъ всегда къ общему изумленію. Но этотъ упавшій стиль и композиціи и пѣнія такъ же относятся къ истинной музыкѣ и истинному пѣнію, какъ Цуккерін къ Рафаэлю и Микель-Анджело.

«Если бъ пришлось мнѣ, послушавъ Англійскій концертъ, сравнивать музыкальность Парижа и Лондона, результатъ былъ бы слѣдующій. Масса инструментовъ, и тамъ и здѣсь, одинакова, но эффектъ въ Парижской залѣ — гораздо бо̀льшій, и Французскіе исполнители на струнныхъ и духовыхъ инструментахъ берутъ верхъ надъ Англійскими. Въ Лондонѣ, вы ясно слышите, что концертъ исполняется многими, тогда какъ въ Парижѣ, кажется, одна рука и одинъ умъ управляютъ цѣлою музыкою. Подобно полутѣнямъ и полусвѣту на картинахъ, я часто замѣчалъ сомнительные и трепещущіе тоны въ общемъ теченіи концерта. Въ Парижѣ, я былъ гораздо болѣе доволенъ, хотя въ Лондонѣ меня увѣряли, что споръ двухъ столицъ о преимуществѣ остается нерѣшенымъ. Какъ бы то ни было, въ обѣихъ вокальная музыка совершенно подчинена инструментальной.»

Посѣтивъ лекціи знаменитаго химика Фарадѐ, Г. Раумеръ сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія объ Англійскомъ манерѣ говорить:

«Г. Фарадѐ не только человѣкъ съ глубокими познаніями въ Химіи и Физикѣ, что̀ признано всею Европою, но еще краснорѣчивый профессоръ. Онъ изъясняется легко и свободно, безъ болтовни, крику и другихъ «эффектовъ», которыми часто хотятъ отличаться ученые профессоры: онъ говоритъ ясно, точно и просто. Его выговоръ подтвердилъ во

Digitized by Google

мнѣ тайное подозрѣніе, что большая часть Англичанъ очень дурно говорятъ по-Англійски. Отчего Французскій языкъ въ устахъ госпожи Марсъ, Нѣмецкій въ устахъ Тица, Англійскій въ устахъ Фаредѣ, кажется совсѣмъ другимъ языкомъ? Потому, что они ясно произносятъ то, что другіе глотаютъ или мямлятъ. Не стыдно ли, что мы такъ пренебрегаемъ гибкостію, силою и гармоніею нашей рѣчи, этимъ чуднымъ богатствомъ, которое Творецъ даровалъ человѣческому голосу!»

Г. Раумеръ большой поклонникъ Англійскихъ женщинъ. Наши читатели помнятъ, что онъ говоритъ объ ихъ красотѣ: вотъ, что онъ еще пишетъ объ ихъ обращеніи:

«Англійскихъ дамъ обыкновенно представляютъ нѣмыми, угрюмыми, холодными, тщеславными, достойными хвалы только за красоту. Красотѣ я уже давно отдалъ справедливость, и долженъ теперь, по той же самой справедливости, снять съ нихъ всѣ другіе упреки. Во-первыхъ, онѣ по большей части весьма образованы, и бесѣда съ ними никогда не ограничивается пустыми комплиментами и общими мѣстами, какъ напримѣръ въ Италіи. Англичанки, мнѣ кажется, гораздо обходительнѣе и живѣе въ обществѣ, нежели ихъ мужчины. Какъ скоро несовершенное познаніе языка позволило мнѣ выражать вполовину мои мысли и чувства, онѣ тотчасъ готовы были понять ихъ, и это такъ мило, такъ живо, такъ услужливо, что я не зналъ никогда пріятнѣйшей бесѣды. Нѣтъ ни слѣда жеманности, тщеславія ихъ кокетства, но именно настоящая, положительная и умная середина между этими крайностями. То же самое должно сказать объ ихъ одеждѣ. Она вообще проще чѣмъ у Француженокъ и Нѣмокъ. Конечно иногда, хотя и очень рѣдко, проявляется въ нихъ неравнодушіе къ кокетству и таулету; но никогда, рѣшительно, вы не увидите Англійской дамы, «разряженной въ пухъ». Вы упрекнете меня въ пристрастіи? Быть-можетъ, я пристрастенъ; но по-крайней-мѣрѣ это — безкорыстное пристрастіе; потому что я въ самомъ дѣлѣ нахожу Англичанокъ какъ-нельзя болѣе любезными, хотя ни одна изъ нихъ не сдѣлала подобнаго комплимента старому *книгоѣду*, bibliophage, какъ называлъ меня покойный Абель-Ремюза.»

Наконецъ, Г. Раумеръ былъ свидѣтелемъ въ Англіи сцены совсѣмъ въ другомъ родѣ чѣмъ тѣ, о которыхъ мы го-

Digitized by Google

ворили; потому что перемѣна министерства та же сцена. Онъ былъ свидѣтелемъ паденія министерства Пиля.

«Вчера вечеромъ, послѣ долгихъ судорогъ, министерство умерло. Что министерство торіевъ, и торіевъ въ старинномъ смыслѣ слова, не могло существовать, въ томъ я не сомнѣвался ни на минуту. Единственный вопросъ состоялъ въ томъ, какъ далеко пойдутъ тори на новомъ пути, который былъ имъ открытъ. Вопросъ о Церкви показалъ, что сохраненіе вражды религіозныхъ партій представлялось имъ болѣе священною и необходимою обязанностью чѣмъ примиреніе этихъ страстей. Они рѣшительно смотрятъ на собственность Ирландской Церкви, какъ Нѣмецкіе дворяне на пребенды Католическихъ капитуловъ.

«Историческія и богословскія изслѣдованія привели меня къ самому твердому убѣжденію, что всякаго рода фанатизмъ гибеленъ; что милосердіе и терпѣніе — лучшіе наставники чѣмъ насиліе и исключительность; что всѣ христіанскія секты проистекаютъ изъ одного и того же источника милосердія и искупленія; и что нѣкоторые оттѣнки мнѣній могутъ и должны быть терпимы. Въ Англіи и теперь уже болѣе сектъ нежели въ другихъ странахъ, и потому тѣмъ болѣе страннымъ кажется ея духовная нетерпимость.»

Въ этотъ же вечеръ, Г. Раумеръ былъ на обѣдѣ Театральнаго Фундуша.

«Я бы могъ сказать вамъ много вещей объ этомъ обѣдѣ; но всѣ онѣ теряютъ занимательность передъ одною мыслію. Въ этотъ самый часъ министерство Пиля распущено, и его паденіе не произошло отъ coteries et tracasseries, какъ то бываетъ во Франціи, но влечетъ все государство къ существенному результату — и клонится къ дѣйствительнымъ перемѣнамъ. Такой случай, въ Парижѣ, подалъ бы знакъ къ возгласамъ, остротамъ, вспышкамъ страстей, надеждамъ, спасеніямъ, похваламъ, ругательствамъ; все бы это кипѣло, шипѣло, искрилось, какъ champagne mousseux. Здѣсь, какое различіе! Первый тостъ предложенъ былъ за короля; потомъ за королеву, оба съ громкими одобреніями; потомъ всѣ пѣли God save the king. Казалось, будто не прошло ни одного вала на поверхности водъ. Казалось, будто благосостояніе Англіи, ея богатства и законы, стоятъ прочно

Digitized by Google

на якорѣ въ самомъ безопасномъ и спокойномъ мѣстѣ океана, гдѣ ни вѣтры ни волны не могутъ причинить имъ ущерба. Тучи, носящіяся надъ ними, и которыя намъ, робкимъ зрителямъ, кажутся предтечами бурь и урагана, передъ ними какъ-будто легкое лѣтнее облако и признакъ равновѣсія атмосферы.

«Однимъ словомъ, въ продолженіе этихъ минутъ, во мнѣ происходило что-то особенное, что-то высоко утѣшительное, — неизъяснимое чувство, которое при моей симпатіи къ Англіи, едва удерживало меня отъ слезъ.»

Но мы должны окончить длинныя наши выписки изъ этой замѣчательной книги. Въ заключеніе мы приведемъ сужденія Г. Раумера о происшедшемъ и будущности.

«Я никогда и никакъ не могу согласиться съ исключительными панегиристами протекшаго, которые думаютъ, что исторія міра идетъ все къ худшему, и еще менѣе съ приверженцами теоріи безплоднаго, непрочнаго «сегоднишняго числа». Я говорю, что кто не понимаетъ временъ Генри V, вѣка королевы Елизабеты, старыхъ періодовъ Британской исторіи, въ ея темныхъ и свѣтлыхъ точкахъ, тотъ не въ состояніи справедливо судить о настоящемъ. Какія нелѣпости часто теперь декламируютъ литературные грибы о вѣкахъ мрака, зная только одно вчерашнее! Развѣ старинные и доселѣ изумительные соборы Англіи менѣе говорятъ о силѣ ума и руки нежели желѣзныя дороги? Кто выше, зодчій Вестминстерскаго Аббатства, или архитекторъ Бокингамова Дворца? Кто имѣетъ болѣе ясную идею о церкви, Томасъ Бекетъ или нынѣшніе ваши богословы на каѳедрахъ? Гдѣ больше христіанскаго героизма и рыцарства, въ Ричардѣ-Львиномъ-Сердцѣ и его сподвижникахъ, или въ тѣхъ господахъ, которые вообразили себѣ, что существованіе Англіи зависитъ отъ существованія Турецкаго султана? Гдѣ найдемъ болѣе ясности, благозвучія, поэзіи и гармоніи, въ Шекспировыхъ Midsummer Night's Dream и As you like it, или въ Байроновомъ Донъ Жуанѣ? Слѣдственно, уважай предковъ, чтобы потомки отдавали справедливость тебѣ.

«Всякое племя имѣетъ свое дѣло, назначеніе и лозунгъ. Счастливъ тотъ, кому небо дало участь понимать столѣтія,

Digitized by Google

сочувствовать, мыслить и жить вмѣстѣ съ ними. Фидіасъ и Рафаэль, Софоклъ и Шекспиръ, Геродотъ и Юмъ, дѣлаются ему понятными и близкими къ сердцу. Но одинъ и тотъ же вѣкъ не можетъ произвести вещей столь противоположныхъ по своей природѣ. Юмовъ взглядъ на міръ невозможенъ подъ свѣтлымъ небомъ древней Іоніи, и чувственная наивность Геродота въ туманной атмосферѣ Лондона. Горе лицу и народу, которые не видятъ того, что они должны или могутъ дѣлать; которые стремятся къ слишкомъ малому или къ слишкомъ великому; которые смотрятъ только впередъ или только назадъ. Все развитіе человѣка состоитъ изъ прошедшаго, настоящаго и будущаго. Дитя потому дитя, что для него не существуетъ прошедшаго, а старикъ дѣлается ребенкомъ, когда пристрастясь единственно къ прошедшему, laudator temporis acti, онъ не думаетъ болѣе о будущемъ.

«Богатство есть сила, не только тѣлесная, но и умственная, и изо всѣхъ цѣнностей земли Англія выбрала себѣ самую большую. Но горе ей, если употребленіе этой силы будетъ недостойно и неблагодѣтельно; и жители этого счастливаго острова, — nimium fortunati, si sua bona norint, — будутъ виноваты сами, когда не поймутъ выгодъ своего положенія въ политическомъ мірѣ.»

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
и
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

О НАСТОЯЩЕМЪ ПОЛОЖЕНІИ
СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ АНГЛІИ И ФРАНЦІИ.

Статья первая.

Англія и Франція, два сосѣднія Государства, представляютъ разительную противоположность какъ по своему мѣстоположенію, такъ по духу народному, образу жизни и сельскому хозяйству. Природа для Англіи мачиха. Почва грубая, песчаная, безъ естественнаго плодородія или и совершенно безплодная; туманное и нерѣдко суровое небо, — все это по-видимому, не создано для процвѣтанія сельскаго хозяйства. Франція надѣлена всѣми благами земли и неба, какъ любимая дочь природы. Счастливое географическое мѣстоположеніе, кроткое, благорастворенное небо, плодоносныя равнины, холмы, обширныя земли со всѣми выгодами для сельскаго хозяйства, кажется, торжественно вручаютъ ей пальму первенства въ этой промышленности передъ всѣми народами. Ей назначено было изумлять свѣтъ или по-крайней-мѣрѣ превзойти Англію, во всѣхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства. Ни чуть не бывало. Англія представляетъ блистательное зрѣлище быстраго усовершенствованія народнаго хлѣбопашества, упорной борьбы со стихіями, преодолѣнія въ короткое время неимовѣрныхъ трудностей, самаго цвѣтущаго состоянія во всѣхъ частяхъ сельскаго хозяйства, до какого только можно достиг-

Digitized by Google

нуть человѣку. Франція — тусклый колоссъ неподвижнаго и дурнаго хозяйства, не смотря на безчисленные дары природы, на живость и предпріимчивость народа. Она едва выходитъ изъ пеленъ младенчества въ земледѣліи, кромѣ виноградниковъ, въ благосостояніи которыхъ участвуетъ больше сама природа чѣмъ искусство: природа нѣжитъ грозды и даетъ имъ отличный вкусъ и достоинство. Въ своихъ превосходныхъ винахъ Французы столько же невинны, какъ наши Украинцы въ своемъ превосходномъ скотоводствѣ, вкусномъ и нѣжномъ мясѣ своихъ воловъ и прочности юфти. Англія напротивъ того дѣйствуетъ на перекоръ природѣ всѣми средствами ума; пускаетъ въ ходъ огромныя массы силъ человѣческихъ и животныхъ, усовершенетвованныхъ орудій и земледѣльческихъ машинъ; посвящаетъ, не жалѣя, огромные капиталы на всѣ отрасли своего хозяйства, и изумляетъ разнообразіемъ и удачнымъ выборомъ сѣвооборотовъ, дивною обработкою полей и луговъ, превосходнымъ огородничествомъ, тучными и необыкновенной красоты домашними животными. Всѣ принадлежности Англійскаго сельскаго хозяйства, — орудія, упряжъ, хозяйственныя постройки, носятъ на себѣ печать размышленія, знаній и долголѣтняго, постояннаго труда, который недоступенъ Французамъ. Блеснуть на одинъ разъ и всего болѣе не дѣломъ, а фразами; пустить изобрѣтеніемъ пыль въ глаза, какъ плугомъ Гранжѣ, этимъ нелѣпымъ и тяжелымъ орудіемъ, о которомъ наговорено высокопарныхъ фразъ съ три короба и которое годится только стоять въ кабинетѣ; бѣжать опрометью, не различая добра и зла, куда мчатъ фантазія и необузданная воля; стремиться схватить все разомъ, славу, богатства, цѣлый міръ, и охлаждаться при неудачахъ и препятствіяхъ; скучать единообразіемъ, постоянствомъ, прочнымъ порядкомъ вещей; искать новизны, во что бы то ни стало, съ потерею и пожертвованіями благъ, пріобрѣтенныхъ дорогою цѣною, и, достигнувъ ея, погружаться въ летаргическое къ ней равнодушіе; отступать, приниматься за старое, которое недавно ненавидѣли, проклинали, отказываться отъ всѣхъ предпріятій, какъ скоро на нихъ прошла мода, хотя сначала для нихъ не щадили крови и спокойствія своего и чужаго, — эта измѣнчивость, это непостоянство въ мнѣніяхъ и вкусахъ, вовсе несовмѣстны съ успѣ-

Digitized by Google

хами сельскаго хозяйства, степенной, медленно совершенствующейся отрасли труда народнаго. Сельское хозяйство требуетъ усилій непрерывныхъ, ревности продолжительной и неослабной. Только десятилѣтіями дѣлаются здѣсь ощутительны улучшенія и вознаграждаются труды человѣка. Здѣсь необходимы не минутныя вспышки кипящей воли, но основательность, твердость въ правилахъ, зрѣлое размышленіе, терпѣливый и настойчивый трудъ. Англія обладаетъ этими невещественными капиталами всякаго благосостоянія, и потому обширностью сцены своего хозяйства и размѣрами всѣхъ его отраслей она давно превзошла наставниковъ своихъ, — сельскія хозяйства Бельгійское, Швейцарское и Ломбардское. Франція со всѣхъ сторонъ окружена этими трудолюбивыми сосѣдями хлѣбопашцами; за ея предѣлами встрѣчаются, на востокѣ, сѣверѣ, югѣ, западѣ, образцы усовершенствованнаго хозяйства въ разныхъ видахъ, но до-сихъ-поръ она стоитъ на низшей степени между Европейскими хозяйствами: господствующее въ ней полеводство есть первоначальное въ земледѣльческомъ искусствѣ, — трехъ-польное, зерновое, съ общими выгонами, раздробленіемъ участковъ, черезполостностью, мелкопомѣстностью. Она можетъ равняться по хлѣбопашеству развѣ только съ Испаніей и Португаліей. Германія давно опередила ее и далеко оставила назади на поприщѣ усовершенствованій.

Уже было изображено настоящее положеніе сельскаго хозяйства въ Россіи, старыя и новыя понятія объ этой части, цѣль, къ которой стремятся разсудительные хозяева, средства, которыя они употребляютъ для достиженія совершенства въ нашемъ отечествѣ. Любопытно и полезно теперь разсмотрѣть настоящее положеніе сельскаго хозяйства въ государствахъ, предшествовавшихъ намъ на поприщѣ гражданственности; видѣть мѣры и средства, употребляемыя тамъ для производства и улучшенія. Все это можетъ, черезъ сравненіе, пролить свѣтъ на способы дѣйствія и успѣхи собственнаго нашего хозяйства и показать пути, которыхъ должно держаться или избѣгать при нововведеніяхъ.

«Сельское хозяйство, говоритъ Г. Шторхъ, который слѣдовалъ мнѣніямъ Артура-Юнга, Берта и Дивернуа, эта твердая и прочная основа богатствъ народныхъ, долго встрѣ

Digitized by Google

чало въ Англіи препятствія для своихъ успѣховъ отъ невѣжественныхъ и противныхъ общему благу узаконеній. Законъ Эдуарда VI присуждалъ къ шестимѣсячному заключенію, а потомъ, при повтореніи, къ позорному столбу, всякаго, кто купитъ зерновой хлѣбъ для перепродажи. Досихъ-поръ, одно изъ главныхъ произведеній Англійскаго хозяйства, шерсть, обременено запретительнымъ закономъ сбыта въ пользу мануфактуристовъ. Не смотря на эти препятствія, въ Англіи были внутреннія важныя пружины, постоянно содѣйствовавшія развитію промышленности сельскаго хозяйства. Это — неприкосновенность всякаго рода земледѣльческой собственности; умѣренность и постоянство въ системѣ поземельныхъ сборовъ, которые ни сколько не увеличивались при улучшеніи хлѣбопашества отъ трудолюбія; обыкновеніе многихъ областей платить сборъ десятины (подать для церквей и бѣдныхъ) деньгами, а не произведеніями; обыкновеніе отдавать помѣстья въ арендное содержаніе на продолжительные сроки; обширность этихъ помѣстій, или фермъ, требующая богатыхъ наемщиковъ или фермеровъ, которые въ состояніи употребить на хозяйство большіе капиталы; изстари существующій, благотворный раздѣлъ помѣстій на особняки, въ которыхъ хозяинъ можетъ дѣйствовать свободно на поляхъ и лугахъ своихъ, не завися отъ другихъ соучастниковъ, какъ въ черезполосномъ владѣніи; отъ этого возможность имѣть хорошее скотоводство и средства обильнаго землеудобренія, возможность вводить разнообразные сѣвообороты въ различныхъ объемахъ; наконецъ развитіе по всему государству богатства, а съ нимъ огромнаго и роскошнаго потребленія.

«До войны 1755 года цѣны на хлѣбъ въ Англіи были постоянно низки. Вывозъ хлѣба былъ стѣсненъ и невѣренъ. Но въ эту войну цѣны на хлѣбъ возвысились и оживили промышленность сельскаго хозяйства. Нѣкоторые изъ богатыхъ помѣщиковъ въ графствѣ Норфолькскомъ распахали нови, удобрили легкія песчаныя поля рухлякомъ съ большими издержками, завели плодопеременное полеводство по образцамъ Фландріи, и нашли подражателей между фермерами. Съ того времени Англійское хлѣбопашество начало примѣтно улучшаться. Но неотязныя, безпрестанно повто-

Digitized by Google

рявшіяся жалобы мануфактуристовъ на дороговизну хлѣба, заставили, въ 1757 и 1758 годахъ, запретить вывозъ хлѣба за границу. Впослѣдствіи вывозъ въ разныя времена разрѣшался, и потомъ опять подвергался запрещенію. Эти временныя узаконенія не могли понизить цѣнъ на хлѣбъ, возвышавшихся наравнѣ со всѣми жизненными припасами при успѣхахъ гражданственности; сверхъ-того измѣнчивость закона часто повергала земледѣльцевъ въ самое стѣсненное положеніе. Они жаловались, и въ 1773 году получили постоянный законъ о привозѣ и вывозѣ хлѣба; законъ, который оградилъ хозяевъ по-крайней-мѣрѣ отъ неизвѣстности сбыта, вредной для общаго и частнаго блага.

«Этимъ закономъ положено: если цѣна пшеницы возвысится до 48 шиллинговъ (52 рубля) за квартеръ, то есть, шесть четвериковъ, то пошлина за вывозъ понижается до шести пенсовъ (около 50 копѣекъ) за квартеръ, — ничтожная пошлина, служившая только средствомъ для узнанія количества ввезеннаго хлѣба. Если цѣна пшеницы дойдетъ до 44 шиллинговъ, тогда вывозъ хлѣба запрещается. Ниже этой цѣны вывозъ ободряется и вывозящій получаетъ награды по пяти шиллинговъ за квартеръ. Подобныя узаконенія, основывавшіяся на возвышеніи и пониженіи цѣнъ, изданы и для ржи, ячменя, овса.

«Послѣ этого закона, далеко не столь дурнаго, какъ можно было ожидать отъ неукротимой страсти узаконять, Англійское хлѣбопашество сдѣлало быстрые успѣхи. Множество издано потомъ парламентскихъ биллей о поземельномъ раздѣлѣ, распашкѣ новыхъ мѣстъ и раздѣлѣ помѣстій на особняки; объ улучшеніи путей сообщенія, о новыхъ дорогахъ и каналахъ. Многіе богатые помѣщики съ жаромъ принялись за сельское хозяйство, пожертвовали большими капиталами на улучшеніе этой промышлености, особливо скотоводства, выписывали животныхъ, самыхъ красивыхъ и лучшихъ породъ. Такъ-то легко ободрить промышленость. Нужно только снять съ нея путы, задерживавшіе ея ходъ, и потомъ не мѣшаться въ дальнѣйшее производство.

«Прежде всего началось въ графствѣ Норфолькскомъ улучшеніе хозяйства, и до-сихъ-поръ земли воздѣлываются тамъ лучше другихъ мѣстъ Англіи. Въ этомъ графствѣ приняты

Digitized by Google

правила, отъ которыхъ никто изъ Норфолькскихъ хозяевъ не отступаетъ; они взошли въ обычай стороны: а именно, всегда имѣть помѣстья и фермы особняки, заботиться о накопленіи какъ-можно бо́льшемъ разныхъ навозовъ лучшаго качества, сѣять послѣ сильныхъ слабыя произрастенія по способу плодопеременному безъ пара. Эти же правила приняты нынѣ за основныя во всѣхъ лучшихъ сочиненіяхъ. Обыкновенный сѣвооборотъ на поляхъ графства Норфолькскаго слѣдующій: рѣпа, ячмень, трилистникъ и озимое.

«Посѣвъ большой рѣпы составляетъ остованіе Норфолькскаго полеводства. Рѣпа сѣется на кормъ скоту. Главное правило, говоритъ Артуръ-Юнгъ, въ этомъ полеводствѣ — употреблять весь навозъ фермы на поле подъ рѣпу. Тогда только постоянно возрастаетъ плодородіе почвы, потому что съ умноженіемъ количества рѣпы можно умножить скотоводство; отъ скотоводства увеличивается количество навоза, а отъ него плодородіе и урожаи хлѣба.

«Подъ рѣпу земля троится. Корни сорныхъ травъ, выволакиваемые бороною, тутъ-же на десятинахъ сжигаются. Затѣмъ кладется навозъ и поле пашется въ четвертый разъ. Иногда еще въ пятый разъ пашутъ землю передъ посѣвомъ рѣпы, которую сѣютъ рукою, въ разбросъ, и заборновываютъ. Послѣ посѣва даютъ двѣ пропашки плужкомъ, крестъ-на-крестъ, такъ, чтобы растенія находились другъ отъ друга на четверть аршина. Осенью и зимой вытаскиваютъ рѣпу по мѣрѣ надобности, отвозятъ прямо на десятины, гдѣ пасется скотъ или на скотный дворъ фермы. Иногда пускаютъ на рѣпное поле стада овецъ, которые сами вырываютъ рѣпу.

«Подъ ячмень землю троятъ и закатываютъ каткомъ. Когда ячмень порядочно подымется, то его полютъ; созрѣвшій косятъ. Въ Англіи сѣютъ ячменю весьма много на пиво, народный напитокъ. До всхода ячменю по той же землѣ сѣютъ трилистникъ съ рейграссомъ (пыреемъ, Тимофеевой травой.) По снятіи ячменю трилистникъ косятъ одинъ разъ на сѣно, а подросшій въ другой разъ травятъ скотомъ. На слѣдующій годъ остается одинъ рейграссъ, и его травятъ быками, которыхъ откармливаютъ на убой. Въ іюнѣ или августѣ это поле пашутъ подъ озимый хлѣбъ.

Digitized by Google

«Первый взметъ дѣлается обыкновенно не глубокій, его дѣлаютъ какъ можно ранѣе передъ посѣвомъ. Въ другой разъ даютъ поперечную перепашку глубокую; разбрасываютъ нѣсколько навозу, но гораздо меньше, нежели подъ рѣпу, боронуютъ землю и засѣваютъ озимымъ хлѣбомъ подъ плугъ. Весною озимь полютъ *.

«Иногда вмѣсто сѣянья, сажаютъ въ землю хлѣбныя зерна. Этотъ способъ, перешедшій въ Европу изъ Китая, быстро распространяется въ Англіи. Посредствомъ его сберегается болѣе нежели на половину сѣмянъ и дѣлается удобнѣе полонье. Сажальщикъ идетъ задомъ, имѣя въ рукахъ двѣ пики съ желѣзными наконечниками, которыми онъ дѣлаетъ на пашнѣ, гладко укатанной, ямки глубиною почти въ вершокъ и разстояніемъ другъ отъ друга вершка на три; а чтобъ не уходила пика глубоко въ землю, вставляется въ нижній конецъ ея желѣзная перекладинка. Женщины или ребятишки слѣдуютъ за сожальщикомъ и опускаютъ по два, по три зерна въ каждую ямку. Это поле заборновывается потомъ особою бороною изъ сучьевъ терновника, въ одну лошадь. Сажальщикъ съ двумя сѣяльщицами можетъ засадить въ день почти осминникъ нашей тридцатной десятины. Всходы съ осени и зимою на этихъ поляхъ кажутся ничтожными. Но весною они давно кустятся и приносятъ огромные колосья со множествомъ самыхъ полновѣсныхъ зеренъ.

«Навозъ въ Англіи добывается изъ всего, что подъ руками. Рухлякъ, известь, соль, тряпье, обрѣзки съ роговыхъ фабрикъ, кости, зола, болотный черноземъ, торфъ, водоросли, помои съ мыльныхъ заводовъ и прочее, — все идетъ на удобреніе земли. Но главное землеудобрительное средство въ Норфолькѣ есть компостъ, смѣсь скотскаго навоза съ землею, которая выбрасывается при чисткѣ канавъ. Въ эти компосты кладется также жнивина, выволакиваемая боронами, которую однако жъ иные употребляютъ на подстилку скоту, кормящемуся въ загородкахъ рѣпою. Въ Англіи скотъ круп-

* Во многихъ мѣстахъ Англіи принято за непремѣнное правило бороновать весною поле съ озимою пшеницей, чтобъ раздробить верхнюю корку земли, составляющуюся на пашнѣ во время осени и зимы.

Digitized by Google

ный и мелкій находится всегда почти на открытомъ воздухѣ, на поляхъ и лугахъ, для корму и землеудобренія.

«Фермы въ Норфолькѣ отдаются въ наемъ на семь, четырнадцать и двадцать одинъ годъ; бываютъ разныхъ цѣнъ, отъ 180 до 1800 рублей въ годъ. На каждой есть хозяйственная постройка каменная, иногда съ камышевою крышею: двѣ три житницы, конюшня, особыя стойла для коровъ съ телятами; навѣсы для откармливаемаго рогатаго скота и особыя огороженныя мѣста для овецъ.

«Послѣ Норфолькскаго лучшія по хлѣбопашеству графства Суффолькское, Эссексское и Кентское. Въ нихъ приняты тѣ же правила, съ извѣстными измѣненіями, которыхъ необходимо требуютъ почва, мѣстныя обстоятельства и соображенія фермеровъ *.

«Въ Англійскомъ хозяйствѣ хлѣбныя растенія занимаютъ не слишкомъ большую часть земель воздѣланныхъ. Много земли посвящается лугамъ. Въ Англіи ежегодно потребляется огромное количество мяса, масла, сыра, молока, требуется множество шерсти для фабрикъ, существуетъ роскошь на лошадей, самое свойство низменныхъ земель подъ туманнымъ небомъ производить лучше траву нежели жатвы, заставляетъ имѣть съ большою выгодою обширные луга. Цѣлые уѣзды промышляютъ лугами и покрыты превосходными искуственными травами. Есть, кромѣ того, общіе выгоны для скота и пустоши сѣнокосныя, которыми усѣяно государство. Въ Англійскомъ земледѣліи считается треть земли подъ лугами, а двѣ трети подъ пахотными полями.

«Луговодство въ Англіи въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Пастбища, а особливо сѣнокосные луга чисты и ровны, какъ скатерть, поливаются навозною водою и наводняются, гдѣ дозволяетъ мѣсто. Сорныхъ травъ почти нѣтъ: ихъ тщательно выпалываютъ, какъ скоро гдѣ появятся. Всѣ луга и пастбища обнесены живою и мертвою изгородью прочною, вѣковою, частою. Трава растетъ на нихъ истинно шелковая,

* Хозяйства въ Англіи всегда имѣютъ какую-нибудь особую цѣль, къ которой они принаравливаются, къ добыванію въ большомъ количествѣ овощей, зерноваго хлѣба или къ овцеводству, коневодству, полученію въ большомъ количествѣ молока, масла, и прочая.

Digitized by Google

густая, нѣжная, высокая, самой живой зелени. На ней пасутся превосходнѣйшихъ, разнообразныхъ породъ красивѣйшія домашнія животныя. Въ Англіи ничего не щадятъ для улучшенія скотоводства. Многіе сельскіе хозяева нарочно на этотъ предметъ пускаютъ въ оборотъ большіе капиталы и съ большою выгодою *. Примѣръ необыкновеннаго знанія и искусства въ скотоводствѣ видимъ въ Беквеллѣ. Онъ, разбирая самцовъ и самокъ и, смѣшивая ихъ породы случкою, составилъ изъ своихъ овецъ особую породу небольшихъ, круглыхъ животныхъ, съ тонкими костями и съ тончайшею шерстью: эти овцы жирѣютъ вдвое скорѣе, нежели обыкновенныя, при одинаковомъ кормѣ. Онъ улучшилъ породу своего рогатаго скота, которая извѣстна подъ его именемъ; далъ Англіи породу большихъ и сильныхъ вороныхъ лошадей **. Замѣчено, что въ теченіе ста лѣтъ вѣсъ животныхъ, продаваемыхъ на рынкахъ Англіи, удвоился. Это приписываютъ умноженію отдѣльныхъ огороженныхъ пастбищъ и луговъ, въ которыхъ скотъ лучше откармливается, нежели на общихъ выгонахъ.

«Ничто столько не доказываетъ успѣховъ Англійскаго хозяйства, какъ множество биллей, изданныхъ о раздѣлѣ помѣстій на особняки, пахотныхъ полей изъ черезполоснаго владѣнія къ однимъ мѣстамъ, общихъ выгоновъ и пустошей на особые участки съ постоянною изгородью. Прежде всякой имѣлъ право свободно гонять скотъ по чужимъ полямъ и лугамъ по снятіи хлѣба и сѣна. Это истинный бичъ сельскаго хозяйства. Ничто не приносило столько вреда, и ничто столько не препятствовало уничтоженію пара и усовершенствованію хозяйства, какъ эти свободные разгулы стадъ по всѣмъ мѣстамъ, неразлучные съ порчею и потравою луговъ

* Въ Англіи самый приплодъ составляетъ особую отрасль промышленности, обогащающую промышленниковъ. Эти люди весною разсылаютъ по фермамъ и помѣстьямъ съ аттестатами и родословною превосходныхъ приплодныхъ быковъ, жеребцовъ и другихъ животныхъ и получаютъ за случку большія деньги.

** Не видавъ своими глазами нельзя составить себѣ понятія объ Англійскихъ извозныхъ лошадяхъ. Это громады какъ слоны; ноги какъ колонны; копыта какъ большія тарелки; въ крестцѣ укладывается больше аршина. Онѣ везутъ фуры съ цѣлые домы.

Digitized by Google

и полей. Безъ загородокъ и раздѣла собственности на особые участки нѣтъ средствъ владѣльцу извлечь всей выгоды изъ своего помѣстья, какія бы ни были угодья и познанія помѣщика. Число биллей *, состоявшихся объ этихъ предметахъ, служитъ лучшимъ мѣриломъ того, какъ быстро возрастали успѣхи и совершенствовалось хозяйство.

«Въ царствованіе короля Вильгельма не вышло ни одного билля о раздѣлѣ общихъ полей и выгоновъ; въ царствованіе Анны только одинъ; Георга I семнадцать; Георга II сто восемьдесять два; Георга III въ первыя четырнадцать парламентскихъ открытій семь сотъ два; кромѣ того въ 1792 году сто девять, въ 1795 двѣсти семнадцать. Въ послѣдніе шестнадцать лѣтъ до Французской революціи издано, по счету Дивернуа, пять сотъ девять биллей; въ шестнадцать лѣтъ продолжавшейся войны это число удвоилось. Кромѣ того представлено было въ 1809 году сто пятдесятъ двѣ просьбы. Прочія поземельныя улучшенія не отставали отъ этихъ. Въ царствованіе Георга III въ первыя четырнадцать парламентскихъ открытій издано сто сорокъ два билля о исправленіи старыхъ и проложеніи новыхъ дорогъ и девятнадцать о новыхъ каналахъ. На этотъ же предметъ послѣдовало въ 1792 году двадцать девять биллей, а въ 1795 сорокъ одинъ билль. Этими средствами, говоритъ Чамерсъ, присовокуплено полезной земли для государства болѣе, нежели сколько завоевано въ два вѣка. Можно еще прибавить: эти мирныя завоеванія тѣмъ важнѣе и драгоцѣннѣе, что не стоятъ ни крови ни слезъ народу, сдѣланы безъ зависти и ненависти сосѣдей, безъ порчи народной нравственности, — напротивъ, съ улучшеніемъ ея во всѣхъ отношеніяхъ.

«Число ежегодно умножавшихся просьбъ и биллей о раздѣлѣ помѣстій на особняки и всѣхъ угодій къ однимъ мѣстамъ, имѣло слѣдующія благотворныя послѣдствія: распашка пустопорожнихъ мѣстъ и заведеніе новыхъ фермъ сдѣлались самымъ общимъ предпріятіемъ хозяевъ; въ теченіе этого времени изъ всѣхъ промышленостей усовершенствовалось наиболѣе сельское хозяйство, но такъ, что менѣе распахано

* Въ Англіи для каждой провинціи, округа помѣстья издаются особые билли или законоположенія.

Digitized by Google

пустопорожнихъ мѣстъ, нежели сколько введено улучшеній на поляхъ пахотныхъ; наконецъ сельское хозяйство привлекло къ себѣ большіе капиталы, которые прежде употреблялись на торговлю и ремесленность.

«Столь благопріятнымъ перемѣнамъ пособили неурожаи 1795 и 1800 годовъ, и еще блокада всей твердой земли, устроенная въ 1806 году властителемъ Франціи. Въ эти неурожайные годы фермеры получили огромные доходы. Благодаря блокадѣ твердой земли, сбылось желаніе всѣхъ просвѣщенныхъ Англичанъ, которые съ сожалѣніемъ усматривали, что, послѣ семилѣтней войны, Англійскія мануфактуры непомѣрно распространились безъ всякой соразмѣрности съ сельскимъ хозяйствомъ. Англія, несмотря на умножившееся народонаселеніе, не испытала во время блокады ни малѣйшаго недостатка въ жизненныхъ припасахъ, хотя нерестала получать хлѣбъ съ твердой земли и хотя Ирландія доставляла ей меньше обыкновеннаго. Въ природѣ есть исправительная сила, выводящая изъ зла добро, и нѣтъ ничего невозможнаго подъ крылами благодѣтельнаго правительства, соображающаго частную пользу съ общею государственною.

«Англійскія фермы средней величины имѣютъ подъ собою земли со всѣми угодьями отъ семидесяти до ста нашихъ тридцатныхъ десятинъ; бо́льшая часть фермъ отъ двадцати до семидесяти десятинъ. Есть однако жъ помѣстья съ тремя тысячами десятинъ. На Англійскихъ фермахъ, вообще, гораздо менѣе построекъ нежели на фермахъ такой же величины въ другихъ странахъ, оттого что скотъ всегда почти находится на открытомъ воздухѣ, съ цѣлію унавоживанія, или стоитъ подъ навѣсомъ; вся жатва съ полей, и все сѣно свозятся на особый дворъ и складываются въ огромныя скирды. Сѣно утаптывается въ скирдахъ такъ плотно, что, когда понадобится, его рѣжутъ особыми инструментами. Англійскія фермы всегда содержатся въ отличномъ порядкѣ. Домашнихъ птицъ разводятъ немного, садовъ также; но при каждой фермѣ есть отличный огородъ для овощей, — марковви, рѣпы, капусты, картофелю, которые съ масломъ и сыромъ составляютъ главную пищу сельскихъ жителей.

Digitized by Google

«Фермеры употребляютъ хорошую пищу. У всякаго ежедневно за столомъ мясо, или сало, бѣлый хлѣбъ, и сытное пиво. Фермеры одѣваются хорошо и всегда разъѣзжаютъ вмѣсто пѣшеходства. У всякаго есть маленькая верховая лошадка. Рабочія лошади сильны, имѣютъ хорошій кормъ и присмотръ; земледѣльческія орудія усовершенствованныя; збруя превосходная и въ лучшей бережи. Работники получаютъ хорошую плату, до семи сотъ рублей въ годъ, и хорошую пищу. Для нихъ идетъ менѣе мяса нежели для фермеровъ, однако жъ почти каждый день дается имъ сало и всегда пиво. Во время жатвъ работникамъ выносятъ въ поле по большому куску мяса, пломбъ-пудингъ, сыръ, бѣлый хлѣбъ и лучшее пиво. Все это изготовлено отмѣнно чисто. Опрятность и домашній порядокъ, могущественныя пружины Англійскаго хозяйства, равно наблюдаются въ городахъ и деревняхъ и столько жъ выполняются въ палатахъ лорда сколько въ бѣдной хижинѣ поселянина.»

Этотъ вѣрный, основательный очеркъ Англійскаго сельскаго хозяйства и вообще взглядъ ученаго академика на важнѣйшую отрасль труда народнаго, показываютъ его глубокія свѣдѣнія и здравыя понятія о причинахъ успѣховъ и усовершенствованія въ государствахъ сельскаго хозяйства, «основы твердой и прочной богатствъ народныхъ». Авторъ руководствовался сочиненіями лучшихъ опытныхъ хозяевъ. Въ этомъ описаніи есть еще важное достоинство, — ясность и простота изложенія. Умъ не затрудняется, слѣдуя за предметомъ, ни излишествомъ словъ, ни изысканностью выраженій. Въ слѣдующей статьѣ мы перейдемъ къ картинѣ Французскаго сельскаго хозяйства, и возьмемъ ее не изъ кабинетныхъ мечтаній книгочетовъ, которые никогда не видали плуга ни пашни, но изъ самаго вѣрнаго источника хорошихъ свѣдѣній о предметѣ.

Д. Шелиховъ.

Digitized by Google

О НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ

СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ АНГЛІИ И ВО ФРАНЦІИ.

Статья вторая.

Мы видѣли Англійское хозяйство, изображенное покойнымъ нашимъ академикомъ, съ тою простотой, какая прилична предмету важному, приведенному въ правильную и ясную систему. Взглянемъ теперь на Французское. Послушаемъ Домбаля, ученаго и опытнаго хозяина, которому нельзя не вѣрить. Къ сожалѣнію, онъ, «по обычаю предковъ», неможетъ воздержатся отъ нудрености въ слогѣ, распространенія и страсти блеснуть наборомъ словъ.

«Одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ Политической Экономіи, говоритъ этотъ искусный агрономъ, вопросъ, который рѣшали совершенно противоположными образами, есть тотъ — какое хозяйство легче довести до высокой степени совершенства, большое или малое? Вопросъ простой. Но онъ, къ несчастію, запутанъ различными мнѣніями о преимуществахъ большой и малой запашки, — иначе, объ относительной выгодѣ большихъ и мелкихъ помѣстій. Я имѣлъ уже случай высказать свое мнѣніе о большихъ хозяйствахъ, но мои идеи были, кажется, перетолкованы, противъ моего же ожиданія, и быть-можетъ отъ моей вины. Теперь по-крайней-мѣрѣ постараюсь дать предмету гораздо большую ясность. Я небуду распространяться. Для полнаго рѣшенія этаго вопроса нужно только ясное изложеніе.

«Раздѣлъ помѣстій можетъ быть трехъ родовъ, — раздѣлъ земли на особые участки, — раздѣлъ между частными лицами, — раздѣлъ для производства сельскаго хозяйства.

«Раздѣленіе земли на особые участки бываетъ тѣмъ выгоднѣе для хозяйства, чѣмъ эти участки менѣе раздроблены, другими словами, чѣмъ изъ меньшаго числа участковъ составляется хозяйство, какое бы оно не было, большое или малое. Если участки слишкомъ мелки и такъ перепутаны въ помѣстьѣ, что участники находятся во взаимной зависи-

Digitized by Google

мости, чему множество примѣровъ во Франціи, это раздѣленіе, или *черезполосность*, есть величайшая преграда для успѣховъ и усовершенствованія сельскаго хозяйства. Хотя о мѣрахъ уничтоженія этой черезполосности мнѣнія различны, однако всѣ вообще согласны въ дурныхъ ея послѣдствіяхъ. Это раздробленіе поземельной собственности на участки вовсе не зависитъ отъ раздѣла помѣстій между частными лицами * и отъ распредѣленія земли для производства сельскаго хозяйства. Есть много большихъ фермъ, гдѣ земли состоятъ изъ множества самыхъ мелкихъ участковъ; — есть напротивъ небольшія фермы, обрабленныя несравненно лучше и состоящія изъ одного участка или изъ небольшаго числа участковъ.

«Выгоды и невыгоды большаго или меньшаго раздробленія помѣстій между частными лицами, есть болѣе предметъ политическій, нежели хозяйственный. Онъ также не имѣетъ прямой связи съ черезполосностью и раздѣленіемъ земли для производства сельскаго хозяйства. Есть большія помѣстья одного владѣльца, которыя разбиты на множество мелкихъ фермъ, или хозяйствъ, и это мы видимъ въ большей части государства. Есть напротивъ фермары, особливо въ мѣстахъ, гдѣ много черезполосности, которые откупаютъ участки у разныхъ владѣльцевъ и соединяютъ въ одно хозяйство.

«Подъ названіемъ раздѣленія земли для производства сельскаго хозяйства разумѣю я раздѣленіе помѣстья или поземельной собственности на разныя хозяйства, большія, среднія и малыя, не касаясь того, изъ одного ли участка земли состоятъ они или изъ многихъ черезполосныхъ участковъ; самимъ ли хозяиномъ управляются, или его приказчикомъ, или наконецъ фермаромъ, арендаторомъ; составляютъ ли часть одного большаго помѣстья или происходятъ отъ совокупленія

* Совершенно зависитъ. Именно отъ раздѣла помѣстій и земли между частными лицами и поселянами возникла черезполосность. Авторъ хотѣлъ сказать, что это раздробленіе не зависитъ отъ величины, или пространства помѣстья, и еще не досказалъ, что черезполосность есть предметъ, отдѣльный отъ другаго весьма важнаго, именно — до какой степени должно допускать раздробленіе помѣстья между лицами по наслѣдству, продажѣ, и прочая, — безъ вреда сельскому хозяйству.

Digitized by Google

многихъ участковъ разныхъ помѣщиковъ. Только съ этой точки зрѣнія должно разсматривать вопросъ о большихъ и малыхъ хозяйствахъ, чтобы составить себѣ ясное понятіе объ этомъ предметѣ и освободиться отъ предразсудковъ и отъ запутанности при другомъ родѣ соображеній. Этотъ вопросъ я намѣренъ разсмотрѣть подробно.

«По-моему, то хозяйство можно назвать большимъ, въ которомъ дѣйствуютъ три плуга и больше *. Этого разряда сельскія хозяйства или фермы обыкновенно имѣютъ земли со всѣми угодьями до ста пятидесяти гектаровъ. (Гектаръ меньше нашей тридцатной десятины только $^4/_5$ частію). Среднее хозяйство имѣетъ отъ пятидесяти до ста гектаровъ и употребляетъ два плуга; малое хозяйство то, гдѣ земли на одинъ плугъ.

«Изъ всѣхъ доводовъ и мнѣній самые важные тѣ, которые опираются на факты и опытъ. Защитники большихъ хозяйствъ не могли избрать лучшаго примѣра въ подкрѣпленіе своихъ доказательствъ какъ Великобританію, которая въ искусствѣ сельскаго хозяйства достигла первой степени въ Европѣ. Англійскія фермы вообще, имѣютъ большія хозяйства, и чѣмъ онѣ обширнѣе тѣмъ доходнѣе. Мнѣніе Англійскихъ агрономовъ рѣшительно склоняется въ пользу большихъ хозяйствъ, основываясь на очевидности и ежедневныхъ опытахъ. Оно заслуживаетъ особеннаго вниманія и разрѣшаетъ вопросъ совершенно.

«Съ другой стороны защитники противнаго мнѣнія, такъ же опираются на опытъ и на факты, которые у всѣхъ Французовъ передъ глазами, именно на Французское хозяйство, наше родное хозяйство, болѣе сообразное съ нашими обстоятельствами. Навѣрное, въ двадцати частяхъ Франціи тѣ земли лучше обработаны и тѣ хозяйства болѣе усовершенствованы, которыя находятся въ рукахъ мелкихъ владѣльцевъ, самихъ пахарей.

«Кромѣ-того стоитъ взглянуть на Фландрію и Эльзасъ, области, въ которыхъ искусство сельскаго хозяйства болѣе зрѣло и фермы доходнѣе; стоитъ перешагнуть за нашу гра-

* Какъ же назвать наши Русскія хозяйства, въ которыхъ дѣйствуютъ по три ста сохъ, и одной пахотной земли бываетъ по три ста десятинъ въ каждомъ изъ трехъ полей?

Digitized by Google

нцу къ сосѣднимъ народамъ, въ Бельгіи, Рейнскій палатинатъ, Швейцарію; стоитъ бросить взоръ на эти богатыя и цвѣтущія нивы, — тамъ вездѣ первенствуетъ среднее и малое хозяйство.

«Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Парижа есть однако же округи, въ которыхъ заведены большія хозяйства, и они идутъ съ большимъ успѣхомъ, лучше нежели во всѣхъ другихъ частяхъ государства. Тамъ, богатые и просвѣщенные фермары извлекаютъ изъ своей промышленности всеравно высшіе доходы, нежели какіе получаютъ всѣ фермары Фландріи или другихъ отлично обработанныхъ округовъ государства. Есть также въ нѣсколькихъ пунктахъ Франціи, и даже тамъ, гдѣ сельское хозяйство вовсе не процвѣтаетъ, большія хозяйства, управляемыя самими помѣщиками, даже фермарами, съ отличнымъ искусствомъ, съ пожертвованіемъ значительныхъ капиталовъ, и они доставляютъ высокій доходъ. Но эти хозяйства суть исключенія изъ общей системы Французскаго хозяйства. Впрочемъ для сравненія доходовъ и вообще всѣхъ произведеній Сельскаго Хозяйства непремѣнно должно принимать въ расчетъ пространство земли подъ фермою. Босская ферма, состоящая изъ трехъ, четырехъ сотъ гектаровъ, доставляетъ своему владѣльцу, положимъ, хорошій доходъ; но если разбить ее на десять фермъ такихъ какъ во Фландріи, Эльзасѣ, и производить въ нихъ земледѣліе по системѣ Фламандской, эти десять фермъ доставили бъ, безъ-сомнѣнія, втрое, вчетверо большіе доходу и вообще всѣхъ произведеній; цѣна на земли и наемная плата за ферму возвысилась бы въ пять, шесть разъ. Въ отношеніи къ общей выгодѣ, преимущество во Французскомъ хозяйствѣ рѣшительно на сторонѣ малыхъ и среднихъ хозяйствъ.

«Въ центральныхъ областяхъ Франціи и вообще въ большей части государства, помѣстья всего чаще раздѣлены на малыя и среднія фермы, управляемыя фермарами и мызниками *. Въ нихъ-то и самое дурное хозяйство. Напротивъ, тутъ же, у мелкихъ хлѣбопашцевъ, которые сами пашутъ

* Фермаръ, fermier, занимаетъ ферму и производитъ хозяйство на свой счетъ; мызникъ, métayer, по-нашему прикащикъ, производитъ на счетъ господина за извѣстную плату.

Digitized by Google

земно, оно несравненно лучше и доходнее. Этот примѣръ заставитъ говорить многихъ, что среднее хозяйство — самое дурное изъ всѣхъ, что оно выродокъ, не достигшій преимуществъ большаго и лишенный выгодъ малаго. Несмотря на то, есть примѣры во многихъ округахъ, что именно въ среднихъ фермахъ процвѣтаетъ хозяйство, и что только въ нихъ достигло оно нѣкоторой степени совершенства. Нельзя сказать утвердительно, чтобъ фермы Беррійскія и Гатинезскія были плохи именно отъ среднихъ хозяйствъ. На это есть другія, важныя причины, которыя мы разсмотримъ.

«Очевидно, что, опираясь только на факты и опытъ, не добраться никакъ до настоящей истины, потому что примѣрамъ не будетъ конца; вопросъ о выгодахъ и невыгодахъ большаго, средняго и малаго хозяйствъ только запутается въ противорѣчіяхъ. Напротивъ, вникнувъ въ сущность дѣла, въ истинныя причины превосходства и недостатковъ того и другаго рода хозяйства, сообразивъ все съ обстоятельствами и мѣстностью, сравнивъ съ хозяйствами другихъ странъ, въ которыхъ это превосходство давно уже обнаружилось, мы увидимъ что всѣ частные случаи, временныя противорѣчія, мигомъ исчезаютъ передъ яркимъ свѣтомъ общихъ, главныхъ, основныхъ истинъ.

«Въ сельскомъ хозяйствѣ, точно также какъ во всякой другой промышленности, для каждаго предпріятія нужно имѣть, во-первыхъ соразмѣрныя съ обширностью дѣла денежныя средства, во-вторыхъ, еще необходимы познанія, безъ которыхъ нельзя употребить съ пользою ни труда ни капитала. Это правило прилагается равно ко всѣмъ промышленностямъ, и къ труду земледѣльческому на одномъ гектарѣ и на пяти стахъ. Неоспоримо что промышленость сдѣлаетъ тѣмъ большіе успѣхи, и доставитъ тѣмъ болѣе выгодъ, или доходу, чѣмъ больше будутъ соотвѣтствовать объему предпріятій капиталъ денежный и капиталъ познаній. Мы тотчасъ увидимъ, что изъ этого неопровергаемаго правила произтекаетъ полное рѣшеніе предложеннаго вопроса.

«Большое хозяйство имѣетъ на своей сторонѣ многія, разнообразныя и самыя важныя выгоды. Только въ большомъ хозяйствѣ можно достигнуть раздѣленія труда, — занять человѣка постоянно однимъ и тѣмъ же дѣломъ. Раздѣленіе тру-

Digitized by Google

да, эта пружина всѣхъ дивныхъ успѣховъ мануфактурной промышленности, годится съ одинаковою пользою и для сельскаго хозяйства. Въ средней и малой фермѣ тотъ же самый работникъ долженъ до обѣда пахать землю, послѣ обѣда молотить хлѣбъ и потомъ косить и задавать скоту зеленый трилистникъ; на другой день итти копать канавы и, не докончивъ дѣла, опять возвращаться въ конюшню, задавать корму лошадямъ. Нельзя вообразить себѣ сколько пропадаетъ времени въ ходьбѣ взадъ и впередъ за разными работами, и какъ эти работы идутъ медленно и дурно. Въ большихъ хозяйствахъ есть всегда постоянная работа для одного человѣка. Исполняя ихъ безпрерывно, онъ пріобрѣтаетъ искусство, ловкость, опытъ, столь выгодные во всякой промышленности. Если бы только этой одной выгодой ограничивалась польза большихъ хозяйствъ, то была бы уже достаточно, чтобъ отдать имъ преимущество, потому что она могла бы понизить цѣны на всѣ сельскія произведенія, чего не въ состояніи произвесть ни какое хозяйство другаго рода.

«Не менѣе достовѣрно и то, что въ большихъ хозяйствахъ издержки на упряжь, сбрую, менѣе значительны нежели въ малыхъ. Если нужно на обработку ста гектаровъ десять лошадей, то шестнадцати или семнадцати весьма достаточно для фермы вдвое пространнѣйшей.

«Издержки на постройку и поправку строеній также не соразмѣряются съ пространствомъ фермы. Для фермы вдвое обширнѣйшей не надобно дѣлать вдвое болѣе строеній.

«Разведеніе тонкошерстныхъ овецъ, столь выгодное, возможно только въ большихъ хозяйствахъ, развѣ въ маломъ есть особыя пастбища; но въ такомъ случаѣ это выходитъ уже изъ круга выгоднаго хозяйства. Стадо въ маломъ хозяйствѣ не можетъ быть довольно многочисленно, чтобъ заплатить за содержаніе особаго пастуха. Оттого, въ малыхъ хозяйствахъ надобно пасти тонкошерстныхъ овецъ въ общемъ стадѣ, а эти общія стада и общіе выгоны первый признакъ и главная причина дурнаго состоянія хозяйства.

«Извѣстно, что въ хозяйствахъ, особливо въ большихъ, при введеніи плодопеременнаго полеводства требуется больше рукъ, нежели при трехъ-польномъ зерновомъ, но все-таки гораздо меньше нежели въ малыхъ и среднихъ хозяй-

Digitized by Google

норти на дальнее разстояніе, по огромности и большому вѣсу. Въ странахъ весьма многолюдныхъ малое хозяйство есть единственное средство народнаго продовольствія. Китай навѣрное не могъ бы продовольствовать своихъ жителей большими и средними хозяйствомъ. Тамъ на великое дѣло въ хозяйствѣ готово множество рукъ и безъ помощи животныхъ и орудій. Въ Китаѣ немного разводятъ домашняго скота: для этого требуется значительныя пространства земли. Въ навозѣ животныхъ Китайское земледѣліе также не нуждается: сами жители доставляютъ многаго утученія и безъ животныхъ. Легко было бы доказать, что Франція при системѣ малыхъ хозяйствъ, доведенной до утонченности, могла бы прокормить съ своего пространства земли въ десять разъ больше жителей противъ нынѣшняго; но первое условіе — надобно довесть такія хозяйства до утонченности, а это несравненно труднѣе въ малыхъ чѣмъ въ большихъ.

«Не менѣе достовѣрно и то, что малыя хозяйства доставляютъ немного сельскихъ избытковъ на продажу. Эти хозяйства могутъ только продовольствовать большую массу земледѣльцевъ, которые сами тутъ же и потребляютъ произведенія своего клочка земли. Оно не въ состояніи содѣйствовать развитію другихъ отраслей промышленности, потому что не въ состояніи доставить нужной пищи для посторонныхъ промышленниковъ. Оно не въ силахъ также прокормить многочисленныхъ армій, большихъ городовъ, и того класса художниковъ, ученыхъ и вообще людей высшаго общества, который обыкновенно такъ многочисленъ въ образованныхъ государствахъ. Я беру здѣсь одинъ крайности малыхъ хозяйствъ. По этому масштабу легко судить о вліяніи системы малыхъ хозяйствъ на состояніе общественное при большей или меньшей степени развитія подобной системы.

«Система среднихъ хозяйствъ годится особенно для областей, гораздо многолюднѣйшихъ нежели области почти всѣхъ Европейскихъ государствъ, впрочемъ менѣе населенныя Китайскихъ. Во Фландріи и Бельгіи, въ этихъ самыхъ населенныхъ уголкахъ Европы, есть довольно рукъ для превосходной обработки земли и безъ пособій, представляемыхъ большими усовершенствованными хозяйствами: плата за трудъ тамъ весьма низкая; мануфактуры, и кромѣ сельскаго

Digitized by Google

хозяйства, находитъ для себя значительное число рукъ. Среднее хозяйство доставляетъ довольно сельскихъ избытковъ для продовольствія всѣхъ неземледѣльческихъ классовъ, хотя не въ такомъ количествѣ какъ большое хозяйство. Понятно, что введеніе большихъ хозяйствъ въ подобныя области было бы пагубно, особливо, если всѣ другія отрасли промышленостей еще не размножились и не представляютъ занятій рукамъ, остающимся отъ земледѣлія. Съ другой стороны, если ввесть въ эти области малыя хозяйства, требующія больше рукъ нежели среднія, тогда непремѣнно возникло бы необыкновенное возвышеніе цѣнъ за трудъ. Рукъ не достало бы на всѣ промышлености, и онѣ непремѣнно пострадали бъ, а съ ними и сельское хозяйство.

«Спрашивается: во Франціи, введеніе обѣихъ системъ, малаго и средняго хозяйства, могло ли бы имѣть тѣ же благотворныя послѣдствія для большей части государства, какія имѣетъ для Фландріи? Рѣшительно нѣтъ. Во Франціи это было бы даже невозможно: недостало бы рукъ для сельскаго хозяйства, хотя бы и отняли ихъ отъ всѣхъ другихъ промышленостей. Народонаселеніе во Франціи вообще менѣе третьею частію Бельгійскаго и Фламандскаго. Среднее хозяйство, и того болѣе малое, не могло бы ни подъ какимъ видомъ иначе удержаться во Франціи по Фламандскому способу, столь превосходному въ другомъ отношеніи, какъ возвысивъ плату за трудъ до невѣроятности. Этой платы не вынести ни сельскому хозяйству, ни другимъ промышленостямъ. Я говорю — по Фламандскому способу. Во Франціи есть бездна сельскихъ хозяйствъ, производящихся по Французскому способу: они нисколько не возвышаютъ цѣнъ за трудъ; для нихъ не требуется больше рукъ противъ большихъ хозяйствъ, потому что производится обыкновенное, трехъ-польное, зерновое полсводство съ паромъ и съ общими выгонами. Зато эти среднія хозяйства и самыя дурныя изъ всѣхъ въ цѣломъ государствѣ.

«Малое хозяйство Французское требуетъ гораздо менѣе рукъ нежели среднее во Фландріи, но отъ него и выгоды не велики, хотя и несравненно больше тѣхъ, какія доставляетъ Французское хозяйство среднее и большое. Если бъ во Франціи ввелись среднее и малое хозяйства усовершенствованныя во всѣхъ отношеніяхъ, они бъ доставили огромное количе-

Digitized by Google

ство съѣстныхъ припасовъ хлѣбомъ и овощами не по народонаселенію. Ихъ нельзя столь же легко какъ большія, не лишаясь выгоды, измѣнить и приноровить къ другой какой-нибудь отрасли сельскаго хозяйства, именно, вмѣсто добыванія въ большомъ количествѣ хлѣба и овощей, къ умноженію животныхъ, которыя бы могли замѣнять потребителей при недостаткѣ хлѣба и овощей. У насъ, во Франціи, если бъ малое и среднее хозяйства достигли вдругъ возможнаго совершенства, слѣдствіемъ этого было бы съ одной стороны излишнее изобиліе въ съѣстныхъ припасахъ и чрезвычайно дешевая цѣна на нихъ, съ другой необыкновенное возвышеніе цѣнъ за трудъ. Такое положеніе вещей не можетъ удержаться.

«Кажется, очень ясно, что, при настоящемъ положеніи дѣла, для Франціи годится только система большихъ хозяйствъ, которая можетъ повсемѣстно совершенствоваться и стремиться къ высокой степени искусства, такой, какъ у другихъ народовъ. Также нельзя не убѣдиться, что главныя препятствія, останавливающія успѣхи этой системы, состоятъ съ одной стороны въ недостаткѣ капиталовъ, нужныхъ для улучшенія сельскаго хозяйства, съ другой въ недостаткѣ познаній у людей, посвящающихъ себя этой промышлености. Намъ остается только сказать нѣсколько словъ о средствахъ, которыми можно возстановить равновѣсіе между большимъ и малымъ хозяйствами и доставить первому выгоды, бывшія до-сихъ-поръ на сторонѣ его соперника.

«Первое и главное средство, безъ котораго всѣ другія останутся недѣйствительными, состоитъ въ распространеніи свѣдѣній о сельскомъ хозяйствѣ, — предметѣ, требующій по своей важности особеннаго вниманія и соображенія. Это дѣло правительства. Въ системѣ народнаго воспитанія во Франціи одинъ классъ людей забытъ вовсе, классъ самый многочисленный, — земледѣльцы *. Воспитаніе въ гимназіяхъ и университетахъ не для земледѣльцевъ. Оно для нихъ не

* Въ нашемъ отечествѣ, благодаря неусыпному попеченію правительства, положены уже основанія самыя обдуманныя и прочныя воспитанію крестьянъ удѣльныхъ, которыхъ готовятъ быть свѣдущими сельскими хозяевами. На нихъ покоится надежда на Русское сельское хозяйство.

Digitized by Google

годится. Науки, преподаваемыя въ этихъ заведеніяхъ, готовятъ юношей къ другимъ стезямъ жизни и слѣдственно отвлекаютъ отъ сельскаго хозяйства. Ежедневный опытъ удостовѣряетъ, что если земледѣлецъ сдѣлаетъ ошибку — помѣститъ своего сына, назначаемаго къ тому же званію, въ гимназію на нѣсколько лѣтъ, этотъ ученикъ потерянъ для сельскаго хозяйства. Онъ получаетъ такіе вкусы и привычки, которые заставляютъ его искать другаго состоянія. Если онъ рѣшится *учиться себя* долго чтобъ приняться за плугъ, тогда *для* него первое условіе — забыть непремѣнно все, чему онъ учился въ гимназіи. Латынь и Греческій языкъ не доставятъ урожая сельскому хозяйству. Кромѣ того юноша должно истребить изъ памяти, — а это всего труднѣе, — мысль о тѣхъ обольстительныхъ наслажденіяхъ, къ которымъ приготовили его пріобрѣтенныя познанія, и которыя ласкали его самолюбіе. Въ лѣтахъ зрѣлыхъ, быть-можетъ, отвращеніе отъ суетъ и величія мірскаго привлечетъ человѣка къ тихой сельской жизни съ тѣхъ путей, къ которымъ его назначало воспитаніе, но тогда уже поздо дѣлаться хорошимъ хозяиномъ. Посѣдѣлый новичекъ станетъ въ тупикъ безъ свѣдѣній, необходимыхъ для хорошаго производства этой промышленности. Если новый хозяинъ благоразуменъ, прежде всего онъ станетъ изучать дѣло. Но сѣдаго ученика не застанетъ ли смерть за книгой, прежде нежели онъ проникнетъ тайны науки и опыта, прежде нежели сдѣлается хорошимъ теоретическимъ и практическимъ производителемъ. Спрашивается, при такомъ порядкѣ вещей, можно ли надѣяться найти въ народѣ земледѣльцевъ, которые знали бы больше сложенія и вычитанія, обыкновеннаго мастерства школьнаго.

«Очевидно, что прежде всего надобно пополнить этотъ недостатокъ, если желаютъ успѣховъ и распространенія искусства въ народномъ сельскомъ хозяйствѣ и водворенія системы большихъ хозяйствъ. Каѳедры сельскаго хозяйства въ гимназіяхъ и университетахъ, по примѣру Германскихъ и Англійскихъ, безъ сомнѣнія доставили бъ и у насъ много пользы, знакомя юношество, съ наукою сельскаго хозяйства, которая въ жизни, можетъ-быть, подъ случай пригодится, именно, когда иной изъ самъ рѣшится жить въ деревнѣ и

Digitized by Google

хозяйничать, или имъ владѣлецъ улучшать свое помѣстье мѣрами благотворными въ статьяхъ для найма. Наука сельскаго хозяйства не была бы также безполезна и для людей, посвящающихъ себя государственной службѣ. Имѣя полное понятіе о предметѣ, они знали бы вѣрно, а не наугадъ, чѣмъ и какъ покровительствовать и ободрять это искусство, основу богатства и могущества народнаго. Къ удивленію, во Франціи, государствѣ столько просвѣщенномъ, познаніе сельскаго хозяйства весьма рѣдко во всѣхъ сословіяхъ. Это иначе и быть не можетъ: это — *слѣдствіе* настоящаго положенія Французскаго хозяйства. Безспорно, что однихъ теоретическихъ свѣдѣній, почерпаемыхъ въ школахъ, недостаточно, и что всякой, вступающій въ хозяйство, долженъ пройти курсъ опыта *для* вѣрныхъ успѣховъ въ этомъ искусствѣ. Но не тоже ли бываетъ и со всѣми науками? Преподаваемое въ гимназіяхъ и университетахъ служитъ только опорою и надежнымъ руководствомъ къ пріобрѣтенію дальнѣйшихъ, болѣе глубокихъ свѣдѣній на поприщѣ жизни при нуждѣ или при особенномъ расположеніи къ какому-нибудь дѣлу.

«Назадъ тому лѣтъ пять шесть, въ одной статьѣ «О воспитаніи земледѣльцевъ», помѣщенной въ «Лѣтописяхъ Французскаго земледѣлія», я опровергалъ пользу каѳедръ сельскаго хозяйства, учреждаемыхъ по городамъ безъ опытныхъ заведеній, другими словами, пользу теоріи безъ практики, которыя должны итти объ руку въ образованіи хозяина. На мое мнѣніе возражалъ въ тѣхъ же лѣтописяхъ Г. Сильвестръ, членъ Королевской Академіи Наукъ и непремѣнный секретарь Королевскаго Центральнаго Общества Сельскаго Хозяйства въ Парижѣ. Мнѣ пріятно теперь сознаться, разсмотрѣвъ этотъ предметъ внимательнѣе и съ разныхъ точекъ зрѣнія, что я ошибся: я охотно соглашаюсь съ мнѣніемъ почтеннаго ученаго, что каѳедры сельскаго хозяйства дѣйствительно полезны въ гимназіяхъ и университетахъ; только вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжденъ и въ томъ, что этой мѣры еще недостаточно. Необходимы *для* быстрыхъ успѣховъ и процвѣтанія сельскаго хозяйства особыя опытныя школы, гдѣ человѣкъ, желающій узнать это искусство со стороны практической, могъ бы имѣть при-

Digitized by Google

мѣры передъ глазами опытнаго производства каждой отрасли, предостерегающіе новаго дѣйствователя отъ ошибокъ самыхъ важныхъ и неразлучныхъ съ убытками, часто разорительными.

«Кромѣ познаній, необходимыхъ еще для процвѣтанія хлѣбопашества капиталы, соотвѣтственные обширности хозяйства. Здѣсь участіе правительства, кажется, прекращается. Оно не можетъ вдругъ цѣлой толпы бѣдныхъ фермаровъ сдѣлать богатыми и пожертвовать множествомъ капиталовъ на улучшеніе сельскаго хозяйства. Но не о томъ и рѣчь. Дѣло въ томъ, какимъ образомъ привлечь къ фермарству людей съ капиталами, которые были бы въ состояніи произвесть полезныя улучшенія и нововведенія. Въ капиталахъ нѣтъ во Франціи недостатка; но главное — ихъ не употребляютъ на сельское хозяйство. Имъ даютъ другое направленіе; деньги скорѣе будутъ лежать въ сундукахъ, если негдѣ помѣстить ихъ на другія промышленности, а не употребятъ ихъ на разработку земель и улучшеніе земледѣлія. Это фактъ неоспоримый и у всякаго передъ глазами. Отчего же это? Именно оттого, о чемъ было говорено, — отъ недостатка познаній въ сельскомъ хозяйствѣ. Если бъ познанія были разлиты въ народѣ, нашлось бы много людей зажиточныхъ, которые бы не усомнились ввѣрить своихъ денегъ полямъ, искусно обработаннымъ, зная что это помѣщеніе капитала вѣрно и прибыльно наравнѣ съ другими промышленостями. Тогда и прочіе послѣдовали бы этимъ примѣрамъ выгоднаго употребленія денегъ; познанія ручались бы за успѣхъ и обезпечивали бъ выгоды отъ предпріятій земледѣльческихъ.

«Но и этого еще не довольно. Люди съ капиталами не рѣшатся теперь жертвовать своими деньгами на ферму, если помѣщики не перемѣнятъ относительно наемщиковъ, фермаровъ, своихъ обычныхъ правилъ. Прежде всего должно установить сроки найма продолжительные. Ни одинъ фермаръ не сдѣлаетъ шагу для улучшенія хозяйства, — улучшенія, возвышающаго цѣнность помѣстья, но требующаго значительныхъ денежныхъ издержекъ, — если не увѣренъ, что будетъ пользоваться своими пожертвованіями нѣкоторое время, что вознаградитъ свои издержки и получитъ еще по-

Digitized by Google

рядочную прибыль*. Кромѣ-того во Франціи помѣщики должны болѣе озаботиться о хорошей хозяйственной постройкѣ на фермахъ. Богатый фермеръ не наймет этихъ лачугъ, которыя теперь видимъ мы почти повсемѣстно во Франціи. Нельзя ему употребить капиталовъ на полезныя улучшенія по хозяйству, когда негдѣ ни самому съ семействомъ помѣститься, ни удобно упріютить значительнаго стада; когда нѣтъ мѣста, гдѣ положить обмолоченный хлѣбъ, нѣтъ крыши для сѣна, риги для жатвъ, которыя съ улучшеніемъ хозяйства должны еще увеличиваться.

«Но какими средствами побудить помѣщиковъ къ лучшему устройству фермъ и къ старанію привлекать въ свои помѣстья капиталы, безъ которыхъ хлѣбопашество вѣчно останется неподвижнымъ? Тѣми же, о которыхъ была рѣчь, — распространеніемъ свѣдѣній о сельскомъ хозяйствѣ. Безъ нихъ помѣщикъ не въ силахъ даже чувствовать благотворнаго вліянія улучшеній въ будущемъ на свои помѣстья, на свое благосостояніе и доходы, проистекающаго отъ хозяйничанья богатыхъ и искусныхъ фермеровъ. Помѣщикъ, знакомый съ наукою сельскаго хозяйства, легко постигнетъ, что всего выгоднѣе ему употребить свой капиталъ на устройство своего помѣстья. Ничто столько не заслуживаетъ хулы, какъ общее невѣжество Французовъ въ сельскомъ хозяйствѣ и необыкновенная безпечность помѣщиковъ о своемъ благосостояніи и своихъ имѣніяхъ.

«Нельзя такъ же надѣяться, чтобъ скоро распространилась и утвердилась система большихъ хозяйствъ во Франціи съ свойственными ей улучшеніями, если не будетъ пособія искусству и усовершенствованіямъ въ сельскомъ хозяйствѣ со стороны законодательства. Для Французскаго хозяйства не-

* Въ нашемъ (Французскомъ) законодательствѣ сдѣланы уже нѣкоторыя улучшенія по найму фермъ. Но еще далеко не достигли мы своей цѣли. Можно было бы вовсе освободить отъ пошлины наемъ фермъ на болѣе чѣмъ пятнадцать лѣтъ. Это принесло бы существенную пользу государству. Простой чиновникъ по счетной части почелъ бы такое узаконеніе за ущербъ казнѣ, но государственный человѣкъ увидитъ вещь совсѣмъ съ другой стороны. Развѣ всякая мѣра для процвѣтанія сельскаго хозяйства не есть дѣйствительное обогащеніе казны и государства? *Примѣчаніе Домбаля.*

Digitized by Google

обходимо уложеніе земледѣльческое, такъ давно обѣщанное. Нынче самое благопріятное время для осуществленія труда важнаго, уже очищеннаго отъ грубой коры разборами и преніями.

«Какія еще препятствія могутъ останавливать исполненіе пламенныхъ желаній, такъ часто повторяемыхъ Французскими земледѣльцами? Развѣ только тѣ, о которыхъ была рѣчь, — невѣжество въ сельскомъ хозяйствѣ всѣхъ сословій народа. Когда во Франціи хотятъ коснуться этой важной отрасли законодательства, tout le monde, «весь свѣтъ», отступаетъ назадъ, испугавшись трудностей и отъ недоумѣнія какъ уладить это дѣло, не зная, не понимая предмета. Годы протекаютъ за годами, — и ни шагу впередъ не дѣлается на поприщѣ улучшенія народнаго хлѣбопашества. И это общее невѣжество въ сельскомъ хозяйствѣ есть какъ-бы особенная принадлежность Французовъ, — огромный передовой валъ который останавливаетъ успѣхи земледѣлія и распространеніе системы большихъ хозяйствъ.»

Укоризны справедливыя, совѣты полезные, отъ благомыслящаго и свѣдущаго земледѣльца своимъ соотечественникамъ! Намъ остается присовокупить нѣсколько словъ изъ чистой любви къ человѣчеству. Было бы во сто разъ благороднѣе и счастливѣе для Франціи вести народъ къ мирному трудолюбію, къ тихимъ и полезнымъ занятіямъ и усовершенствованіямъ сельскаго хозяйства, которыя неразлучны съ кротостью, терпѣніемъ, постоянствомъ, чистотою нравовъ, нежели устремлять массу въ споры политическіе, заставлять умничать каждаго чернорабочаго о законодательствѣ, равенствѣ, бракѣ, свободѣ женщинъ, презирать промышленость, мѣнять плугъ и серпъ, веретено и весло, на адскія машины и пистолеты-трости, на газеты и журнальныя перестрѣлки, которыя волнуютъ умы безъ пользы и повергаютъ прекраснѣйшую часть Европы въ неизмѣримую пропасть бѣдствій. Beatus, qui bene coluerit arva! *Д. Шелеховъ.*

Digitized by Google

V.

КРИТИКА.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ РУССКИМЪ. *Троицкая Лавра, Ростовъ, Новый Іерусалимъ, Валаамъ. Санктпетербургъ, 1836.*

Величественно было зрѣлище Богочеловѣка, молящаго – *Да мимо идетъ чаша сія,* распятаго на крестѣ, вопіющаго – *Страждy!* и умирающаго, – да побѣдитъ смерть воскресеніемъ, землю небомъ. Ветхій Адамъ радуется у подножія святаго креста: побѣда на землѣ, и «Слава въ вышнихъ Богу» гремящее въ небесахъ, заставляютъ содрогаться дольный міръ, гдѣ таинственная завѣса раздирается надъ святилищемъ, въ которое только три раза въ годъ вступалъ первосвященникъ, чтобы тайно произносить имя Господа. Конецъ Іерусалиму, *граду избранныхъ!* Отнынѣ *весь* міръ будетъ Іерусалимъ, *вся* народы – избранные; святилище храма открыто будетъ всякому, и имя Іеговы, въ имени Христа, въ имени *Бога, иже весь любовь,* явится знаменіемъ разрѣшеннаго міра, утѣхою скорби, голосомъ радости.

Величественное было потомъ зрѣлище учениковъ Спасителя, идущихъ въ міръ, гордый, великолѣпный; старцевъ, нищихъ, бѣдныхъ, терзаемыхъ за «Слово истины», которые въ скорбяхъ и въ темницахъ возводили очи и возносили души къ небу, гдѣ «утѣшатся плачущіе, возвеселятся печальные, блаженны будутъ тѣ, кого поносили и изгоняли имени Его ради». Слово мира и истины проникаетъ въ хижины и чер-

Digitized by Google

тоги; передъ нимъ падаютъ храмы и истуканы страстей человѣческихъ; деревянный крестъ тихо возносится среди развалинъ кроваваго Колизея; обѣтъ величія является въ символѣ казни и позора. Варвары, передъ которыми уничтожалось все, — гордость и сила Рима, искусство и мудрость Греціи, Варвары смиренно повергаются передъ предвѣчнымъ Словомъ Богочеловѣка. Новый міръ, новыя царства на землѣ; «новая жизнь» за гробомъ. Ветхая Ева сознаетъ свое земное достоинство, съ тѣхъ поръ какъ Богъ освятилъ Пречистую Дѣву, какъ *дщерь Евы* стала матерью Бога и вся земля храмомъ Сына человѣческаго, какъ религія сдѣлалась руководителемъ ума, и истина засіяла въ мірѣ тмы, нисшедшая по лучу съ Неба.

Напрасно силится послѣ того заблужденіе побѣдить истину, тщетно страсти хотятъ преобратить въ свое орудіе Слово вѣры и спасенія, а сила мечтаетъ попрать законъ, явленный міру въ словѣ Богочеловѣка. Отвсюду истекаетъ благо, какъ Израилю, жаждущему въ пустынѣ, истекала вода даже изъ сухаго камня. Ереси потрясаютъ зданіе Церкви, зломудріе затемняетъ вѣру; но это — облака, сквозь которыя тѣмъ ярче пробиваются потомъ лучи солнца. Первосвященникъ Рима во зло употребляетъ власть, данную ему, какъ правителю Церкви «вязать и рѣшить»; но онъ только укрѣпляетъ этимъ союзы царей и народовъ. Онъ *преходитъ* съ своею тщетною властью, а истина остается по пророчеству, по слову Бога живыхъ, изрекшему, что земля и небо прейдутъ, но не измѣнятся Законъ и Слово Его ни на единую черту.

И еще разъ великое зрѣлище было на Востокѣ, тамъ гдѣ стоялъ нѣкогда, на высотахъ Сіона, «градъ избранныхъ», гдѣ воплотилось потомъ слово спасенія, гдѣ стала послѣ *мерзость запустѣнія на мѣстѣ свя-*

Digitized by Google

ть. Въ благоговѣйномъ смиреніи идутъ туда цари и воины, движутся безъ числа народы, колеблется Европа, какъ-будто хочетъ пасть и обрушиться на Азію; дѣти спѣшатъ съ отцами, и при каждомъ городѣ, спрашиваютъ: «Не это ли Іерусалимъ?» Но духъ Божій проявляясь въ единодушномъ кликѣ *Такъ хощетъ Богъ!*, не возсоздавалъ древній Іерусалимъ въ подвигахъ крестовыхъ рыцарей, въ битвахъ Востока и Запада, а сзывалъ царей и народы къ новому образованію и къ новой общественности.

Такъ всюду величественными и прекрасными являются намъ зрѣлища, которыя представляла вѣра человѣка въ слово Богочеловѣческое; такъ всюду эта вѣра обращала въ невидимое благо даже видимое зло. Искушали ль бѣдствія міръ, – они были посылаемы отъ Того, кто *Самъ искушаемъ былъ*, и могъ *искушаемымъ помощи*; страдала ли вѣра человѣка, – она только очищалась страданіемъ, *какъ злато въ горнилѣ*; алчба богатствъ переносила ли Европейца за моря, стремилось ли корыстолюбіе съ крестомъ и мечемъ въ рукахъ средь бѣдныхъ дикарей Американскихъ, во имя Бога, ложно призываемаго Пизаррами и Вальвердами, проливались ли рѣки крови на вновь открытомъ Свѣтѣ, – это корыстолюбіе, эта алчба, эта несчастная кровь только приготовляли землю, чтобы изъ нея произрасли сѣмяна новыхъ царствъ и народовъ, – и всюду явились «источники жизни»!

Но, тѣмъ прекраснѣе, тѣмъ величественнѣе бывали зрѣлища вѣры и Слова Божія въ исторіи міра, и, когда вѣра и Слово являлись средь людей тихо, мирно, избирая знаменіемъ кротость, какъ агнца избралъ знаменіемъ Божественный Создатель христіанства. Мы въ трепетѣ повергаемся передъ Богомъ, котораго являютъ намъ громы и молніи; мы съ восторгомъ славимъ его въ великолѣпномъ храмѣ, когда стройный

Digitized by Google

хоръ оглашаетъ обширные своды святилища и въ злато облаченные священники возносятъ ѳиміамъ Вседержителю; но какъ сладостно согрѣваются сердца наши тихимъ огнемъ любви и молитвы, какими теплыми слезами выражается наше чувство, когда голосъ религіи слышится намъ въ пустынныхъ кельяхъ забытой міромъ обители, въ славословіи старца, преклоненнаго передъ уединеннымъ алтаремъ! когда мы видимъ утѣшеніе вѣры въ бѣдной хижинѣ, близъ одра смерти, въ живительной бесѣдѣ страдальца съ смертью! Тогда мы слышимъ, кажется, голосъ Бога: «Вѣдаете ли, что молитвою этого инока дано спасеніе мое градамъ и странамъ вашимъ? Вѣдаете ли, какъ далеко впереди всѣхъ, у престола моего, станетъ этотъ забытый вами страдалецъ, и какъ ниже его будутъ многіе изъ тѣхъ, кому даримъ здѣсь міръ славу свою и почесть?» Тогда мы погружаемся въ глубокую думу, и постигая тайную судьбу міра, возвышаемся до небесъ въ земномъ ничтожествѣ, участвуемъ въ рѣшеніи таинственныхъ опредѣленій Бога.

Таково именно зрѣлище, въ теченіе десяти столѣтій являетъ православная Россійская Церковь. Внимательно разсматривая исторію цѣлаго міра, не много найдемъ въ ней эпизодовъ столь увлекательныхъ, столь утѣшительныхъ, какъ исторія христіанства въ Русской землѣ. Чисто и прямо, свѣтлымъ потокомъ истекшая изъ первоначальныхъ источниковъ, Греко-Россійская православная Церковь проникла въ дебри сѣвера и утучнила земли Скиѳіи и Сибири. Она не служила здѣсь орудіемъ къ войнѣ власти духовной съ мірскою, не гремѣла буллами съ высоты грознаго сѣдалища, не двигала народовъ на борьбу запада съ востокомъ, не строила вѣковыхъ храмовъ изъ тщеславія, не ходила съ мечемъ и жезломъ владычества для обращенія народовъ; она отвергала всѣ увлеченія корысти и гордости, избѣгла смятеній реформаціи, и уцѣлѣла

Digitized by Google

въ чистотѣ первобытной, всегда спасительная, всегда животворная, всегда кроткая. Но менѣе ли благодѣтельна была она для человѣчества? Несмотря на противныя умствованія западныхъ мыслителей, мы смѣло говоримъ – нѣтъ! И въ исторіи Церкви нашей открываемъ мы новый залогъ величія будущей судьбы отечества, которую можно предугадать, хорошо проникнувъ исторію Россіи и ея Церкви, читая ихъ лѣтописи безъ пристрастія, но съ душею согрѣтою вѣрою, – потому что одного критическаго ума недостаточно.

Дѣйствительно, разсмотрите исторію Восточной Греко-Россійской Церкви, съ самаго начала проповѣди слова Божія между Моравскими Славянами. Какое великое благодѣяніе оказываетъ она въ самомъ началѣ! Наполняя души и сердца свѣтомъ божественнаго ученія, она вмѣстѣ съ тѣмъ не принуждаетъ къ вѣрѣ, спасаетъ Славянъ отъ гордой власти западныхъ владыкъ Церкви, устраняетъ чуждый, непонятный языкъ, на которомъ славятъ истиннаго Бога христіане католическіе, и образуетъ грубый языкъ народа составленіемъ азбуки и переводомъ Священнаго Писанія на языкъ народный, – благодѣяніе, котораго Французы и Нѣмцы дождались послѣ столькихъ столѣтій и столькихъ волненій! Это благодѣяніе готовое передается на берега Днѣпра, западаетъ въ души Славянскихъ и Норманскихъ варваровъ, и кротко ведетъ ихъ къ принятію христіанской религіи. Вѣра Греческая переходитъ въ Кіевъ безъ великолѣпной іерархіи, безъ вмѣшательства духовнаго во власть политическихъ правителей; и, когда потомъ установляется «Русская іерархія», она только – совѣтникъ, другъ, утѣшитель князей и народа; проникая въ дремучіе лѣса Смоленска и Суздаля, она ставитъ только мирные храмы, даетъ только убѣжища въ обителяхъ иноковъ душамъ, которыя утомлены міромъ или плѣнены жизнью за

Digitized by Google

гробомъ. Властвуя совѣстью, вездѣ является она, какъ примирительница вражды, какъ укротительница страстей, бѣшено играющихъ въ удѣльныхъ битвахъ и междоусобіяхъ. Нѣкоторые историки сожалѣли о томъ, что вліяніе Греческихъ наукъ, знаній, художествъ, мало успѣло распространиться въ Руси и скоро было погашено совершенно отдаленіемъ Руссовъ отъ Грековъ и политическими обстоятельствами Русской земли съ XI вѣка. Мыслящіе такимъ образомъ не знаютъ, кажется, состоянія тогдашней Греціи, отъ IX до XIII столѣтія. Византія передала намъ слово Божіе даже не на своемъ языкѣ, какъ-будто именно для того чтобы, получивъ отъ нея драгоцѣнный залогъ спасенія, мы *ничего болѣе* не брали изъ этой несчастной груды обломковъ древней Греціи и древняго Рима. Важное слѣдствіе такого дѣла поясникъ мы далѣе, а здѣсь благоговѣйно взглянемъ на приближеніе эпохи, которая для Русской земли явила времена, равныя крестовымъ походамъ въ Европѣ. Нашествіе Монголовъ, которымъ кончился періодъ удѣловъ и начался періодъ новый, было началомъ самой блистательной исторіи Русской Церкви. Русская земля заливается волнами, нахлынувшаго съ Востока, наводненія; ея разрозненныя части тонутъ въ этомъ разливѣ, далеко перелившемся даже за Русскіе предѣлы; и когда волны стали сбывать послѣ столѣтняго бушеванія, какихъ святыхъ, благодѣтельныхъ подвиговъ религіи не находимъ мы на оживающей землѣ Русской! Все другое погибло въ нашествіи Монгольскомъ, — уцѣлѣли только языкъ и вѣра: самое названіе Русскаго замѣнилось названіемъ *христіанина*, какъ противуположность «поганому бусурману», Татарину. Свѣтлыми фаросами сіяли во все это пагубное для насъ время имена только святителей Русской Церкви; только вѣрою и святостью ознаменовывались имена самыхъ князей и бояръ. Жарко старалось Русское духовен-

Digitized by Google

ство сохранять чистоту догматовъ и святость церковнаго чина: но можемъ ли мы довольно оцѣнить бальсамъ, какой проливало оно въ души безчисленныхъ страдальцевъ, утѣшая ихъ въ мученіяхъ нестерпимыхъ, даруя имъ убѣжище отъ гоненій въ обителяхъ и храмахъ, указывая имъ на жизнь за могилою, когда погибельна была жизнь міра здѣшняго! Замѣтьте особенно четыре важныя, общія событія, какими ознаменовалось въ это время бытіе Русской Церкви. Первое, — она отвергла власть Греческой іерархіи, когда увидѣла корыстныя побужденія Византіи въ управленіи Русскою Церковью, и еще болѣе, когда узнала, что политика Римскаго первосвященника преодолѣваетъ православіе въ Царьградѣ, между-тѣмъ она сама упорно противилась ему во всѣхъ покушеніяхъ, которыя безпрестанно устремлялъ онъ на Русскія земли. Любопытное повѣствованіе составила бы исторія всѣхъ попытокъ папы на Россію, съ первобытнаго при Ольгѣ и Владимірѣ; потомъ, когда онъ владѣлъ уже западными Славянами и Полыпею, при Данінлѣ, Александрѣ, Романѣ, Василіи Темномъ; потомъ, когда онъ обладалъ уже Волынью и Кіевомъ, и сватался за Іоанна III, послѣднюю отрасль Палеологовъ; потомъ, когда при пособіи Іезуитовъ, создалъ обширный планъ подчиненія себѣ Руси посредствомъ самозванцевъ; потомъ, когда черезъ Сигизмунда старался оставить Русскій тронъ за Польскимъ королемъ, и далѣе, даже до предложенія Петру Великому «соединить Церкви». Мужественно стояла церковь Русская, и православіе, бывшее главною чертою нашей народности, одушевилось отвращеніемъ отъ «папеора Римскаго» и «Латинской вѣры», и сдѣлалось наконецъ важнѣйшею пружиною спасенія нашего въ смутныя времена Самозванцевъ. Между-тѣмъ, какъ-будто предвидѣла Церковь, что на сѣверъ, на берега Клязьмы, перешла настоящая Русь съ береговъ Днѣпра, и Церковь явилась тамъ съ

Digitized by Google

престоломъ митрополита, и оттуда послѣдовала за самодержавіемъ, спасавшимъ Русскую землю, въ Москву. Здѣсь властью своею она уничтожала удѣлы, – Рязань, Тверь, смиряла Новгородъ, покорила Псковъ, соединяла и крѣпила своими уставами, что соединяли и крѣпили въ тоже время политика и мечь Княжескій: вотъ второе великое дѣло Русской Церкви. Вспомните теперь третій подвигъ, – ея отношенія къ Ордѣ. Обезопасенная съ самаго начала *ярлыками* хановъ, она однако жъ страдала вмѣстѣ съ Русскою землею, и первая указала ей на Знаменіе побѣды и спасенія. Нельзя не изумляться уму и вѣрѣ Святаго Алексія, великаго государственнаго мужа; и этому чудотворному Сергію, иноку, который отвергъ санъ митрополита, но въ обители своей создалъ святилище чести народной и любви къ отечеству; и этому пламенному Вассіану, побуждавшему князей итти и умереть за отечество. Наконецъ, четвертый подвигъ нашей Церкви, совершившійся тайно, но явный въ своихъ послѣдствіяхъ, это борьба ея съ Латинскою Литвою, удержаніе Кіева за Русью, и присоединеніе Малороссіи, чему *главною* причиною была Православная вѣра, которая отвращала Казака отъ Уніи, отъ Латинщины, и сохраняла на немъ родимый типъ его, когда Латинь и Унія уже торжествовали мнимую побѣду. Кротко и тихо, но дѣятельно, сильно, противилась Русская Церковь политикѣ Литвы, уступала необходимое, хранила остальное, пока на стѣнахъ Кіева не распростеръ крыльевъ своихъ двуглавый орелъ Царей. Вотъ великія, общія заслуги Русскаго духовенства! Забудемъ ли частныя дѣла служителей алтаря, которыя обнимаютъ всю Русскую Исторію? Василія Новгородскаго, отраду въ бѣдствіяхъ соотчичей? Стефана, перенесшаго вѣру въ лѣса Перміи? Сильвестра, столь мудраго, столь несчастнаго? Филиппа, обличавшаго злодѣйство Опричнины,

Digitized by Google

и грозу Іоанна? Всѣ эти имена, достойныя незабвенной памяти потомства, послѣ именъ Алексія, Сергія, Гермогена, Діонисія, Аврамія, истинныхъ ангеловъ-хранителей Россійской народности, земли и вѣры.

Но вотъ уже Русская земля свободна, самобытна, не боится ни Ордынца, ни Литовца, ни Ляха. Она чувствуетъ потребность внутренняго преобразованія и внѣшняго устройства. Откажется ли Церковь отъ стремленія государственнаго впередъ? Ни мало. Она идетъ, даже впереди народа. Какое достопамятное лице одинъ этотъ Никонъ, другъ, совѣтникъ Царскій! Церковь сама стремится къ исправленію того, что излишняго накипѣло на ея внѣшность во время бурь, среди которыхъ обновлялась Русская земля. Отвергая то, что̀ можетъ помрачить чистоту ея догматовъ, она чувствуетъ однако жъ превышающую ученость Латинцевъ, и радушно принимаетъ въ свои объятія Максимовъ Грековъ, братьевъ Лихудовъ, Епифаніевъ Славинецкихъ, Симеоновъ Полоцкихъ; она изъ Кіева перезываетъ учителей, заводитъ академіи, исправляетъ тексты Священныхъ Книгъ. И здѣсь стремленіе впередъ является такъ велико, что грубый народъ сомнѣвается даже въ ея православіи, волнуется, начинаетъ «Старовѣріе» и «Старообрядство». Какъ высоко становится здѣсь Русская Церковь, отличаясь при благоразумныхъ нововведеніяхъ духомъ кротости, снисхожденія, миролюбія, старанія убѣдить, увѣрить въ истинѣ, предупредить изувѣрство, но твердо останавливая между-тѣмъ вредные расколы и ереси, которые отвсюду ринулись въ Русь, и прежде проявлялись въ Жидовинахъ и Стригальникахъ, а потомъ въ толкахъ Духоборцевъ, бредняхъ Квирина Кульмана и Квакерской вѣрѣ. Будто вредныя капли, упавшія въ море, исчезаютъ и безвредными становятся всякія злоученія, и Русское православіе показываетъ новые поучительные уроки бла-

Digitized by Google

ючестиваго смиренія и покорности властямъ, отъ Бога установленнымъ, когда потребности Россіи и могучій геній Петра требуютъ отъ него еще дальнѣйшихъ преобразованій и христіанскаго пожертвованія всякою гордынею и корыстью: оно передаетъ Царю санъ первосвятителя; ему подчиняетъ духовный синодъ, который по его волѣ будетъ управлять Церковью; отечеству приноситъ всѣ мірскія имѣнія, едва только потребовала ихъ воля Помазанницы Божіей. И среди тѣхъ, которые при Петрѣ и послѣ него являлись поборниками просвѣщенія и успѣха, вы видите въ первыхъ рядахъ имена пастырей церкви, — Ѳеофана Прокоповича, Стефана Яворскаго, Амвросія Каменскаго, Анастасія Братановскаго, Евгенія Булгера, Гавріила Бужинскаго, Гавріила Петрова, Михаила Десницкаго, Димитрія Сѣченова, Іоанна Леванду, Ѳеофилакта Лопатинскаго, Амвросія Подобѣдова, Платона Левшина. Даже изъ тѣхъ, кого въ наши дни прославилъ Богъ нетлѣніемъ ихъ бренныхъ останковъ и даромъ чудотворенія, Димитрій Ростовскій, Иннокентій Иркутскій, Тихонъ Задонскій, не были ль притомъ и учеными, просвѣщенными мужами своего времени? Мы не говоримъ о современныхъ пастыряхъ нашей Церкви: «Исторія не хвалитъ живыхъ», сказалъ Карамзинъ, посвящая трудъ свой Достойному всякихъ похвалъ.

Неуже-ли, соглашаясь въ истинѣ картины, слегка здѣсь обрисованной, не согласятся въ томъ, что исторія предмета, изъ которой почерпнули мы этотъ очеркъ, есть отраженіе предмета умилительнаго, трогательнаго, великаго въ смиреніи, возвышающаго душу? Картина эта не оттѣнена ни Ватиканами, ни Крестовыми походами, ни соборомъ Святаго Петра, ни Реформаціею, ни войною Албигойцевъ, ни Американскими миссіями, ни политикою Іезуитовъ: но кому не понятно, какая великая мысль Провидѣнія заклю-

Digitized by Google

чена въ ея сюжетъ? Мы говорили только о прошедшемъ. Для просвѣщеннаго наблюдателя, прошедшее есть разгадка будущаго.

Разсматривая такимъ образомъ прошедшее, легко постигнуть, какую великую судьбу для народа заключаетъ въ себѣ исторія Церкви, совершенно отдѣленной отъ запада, и которая, принявъ отъ Греческой Церкви только зерно, самобытно разрослась въ величественное дерево, осѣнившее вѣтвями своими сѣверъ Европы и сѣверъ Азіи. Онъ отличенъ отъ всего остальнаго, въ Азіи и въ Европѣ, своею вѣрою, какъ отличенъ своимъ языкомъ, своею исторіею, когда между-тѣмъ обширное Славянское племя остается намъ роднею, по преданіямъ и по языкамъ. Самобытно долженъ былъ образоваться, для исполинскаго дѣйствія въ будущемъ, этотъ Русскій сѣверъ, и онъ представляетъ намъ удивительный примѣръ самобытной религіи, которая слилась съ нашею народностью, и народности, которая сознаетъ себя въ религіи, славитъ Бога на томъ языкѣ, въ томъ храмѣ, на которомъ славили, и въ которомъ славили Его за десять столѣтій Кіевскіе Руссы, и котораго не понимаетъ Европа: впрочемъ ей и не суждено понять насъ; она узнаетъ насъ на-дѣлѣ. Недавно, одинъ изъ тѣхъ писателей, которые отчаянно кричатъ съ Парижскихъ каѳедръ противъ Россіи, невольно высказалъ великую истину: «Безумно было бы проклинать Россію. Когда сила является въ необыкновенной мѣрѣ, это всегда доказываетъ, что ей предназначается совершать судьбы Бога.»

Какъ жаль, что у насъ до-сихъ-поръ нѣтъ еще исторіи Русской Церкви, написанной не въ одномъ только отношеніи къ фактамъ, но съ идеею философскою въ головѣ и пламенемъ вѣры въ сердцѣ; исторія, которую создалъ бы человѣкъ, глубоко проникнутый любовью къ отчизнѣ и къ символу этой любви, — Рус-

Digitized by Google

скому православію. Такой книги можемъ мы пожелать даже для поясненія исторической задачи нашего бытія въ глазахъ Европы; но она едва-ли еще не важнѣе для насъ самихъ, въ то время, когда толки западныхъ писателей, не понимающихъ ни насъ, ни нашей исторіи, жестоко устремляются на Русскихъ, и могутъ возбудить сомнѣніе въ великой судьбинѣ нашего образованія, отдѣльнаго отъ Европы, но слитаго съ нею нашими отношеніями къ всемірной исторіи и къ будущему, котораго такъ робѣетъ и боится западная Европа. Подобная книга, дышащая вѣрою и горячимъ, не на умѣ основанномъ, сознаніи самихъ себя, могла-бы принесть важную пользу и для нашего поколѣнія вообще, нерѣдко хладнокровнаго и безмолвнаго тамъ, гдѣ надобно кипѣть любовью и говорить истину смѣло и громко. Желательно было бы, для такой же точно цѣли, видѣть еще одну книгу въ нашей литературѣ; книгу такъ же проникнутую любовью къ отечеству и святою вѣрою; книгу, которую бы можно было назвать — географическимъ описаніемъ святынь религіи, которыми повсюду усѣяна Русская земля. Такая книга сдѣлала бы краснорѣчивыми для Исторіи и Религіи безмолвныя мѣста, мимо которыхъ, нерѣдко безъ всякаго вниманія, проходитъ странникъ и проѣзжаетъ путешественникъ. Она поясняла бы исторію и религію нашу мѣстностью, соединяла бы на замѣчательныхъ урочищахъ память о прошедшемъ, о славѣ и бѣдствіяхъ, о подвигахъ и дѣяніяхъ предковъ нашихъ; она питала бы въ то же время души манною вѣры. Людямъ, притекающимъ каждый годъ тысячами на молитву въ святые храмы и обители, она служила бы руководствомъ въ ихъ благочестивомъ странствованіи, а изображая картины этихъ странствованій, она являла бы наблюдателю одну изъ существенныхъ сторонъ нашего народнаго образованія, — эту теплую вѣру, это благочестіе, это

Digitized by Google

усердіе, заставляющія тысячи людей ежегодно переходить тысячи верстъ, нерѣдко съ посохомъ странника, съ котомкой нищаго, для преклоненія передъ святыней. Картины народности нашей сливались бы здѣсь съ картинами повѣствованія историческаго, потому что у насъ немного, *почти нѣтъ*, другихъ памятниковъ, кромѣ памятниковъ вѣры, – церквей и обителей. Храмомъ ознаменовывали предки наши память скорбей своихъ, храмомъ и благодарность за спасеніе. Молитва раздѣляла ихъ жизнь, ихъ годы, ихъ дни.

Такъ Москва, которую многіе любятъ безотчетно и невнимательно посѣщаютъ, явила бы собою, при подобномъ описаніи, живую лѣтопись нашей вѣры и нашей народности, каменную лѣтопись нѣсколькихъ столѣтій. Святыни Кремля представили бы намъ – Успенскій храмъ, древнѣйшій по построенію, съ гробницею Святаго Петра митрополита, основателя его, трудъ славнаго Фіоравенти; съ гробами нашихъ митрополитовъ и патріарховъ; Гермогена, Филарета, страдальца Филиппа; ризницу его съ «Августовою крабіею» и съ крестомъ, который *былъ* на груди Петра Великаго, въ день Полтавской битвы и погнулся отъ пули, ударившейся въ грудь великаго монарха и отраженной святымъ знаменіемъ Спасенія; – Архангельскій Соборъ, съ святыми останками Михаила Черниговскаго и отрока Димитрія, съ гробницами Іоанна Калиты, Димитрія Донскаго, Іоанна III, Іоанна Грознаго, Василія Шуйскаго, Петра II; – соборы, Благовѣщенскій, Спаса-на-бору, Спаса-за-золотою-рѣшеткою; – монастыри, Чудовъ, дышащій памятью Алексія митрополита; – Вознесенскій, кладбище Русскихъ царицъ; – Патріаршую церковь, съ ея ризницею. Переходя за предѣлы Кремля, мы увидѣли бы – Казанскій Соборъ, памятникъ, воздвигнутый Пожарскимъ; – Покровскій соборъ, памятникъ паде-

Digitized by Google

нія Казани, чудное смѣшеніе зодчества и воспоминаній, какъ чудна исторія его основателя, Грознаго Іоанна; – древній Даниловскій Монастырь; – Обитель Симоновскую, съ ея святыми прудами и гробницами Ослябя и Пересвѣта; – Обитель Донскую, памятникъ спасенія Москвы при Ѳеодорѣ; – Обитель Новодѣвичью, съ гробницею горделивой Софіи, памятникъ взятія Смоленска; – Обитель Рождественскую, памятникъ Куликовской битвы; – Обитель Новоспасскую, съ гробницами страдальцевъ Романовыхъ; – Обитель Богоявленскую, первое убѣжище митрополита Алексія и Стефана, брата Сергіева; – Обитель Занконоспасскую, съ могилою Симеона Полоцкаго и памятью первыхъ духовныхъ училищъ въ Москвѣ. Петербургъ, столь юный, показалъ бы намъ храмъ Петропавловскій, съ священными останками Петра Великаго, съ гробницами Екатерины, Маріи, Александра, храмъ Казанскій, съ трофеями 1812 года, вѣющими надъ могилою Кутузова; Обитель Александроневскую, съ мощами Александра, несенными туда на раменахъ Петра Великаго, съ могилами Суворова и Ломоносова. А древній Кіевъ, съ его Софійскимъ соборомъ, развалинами десятинной церкви, Печерскою Обителью? А Новгородъ, съ его Святою Софіею, Хутынскимъ Монастыремъ, Антоніевымъ, Юрьевымъ? А окрестности Москвы, гдѣ возвышаются – памятникъ Сергія, святая Обитель Троицкая; памятникъ Никона, Обитель Воскресенская; памятникъ Платона-Виѳанія; памятникъ древняго благочестія Русскихъ Царей, Саввинскій Монастырь; памятникъ ревнителя благочестія Іосифа, Волоколамскій монастырь; памятникъ страшнаго Бородина, Колочскій монастырь? Какое богатое поле для благоговѣйныхъ размышленій и незабвенныхъ воспоминаній представляетъ намъ почти каждый городъ, даже отдаленныя селенія Россіи и Сибири! Трудно даже исчислить всѣ тѣ мѣста, гдѣ сердцу

Digitized by Google

Русскому хотѣлось бы излиться въ молитвѣ, уму Русскому погрузиться въ прошедшее. Обитель Прилуцкая, гдѣ почіютъ два брата, два страдальца изумительные страданіемъ; Обитель Кирилловская, богатая воспоминаніями прошедшаго; Обитель Костромская Ипатьевская, гдѣ началось прочное счастье Россіи избраніемъ Михаила; Обитель Соловецкая, удалившаяся въ волны Ледовитаго Моря съ могилами Сильвестра и Аврамія; Обитель Сійская, мѣсто заточенія Филарета, Обитель Спасо-Евѳимьевская въ Суздали, съ могилою Пожарскаго; обители Боровская, Столобенская, Тихвинская, Валдайская, Калязинская, Саровская, Курская, Почаевская, Псковскія обители, храмы въ Черниговѣ, Смоленскѣ, Переяславлѣ, Казани, Астрахани, Ростовѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Рязани, Серпуховѣ, – даже въ Туруханскѣ и Березовѣ, въ Изюмѣ и Николаевѣ, – все влечетъ къ себѣ вниманіе наше. И одни ли храмы въ большихъ городахъ, однѣ ли знаменитыя обители, обратятъ на себя взоръ любопытнаго и благочестиваго странствователя? Нѣтъ! здѣсь маленькая церковь въ селѣ Деулинѣ напомнитъ ему прекращеніе бѣдствій Россіи при Михаилѣ, тамъ старая церковь въ Покровской Слободѣ – приступъ Владислава къ Москвѣ; забвенный Отрочь-монастырь – кончину святителя Филиппа; крестъ на берегахъ Бѣлаго моря – спасеніе Петра Великаго отъ морскихъ волнъ; церковь въ селѣ Куликовскомъ – пораженіе Мамая. Какъ-будто сѣтью, вся Россія покрывается историческо-религіозными воспоминаніями въ памятникахъ вѣры, въ сокровищахъ, какія въ нихъ заключаются, въ могилахъ, какія въ нихъ находятся, въ приношеніяхъ Царей, святителей, воиновъ, сановниковъ, простолюдиновъ, которыя въ нихъ хранятся.

До-сихъ-поръ нѣтъ у насъ никакого общаго, полнаго, даже хоть *какъ-нибудь* написаннаго изображенія

Digitized by Google

Россіи въ религіозномъ, историческомъ и географическомъ отношеніяхъ. Даже и частныхъ опытовъ имѣемъ мы весьма немного. Карамзинъ издалъ описаніе прогулки своей въ Троицко-Сергіеву Лавру и по окрестностямъ Москвы; но все это писано болѣе тридцати лѣтъ тому, и слишкомъ не достаточно. Есть еще описанія нѣкоторыхъ святыхъ мѣстъ и обителей, составленныя поверхностно, безъ увлеченія предметомъ, безъ сочувствія сердечнаго, съ холодною и темною памятью о прошедшемъ.

Не такъ должна быть создана книга, о которой мы говоримъ. Ей надобно дать форму историческую и географическую, форму путешествія, записокъ, — все равно, только форму одушевленную, въ которой бы дышали жизнь памяти, чувство сердца, свѣтлость ума. Это необходимо, если хотятъ, чтобы она говорила уму и сердцу читателей. Предметъ богатый, цѣль святая: надобно только умѣнье выразиться.

И намъ показалось, что авторъ «Путешествія по святымъ мѣстамъ Русскимъ» этою брошюркою полагаетъ начало именно такой книгѣ, о которой мы говоримъ. Прежній трудъ его, «Путешествіе къ святымъ мѣстамъ» Іерусалима, и нынѣшній опытъ благочестиваго пилигримства по христіанскимъ достопамятностямъ отечества, доказываютъ, что онъ можетъ и умѣетъ приняться за дѣло, прекрасное и спасительное, и что силъ и души его конечно достанетъ выполнить такое дѣло. Мы радуемся этому, приглашаемъ почтеннаго автора приняться за продолженіе начатаго, и благодаримъ за истинное наслажденіе, какое доставило намъ чтеніе начала.

Назвавъ книгу свою «Путешествіемъ по святымъ мѣстамъ Русскимъ», авторъ описалъ въ ней, отдѣльными статьями, Троицко-Сергіевскую Лавру, святыни города Ростова, Воскресенскую Обитель, или Но-

Digitized by Google

вый-Іерусалимъ, и обитель Валаамскую, находящуюся на Ладожскомъ озерѣ. Послѣдняя изъ этихъ статей была напечатана въ Б. для Ч., 1834 года. Съ другими постараемся мы познакомить здѣсь нашихъ читателей, кратко, не лишая книги той занимательности, которую она, послѣ этого разбора, должна еще имѣть для своихъ читателей.

Авторъ далъ статьямъ форму записокъ путешественника, помѣщая въ нихъ, безъ систематическаго порядка, историческія воспоминанія и описанія настоящаго быта святыхъ обителей, и оживляя все это разсказомъ бесѣдъ своихъ съ почтенными настоятелями и другими духовными особами, которыя радушно встрѣчали, привѣтствовали, сопровождали его при обозрѣніи подробностей каждаго мѣста. Такими являются въ этой книгѣ — намѣстникъ Троицкой Лавры архимандритъ Антоній; архимандритъ Ростовскаго Іаковлевскаго монастыря Иннокентій, племянникъ «гробоваго» монаха Амфилохія, сорокъ лѣтъ стоявшаго у гроба Святителя Димитрія въ молитвѣ и благоговѣніи; архимандритъ Новаго-Іерусалима Аполлосъ, памятный Сибирякамъ по своему пребыванію въ Иркутской обители, гдѣ почіютъ мощи перваго епископа Иркутскаго Иннокентія, а нынѣ такъ ревностно подвизающійся о благолѣпіи великой обители, устроенной Никономъ; старецъ Гавріилъ, бывшій много лѣтъ проповѣдникомъ вѣры христіанской въ западной Америкѣ, и который сопутствовалъ единственному «епископу Американскому» Іоасафу, въ его отдаленныхъ странствованіяхъ по Сибири и Америкѣ.

Мы не можемъ не выписать нѣкоторыхъ бесѣдъ:

«Тогда же, говоритъ авторъ, описывая свое пребываніе въ Ростовѣ, посѣтилъ я архимандрита Иннокентія, достойнаго племянника Амфилохія. Дряхлый старецъ, удрученный болѣзнями, съ трудомъ могъ подняться съ своихъ кре-

Digitized by Google

селъ, чтобы привѣтствовать во мнѣ прежняго своего знакомца.

— Я видѣлъ изъ окна, какъ вы съ недоумѣніемъ ходили по монастырю, радушно сказалъ онъ: и хотѣлъ уже послать монаха, чтобы онъ васъ проводилъ въ соборъ; я всегда такъ дѣлаю съ новыми пришельцами, еще незнающими обители. Хожу и дѣйствую я весьма криво, милостивый государь, но по-крайней-мѣрѣ сижу прямо: противъ меня угодникъ, и къ нему указываю я всѣмъ дорогу.

— Гдѣ же найти лучшаго указателя, отвѣчалъ я: вы уже такъ давно на стражѣ у святителя.

— Да! кротко продолжалъ онъ: благодаря угодника, вся жизнь моя обтекла кругомъ этого озера (Ростовскаго), или, лучше сказать, я только перевезся съ одного берега на другой. Когда вы взойдете завтра на ограду, или на ту башню, которую я себѣ приготовилъ для покоя, вы увидите за озеромъ высокую колокольню села Порѣчья, гдѣ я долго былъ приходскимъ священникомъ. Тамъ и дѣдъ мой, и прадѣдъ, имѣли счастіе быть посвященными отъ руки самаго святителя, и я самъ, несмотря на всѣ грѣхи мои, достигъ этого пріюта только милостію угодника.

— И такъ я здѣсь какъ-бы въ его семействѣ, сказалъ я, тронутый живою любовію архимандрита къ Святому Димитрію. Вы сроднились съ нимъ и черезъ рукоположеніе вашихъ дѣдовъ, и сорокалѣтнею, постоянною стражею при его мощахъ вашего дяди старца Амфилохія, и вашею собственною приверженностью къ угоднику.

— Желаю духовнаго родства этого себѣ и вамъ, отвѣчалъ архимандритъ, и благословилъ меня провести ночь на сосѣднемъ подворьѣ.

«Рано утромъ я уже нашелъ почтеннаго старца сидящимъ опять въ своихъ креслахъ, посреди богомольцевъ, которые, одинъ за другимъ, приходили принять его благословеніе. Каждаго принималъ онъ ласково, спрашивая имя и надѣляя образкомъ, и отпускалъ съ назидательнымъ словомъ. Я подивился его терпѣнію при такомъ болѣзненномъ состояніи. «Государь мой», сказалъ мнѣ простодушно Иннокентій: «больше труда было этимъ усерднымъ людямъ прійти къ

Digitized by Google

угоднику, нежели мнѣ принять ихъ. Да, и у чего же я поставленъ, если не буду благословлять ихъ во имя святителя?»

«Въ числѣ посѣтителей находился раненый офицеръ и съ нимъ докторъ. Послѣдній, видя страданія архимандрита, совѣтовалъ ему многія средства для облегченія болѣзни. Иннокентій вниманіемъ своимъ платилъ ему за участіе, и наконецъ сказалъ: «Милостивый государь, вотъ уже многіе годы, какъ я страдаю: знаете ли, какой единственный пластырь обрѣлъ я противу всѣхъ моихъ болѣзней? Терпѣніе, государь мой, одно только терпѣніе! По скольку его приложишь къ своимъ ранамъ, по стольку и почувствуешь облегченія. Повѣрьте, что другаго нѣтъ для моихъ недуговъ. Жизнь человѣческая, какъ лампада: когда сосудъ благоустроенъ, хороша свѣтильня и масло чисто, тогда ясно горитъ и лампада; но когда все въ ней приходитъ въ ветхость, скудѣетъ елей, и задуваетъ вѣтеръ, — а вѣтеръ наши собственныя страсти, — тогда время ей погаснуть, и она гаснетъ сама собою.»

«При этомъ простомъ, но краснорѣчивомъ сравненіи невольно взглянулъ я на лампаду, впсѣвшую передъ иконами, которыя занимали весь передній уголъ тѣсной комнаты и два сосѣднія окна, тогда какъ двѣ противуположныя стѣны были убраны множествомъ портретовъ духовныхъ особъ.

— Въ какомъ благочестивомъ обществѣ провождаете вы всѣ дни ваши, сказалъ я архимандриту.

— Извольте посмотрѣть, государь мой, смиренно отвѣчалъ онъ: вотъ, на правую сторону отъ меня, святые угодники, прославившіе своею жизнію Господа, а вотъ налѣво благочестивые мужи, шедшіе по слѣдамъ ихъ; но поелику они еще не удостоились прославленія свыше, то чтобы не смѣшать *горняго* съ *дольнимъ*, между ними утвердися здѣсь пропасть велика, — я самъ, съ моими немощами и грѣхами!

И когда я не находилъ словъ отвѣчать ему, онъ тотчасъ продолжалъ:

— Время итти къ обѣднѣ; прошу васъ заглянуть также и въ новый соборъ, который Господь сподобилъ меня окончить, истинно пособіемъ угодника, ибо у меня не было ни денегъ, ни средствъ, и все неожиданно явилось. Посмотрите на живопись: самый художникъ, покойный академикъ Мед-

Digitized by Google

вѣдевъ, былъ для меня даромъ Божіимъ, по своему благочестію. Вѣрите ли, государь мой, что онъ не иначе приступилъ къ письму, какъ причастившись Святыхъ Таинъ, и прямо изъ церкви взялся за кисть, не вкушая ни какой пищи, пока не начерталъ лика Господня на сводахъ алтаря: такъ всегда, безъ пищи и съ молитвою начиналъ онъ писать образъ Спасителя или Божіей Матери. Рѣдкое благочестіе! Зато Господь увѣнчалъ полнымъ успѣхомъ его труды, и вы вѣрно полюбуетесь живописью. Прошу васъ въ церковь.»

Авторъ описываетъ свое возвращеніе въ Москву, черезъ Троицкую Лавру.

«Около вечерни я уже былъ опять въ лаврѣ, и тамъ провелъ еще одинъ утѣшительный день, посреди молитвъ и воспоминаній, наслаждаясь столько же настоящимъ этой славной обители, сколько и ея великимъ прошедшимъ. Поздно вечеромъ собирался я ее оставить, и пришелъ принять благословеніе архимандрита Антонія. «Мы простимся въ церкви», сказалъ онъ: «ты вѣрно желаешь прежде отъѣзда поклониться Преподобному?»

«Намѣстникъ велѣлъ отпереть соборъ; мы вошли одни во мракъ его; слабо свѣтила намъ лампада предъ святыми мощами; гробовой монахъ открылъ раку. Намѣстникъ сталъ у главы и началъ молебенъ Святому Сергію, съ акаѳистомъ, въ которомъ, какъ видно, излились всѣ чувства души, глубоко проникнутой благодѣяніями угодника своему отечеству. Какъ простъ и выразителенъ этотъ привѣтъ Сергію: *Земный ангеле и небесный человѣче!* Какъ радуется сердце при каждомъ тихомъ возгласѣ гробоваго старца: *Радуйся Сергіе, великій чудотворче!*

«Когда окончилась служба, и мы сошли со ступеней на средину темнаго собора, Антоній взялъ меня за руку, и, послѣ краткихъ назидательныхъ увѣщаній, сказалъ простосердечно: «Полюби святаго Сергія! Онъ былъ Русскій въ душѣ; сердце его лежало ко всему отечественному, и онъ не только нашъ, но и цѣлой Россіи; полюби его искренно, и онъ тебя полюбитъ!»

«Я былъ глубоко тронутъ и молчалъ. Мы вышли изъ храма и услышали за собою звукъ его замковъ, потому что всѣ,

Digitized by Google

кромѣ насъ, уже отошли на покой, и мимо насъ пробрелъ въ свою келлію гробовой старецъ.

— Мнѣ всё-еще не хочется съ тобою проститься, радушно говорилъ мнѣ намѣсникъ: мы поклонилися преподобному Игумну лавры; пойдемъ-же кругомъ собора поклониться еще и святымъ ученикамъ его.—Но прежде, продолжалъ онъ, подойдя къ отверзтому окну келліи Святаго Сергія, внутри которой ярко сіяла при свѣтѣ лампады, въ золотѣ и дорогихъ каменьяхъ, большая икона явленія ему Божіей Матери: прежде помолись Пречистой Дѣвѣ на мѣстѣ ея схожденія, да направитъ стопы твои по заповѣдямъ Господнимъ.

— Заглянемъ и къ преподобному Никону, проговорилъ тихо Антоній, взойдя на крытую паперть передъ его церковью. *Преподобне отче Никоне, моли Бога о насъ!*

«Сквозь желѣзную рѣшетку окна, видна была въ таинственномъ мракѣ вся внутренность малой церкви. Только изъ-подъ богатыхъ завѣсъ гробоваго балдахина проливался свѣтъ невидимой лампады, какъ будто самъ угодникъ освѣщалъ собою гробъ свой. Молча прошли мы еще нѣсколько шаговъ, потому что для такихъ минутъ не созданы слова и приблизились къ церкви у готической трапезы; и она свѣтилась изнутри гробовою лампадою. «Вотъ и ученикъ Сергіевъ отдыхаетъ по многихъ трудахъ въ своей келліи», сказалъ Антоній: «*Моли Бога о насъ преподобне отче Михее!* Зайдемъ теперь и къ Максиму Греку.

«Мы подошли къ его часовнѣ близъ Сошественскаго собора. Архимандритъ долго и пристально смотрѣлъ на гробницу великаго мужа Церкви, такъ много для нея потрудившагося и пострадавшаго; и потомъ, обратясь ко мнѣ, возвысилъ голосъ:

— Желаю тебѣ, хотя нѣкую часть того духа благодати, которымъ былъ исполненъ сей великій подвижникъ въ трудахъ своихъ ко благу Церкви!

— Ахъ, пожелайте, отвѣчалъ я, и помолитесь, чтобы тотъ же духъ терпѣнія данъ мнѣ былъ въ скорбяхъ, какой укрѣплялъ Максима, если паче чаянія и меня ожидаютъ испытанія!

«Отъ этой часовни пошли мы къ Святымъ Вратамъ, по роскошной аллеѣ вѣковыхъ липъ, осеребренныхъ луною, ко-

Digitized by Google

торой лучи, пробиваясь сквозь ихъ густую тѣнь, крупными каплями падали на землю. Билъ одиннадцатый часъ, когда приблизились мы къ вратамъ ограды. Покамѣстъ сонный сторожъ отпиралъ тяжелый замокъ, — «Вотъ мы нашли себѣ вѣрную стражу», сказалъ намѣстникъ, указывая на образъ Неопалимой Купины надъ вратами: «во время Московскихъ пожаровъ мы ввѣрили ей охраненіе обители отъ огня, — и, благодареніе Господу, все уцѣлѣло!»

«Внимая ему, я еще разъ обратился къ монастырю. Мрачно подымался передъ нами высокій соборъ Успенія. Только часть его крыши освѣщена была мѣсяцемъ, который перекатывался по золотой главѣ его, ярко охвативъ крестъ; мы любовались благоговѣйно.

— Основанъ грознымъ Іоанномъ! тихо говорилъ я самъ себѣ.

— Освященъ кроткимъ Ѳеодоромъ! столь же тихо договорилъ Антоній, какъ-бы нѣкій антифонъ.—На дверяхъ его изображенъ Ангелъ Страшнаго Суда, съ скрижалью, гдѣ вписываетъ дѣянія наши. — Подлѣ этихъ вратъ, опять отвѣчалъ мнѣ Антоній, погребено все семейство Годуновыхъ.

— Какія имена, какія воспоминанія! воскликнулъ я. О святая лавра! какъ трудно съ тобою разставаться.

«Я уже переступилъ за врата; архимандритъ еще держалъ меня за руку. «Чувствуешь ли, что здѣсь, за оградою, совсѣмъ другой воздухъ? Вся свѣжесть, весь ароматъ ночи остались внутри стѣнъ, а *здѣсь* все дышетъ житейскимъ. Теперь, прости; я стою на томъ порогѣ, гдѣ для меня долженъ кончаться міръ.» И благословивъ, онъ сказалъ: Святый Сергій да будетъ присно съ тобою!»

Выписки эти знакомятъ читателей съ слогомъ и изложеніемъ автора. Нельзя не поблагодарить его, что онъ началъ сердцемъ Русскаго православія и народности, — Москвою, и что въ Москвѣ выбралъ для начала сокровищницу вѣры и усердія Русскаго, — Троицко-Сергіевскую Обитель. Вотъ въ какомъ порядкѣ расположено описаніе этого святаго мѣста Руси: ночная прогулка по оградѣ лавры; описаніе зданій лавры;

Digitized by Google

рака съ мощами Святаго Сергія и церковь, гдѣ онъ почиваетъ; исторія лавры, — начало, событія въ княженіе Василія Темнаго, Іоаннъ Грозный, событія во времена самозванцевъ и въ междоцарствіе, осада лавры Сапѣгою, посѣщеніе лавры патріархомъ Іерусалимскимъ Ѳеофаномъ (словами подлиннаго описанія, изъ житія Св. Діонисія), Петръ Великій, 1812 годъ; повѣрка нынѣшнихъ памятниковъ и урочищъ съ историческими преданіями; разница; гробницы Годуновыхъ; взглядъ на Внѳанію, мѣстопребываніе и могила незабвеннаго Платона.

Такъ, подъ увлеченіемъ различныхъ впечатлѣній, то сообщая свои чувства, то предаваясь историческимъ воспоминаніямъ, питая себя благочестивыми размышленіями или отыскивая слѣды прошедшаго въ сохранившихся памятникахъ, авторъ ведетъ читателей изъ Троицкой Лавры въ Ростовъ. Здѣсь находится очеркъ Переяславля, описаніе церкви, съ мощами святителя Димитрія, въ Іаковлевскомъ Монастырѣ; соборъ въ Ростовѣ; другія обители; второе посѣщеніе Троицкой Лавры. Описанія сильнѣе оживаютъ въ великолѣпномъ Воскресенскомъ Монастырѣ, этой высокой идеѣ, — поставить въ Россіи возможно сходный снимокъ съ Іерусалимской церкви Святаго Гроба; идеѣ, осуществленной Никономъ въ то время, когда онъ по волѣ могъ располагать Царскими сокровищами и церковными имѣніями въ цѣлой Россіи, когда за Троицкою лаврою было приписано сто тысячъ душъ, а строящійся новый Іерусалимъ владѣлъ уже четырнадцатью тысячами крестьянъ. Особенно любопытно здѣсь сравненіе Воскресенской церкви съ подлинникомъ ея, настоящею Іерусалимскою церковью. Авторъ говоритъ, какъ самовидѣцъ, который тщательно наблюдалъ ту и другую.

Менѣе всѣхъ этихъ достопамятныхъ мѣстъ могъ представить поводовъ для наблюдательности автора

Digitized by Google

Валаамскій Монастырь, обитель, находящаяся на небольшомъ пустынномъ островѣ Ладожскаго Озера. Но и здѣсь, исполненное духовной поэзіи воображеніе автора краснорѣчиво начертало пустынножительство иноковъ, ихъ молитвенное пѣніе разносящееся по бурнымъ волнамъ озера, мнимую могилу Шведскаго короля Магнуса, прекрасную повѣсть объ Индійскомъ царевичѣ Варлаамѣ, разсказанную настоятелемъ, и грустную думу при оставленіи Валаамскаго острова.

Искренно надобно желать, чтобы «время и обстоятельства позволили автору продолжать свой трудъ и описать самыя любопытныя изъ знаменитыхъ обителей Русскихъ, по мѣрѣ посѣщенія ихъ». Мы увѣрены, что первый опытъ столь прекраснаго труда будетъ не только «снисходительно», но съ любовью принятъ каждымъ любящимъ Русь, каждымъ питающимъ въ сердцѣ своемъ вѣру, благочестіе и любовь къ отечеству.

Авторъ проститъ намъ послѣ этого одно искреннее замѣчаніе. Намъ кажется, что онъ умножитъ достоинство будущихъ описаній своихъ, если придастъ имъ болѣе подробностей вообще, во всѣхъ отношеніяхъ. Географическое описаніе, топографія каждаго мѣста, иногда статистическая замѣтка, достопамятность историческая, взятыя въ большемъ объемѣ, могутъ дать болѣе вѣрное понятіе о томъ, что теперь остается иногда темно въ его описаніяхъ, при ихъ чрезвычайной краткости. Очерки народнаго быта могутъ также придать болѣе живописи картинамъ, обрисовывая характеръ и духъ Русскаго народа подлѣ описанія его святынь. Авторъ можетъ возразить, что такимъ образомъ онъ повторитъ многое что уже извѣстно, или что прежде его сказано другими. Но извѣстное напримѣръ, жителямъ Москвы, неизвѣстно жителю Тобольска, гдѣ также станутъ читать книгу; неиз-

Digitized by Google

вѣстно Сибиряку, посѣщающему Троицкую Лавру въ первый разъ; и даже изъ обитателей Москвы, бывающихъ въ Лаврѣ ежегодно, часто извѣстно не всякому. Такъ, для жителя Москвы увлекательная новость всякая подробность о Соловецкомъ Монастырѣ, извѣстная обитателю Архангельска, а Курскій житель, предоставляя подробности о Коренской Обители жителю Суздаля, съ любопытствомъ будетъ внимать тому, что̀ извѣстно Суздальцу о Спасо-Евфимьевскомъ Монастырѣ. Говоря о другихъ прибавкахъ, скажемъ, что любопытное обозрѣніе окрестностей Троицкой Лавры, находящееся у автора, можетъ быть вразумительно только съ планами обители, по-крайней-мѣрѣ съ подробною топографіею обители. Описаніе старинныхъ путешествій царей и царицъ нашихъ въ лавру, знаменитыхъ мѣстъ на пути, ознаменованныхъ событіями, путешествіе Елисаветы, ежегодныя странствованія изъ Москвы и изъ всѣхъ концевъ Россіи, болѣе подробное изображеніе драгоцѣнностей лаврской ризницы, или, въ Воскресенскомъ Монастырѣ, болѣе подробное исчисленіе различныхъ достопамятностей, разсыпанныхъ по его многочисленнымъ придѣламъ, также описаніе Никоновой Пустыньки, — будетъ ли все это излишне? Вотъ еще примѣры: ежели къ своему описанію достопамятной Обители Воскресенской, авторъ присовокупитъ, что въ Новомъ-Іерусалимѣ покоятся останки *единственнаго* сына нашего Суворова, сына, погибшаго въ той рѣкѣ, на берегахъ которой прославился безсмертный отецъ; если онъ упомянетъ о радостномъ изумленіи, какое производитъ въ душѣ посѣтителя, когда онъ, испросивъ служеніе всенощной, во всякое время года «при дверяхъ гроба Господня» услышитъ возгласъ *Христосъ воскресе*, и потомъ пасхальную утреню, которую всегда поютъ въ Но-

Digitized by Google

вомъ-Іерусалимѣ; если, описывая Троицкую Лавру, онъ приведетъ насъ въ Хатьковъ Монастырь, ко гробу родителей Сергія; далѣе, по случаю, напримѣръ, Коренской Обители, изобразитъ намъ величественный патріархальныхъ временъ обычай, ежегодно приносить изъ Курска чудотворную икону Знаменія въ девятую пятницу послѣ Пасхи, когда окрестъ пустыни кипитъ дѣятельностью обширная ярмарка и пѣшеходцы раздвигаются толпами на двадцати семи верстахъ дороги отъ Курска до Пустыни,— всѣ такія подробности будутъ весьма умилительны, и послужатъ не только къ удовлетворенію любопытства,— нѣтъ, онѣ лучше ознакомятъ насъ съ Русью, съ добрымъ народомъ нашимъ, онѣ живѣе напечатлѣютъ память прошедшаго въ настоящемъ. Мы не говоримъ уже о томъ, какъ будутъ онѣ драгоцѣнны для будущаго потомства нашего. Настоящее такъ быстро слетаетъ съ лица земли! Оставимъ же вѣрные слѣды его въ описаніяхъ, передаваемыхъ отъ нашего сердца, отъ нашей души сердцу и душѣ нашихъ потомковъ.

=

Digitized by Google

ОБОЗРѢНІЕ ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ПРАВИЛЪ И СИСТЕМЪ СТРАТЕГІИ. *Составилъ* баронъ Николай Медемъ, *артиллеріи генералъ-маіоръ, профессоръ Стратегіи и Военной Исторіи въ Императорской Военной Академіи. Санктпетербургъ, 1836.*

Мы думали, судя по заглавію, что это будетъ краткая исторія разныхъ системъ Стратегіи: это, напротивъ, умная критика извѣстнѣйшихъ системъ стратегическихъ и книга весьма замѣчательная, которая, по оригинальности своихъ мыслей, по силѣ своей логики и замысловатости воззрѣнія своего на предметъ, приноситъ истинную честь Русской военной литературѣ.

Стратегія есть одна изъ тѣхъ наукъ, которыя образовались весьма недавно, и слѣдственно не только еще бѣдны хорошими твореніями, но даже не представляютъ доселѣ ничего полнаго, опредѣлительнаго и самостоятельнаго. До-сихъ-поръ еще не придумали для ней опредѣленія, не умѣли отдать себѣ удовлетворительнаго отчета въ отношеніяхъ ея къ другимъ военнымъ наукамъ, даже часто сомнѣвались въ ея существованіи, и не безъ причины, потому что она состояла только изъ разногласныхъ мнѣній, и системъ, противорѣчащихъ другъ другу. Несправедливо было бы упрекать нашу отечественную литературу въ безплодности по этой части, для которой у насъ нѣтъ почти ничего, кромѣ нѣсколькихъ, неполныхъ и безполезныхъ, переводовъ, но и то дурно понятыхъ и еще хуже переданныхъ. Что представляютъ иностранныя литературы, Французская и Нѣмецкая? Каталогъ стратегическихъ книгъ не длиненъ: однѣ изъ нихъ не стоятъ даже упоминанія; другія, напримѣръ Лойда и Бюлова, сохраняются только какъ историческіе памятники заблужденій ума человѣческаго; третьи, какъ эрцгерцога Карла и генерала Жомини, являютъ много оригинальнаго, но еще болѣе односторонняго.

Digitized by Google

Особый разрядъ составляютъ сочиненія, въ которыхъ набросаны въ кучу мысли разныхъ другихъ авторовъ: таковы напримѣръ творенія Ксилаидра и Водонкура. Наконецъ въ послѣднемъ разрядѣ можно помѣстить труды Деккера, Вагнера и Клаузевица, труды, въ которыхъ уже обнаруживается попытка чего-то полнаго, непроизвольнаго, обдуманнаго, соображеннаго. Вотъ все, что̀ напечатано о Стратегіи. Такая бѣдность литературы предмета, облекаемаго въ формы и достоинство науки, ужасна; но еще ужаснѣе разногласіе въ началахъ: на всякомъ шагу встрѣчаются противурѣчія, софизмы, произвольныя правила, такъ, что свѣривши между собою всѣ извѣстнѣйшія системы, скорѣе можно заключить, что Стратегіа, какъ наука, вовсе не существуетъ.

При такихъ обстоятельствахъ появленіе на отечественномъ языкѣ критики Стратегіи, должно быть пріятною новостью для всякаго неравнодушнаго къ успѣхамъ ума, и въ особенности для всякаго Русскаго воина. Но еще бо̀льшую занимательность получаетъ эта критика отъ разсмотрѣнія ея достоинствъ, которыя дѣйствительно придаютъ творенію генерала барона Медема важное и обширное значеніе въ литературѣ военныхъ наукъ. Каждое ремесло, каждое званіе имѣетъ свои предразсудки, — военное имѣетъ ихъ столько же какъ и другія. Принятыя формы, дисциплина, навыкъ, пристрастіе къ пріемамъ или генію нѣкоторыхъ полководцевъ, укореняютъ эти предразсудки между военными, и часто самый гибельный опытъ не можетъ удостовѣрить ихъ въ ошибочности или недостаточности любимаго начала. Какъ всегда случается, умы склонные къ систематикѣ, при образованіи новой науки Стратегіи, старались придать разнымъ этого рода предразсудкамъ все великолѣпіе философическихъ и неизмѣнныхъ истинъ и заставить толпу питать къ нимъ безпредѣльное почте-

Digitized by Google

ніе. Въ подобномъ случаѣ, критикѣ остается одно только средство — сдѣлать воззваніе къ здравому смыслу и судить мнимую науку jure communi, — по общему для всѣхъ вещей человѣческихъ закону. Именно эту методу избралъ баронъ Медемъ, и онъ не могъ избрать лучшей. Правда, она имѣетъ одно важное неудобство, но слѣдствія этого неудобства падаютъ только на критика: какъ у всякаго человѣка, сколько бы умъ его ни былъ искривленъ и запутанъ ложными теоріями, лежитъ на днѣ забытый кладъ здраваго смысла, то сужденія такого критика отзовутся знакомымъ звукомъ въ понятіяхъ читателей, и, между-тѣмъ какъ онъ увлечетъ на свою сторону всѣхъ безпристрастныхъ, болѣе самолюбивые скажутъ, что въ его разсужденіяхъ нѣтъ ничего новаго и что сами они часто думали такъ же какъ и онъ. Но, съ другой стороны, именно это и служитъ признакомъ важной и полезной книги: тѣ, кого мы называемъ отличными писателями, суть просто люди, умѣющіе свѣтло, съ точностью выскасать то, что собственно всѣ знаютъ и чувствуютъ въ глубинѣ души и только не могутъ осуществить перомъ, не находя у себя словъ для выраженія этого съ приличнымъ искусствомъ.

Мы уже видѣли, что теоріи военнаго искусства, существовавшія доселѣ, скорѣе могутъ спутать понятія изучающаго Стратегію, нежели прояснить ихъ и дать имъ полезное направленіе. Книга, въ которой бы показана была точка зрѣнія, съ какой должно смотрѣть на Стратегію и на всѣ ея теоріи, которая бы служила Аріадниною нитью въ этомъ лабиринтѣ,—была такимъ образомъ необходимостью, и сочиненіе барона Медема превосходно удовлетворяетъ эту нужду. Авторъ предложилъ себѣ — обозрѣть духъ важнѣйшихъ системъ Стратегіи, показать ихъ выгоды и несовершенства и вывесть посредствомъ такой оцѣнки начала, заключеніе какъ слѣдуетъ смотрѣть на эти теоріи, какъ должно изу-

Digitized by Google

чать науку, чего можно требовать отъ Стратегіи, какія начала достойны быть признаны болѣе или менѣе дѣйствительными и слѣдовательно принимаемы въ расчетъ при соображеніи военнаго дѣйствія. Безконечная разнообразность данныхъ случаевъ дѣлаетъ здѣсь невозможнымъ утвержденіе постоянной теоріи; умъ человѣческій слишкомъ ограниченъ, и онъ не въ силахъ обнять разомъ такого множества разнородныхъ элементовъ, чтобы извлечь изъ нихъ одно общее наведеніе, и, — странное дѣло, — искусство убивать людей имѣетъ то сходство съ искусствомъ спасать ихъ жизнь, что, въ Стратегіи какъ и въ Медицинѣ, безпредѣльная перемѣнчивость обстоятельствъ не позволяетъ ручаться въ вѣрности ни одной методы; и оттого происходитъ перемѣнчивость усилій той и другой, слава какой-нибудь одной системы въ извѣстную эпоху и совершенный упадокъ той же системы въ слѣдующее столѣтіе. Это сходство между врачебнымъ и военнымъ искусствомъ замѣчено не нами, но самимъ авторомъ, который не дѣлаетъ никакихъ эпиграммъ на медицину. И вообще, отличительный характеръ его сочиненія составляютъ скромность и безпристрастіе. Авторъ съ такою же осторожностью опровергаетъ чужія мысли, съ какой предлагаетъ свои мнѣнія. Онъ тщательно избѣгаетъ приговоровъ рѣшительныхъ, произвольныхъ, недоказанныхъ, хотя конечно, никто изъ писавшихъ о Стратегіи не смотрѣлъ на свой предметъ съ большею силою обобщенія.

Книга генерала Медема состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ частей, — изъ обозрѣнія характера замѣчательнѣйшихъ теорій Стратегіи, и изъ собственныхъ мыслей автора объ этой наукѣ, которыя изложены въ «Заключеніи». Первая часть есть краткое, но прекрасное, изложеніе исторіи Стратегіи: авторъ разсужденіями и примѣрами историческими, доказываетъ ложность основанія всѣхъ вообще системъ. Особенно заслуживаютъ

Digitized by Google

вниманіе разборы теоріи генерала Жомини, и въ прежнихъ и въ новѣйшихъ его сочиненіяхъ, и мыслей самаго Наполеона, разсѣянныхъ въ «Запискахъ», генераловъ Гурго и Монтолона, и въ Mémorial de Sainte-Hélène par le Comte de Las Cases. Къ разбору теоріи генерала Жомини мы возвратимся въ концѣ статьи, изложивъ понятія его о самомъ предметѣ. Генералъ Медемъ вездѣ старается показать, что изъ всѣхъ правилъ, предлагаемыхъ военными писателями за безусловныя и постоянныя, нѣтъ ни одного, которое бы не подвергалось совершеннымъ и безчисленнымъ измѣненіямъ отъ обстоятельствъ или отъ такъ называемыхъ элементовъ Стратегіи. Онъ раздѣляетъ этихъ писателей на три разряда: первые основали всѣ соображенія военныхъ дѣйствій на одномъ какомъ-нибудь элементѣ, выпуская изъ виду всѣ прочіе: такъ эрцгерцогъ Карлъ принималъ въ основаніе своей теоріи одну мѣстность; — Лойдъ, Бюловъ, Ронья, одно дѣйствіе на сообщенія или, другими словами, одно продовольствованіе армій, — Жомини одну матеріальную силу войска, то есть, быстрое и удобное сосредоточіе массъ на данные пункты дѣйствія, теорія, которой безотчетное удивленіе подвигамъ Фридриха Великаго и Наполеона придало весь блескъ моды. Ко второму разряду писателей генералъ Медемъ причисляетъ Ксиландра, Водонкура, и частію также Жомини, по послѣднему его сочиненію, Tableau analitique des principales combinaisons de la guerre: въ нихъ уже видно стараніе согласовать разногласныя правила, отдѣльно выведенныя изъ разнородныхъ элементовъ. Наконецъ третій разрядъ, заключающій въ себѣ Наполеона, Деккера, Вагнера и Клаузевица, отличается особенно тѣмъ, что они имѣютъ направленіе совершенно практическое, отвергаютъ правила безусловныя для самыхъ дѣйствій, но еще не могутъ совсѣмъ освободиться отъ духа системодѣлія, и часто сами себѣ противурѣчатъ

Digitized by Google

въ своемъ основномъ образѣ воззрѣнія на Стратегію. Замѣчанія генерала Медема, подтверждаемыя историческими примѣрами, кажутся намъ не опровержимыми. Если есть о чемъ пожалѣть въ этой части сочиненія, такъ это объ излишней сжатости разбора нѣкоторыхъ системъ, достойныхъ особеннаго вниманія и между-тѣмъ описанныхъ менѣе подробно чѣмъ другія не столь важныя: такъ напримѣръ сочиненіе Клаузевица разобрано слишкомъ коротко въ сравненіи съ своей важностью и полнотою: авторъ ограничивается общимъ взглядомъ на его систему, и выводитъ заключеніе, что важнѣйшій ея недостатокъ состоитъ въ предложеніи нѣкоторыхъ правилъ, несогласныхъ съ главною мыслію сочиненія, другихъ — болѣе умозрительныхъ чѣмъ практически полезныхъ, и наконецъ многихъ мыслей, «подлежащихъ сомнѣнію». Это послѣднее обвиненіе требовало бы нѣкотораго развитія.

Отъ разбора системъ авторъ переходитъ къ «Заключенію», въ которомъ онъ излагаетъ собственныя свои мысли о Стратегіи вообще, и эта часть сочиненія — самая занимательная. Нигдѣ до-сихъ-поръ не было говорено объ этой наукѣ такъ ясно, отчетливо и оригинально. Но мы должны напередъ привесть то, что авторъ говоритъ въ «Введеніи».

«Ни одна изъ наукъ, имѣющихъ цѣль практическую, не могла быть создана на началахъ чисто умозрительныхъ; нѣкоторыя извѣстныя данныя, опытомъ дознанныя, должны были служить ей основаніемъ. Даже математика, наука по-видимому наиболѣе основанная на умозрѣніи, не имѣла инаго начала: поводомъ къ открытію ея законовъ служили явленія міра дѣйствительнаго.

«Стратегія, наука по цѣли своей чисто практическая, отличается отъ Математики и другихъ подобныхъ наукъ тѣмъ, что она основывается на данныхъ неположительныхъ, непостоянныхъ, подверженныхъ частымъ измѣненіямъ. Цѣль войны, составъ и сила войска, его вооруженіе и образъ дѣй-

Digitized by Google

ствія, его нравственная сила, расположеніе и физическія свойства театра войны, средства для продовольствія и тому подобное, составляютъ тѣ предметы, на которыхъ основывается соображеніе Стратегіи. Очевидно, что большая часть этихъ предметовъ должна измѣняться съ каждою войною, и что ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть постояннымъ во всѣ времена и во всѣхъ случаяхъ. Это доказывается и военною исторіею.

«Основывать теорію чисто умозрительную на такихъ, безпрерывно измѣняющихся началахъ, было бы одно безполезное умствованіе. Оставалось для созданія науки Стратегіи одно средство, собственно практическое, а именно — извлекать для ней *основныя правила* изъ исторіи военныхъ событій, руководствуясь опытомъ временъ протекшихъ.»

Здѣсь, чтобы понять настоящую мысль автора, надо перейти къ «Заключенію». Тамъ изложено, что также разумѣетъ онъ подъ «основными правилами», и мы находимъ, что онъ называетъ основными правилами совсѣмъ не то, что у всѣхъ прочихъ писателей принято понимать подъ этими словами. Генералъ Медемъ рѣшительно отвергаетъ возможность такихъ правилъ, въ которыхъ заключаются опредѣлительныя наставленія *какъ именно дѣйствовать*, и считаетъ возможными только тѣ правила, которыя «объясня-«ютъ свойство какого-нибудь стратегическаго элемен-«та или средства, отдѣльно взятаго, или которыя по-«казываютъ вліяніе одного элемента на другой или «на самыя военныя дѣйствія.» Само собою разумѣется, что такія правила не могутъ быть предположены à priori, но должны извлекаться изъ одной только исторіи, потому что только одна она въ состояніи намъ ихъ доставить. Такимъ образомъ,—и это гораздо вѣрнѣе, – не Исторія будетъ служить повѣркою найденнымъ уже правиламъ, которыя могутъ быть только предразсудками, но сами правила будутъ раждаться изъ Исторіи, то есть, изъ опыта. Исторія сообщитъ

Digitized by Google

намъ, для нашего руководства, только то, что она представляетъ вѣрнаго и положительнаго, между-тѣмъ историческая повѣрка заранѣе найденныхъ правилъ всегда весьма сомнительна, потому что. по отдаленности времени и мѣста, мы не видимъ и не расчитываемъ многихъ обстоятельствъ, которыя могли имѣть вліяніе на событіе.

Такъ понимая основаніе Стратегіи, генералъ Медемъ весьма хорошо объясняетъ различіе между правилами какъ онъ разумѣетъ, и правилами какъ разумѣли донынѣ всѣ авторы и компиляторы системъ стратегическихъ. Оно всего лучше видно изъ приводимыхъ имъ примѣровъ, и мы изберемъ слѣдующій:

«Разсматривая вліяніе мѣстности театра войны на составъ войска, можно безошибочно сказать — *чѣмъ открытѣе и ровнѣе мѣстность, тѣмъ выгоднѣе имѣть въ арміи по соразмѣрности бо́льшее число кавалеріи.* Это правило останется безусловнымъ и неподверженнымъ сомнѣнію, пока будетъ выражать одно вліяніе мѣстности на составъ войска. Но коль скоро мы сдѣлаемъ изъ него правило для дѣйствій и скажемъ, *что должно всегда придавать дѣйствующей арміи тѣмъ болѣе кавалеріи, чѣмъ мѣстность театра войны открытѣе и ровнѣе*, правило это потеряетъ тотчасъ свою общепримѣняемость: очевидно, что невозможно всегда соображать состава арміи съ одною только мѣстностью, но должно принимать въ расчетъ и другія Стратегическія обстоятельства, какъ напримѣръ, средства продовольствія лошадей, составъ непріятельской арміи, и прочая. Соображеніе этихъ обстоятельствъ часто можетъ застави дать арміи малое число конницы, хотя по соображенію только съ мѣстностью, требовалось бы имѣть значительное число этого рода войска.»

Этотъ одинъ примѣръ показываетъ, съ какой стороны авторъ смотритъ на безусловныя правила *для самыхъ дѣйствій*, и почему онъ отвергаетъ ихъ возможность.

Digitized by Google

Это новое понятіе о правилахъ есть краеугольный камень, на которомъ генералъ Медемъ основываетъ свою общую мысль о стратегіи. Онъ легко и ясно опровергаетъ возраженія тѣхъ, которые бы сказали, что, не допуская безусловныхъ правилъ въ стратегіи, должно заключить, что всѣ блестящія дѣйствія великихъ полководцевъ были основаны на случайной удачѣ, что слѣдственно всякое изученіе безполезно и что для вождя нужны только природныя дарованія. Мы уже сказали что авторъ сравниваетъ стратегію съ медициною.

«Если бы кто утверждалъ, что для этого искусства (врачебнаго), познанія безполезны, потому, что невозможно ни свести леченіе болѣзней въ одну общую систему, ни подчинить его постояннымъ безъусловнымъ правиламъ; подобная мысль показалась бы смѣшною всѣмъ, и каждый вѣроятно бы отвѣчалъ, что, во всякомъ случаѣ, для искуснаго леченія необходимо знать анатомію, свойства человѣческаго тѣла, дѣйствія различныхъ лекарствъ, и прочая, словомъ, что изученіе всѣхъ предметовъ, составляющихъ сущность Медицины, остается необходимымъ, несмотря на отверженіе постоянныхъ правилъ для леченія болѣзней. Къ этому можно еще прибавить, что тотъ, кто подобно доктору Санградо въ Жилблазѣ, будетъ лечить всѣхъ больныхъ по одному какому-либо постоянному правилу, скорѣе можетъ обойтись безъ познаній чѣмъ тотъ, кто для каждаго случая пріискиваетъ новыя соображенія и долженъ припоминать многоразличныя свои познанія, чтобы на нихъ основать способъ леченія.»

«Извѣстно также, что играть въ шахматы невозможно по какимъ-либо постояннымъ и безусловнымъ правиламъ, и что каждая игра, каждый даже случай, требуетъ новыхъ соображеній; несмотря на то, нельзя приступить къ шахматной игрѣ безъ предварительнаго пріобрѣтенія нѣкоторыхъ необходимыхъ познаній, то есть, не узнавъ ходовъ, свойствъ фигуръ и правилъ, которымъ онѣ подвержены, однимъ словомъ не ознакомясь съ началами, на которыхъ должны быть основаны самыя соображенія.»

Digitized by Google

Такимъ образомъ, признавая невозможность теоріи и постоянныхъ правилъ для самыхъ дѣйствій, авторъ не только не уменьшаетъ, но еще увеличиваетъ число и объемъ предметовъ изученія, и Стратегія, доселѣ состоявшая изъ немногихъ удобныхъ правилъ, для которыхъ отыскивали подтвержденій въ Исторіи, къ несчастію готовой подтвердить все въ свѣтѣ по желанію просителя, становится у него обширною и многосложною наукою, — настоящею наукою. Баронъ Медемъ говоритъ:

«Въ бо́льшей части стратегическихъ сочиненій, какъ мы видѣли, изложены свойства и вліяніе одного только элемента, и весьма мало обращено вниманія на всѣ остальные: слѣдовательно, каждая изъ этихъ книгъ содержитъ только часть тѣхъ свѣдѣній, которыя должны войти въ объемъ Стратегіи. Одинъ только Клаузевицъ старался изложить свойства и вліяніе всѣхъ стратегическихъ элементовъ и средствъ; но мы замѣтили, что и это сочиненіе не достигло предположенной цѣли, и потому не можетъ собою замѣнить всѣхъ прочихъ. И такъ ясно, что положенія для науки Стратегіи должно извлекать изъ многихъ теорій: напримѣръ, въ сочиненіи эрцгерцога Карла должно почерпать главнѣйшія свѣдѣнія о свойствахъ мѣстности въ стратегическомъ отношеніи; о признакахъ важнѣйшихъ мѣстныхъ пунктовъ; о вліяніи мѣстности на военныя дѣйствія; въ сочиненіяхъ генерала Жомини — свѣдѣнія о важности числительнаго (матеріальнаго) перевѣса въ силахъ; о лучшихъ способахъ пріобрѣтать такой перевѣсъ на важнѣйшихъ пунктахъ театра войны; о признакахъ рѣшительныхъ маневрныхъ пунктовъ; изъ сочиненій Лойда, Бюлова, эрцгерцога Карла, Ронья, Клаузевица, необходимо будетъ заимствовать свѣдѣнія о базисѣ, о средствахъ, которыя могутъ служить къ обезпеченію собственныхъ сообщеній и къ дѣйствію на непріятельскія, и прочая.»

Однако авторъ весьма основательно присовокупляетъ въ заключеніе, что всѣ познанія, почерпаемыя въ книгахъ, составляютъ только необходимыя начала для дѣйствій или, такъ сказать, матеріалъ для соображе-

Digitized by Google

нія; но отнюдь не могутъ служить руководствомъ для самыхъ дѣйствій. Мы искренно сожалѣемъ, что эта книга вполнѣ Европейская, такъ коротка и что она не длиннѣе втрое или вчетверо. Но надобно полагать, что она — только предвѣстница другаго, гораздо пространнѣйшаго творенія, въ которомъ генералъ Медемъ разовьетъ въ приличной полнотѣ свою блистательную критику системъ и свою методу самой науки. Теперь, изложивъ главныя его понятія о предметѣ, возвратимся къ его превосходному разбору теоріи генерала Жомини. Мы бы не дали достаточнаго понятія о достоинствѣ книги, если бъ не выписали ничего въ этомъ родѣ.

Теорія генерала Жомини всегда казалась намъ страннымъ изъятіемъ въ чинѣ ученыхъ соображеній. Объявляя требованіе на всеобщую примѣнимость, она между-тѣмъ основана на предположеніи совершенной неизвѣстности ея началъ вашему противнику, такъ, что, если это настоящая и единственная тайна всѣхъ воинскихъ успѣховъ, ученіе генерала Жомини падаетъ само собою, лишь только книга его вышла изъ печати и попала въ руки непріятельскому полководцу: онъ тогда уничтожитъ всѣ ваши планы составленные по этой теоріи, простымъ избѣжаніемъ ожидаемыхъ отъ него ошибокъ, и наоборотъ, какъ теорія безусловно предписываетъ стремительное движеніе на главные стратегическіе пункты дѣйствія, гдѣ все рѣшается перевѣсомъ матеріальной силы въ генеральномъ сраженіи, то, если оба полководца станутъ въ точности дѣйствовать по ея наставленіямъ, они всегда столкнутся въ извѣстномъ мѣстѣ несмотря даже на неровность своихъ силъ; и въ такомъ случаѣ уже не стоитъ труда давать сраженіе: довольно посчитать, съ обѣихъ сторонъ, людей и пушки, и потомъ можно заключить миръ. Какъ же это «одностороннее» ученіе пріобрѣло такую славу? Весьма простымъ образомъ.

Digitized by Google

Генералъ Жомини превратилъ въ правильную и красивую систему двѣ главныя стратегическія уловки двухъ великихъ государей, которыхъ пушки и имена наиболѣе гремѣли въ новѣйшее время, — двѣ уловки Фридриха II и Наполеона, долго удававшіяся противъ старинныхъ методъ, по-крайней-мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока онѣ не перестали быть новыми и не сдѣлались извѣстными всѣмъ Европейскимъ полководцамъ, отчасти даже посредствомъ сочиненій самого генерала Жомини. Кажется, что генералъ наконецъ примѣтилъ самъ, сколько его начала потеряли отъ всеобщей извѣстности, потому что въ послѣднемъ своемъ твореніи онъ уже значительно измѣнилъ прежнюю теорію и призвалъ въ помощь ей разные другіе элементы. Но послушаемъ барона Медема.

«Генералъ Жомини началъ разборомъ войнъ Фридриха II. Въ нихъ болѣе всего поразило его, — первое, что государь этотъ, будучи гораздо слабѣе непріятеля, всегда успѣвалъ на томъ мѣстѣ, гдѣ предполагалъ дать сраженіе, сосредоточивать силы, достаточныя для вступленія въ рѣшительный бой, — второе, что расположеніе силъ его, въ отношеніи къ силамъ противниковъ, особенно способствовало этому быстрому сосредоточиванію.

«Принужденный сопротивляться нападенію съ разныхъ сторонъ, Фридрихъ II находился какъ-бы *внутри* круга, котораго окружность занимали его противники, и потому онъ могъ, съ бо́льшею чѣмъ они удобностью, переводить войска съ одного пункта на другой и быстро сосредоточивать ихъ тамъ, гдѣ встрѣчалась надобность. Это обстоятельство подало генералу Жомини, первую мысль о *выгодѣ внутреннихъ линій*, и эта мысль показалась ему однимъ изъ главнѣйшихъ основныхъ правилъ всѣхъ дѣйствій Фридриха.

«Потомъ, разсматривая первыя дѣйствія Наполеона, генералъ Жомини нашелъ, что отличительною чертою ихъ было постоянное стремленіе предупреждать непріятеля въ наступательномъ движеніи, всегдашнее совокупное дѣйствіе глав-

Digitized by Google

нихъ силъ и быстрое направленіе ихъ на рѣшительные пункты театра войны, съ цѣлію, однимъ сраженіемъ ее окончить или, по-крайней-мѣрѣ, достигнуть весьма важныхъ результатовъ.

«Такимъ образомъ составилось два рода правилъ, которые казались не совсѣмъ между собою согласными. Система внутреннихъ линій требовала раздѣленія войскъ на части, а походы Наполеона доказывали очевидно пользу дѣйствія совокупными силами. Генералъ Жомини вознамѣрился слить оба эти рода правилъ, и отъ взаимнаго ихъ совокупленія произошелъ слѣдующій выводъ: «стремиться всегда совокупнос-«тію силъ на рѣшительные пункты театра войны; а тамъ, «гдѣ тому препятствуетъ свойство театра войны, или гдѣ не-«пріятель, дѣйствуя самъ двойною или тройною операціон-«ною линіею, принуждаетъ и насъ къ подобному же раздѣ-«ленію, тамъ всегда предпочитать внутреннія линіи наруж-«нымъ, чтобъ быть въ состояніи сосредоточивать силы свои «скорѣе непріятеля на томъ пунктѣ, гдѣ въ стратегиче-«скомъ отношеніи признано будетъ за выгоднѣйшее дать «сраженіе.»

«Но чтобы сдѣлать эти правила опредѣлительнѣе и яснѣе, надобно было еще показать, какіе именно пункты театра войны суть самые рѣшительные, или гдѣ именно въ стратегическомъ отношеніи выгоднѣе дать сраженіе.

«Это также выведено генераломъ Жомини изъ военныхъ дѣйствій Фридриха и Наполеона, слѣдующимъ образомъ:

«1 Опредѣленіе выгоднѣйшаго пункта для направленія на него рѣшительныхъ дѣйствій зависитъ отъ расположенія непріятельскихъ силъ *.

«2. Противъ непріятеля, имѣющаго фронтъ дѣйствія слишкомъ растянутый, или дѣйствующаго не одною, а нѣсколькими операціонными линіями, должно направлять главныя силы свои на средніе или центральные пункты; ибо, по разбитіи на нихъ противника, войска обоихъ его фланговъ будутъ раздѣлены и вынуждены къ бѣдственнымъ отступленіямъ въ противуположныя стороны.

* Пунктамъ такимъ, опредѣленнымъ по расположенію непріятельскихъ силъ, генералъ Жомини далъ впослѣдствіи названіе *маневренныхъ* стратегическихъ пунктовъ.

Digitized by Google

«3. Противъ непріятеля, имѣющаго свои силы совокупленными, выгоднѣе устремляться на одинъ изъ флангов фронта его дѣйствія, именно на тотъ, отъ котораго скорѣе и удобнѣе можно достигать его сообщеній съ основаніемъ дѣйствій, или отъ котораго скорѣе и удобнѣе можно прижать его къ какой-либо непреодолимой преградѣ, какъ напримѣръ къ морю, къ большой рѣкѣ безъ моста, или къ границамъ сильной неутральной державы.

«Таковы главныя правила этой теоріи, извлеченныя изъ дѣйствій двухъ искуснѣйшихъ полководцевъ новѣйшаго времени..... Сочиненія генерала Жомини весьма естественно должны были произвесть важное вліяніе и даже переворотъ въ образѣ мыслей военныхъ людей. Въ сочиненіяхъ отразился ясно отличительный характеръ войнъ новѣйшихъ, то есть, постоянное и рѣшительное стремленіе къ цѣли войны, средствами также самыми рѣшительными, именно, *сраженіями*. Такимъ образомъ сраженія не только стали опять на потерянную ими, со временъ Древнихъ, степень первенствующей важности, но сдѣлались уже главною, исключительною основою всей Стратегіи.

«Отдавая знаменитымъ твореніямъ должную справедливость, нельзя не замѣтить, что въ нихъ обращено вниманіе на одинъ только матеріальный элементъ, то есть, на искусство устреплять многочисленную, по возможности, силу войскъ на тѣ пункты, гдѣ предполагается рѣшить боемъ жребій войны или непріятельской арміи.

«Это не только стѣсняетъ чрезмѣрно объемъ Стратегіи, но еще раждаетъ вопросы — могутъ ли правила, выведенныя изъ одного только, хотя и важнѣйшаго элемента Стратегіи, быть всеобщими и безусловными? Не придется ли иногда, по необходимости, принимать въ особенное соображеніе и другіе Стратегическіе элементы, и не заставитъ ли оно по-временамъ уклоняться отъ этихъ общихъ правилъ? Сверхъ того, не можетъ ли въ войнѣ случайно встрѣтиться такое обстоятельство, гдѣ одинъ какой-нибудь элементъ, какъ напримѣръ средства снабженія войскъ запасами военными и съѣстными, пріобрѣтетъ важность первенствующую и тѣмъ представитъ болѣе выгодъ дѣйствовать по правил-

Digitized by Google

лам, основанным на этом элементе, нежели по правилам, основанным на силе материальной?

«Для разрешения подобных вопросов, разберем отдельно действия Фридриха и Наполеона, и постараемся найти их побудительныя причины, чтобы увериться, — первое, были ли эти действия исполнением коренных, заранее предначертанных, безусловных правил Стратегии, или необходимым следствием обстоятельств, посреди которых действовали эти полководцы, — второе, с переменою обстоятельств, не переменили ли бы эти полководцы и механизма своих действий.

«В тех походах, где Фридрих II действовал внутренними линиями, такое расположение большею частию было следствием не произвола, но концентрическаго направления непріятельских сил. Конечно, были и такіе случаи, в которых Фридрих без необходимости и по собственному произволу предпочел внутреннія линіи наружным; но к этому вероятно побудили его важныя причины. Постараемся изыскать их.

«Войска его имели над непріятельскими великое преимущество, как своим образованием, так и способностью производить искуснейшіе тактическіе маневры; притом же сам Фридрих был превосходный тактик. Все это заставило его не только искать сражений, но и считать их надежнейшим и вернейшим средством к получению решительных выгод над непріятелем.

«Театр военных действий был не обширен; непріятель, наступавшій из Саксоніи, Лузаціи и от Вислы, мог в несколько переходов достигать центра Прусских владений, и тем наносить Фридриху решительные удары. Противудействовать в этом случае непріятелю дальними отступлениями, движениями на сообщения или другими подобными стратегическими средствами, которыя требуют значительнаго местнаго пространства или продолжительнаго времени, чтобы причинить важный непріятелю вред, было для него отчасти невозможно, а отчасти и не обещало большой пользы. Следовательно, в подобных обстоятельствах, ему, по необходимости, надлежало употреблять средства самыя решительныя и быстро ведущія к цели, то есть, опро-

Digitized by Google

кидывать или удерживать нѣсколько армій, близкихъ къ центру государства. Средства эти не могли быть иныя какъ сраженія.

«И такъ мы видимъ, что для Фридриха сраженія были не только надежнѣйшимъ, но большею частію и единственнымъ средствомъ успѣшнаго противудѣйствія непріятелю; а гдѣ существуетъ такое условіе, тамъ уже есть и побудительная причина предпочесть расположеніе, способствующее скорѣйшему сосредоточенію матеріальной силы, то есть, предпочесть внутреннія линіи наружнымъ.

«Но къ этой причинѣ можно присовокупить еще и другую, не менѣе важную, именно образъ дѣйствій противниковъ Фридриха. Во-первыхъ, большая часть полководцевъ, дѣйствовавшихъ противъ него, не умѣли уклоняться отъ сраженія или не постигали выгоды избѣгать боя въ то время, когда Фридрихъ направлялся на нихъ съ сосредоточенными силами, или когда онъ въ боѣ поставлялъ единственную свою надежду. Во вторыхъ, у нихъ не было единства въ дѣйствіяхъ, потому что каждая ихъ армія имѣла особеннаго, независимаго отъ другихъ, главнокомандующаго. Въ-третьихъ, затруднительный способъ продовольствованія войскъ и излишняя боязнь за свои сообщенія дѣлали движенія ихъ весьма медленными и осторожными, даже и тогда, когда арміи имѣли противъ себя самыя ничтожныя силы. Фридрихъ, устремляясь съ сосредоточенными силами на одну изъ непріятельскихъ армій, почти могъ быть увѣренъ, что безъ потери времени вступитъ въ рѣшительное сраженіе, и что послѣ сраженія успѣетъ даже встрѣтить и другую непріятельскую армію, прежде чѣмъ она пріобрѣтетъ значительныя выгоды.

«Весьма естественно, что при всѣхъ обстоятельствахъ, столь благопріятствующихъ внутреннимъ линіямъ, Фридриху было выгодно располагаться подобными линіями, и что онъ слѣдственно дѣйствовалъ искусно, принимая иногда это расположеніе независимо отъ концентрическаго направленія непріятельскихъ армій.

«Теперь остается только разсмотрѣть, не дѣйствовалъ ли бы Фридрихъ II иначе, если бъ измѣнилось одно или нѣс-

Digitized by Google

колько изъ обстоятельствъ, служившихъ побудительными причинами его дѣйствій.

«Предположимъ напримѣръ, что войска его, по составу и образованію, были бы гораздо ниже противниковъ, или, что численная ихъ сила была бы доведена до такой незначительности, что и сосредоточеніемъ не могла доставлять побѣды, или предположимъ вообще, что какія бы то ни были обстоятельства сдѣлали для Фридриха вступленіе въ рѣшительный бой невыгоднымъ.

«Тогда прекратилась бы и главная причина къ расположенію внутренними линіями: ибо къ чему предпочитать такое расположеніе, котораго единственная выгода состоитъ въ скорѣйшемъ сосредоточеніи силъ для боя, какъ скоро обстоятельства повелѣваютъ избѣгать боя? Дѣйствія самаго Фридриха служатъ лучшимъ тому доказательствомъ. Послѣ пораженія при Гохкирхѣ, силы его были весьма слабы; притомъ приближалась зима, въ продолженіе которой онъ могъ надѣяться укомплектовать армію. Отваживаться въ такихъ обстоятельствахъ на вторичное сраженіе значило бы — подвергать себя большой опасности, потому что съ потерею сраженія онъ могъ потерять и средства къ возстановленію силъ. Австрійцы частію своихъ войскъ осаждали крѣпость Нейсъ, по занятіи которой могли надѣяться зимовать въ югозападной Силезіи, и тѣмъ лишить Фридриха вспомогательныхъ способовъ, доставляемыхъ этою провинціею. Въ такихъ обстоятельствахъ ничего лучшаго для Фридриха не оставалось, какъ, избѣгая рѣшительнаго сраженія, освободить Нейсъ. Для приведенія этого въ дѣйствіе, онъ оставилъ около Дрездена часть своей арміи, а съ остальною, обошедши правый флангъ непріятеля, устремился быстро къ Нейсу, чтобы угрожать осадному корпусу нападеніемъ и принудить его къ снятію осады. Движеніе это, увѣнчавшееся полнымъ успѣхомъ и принудившее Австрійцевъ къ отступленію въ собственное ихъ государство для зимованія, было однако жъ эксцентрическое, вело войска Фридриха къ наружнымъ линіямъ и предоставляло Австрійцамъ внутреннее расположеніе между Нейсомъ и Дрезденомъ.

«Приведемъ еще другой примѣръ. Послѣ Кунерсдорфскаго сраженія числительныя силы Фридриха были такъ малы,

Digitized by Google

что если бы онъ даже соединилъ ихъ вмѣстѣ, онъ и тогда не могъ бы ожидать успѣха въ рѣшительномъ бою противъ двухъ многочисленныхъ армій Дауна и Салтыкова; притомъ, пораженіе при Кунерсдорфѣ лишило его значительной части артиллеріи, поколебало нравственныя силы войскъ, поставило его въ необходимость уклоняться на время отъ боя и стараться какими-нибудь иными средствами поправить положеніе свое. Средство, употребленное съ этою цѣлію, состояло въ движеніи арміи принца Генриха черезъ Герлицъ на сообщенія и магазины Дауна, то есть, въ движеніи экспентрическомъ, которое удаляло принца Генриха отъ Фридриха и было во всемъ противуположно правиламъ внутреннихъ линій. Это движеніе также увѣнчалось самымъ блестящимъ успѣхомъ, заставило Дауна отступать и тѣмъ вывело Фридриха изъ такого опаснаго положенія, въ какомъ онъ едва ли когда-нибудь находился. Здѣсь могутъ возразить, что отступленіе Дауна не было слѣдствіемъ необходимости, но слѣдствіемъ излишней осторожности и излишней боязни потерять свои магазины. На такое возраженіе легко отвѣчать мыслію Наполеона, что «верхъ военнаго искусства, le sublime «de l'art, заключается въ изворотахъ, основанныхъ на знаніи «характера и образа дѣйствій полководца непріятельской ар«міи и въ безошибочномъ предугадываніи мѣръ, какія онъ «приметъ».

«Допустимъ теперь другое измѣненіе въ обстоятельствахъ, служившихъ побудительными причинами дѣйствій Фридриха. Если бы, напримѣръ, его владѣнія были гораздо обширнѣе, тогда для достиженія главной цѣли войны, непріятель долженъ бы уже былъ употребить болѣе времени, и простирать свои операціонныя линіи гораздо далѣе; а оттого дѣйствія на его сообщенія сдѣлались бы предметомъ гораздо важнѣйшимъ, даже, смотря по обстоятельствамъ, могли бы иногда обратиться въ рѣшительныя и самыя вѣрныя средства къ его преодолѣнію. Можно ли ожидать, чтобы при стеченіи такихъ обстоятельствъ, Фридрихъ предпочелъ всегда сомнительный жребій сраженія другимъ способамъ наносить вредъ непріятелю? Не вѣроятнѣе ли, что этотъ полководецъ, будучи числительно гораздо слабѣе противниковъ, старался бы пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ вре-

Digitized by Google

дить непріятелю избѣжаніемъ боя, отступленіемъ или дѣйствіями на сообщенія? Дѣйствительность подобныхъ средствъ была ему очень извѣстна; онъ испыталъ ее надъ самимъ собою во второй Силезской войнѣ, когда графъ Траунъ и принцъ Лотарингскій одними этими средствами принудили его оставить Богемію съ большимъ урономъ. И какъ скоро мы допустимъ, что для Фридриха могло иногда быть выгоднѣе искать успѣха въ избѣжаніи боя и въ дѣйствіяхъ на сообщенія, мы должны также согласиться, что внутреннія линіи не всегда полезны, потому что дѣйствія на сообщенія ведутъ естественно къ внѣшнимъ линіямъ и даже большею частію требуютъ ихъ необходимо.

«Прибавимъ еще третье измѣненіе въ обстоятельствахъ: положимъ, напримѣръ, что противники Фридриха способны къ быстрымъ и дальнимъ движеніямъ; что они умѣютъ своевременно отступать, избѣгая боя, или наступать быстро и рѣшительно. Тогда та часть, на которую Фридрихъ устремлялся главными силами, могла бы, отступая, отвлечь его отъ пунктовъ, служившихъ ему опорою дѣйствій, и между-тѣмъ прочія части непріятельскихъ войскъ, дѣйствовавшія по другимъ линіямъ, могли бы, опрокидывая и даже истребляя слабыя силы, противъ нихъ оставленныя, устремиться рѣшительно на эти пункты опоры, или даже и въ тылъ главной арміи Фридриха, и тѣмъ довести его до послѣдней крайности. Не очевидно ли, что въ этомъ случаѣ успѣхъ зависѣлъ бы уже преимущественно отъ умѣнья избѣгать боя тамъ, гдѣ непріятель сильнѣе, и принуждать къ рѣшительному сраженію тамъ, гдѣ онъ слабѣе; словомъ сказать, успѣхъ зависѣлъ бы не столько отъ направленія операціонныхъ линій, сколько отъ искусства полководцевъ, отъ средствъ производить отступленіе безъ важнаго для себя вреда, отъ свойствъ мѣстности, отъ обширности театра войны и тому подобнаго. Для объясненія, приведемъ два примѣра:

«Когда Фридрихъ устремлялся противъ Субиза, оставивъ въ Лузаціи для замедленія и удержанія арміи Дауна часть силъ подъ начальствомъ герцога Бевернскаго, тогда онъ, начальнымъ уклоненіемъ Субиза отъ сраженія, былъ поставленъ въ самое опасное положеніе. Слѣдовать за отступле-

Digitized by Google

ніемъ Субиза ему было нельзя, потому что это движеніе удаляло бы его значительно отъ Берлина и арміи герцога Беверискаго; а возвратиться къ послѣдней, значило бы открыть Субизу дорогу въ Берлинъ. Король былъ принужденъ остановиться и стоять въ бездѣйствіи болѣе шести недѣль, ежедневно опасаясь получить извѣстіе о разбитіи герцога Беверискаго несравненно превосходными силами Дауна и о движеніи арміи послѣдняго въ Берлинъ, или къ Эльбѣ въ тылъ Фридриха. Если бы въ этихъ обстоятельствахъ Субизъ продолжалъ уклоняться отъ боя и не отважился на сраженіе Росбахское; если бы притомъ Даунъ дѣйствовалъ хоть нѣсколько быстрѣе и рѣшительнѣе, вскорѣ положеніе короля, неминуемо, сдѣлалось бы не только весьма опаснымъ, но даже почти безнадежнымъ.

«Въ 1813 году, послѣ перемирія, войска Французскія были расположены во внутреннихъ линіяхъ, и Наполеонъ, пользуясь этимъ, устремлялся главными силами два раза на отдѣльную армію Блюхера. Послѣдній умѣлъ оба раза съ искусствомъ уклониться отъ боя; Французскіе маршалы, Удино, Макдональдъ и Ней, напротивъ того, вступили въ сраженіе тогда, когда имъ слѣдовало избѣгать боя, то есть, когда Наполеонъ съ главными силами былъ отъ нихъ отдаленъ и они имѣли передъ собою превосходнаго непріятеля. Слѣдствіемъ этого было разбитіе Французскихъ отдѣльныхъ корпусовъ при Гросъ-Беренѣ, Кацбахѣ и Денневицѣ. Наконецъ, когда Наполеонъ въ третій разъ устремился противъ Блюхера, оставивъ Мюрата съ пятьюдесятью тысячами противъ арміи Богемской, эта армія, опрокинувъ Мюрата, направилась рѣшительно къ Лейпцигу, пункту, находившемуся въ тылу Французовъ на единственномъ ихъ сообщеніи съ Франціею, и тѣмъ принудила Наполеона къ отступленію въ Лейпцигъ и къ очищенію большей части Саксоніи. Такимъ образомъ здѣсь всѣ выгоды оказались на сторонѣ дѣйствовавшихъ наружными линіями. Онѣ могли бы быть на сторонѣ Наполеона въ такомъ только случаѣ, когда бы Блюхеръ далъ себя разбить отдѣльно, а Удино, Ней и Макдональдъ избѣжали бы всякаго рѣшительнаго боя; но это значило бы предположить у однихъ только Французовъ умѣніе или возможность уклониться отъ боя. Такаго предположенія, не зави-

Digitized by Google

слишаго вовсе отъ направленія операціонныхъ линій, принять невозможно, потому что въ обоихъ противникахъ должно предполагать равное знаніе и обстоятельства подобныя. Генералъ Жомини, желая доказать, что неудача дѣйствій Наполеона внутренними линіями въ 1813 году ни сколько не опровергаетъ общеполезности этихъ линій, и что она произошла единственно отъ частныхъ, посторонніхъ причинъ, говоритъ между прочимъ: *1. «что главнѣйшими причинами неудачи были ошибки Французскихъ маршаловъ.»* Не согласиться на это нельзя; но, предполагая въ маршалахъ умѣніе избѣгать боя, должно по всей справедливости предположить тоже и въ союзникахъ, а въ такомъ случаѣ опять не видно, какое преимущество имѣлъ бы Наполеонъ отъ сосредоточенія своихъ силъ противъ Блюхера или противъ какой-нибудь другой непріятельской арміи; *2. «что географическое положеніе границъ Богеміи, доставило противникамъ удобство дѣйствовать изъ этой провинціи на сообщенія и въ тылъ Французамъ.»* Это также справедливо; но обстоятельство это не было случайное или свойственное одной кампаніи 1813 года, потому что наружныя линіи почти всегда доставляютъ подобную выгоду, по существу своему охватывая непріятельское расположеніе съ одной и даже съ двухъ сторонъ: напримѣръ, въ подобномъ же выгодномъ положеніи находилась, во время семи-лѣтней войны армія Россійская, овладѣвъ Вислою, и даже Субизъ, когда онъ дошелъ до Лейпцига, и въ 1812 году генералы графъ Витгенштейнъ и Чичаговъ.

«И такъ, кажется, мы доказали, что польза внутреннихъ линій не есть безусловная; что онѣ большею частію выгодны только тому, кто ищетъ рѣшительнаго боя или принужденъ, по необходимости, искать въ немъ единственнаго своего спасенія; и что даже въ этихъ случаяхъ, для возможности извлекать надлежащую пользу изъ внутренняго расположенія, требуются еще другія совсѣмъ посторонніе условія, а именно, во-первыхъ, чтобъ мѣстность или нерѣшительность непріятельскихъ полководцевъ, или наконецъ другія обстоятельства, дозволили намъ на тѣхъ пунктахъ гдѣ имѣемъ слабыя силы, удерживать непріятеля безъ вступленія въ рѣшительный бой, и во-вторыхъ, чтобы на томъ пунктѣ, гдѣ мы со-

Digitized by Google

средоточили главныя силы свои, противникъ, по свойству мѣстности или по составу своей арміи или по расположенію вблизи тыла крайне важнаго географическаго пункта, или по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, лишенъ былъ всѣхъ способовъ избѣгнуть боя. Очевидно, что при такихъ условіяхъ, въ способности избѣгать боя заключается чрезвычайная важность, и что вся выгода внутреннихъ линій основана, такъ сказать, на предположеніи, что противникъ способности этой не имѣетъ. Потому-то мы и видимъ, что во всѣхъ войнахъ, гдѣ по обстоятельствамъ для одной стороны вступать въ рѣшительное сраженіе было опасно, и гдѣ притомъ ей давалась возможность уклоняться отъ боя безъ важнаго для себя вреда, наружныя линіи оказывались всегда почти полезнѣе внутреннихъ, по причинѣ большей ихъ удобности для дѣйствія на непріятельскія сообщенія. Такъ въ новѣйшее время дѣйствовали Испанцы съ 1807 до 1814 года; Россіяне въ 1812 году; Фридрихъ, послѣ сраженія Кунерсдорфскаго. И въ 1813 году, послѣ перемирія, значительное превосходство союзниковъ въ конницѣ, доставлявшее передъ противниками болѣе средствъ къ уклоненію отъ боя, было одною изъ важнѣйшихъ причинъ успѣха въ дѣйствіяхъ наружными линіями. Но самый убѣдительный примѣръ представляютъ намъ Древніе.

«Во второй Пунической войнѣ, не только Римляне, но и Карѳагеняне окапывали ежедневно свой лагерь. Для устройства этихъ окоповъ требовалось не болѣе двухъ часовъ времени; и атаковать армію въ укрѣпленномъ лагерѣ значило тогда то же самое, что нынче брать приступомъ сильную крѣпость. Начиная движеніе двумя часами ранѣе непріятеля, или употребляя для марша ночь, или совершая переходы по такимъ направленіямъ, гдѣ нѣтъ опасенія сойтись съ непріятелемъ, легко было переходить изъ одного укрѣпленнаго лагеря въ другой, не подвергаясь необходимости вступать въ сраженіе противъ воли, какъ это и доказалъ Фабій-Максимъ, двигавшійся въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ всё вблизи Аннибала, который однако жъ, при всемъ своемъ стараніи, не могъ принудить его къ сраженію. Гдѣ существуютъ подобныя обстоятельства, тамъ вся выгода внутреннихъ линій исчезаетъ, потому, что сосредоточеніе силъ

Digitized by Google

не можетъ вести ни къ какому результату. Можно сказать утвердительно, что въ подобныхъ обстоятельствахъ, наружныя линіи очевидно полезнѣе внутреннихъ, потому, что, неподвергая васъ ни сколько опасности отдѣльнаго разбитія, представляютъ выгоду охватывать непріятеля съ разныхъ сторонъ и тѣмъ стѣснять постепенно кругъ его дѣйствій. Эта выгода не ускользнула отъ проницательности Римлянъ. Когда они, послѣ многократныхъ пораженій, убѣдились, что имъ необходимо избѣгать рѣшительнаго сраженія съ Аннибаломъ, они приняли систему дѣйствовать противъ него наружными линіями: они окружали тремя, а иногда четырьмя, арміями пространство, занятое его войсками, и постепенно двигались впередъ изъ лагеря въ лагерь, уклоняясь отъ всякаго рѣшительнаго боя и имѣя единою цѣлію стѣснять каждый день болѣе и болѣе театръ дѣйствій непріятеля и тѣмъ самимъ уменьшать средства его къ продовольствію и укомплектованію арміи. Слѣдуя постоянно этой системѣ въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ второй Пунической войны, Римляне не только сдѣлали тщетными всѣ покушенія Аннибала принудить одну изъ ихъ отдѣльныхъ армій къ бою съ сосредоточенными его силами, но даже стѣснили наконецъ непріятеля и заключили въ столь узкое пространство, что положеніе Карѳагенскаго героя передъ отплытіемъ въ Африку сдѣлалось весьма затруднительнымъ.

«Между-тѣмъ генералъ Жомини, желая доказать, что внутреннія линіи и у Древнихъ были выгоднѣе наружныхъ, приводитъ также одинъ примѣръ изъ второй Пунической войны. Разсмотримъ въ подробности этотъ примѣръ. Аннибалъ стоялъ въ Апуліи, фронтомъ къ сѣверу, имѣлъ противъ себя консула Нерона, тогда какъ отъ Альповъ на помощь къ нему шелъ братъ его Аздрубалъ. Для противудѣйствованія Аздрубалу Римляне отправили еще другую армію, и такъ, естественнымъ образомъ, находились во внутреннихъ линіяхъ. Неронъ, оставивъ часть своихъ войскъ противъ Аннибала, съ остальными присоединился поспѣшно къ другой Римской арміи, чтобы встрѣтить Аздрубала превосходными силами. Этотъ имѣлъ сначала намѣреніе оружіемъ открыть себѣ дорогу къ брату; но, узнавъ о прибытіи Нерона, весьма благоразумно измѣнилъ свой планъ и рѣшился

Digitized by Google

подобно Фабію-Максиму, избѣгать всякаго боя, переходить изъ лагеря въ лагерь и приближаться постепенно къ своему брату. Исполненіе такаго плана, нетрудное при тогдашнихъ обстоятельствахъ, сдѣлало бы несбыточной выгоду, ожидаемую отъ движенія Нерона; но случайное обстоятельство измѣнило все дѣло. Аздрубалъ, двинувшись ночью чтобъ пройти мимо Римлянъ, имѣлъ при себѣ только двухъ проводниковъ, силою взятыхъ изъ враждебнаго народа; одинъ изъ нихъ убѣжалъ при началѣ движенія, другой, подведя войско къ рѣкѣ, успѣлъ въ нее броситься и переплыть къ Римскому лагерю. Карѳагеняне, оставшись безъ проводниковъ и не зная дороги, должны были итти наудачу; они вошли въ узкую тѣснину между горъ и, окруженные неприступными скалами, увидѣли себя въ необходимости повернуть назадъ; но Римляне успѣли уже занять выходъ изъ тѣснины и тѣмъ принудили ихъ къ рѣшительному бою. Такой примѣръ удачнаго употребленія Римлянами внутреннихъ линій есть, можетъ быть, единственный въ военной исторіи этого народа; но вся его удача была очевидно слѣдствіемъ обстоятельствъ, совершенно случайныхъ, и потому онъ можетъ развѣ только служить доказательствомъ, что и у Древнихъ внутреннія линіи были иногда полезны: онъ отнюдь не свидѣтельствуетъ, чтобы эти линіи были всегда выгоднѣе наружныхъ, которыя, какъ мы видѣли, употреблялись въ той же самой войнѣ не одинъ разъ, а шесть лѣтъ сряду, съ постояннымъ и независимымъ отъ случайности успѣхомъ.

«Перейдемъ теперь къ правиламъ, извлеченнымъ изъ дѣйствій Наполеона. Этотъ полководецъ во всѣхъ войнахъ до 1813 года имѣлъ въ предметѣ завоеваніе столицъ и цѣлыхъ государствъ: такая цѣль требовала дѣйствій самыхъ рѣшительныхъ. Притомъ онъ имѣлъ и перевѣсъ въ тактическомъ отношеніи, который происходилъ и отъ собственнаго его искусства, и отъ нравственной силы его войскъ, бывшей плодомъ многихъ побѣдъ и удачныхъ дѣйствій.

«При такой цѣли и такихъ средствахъ весьма естественно, что Наполеонъ долженъ былъ искать сраженій и для того держать всегда главную часть своихъ силъ въ совокупности; естественно также, что онъ долженъ былъ не только желать отъ каждаго сраженія самыхъ рѣшительныхъ результатовъ,

Digitized by Google

но даже стараться приводить противника въ невозможность уклониться отъ боя. Выполнить это всего удобнѣе было направленіемъ дѣйствій, мимо непріятельской арміи, прямо къ линіи ея отступленія или, говоря другими словами, устремленіемъ главныхъ силъ къ выгоднѣйшему маневрному стратегическому пункту.

«Подобный образъ дѣйствія почти всегда выгоденъ тамъ, гдѣ обстоятельства и средства позволяютъ или даже требуютъ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ. Но здѣсь дѣло не въ томъ, чтобъ рѣшить, полезны ли эти правила въ частныхъ случаяхъ, а въ томъ именно, могутъ ли они быть приняты за общія, безусловныя для всѣхъ случаевъ и для всѣхъ родовъ войнъ, и могутъ ли они служить руководствомъ равно полезнымъ для обороняющагося и для наступающаго.

«Ведущій войну оборонительную обыкновенно бываетъ гораздо слабѣе наступающаго, и потому часто имѣетъ надобность избѣгать рѣшительныхъ дѣйствій въ началѣ войны, чтобы выиграть время, чтобы собрать и соединить новыя силы, чтобы ослабить непріятеля малою войною или другими средствами. Требовать, чтобъ онъ въ такихъ обстоятельствахъ дѣйствовалъ по правиламъ генерала Жомини и искалъ тотчасъ рѣшительнаго сраженія, почти безъ малѣйшей надежды на побѣду, значило бы вести его большею частію къ вѣрной погибели. Это такъ ясно, что мы считаемъ излишнимъ приводить дальнѣйшія доказательства и перейдемъ къ изысканію вопроса, — всегда ли возможно, и всегда ли полезно для дѣйствующаго *наступательно*, направляться сосредоточенными силами быстро къ рѣшительнѣйшимъ пунктамъ театра войны?

«Рѣшительный стратегическій пунктъ, смотря по обстоятельствамъ войны, можетъ быть въ большемъ или меньшемъ отъ насъ удаленіи; достиженіе его въ одномъ случаѣ можетъ представлять несравненно большія затрудненія чѣмъ въ другомъ; иногда можетъ требовать оставленія позади себя весьма значительныхъ силъ для охраненія нашихъ сообщеній, для наблюденія за непріятельскими крѣпостями и тому подобнымъ, а иногда можетъ и нетребовать этого. Очевидно, что возможность направляться прямо къ нему не зависитъ отъ одной нашей воли, но преимущественно отъ соображе-

Digitized by Google

нія средствъ нашихъ со средствами непріятеля и со всѣми этими обстоятельствами; потому что, предпринимая подобныя рѣшительныя дѣйствія, должно прежде всего удостовѣриться, будутъ ли силы наши, по достиженіи избраннаго нами пункта, достаточны для того чтобы мы могли побѣдить.

«Такимъ образомъ прямое устремленіе къ пункту, признанному за рѣшительный, будучи возможно и полезно при перевѣсѣ въ силахъ или при благопріятствующихъ обстоятельствахъ, можетъ быть опасно и даже дерзко при мѣньшихъ силахъ и при другихъ обстоятельствахъ.

«Дѣйствія Наполеона отличаются не тѣмъ только однимъ, что онъ умѣлъ угадывать рѣшительные пункты театра войны и преимущественно туда направлялся, но особенно тѣмъ, что всѣ подобныя дѣйствія были соображаемы съ его средствами и обстоятельствами. Для примѣра приведемъ нѣкоторыя. Когда онъ въ 1800 году устремился черезъ Сенъ-Бернардъ къ Мареніо на сообщенія Меласа съ Австріею, тогда имѣлъ онъ уже въ своей власти Швейцарію и всѣ проходы, ведущіе оттуда въ Италію; слѣдственно, въ случаѣ пораженія, онъ имѣлъ обезпеченное отступленіе черезъ Сенъ-Готардъ или черезъ Семплонъ. Но если бы Швейцарія и эти проходы были тогда въ рукахъ непріятеля, а у Наполеона оставался только одинъ проходъ черезъ Сенъ-Бернардъ, подобное движеніе къ тому же самому пункту (Мареніо), принимая даже всѣ прочія обстоятельства за измѣнившіяся, было бы вовсе неискуснымъ: оно было бы только отважнымъ, потому что, отрѣзывая сообщенія непріятеля, онъ и самъ подвергался тому же; притомъ непріятель, находясь тогда близъ своихъ крѣпостей, имѣлъ бы въ излишествѣ всѣ военныя потребности, а Наполеонъ былъ бы лишенъ всѣхъ способовъ къ возобновленію своихъ запасовъ. Когда Наполеонъ въ 1805 году устремился къ Ульму, онъ имѣлъ двѣсти пятьдесятъ тысячъ войска, а Маккъ только восемьдесятъ тысячъ; сверхъ-того было на Майнѣ нѣсколько укрѣпленныхъ снабженныхъ запасами пунктовъ, которые въ случаѣ надобности позволяли Наполеону имѣть на этой рѣкѣ основаніе дѣйствій. Когда онъ въ другомъ случаѣ направился сперва къ Виллаху и Клагенфурту, а потомъ къ самой Вѣнѣ, то хотя числитель-

Digitized by Google

ная сила его войскъ не соотвѣтствовала трудности и важности такого предпріятія, однако къ другія обстоятельства дѣлали его возможнымъ и даже выгоднымъ: а именно, противъ Наполеона находились сначала силы слабѣйшія, которыя онъ, быстрымъ наступленіемъ, могъ не только опрокинуть, но даже лишить возможности соединиться съ шедшими къ нимъ подкрѣпленіями и тѣмъ, безъ значительнаго препятствія, достигнуть окрестностей Вѣны; а угроженіемъ, или временнымъ завлѣніемъ столицы, онъ полагалъ склонить Австрію къ выгодному для Франціи миру. Если бы эти обстоятельства, которыя въ самомъ дѣлѣ были главными причинами удачи, не существовали, тогда было бы невозможно, или по крайней-мѣрѣ весьма опасно, устремиться съ слабою арміею прямо къ Виллаху и Клагенфурту, предположивъ даже, что эти пункты сохранили прежнюю свою рѣшительную стратегическую важность. Когда въ 1812 году Наполеонъ готовился къ движенію въ сердце Россіи, тутъ также онъ не выпустилъ изъ виду сдѣлать и средства свои соразмѣрными съ обширностью предпріятія, и двинулъ на Россію совокупныя силы почти всей западной Европы, составлявшія болѣе полумилліона войскъ.

«Показавъ такимъ образомъ, что средства и обстоятельства не всегда допускаютъ возможность стремительныхъ дѣйствій прямо на рѣшительныя точки театра войны, постараемся доказать еще, что и самое достиженіе такого пункта, предположивъ его возможность, не всегда поведетъ къ рѣшительнымъ выгодамъ. Если противникъ нашъ имѣетъ намѣреніе и способы избѣгать въ началѣ войны генеральнаго сраженія, онъ конечно не останется на мѣстѣ въ бездѣйствіи, пока мы идемъ къ избранному нами стратегическому пункту: онъ либо отступитъ за пунктъ, либо перемѣнитъ свою операціонную линію. Въ этомъ случаѣ, если пунктъ имѣлъ важность только маневрную, то есть, зависѣвшую отъ расположенія непріятельскихъ силъ, выгода отъ владѣнія имъ будетъ ничтожна; если онъ имѣлъ важность географическую или политическую, выгоды будутъ соразмѣрны только степени этой важности и, слѣдственно, не всегда рѣшительны. Въ 1812 году Наполеонъ направился сначала главными силами въ Вильну, на центръ растянутаго нашего рас-

Digitized by Google

положенія, съ цѣлію прорвать его и тѣмъ отдѣлить первую армію отъ второй; но мы умѣли быстрымъ отступленіемъ предупредить исполненіе его плана. Наполеонъ, узнавъ, что первая армія находится въ Дриссѣ, двинулся къ Полоцку, чтобъ занятіемъ этого города преградить ей дорогу во внутреннія провинціи Россіи и отдѣлить отъ князя Багратіона; потомъ направился, съ такою же цѣлію къ Витебску; и наконецъ, когда генералъ Барклай-де-Толли сдѣлалъ движеніе отъ Смоленска къ Руднѣ, онъ устремился къ Смоленску, съ намѣреніемъ пересѣчь намъ прямой путь въ Москву и въ южныя Губерніи. Всѣ эти маневрные стратегическіе пункты были дѣйствительно достигнуты и заняты Наполеономъ, но тогда уже, когда они, вслѣдствіе нашего отступленія или перемѣны расположенія войскъ нашихъ, потеряли всю свою маневрную важность. Такимъ образомъ постепенное достиженіе четырехъ, такъ называемыхъ, *решительныхъ* пунктовъ не доставило ему ни какихъ особенныхъ выгодъ, а между-тѣмъ армія его при Смоленскѣ не превышала уже двухъ сотъ тысячъ. Изъ Смоленска устремился онъ къ Москвѣ, надѣясь тамъ принудить Россію къ миру; но, вмѣсто того, взятіемъ этой столицы доказалъ только, что участь государствъ, которыхъ главою государь, подобные Императору Александру, и участь народа, подобнаго Русскому, не рѣшаются однимъ занятіемъ какого-либо стратегическаго пункта, сколько бы онъ ни былъ важенъ въ географическомъ и политическомъ отношеніяхъ.»

Впослѣдствіи, генералъ Жомини старался въ новомъ сочиненіи, Tableau analitique des principales combinaisons de la guerre, поддержать и дополнить свою теорію присовокупленіемъ къ ней другихъ основныхъ правилъ дѣйствія. Мы сказали – правилъ: это слово требуетъ объясненія. Генералъ Жомини, какъ и баронъ Медемъ, отвергаетъ возможность постоянныхъ *правилъ*, которую положительно отвергалъ и самъ Наполеонъ; но онъ говоритъ, что есть великія, неизмѣнныя *начала*, principes, и защищаетъ только свои начала. Намъ кажется, что это различіе между «прави-

Digitized by Google

ломъ» и «началомъ» слишкомъ тонко, и что оно немного впадаетъ въ игру словъ. «Начало», principium, principe, и по происхожденію и по смыслу слова — не что иное какъ *начальное правило*: principium у древнихъ и principe у новѣйшихъ всегда были простымъ сокращеніемъ сложнаго выраженія regula principalis, règle principale. Разобравъ сочиненія Ксиландра и Водонкура, генералъ Медемъ переходитъ по хронологическому порядку къ Tableau analytique, генерала Жомини.

«Между нимъ и двумя сейчасъ разсмотрѣнными сочиненіями замѣчательно важное различіе. Генералъ Жомини, взялъ за основаніе преимущественно собственныя мысли, присоединилъ къ нимъ новыя свои же, а изъ другихъ сочиненій заимствовалъ, въ видѣ пополненія, только то, что могло удобно согласоваться съ его правилами; Ксиландеръ и Водонкуръ напротивъ основывались предпочтительно на чужихъ мысляхъ, а собственныя присовокупили въ видѣ дополненій.

«Въ новомъ сочиненіи, генералъ Жомини разсматриваетъ сперва различныя политическія причины, служащія поводомъ къ войнѣ, и доказываетъ, что цѣль ея должна быть опредѣлена политикою, а общій планъ дѣйствій долженъ быть соображенъ съ цѣлію и, вообще, съ политическими обстоятельствами.

«Далѣе авторъ говоритъ, что составляя общій планъ какой-либо войны, то есть, опредѣляя для ней общую систему военныхъ дѣйствій, необходимо должно брать въ соображеніе характеръ народа, съ которымъ ведемъ войну; характеръ его полководца; мѣстное расположеніе и средства непріятельской земли; составъ и внутреннее устройство войскъ противника, и тому подобное. Общее соображеніе всѣхъ этихъ предметовъ соединяетъ онъ подъ названіемъ «Военной Политики».

«Допустивъ такимъ образомъ, что всѣ эти предметы имѣютъ важное вліяніе на опредѣленіе общаго плана войны и общей системы дѣйствій и, слѣдовательно, могутъ измѣнять ихъ, сочинитель присовокупляетъ, что *самое выполненіе*

Digitized by Google

уже опредѣленнаго, общаго плана войны не подвержено этому вліянію; что оно можетъ быть подведено подъ общія, постоянныя правила и должно составлять исключительный предметъ Стратегіи, или, какъ онъ говоритъ, *чисто военной Стратегіи.*

«Такъ освободивъ Чисто военную Стратегію отъ всякаго на нее вліянія политическихъ обстоятельствъ, и другихъ предметовъ, выраженныхъ подъ общимъ названіемъ «Военной Политики», генералъ Жомини приступаетъ къ изложенію самыхъ правилъ.

«Основнымъ правиломъ наступательной и оборонительной войны поставляетъ онъ, согласно съ прежними своими сочиненіями, направленіе главныхъ силъ войска, на рѣшительную точку театра войны. Принявъ такое основаніе, онъ сстественнымъ образомъ признаетъ общими и безусловными всѣ прочія правила, проистекающія отъ принятія въ соображеніе исключительно одного матеріальнаго элемента; — напримѣръ, что дѣйствовать одною операціонною линіею выгоднѣе нежели двумя; что внутреннія линіи всегда выгоднѣе наружныхъ, и тому подобное.

«Рѣшительными пунктами театра войны онъ признаетъ не только одни, прежде принятые, *маневрные*, но подобно эрцгерцогу Карлу и тѣ, которыхъ важность опредѣляется мѣстными обстоятельствами. При самомъ опредѣленіи маневрныхъ рѣшительныхъ пунктовъ, сочинитель къ прежнимъ условіямъ присовокупляетъ еще новое: онъ требуетъ, чтобы къ этимъ пунктамъ можно было направляться, не подвергая опасности своихъ сообщеній, и тѣмъ слѣдовательно признаетъ нужнымъ принимать въ соображеніе не только одинъ матеріальный элементъ, но и обезпеченіе отступленія и привоза запасовъ.

«Изъ чужихъ сочиненій, авторъ заимствуетъ мысль о необходимости базиса и охраненія съ нимъ сообщеній; сверхъ того нѣкоторыя правила относительно самого устроенія базиса; и наконецъ мысль, что при удобной мѣстности и другихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, можно иногда съ выгодою отступать параллельно границамъ, то есть, употреблять второй родъ эксцентрическаго отступленія Бюлова.

Digitized by Google

«Изъ этого обзора видно, что авторъ доказываетъ всеобщность и неизмѣнность правилъ Чисто-военной Стратегіи преимущественно тѣмъ, что отвергаетъ прямое на нихъ вліяніе политическихъ обстоятельствъ и всѣхъ предметовъ, которые онъ соединилъ подъ общимъ названіемъ Военной Политики.

«Эта мысль по важности своей, требуетъ подробнѣйшаго разсмотрѣнія: очевидно, что съ принятіемъ ея, опровергалось бы многое, сказанное нами прежде.

«Для-этого сперва объяснимъ, какой предѣлъ полагаетъ авторъ между — общимъ планомъ войны, или общею системою дѣйствій,— и стратегическимъ исполненіемъ такого плана. Хотя самъ онъ этого подробнѣе не объясняетъ, однако жъ содержаніе его «Чисто-военной Стратегіи» ясно показываетъ, что, подъ исполненіемъ общаго плана войны, онъ разумѣетъ выборъ пунктовъ, къ которымъ должно направлять дѣйствія; опредѣленіе сколькими и какими операціонными линіями дѣйствовать; какъ располагать базисъ и обезпечивать сообщенія, и такъ далѣе; словомъ всѣ стратегическія соображенія какія только могутъ случаться въ продолженіе самаго похода. Отсюда слѣдуетъ, что въ составъ общаго плана войны, или общей системы дѣйствій, остается включить только то, что можетъ быть расчитано и соображено до начала похода, а именно — какая цѣль войны, — дѣйствовать ли наступательно или оборонительно, — дѣйствовать ли рѣшительно или медленно и методически, — стремиться ли къ рѣшительнымъ сраженіямъ или избѣгать ихъ, стараясь вредить непріятелю преимущественно другими средствами, какъ то, дѣйствіями на его сообщенія, малою войною и тому подобнымъ.

«Изъ этого видно, что мысль автора собственно заключается въ слѣдующемъ: «при началѣ войны необходимо сообразить всѣ обстоятельства дипломатической и военной Политики, и на основаніи ихъ опредѣлить главный планъ войны и общую систему дѣйствій; при самомъ же исполненіи главнаго плана, слѣдовательно и при всѣхъ частныхъ стратегическихъ соображеніяхъ, не нужно уже обращать вниманіе на всѣ эти обстоятельства, а надобно дѣйствовать всегда по постояннымъ неизмѣннымъ правиламъ *Чисто-военной Стра-*

Digitized by Google

тегіи, то есть, во всѣхъ этихъ частныхъ соображеніяхъ, напримѣръ при перемѣнѣ, во время похода, операціонной линіи или предмета дѣйствій, при сосредоточеніи войскъ или раздѣленіи ихъ на части или на нѣсколько линій, при устроеніи новаго базиса и такъ далѣе, нѣтъ надобности уже обращать вниманія ни на характеръ и расположеніе къ намъ жителей земли, въ которой ведется война, ни на характеръ и качества непріятельскаго полководца, ни даже на расположеніе театра войны и средства края.»

«Сколько намъ кажется, такая мысль опровергается сама собою, ибо то, что авторъ разумѣетъ подъ *исполненіемъ* общаго плана войны, есть, какъ видно, рядъ, не тактическихъ какихъ-либо дѣйствій, но частныхъ стратегическихъ соображеній. Каждое изъ нихъ въ свою очередь столько же зависитъ отъ ближайшихъ къ нему обстоятельствъ военной Политики сколько общая система войны зависитъ отъ разсмотрѣнія, въ общемъ объемѣ, всѣхъ главныхъ обстоятельствъ дипломатической и военной Политики. Въ этомъ отношеніи, главное различіе между частными стратегическими соображеніями во время похода и предварительнымъ общимъ планомъ войны заключается только въ томъ, что первыя менѣе втораго подвержены вліянію какъ дипломатической Политики такъ и всего, что относится къ средствамъ непріятеля, въ совокупности взятымъ, и къ театру войны, въ цѣлости разсматриваемому; и что на частныя стратегическія соображенія, то есть, на исполненіе предварительнаго плана несравненно бо́льшее вліяніе имѣетъ все то, что въ частности ближе къ нему относится, напримѣръ мѣстность того края, или той провинціи, гдѣ дѣлается стратегическое соображеніе; средства края; характеръ народа, въ немъ обитающаго и расположеніе его къ намъ; составъ и качества той части непріятельскихъ войскъ, къ которой непосредственно относится наше соображеніе; характеръ и образъ мыслей начальника этихъ войскъ, и прочая.

«Если мы даже предположимъ, что выводъ нашъ несправедливъ, и примемъ безусловно мысль автора, что обстоятельства военной Политики не имѣютъ ни какого непосредственнаго вліянія на частныя стратегическія соображенія, то и тогда эти соображенія не менѣе останутся въ зависи-

Digitized by Google

мости отъ общей, первоначально начертанной, системы дѣйствій; а какъ она можетъ быть различна, по различію обстоятельствъ, то слѣдовательно и правила частныхъ соображеній подвергаются измѣненію. Напримѣръ, правило направлять всегда главныя силы къ рѣшительному пункту театра войны, удобоприменяемо только тамъ, гдѣ общая система дѣйствій требуетъ поступать рѣшительно и искать генеральныхъ сраженій; но оно часто будетъ вредно тамъ, гдѣ въ слѣдствіе общей системы дѣйствій предположено выигрывать время, избѣгать по возможности рѣшительнаго боя, стараться преимущественно вредить непріятелю дѣйствіями на сообщенія и другими подобными средствами.

«Показавъ такимъ образомъ, что невозможно представить себѣ правилъ стратегическихъ соображеній не подверженными вліянію обстоятельствъ военной Политики и независимыми отъ общей системы войны, мы получили полное право разсматривать Чисто-военную Стратегію генерала Жомини на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, на какихъ разсматривали всѣ прежнія сочиненія, то есть, принимая въ соображеніе всѣ возможныя обстоятельства и вліяніе разнородныхъ предметовъ.

«При такомъ разсмотрѣніи, мы прежде всего замѣчаемъ, что хотя авторъ принялъ, какъ и прежде, главнымъ основаніемъ матеріальный элементъ, однако онъ беретъ уже въ соображеніе мѣстность и дѣйствія на сообщенія, отчего не только увеличивается число его правилъ, но и самое сочиненіе его дѣлается многостороннѣе и удобнѣе къ примѣненію.

«Сверхъ-того замѣчаемъ, что всѣ правила, преимущественно на соображеніи одной матеріальной силы основанныя, съ небольшою разницею тѣ же самыя, которыя были уже изложены въ прежнихъ сочиненіяхъ генерала Жомини; прочія же правила, по сущности своей менѣе важны или сходны съ правилами другихъ писателей; однимъ словомъ, находимъ, что всѣ важнѣйшія правила, въ Чисто-военной Стратегіи помѣщенныя, были уже нами разсмотрѣны прежде, каждое въ своемъ мѣстѣ, и потому къ цѣлому сочиненію, по справедливости, можемъ отнести то сужденіе, которое сдѣлано было нами о Стратегіи Ксиландера, то есть, что правила,

Digitized by Google

изъ которыхъ каждое само по себѣ не можетъ быть принято за безусловное, останутся всегда условными, въ какомъ бы порядкѣ ихъ ни излагали, и какимъ бы образомъ ихъ ни связывали между собою.

«Но должно прибавить, что правила генерала Жомини, хотя и не могутъ быть признаны безусловными, въ весьма многихъ случаяхъ будутъ служить очень полезнымъ руководствомъ для военныхъ дѣйствій, потому что они основаны преимущественно на соображеніи самоважнѣйшаго стратегическаго элемента, отъ котораго, дѣйствительно, почти всегда зависитъ рѣшеніе участи войны.»

=

ИСТОРІЯ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ ВЪ АЗІЯТСКОЙ ТУРЦІИ, *въ 1828 и 1829 годахъ. Санктпетербургъ, 1836. Двѣ части.*

Статья первая.

Нерѣдко вы услышите обвиненія, почему мы, Русскіе, такъ мало говоримъ и пересказываемъ о томъ, что̀ мы дѣлаемъ и что̀ знаемъ. Правда, мы слишкомъ молчаливы, даже на самыя добрыя о себѣ вещи. Но только оттого ли, что мы не умѣемъ понять, растолковать и пересказать о себѣ, что мы слишкомъ лѣнивы или слишкомъ не письменны на отчетъ міру? Нѣтъ. Это скорѣе безпечность силы, недосугъ отъ множества дѣлъ и впечатлѣній, а не безчувственность умственная и не тупость головная. Исторія – дѣло прошедшаго; юноша, крѣпкій настоящимъ, не охотникъ разсказывать: онъ дѣйствуетъ; и когда утомленіе отъ дѣлъ и жизни сдѣлается ему ощутительнымъ, тогда только онъ принимается пересказывать, что̀ съ нимъ бывало, что̀ видалъ онъ и что̀ чувствовалъ. Летучія замѣтки его превращаются въ записки, записки въ біографіи и исторію. Посмотрите на Западъ: какъ сильны тамъ исторія, записки, всякія воспоминанія! Потому, что западъ уже утомленъ настоящимъ. Когда

Digitized by Google

Французы, напримѣръ, заговорили вполнѣ о страшныхъ событіяхъ прошедшаго вѣка, и о походахъ маленькаго капрала? Теперь, – когда имъ приходится сидѣть сложа руки, и безъ бюллетеней Донъ-Карлоса, говорить было бы не о чемъ. Но наша Русь, юная, бодрая, дѣятельная, едва успѣваетъ надѣлаться: и ей нѣкогда заговориться.

Но, скажутъ намъ, время улетаетъ, настоящее сглаживается, и если вы теперь чего-нибудь не запѣтите и потомъ это забудите, на чемъ же будетъ опираться ваша исторія для грядущихъ поколѣній? И развѣ вамъ не любопытно, не дорого, послушать и почитать насъ самихъ? О первомъ – напрасная забота: архивы, дѣла, бумаги наши цѣлы, и не думайте, чтобы многіе, въ низшихъ и высшихъ слояхъ нашего общества, не оставляли подробнаго отчета о своей жизни, если не въ своихъ запискахъ, такъ въ своихъ письмахъ, или въ замѣткахъ другихъ людей. Мысль радостная для однихъ, печальная для другихъ, утѣшительная во всѣхъ отношеніяхъ, мысль о страшномъ судѣ потомства надъ гробами нашими, эта мысль одушевляетъ въ тайнѣ многія перья, которыя въ тишинѣ кабинетовъ бесѣдуютъ съ будущимъ. Второе возраженіе гораздо важнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, не только любопытно, но даже драгоцѣнно было бы для насъ всякое повѣствованіе о современности, и какой еще современности, – сильной и блестящей! Молчаніе наше противъ западной какой-нибудь говорливости иногда бываетъ даже непростительно. Какъ часто мнѣнія наши берутся со словъ чужеземца! а намъ пора бы убѣдиться, что если не всегда пристрастно, то рѣдко основательно, говорятъ и судятъ объ насъ чужеземцы, вовсе насъ не постигающіе. Мы должны говорить сами о себѣ; даже для того чтобы не думали объ насъ будто мы идемъ и дѣйствуемъ какъ Богъ приведетъ, не размышляя напередъ, и не замѣчая ничего потомъ.

Digitized by Google

Вотъ только теперь начинаемъ мы поговаривать обширнѣе о нашемъ 1812 годѣ: а сколько остается для насъ неизвѣстнаго, что было прежде и послѣ него, объ чемъ мы слышали только вздорные разсказы, что стоило бы описать подробно и откровенно! сколько нелѣпостей могли бы опровергнуть подобныя описанія, хотя бъ мы послѣ и не принимали на себя труда входить въ споры и опроверженія! Возьмемъ, для примѣра, современную исторію войнъ нашихъ съ Персіей и Турціей. Не говоря уже о томъ, что изъ нашего молчанія вытолковали изъ нихъ на западѣ и что толкуютъ иные въ самой Россіи, одинъ тотъ упрекъ, будто мы прошли по землямъ, мало извѣстнымъ географіи, взяли Эрзерумъ и Адріанополь, стояли близъ Стамбула и Багдада, и ничего не прибавили къ итогу Европейскихъ свѣдѣній, ничего не принесли и военной исторіи, одинъ такой упрекъ заслуживаетъ, чтобы мы торжественно доказали его ложность. Что жъ сказать о великомъ дополненіи къ лѣтописямъ Русской чести, чѣмъ смѣло можемъ мы назвать исторію Персидской и Турецкой войны съ 1826 по 1830 годъ? И ни кому почти неизвѣстно въ публикѣ, что Русскіе побѣдители шли отъ предѣловъ своего отечества до крайней грани своихъ завоеваній съ перомъ географа, вычетами статистика, линейкой топографа, и что слѣдствіемъ всего этого было богатѣйшее собраніе картъ, плановъ, мѣстныхъ свѣдѣній, описаній, наполнившее архивы нашего главнаго штаба и портфёли многихъ частныхъ лицъ? Сердцу Русскому больно при мысли, что если слѣдствія каждый день оправдываютъ наши дѣла, тѣмъ не менѣе бездна дивныхъ подробностей, любопытныхъ случаевъ, геройскихъ чертъ, болѣе и болѣе погружаются въ забвеніе, потому только что очевидцы и участники славныхъ подвиговъ не рѣшаются предать бумагѣ своихъ воспоминаній. Замѣтки, изданныя очевидцами, такъ кратки! Да и гдѣ онѣ, эти за-

Digitized by Google

нѣтки? На груди храбрыхъ! Увы, эти благородные памятники слишкомъ скоро истлѣваютъ! Неужели легче было сбить штыками Турецкую баттарею, нежели теперь сочинить описаніе того, какъ вы ее сбивали? Мы держимся теоріи, что писать гораздо легче нежели драться.

Да! надобно писать о себѣ; надобно очевидцамъ говорить о томъ, что происходило передъ ихъ глазами. Этого требуетъ народная наша честь.

Вотъ, почему, съ восхищеніемъ, даже съ чувствомъ гордости, привѣтствовали мы появленіе книги, о которой хотимъ дать отчетъ обширнѣе обыкновеннаго, увѣренные, что это чувство раздѣлятъ всѣ наши читатели. «Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи, въ 1828 и 1829» годахъ есть примѣчательное и драгоцѣнное событіе нашей литературы. Сколько тутъ звенитъ струнъ, отъ которыхъ сильно трепещетъ Русская душа! Забудемъ любопытность самаго предмета, – войну за предѣлами Арарата и Саганлука, гдѣ никогда еще не бывала Русская сила, и гдѣ прахъ Римскаго орла кости Римскихъ Легіоновъ, пошевелились въ могилахъ своихъ при давно неслыханныхъ кликахъ побѣды образованнаго народа надъ этою Азіею, которая еще сегодня столько же враждебна наукамъ и свободнымъ искусствамъ, какъ она была во время Митридата: но эти великіе подвиги храбрости и военнаго искусства, это паденіе Ахалцыха, это униженіе Эрзерума, этотъ ужасъ, наведенный на свирѣпыхъ сыновъ Магомета со стороны Кавказа, когда отъ стѣнъ Адріанополя, Русскіе шли къ Царьграду, и отъ Эрзерума готовы были громомъ и молніей пасть на Требизондъ и Багдадъ, – какъ онѣ чудны и изумительны! Побѣды намъ не рѣдкость: но какими средствами были добыты эти двухъ-лѣтнія лавры въ Азіи! какими тяжкими трудами куплены! при какихъ ничъ-

Digitized by Google

тожныхъ средствахъ, при такой борьбѣ съ природою, климатомъ, полудикими жителями, при такомъ недостаткѣ всѣхъ родовъ и свойствъ, мы бились и побѣждали! Вотъ гдѣ настоящая увлекательность книги, которая взялась представить намъ исторію блистательныхъ дѣйствій нашего Эриванскаго героя, и, должно отдать справедливость, отлично выполнила свое дѣло. Здѣсь вы видите всего Паскевича, – съ его неутомимою дѣятельностью, съ его глубокою проницательностью, съ его учеными и свѣтлыми статистическими соображеніями, со взглядомъ генія, обнимающимъ вдругъ всѣ случаи, и съ умомъ генія, способнымъ мгновенно извлекать изъ каждаго обстоятельства наибольшую пользу для своихъ предначертаній; вы видите искуснаго вождя, который ничего не предоставляетъ случайности, все умѣетъ предусмотрѣть и разсчесть, вездѣ дѣйствуетъ, какъ говорилъ Наполеонъ, *съ методою*, и почти изъ ничего создаетъ для себя разнообразныя и могущественныя средства; искуснаго государственнаго человѣка; искуснаго военнаго администратора, съ появленіемъ котораго являются сейчасъ въ арміи порядокъ и обиліе, – отличительный признакъ высокихъ талантовъ князя Варшавскаго, единогласно признаваемый даже его завистниками. *Паскевичъ есть одинъ изъ величайшихъ полководцевъ новѣйшаго времени* – это сужденіе произнесетъ всякой, – Русской и иностранецъ, – кто только прочтетъ съ безпристрастіемъ простое, но ясное, вѣрное и систематическое, повѣствованіе, вышедшее подъ заглавіемъ «Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи» и посвященное самому герою этихъ незабвенныхъ кампаній. Только упрямое пристрастіе и ненависть къ дарованію необыкновенному, могутъ оспаривать эту систему. – «Удача!» говорятъ неохотники до сознанія нашей чести. Хорошо, удача; въ самомъ дѣлѣ *удача*, прихотливая *удача*, которая всегда бѣгаетъ за умомъ,

Digitized by Google

искусствомъ и трудомъ, которая бѣгала весь вѣкъ за Суворовымъ и теперь рѣшила —

«За Араксомъ наши грани
Арарать, удачный плѣнъ
Эрзерума, Эривани,
И разгромъ Варшавскихъ стѣнъ!»

Вѣроятно эта книга скоро выйдетъ также на которомъ-нибудь изъ иностранныхъ языковъ, Французскомъ или Нѣмецкомъ. Мы отъ души желаемъ этого ради многихъ причинъ. Во-первыхъ, она прибавитъ къ массѣ общихъ Европейскихъ познаній огромное богатство вѣрныхъ и положительныхъ свѣдѣній, какихъ не могли доставить ни Клапротъ, ни Жоберъ, Кинниръ, Моріеръ или Гамба, обыкновенные авторитеты западныхъ ученыхъ во всемъ, что̀ касается до странъ Закавказскихъ. Во-вторыхъ, въ ней какъ мы сказали, вполнѣ видѣнъ князь Варшавскій какъ полководецъ, и только въ ней одной можно видѣть, узнать и оцѣнить его съ этой стороны. Мы не имѣемъ права нарушать тайны автора, который не захотѣлъ сказать своего имени: онъ отдаетъ всякому должное, и приводитъ имена сотоварищей, доставившихъ ему географическіе, историческіе или статистическіе матеріалы, какъ то, Гг. Блома, Ковалевскаго, Искрицкаго, Григорьева, и другихъ; главнымъ обстоятельствомъ, рѣшающимъ необыкновенную важность его книги, есть участіе, какое принялъ въ ней самъ князь Варшавскій, который, какъ говоритъ авторъ, «неоднократно удо-«стоивалъ прочитывать трудъ этого очерка, дополнялъ «и исправлялъ многое собственными сужденіями, а «разсказы объ нѣкоторыхъ сраженіяхъ даже дикто-«валъ лично». Это впрочемъ можно отгадать по отпечатку, на многихъ мѣстахъ книги, той сильной и обширной мысли, которая смотритъ на вещи съ творческой высоты, ей только свойственной, гдѣ создаются самыя вещи; по той добросовѣстной искренности, съ

Digitized by Google

какою высказаны наши ошибки и неудачи, какъ ни малы были онѣ, и по тщательному изображенію всѣхъ мѣръ предосторожности, всѣхъ предположеній при дѣлахъ, по наружности, веденныхъ такъ отважно, смѣло, даже дерзко, — въ сущности такъ расчетливо, обдуманно, искусно, съ такимъ знаніемъ характера противниковъ и рода ихъ войны. Обо всемъ этомъ такъ просто, откровенно и вѣрно, можетъ говорить только тотъ, въ чьемъ умѣ начались и созрѣли, и изъ чьей души перешли въ событія думы глубокія, кажущіяся дерзостью и случайною удачею близорукой посредственности, привыкшей въ жизни ходить на цыпочкахъ сомнѣній и добираться ощупью до причинъ успѣха. Такимъ образомъ, это честный отчетъ передъ современниками, послѣ того какъ знаменитый вождь Русскій отдалъ отчетъ своему Царю; это оправданіе собственной своей славы, которою великій полководецъ имѣетъ право дорожить наравнѣ со всѣми Русскими. Недивитесь тогда скромности разсказа, порою даже излишней; не дивитесь, что при изображеніи битвъ и подвиговъ самыхъ изумительныхъ рѣдко и какъ-будто не-хотя, срывается съ пера описателя горячее чувство, яркое слово, средь стратегическихъ подробностей и военныхъ мелочей, безъ которыхъ картина небыла бы полною и наставительною для военныхъ наблюдателей. Дополнимъ еще предварительный очеркъ книги, нѣсколькими словами объ ея расположеніи. Авторъ начинаетъ, послѣ краткаго вступленія, прекраснымъ описаніемъ Россійскихъ областей за Кавказомъ; потомъ переходитъ къ описанію смѣжныхъ съ нашими турецкихъ владѣній, въ которыхъ находился театръ двухъ-лѣтней войны. Исторія и географія всѣхъ этихъ земель, являются здѣсь съ доказательствами оффиціальными и съ ариѳметическими выкладками. Обрисовавши такимъ образомъ мѣстность, авторъ излагаетъ исторію Турец-

Digitized by Google

кой войны въ хронологическомъ порядкѣ; за каждымъ важнѣйшимъ дѣломъ, слѣдуетъ отчетъ въ немъ и замѣчанія военныя; каждому предшествуетъ такой же отчетъ въ числѣ войскъ, ихъ расположеніи и движеніяхъ, соображеніяхъ главнокомандующаго, состояніи и духѣ своихъ и непріятелей, выгодахъ и невыгодахъ, какія представлялись тѣмъ и другимъ отъ особеннаго ихъ положенія.

Мы постараемся легкимъ очеркомъ передать эту превосходную картину. Предназначенная для обширнаго и разнороднаго круга читателей, Б. для Ч. принуждена будетъ отказаться отъ многихъ подробностей, которыхъ должны искать въ самой книгѣ, желающіе ближе познакомиться съ ними. Мы иногда обозначимъ только слѣдствія событій, но тѣмъ не менѣе смѣемъ думать, что этотъ бѣглый очеркъ возбудитъ сочувствіе нашихъ читателей, и мы почтемъ себя счастливыми, если успѣемъ сдѣлать болѣе общенародными точныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ и трудахъ Эрзерумскаго побѣдителя и храбрыхъ его сподвижниковъ. Намъ необходимо прежде всего ознакомить читателей съ Закавказьемъ.

Съ запада, древній Эвксинскій Понтъ, нынѣшнее Черное Море, съ востока, море Каспійское, сближаются одно къ другому, и образуютъ перешеекъ земель, называемый Кавказскимъ, по имени огромныхъ горныхъ цѣпей, которыя разстилаются по этому перешейку на тысячу сто верстъ въ длину, съ сѣверо-запада къ юго-востоку, отъ Таманскаго до Апшеронскаго полуострова. Сѣверный крутой обломъ этого хребта, вообще вчетверо превышающаго Уральскій хребетъ, граничитъ степями нашихъ южныхъ областей; отсюда на югъ идутъ горы безчисленными вѣтвями, почти на двѣсти верстъ; тамъ главная сѣверо-западная цѣпь, древнія Вороньи Горы, montes Coraxici, очерчиваетъ Грузію, а юго-восточная, дре-

Digitized by Google

вніе Молпійныя Горы, montes Ceraunici, перерѣзываетъ приморье Дагестанское. Далѣе къ югу, гдѣ Кавказскій перешеекъ расширяется и граничитъ съ Персіею и Азіятскою Турціею, другія цѣпи горъ примыкаютъ хребтами Араратскимъ, Чильдырскимъ, Алагезскимъ, Безобдальскимъ, Имскъ-Майданскимъ и Карабахскимъ. И Кавказъ и эти южныя горы подымаются къ небу нѣсколькими великанами, увѣнчанными вѣчнымъ снѣгомъ, – Эльбурзъ почти до 18.000 футовъ, Казбекъ болѣе чѣмъ на 17.000, Араратъ болѣе чѣмъ на 16.000; но главную характеристику всего Кавказскаго перешейка составляютъ горы, проникающія въ Персію и Азіятскую Турцію. Между этими-то горными хребтами лежатъ населенныя плоскости и высокія долины. Направленіе горъ опредѣляетъ теченіе рѣкъ: однѣ льются съ нихъ въ Черное, другія въ Каспійское море; однѣ выходятъ изъ нѣдръ Кавказа, другія изъ южныхъ горныхъ хребтовъ. Къ числу вторыхъ относятся двѣ главныя рѣки, – Кура, выходящая изъ Саганлукскихъ горъ и впадающая въ Каспійское море, и Аракъ, который течетъ южнѣе и вливается въ Куру. Съ Кавказа, льются въ Куру Іора (древній Камбизъ), Арагва, Алазань, Аксу; въ Каспійское Море Самуръ (древній Албанъ), въ Черное Хопи, Ингури, Ріонъ, Цхенисъ-Цхале (древній Гиппій).

Всѣ эти области и горы Кавказскаго перешейка бывали проходомъ для безчисленныхъ племенъ съ юга на сѣверъ и съ сѣвера на югъ, мѣстомъ битвъ древнѣйшихъ временъ, мѣстомъ разсѣянія и осѣдлости народовъ. Самыя названія здѣшнихъ странъ такъ многократно измѣнялись, что имена Колхиды, Иверіи, Албаніи, Лазіи, Арменіи, остаются предметомъ ученыхъ споровъ. Здѣсь слѣды Кимвровъ, Скиѳовъ, Митридатова царства, Греческихъ, Римскихъ завоеваній, Хазаръ, Монголовъ, Гунновъ, Аваровъ, множества другихъ народовъ, даже невѣдомыхъ исторіи.

Digitized by Google

Новѣйшая географія застала тѣснины Кавказа, обращенныя къ Русскимъ областямъ, жилищемъ множества разноплеменныхъ народовъ, вообще извѣстныхъ подъ именемъ Горцевъ, или «Черкесовъ», то есть, Мятежниковъ. Далѣе на югъ, въ высокихъ долинахъ между горъ, образовалось нѣсколько небольшихъ христіанскихъ царствъ, подъ названіями Грузинскаго, Имеретинскаго, Карталинскаго, и прочая. Восточное, Каспійское приморье заняли полукочевые и осѣдлые мусульманскіе народы, а къ югу, съ запада придвинулись владѣнія Турецкія, съ востока Персидскія.

Въ этомъ состояніи нашла Кавказскій перешеекъ Россія, когда, послѣ политическаго своего образованія въ пятнадцатомъ вѣкѣ, начала раздвигаться на югъ. Еще къ Іоанну III присылали униженныя грамматы, Кавказскіе христіанскіе владѣтели, умоляя принять ихъ «подъ высокую, милостивую руку», и спасти отъ притѣсненій Турціи и Персіи. Съ подчиненіемъ Дона, съ завоеваніемъ Астрахани и стѣсненіемъ Крыма, при Іоаннѣ Грозномъ Горскіе князья во множествѣ покорялись Россіи, пріѣзжали въ Москву служить царямъ, крестились и возобновляли древнія связи тѣхъ временъ, когда Русскіе князья женились на Обезскихъ и Черкесскихъ княжнахъ, а сынъ Боголюбскаго властвовалъ въ Грузіи, бывши супругомъ славной тѣхъ странъ царицы. Громады Кавказа представляли непреоборимое препятствіе къ сообщеніямъ; сношеніе Русскихъ началось по Каспійскому приморью; мы завоевали себѣ по этому берегу города; уже Грузія и Карталинія признавали власть нашу; но при Годуновѣ всѣ начала владычества нашего за Кавказомъ погибли отъ усиленія Турковъ, распространившихъ между Горцами исламизмъ. Мы ограничивались только торговлею съ Закавказскими землями черезъ Астрахань.

Digitized by Google

Со времени завоеванія Крыма Турками, начались наши сношенія съ Оттоманами, но только въ концѣ семнадцатаго столѣтія Русскіе вступили въ непосредственныя сношенія и битвы съ этими побѣдителями Византіи, которыхъ суждено было намъ укротить. Началось спорами за Азовъ, и потомъ съ подданствомъ Малороссіи, Русскіе сошлись съ Турками на Днѣпрѣ.

Какъ быстро измѣнились послѣ того событія, какъ страшно шагнула Россія! Можно ли было вообразить, что черезъ полтора столѣтія, когда мы не имѣли еще ни одного мѣстечка на Балтійскомъ Морѣ, гдѣ теперь наша великолѣпная столица, и ни одного мѣстечка на Черномъ Морѣ; когда орды Татарскія кочевали до Астрахани, и царствовали въ Крыму, Турки были на Днѣпрѣ; граница на западъ находилась подлѣ Кіева, а набѣги Татаръ простирались до Курска, — что половина, почти двѣ трети береговъ Эвксинскихъ будутъ наши, въ Крыму нашъ роскошный садъ; на мѣстѣ Гаджи-Бея столица южной Россіи Одесса; что мы вполнѣ будемъ владѣть Кавказомъ, дойдемъ до Царьграда, возьмемъ Эрзерумъ; что Персія и Турція будутъ передъ нами покорны, ничтожны; что мы спасемъ Султана отъ гибели!.....

Началъ нашъ великій Петръ: чего не началъ онъ, и гдѣ не встрѣтимъ мы его имени? Заложивъ Петербургъ на сѣверѣ, онъ думалъ объ югѣ. Утративши, по обстоятельствамъ, берега Чернаго Моря, Петръ провидѣлъ выгоды и важность владѣній за Кавказомъ. Онъ самъ отправился туда изъ Астрахани, сталъ на Дагестанскомъ берегу, и въ 1723 году утвердилъ за Россіею Каспійское приморье на тысячу верстъ отъ устья Терека до Решта.

Преемники Петра не поддерживали его предпріятій за Кавказомъ. Нездоровое приморье не приносило видимыхъ выгодъ, въ настоящемъ, и земля, гдѣ погибло отъ дѣйствій климата, въ двѣнадцать лѣтъ сто

Digitized by Google

тридцать тысячъ солдатъ, гдѣ безпрерывно надобно было сражаться, когда между-тѣмъ въ Персіи явился грозный Надиръ-Шахъ, было отдано въ 1735 году Персіи, и на тридцать пять лѣтъ имя Русское опять исчезло за Кавказомъ.

Къ предмету нашему не относится изложеніе политическихъ отношеній къ Персіи и Турціи съ того времени. Оба эти государства спорили между собою о Закавказскихъ областяхъ, а христіанскіе народы перешейка снова умоляли насъ о спасеніи, особливо когда сильное вліяніе Турціи простерлось на Горцевъ, которыхъ области заключали въ себѣ Анапу и другія крѣпости по берегу Чернаго Моря, а паши Турецкой Азіи сжимали между-тѣмъ христіанскія владѣнія съ юга. Императрица Екатерина заставила Турцію дорого заплатить за всѣ прежнія уступки наши. Завоевавъ Крымъ и сѣверные берега Чернаго Моря, громя Турковъ за Дунаемъ, она истребила остатки Татарскаго владычества въ южной Россіи, загородила тамъ границу отъ Горцевъ Кавказскою линіею и Черноморскими казаками, и съ 1770 года возобновила предпріятія за Кавказомъ. Генералъ Тотлебенъ ходилъ тогда помогать Грузинамъ, и бился съ Турками. Въ 1775 году, генералъ Медемъ являлся въ Дагестанѣ. Въ 1785, Грузія и Имеретія признали власть Россіи. Черезъ годъ, шамхалъ Тарковскій вступилъ въ наше подданство. Спустя десять лѣтъ, Дербендъ и Баку послѣдовали примѣру шамхала. Бѣдствія Грузіи при нашествіи Персіянъ въ 1795 году, были поводомъ къ предпріятіямъ обширнѣйшимъ: походъ славнаго *Кызылъ-аяга*, «Золотой-ноги», какъ прозвали за Кавказомъ графа Зубова, утвердилъ за нами Ширвань, Шеку, Карабагъ. Съ тѣхъ поръ, мы безпрерывно бились и сбили наконецъ Персіянъ съ Кавказскаго перешейка: славныя дѣйствія Циціанова и Котляревскаго остались въ памяти востока. Въ 1801 году Грузія бы-

Digitized by Google

ла вполнѣ присоединена къ Россіи, и войско наше начало постоянно охранять ее; въ 1802, принятъ въ подданство Ханъ Аварскій; въ 1803, завоеваны Ганжа и Шамшадилъ; въ 1804, Мингрелія сдѣлалась частію Россіи; съ 1806 года Русскіе навсегда заняли Дербендъ и Баку, а черезъ два года Кубу. Въ 1809 году покорились намъ, Абхазія и Гурія. Гюлистанскій миръ 1813 года былъ первою эпохою крѣпкаго владычества нашего за Кавказомъ. Туркманчайскій трактатъ составляетъ окончательную эпоху, когда Эривань и Нахичеванъ образовали нашу «Армянскую область» и совершенно обезопасили насъ отъ Персіи.

Во все это время, съ самаго похода Тотлебена въ 1770 году, нѣсколько разъ сходились мы за Кавказомъ грудь съ грудью съ Турками. Кромѣ спора за вліяніе Турковъ на Кавказскихъ Горцевъ, и за Анапу, гнѣздо разбойниковъ, мы еще сблизились южными границами съ Азіатскою Турціею. Въ царствованіе Екатерины, и при каждой войнѣ на Дунаѣ начинались мелкія битвы съ Турками за Кавказомъ. Удаленіе Закавказья, опасеніе отъ Персіи, мѣстныя обстоятельства, малочисленность нашего охраннаго войска, все это дѣлало непріязнь нашу Туркамъ незначительною. Памятными военными событіями остались разбитіе ихъ на Кубани въ 1790 году, взятіе Анапы въ 1791, разбитіе Сераскира при Тихнисѣ въ 1807, послѣ неудачныхъ покушеній на Карсъ и Ахалкалахъ; взятіе Поти въ 1809 году, морскія экспедиціи на Сухумъ-Кале, Гребизондъ и Суджукъ-Кале въ 1810 году, когда генералъ Тормасовъ безуспѣшно осаждалъ Ахалцыхъ. Въ 1811, летучій приступъ Котляревскаго схватилъ крѣпость Ахалкалахъ въ виду изумленныхъ Турковъ; но это былъ набѣгъ, не война.

По окончаніи дѣла съ Персіянами, въ 1828 году, вотъ въ какомъ положеніи были мы относительно къ Туркамъ: начиная отъ береговъ Чернаго Моря, гра-

Digitized by Google

пица наша шла, болѣе нежели на пять сотъ верстъ, до Персидской границы, въ смѣжности съ подвластною Туркамъ Анатоліею и Арменіею. Кромѣ естественнаго укрѣпленія горными хребтами, безпутицею въ горахъ и трудностью въ переправахъ черезъ рѣки, Турки защищали еще свои пограничныя области множествомъ крѣпостей, каковы Поти, Ацхуръ, Ахалцыхъ, Ахалкалахъ, Карсъ, Баязетъ, и другія, а прежніе походы Русскихъ въ эти области показывали рѣшительную невозможность воевать среди неприступныхъ горъ, полудикихъ ордъ Курдовъ и Лазовъ, сильныхъ крѣпостей, недостатка въ продовольствіи, отсутствія сообщеній съ Закавказскими нашими областями, когда въ тылу остаются Кавказскіе Горцы, съ юго-востока грозятъ Персіяне; всегдашній ходъ дѣлъ заставляетъ насъ стоять на военной ногѣ въ самыхъ областяхъ, и мѣстоположеніе лишаетъ всякой возможности подкрѣпить себя сильнѣйшими средствами изъ Россіи.

Въ такихъ-то обстоятельствахъ, несмотря, на все великодушіе Русскаго Монарха, на Лондонскій трактатъ и Наваринскую битву, фанатическій Хатти-шерифъ султана, 8 декабря 1827, принудилъ Россію къ войнѣ. Царь Русскій объявилъ ее 14 апрѣля 1828, и 30 числа войско наше въ Европѣ перешло Дунай. По предварительному плану опредѣлено было начать въ одно время войну и въ Азіятской Турціи. Надобно ближе узнать Закавказье: это покажетъ намъ и средства исполненія плана и цѣну дѣйствій полководца, которому ввѣрено было тогда, вмѣстѣ съ управленіемъ Областью, сохраненіе чести Русскаго оружія въ той сторонѣ во время тяжелой войны, начинавшейся вслѣдъ за тѣмъ, какъ едва кончилась война съ Персіей, еще колеблющейся въ невольной дружбѣ съ нами.

Мы видѣли, что Закавказскія земли, начиная съ Черноморья и Кавказской сторожевой Линіи, гдѣ вы-

Digitized by Google

сятся сѣверные хребты, можно раздѣлить на три части: первую составляютъ въ неприступныхъ твердыняхъ и ущельяхъ Кавказа, широкою полосою раздвинувшіеся горскіе народы, или Черкесы, занимающіе мѣста отъ одного моря до другаго. За ними слѣдуетъ широкая полоса черезъ весь перешеекъ: это наши Закавказскія владѣнія, съ которыми съ юга граничатъ, третьею полосою, къ востоку Персія, къ западу Турція. Ширину первой полосы, можно положить до ста пятидесяти верстъ. Пространство второй полосы считаютъ въ длину болѣе восьми сотъ пятидесяти, въ ширину пять сотъ двадцать пять верстъ, или болѣе ста восьмидесяти тысячъ квадратныхъ верстъ поверхности.

Касательно первой полосы, опытъ показалъ невозможность совершеннаго покоренія фанатическихъ племенъ горцевъ, дышащихъ любовью къ дикой свободѣ и ненавистью къ христіанамъ и Русскимъ, выше смертнаго страха, страстныхъ къ набѣгу, укрытыхъ горами, превосходныхъ стрѣлковъ, враждебныхъ между собою, кровожадныхъ при войнѣ, вѣроломныхъ въ мирѣ. Надобно было удовольствоваться тѣмъ чтобы оградить отъ нихъ Русскія владѣнія съ юга и сѣвера, тѣснить ихъ въ горахъ, отнять у нихъ средства пособій Турецкихъ, — что и достигнуто Адріанопольскимъ трактатомъ, по которому всѣ Турецкія крѣпости по восточному берегу Чернаго моря перешли во власть Россіи, — мириться держа оружіе въ рукахъ, воевать грозно и опустошительно малыми отрядами, тяжко наказывать за каждое покушеніе на хищничество и обиду, поставивъ противъ нихъ нѣсколько крѣпостей въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Всѣми этими средствами обезопасились, по-возможности, два единственные проѣзда черезъ Кавказъ изъ Россіи. Одинъ изъ нихъ идетъ по Каспійскому приморью, на тысячу двѣсти верстъ, черезъ Моздокъ, Кизляръ и Дербендъ: это

Digitized by Google

древнія «Каспійскія Ворота»; другой, кратчайшій, называемый Военно-грузинскою дорогою, слѣдуетъ черезъ Дарiельское ущелье, подымаясь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до полуторы тысячи футовъ, но имѣющій протяженія только на двѣсти восемьдесятъ верстъ.

Напротивъ, вторая полоса, или собственно Закавказскія наши области, по занятіи ихъ нами, постепенно были приводимы, и наконецъ приведены въ гражданское устройство, сколько позволили это сдѣлать недавность владычества и самая мѣстность. Нынче эти земли составляютъ шесть отдѣловъ:

I. Грузія, или соединенныя области Кахетія, Карталинія, Сомхетія, съ столицею древнихъ Грузинскихъ царей, Тифлисомъ, съ мусульманскими и Армянскими областями – Борчалинскою, Казахскою, Шамшадильскою, Елисаветпольскою, Бомбакійскою, Шурагельскою, Осетинами, Туешріею, – центральное мѣсто Закавказья, – 55,000 квадратныхъ верстъ и 225,000 жителей.

II. Имеретія, съ Мингреліею и Абхазіею, которыя управляются черезъ подвластныхъ намъ князей, изъ рода Дадіяновъ и Ширвашидзе; съ Гуріею, гдѣ до 1829 года также былъ свой князь, – лѣвая сторона Закавказья, къ Черному Морю, – 44,000 квадратныхъ верстъ и 220,000 жителей.

III. Мусульманскія провинціи, – юго-западное Каспійское прибрежье, – ханства Шекинское, Карабахское, Ширванское и Талышинское; 45,000 квадратныхъ верстъ, и 200,000 жителей.

IV. Дагестанъ, – сѣверо-западное Каспійское прибрежье, – съ областями Бакинскою, Кубинскою, Дербендскою, ханствами Кюринскимъ, Казикумыкскимъ, Аварскимъ, шамхальствомъ Тарховскимъ, Табассараномъ, и прочими участками; 50,000 квадратныхъ верстъ, и 250,000 жителей.

V. Армянская Область, – на юго-западъ отъ Гру-

Digitized by Google

зіи и Карабаха: это Эривань и Нахичеванъ, послѣднія пріобрѣтенія наши отъ Персіи; 20,000 квадратныхъ верстъ, и 100,000 жителей.

VI. Въ послѣдствіи, между Дагестаномъ и Грузіею отдѣльно устроена Лезгинская Область, 15,000 квадратныхъ верстъ и 70,000 жителей: но это было частное административное распоряженіе.

Въ объемѣ второй полосы Кавказской, живетъ, такимъ образомъ, милліонъ народа, изъ котораго двѣ трети мусульмановъ и треть христіанскаго исповѣданія.

Роскошно надѣлила природа все это пространство своими дарами. Баснословная область древняго золотаго руна, сосѣдка тѣмъ мѣстамъ, гдѣ люди назпачали мѣсто земнаго рая, Закавказская страна производитъ все, что составляетъ богатство самыхъ благословенныхъ климатовъ. Шелкъ, красильныя растенія, сахарныя трости, хлопчатая бумага, виноградъ могутъ производиться обильно; хлѣбъ родится иногда самъ-сорокъ, даже самъ-шестьдесятъ. Моря, съ двухъ сторонъ окружающія Кавказъ, представляютъ средство къ сообщенію съ сѣверомъ и югомъ; торговлѣ обширный разгулъ черезъ Каспій и Черное Море, сухимъ путемъ не далеко въ середину Азіи, куда такъ сильно пробиваются Англичане изъ отдаленной Индіи.

Все это обѣщаетъ Россіи великія пособія въ будущемъ времени; но, въ тогдашнемъ положеніи, – до 1828 года, – уже около сорока лѣтъ подвластное намъ Закавказье мало приносило выгодъ, а требовало много пожертвованій, при чрезвычайной трудности управленія.

И во все это время Россія еще должна была силою оружія покорять себѣ Закавказье, тратить средства свои на перевозъ и содержаніе войскъ, учрежденіе крѣпостей, укрощеніе жителей, безпрерывно встрѣчая новыя препятствія и затрудненія, ведя войны съ

Digitized by Google

постороннимъ непріятелемъ слабымъ физическою силою, но сильнымъ по тому вліянію, какое онъ имѣлъ на Кавказскихъ туземцевъ, и опаснымъ по своей вѣроломной, хитрой политикѣ, Азіятскому характеру, ненависти къ христіанамъ и Русскимъ, наконецъ и потому, что онъ былъ дома, у себя, привычный къ климату, мѣстности, нравамъ, обычаямъ, — положительныя удобства, которыхъ донынѣ не было намъ возможности пріобрѣсть въ полной мѣрѣ.

Природа врагъ человѣку, пока онъ не побѣдитъ ея и не подчинитъ требованіямъ своей общественной жизни. Здѣсь, въ нѣкоторомъ смыслѣ, пригодно выраженіе поэта: «Богъ создалъ міръ, а украшаетъ его человѣкъ.» Дикая, богатая, мощная природа одушевляется только трудомъ и умомъ человѣка, и снова дѣлается грозною и гибельною, если запустѣетъ и одичаетъ въ его отсутствіе. Благословенныя страны Палестины «текли молокомъ и медомъ», когда рука человѣческая насаждала тамъ тѣнистыя смоковницы: она теперь — страна гнѣва Божія и терновника, лишившись труда и ума человѣческаго. Болота и пещаники закрыли нѣкогда тучныя, благословенныя пажити Италіи, и Сицилія сдѣлалась землей голода и бѣдности, потому только, что въ нихъ нѣтъ силы жизни общественной.

Послѣ этого понятно, почему Закавказье, дикое, запустѣлое, не знающее искуснаго труда, такъ долго являло страны непріязненныя, губительныя, тяжкія новому жителю, устроивавшемуся на могилахъ прошедшаго, подъ неукротимымъ владычествомъ своенравной природы.

Вообще первымъ препятствіемъ ко всему былъ климатъ. Лѣсистыя, болотныя, низкія къ приморьямъ, Закавказскія страны, только на возвышенныхъ мѣстахъ здоровы и сносны; но палимыя сорока градусами зноя, онѣ вообще гибельны своими болѣзнями,

Digitized by Google

жаромъ и заразительнымъ воздухомъ на низменныхъ мѣстахъ. Общее и отличительное дѣйствіе климата есть быстрое, и, такъ сказать, мгновенное разслабленіе организма при самомъ крѣпкомъ сложеніи; неумѣренные жары, производя сильную и продолжительную испарину, дотого изнуряютъ тѣло, что оно дѣлается неспособнымъ переносить самую незначительную стужу осенью и зимою, подвергаясь простудамъ и постепенному накопленію болѣзненнаго начала. Проливные осенніе дожди, переходы отъ низменнаго къ горному воздуху, умножаютъ опасность. Отсюда заразы и болѣзни, особенно лихорадки и горячки желчнаго свойства, со спячкою, при которой человѣкъ умираетъ въ оцѣпенѣніи. Сильныя и неимовѣрныя средства употребляются при леченіи, — меркурій, даже мышьякъ. По прекращеніи желчной горячки, при малѣйшей неосторожности, начинаются изнурительная лихорадка, водяная болѣзнь, кровавый поносъ, сухотка. Въ Имеретіи, Мингреліи, Гуріи, въ нѣкоторой части Дагестана, въ мусульманскихъ областяхъ, умираетъ пятый, даже четвертый человѣкъ изъ Европейцевъ, а больныхъ бываетъ свыше третьей части; въ Армянской области смертность поглощаетъ почти шестую ихъ долю ежегодно.

Страшный сынамъ холоднаго сѣвера, этотъ климатъ и въ туземцахъ производитъ лѣность, разслабленіе, неспособность къ физической и умственной дѣятельности, и эта неспособность еще усиливается вѣковою привычкою къ безнадежной, тревожной жизни востока. Присоедините къ этому малолюдство, пустоту, необитаемость земель. Кромѣ войскъ, и людей, составляющихъ военную и гражданскую администрацію, только тысячи двѣ колонистовъ, и кочевой народъ торговцевъ и промышленниковъ образуютъ здѣсь Европейское народонаселеніе. Остальное суть туземцы и Азіятскіе пришельцы изъ Турціи и Пер-

Digitized by Google

сіи. Деспотизмъ, мелкій, свирѣпый, безпощадный, и хищническое владычество Турковъ и Персіянъ, тяготѣли здѣсь цѣлыя столѣтія, и «завтра» не знали за Кавказомъ до самаго покоренія Россіей, которая начала благодѣтельное, политическое и гражданское, образованіе края. Пріученіе къ труду, возбужденіе дѣятельности, примѣръ выгодъ общественной жизни могутъ быть слѣдствіемъ только времени.

И кромѣ недавности владычества, кромѣ препятствій, климата, кромѣ всеобщей неохоты нашей ходить за добромъ далеко, думать о выгодахъ неизвѣстнаго края, когда вблизи, дома, у насъ есть еще столько средствъ и пособій для торговли, промышлености и колонизаціи, еще одно важное препятствіе останавливаетъ всякія предпріятія: это трудность переѣзда за Кавказъ и трудность сообщенія тамъ одного мѣста съ другимъ. Только черезъ Даріелъ и Дагестанъ, лежатъ туда пути, и они такъ трудны, что провозъ тягостей черезъ Даріелъ стоитъ нынче до пяти рублей съ пуда. Сообщенія моремъ требуютъ устройства обширнаго мореплаванія и пристаней, и притомъ, если берега Чернаго и Каспійскаго Морей представляютъ удобные порты, недостатокъ въ судоходныхъ рѣкахъ, отдаленность самихъ портовъ отъ центра края, горныя, трудныя и вовсе неустроенныя дороги, мѣшаютъ правильной системѣ сношеній. Только Кура, на разстояніи четырехъ сотъ верстъ отъ впаденія, Араксъ верстъ на девяносто, Ріонъ и Хопи, способны къ судоходству: всѣ прочія рѣки при чрезвычайно каменистомъ грунтѣ и быстромъ теченіи, измѣняя русло по нѣскольку разъ въ годъ, не только неспособны для сплава судовъ самаго малаго размѣра, но даже, въ весеннее время, едва представляютъ возможность къ переправамъ на паромахъ и плотахъ. Ближайшая Черноморская пристань отъ Тифлиса лежитъ въ 300, Каспійская въ 500 верстахъ.

Digitized by Google

Поти въ 312, Редутъ-Кале въ 340, Сухумъ-Кале въ 458, Св. Николая въ 324, Дербендъ въ 742, Низовая въ 696, Баку въ 509, Сальянъ въ 523, Ленкоранъ въ 658.

Все это, но особенно климатъ и трудность доставленій изъ Россіи, при недостаткѣ въ средствахъ продовольствія на мѣстѣ, заставляютъ содержать за Кавказомъ какъ можно менѣе войскъ. До 1803 года находилось тамъ не болѣе семи тысячъ человѣкъ; потомъ число это было увеличиваемо; но и теперь оно не превосходитъ тридцати тысячъ.

Присовокупимъ наконецъ политическое состояніе края. Хотя туземцы чувствуютъ уже благодѣтельность Русскаго правленія, однако трудно еще имъ отказаться отъ восточной недовѣрчивости къ чужимъ, отъ фанатизма, отъ прежняго образа отношеній къ правительству, котораго они боялись какъ вора, но съ которымъ свыклись, сжились, и благо имъ было,—противуполагая деспотизму хитрость, грабежу обманъ, беззаконію измѣну. Три важныя обстоятельства наиболѣе препятствовали намъ въ дѣлѣ добра и образованія; — различіе вѣръ между туземцами, происходящая отъ того взаимная ненависть мусульманъ, Армянъ и Христіанъ (Грузиновъ), и образъ частнаго управленія мѣстныхъ владѣтелей, честолюбивый, гордый, хищный, самоуправный. Русское правительство тщательно старалось сохранить законы, учрежденія, порядокъ, какіе заведены были здѣсь прежде. Такъ сохранены для Грузиновъ ихъ уложенія, для мусульманъ ихъ судъ по Корану, даже оставлена Грузинская монета: но слѣдовало пресѣчь злоупотребленія власти, истребить мелкихъ тирановъ, связать ихъ своеволіе, и долгого подчинить ихъ Русскимъ начальникамъ. Это сдѣлалось источникомъ множества оскорбленій для самолюбія, большой досады и гнѣва владѣльцевъ и ихъ прислужниковъ, и все

Digitized by Google

это готово было перейти въ мщеніе и ненависть. Вообразите притомъ силу фанатическаго расположенія духа мусульманина, въ такихъ обстоятельствахъ, и при ободряющемъ голосѣ изувѣрнаго магометанскаго духовенства. Но и единовѣрные намъ Закавказцы, по тѣмъ же причинамъ, неоднократно чувствовали въ себѣ охоту возобновить «Грузинскую ночь», избранную Грибоѣдовымъ для своей трагедіи. Этимъ безпрерывно старались воспользоваться Персія и Турція, которыя отъ всей души желали губить насъ не только своимъ оружіемъ, но еще измѣною, хитростью, возмущеніемъ нашихъ подвластныхъ, и часто успѣвали найти удобный случай, при глубокомъ невѣжествѣ и закоснѣлости повѣрьевъ туземцевъ.

Не только политическія обстоятельства въ настоящемъ, не только честь и безопасность Россіи, но и надежды будущаго оправдываютъ усилія, съ какими старалось и старается наше правительство укрѣпить власть Русскую за Кавказомъ. При многихъ счастливыхъ начинаніяхъ, при разныхъ вновь предполагаемыхъ мѣрахъ въ пользу Закавказья, послѣ утвержденія нашей власти послѣдними событіями, вотъ уже осуществляются и обширные виды на будущее. Правительство должно жить не для одного только настоящаго. Настанетъ время, когда торговля и промышленость сдѣлаютъ для насъ Закавказье источникомъ богатствъ, когда населеніемъ и обработкою уменьшится гибельность тамошняго климата, Европейская колонизація очеловѣчитъ полудикаго туземца, проложатся дороги, населятся города, насадятся плантаціи; но еще это время же настало, и не станемъ дивиться, что Закавказское владычество все еще стоитъ каждый годъ многихъ милліоновъ, хотя оно уже и начинаетъ давать частные способы прибытка. Итогъ дохода съ Закавказскихъ областей въ 1832 году, составлялъ не болѣе 4.500.000 милліоновъ, а расходы по

Digitized by Google

управленію простирались до 4.300.000 рублей, кромѣ пяти милліоновъ, отдѣльно отпускаемыхъ на расходы по военной части.

Этотъ обзоръ страны можетъ отчасти пояснить способы, средства, препятствія и мѣру трудностей, какія представлялись Русскому полководцу и правителю Закавказскихъ областей, когда ему надобно было начать войну въ 1828 году. Дополнимъ еще выпискою собственныхъ словъ нашего автора:

Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ положеніи страны, обязанность главнокомандующаго этимъ краемъ дѣлается и въ мирное время одною изъ самыхъ многотрудныхъ и чрезвычайно скользкихъ. Съ небольшимъ числомъ войска, онъ долженъ удерживать внутреннее спокойствіе обширныхъ областей; обезпечивать ихъ съ тылу отъ покушеній враждебныхъ, воинственныхъ горцевъ, дѣлая безпрерывныя экспедиціи, для наказанія или покоренія племенъ наиболѣе непріязненныхъ; на отдаленныхъ предѣлахъ государства онъ обязанъ поддерживать достоинство императорскаго оружія противъ двухъ сильныхъ сосѣдственныхъ державъ Азіи, которыя, по выгодамъ единовѣрчества, всегда имѣютъ возможность исполнять главную цѣль своей политики, — распространеніе въ народѣ неблагопріятнаго расположенія къ Русскимъ. Ему предлежитъ неослабное наблюденіе за прекращеніемъ всякихъ путей Персидскимъ и Турецкимъ агентамъ въ сношеніяхъ съ Закавказскими народами; твердое, справедливое управленіе многочисленными владѣльцами и почти независимыми обществами, и безконечная борьба съ воинственнымъ населеніемъ Кавказскихъ горъ, не говоря уже о попеченіи касательно сохраненія ввѣренныхъ ему войскъ, растянутыхъ на столь значительномъ пространствѣ, подъ вліяніемъ убійственнаго климата, въ безпрерывномъ оборонительномъ и наступательномъ положеніи. Миръ Россіи не есть миръ для Кавказскаго корпуса, и тогда какъ войска, расположенныя внутри имперіи, пользуясь спокойствіемъ, образуются постепенно въ своемъ наружномъ совершенствѣ, Закавказскій солдатъ, кромѣ почти безпрерывныхъ экспедицій и движеній, не только долженъ самъ выстроить

Digitized by Google

для себя жилище, лазаретъ и всѣ хозяйственныя полковыя обзаведенія, но даже развести огородъ для улучшенія своей пищи, приготовить фуражное продовольствіе казеннымъ и артельнымъ лошадямъ, — для чего другихъ средствъ не имѣется. Кто не былъ на-мѣстѣ, тотъ не легко этому повѣритъ. Закавказская служба — настоящая школа трудовъ, опасностей и отчужденія отъ выгодъ жизни. Открытіе войны еще болѣе увеличиваетъ затрудненія главнокомандующаго. Изъ небольшаго корпуса, растянутаго на значительномъ протяженіи, и въ половину ослабленнаго ежегодными болѣзнями, требуется составить дѣйствующіе отряды, какъ для наступленія на непріятеля, такъ и для удержанія въ краю спокойствія. Недостатокъ въ хлѣбныхъ произведеніяхъ затрудняетъ способы приготовленія продовольствія; тяжелыя сообщенія препятствуютъ быстрой его перевозкѣ, между-тѣмъ какъ по особеннымъ правиламъ Азіятцевъ всѣ непріязненныя дѣйствія начинаются обыкновенно сильнымъ вторженіемъ, безъ предварительнаго объявленія войны. Малѣйшій успѣхъ непріятеля ослѣпляетъ легкомысленный народъ, а въ случаѣ возстанія туземцевъ, помощь изъ Россіи удалена. Чума и неизбѣжныя съ нею карантинныя мѣры довершаютъ стѣсненіе края.»

Теперь мы можемъ перейти къ настоящему предмету превосходнаго сочиненія, которое доставило намъ эти любопытныя свѣдѣнія, то есть, къ описанію Закавказской войны 1828 и 1829 годовъ: ее нельзя было бы понять и оцѣнить вполнѣ безъ предварительнаго познанія мѣстности. Изъ очерка стороны, гдѣ должна была открыться новая война, читатели убѣдятся въ двухъ важныхъ истинахъ, — первой что полководецъ долженъ былъ соединить въ себѣ, при военномъ геніи, опытное глубокое познаніе людей, друзей и враговъ, съ которыми имѣлъ дѣло, и дѣйствовать вмѣстѣ какъ администраторъ, политикъ и воинъ, — а второе, что здѣсь не годилась обыкновенная тактика войны Европейской. Графъ Эриванскій доказалъ, что онъ хорошо знаетъ и эту тактику. Но здѣсь за него

Digitized by Google

была полная довѣренность Монарха, которая отдала въ его распоряженіе огромныя силы, за него стояли испытанные въ побѣдахъ ряды воиновъ, закаленныхъ въ зноѣ и холодѣ; а тамъ – мы видимъ, какія страшныя препятствія встрѣчалъ онъ въ самой мѣстности: и не должно думать, чтобы неустройство непріятельскихъ войскъ облегчало ему побѣду. Враги были многочисленны, были одушевлены изувѣрствомъ, и сотни Русскихъ шли противъ десятковъ тысячъ. Мы увидимъ съ какимъ безумнымъ отчаяніемъ сражались Турецкіе наѣздники, гордясь почти всегдашними въ прежнее время неудачами Русскихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ явился на битву съ ними нашъ смѣлый полководецъ.

Мы полагаемъ, что изложеніе Закавказско-Турецкой войны было бы не полно, если бы мы не представили также легкаго очерка прежней жизни славнаго воителя; жизни которая ручалась за успѣхъ болѣе всякихъ другихъ средствъ. Узнавши мѣсто будущей борьбы, узнаемъ кто долженъ былъ выступить здѣсь на гибель или жатву лавровъ, пока съ другой стороны Русскій громъ перекатывался на высотахъ Балкана.

Происходя отъ стариннаго и достаточнаго дворянскаго рода Полтавской губерніи, нынѣшній князь Варшавскій, графъ Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ-Эриванскій, Русскій генералъ-фельдмаршалъ и намѣстникъ царства Польскаго, родился въ Полтавѣ, мая 8, 1782 года. Онъ воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, и первый его опытъ военной службы былъ въ памятную кампанію 1805 года. Отсюда перешелъ онъ въ войска, дѣйствовавшія противъ Турковъ, гдѣ находился до самаго 1812 года. Отличившись въ битвахъ подъ Турбатомъ и Журжею, 1807 года, онъ посыланъ былъ въ Царьградъ, и однажды своей смѣлостью спасся въ маленькой лодкѣ, по бурнымъ волнамъ Чернаго Моря, въ

Digitized by Google

Варну, отъ преслѣдованія подозрительныхъ Турковъ. Ему тогда было двадцать пять лѣтъ. На Браиловскомъ приступѣ, рапили его жестоко; но онъ участвовалъ потомъ во всѣхъ главныхъ сраженіяхъ, подъ начальствомъ Багратіона и Каменскаго. Въ чинѣ полковника былъ онъ при взятіи Базарджика; Георгіевскій крестъ получилъ подъ Варною; чинъ генералъ-маіора за Ботынскую битву, 26 Августа, 1810 года. Наступилъ 1812 годъ, и успѣхи Паскевича явились замѣчательными даже тамъ, гдѣ открыто было поприще дарованіямъ и мужеству такого множества его сотоварищей. Дѣло подъ Дашковской, битва подъ Смоленскомъ, исполинское сраженіе подъ Бородинымъ, битва подъ Малымъ-Ярославцемъ, подъ Вязьмою, подъ Краснымъ, и послѣ того начальство надъ авангардомъ, вотъ достопамятныя событія, гдѣ геній Паскевича учился наукѣ побѣдъ, въ борьбѣ съ «первымъ солдатомъ въ мірѣ». Кутузовъ лично представилъ Паскевича Императору Александру въ Вильнѣ. Его ожидали новые труды, – блокада Модлина, кровавая Кульмская битва, снова начальство надъ авангардомъ, битва при Денау, подъ Дрезденомъ. Чинъ генералъ-лейтенанта былъ наградою участія его въ вѣковой битвѣ подъ Лейпцигомъ. Блокада Магдебурга и Гамбурга отвлекли его потомъ на время, но онъ опять явился подъ Arcis-sur-Aube, и съ высотъ Бельвиллльскихъ громилъ гордую столицу Франціи.

Такъ десять лѣтъ жизни Паскевича протекли въ безпрерывныхъ воинскихъ трудахъ и сраженіяхъ. Довѣренность Государя оказалась вполнѣ при избраніи Паскевича сопутникомъ Великаго Князя Михаила Павловича, въ путешествіе Его Высочества съ 1817 года въ Россіи, и потомъ въ Германіи, Голландіи, Англіи, Италіи, Австріи, Венгріи. Просвѣщеннымъ наблюдателемъ видѣли Паскевича тамъ, гдѣ нѣкогда встрѣчали грознымъ предводителемъ Русскихъ дружинъ. Въ

Digitized by Google

1823 году, Императоръ пожаловалъ уже заслуженнаго воина званіемъ генералъ-адъютанта. Вѣроломство Персіянъ, хищническое занятіе Карабага, Ширвани и Шекинскаго ханства, заставили Императора Николая начать въ 1826 году рѣшительную войну съ повелителемъ Персіи, и здѣсь открылось новое поприще, на которомъ суждено было Паскевичу показать самобытныя дарованія полководца.

Въ сентябрѣ 1826 года, Паскевичъ едва прибывшій въ Тифлисъ, по особенному назначенію Государя Императора, побѣжалъ на встрѣчу торжествующему непріятелю, и кто не помнитъ блестящаго дѣла, которымъ ознаменованъ былъ первый шагъ будущаго покорителя Адербиджана и Анатоліи? этой битвы Елисаветпольской, гдѣ съ четырьмя тысячами Русскихъ новый герой уничтожилъ тридцать пять тысячъ Персіянъ? Въ слѣдующемъ году побѣдителю передано было главное начальство въ Грузіи: дѣла, которыми онъ вскорѣ послѣ того утвердилъ уже навсегда свою славу, еще такъ свѣжи въ памяти всѣхъ насъ, что мы удовольствуемся исчисленіемъ только главнѣйшихъ событій, заставившихъ непріятеля не болѣе какъ черезъ шесть мѣсяцевъ смиренно просить мира. Мая 12 открыта была кампанія взятіемъ Эчміядзина, и за этимъ послѣдовали переходъ черезъ горы Безобдальскіе, осада Аббасъ-Аббада, битва Джеванъ-булакская, занятіе Сардаръ-Абада, осада Эривани, взятіе Тавриса, Хои, Аланджака, Арбедиля, походъ на столицу Персіи. Вотъ подвиги, за которые титулъ «графа Эриванскаго», признательность мудраго Монарха и всего отечества и любовь храбрыхъ были его наградою.

Въ слѣдующей статьѣ, мы приступимъ прямо къ описанію блестящихъ дѣйствій въ Азіатской Турціи.

Digitized by Google

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ІЮНЬ, 1836.

НОВЫЯ КНИГИ.

СТИХОТВОРЕНІЯ Владиміра Бенедиктова. *Второе изданіе. СП.-бургъ, въ тип. Гинце, 1836, въ-8., стр. 130.*

Мы привѣтствовали поэтическія начала Г. Бенедиктова ласково и усердно, когда въ первый разъ появились его «Стихотворенія». Послѣ того много утекло воды, еще болѣе стиховъ, на бѣломъ свѣтѣ! Г. Бенедиктовъ былъ превознесенъ нѣкоторыми критиками до небесъ, другими разбраненъ очень невѣжливо; и вотъ онъ, несмотря на похвалы, которыя презираетъ, и на брань, за которую чувствительно благодаренъ, является уже во второмъ изданіи. Надобно знать, что съ Г. Бенедиктовымъ случилось большое несчастіе: его стихи были, говорятъ, непомѣрно похвалены въ какомъ-то журнальцѣ, котораго брань слыветъ въ публикѣ вѣрнымъ признакомъ высокаго достоинства книги, и обратно. У насъ естъ одинъ такой журналецъ свой, проданный намъ тѣломъ и душею, съ которымъ мы заключили формальный контрактъ, на весьма выгодныхъ для него условіяхъ, чтобы онъ, подъ видомъ литературныхъ замѣтокъ, или какъ-нибудь другимъ образомъ бранилъ Б. для Ч. въ каждомъ своемъ листочкѣ: однажды, этотъ журналецъ, — ужъ не скажемъ который! какая нужда вамъ знать его имя? — въ исполненіе договора изливъ всю свою желчь на наше изданіе, забранился изъ усердія дотого, что напечаталъ, будто-бы мы въ нынѣшнемъ году потеряли полторы тысячи подписчиковъ и, — что жъ вы думаете, — на другой день лишнихъ полторы тысячи человѣкъ подписались на Б. для Ч.! Похвали же онъ

Digitized by Google

хоть разъ, хоть въ шутку, мы бы навѣрное потеряли тысячи три читателей. Скажутъ, что это съ нашей стороны не хорошо, что мы поддѣваемъ публику. Что жъ дѣлать! Aide-toi, le ciel t'aidera, говоритъ пословица; надо пользоваться всѣмъ, и брать у *этакихъ* журнальцевъ, что у нихъ есть. Въ ихъ лавочкѣ нѣтъ другаго товару, кромѣ брани: мы беремъ у нихъ брань, *для* себя, *для* своей пользы и своего удовольствія. Это позволительная сдѣлка. Вотъ именно одинъ такой журналецъ, говорятъ, безпощадно разхвалилъ «Стихотворенія» Г. Бенедиктова. Ежели это правда, то стихи Г. Бенедиктова должны быть чистаго золота, когда похвала подобнаго журнальца не уронила ихъ и они могли выйти вторымъ изданіемъ! И дѣйствительно они блестятъ какъ золото. Нѣтъ сомнѣнія, что ни одинъ изъ нашихъ поэтовъ не придаетъ столько блеску своему стиху, какъ Г. Бенедиктовъ. И притомъ всякое новое его произведеніе запечатлѣвается новыми болѣе и болѣе высокими достоинствами, которыя такъ счастливо извѣстили о себѣ недавно первымъ собраніемъ плодовъ его музы. Публика воздала честь этому блистательному началу, мы присоединили нашъ слабый голосъ къ общему одобренію; остается только поздравить Русскую словесность съ пріобрѣтеніемъ такого таланта. Подвизайтесь, молодой поэтъ, на славномъ поприщѣ, которое вы несомнѣнно украсите своей звучной и мерцающей всѣми цвѣтами фантазіей, совершенствуйте свое дарованіе, пожинайте безсмертныя лавры: отъ всей души желаемъ вамъ успѣховъ и какъ-можно болѣе враговъ. Только тогда вы будете славны въ полной мѣрѣ. Путь на Парнассъ заваленъ терномъ, но не унывайте: великая, хоть поздняя, награда всегда ждетъ высокое дарованіе; она не минуетъ и васъ, и, когда вы превзойдете самого себя, когда ваше перо создастъ что-нибудь истинно великое, будьте увѣрены, тотъ самый журналецъ, — тотъ, — что хвалилъ, — разругаетъ васъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Какихъ усилій не сдѣлаетъ душа, благородная и поэтическая, чтобы достигнуть подобнаго вѣнца!.....

ВРЕМЯ НЕ ПРАЗДНО. *Стихотворенія крестьянина* М. Суханова. *СП.-бургъ, въ тип. Вингебера, 1836, въ-12., стр. 112.*

Digitized by Google

«Поэтъ-самоучка», говорятъ нѣкоторые, когда говорятъ о Слѣпушкинѣ, Сухановѣ, и другихъ литераторахъ, принадлежащихъ къ простонародному званію, между которыми прасолъ Кольцовъ имѣетъ даже рѣшительное, неподдѣльное дарованіе. Но развѣ поэзіи можно научиться у *другихъ?* «Поэтъ неученый», говорятъ еще. Да развѣ поэту должно быть ученымъ? Скажите, — поэтъ-крестьянинъ, поэтъ-мѣщанинъ, поэтъ-купецъ, — вотъ это понятно; это будетъ значить, что искра поэзіи падая съ небесъ, запала въ какое-нибудь сельское убѣжище, въ мастерскую цеховаго, въ лавку торгаша, и счастливецъ, котораго душу обожгла она въ этихъ закоулкахъ, запѣлъ, — запѣлъ вольно, прекрасно, какъ поетъ птица Божья, не зная ни гаммъ, ни діезовъ, ни бемолей. Не такимъ ли самороднымъ поэтамъ одолжены всѣ народы своими простонародными и первобытными пѣснями? Не они ли изливали душу и у насъ въ очаровательныхъ звукахъ — «Растоскуйся, моя сударушка, разгорюйся», — «У насъ было на улицѣ», — «Не бѣлы-то снѣги забѣлѣлись»? Но не должно смѣшивать съ такими поэтами Гг. Слѣпушкина, Суханова и другихъ, которые издавали и издаютъ книжки стихословныя, составленныя изъ самородныхъ идиллій, элегій, одъ, эпиграммъ, басенъ, посланій, и прочаго. Правда, что они тоже поютъ какъ птицы Божіи, безъ гаммъ, безъ діезовъ, безъ бемолей (мы и тутъ отличаемъ отъ нихъ Г. Кольцова). Если бъ птицы писали эпиграммы, онѣ навѣрное писали бы ихъ какъ Г. Сухановъ. Басни тоже какъ Г. Сухановъ. Элегіи тоже. И мы бъ тогда, вѣроятно, не ходили гулять въ поле, чтобъ не слышать этихъ птичьихъ эпиграммъ, басенъ, элегій, посланій, и не быть принужденными давать объ нихъ наше мнѣніе.

ХВАЛЕБНОЕ ПРИНОШЕНІЕ ВѢРЫ *новопрославленному Святителю Митрофану, Епископу Воронежскому. Стихотвореніе въ пяти пѣсняхъ. Москва, въ тип. Университетской, 1836, въ-8., стр. 119, съ портретомъ Святителя Митрофана.*

Каждый христіанинъ оцѣнитъ благоговѣйное усердіе автора, который притомъ можетъ быть увѣренъ, что книга

Digitized by Google

его будетъ понята сердцемъ читателя, проникнутаго ея высокимъ и святымъ предметомъ.

ПАТРІОТИЧЕСКІЯ ПѢСНИ. *Сочиненіе* М. Максимова. *СП.-бургъ, въ тип. Крайя, 1836, въ-4., стр. 8 и двѣ страницы нотъ.*

Вотъ, что сдѣлалъ Г. Максимовъ, поэтъ и музыкантъ, какъ видно изъ пѣсенъ и нотъ, желая написать пѣсню «Воспоминанія Русскаго воина»: онъ взялъ «воспоминанія Русскаго воина» изъ «воспоминаній Французскаго воина», то есть, изъ извѣстной пѣсни Беранжѐ — «Помнишь ли ты, храбрый воинъ», и еще не изъ Французскаго подлинника, но изъ рукописнаго Русскаго подражанія этой пѣснѣ. Это — самый новый и удобнѣйшій способъ вспоминать безъ утружденія своей памяти. Далѣе Г. Максимовъ подражаетъ слѣдующимъ образомъ: первая его пѣсня — явное подражаніе Державину; третья — явное подражаніе Ѳ. Н. Глинкѣ; бумага зелено-желтоватаго цвѣта, на которой напечатана вся брошюра — самое явное подражаніе Московскимъ Вѣдомостямъ: но тутъ по-крайней-мѣрѣ подражаніе своимъ. Какъ бы то ни было, чувства, которыя выражаются въ этихъ трехъ пѣсняхъ, всегда найдутъ себѣ открытый путь къ Русскому сердцу, и музыкально-поэтическое приношеніе Г. Максимова должно быть съ благодарностью положено на алтарь Отечества.

ЭВТЕРПА. *Подарокъ любителямъ и любительницамъ пѣнія. Собраніе новѣйшихъ романсовъ и пѣсенъ. Изданіе второе. Москва, въ тип. Пономарева, 1836, въ-12., стр. 116 и III.*

«Подарокъ»? Какой же это подарокъ, когда на оберткѣ напечатано — «Цѣна 4 рубля»? И за что четыре рубля? За чужія стихотворенія, которыя издатель уже второй разъ печатаетъ, какъ водится, безъ дозволенія авторовъ. Хорошъ способъ давать подарки! Аксіома: кто даритъ чужія вещи, тотъ долженъ по-крайней-мѣрѣ дѣлать выборъ съ большею разборчивостью и не печатать «подарковъ» такъ неопрятно.

Digitized by Google

МАЛОРОССІЙСКІЯ повѣсти Петра Бурломскаго. *СП.-бургъ, въ тип. Крыловскаго, 1836, въ-16., стр. 221.*

«Въ бытность мою въ Малороссіи, говоритъ въ предисловіи авторъ, я любилъ проводить длинные осенніе вечера въ кругу добрыхъ помѣщиковъ того края, и на нихъ (на помѣщикахъ) въ фантахъ цѣловаться съ барышнями, а отъ пожилыхъ (барышенъ или помѣщиковъ) выслушивать разсказы о произшествіяхъ бывалыхъ встарину, а можетъ-быть и созданныхъ воображеніемъ (старыхъ барышенъ или помѣщиковъ). Изъ этихъ разсказовъ, три, изложивши *на бумагѣ* (хорошо, что на бумагѣ), предлагаю читателю; и *есть-ли* (то есть, если) *онѣ* не задремлетъ на первой *ихъ* страницѣ, и *есть-ли* (то есть, если) въ минуты бездѣлья, *они* хоть нѣсколько развлекутъ *его*, то я вполнѣ буду *доволенъ успѣхами своего* неопытнаго и неискуснаго *пера*.»

Пожелайте же автору довольства отъ «успѣховъ пера» и отъ разсказовъ «изложенныхъ на бумагѣ». Между-тѣмъ позволительно спросить его — зачѣмъ разсказываетъ онъ небылицы? Гдѣ и когда автору удавалось «цѣловаться съ Малороссійскими барышнями»? Гдѣ и когда слыхалъ онъ отъ старыхъ барышенъ или помѣщиковъ «того края» разсказы, въ родѣ тѣхъ, которые названы имъ Малороссійскими повѣстями? Да и гдѣ видалъ онъ старыхъ барышень въ Малороссіи?..... Скажите, барышни, скажите, почтенные помѣщики Малороссійскіе, разсказывали ль вы когда-нибудь господину Петру Бурломскому такую повѣсть, примѣромъ сказать:

Два офицера закурили трубки. Пхъ!.... отворите всѣ окна! эти повѣствчики такъ накурили въ Русской словесности, что уже нельзя дышать. Два офицера закурили трубки, поѣхали, сбились съ дороги, заѣхали на уединенный хуторъ, увидѣли тутъ молоденькую хохлачку. Одинъ продолжалъ курить, а другой сталъ хвалить хохлачку по-Французски и потомъ заигрывать съ нею. Хохлачка заплакала. Шутникъ забылъ волокитство, тотчасъ смертельно въ нее влюбился, заставилъ ее разсказать «повѣсть» о томъ, какъ злая мачиха завезла ее, дворянку, дѣвушку взрослую, знающую по-Французски, на этотъ хуторъ, одѣла въ грубое платье, застращала, не велѣла никому сказывать своего имени, и вотъ вы видите, отчего бѣдная Моруся живетъ на хуторѣ, какъ работница, и разсказываетъ о себѣ первому, кто ей встрѣтится. Офицеры

Digitized by Google

выкурили, выслушали, взяли, подхватили, посадили переодѣтую дворянку съ собою въ сани, привезли къ сосѣду помѣщику, и одинъ изъ офицеровъ женился на ней, — тотъ, что̀ волочился, а не тотъ, что̀ курилъ, — и повѣсти конецъ.

Скажите, почтенные Малороссійскіе помѣщики, неужели у васъ случаются такія нелѣпости, и неужели вы ихъ разсказываете кому-нибудь, между-тѣмъ какъ дочерей вашихъ цѣлуютъ въ фантахъ? Мы утверждаемъ, что господинъ Петръ Бурлюмскій взводитъ на васъ неправду,— *дали богъ неправду!* Онъ выдумалъ; вы и не думали разсказывать ему ни «Маруси», которой слышали содержаніе, ни двухъ другихъ повѣстей, которыя, неизвѣстно съ чего, названы также Малороссійскими, хотя героинь зовутъ въ нихъ, одну *Леокадіей*, а другую *Элеонорою*. Придетъ же въ голову выдумывать такія вещи!

Если (положимъ даже — *есть-ли*) господинъ Петръ Бурлюмскій пошутилъ, и назвалъ свои повѣсти «Малороссійскими» такъ, ни съ чего, только для «успѣха пера», то хороши ли онѣ, по-крайней-мѣрѣ, просто какъ повѣсти? Вы видѣли содержаніе одной изъ повѣстей: двѣ другія немножко, самую бездѣлицу, похуже этой; а изъ приведеннаго предисловія всѣмъ и каждому позволяется судить о слогѣ автора по своему благоусмотрѣнію.

РАЗСКАЗЫ ДЯДИ ПРОКОПЬЯ, *изданные* А. Ефичевымъ. *СП.-бургъ, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1836, въ-12., стр. 232.*

Одинъ изъ этихъ разсказовъ былъ недавно напечатанъ въ Б. для Ч. подъ заглавіемъ «Любовь бѣдныхъ людей», и, сколько мы знаемъ, весьма понравился публикѣ. Но вотъ странное обстоятельство! Есть писатели, которые пишутъ прекрасно въ одной только Б. для Ч. Когда они печатаютъ въ Б. для Ч., слогъ ихъ живъ, плавенъ, разнообразенъ, обороты ихъ исполнены ловкости и вкуса, содержаніе мило и порой остроумно; но пусть только напечатаютъ они въ другомъ мѣстѣ то же самое или что̀-нибудь новое, всѣ эти качества вдругъ улетаютъ изъ-подъ ихъ пера. Ежели это не

Digitized by Google

колдовство, такъ ужъ вѣрно слѣдствіе особеннаго качества бумаги, на которой печатается Б. *для* Ч.! Правда, что есть примѣры статей Б. *для* Ч., которыя были признаны превосходными даже записными ея клеветниками, и, бывъ потомъ перепечатаны отъ слова до слова на другой бумагѣ, выходили такъ же хороши въ особой книгѣ какъ и ея страницахъ, хотя другія, новыя, сочиненія тѣхъ же писателей, присоединенныя къ этимъ перепечатаннымъ статьямъ, казались какъ-будто написанными другою рукою, не имѣли ни слога, ни содержанія, ни замысловатости. Это надобно приписать особенному счастію или особенной разборчивости тѣхъ сочинителей, которые умѣютъ перепечатывать свои статьи такъ, что онѣ нисколько не измѣняются на другой бумагѣ. Г. Емичеву не удалась эта штука: онъ думалъ, что сдѣлаетъ лучше, нежели какъ было въ Б. *для* Ч., если онъ употребитъ *свое* искусство и переправитъ на другой ладъ или просто возстановитъ свой разсказъ, болѣе или менѣе, въ томъ безобразномъ видѣ, въ какомъ этотъ разсказъ, *быть-можетъ*, находился, до напечатанія въ нашемъ журналѣ. Почему знать, какъ это было! Мы, можетъ-статься, и знаемъ, но не скажемъ: это редакторскіе секреты, которыхъ не должно обнаруживать. Но какъ-бы то ни было, переправилъ ли авторъ или только возстановилъ свой разсказъ, подсыпалъ ли въ него свѣжихъ эпиграфовъ, стиховъ, или возвратилъ ему прежніе, только увѣренность въ своемъ искусствѣ совершенно обманула на этотъ разъ Г. Емичева: онъ значительно разочаровалъ тѣхъ, которые, по первому опыту нашли въ немъ пріятное и много обѣщающее дарованіе; обезобразилъ эту повѣсть всею неловкостью неопытной литературной руки, и при двухъ новыхъ повѣстяхъ, никогда не посѣщавшихъ Б. *для* Ч., составилась у него книга, — вышли разсказы, — очень милые! — съ офицерами, которые курятъ и пьютъ, съ странными поэтическими мыслями, съ странною любовью, съ стихами, съ ужасами такими, что страхъ беретъ читать. Въ одномъ изъ разсказовъ дяди Прокопья, или Г. Емичева, любовникъ, отвергнутый замужнею женщиною, отравляетъ ея ребенка ядомъ; мать умираетъ послѣ этого отъ испуга; отецъ выбрасываетъ няньку за окно, убиваетъ злодѣя любовника, и за это его ссылаютъ въ каторж-

Digitized by Google

ную работу. И все это разсказано жестко, неловко, безъ вкуса, безъ колорита.

У Б. *для* Ч. есть ящикъ, — что̀ уже таиться съ этимъ! — *есть* такой ящикъ, съ пречуднымъ механизмомъ внутри, работы одного чародѣя, въ который стоитъ только положить подобный разсказъ, чтобы, повернувъ нѣсколько разъ рукоятку, разсказъ этотъ перемололся весь, выгладился, выправился, и вышелъ изъ ящика довольно пріятнымъ и блестящимъ, по-крайней-мѣрѣ четкимъ. Многіе, многіе имъ пользуются! Говорятъ, что иные, воспользовавшись для своей славы, и для разнаго другаго прочаго, выгодами этого ящика, кричатъ потомъ въ публикѣ, что, дискать, ихъ статьи перемолоты, переправлены, *не то, что̀ были*. Б. *для* Ч. всегда, въ такомъ случаѣ, шептала имъ на ухо: «Молчите, ради Бога; вы знаете, что я имѣю средство жестоко наказать васъ!» — Какое? — «Я тотчасъ напечатаю ваши статьи точно въ томъ видѣ, *какъ онѣ были*, до поступленія въ ящикъ, и публика осудитъ.» Послѣ этого, они мигомъ перемѣняли тонъ и дружески пожимали руку у Б. *для* Ч. Скажите, не странно ли, что авторъ «Любви бѣдныхъ людей» вздумалъ самъ наказать себя именно такимъ образомъ?.... Б. *для* Ч. и очень рада случаю: это по-крайней-мѣрѣ хоть разъ покажетъ публикѣ, какими поступаютъ въ Б. *для* Ч. *иныя* статейки и какими онѣ выходятъ изъ Б. *для* Ч., и каждый будетъ знать, чего стоютъ эти притворныя жалобы. Чего тутъ жаловаться? Не хотите быть переправлены? Не суйтесь въ Б. *для* Ч.: вы знаете что есть *такой* ящикъ! Печатайте свои произведенія отдѣльными книжками, или отдавайте ихъ въ такіе журналы, которые подъ словомъ «редакція» понимаютъ просто «чтеніе корректуры». Въ Б. *для* Ч. редакція значитъ — *редакція*, въ подлинномъ смыслѣ слова, то есть, сообщеніе доставленному труду принятыхъ въ журналѣ формъ, обдѣлка слога и предмета, если они требуютъ обдѣлки, соблюденія всего удовольствія читателей и слѣдовательно всей пользы самаго изданія. Подлѣ тѣхъ отличныхъ произведеній, какими первые наши писатели поочередно украшаютъ Б. *для* Ч., она, изъ одного уваженія къ нимъ и къ своимъ читателямъ, не можетъ помѣщать у себя трудовъ необдѣланныхъ и безъ *приличной* изящности. Тѣ, чьи сочиненія попались въ

Digitized by Google

чародѣйскій ящикъ и перемололись, могутъ потомъ издать ихъ особо, въ первобытномъ видѣ, и показать цѣлому свѣту, какъ теперь показалъ Г. Емичевъ, что ящикъ ни куда не годится.

Господа оригинальные писатели! не пора ли перестать дѣйствующимъ лицамъ вашихъ повѣстей пить, курить, а вамъ выдумывать такіе отвратительные ужасы, что читать гадко? Повѣрьте — это не занимательно, не хорошо, надоѣло: и неужели кромѣ этого вы ни въ чемъ не находите возможности выказать вашей поэзіи? Повѣрьте, что на ужасы и въ Парижѣ проходитъ уже мода. Викторъ Гюго пишетъ теперь благочестивые стихи; Г. Жаненъ, въ послѣднемъ романѣ, является большимъ скромникомъ; Ламартинова, новаго, цѣломудреннаго, романа раскупили два изданія. Слышите ли, господа, и въ Парижѣ ужасы уже не въ модѣ!

СТАРИЧКИ ВѢЩУНЫ. *Русская сказка. Сочиненіе* А. Папкевича. *Въ двухъ частяхъ. СП.-бургъ, въ тип. III Отдѣленія собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1836, въ-12., стр. 55.*

«Въ двухъ частяхъ», да только не бойтесь: въ первой части четырнадцать маленькихъ листочковъ, а во второй двѣнадцать. Это должна быть пародія на Русскія сказки въ стихахъ, изданныя въ послѣднее время!

ПОЛНЫЕ ИЗБРАННЫЕ АНЕКДОТЫ *о придворномъ шутѣ Балакиревѣ, любимцѣ Петра Перваго. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1836, въ-12. Четыре части, стр. VI, 30, 29, 29 и 24.*

«Отъ великаго до смѣшнаго одинъ только шагъ». Соревнованіе, соперничество, въ великомъ, полезномъ — зрѣлище возвышающее душу. Но соревнованіе, соперничество, въ мелкомъ и нелѣпомъ!..... Каково покажется вамъ соревнованіе двухъ почтенныхъ книгопродавцевъ гостинаго двора, изъ которыхъ одинъ издалъ книжонку шутовскихъ анекдотовъ, а другой, чтобъ доказать сопернику свою дѣятельность, черезъ мѣсяцъ издаетъ ту же книжонку уже въ новомъ видѣ? Одинъ издалъ книжку безобразную, и вѣрно получилъ за нее *цѣлыхъ*

Digitized by Google

сто рублей барыша. Другой старается перещеголять его, издаетъ еще безобразнѣйшую книжку, объявляетъ ее — *въ четырехъ частяхъ* (а во всѣхъ четырехъ частяхъ только 92 страницы!), и получитъ тоже цѣлыхъ сто рублей, — непремѣнно получитъ! Кто, видя эти чудесныя слѣдствія соревнованія, не скажетъ, что духъ великихъ спекуляцій развивается у насъ съ неимовѣрною силою? Кто не захочетъ и самъ издать третьихъ «Полныхъ, избранныхъ анекдотовъ о придворномъ шутѣ Балакиревѣ», чтобы участвовать въ этомъ движеніи всеобщей дѣятельности и воспользоваться несмѣтными ея выгодами?.....

А согласитесь, что объявленіе этихъ анекдотовъ въ «четырехъ частяхъ» — выдумка очень остроумная. Въ газетахъ стоитъ — *Четыре части;* между-тѣмъ каждая часть составляетъ неболѣе, какъ одинъ листъ печатный: но что за дѣло! Дѣло въ томъ, что въ газетахъ стоитъ — ЧЕТЫРЕ ЧАСТИ. Впрочемъ мы не забыли еще БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ покойной «Библіотеки романовъ».

1. СТРАСТЬ СОЧИНЯТЬ, *или Вотъ разбойники!!! Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Передѣланный съ Французскаго.* Ѳедоромъ Кони. *Москва, въ тип. Степанова, 1836, въ-12., стр. 96.*

2. БОГАЧЪ ВЕЗЪ БОГАТСТВА, *или Счастливая выдумка. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе* Е. Раева. *СП.-бургъ, въ тип. Греча, 1836, въ-8., стр. 55.*

3. ОДИНЪ ЗА ДВУХЪ, *или Дядя и племянникъ. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Переводъ съ Французскаго* Е. Раева. *СП.-бургъ, въ тип. Греча, 1835, въ-8., стр. 58.*

4. КАТЕНЬКА, *или Семеро сватаются, а одному достанется. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Москва, въ тип. Евреинова, 1836, въ-8., стр. 158.*

Страсть сочинять господина Кони, или правильнѣе, «Страсть сочинять, водевиль, передѣланный господиномъ Кони» — самый забавный водевиль, какой только существуетъ, хотя сюжетъ его самый старый, избитый до-нельзя. Вотъ въ чемъ завязка и развязка: сочинителя и сочинительницу, брата и

Digitized by Google

сестру, принимают въ трактирѣ за убійцъ и разбойниковъ, подслушавши чтеніе трагедіи, которую *они* и *она* декламировали; шалунъ племянникъ пользуется этимъ, спасаетъ ихъ отъ бѣды, и достаетъ отъ нихъ за это сто червонцевъ на свои карманные расходы. Вотъ все. Сколько уже разъ повторялось это на сценѣ, начиная съ «Чернаго человѣка», пятьдесятъ лѣтъ тому игранаго на Русскомъ театрѣ? Въ заключеніе идутъ куплеты, также не новые, на журналистовъ, докторовъ, судей, женъ, какъ обыкновенно водится, и, наконецъ поютъ объ авторѣ:

«Онъ пишетъ, чтобъ васъ забавлять:
Такъ, ради Бога, не губите
Вы нашей «Страсти сочинять»!

Хорошо, не губимъ. Только, вотъ какое горе, что «страсть сочинять» въ нашей литературѣ безпрестанно увеличивается, а искусство хорошо сочинять всё-таки остается за немногими.

Кажется, въ первый еще разъ, вмѣсто визитной карточки, публика получаетъ теперь двѣ комедіи отъ ново-пріѣзжаго на Парнассъ сочинителя, Г. Раева, одну въ прозѣ и одну въ стихахъ. Видно, Г. Раеву суждено было написать двѣ комедіи, одну въ прозѣ, а другую въ стихахъ. Съ судьбой бороться невозможно!

Вотъ автору «Катеньки», такъ ужъ суждено было — вовсе не писать, а онъ пишетъ наперекоръ судьбѣ. Знаете ли, чѣмъ оканчивается эта «Катенька»? Тѣмъ, что слугу *ведутъ на конюшню сѣчь*, по барскому приказанію, и онъ поетъ своей любовницѣ, служанкѣ:

Ты не спрашивай
Прежней радости
У *своего* дружка,
У Иванушка!

МОНГОЛЬСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ, *изданная И. Казанскаго университета экстраординарнымъ профессоромъ* Осипомъ Ковалевскимъ. *Казань, 1836, въ-8.. стр. XVI и 591.*

Вотъ по-крайней-мѣрѣ книга, которая связываетъ нашу литературу съ литературою Европы. Такіе труды дѣлаютъ

Digitized by Google

насъ дѣйствительными членами общаго умственнаго семейства Европейцевъ. Первая ученая книга о Монгольскомъ языкѣ, съ которымъ такъ давно желаютъ познакомиться ориенталисты, первая Монгольская хрестоматія, вышла въ Россіи, и по-Русски. И книга, должно признаться, составленная не по-нашему! Нельзя выразить удовольствія, если угодно, нѣсколько педантскаго, но только связаннаго съ истиннымъ желаніемъ успѣховъ Россіи на поприщѣ просвѣщенія, — нельзя выразить удовольствія, какое мы чувствуемъ, встрѣчая Русскую книгу, которая носитъ на себѣ отпечатокъ руки, свыкшейся съ учеными занятіями, закаленной въ трудѣ классическомъ, умѣющей обращаться съ предметомъ, любопытнымъ для ученаго. Г. Ковалевскій, очевидно, получилъ съ дѣтства ученое образованіе, котораго слѣды такъ рѣдко видимъ на произведеніяхъ нашей литературы, и воспитанъ въ Фоссовой школѣ филологической критики. Эту критику примѣнилъ онъ къ Монгольскимъ текстамъ съ большимъ искусствомъ и вкусомъ. Мы, не читали, а проглотили его «Примѣчанія» къ текстамъ, въ высочайшей степени любопытныя для филолога и любителя Исторіи. Желательно, чтобы эти примѣчанія авторъ издалъ также на Французскомъ или Латинскомъ языкѣ. Во второмъ томѣ вѣроятно будетъ лексиконъ: мы сильно совѣтуемъ Г. Ковалевскому прибавить въ немъ Латинскій переводъ словъ и сдѣлать это сочиненіе доступнымъ и для заграничныхъ филологовъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ РУССКИМЪ. *Троицкая лавра, Ростовъ, Новый Іерусалимъ, Валаамъ. СПбургъ, въ тип. III отдѣленія Собственной Е. И. В. канцеляріи, 1836, въ-8., стр. IV и 155, съ планомъ Воскресенской обители.*

Объ этомъ прекрасномъ произведеніи автора путешествія въ Іерусалимъ (А. Н. Муравьева) представленъ подробный отчетъ въ отдѣленіи критики.

1. СТАТИСТИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О САНКТПЕТЕРБУРГѢ. *Изданы при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. СПбургъ, въ тип. Гуттенберговой. 1836, въ-8., стр.* XLVI *и 291.*

Digitized by Google

2. таблицы къ *Статистическимъ свѣдѣніямъ о Санктпетербургѣ. СП.-бургъ, въ тип. Гуттенберговой, 1836, въ-4. Девяносто шесть таблицъ и семь гравированныхъ плановъ.*

Мѣсто не позволяетъ намъ въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ входить въ ближайшее разсмотрѣніе этой чрезвычайно любопытной и тщательно изданной книги. Мы рѣшились сдѣлать изъ нея извлеченіе для «Смѣси» слѣдующей книжки Б. для Ч.

опытъ исторіи *Россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ. Сочиненіе профессора Александра Рейца. Переводъ съ Нѣмецкаго. Издалъ Ѳедоръ Морошкинъ. Москва, въ тип. Университетской, 1836, въ-8., стр. XXVI и 414.*

Систематика — страсть ученаго Нѣмца. Дайте для опыта Нѣмецкому профессору (мы не говоримъ объ исключеніяхъ, но вообще) десятка два словъ какого нибудь неизвѣстнаго языка, Волжскаго, Курильскаго, Лапландскаго, — все равно, — онъ станетъ искать этимологіи, этнографіи, географіи, и всяческой *графіи* и *логіи* этого языка и этого народа по всѣмъ языкамъ, народамъ и писателямъ цѣлаго свѣта; найдетъ, укажетъ мѣсто «даннаго искомаго» въ исторіи человѣчества, и напишетъ вамъ обо всемъ этомъ книгу, толстую, ученую, съ цитатами, съ разсужденіями этико-политико-филолого-философическими, образуетъ изъ книги новую науку, и готовъ будетъ преподавать лекціи цѣлый семестръ. Такъ ужъ заведено въ Германіи; такъ поступали съ Русскими древними законами Германскіе ученые; такъ поступалъ съ ними, впрочемъ весьма ученый и почтенный, Эверсъ; такъ поступаетъ съ ними, не менѣе Эверса достойный уваженія, Г. Рейцъ. Между-тѣмъ какъ мы, Русскіе, о которыхъ идетъ «слово и дѣло», едва приготовили самые первые опыты собранія фактовъ для исторіи нашихъ древнихъ законовъ, едва только принимаемся за повѣрку собраннаго и страшно кажется намъ и подумать о критическихъ выводахъ на столь слабомъ основаніи, Г. Рейцъ, по-видимому все успѣлъ пересмотрѣть, разсмотрѣть, написать о древнихъ нашихъ законахъ книгу, привесть ихъ въ систему, въ науку, огородить

Digitized by Google

всяческими цитатами, и начать превосходныя разсужденія о данномъ предметѣ. Какъ-будто о дѣлѣ совершенно конченномъ и извѣстномъ, какъ-будто о Римскомъ правѣ, говоритъ Г. Рейцъ о правахъ и законахъ древнихъ Руссовъ и Славянъ, знаетъ публичное, уголовное, частное право и судопроизводство Варяговъ, Кіевлянъ, Новгородцевъ, права сословій, духовенства, иностранцевъ, князей, людиновъ, смердовъ, огнищанъ, гридней, дружинъ. Мы вчуже радуемся такой проницательной систематикѣ и такой вѣрной методикѣ, хоть, грѣшные люди, не слишкомъ довѣряемъ на слово эрудиціи Г. Рейца въ предметѣ, который взялся онъ «трактовать».

Въ Русскомъ переводѣ выпущена самая любопытная часть Нѣмецкаго подлинника; — изслѣдованіе автора объ уложеніи царя Алексѣя Михайловича. За то почтенный переводчикъ въ точности передалъ все остальное, а въ замѣнъ выпущеннаго прибавилъ отъ себя, въ концѣ книги, нѣсколько отдѣльныхъ статей, въ которыхъ старается доказать, что Руссы и Варяги были Славяне и Нѣмцы. Новая школа Русской исторіи, какъ называются многими новѣйшіе толки нѣкоторыхъ ученыхъ и неученыхъ людей о древней Русской исторіи, пріобрѣтаетъ себѣ въ Г. Морошкинѣ сильнаго и смѣлаго поборника. Кажется, не такъ бы надобно было все это дѣлать какъ дѣлаютъ Г. Рейцъ и его переводчикъ: лучше однако жъ дѣлать что-нибудь нежели не дѣлать ничего, лучше играть въ ученую меледу, нежели сидѣть сложа руки и дремать. Согласны, и предоставляемъ себѣ право поговорить когда-нибудь объ этомъ дѣлѣ по обстоятельнѣе.

О ДРЕВНОСТЯХЪ ВЪ ТВЕРСКОЙ КАРЕЛІИ. *Извлеченіе изъ писемъ Ѳ. Н. Глинки къ П. И. Кеппену. СП.-бургъ, въ тип. Медицинскаго Департамента М. В. Д. 1836, въ-8,, стр. 20, съ картинкою кургановъ.*

Въ этой любопытной брошюркѣ, отпечатанной отдѣльно изъ третьей книжки «Журнала министерства внутреннихъ дѣлъ», Ѳ. Н. Глинка обращаетъ вниманіе изыскателей на древніе курганы и камни, которые онъ видѣлъ въ Тверской Кареліи; — такъ называетъ онъ уголокъ въ Тверской губерніи, верстахъ въ пятидесяти отъ Твери, на сѣверо-востокъ,

Digitized by Google

въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, гдѣ поселены Петромъ Великимъ Карелы, выведенные изъ Финляндіи. На старинныхъ камняхъ найдены тутъ какіе-то «начертанія» и «нарѣзки»; курганы тамошніе представляютъ собою что-то стройное, какъ-будто съ намѣреніемъ дѣланное. Все это прибавляетъ новый фактъ къ изслѣдованіямъ о древнихъ аборигенахъ сѣверной Руси, доселѣ не занимавшихъ собою вполнѣ ни одного изслѣдователя, кромѣ добраго Ходаковскаго который и умирая утверждалъ, что вся древняя исторія и миѳологія нашихъ аборигеновъ начертана на лицѣ нашей земли, въ курганахъ и мѣстныхъ памятникахъ. Положимъ что дѣйствительно такихъ письменъ точно найдется много на Русской землѣ, но только азбука ихъ для насъ не много потруднѣе Китайской, а и съ той ученые не могутъ сладить.

Наблюденія надъ наклоненіемъ и степенью силы магнитной стрѣлки, произведенныя въ путешествіе вокругъ свѣта на шлюпѣ Сенявинѣ въ 1826, 1827, 1828 и 1829 годахъ, флота-капитаномъ Ѳ. Литке, обработанныя и вычисленныя Э. Ленцомъ. Перевелъ съ Нѣмецкаго флота-лейтенантъ Б. Глазенапъ. СП.-бургъ, въ тип. Крайя, 1836, въ-4., стр. 30.

Новое ученое дополненіе къ путешествію Г. Литке, книгѣ, которую смѣло можно поставить наряду съ лучшими новѣйшими Европейскими сочиненіями. Б. для Ч. исполнила свой долгъ передъ читателями, въ отношеніи къ событію, столь замѣчательному въ нашей литературѣ. Теперь по поводу наблюденій надъ магнитною стрѣлкою, тщательно произведенныхъ въ экспедиціи Г. Литке, намъ кажется любопытнымъ для нашихъ читателей представить замѣчательный фактъ, который можетъ дополнять исторію ученаго предмета, занимающаго нынѣ всю Европу. Мысль о наблюденіяхъ надъ уклоненіями магнитной стрѣлки была нѣкогда передана великимъ философомъ и математикомъ Лейбницомъ нашему великому Петру. Имѣя въ рукахъ нашихъ столь драгоцѣнный памятникъ, доселѣ нигдѣ ненапечатанный, мы спѣшимъ подѣлиться имъ съ публикою, представляя здѣсь вѣрный переводъ записки Лейбница, подъ названіемъ Observationes über die Magnet-Nadel, присланной Петру Великому, ка-

Digitized by Google

жется, около 1713 года. Россія, такъ ревностно занятая нынѣ наблюденіями надъ уклоненіемъ магнитной стрѣлки, какъ будто стремится исполнить препоручение великаго человѣка, и оправдать мысль его: Und ist kein Zweifel, dass mit der Zeit in der Veränderung selbst sich eine gewisse Ordnung zeigen und die Posterität endlich zu einer nähern Erkenntniss dieses Geheimnisses gereichen würde. Великому потомку Петра Великаго суждено оканчивать всѣ предпріятія безсмертнаго своего прапрадѣда.

ЗАМѢЧАНІЯ

о Магнитной стрѣлкѣ.

Извѣстно, что магнитъ во многихъ мѣстахъ указываетъ не прямо на сѣверъ, но обыкновенно уклоняется нѣсколько на востокъ или западъ, въ различныхъ мѣстахъ различнымъ образомъ.

«При этомъ, есть еще одно *измѣненіе*, Variation, силою котораго это *уклоненіе*, Déclination, каждый годъ, повсюду, нѣсколько перемѣняется, и потому-то надобно его, отъ времени до времени, наблюдать снова.

«Хотя такихъ наблюденій много сдѣлано, на морѣ и на землѣ, во Франціи и Англіи, въ Германіи и Италіи, въ разныхъ мѣстахъ, и они будутъ еще продолжаться, но ихъ не достаетъ въ странахъ сѣверныхъ и въ Азіи. Этотъ недостатокъ могло бы пополнить особенное распоряженіе въ великомъ Россійскомъ государствѣ.

«Если бы Его Велико-Царскому Величеству угодно было сдѣлать такое распоряженіе, то Царь весьма много способствовалъ бы тѣмъ улучшенію кораблеплаванія, и одолжилъ бы всѣхъ мореходцевъ. Тѣмъ, которые занимались бы изслѣдованіемъ уклоненій магнита, можно было бы поручать и другія изслѣдованія, какъ-то описывать situm et naturalia regionum, и назначить для изысканій каждому особую провинцію.

«Если совокупныя наблюденія уклоненій, произведенныя на морѣ и на землѣ, различными народами во многихъ мѣстахъ, получатся въ извѣстное время, напримѣръ въ 1718 году, то можно будетъ перенесть ихъ на глобусъ и на морскія карты, и означить *магнитныя линіи*, такъ, что одна линія пройдетъ по всѣмъ мѣстамъ одного уклоненія, именно тамъ, гдѣ магнитъ совсѣмъ не уклоняется, или уклоняется на одинъ, на два, на три градуса, и такъ далѣе, къ западу или востоку.

«Путешествующій на морѣ дѣлаетъ двоякія наблюденія: первое, онъ наблюдаетъ широту, или возвышеніе полюса; второе уклоненія магнита; тогда ему надобно будетъ только отыскать на магнитномъ

Digitized by Google

глобусѣ ту линію, гдѣ магнитъ имѣетъ найденное склоненіе, и слѣдовать по этой линіи до того мѣста, гдѣ сходится она съ настоящимъ elevationem poli, и онъ отыщетъ мѣсто, въ которомъ находится.

«Это могло бы, сверхъ-того, служить pro succedaneo longitudinum, потому что хотя уклоненія измѣняются, однако жъ если бы черезъ постоянное распоряженіе Его Велико-Царскаго Величества, и другихъ властей, особенно Англіи, Голландіи и Франціи, такія наблюденія были отъ времени до времени возобновляемы, стоило бы только, чрезъ каждыя пять или шесть лѣтъ дѣлать новыя магнетическія карты или глобусы, которые на это время и могутъ служить. Это было бы почти то же, что изобрѣсть arcanum longitudinum. Календарь служитъ только на одинъ годъ, а такими картами можно было бы довольствоваться пять или шесть годовъ.

«Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что со временемъ въ самомъ измѣненіи откроется извѣстный порядокъ, и потомство наконецъ дойдетъ до близкаго извѣданія этой тайны; уже не нужно будетъ такъ часто возобновлять наблюденія, и напротивъ получится возможность нѣкоторымъ образомъ предвидѣть измѣненіе. Такимъ образомъ, давно искомая problema longitudinum получитъ желаемое рѣшеніе.

«Какъ теперь и въ Великобританскомъ парламентѣ недавно принято окончательное рѣшеніе касательно longitudinum, то можетъ-быть полезно было бы войти по этому случаю въ нѣкоторыя сношенія съ Его Великобританскимъ Величествомъ, если только это согласно съ всемилостивѣйшимъ намѣреніемъ Его Высоко-Царскаго Величества. Это могло бы совершиться черезъ меня, при посредствѣ статсъ-секретаря господина Стенгопа, и, вѣроятно, получило бы соизволеніе Его Королевскаго Величества.»

РѢЧИ, *произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета, 9 іюня, 1836 года. Москва, въ тип. Университетской, 1836, въ 4., стр. 120.*

Здѣсь помѣщены — рѣчь профессора Давыдова, «О содѣйствіи Московскаго университета успѣхамъ отечественной словесности»; рѣчь профессора Щуровскаго, «Объ участіи физики и химіи въ успѣхахъ минералогіи»; рѣчь профессора Крюкова, De Quinti Curtii Rofi aetate», и «Краткая записка о состояніи и дѣйствіяхъ Московскаго университета, съ 1 іюля 1835, по 10 іюня 1836 года. Изъ этой «записки» видимъ многія преобразованія знаменитаго Московскаго университета, на ряду съ другими такъ великодушно ущедрен-

Digitized by Google

наго новымъ уставомъ, который введенъ въ Московскій университетъ съ начала 1836 года. Въ рѣчи Г. профессора Давыдова, среди многаго замѣчательнаго, встрѣтили мы краткій очеркъ нынѣшняго состоянія Московскаго университета вообще, и выписывая его надѣемся угодить читателямъ, которыхъ взоры съ любовію слѣдуютъ за каждымъ благимъ начинаніемъ правительства, и радуются, видя ревностное усердіе подвластныхъ приводить въ исполненіе все, что̀ оно внушаетъ добраго и полезнаго.

«Въ Университетѣ, говоритъ Г. Давыдовъ, болѣе ста преподавателей и другихъ чиновниковъ, до пяти сотъ студентовъ, и до двухъ сотъ юношей выходятъ изъ него ежегодно съ учеными степенями. Въ его округѣ, состоящемъ изъ девяти губерній, лицей, дворянскій институтъ, девять гимназій, пять пансіоновъ при гимназіяхъ, семьдесятъ пять уѣздныхъ и сто пятьдесятъ два приходскихъ и волостныхъ училищъ; частныхъ пансіоновъ и школъ тридцать одна. Въ нихъ учителей и чиновниковъ до тысячи, учащихся обоего пола до пятнадцати тысячъ. Библіотека Университетская состоитъ почти изъ сорока пяти тысячъ томовъ. Университетъ снабженъ кабинетами физическимъ, минералогическимъ, зоологическимъ, анатомическимъ, гербаріемъ, минцъ-кабинетомъ; онъ имѣетъ обсерваторію, ботаническій садъ, химическую лабораторію, аптеку, клиники. Университетская типографія ежегодно отпечатываетъ болѣе *семи милліоновъ* листовъ. Эти цифры служатъ краснорѣчивѣйшимъ доказательствомъ возрастанія университета, свыше благословляемаго и осыпаемаго щедротами и милостями Вѣнценосцевъ. Раскройте каталоги Русскихъ учебныхъ книгъ,— теоріи словесности, съ ея исторіею и критикою, исторіи Всеобщей и Русской, съ географіею и статистикою, руководствъ по части древней и новой иностранной словесности, и большей части сочиненій по предметамъ математики, физики, астрономіи, естественной исторіи, правовѣдѣнія, медицины: вы увидите труды университетскихъ питомцевъ и здѣшнихъ профессоровъ. Посмотрите на чиновниковъ имперіи и писателей нашихъ, загляните въ ихъ жизнеописанія: и въ нихъ найдете вліяніе нашего университета; они — или питомцы его, или ученики профессоровъ.»

Въ дополненіе этого быстраго очерка должно еще упомянуть объ ученыхъ обществахъ, находящихся при Московскомъ университетѣ, обществѣ испытателей природы, обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ, состоящемъ изъ ста тридцати шести членовъ, обществѣ любителей Россійской словесности и физико-медицинскомъ. Первое изъ нихъ имѣло въ прошедшемъ году восемь засѣданій, второе шесть, четвертое два; третье, по причинѣ болѣзни предсѣдателя, М. Н. За-

Digitized by Google

госкина, засѣданій не имѣло, и потому званіе предсѣдателя его, какъ и двухъ первыхъ принялъ на себя въ прошедшемъ году попечитель университета, графъ С. Г. Строгановъ. Можно надѣяться, что дѣятельнѣйшее участіе въ подвигахъ университета примутъ теперь и всѣ его ученыя общества.

1. ЗАМѢЧАНІЯ О ЛѢСОВОДСТВѢ, *и о необходимости разведенія лѣсовъ въ южныхъ губерніяхъ Россіи.* Г. Андреевскаго. *Москва, въ тип. Селивановскаго, 1836, въ-8., стр. 47.*

2. ВТОРОЙ ПОРТФЕЛЬ ДЛЯ ХОЗЯЕВЪ. *Собранъ и изданъ* Павломъ Мухановымъ, *дѣйствительнымъ членомъ* Императорскихъ *Обществъ Московскаго Сельскаго Хозяйства и С.-Петербургскаго Вольнаго Экономическаго. Томъ второй, содержащій* (въ себѣ) *Сельскую Архитектуру. Москва въ тип. Лазаревыхъ, 1836, въ-8., стр. 75;* и при немъ, подъ названіемъ перваго тома,

СОВРАНІЕ ЧЕРТЕЖЕЙ *полезнѣйшихъ сельскихъ зданій, какъ-то, господскихъ домовъ, флигелей, хлѣбныхъ амбаровъ, сараевъ для хлѣба, скотныхъ дворовъ, ледниковъ, свекло-сахарныхъ заводовъ, и проч. 24 полулиста рисунковъ.*

3. ПОЛНОЕ СОВРАНІЕ *старинныхъ и новѣйшихъ арабесковъ и шаблоновъ, для фабрикантовъ, комнатныхъ живописцевъ, и архитекторовъ; въ натуральную величину рисовано, Е. К. В. короля Прусскаго инспекторомъ надъ строеніями С. А. Менцелемъ. Издано Л. Саксомъ и К. въ Берлинѣ, а съ онаго (?) литографировалъ Л. И. Самохинъ, въ литографіи издателя В. В. Логинова. Москва, 1836, въ пол-листа, 20 рисунковъ.*

4. СПОСОВЪ *превращать въ три часа крахмалъ и картофель въ сладкій сахарный сиропъ, не производя кипѣнія и не употребляя сѣрной кислоты. Простая и повсюду выгодная отрасль промышлености для пивоваровъ, водочниковъ, хлѣбниковъ, кондитеровъ, шоколадчиковъ, уксусныхъ заводчиковъ, торговцевъ пряными кореньями, сельскихъ хозяевъ, кои сами очень легко могутъ приготовлять для*

Digitized by Google

себя сахаръ. Москва, въ тип. М. Пономарева, 1836, въ-16., стр. 26.

5. НАСТАВЛЕНІЕ *какъ разводить свиней и получать отъ того прибыль, Ериха Выборга, доктора Медицины, профессора Ветеринарной науки и директора Королевской Датской Ветеринарной Школы въ Копенгагенѣ. Переводъ съ Нѣмецкаго языка. СП.-бургъ, въ тип. Ш. О. К. Внутренней Стражи, 1836, въ-8., стр. X и 205, съ изображеніями свиней на одномъ листкѣ.*

Г. Андреевскій убѣдительно доказываетъ вредъ, происходящій отъ небреженія, съ какимъ обходятся у насъ съ лѣсами въ южныхъ губерніяхъ, и необходимость заняться лѣсоводствомъ, показывая въ концѣ книжки своей практическіе способы для дѣла столь важнаго, что объ немъ нельзя довольно наговориться.

Г. Мухановъ издалъ продолженіе своего «Портфеля для хозяевъ», гдѣ учитъ ихъ строить красивые сельскіе домики, простые и удобные сельскіе дворы, ледники и свекло-сахарные заводы. Почти все это взято съ лучшихъ образцовъ, и рекомендуетъ себя практически.

По книгѣ, издаваемой Г. Логиновымъ, кажется, ей должно быть «продолженіе»: изъ уродливаго ея титула понять ничего нельзя, но по смыслу выходитъ такъ, — городскіе и сельскіе хозяева могутъ разрисовать комнаты въ домахъ арабесками и шаблонами, которые отличаются вкусомъ и выборомъ, несмотря на отсутствіе грамматики въ названіи книги: одно другому не мѣшаетъ.

Крошечная брошюрка, вышедшая въ Москвѣ у Г. Пономарева, есть не что иное какъ любопытная статья Г. Панова, о добываніи изъ картофелю сахарнаго клею и сиропу безъ употребленія сѣрной кислоты, недавно напечатанная въ Б. для Ч.

Наконецъ нашелся великодушный мужъ, ученый человѣкъ, и заступился за свиней, за это забытое всѣми ученными, презрѣнное всѣми людьми животное; нашелся, изучалъ свиней, читалъ, путешествовалъ ради свиней, и издалъ цѣлую книгу о свиньяхъ. Въ этой книгѣ онъ говоритъ о свиньяхъ какъ философъ, какъ профессоръ, какъ филантропъ, — виноватъ, какъ

Digitized by Google

филосвин (Греческое слово). Книга Г. Выборга, — плодъ труда обширнаго и изслѣдованія великаго, исполнена благороднѣйшаго свинолюбія, обогащена окорокогнозіею, сосискографіею и колбасистикою, и даже на ея заглавномъ листкѣ видна, вмѣсто виньетки, превеликая свинья. Въ книгѣ вы найдете ученое изысканіе о всѣхъ свиньяхъ цѣлаго міра, — свиньѣ оленю подобной, мускусовой, Гвинейской, Африканской, Эѳіопской, домашней, Англійской, джентлеменской, gentlemen pork, горной, Китайской, коротконогой, Монгольской; потомъ слѣдуютъ статьи о разведеніи, кормленіи, леченіи свиней, битьѣ ихъ, дѣланіи изъ нихъ колбасъ, сосисекъ, копченіи ветчины, соленіи сала, разборкѣ щетины. Все тутъ есть, и не говорится только о свиныхъ рогахъ, корыхъ, какъ птичьяго молока, по старой пословицѣ «и въ Москвѣ не найдешь». Зато, Г. Выборгъ представляетъ химическое разложеніе и показаніе пользы даже..... извините..... свинаго *навоза*. Почтенный авторъ находитъ *упомянутую* вещь весьма полезною, и, по собственному опыту, совѣтуетъ употреблять ее вмѣсто лекарства, увѣряя, что *оная* вещь очень полезна отъ лихорадки. Послѣ всего этого, вы, можетъ-быть, хотя и большіе охотники до ветчины, колбасъ и сосисекъ, станете однакожъ смѣяться надъ Г. Выборгомъ; но смѣхъ вашъ превратится въ трогательное умиленіе, лишь только прочитаете въ его книгѣ: «между всѣми домашними животными, свинья наименѣе обратила на себя вниманіе опытныхъ *мужей*. Свиньи предоставлены попеченію пастуховъ, невѣждъ, и дѣлать надъ ними какія-нибудь операціи долго почиталось безчестнымъ даже у просвѣщенныхъ народовъ». Такъ начинаетъ книгу Г. Выборгъ; и потомъ уже излагаетъ исторію свиней, лекціи, которыя онъ читалъ любителямъ свиноводства. Г. Выборгъ, горько жалуясь на равнодушіе людей къ свиньямъ, которыхъ всѣ ѣдятъ и всѣ презираютъ, дѣлаясь въ этомъ отношеніи несправедливѣе самыхъ жидовъ и мусульманъ, которые, если и презираютъ свиней, зато уже и не ѣдятъ ихъ.

Свиноводство, по мнѣнію автора, представляетъ уму и сердцу человѣка столько же прелестей, утѣшительныхъ наблюденій, пріятныхъ занятій, какъ и страсть къ цвѣтамъ или живопись. Въ этомъ мы не согласны съ авторомъ! Мы,

Digitized by Google

что до насъ лично касается, рѣшительно предпочитаемъ цвѣты свиньямъ. Какъ можно сравнить свинью съ розою! Эти тяжелыя, лѣнивыя животныя весьма полезны и вкусны, но запахъ ихъ далеко уступаетъ розовому, и притомъ ихъ грязные отвратительные инстинкты..... Надо признаться, что ихъ весьма справедливо назвали — *свиньями!*

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Въ слѣдующей книжкѣ Б. для Ч., напечатана будетъ новая статья А. А. Марлинскаго.

— Въ послѣднихъ числахъ мѣсяца явилась въ Петербургѣ книга, которая обрадуетъ любителей важнаго чтенія и сдѣлаетъ честь своимъ издателямъ: это переводъ «Новаго курса философіи», Г. Жерузе. Ясная метода автора и чистый, неподдѣльный, живой Русскій языкъ, который переводчики весьма удачно примѣнили къ предметамъ философіи, доселѣ изъяснявшейся у насъ осоловѣлыми фразами искуственнаго, книжнаго языка, обезпечиваютъ успѣхъ этого сочиненія.

— Мы узнаемъ съ удовольствіемъ, что тѣ же переводчики приготовляютъ Русскій переводъ Вахлеровой «Исторіи Литературы». Хорошая книга, хорошо переданная, составляетъ важное пріобрѣтеніе во всякой литературѣ, а тѣмъ болѣе въ нашей. Переводчики, какъ слышно, намѣрены издавать Вахлерову «Исторію Литературы» отдѣленіями, то есть, небольшими тетрадями.

— Въ числѣ хорошихъ предпріятій по части переводовъ должно упомянуть о скоромъ выходѣ по-Русски одной дѣтской книги, — L'Histoire, racontée aux enfans, извѣстнаго сочинителя дѣтскихъ книгъ, Г. Ламѣ-Флёри. Она заключаетъ въ себѣ исторію древнюю, среднихъ вѣковъ и новѣйшую, миѳологію Грековъ и Римлянъ.

— Мы слышали также кое-что о новомъ Русскомъ романѣ, «Судьба красавицы», который, говорятъ, «представляетъ за-

Digitized by Google

«нимательную картину современныхъ нравовъ и написанъ «языкомъ свѣтскимъ, чисто Русскимъ, безъ примѣси словъ, «которыя *стыдно произнесть передъ дамами.*» (Что это?..... А! понимаемъ; дѣло идетъ о словахъ *сей, оный, упомянутый, таковой* и тому подобныхъ) «и безъ всякихъ замашекъ книжнаго языка», такъ остроумно названнаго у Д. П. Шелехова «книжнымъ Фарисейскимъ».

— Изъ отличной типографіи Г. Праца выйдетъ въ теченіи нынѣшняго мѣсяца великолѣпное твореніе in-folio, написанное, сколько мы знаемъ по отрывкамъ, превосходно и преумно, и которое, касаясь самаго сердца пользъ Россіи, самой важной пружины будущихъ судебъ отечества, именно быстроты и дешевизны путевыхъ сообщеній, должно возбудить въ высочайшей степени вниманіе и участіе публики. Мы говоримъ о сочиненіи Г. Гурьева, подъ заглавіемъ «Объ учрежденіи торцовыхъ дорогъ въ Россіи посредствомъ компаніи», и заранѣе ручаемся въ высокой любопытности этой книги.

— Говоря о типографіи, нельзя не упомянуть о новомъ заведеніи, которымъ въ теченіи прошедшаго мѣсяца умножились средства Петербургскаго книгопечатанія. А. Ѳ. Смирдинъ, нѣсколько времени тому назадъ, уничтожилъ-было свою типографію. Теперь у него возстала, изъ праха прежней, новая, великолѣпная типографія, снабженная прекрасными шрифтами всѣхъ родовъ и механическими станками, и которая должна еще значительно распространиться, чтобы соотвѣтствовать его полезной дѣятельности, принесшей уже столько существенныхъ выгодъ Русской литературѣ.

* * *

Съ начала нынѣшняго года, то есть, со времени перемѣщенія Е. Ѳ. Корша по службѣ изъ Петербурга въ Москву, званіе редактора «Библіотеки *для* Чтенія» принялъ на себя О. И. Сенковскій.

Для отклоненія неумѣстныхъ догадокъ и толковъ, считаемъ нужнымъ сказать откровенно, что съ самаго начала существованія этого журнала, какъ-то почти всѣмъ извѣстно, настоящимъ его редакторомъ былъ всегда самъ директоръ и общій съ издателемъ владѣлецъ его, О. И. Сенковскій, и что *никто* въ свѣтѣ кромѣ Г. Сенковскаго не

Digitized by Google

имѣлъ ни малѣйшаго вліянія на составъ и содержаніе Б. для Ч. Всѣ ея недостатки, равно какъ и всѣ достоинства, если какія были, должны быть приписаны ему одному. Тѣ, которые носили званіе редакторовъ Б. для Ч., слишкомъ невинны въ ея недостаткахъ, чтобы отвѣчать за нихъ передъ публикою, и слишкомъ благородны, чтобы требовать для себя похвалы за достоинства, въ которыхъ они не имѣли никакого участія. Весь кругъ ихъ редакторскаго дѣйствія ограничивался чтеніемъ третьей, послѣдней корректуры уже готовыхъ, оттиснутыхъ листовъ, набранныхъ въ типографіи по рукописямъ, которыя *никогда* не сообщались имъ предварительно. Тѣ изъ нихъ, которые притомъ давали свои статьи, давали ихъ какъ сотрудники, а не какъ редакторы, и помѣщеніе этихъ статей зависѣло вполнѣ отъ директора журнала. О. И. Сенковскій, убѣдясь двухлѣтнимъ опытомъ, что этого рода содѣйствіе посторонниихъ редакторовъ ни сколько не облегчало его въ мучительныхъ трудахъ директора, по согласію съ издателемъ, рѣшился соединить съ званіемъ директора Б. для Ч. званіе ея редактора, котораго по-настоящему онъ несъ всѣ главныя обязанности. Вотъ и все!

=

Digitized by Google

ИЮЛЬ, 1836.

НОВЫЯ КНИГИ.

СТИХОТВОРЕНІЯ Алексѣя Зилова. *Тетрадь первая. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1836, въ-8., стр. 68.*

Со многими поэтами критика находится точно въ такомъ затрудненіи, въ какомъ находится иногда хозяинъ при посѣщеніи нѣкоторыхъ гостей. Человѣкъ порядочно одѣтый, важный, учтивый, по наружности совсѣмъ порядочный человѣкъ, — приходитъ, спрашиваетъ васъ, садится, говоритъ. Отказать ему совѣстно, говорить съ нимъ не знаешь что: скучно съ почтеннымъ гостемъ до-смерти, а дѣлать нечего. Вы зѣваете потихоньку, и рады когда гость вашъ уйдетъ, хоть послѣ ничего сказать объ немъ не можете, кромѣ одного: «Хорошій человѣкъ; да спасибо ему, что ушелъ.» Къ сожалѣнію, такіе люди нерѣдко бываютъ страшные охотники ходить въ гости. Еще къ большему сожалѣнію, поэты, имъ подобные, страшные охотники писать. Вотъ, взять на прикладъ, примѣромъ сказать, Г. Зиловъ, — пишетъ и печатаетъ безпрестанно, и теперь, уже написавши столько, спрашиваетъ самого себя:

Бѣглыя *мысли* ужели *морщиной*
Стянутся такъ же, какъ блѣдный мой ликъ?
Такъ ли, какъ *старый хребетъ* мой, *горбиной*
Скованнымъ будетъ (?) рѣчистый языкъ?

И увѣряетъ, что нѣтъ. Стало-быть придется намъ читать еще много «тетрадей» Г. Зилова, потому что мы отъ всей души желаемъ ему «долгаго вѣка, счастія и *талана*», какъ говорятъ люди на бѣломъ свѣтѣ.

НАДЕЖДА. *Собраніе сочиненій въ стихахъ и прозѣ. Издалъ* А. Кульчицкій. *Харьковъ, въ тип. Университетской, 1836.*

Кажется, это альманахъ, — впрочемъ увѣрять не смѣемъ, — и, кажется, составленный изъ опытовъ юныхъ питотцевъ

Digitized by Google

счастливой Малороссіи. Мы грустно пробѣжали въ этой «Надеждѣ» стихи къ ***, стихи къ Ней, стихи къ Вамъ, Мечту, Полночь, Застольную пѣсню, Туда, туда!, Минувшее, Разочарованіе, къ вѣрной, къ невѣрной, ко всѣмъ и ко всему. Нѣтъ надежды! Все стихи, все *элегіи*, все *отрывки* изъ «историческаго» романа, даже цѣлая повѣсть (Воспоминанія юности), со страстями, явно не испытанными, съ догадками о томъ, какъ должны говорить сердце и душа, съ мечтами о небываломъ прошедшемъ, съ грустью о будущемъ. Есть еще нѣсколько отрывковъ въ прозѣ, разлука, свиданія, слезы печали и радости, фантазіи, и прочая, и прочая. Даже одинъ изъ участниковъ «Надежды» откровенно признается, что ему двадцать пять лѣтъ, что онъ еще студентъ, и уже изъ «пылкаго мальчика» успѣлъ сдѣлаться «холоднымъ, расчетливымъ, перенесть *тяжкіе удары* рока (вѣрно, чего-нибудь другаго: *рока* — должно быть опечатка), и потерять вѣру въ счастіе и теплую любовь къ людямъ!» И вообразите только, что все это въ двадцать пять лѣтъ и еще на студенческой лавкѣ. Нѣтъ, нѣтъ надежды! Мы сами разочарованы пуще этого разочарованнаго юкоши. Мы въ отчаяніи! Не это хотѣли бы мы видѣть въ Харьковской «Надеждѣ». Мы желали бы видѣть составителей ея говорящими не съ голоса другихъ, но по собственному убѣжденію, о томъ, что они точно знаютъ, и притомъ еще о чемъ-нибудь болѣе дѣльномъ; мы желали бы «Надеждѣ» менѣе прозы въ поэзіи и менѣе поэзіи въ прозѣ; мы желали бы юношамъ..... Впрочемъ, избави насъ Богъ, холодить тяжелымъ приговоромъ безпечную довѣренность юности, съ какою издатели «Надежды» передаютъ публикѣ все, что они слыхали, знаютъ, чувствуютъ, желаютъ, думаютъ. Мы увѣрены, лѣтъ черезъ десятокъ, они сами сознаются, что «Надежда» ихъ могла бъ быть не напечатана, и никто не замѣтилъ бы отсутствія ея въ книжныхъ лавкахъ. Прибавимъ, что тутъ есть однако жъ начало перевода «Макбета» Шекспирова, А. Кронеберга; за исключеніемъ нѣсколькихъ тяжелыхъ стиховъ, мы готовы посовѣтовать переводчику продолжать и кончить, потому что отрывокъ его можно назвать «Надеждою» на хорошій переводъ.

Digitized by Google

1. ИТАЛЬЯНСКІЯ КУКЛЫ *отличаются въ Богородицкѣ. Посланіе къ Москвичу. Сочиненіе* Ѳедота Кузмичева. *Москва, въ тип. Эрнста, 1836, въ-12., стр. 11.*

2. ВОЛШЕБНЫЙ КЛАРНЕТЪ, *или новый Орфей и служители безъ господъ. Очаровательный балетъ. Сочиненіе* Ѳедота Кузмичева. *Москва, въ тип. Эрнста, въ-16., стр. 11.*

Многіе, давно не видя новыхъ твореній Александра Анѳимовича Орлова, полагаютъ, что онъ теперь издаетъ свои сочиненія подъ именемъ Г. Ѳедота Кузмичева. Ипотеза совсѣмъ не основательная: мы долгомъ почитаемъ увѣдомить, что Г. Ѳедотъ Кузмичевъ — лице совершенно отдѣльное и самобытное, тотъ самый сочинитель, который называлъ себя «Сыномъ природы» въ заглавіи своихъ книжекъ.

1. ТЕТРАДЬ ЛЮБВИ. *Сочиненіе необходимое для всякаго желающаго имѣть успѣхъ между прекраснымъ поломъ. СП.-бургъ, въ тип. Э. Праца и Комп., 1836, въ-12, стр. 48.*

2. ИГРА ЛЮБВИ, *или Русскій помѣщикъ въ концѣ XVIII столѣтія. Романъ. Сочиненіе* Александра Никитина. *Москва, въ тип. Степанова, 1836, въ-12. Двѣ части, стр. 192 – 210.*

Между этими двумя книгами, конечно, есть нѣкоторое несходство: одна напечатана въ Москвѣ, другая въ Петербургѣ, одна состоитъ изъ 48, другая изъ 402 страницъ; но есть у нихъ и родныя черты, разительно ихъ сближающія: одна «Тетрадь» любви, другая «Игра» любви; одна плохая сатира на любовь, другая плохой романъ о любви, и обѣ, кажется, своего домашняго издѣлья, хоть на «Тетради» имя сочинителя не выставлено.

По «Тетради», каждый «желающій *имѣть успѣхъ между* прекраснымъ поломъ», можетъ пріобрѣсть средства къ имѣнію такого успѣха; но «Игра» Г. Никитина вразумитъ каждаго, что за вздоръ, и что за нелѣпость такая, «любовь». Въ «Игрѣ» Г. Никитина каждый увидитъ, какъ молодой человѣкъ можетъ влюбиться въ молодую дѣвушку, страшную

*

Digitized by Google

вѣтренницу; какъ въ него можетъ влюбиться сестра вѣтренницы, умница; какъ въ вѣтренницу могутъ влюбиться еще забіяка офицеръ, Французъ учитель и, чего добраго, даже Пугачевъ. Пугачева поймали и казнили, а вѣтренница влюбилась въ Француза, и съ нимъ бѣжала, забравши у отца всѣ лишнія деньги и вещи. Французъ бросилъ ее въ Москвѣ, гдѣ нашелъ ее забіяка офицеръ и женился на ней, а герой романа съ горя влюбился въ сестру ея, умницу, и сталъ счастливъ. Такова игра любви! Сочинитель искренно признается, что, какъ ни «волочится» онъ за вниманіемъ читателя, но ясно самъ видитъ, что романъ его «сущій вздоръ», только увѣряетъ, что этотъ вздоръ дѣйствительно происходилъ, и оно весьма возможно, потому что на свѣтѣ иногда происходятъ ужасные вздоры:

«Клянусь вамъ будущей женой,
Во снѣ пожаромъ и собакой,
Морей девятою волной
И мужиковъ базарной дракой!»

Видите, что авторъ не только романистъ, но и поэтъ. Увы, изъ посвященія узнаемъ, что онъ «долго пилъ полною чашею», и именно пилъ «наслажденья удалой жизни, даже до всемогущаго забвенья», и «*хладно* любилъ прелести»; что потомъ «съ усталою душою, поникъ пасмурнымъ челомъ на лонѣ *лѣни и праздности*, въ тревогѣ дружескихъ пировъ, безъ жажды милыхъ пѣснопѣній, и совершенно позабылъ языкъ боговъ»; и хотя онъ «породнился» вновь съ перомъ и —

«Вотъ я за прозу, и создалъ
Все то, что *скука* мнѣ внушала,
Что послѣ праздничныхъ тревогъ,
Изъ сердца *выжать* только могъ:
И вотъ романъ» —

въ которомъ эти выжимки сердца авторъ старался «залить поэтическимъ мечтаньемъ». Однако бѣдному автору отъ этого не легче:

«Нѣтъ радости, нѣтъ счастья *молодова!*
Брожу одинъ, мертвецъ живой!
О милый другъ! о край родной!
Увижу ль васъ когда я снова?
Ау! Ау! откликнись мнѣ.....»

Digitized by Google

Есть дѣйствительно несчастливые люди, которые, даже «выжавъ» изъ своего сердца весь «вздоръ» (слово Г. Никитина, а не наше, и которое мы охотно ему предоставляемъ), не чувствуютъ себя легче!

ДРУГЪ. *Сочиненіе* Н. Т.м.ш.в.с.к.го. *СП.-бургъ въ тип. Греча. 1836, въ-8., стр. 223.*

Недавно рекомендовали мы читателямъ интересную книгу подъ титуломъ «Оный и она», или «Онъ и она», какъ превосходный образецъ взгляда на міръ, любовь и дружбу, съ студенческой лавки. Тѣ, которые любятъ осматривать вещи со всѣхъ сторонъ, могутъ еще прочитать «Друга», сочиненіе господина Т.м.ш.в.с.к.го, человѣка совершенно *безгласнаго*, чтобы увидѣть, какъ на все это глядитъ народъ канцелярскій; народъ, который Г. Башуцкій называетъ «ходящимъ»; народъ составляющій выписки, изъясненія, доклады, пишущій, переписывающій, всю жизнь спрягающій глаголъ «получилъ», и по-превосходству получающій; народъ молодой добрый, веселый, у котораго будущность не восходитъ далѣе Новаго года, мечта далѣе награды, веселье далѣе гулянья на Крестовскомъ, небо далѣе вечера у пріятеля, а разговоръ далѣе погоды, бостона и «Ревизора». Ну, если вы вообще мало знаете этотъ народъ, прочтите-ка «Друга», сочиненнаго Г. Т.м.ш.в.скимъ. Тутъ народъ этотъ живетъ полною жизнью, съ своими мечтаньями, весельемъ, горемъ, канцелярскою работою, дружескими вечеринками, кускомъ бифстеку, селедкою, бутылкою Донскаго, блаженствомъ и балами въ Семеновскомъ Полку, гдѣ страшно курятъ и до упаду танцуютъ; съ своей любовью и своей дружбой. Картина живая; только не давайте «Друга» ни вашей сестрицѣ ни дочкѣ, потому что авторъ, рисуя вѣрныя картины, часто заходитъ въ нижніе этажи бытія своихъ героевъ: они ходятъ обѣдать къ Нѣмкѣ за 1 рубль 50 коп. съ пивомъ; у Нѣмки есть племянница; эта племянница сталкивается у героя романа съ горничною барышни, за которою онъ волочится. Вы понимаете, что изъ этого выходитъ.

У господина Т.м.ш.в.с.к.го видно дарованіе подмѣтить и записать смѣшное. Только, зачто онъ такъ сердитъ на невинное Русское мѣстоименіе *онъ*? Оно въ Русскомъ язы-

Digitized by Google

къ необходимо; дотого необходимо что безъ него не было бы въ нашей словесности знаменитаго романа «Онъ и она». Вотъ какъ пишетъ господинъ Т.м.ш.в.с.кій, стараясь избѣгать всячески этого опаснаго слова:

«И вы къ намъ? курить? позвольте предложить! — *Подалъ* трубку. — Grand merçi! — *Поднялъ* плечи, лѣвою рукою *взялъ* трубку, правою *пожалъ* руку Долева. Mon Dieu, какъ жарко!» *Поправилъ* галстукъ.»

были и невыдицы *казака* Владиміра Луганскаго. *Русскія сказки: I. Илья Муромецъ; II. Емеля Дурачекъ; III. Воръ и бурая корова; IV. Иванъ Лапотникъ. Книжка третья. СП.-бургъ, въ тип. Гинце, 1836, въ-8., стр. 182.*

Эй, кума Соломонида, не проплясать ли намъ какого-нибудь критическаго казачка по случаю этой литературы въ присядку? Вотъ, нашъ казакъ Владиміръ, котораго ты такъ любишь. Посмотри, какую онъ опять написалъ книжицу! Хоть попу Осипу читать, даромъ что дядя Софронъ морщится и зѣваетъ. Поклонись честному казаку, кумушка голубушка, да и пойдемъ плясать подъ его дудочку.

Вѣдаешь ты и знаешь, а коли знаешь, такъ на усъ мотай, другимъ не сказывай, думай съ подушкой да съ милой милушкой, кури люльку да сливай пульку, чтобы доброму человѣку на походѣ отъ жажды пригодилась, а бусурману въ лобъ угодила, — вѣдаешь ты, казаче Владиміръ, по отчеству незнаю, а прозванье дано тебѣ съ луга зеленаго, на которомъ тебя мать родила, сытой поила, да кашей кормила, а мышкѣ горюхѣ не давала ни зернышка, — вѣдаешь ты, что разсказы твои, въ переметной казачьей сумкѣ, шерстью вверхъ, чтобы дождь съ нихъ жемчугомъ скатывался, а ихъ не мочилъ, намъ любы, больше чѣмъ беззубой старухѣ зубы, мужику лапти новые, а ребенку ватрушка съ масломъ. Умѣешь ты, казакъ Луганскій, сказку сказать, скорѣе чѣмъ стриженая дѣвка косу заплететъ; а сказка такая выходитъ у тебя знатная, словно скатерть камчатная, усъ казачій, ключь гремячій. Гей! насвистывай, знай смѣкай, народъ православный, что понялъ; а не понялъ, такъ на печь лѣзь, да думай три дня съ хвостикомъ, а передумывай два дня съ недѣлей: не хочу въ Новгородскіе дискать воеводы, а гну умъ

Digitized by Google

разумъ; слово есть, мысль прійдетъ сама собой, вѣдь ее не Турокъ съ хрѣномъ съѣлъ, подавился, да промолвился, плюнулъ, да вспомнилъ — охъ, худо дѣло! Вѣдь, этакъ и на старуху проруха живетъ! А собрались, знаешь ты, мужики, дураки, Заолешане, думали, гадали: «Куда-де онъ хитеръ, Казакъ Луганскій! будто хмѣль золотой по тычинкѣ вьется; змѣйкой со словечка на словечко переходитъ; подбочепятся, да и давай завивать кудри у сказки, либо небылицѣ, красной дѣвицѣ, русу косу разчесывать!» Они такъ помаячили, а кумъ Матвѣй, не съ того слова: «Ты что, дядя Софронъ, молчишь? Аль языкъ-то въ наймы отдалъ? Аль тебѣ сказки Луганскаго не любы?» А дядя Софронъ, знаешь, мужикъ рякій, грамотей, начетчикъ, по складамъ Еруслана Лазаревича прочелъ, — погладилъ бороду, усы разкинулъ: «Дураки вы,» говоритъ, «пироговъ наѣлись, и думаете, будто пообѣдали! Сказка *слово,* вѣстимо дѣло: да въ словѣ-то надобно *дѣло,* сирѣчь (ужъ такъ всегда говоритъ, какъ по печатному говоритъ дядя Софронъ), сирѣчь, смыслъ, чтобы слово сквозь уши пролетало, а мысль на ретивомъ оставалась; а то слово да слово, красно и пестро, да не тепло: отъ него уму разуму потѣхи нѣтъ! Пожалуй, намелю я вамъ словъ съ три короба, а сказки все-таки не будетъ. Языкъ-то безъ костей; торгуй словами, да и разуму-то магарычи плати. Ась?» Тутъ дядя Софронъ крякнулъ вотъ этакъ — «Гмъ!», и пошелъ, а я подслушалъ, да и маракую: «Сѣмъ-ка я запишу, да пошлю къ грамотнымъ: авось въ словахъ-то Софрона какого толку добьются, и Казаку Луганскому вѣсть дойдетъ, что дядя Софронъ баялъ.» И послалъ я, кумушка Соломонида: не знаю, что скажутъ. Чай скажутъ: «Ладно, братъ Емелiянъ! Какова литература, такова и критика.»

СОФІЯ КУЧКО, *или Любовь и мщеніе. Историческій романъ XII столѣтія. Сочиненіе* И. Грибоѣдова, *Москва, въ тип. Н. Степанова, 1836, въ-16. Четыре части, стр. 100 – 85 – 87 – 93.*

Вы знаете старую, и довольно нелѣпую сказку, какъ князь Юрій Долгорукій пріѣхалъ въ помѣстья боярина Кучка, убилъ его, женилъ сына на его дочери, на мѣстѣ села Куч-

Digitized by Google

ка застроилъ Москву, и какъ потомъ дѣти Кучка убили своего зятя, сына Юрьева, были зашиты въ лубяныя короба и брошены въ озеро, гдѣ и до-сихъ-поръ плаваютъ, отъ чего озеро названо «Поганымъ»! Какъ не знать! Вотъ изъ этого-то Г. Грибоѣдовъ испекъ коротенькій романъ, и предлагаетъ его на закуску досужему читателю. Впрочемъ, проглотивши твореніе Г. Грибоѣдова, читатель не разжирѣетъ, и мы право, не знаемъ чей желудокъ перенесетъ чтеніе «Любви и мщенія». По числу страницъ — это пигмей, по безсмыслицѣ — исполинъ.

РОМАНЫ И ПОВѢСТИ, *сочиненія* Василія Нарѣжнаго, *Изданіе второе. СП.-бургъ, въ тип. Смирдина, 1836, въ-12., Десять частей, стр. 308 — 378 — 140 — 230 — 294 — 303 — 347 — 224 — 230 и 236, съ гравированными заглавіями.*

Вамъ сказываютъ вдругъ о пріѣздѣ какого-то знакомаго. Вы что-то забыли его имя. Пріѣзжій входитъ. Презнакомое, умное, доброе лице. «Ба, ба, ба! да, не вы-ли это Петръ Ивановичъ?» — Я, батюшка! — «Старый другъ! Добро пожаловать!» Это провинціялъ; рѣчь у него Вологодская; платье старомодное; обѣдаетъ онъ въ два часа; разинувши ротъ глядитъ на Петербургскія дивѣски: однако вы согласитесь провести лучше полдня съ этимъ умнымъ простякомъ, старымъ пріятелемъ, нежели посвятить полчаса какому-нибудь приторному денди Невскаго Проспекта, который перескажетъ вамъ самыя свѣжія сплетни столицы! По-крайней-мѣрѣ, мы прогнали бъ этого денди, и заперлись бы отъ него съ нашимъ умнымъ провинціяломъ. Признаемся, точно это было съ нами, когда мы взяли въ руки новое изданіе сочиненій Нарѣжнаго: мы бросили въ сторону четыре книжки новыхъ стихотвореній, столько же томовъ прозы, столько же водевилей, и съ удовольствіемъ прочли снова Нарѣжнаго; иное въ немъ пропустили, иное только пробѣжали, иное прочитали два раза, и вообще поблагодарили предпріимчиваго издателя зато, что онъ позаботился доставить намъ опрятное и дешевое изданіе сочиненій нашего стараго пріятеля, Нарѣжнаго.

Digitized by Google

Тутъ найдете вы Бурсака, Двухъ Ивановъ, Аристіона, Черный годъ, шесть повѣстей, и Славянскіе Вечера. Недостаетъ только «Русскаго Жилблаза».

Нарѣжный не былъ ни геній, ни человѣкъ обширнаго ума или пламеннаго воображенія. Умный, нерѣдко острякъ, мастеръ по своему разсказывать, немного вольный, никогда безнравственный, и особливо, какъ Малороссіянинъ, охотникъ *жартовать*, что̀ наслѣдовалъ отъ него Г. Гоголь, и что̀ многимъ кажется тѣмъ, что Англичане называютъ юморомъ: таковъ Нарѣжный, литераторъ прошлаго столѣтія, и котораго можно назвать родоначальникомъ Русскихъ романистовъ. Таковъ особливо лучшій его романъ, «Бурсакъ», типическое произведеніе; таковы «Два Ивана или Страсть къ тяжбамъ». Бурсаки, школы, казаки, сулейки, фляжки, жидки съ премудрыми *песками*, — это царство Нарѣжнаго, и онъ, какъ Теніеръ среди Фламандскихъ мужиковъ, какъ А. Е. Измайловъ среди квартальныхъ и будочниковъ, какъ Нахимовъ среди подьячихъ, превосходенъ, веселъ, шутливъ. Тамъ, гдѣ Нарѣжный начинаетъ умничать, тамъ, гдѣ онъ принимается за любовь, мы отказываемся отъ Нарѣжнаго; но можно было бы порадоваться, если бы нашелся еще одинъ романъ въ родѣ его «Бурсака». Знаете ли, что Нарѣжный написалъ такъ же трагедію? Герой трагедіи его тотъ же, котораго изображали, прежде и послѣ Нарѣжнаго, Сумароковъ, Погодинъ, Хомяковъ, Булгаринъ, Пушкинъ, всѣ, — словомъ это Отрепьевъ, Самозванецъ. Трагедія Нарѣжнаго была драма романтическая, историческая, на манеръ драмъ Нѣмецкихъ, Испанцевъ въ Перу, Смерти Роллы, и прочая, которыя были тогда въ великой модѣ. Да что лихомъ вспоминать добраго человѣка! Поэтому мы ничего не скажемъ и объ «Славянскихъ вечерахъ» Нарѣжнаго, въ родѣ сочиненій, который былъ созданъ Флоріаномъ, а на Русь перенесенъ Херасковымъ, каковы Кадмъ и Гармонія, Полидоръ, Нума Помпилій. Впрочемъ, и тутъ есть мѣста удачныя. Жаль, что Нарѣжный попалъ въ такое время Русской литературы, когда вкусъ и критика еще не существовали, и самый языкъ былъ полемъ сдва засѣяннымъ, въ черезполосномъ владѣніи Ломоносова съ Сумароковымъ. Слѣды всего этого остались на Нарѣжномъ.

Digitized by Google

степени женщинъ. *Простая женщина; гризетка; горожанка; свѣтская женщина. Сочиненіе Эмиля Сувестра. Переводъ съ Французскаго. Москва, въ тип. Евреинова, 1836, въ-12. Часть первая, стр. 222.*

Есть люди, которые жалуются, — на что не жалуются люди, спросимъ мимоходомъ! — жалуются, почему помѣщаемъ мы въ Б. для Ч. повѣсти и литературные отрывки иностранныхъ писателей, особливо Французскихъ, передѣланные. Можно бы отвѣчать — не нравится, не читайте; но мы не хотимъ такого оправданія, и скажемъ, что не отвергая дарованія многихъ Французскихъ писателей, нѣсколько искусную передѣлку ихъ мы почитаемъ необходимостью, именно потому что дурная метода писанья дѣлаетъ ихъ нестерпимыми. Изображать рѣшительно только худое, изображать міръ и людей съ злой стороны, насильствовать воображеніе только для того чтобы выставить людей и общество гадкими, вотъ нынѣшняя школа, нерѣдко искупающая свою дурную методу красотами исполненія. Что жъ изъ этого дѣлаетъ Б. для Ч.? Подбираетъ блестки золота, очищаетъ ихъ отъ грязи, и передаетъ въ этомъ видѣ Русской публикѣ, нерѣдко огромный томъ сжимая въ маленькую тетрадку. Такова система всѣхъ лучшихъ журналовъ въ Европѣ. А впрочемъ, примѣры убѣждаютъ лучше: недавно напечатали мы повѣсть изъ новой книги молодаго Французскаго романиста Эмиля Сувестра. Теперь кто-то перевелъ и печатаетъ въ Москвѣ книгу его вполнѣ. Не вздумаете ли прочесть и повѣрить слова наши? Всѣ женщины гадки, всѣ мужчины злодѣи или жертвы женщинъ, и въ доказательство этого авторъ представляетъ цѣпь пороковъ, распутствъ, несчастій, невольныхъ преступленій; одна исторія кончится на эшафотѣ, другая въ больницѣ и анатомическомъ театрѣ; и все это такъ натянуто, такъ запачкано, что вмѣсто сострадація раждается отвращеніе, вмѣсто ужаса тошнота, которую, надобно признаться, умножаетъ еще слогъ Русскаго перевода. Для образчика, вотъ начало:

«Если вы когда-нибудь вечеромъ, пойдете прекрасною улицею *Мерства*, въ Брестѣ, *когда* вы поравняетесь съ *этимъ* страннымъ фасадомъ, на которомъ рука художника изобразила по *пространному* полю узорчатые наборы *арабесокъ* мебели временъ Франциска I-го,

Digitized by Google

остановитесь тутъ и придавъ къ тому нѣсколько повозокъ, собранныхъ передъ богатымъ магазиномъ, *перенеситесь до верхушки стѣны* господствующей надъ земляным мостомъ, взгляните оттуда внизъ.»

Поняли ль вы что-нибудь? Когда вы пойдете, то поравнявшись съ фасадомъ, остановитесь, и, придавъ къ тому нѣсколько повозокъ, перенеситесь до верхушки стѣны и взгляните..... Что это такое?

ЧЕРНЫЙ ПАУКЪ, *или Сатана въ тюрьмѣ. Фантастико-волшебная повѣсть небывалаго столѣтія. Сочиненіе Гоффмана, передѣланная съ Нѣмецкаго*, А. Про—мъ. *Москва, въ тип. Эрнста, 1836, въ-12, стр. 62.*

Неужели эта нелѣпость въ самомъ дѣлѣ — сочиненіе извѣстнаго Гоффмана? Намъ не случалось читать ея въ подлинникѣ, а впрочемъ и умнымъ писателямъ случаюсь писывать вздоры. Доказательство этого слѣдуетъ немедленно: вотъ оно —

КЛАВИГО. *Трагедія Гёте, переводъ съ Нѣмецкаго* Ѳедора Кони. *Москва, въ тип. Степанова, 1836, въ-8., стр. 114.*

Исторія этой трагедіи слишкомъ извѣстна, однако жъ мы перескажемъ ее въ кратцѣ. Въ юности Гёте, вошли въ большую моду «слезныя комедіи», comédie larmoyante, и, «драмы въ прозѣ», или «мѣщанскія трагедіи», tragédie bourgeoise, какъ иначе называли ихъ. Дидро сдѣлался отцомъ мѣщанской трагедіи. Это былъ первый переходъ къ Шекспиру и Романтизму во Франціи и Германіи. Сотни такихъ произведеній наводняли тогда слезами театры, и, вѣролятно, есть еще старики, которые плакивали за Эмиліей Галотти, Беверлеемъ, Графомъ Вильтрономъ, Гусситами подъ Наумбургомъ, Отцомъ семейства, и прочая. Въ это же время Бомаршѐ дурачилъ Европу «Женитьбою Фигаро» и своими тяжбами, которыя смѣшили и занимали всѣхъ не менѣе плутней Фигаро. По поводу этихъ тяжбъ, оправдывая себя въ причинѣ поѣздки своей въ Испанію, Бомаршѐ издалъ брошюрку, гдѣ остроумно и превосходно описалъ свою поѣздку. Вся Европа читала брошюрку; на Русскій языкъ

Digitized by Google

перевелъ ее Жуковскій, и помѣстилъ въ Вѣстникѣ Европы, 1808 года. Молодому Гёте, который былъ также молодъ въ свое время, вздумалось сдѣлать изъ брошюрки Бомарше мѣщанскую трагедію: онъ сочинилъ трагедію, и вышла сущая комедія,—гдѣ Бомарше веселый, злой, насмѣшливый, является каррикатурой, люди умираютъ, рѣжутся, плачутъ, и во всемъ этомъ нѣтъ ни крошки истины и поэзіи. Господину Кони вздумалось теперь перевесть эту трагическую пародію на Русскій языкъ. Вольному воля, которая однако жъ «и добра коня портитъ».

1. ЖЕНА СОСѢДА, *или Мужья въ западнѣ, водевиль въ одномъ дѣйствіи, переведенный съ Французскаго* А. И. Булгаковымъ. *СП.-бургъ, въ тип. Вингебера, 1836, въ-12., стр. 80.*

2. ДЕБЮТАНТЪ, *илиСтрасть къ театру, комедія въ одномъ дѣйствіи, подражаніе Французскому* А. И. Булгакова. *СП.-бургъ, въ тип. Вингебера, 1836, въ-12., стр. 55.*

Бенефисъ! надобно длинную аффишу, съ водевилемъ, съ комедіей на хвостѣ! Водевиль, комедію! Ради Бога, водевиль, комедію! Что тутъ долго думать! закидывайте уду въ болото, которое называютъ Французскимъ репертуаромъ! Скорѣе, скорѣе! Клюетъ? Тащи! Что такое? Пискарь, лещъ, щука? Чтобы ни было, тащи, жарь, подавай, пой, смѣйся, зѣвай! Скажутъ — хорошо, тѣмъ лучше; скажутъ — вздоръ, признайтесь, какъ весьма умно признается Г. Булгаковъ, говоря о своемъ водевильномъ дѣтищѣ:

«Онъ скученъ, вялъ и не остеръ,
Какъ бенефисная піеса!»

И Богъ съ вами, до новаго бенефиса.

1. ОБЩАЯ РЕТОРИКА, Н. Кошанскаго. *Изданіе четвертое. СП.-бургъ, въ тип. Медицинскаго Департамента М. В. Д., 1836, въ-8.. стр. 130.*

2. ЧАСТНАЯ РЕТОРИКА, Н. Кошанскаго. *Изданіе третіе. СП.-бургъ, въ тип. Медицинскаго Департамента М. В. Д., 1836, въ-8., стр. 165 и XI.*

Digitized by Google

3. ЛАТИНСКАЯ ГРАММАТИКА, *съ примѣрами для чтенія и словаремъ. Изданная, по Брёдеру,* Николаемъ Кошанскимъ, *профессоромъ, и проч. Изданіе седьмое. СП.-бургъ, въ тип. Академіи Наукъ, 1836, въ-8., стр. 182 и 62.*

Мы хотѣли-было много говорить о «Риторикѣ», или когда угодно, «Реторикѣ», Г. Кошанскаго, которая можетъ почесться экстрактомъ всего, что говорили и говорятъ объ этой не существующей теперь, по нашему мнѣнію, наукѣ; но мы разсудили, что въ такомъ случаѣ надобно подробно раскрыть начала нашей теоріи и винить не Г. Кошанскаго, а тѣхъ которые выдумали такъ называемую *науку* Риторику. Надобно опровергнуть въ основаніи причину; послѣ чего сами собою распадутся слѣдствія. Между-тѣмъ, пускай издаются Риторики. И при ошибочной системѣ, все-таки можно чему-нибудь выучиться. Недавно читали мы въ одной Русской книгѣ слѣдующее родословіе А. С. Пушкина, какъ поэта: Мерзляковъ создалъ Г. Кошанскаго, а Г. Кошанскій создалъ А. С. Пушкина. Слѣдовательно А. С. Пушкинъ учился по риторикѣ Г. Кошанскаго, и, слѣдовательно, учась по риторикѣ Г. Кошанскаго, можно выучиться прекрасно писать.

Но «Латинская грамматика» Г. Кошанскаго до-сихъ-поръ едва-ли не лучшая изъ всѣхъ изданныхъ на Русскомъ языкѣ Латинскихъ грамматикъ.

1. АЗБУКА, *приспособленная къ постепенному развитію дѣтскихъ понятій, и украшенная политипажными изображеніями. Москва, въ тип. Семена, 1836, въ-8., стр. 92.*

2. ІОСИФЪ ПРЕКРАСНЫЙ, *повѣствованіе, заимствованное изъ священнаго писанія* Б. Федоровымъ. *Изданіе второе. СП.-бургъ, въ тип. И. Россійской Академіи, 1836, въ-12., стр. IX и 70.*

Сочинитель «Азбуки», кажется, немного перехитрилъ свое доброе намѣреніе. Онъ хотѣлъ сдѣлать изъ нея энциклопедію для дѣтей, но азбука въ девяносто двѣ страницы — пріемъ слишкомъ сильный для начинающаго учиться читать, да онъ и не въ состояніи читать ея, а энциклопедія въ

Digitized by Google

азбукѣ всё равно что земной глобусъ на вишневой косточкѣ, — игрушка, которою не станутъ играть дѣти, знающіе уже сколько-нибудь географію.

«Исторія Іосифа» — совсѣмъ другое дѣло. Это одна изъ примѣчательнѣйшихъ книгъ нашего вѣка. «Исторія Іосифа» нарочно написана Г. Федоровымъ въ прозѣ и стихахъ. Проза читается обыкновеннымъ порядкомъ, но стихи, въ ней помѣщенные, надобно, посредствомъ затверживанія, прививать дѣтямъ, послѣ привитія коровьей оспы, для предохраненія ихъ отъ пагубной заразы стихотворства. Это великое изобрѣтеніе Г. Федорова уже поставило его на ряду съ Дженнеромъ, который вымыслилъ коровью оспу; и оба они будутъ извѣстны отдаленнѣйшему потомству подъ именемъ «благодѣтелей рода человѣческаго» за истребленіе ада двухъ ужасныхъ болѣзней, оспы и стихотворства, отъ которыхъ гибнутъ милліоны маленькихъ людей въ самомъ цвѣтѣ юности. Опытъ ежедневно подтверждаетъ спасительную силу прекраснаго средства, открытаго Г. Федоровымъ, и лучшимъ доказательствомъ успѣховъ его методы служитъ то, что стихи его вышли уже вторымъ изданіемъ. Всѣ они, кромѣ своей прививной пользы, еще очень милы, какъ напримѣръ слѣдующіе:

«Съ Іосифомъ подвигся весь *Египетъ*
Іакову воздать честь погребенья.»

РОДОСЛОВНАЯ *Императорскаго Всероссійскаго Дома, составленная* Константиномъ Лоаромъ. *1836. Таблица на одномъ листѣ.*

Пособіе весьма полезное, и хорошо составленное, для молодыхъ людей, изучающихъ отечественную Исторію. Мы совѣтуемъ каждому изъ нихъ имѣть подъ рукой эту таблицу, которая много облегчитъ память и изысканія.

ЖИВОПИСНЫЙ КАРАМЗИНЪ, *или Русская Исторія въ картинахъ, издаваемая* Андреемъ Прево, *коммиссіонеромъ Общества Поощренія Художниковъ. СП.-бургъ, въ тип. Праца, 1836, въ-8. Тетрадь шестая.*

Этотъ «Живописный Карамзинъ» назывался прежде «Дет-

Digitized by Google

ским Карамзинымъ». Прежнее заглавіе намъ болѣе нравилось. Зато нѣкоторыя изъ нынѣшнихъ картинокъ поправятся вамъ болѣе прежныхъ, — и мы будемъ квиты.

НОВЫЙ КУРСЪ ФИЛОСОФІИ. *Сочиненіе Е. Жерюзе. Переводъ съ Французскаго. СП.-бургъ, въ тип. Д. Внѣшней Торговли, 1836, въ 8., стр. 258.*

Нельзя дать лучшаго понятія объ этой книгѣ, какъ повторивъ здѣсь слова предисловія переводчиковъ.

«Всѣ почти недостатки, отъ которыхъ страждетъ Философія во Франціи, происходятъ главнымъ образомъ отъ того, что мыслители теряются въ явленіяхъ. Французы не строятъ, подобно Германцамъ, безжизненныхъ міровъ, но анализируютъ уже готовую природу; зато анализъ ихъ безконеченъ, такъ, что разумъ не можетъ выбраться изъ частныхъ фактовъ и, вмѣсто того чтобы изъ міра опытнаго подняться въ вышеразумѣнія, утомляется, изнемогаетъ. Поэтому-то мы находимъ множество опытовъ Философіи, уроковъ и отрывковъ, но не видимъ во Франціи ни одной полной системы, которая была бы проникнута свѣтлыми идеями. Г. Жерюзе понялъ, откуда происходятъ *нечистые* взгляды на предметы, удаленные отъ чувствъ, и, въ «Новомъ курсѣ Философіи», изложенномъ простымъ и яснымъ слогомъ, старается соединить эмпиризмъ съ идеализмомъ. Чтобы не вдаться въ которую-нибудь крайность, онъ совѣтуется съ исторіею философскихъ системъ и самъ излагаетъ ее кратко при руководствѣ знаменитаго Кузена. Говорить о пользѣ такой книги для нашихъ соотечественниковъ почитаемъ излишнимъ.»

ЧАСЫ БЛАГОГОВѢНІЯ, *для споспѣшествованія истинному христіанству и домашнему богопочтенію. Часть четвертая. Бесѣды христіанскаго семейства. Переводъ съ Нѣмецкаго, четырнадцатаго изданія. СП.-бургъ, въ тип. Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, 1836, въ-8., стр. 339.*

Первые два тома этого превосходнаго сочиненія, переведеннаго на всѣ языки и читаемаго всей христіанскою Европою, уже имѣли у насъ два изданія. Третій томъ вышелъ въ 1834 году. Нынче переводчикъ даритъ любителей назидательнаго чтенія четвертымъ, въ которомъ также заключается много прекрасныхъ и утѣшительныхъ разсужденій

Digitized by Google

истинно христіанской философіи. Особеннаго вниманія заслуживаютъ въ этомъ томѣ бесѣды — Мужество къ добродѣтели, — Борьба мудраго съ своей участью, — Клевета, — Прискорбіе быть неузнаннымъ, — и Польза уединенія.

ИСТОРІЯ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ. *Часть четвертая, содержащая въ себѣ продолженіе войнъ христіанъ противъ Турковъ, общія разсужденія о состояніи Европы во время и послѣ крестовыхъ походовъ, съ исчисленіемъ медалей крестоносныхъ монарховъ и съ четырьмя чертежами. Сочиненіе Г. Мишо, члена Академіи Французской. Перевелъ съ Французскаго* Иванъ Бутовскій. *СП.-бургъ, въ тип. Военной, 1836, въ-8. Томъ пятый, стр. 587.*

Мы уже нѣсколько разъ имѣли случай препоручать любопытству нашихъ читателей это важное изданіе. Пятый томъ, который теперь выходитъ, есть послѣдній. Переводы такихъ книгъ обогащаютъ всякую литературу, а нашу и подавно.

СЛОВАРЬ ИСТОРИЧЕСКІЙ *о святыхъ прославленныхъ въ Россійской Церкви, и о нѣкоторыхъ подвижникахъ благочестія, мѣстно чтимыхъ. СП.-бургъ, въ тип. II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1836, въ-8., стр. VIII, 16 и 303.*

Трудъ драгоцѣнный и для христіанина, который найдетъ здѣсь достаточныя извѣстія о всѣхъ прославляемыхъ Греко-Россійскою церковью Святыхъ, и для историческаго изыскателя, который въ одной книгѣ увидитъ матеріялы, тщательно собранные и изданные съ критическою добросовѣстностью. Въ предисловіи, авторъ отдаетъ отчетъ въ житьяхъ Святыхъ, донынѣ извѣстныхъ, въ составленіи Русскихъ Миней, въ различіи мѣстнаго чествованія Угодниковъ и соборнаго причисленія къ лику Святыхъ. За подробнымъ каталогомъ, по азбучному порядку, слѣдуютъ триста шестьдесятъ три жизнеописанія, начиная съ Ольги, первой звѣзды святости, возсіявшей надъ Россіею, до епископа Митрофана, прославленнаго въ наши дни чудесами и нетлѣніемъ. Какая картина, какая величественная твердь, полная свѣтилами высокихъ христіанскихъ добродѣтелей, мерцающими благодатью

Digitized by Google

надъ алтаремъ, гдѣ возносятся молитвы Русскаго къ престолу предвѣчнаго; каплющая росою спасенія на сердца и души, проникнутыя благоговѣніемъ! Мы желаемъ быть здѣсь только отголоскомъ общей благодарности почтенному автору книги, которой недостатокъ въ нашей литературѣ и въ народномъ чтеніи былъ слишкомъ ощутителенъ.

1. СБОРНИКЪ МУХАНОВА. *Москва, въ тип. Университетской, 1836, въ 4., въ два столбца, стр. XII, 262, XXX и 14, съ приложеніемъ снимковъ.*

2. КАТАЛОГЪ *историческимъ памятникамъ, собраннымъ и изданнымъ* Павломъ Мухановымъ. *Москва, въ тип. Университетской, въ 12., стр. II и 34.*

Просвѣщенная часть публики внесла имя Г. Муханова въ благородный, но не длинный, списокъ полезныхъ и безкорыстныхъ любителей историческаго знанія за прежде изданныя имъ книги, «Памятники XVII вѣка» и «Записки Жолкевскаго». Трудъ неблагодарный, обыкновенно убыточный, не окупающій своихъ издержекъ, не читаемый массою. Пусть же Г. Мухановъ найдетъ для себя вознагражденіе хоть во мнѣніи немногочисленныхъ знатоковъ, отдающихъ полную справедливость его чистому усердію къ наукѣ. Новое собраніе Г. Муханова заключаетъ въ себѣ сто девяносто четыре акта, большею частью доселѣ неизвѣстныхъ. Они идутъ съ 1393 по 1729 годъ; многіе изъ нихъ драгоцѣнны: таковы домашняя переписка Царя Алексѣя Михайловича съ его сокольниками: Царь за-просто разсказываетъ свои удачи и неудачи на охотѣ, шутитъ, забавляется; рѣчь, говоренная при отъѣздѣ Владислава въ Россію Лаврентіемъ Гембицкимъ, и отвѣтъ Владислава; выписки изъ Литовской Метрики, съ извѣстіями объ ней; посольство Грузинскаго царя въ Испанію, въ 1465 году; письма царевича Алексія и Петра Великаго; споръ о мѣстничествѣ князя Пожарскаго съ Лыковымъ, гдѣ находится подробная родословная Пожарскихъ, и прочая. Къ этому приложены подписи Царя Алексія, Царевича Алексія, Императрицы Екатерины I, и другіе снимки, а въ заключеніе подробный реестръ и указатель предметовъ. Кто занимается старыми актами, тотъ поблагодаритъ еще

Digitized by Google

Г. Муханова за его «Каталогъ», гдѣ хронологически исчислено все, что и гдѣ онъ издалъ, именно двѣсти двадцать одинъ актъ. Подобный каталогъ всего, что до-сихъ-поръ напечатано у насъ по части историческихъ памятниковъ, былъ бы безцѣненъ для изыскателей исторіи.

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ *помѣстныхъ правъ и обязанностей, въ Россіи существовавшихъ, съ историческимъ изложеніемъ всего до нихъ относящагося. Составлено* Петромъ Ивановымъ, *коллежскимъ ассесоромъ, и прочая. Москва, въ тип. Университетской, 1836, въ-8., стр. XII и 251, съ таблицами.*

Какъ рады мы, что можемъ извѣстить сряду о четвертой книгѣ, заслуживающей особеннаго любопытства просвѣщенныхъ читателей!

Изъ книги Г. Иванова мы узнаемъ, что заботливое попеченіе Г. министра юстиціи, Д. В. Дашкова, обратилось теперь на приведеніе въ извѣстность такъ называемаго, «Архива помѣстныхъ и вотчинныхъ дѣлъ», существующаго въ Москвѣ, при Вотчинномъ Департаментѣ. Здѣсь хранятся важные матеріялы для Исторіи и Біографіи въ памятникахъ наградъ помѣстьями и вотчинами за службу Царю и отечеству. Въ Москвѣ учрежденъ особенный комитетъ, которому поручено разобрать, разсмотрѣть и описать все, что уцѣлѣло отъ многихъ гибельныхъ случаевъ, постепенно истреблявшихъ сокровища этого хранилища памятниковъ: Вотчинный Архивъ горѣлъ въ 1626 и въ 1737 годахъ, терпѣлъ потомъ отъ наводненія въ Петербургѣ, былъ разбросанъ и расхищенъ въ 1812 году въ Москвѣ. До 1812 года считалось въ немъ 25,819 столбцовъ, или свертковъ, и 16,319 книгъ, или тетрадей; 7,720 столбцовъ, и 2,053 книги погибло въ 1812; остается 18,098 столбцовъ и 14,266 книгъ, что все относится почти къ тремъ тысячамъ семействъ разныхъ помѣщиковъ, по счету 1700 года. Пока комитетъ оканчиваетъ трудъ свой, Г. Ивановъ издалъ предварительное свѣдѣніе о предметахъ Вотчиннаго Архива, изъясняя подробности дачъ, помѣстьевъ, присвоенныхъ имъ старинныхъ правъ, мѣстъ, всѣмъ этимъ завѣдывавшихъ, и порядка производства. Въ числѣ приложеній мы находимъ грамматы жало-

Digitized by Google

ванную, ввозную, сыскную, отказную, послушную, и прочія, образцы книгъ писцовыхъ, дозорныхъ, приправочныхъ, отказныхъ, платежныхъ, засѣчныхъ, отдѣльныхъ, отводныхъ, даточныхъ, описныхъ, отписныхъ, переписныхъ, отдаточныхъ, перечневыхъ (съ снимками почерковъ), и вообще всю дробь нашей старинной помѣстной и вотчинной юристики. Словомъ, книгу Г. Иванова, пока дождемся чего-нибудь большаго и совершеннѣйшаго, должно причислить къ необходимостямъ библіотеки каждаго юриста и историка.

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ *Русскаго офицера, изданныя* И. *Лажечниковымъ. Москва, въ тип. Степанова, 1836, въ-8., стр. 286, съ картинкою и гравированнымъ заглавіемъ.*

И. И. Лажечниковъ былъ еще юношею, когда участвовалъ въ битвахъ 1812, тринадцатаго и четырнадцатаго годовъ; на клочкахъ писалъ онъ тогда замѣтки свои, поэтизировалъ, потерялъ свой курьерскій чемоданъ, и изъ остатковъ составилъ книжку, изданную въ 1820 году. Черезъ шестнадцать лѣтъ..... Да вотъ что самъ онъ говоритъ теперь: «Перечитавъ нынѣ мои походныя записки, я увѣрился, что ихъ надобно было бы вовсе *передѣлать* отъ начальнаго до послѣдняго листа, или *не печатать*».

Извольте, передѣлайте.

«Но на этотъ трудъ недостаетъ у меня теперь времени.»

Такъ не печатайте.

«Но не печатать записокъ я не могу, потому что на это есть воля хозяина ихъ, книгопродавца Н. М. Глазунова, къ которому онѣ поступили въ собственность уже нѣсколько лѣтъ (тому) назадъ, и у котораго *по нимъ* я теперь въ долгу.»

Платить долги есть такая добродѣтель, такое самоотверженіе, что критика, вмѣсто разбора, должна только преклонить колѣни и поднесть гражданскій вѣнецъ писателю, который подаетъ подобный примѣръ своимъ читателямъ. Но, поквитавшись съ книгопродавцемъ, не останется ли почтенный авторъ «Новика» и «Ледянаго дома» въ долгу передъ читателями? Что позволялось юношѣ, того, можетъ-быть, не простятъ мужу, украшенному литературною славою. Карамзинъ издавалъ «Дѣтское чтеніе»; Жуковскій перево-

Digitized by Google

дилъ нѣкогда Шписсова «Старика вездѣ и нигдѣ», но они не ссужали потомъ именъ своихъ на новыя изданія этихъ работъ юности. Впрочемъ, не будемъ строги къ «Походнымъ запискамъ»; какъ замѣтки «молодаго офицера», ихъ можно прочесть съ удовольствіемъ и во второмъ изданіи.

ДЛЯ ГОСПОДИНА ШЕВЫРЕВА. *Пояснения критическихъ замѣчаній на его «Исторію Поэзіи». Статья I. Москва, въ тип. Степанова, 1836, въ-8., стр. 52.*

Вотъ печальное доказательство того, какъ необходимо журналисту избѣгать всякихъ полемическихъ отношеній: печальное, говоримъ, и говоримъ искренно. Въ самомъ дѣлѣ, грустное чувство должна возбудить брошюрка, о которой мы къ сожалѣнію, принуждены извѣстить читателей: это — отдѣльно отпечатанная статья какого-то Московскаго журнала, по прозванію, «Телескопъ», *аки* палица Алкидова, раздробляющая ученую славу Г. Шевырева, участника и чуть-ли не директора или главнаго редактора другаго Московскаго журнала, «Московскаго Надзирателя..... Соглядатая.....» или какъ бишь его зовутъ. Дѣло стало за «Исторію Поэзіи», изданную Г. Шевыревымъ. Г. Надеждинъ, или..... или..... да! «Темноскопъ, журналъ», если это правда, «современнаго просвѣщенія», покритиковалъ эту книгу, довольно порядочно, такъ, что Г. Шевыревъ, въ своемъ «Надзирателѣ, журналѣ», какъ слышно, «энциклопедическомъ», повелъ горячій отвѣтъ, и выстроилъ тезисы сильнаго спора; журналъ современнаго просвѣщенія отвѣчалъ ему; журналъ энциклопедическій не уступилъ; журналъ современнаго просвѣщенія опять отвѣчалъ, и сбылась пословица — въ драку итти, волосовъ не жалѣть. Если хотите, смѣшно, а, право, болѣе грустно и очень жалко, видѣть, какъ два почтенные журнала, одинъ «современнаго просвѣщенія», другой «энциклопедическій», одинъ..... какъ-то..... «Калейдоскопъ», другой..... постойте!..... «Назидатель», или что-то похожее,— извините, что не упомнимъ ихъ фамилій, — царапаютъ другъ друга въ этомъ дѣтскомъ спорѣ. Двое писателей сердятся, бранятся какъ школьники, острятся, подсмѣиваются, колютъ, щиплютъ одинъ другаго, барахтаются въ виду всей публики

Digitized by Google

въ грязи унизительной и жалкой полемики. Дѣло уже давно ими забыто, и преніе идетъ совершенно личное, не объ истинахъ науки, а о томъ, что одинъ соперникъ кричитъ: «Ты этого не знаешь»; другой отвѣчаетъ: «Нѣтъ, я знаю, ты не знаешь.» — Нѣтъ, ты не знаешь! — «Нѣтъ, ты!» — Да какая нужда публикѣ и наукѣ, знаетъ или не знаетъ то либо другое Г. Шевыревъ или Г. Надеждинъ? Наука отъ этого ничего не выиграетъ; публика ничего не потеряетъ. Что до того, если Г. Шевыревъ, толкуя философически объ Индѣйской поэзіи, не читалъ ни *Магабхараты*, ни *Бхагавадъ-гиты*, какъ доказываетъ это Г. Надеждинъ въ своемъ «Микроскопѣ», или что Г. Надеждинъ, изъясняя Еврейскую поэзію, выдумалъ небывалаго пророка Овида, какъ доказываетъ это Г. Шевыревъ въ своемъ «Надпрателѣ»? Говорятъ, — а можетъ-быть и врутъ, — что оба бранящіеся журналиста согласно нападали, одинъ въ своемъ «Ороскопѣ», другой въ своемъ «Набирателѣ», на Б. для Ч., — мы, къ крайнему ихъ прискорбію, никогда не читали этихъ нападокъ и по-сю-пору не видали даже ихъ журналовъ, — но, какъ бы то ни было, Б. для Ч., великодушно платя за зло добромъ, предлагаетъ имъ себя въ образецъ и примѣръ, совѣтуетъ быть хладнокровными, прекратить споры, уважать себя и свое мнѣніе, и увѣряетъ ихъ, что отъ всѣхъ этихъ преній и нападокъ не будетъ имъ проку ни какого, ни журналисту «современнаго просвѣщенія» ни журналисту «энциклопедическому». Для журналиста, который понимаетъ долгъ своего званія, всего приличнѣе видъ важный, степенный, ученый, вѣжливый, чего при полемикѣ соблюсти никакъ невозможно. Право такъ, милостивые государи!

НОВЫЕ ТОЛКИ *объ открытіяхъ на Лунѣ, приписываемыхъ астроному Гершелю, изданные на Нѣмецкомъ языкѣ подъ названіемъ: Доказательства справедливости открытій Дж. Гершеля на Лунѣ, съ краткимъ замѣчаніемъ о микроскопѣ освѣщенномъ посредствомъ смѣси водорода съ кислородомъ. СП.-бургъ, въ тип. Гуттенберговой, 1836, въ-12., стр. 36.*

Продолженіе той же безсмыслицы, о которой мы имѣли честь докладывать вамъ въ предпослѣдней книжкѣ Б. для Ч.

—

Digitized by Google

ДАМА, *въ остолбенѣніи, роняя изъ рукъ брошюрку «Новые толки объ открытіяхъ на лунѣ»*. Dites-moi, monsieur, je vous prie, est-ce que ce sont les cochers qui écrivent chez vous de tels livres?

КРИТИКЪ, *подбирая брошюрку съ полу*. Chez *vous*, madame? Dites, chez *nous*. Dieu merci, vous êtes russe.

ДАМА, *съ живостью*. Но я, признаюсь вамъ..... я краснѣю за Русскую литературу, читая такія вещи!

КРИТИКЪ, *хладнокровно*. Вы слишкомъ стыдливы. Такія ли вещи встрѣчаются въ нашей литературѣ, и никто за нихъ не краснѣетъ, даже сами ихъ сочинители!

ДАМА. Такъ я очень счастлива, что ничего этого не вижу.

КРИТИКЪ. Но какъ же эта брошюрка попала въ ваши руки?

ДАМА. Вы сами виноваты этому. Вы намъ сказали, что эти открытія на лунѣ — величайшая нелѣпость, какая только есть подъ луною!

КРИТИКЪ. Что жъ изъ этого?

ДАМА. Да то, что намъ стало любопытно! Мой мужъ любитъ нелѣпости.

(Историческое происшествіе.)

HISTOIRE ET LITTÉRATURE DES SCIENCES. *Cours professé à l'Institut des Voies de Communication par* Charles St.-Julien, *lecteur à l'Université Impériale de Saint-Pétersbourg. Classe des sous-lieutenans. St.-Pétersbourg, chez Hintze, 1836, pp. 177.*

«Исторія и литература наукъ» на ста семидесяти семи страницахъ были бы побѣжденною невозможностью, если бъ дѣло не объяснялось самимъ заглавіемъ книги: здѣсь именно столько исторіи и литературы наукъ, сколько нужно *для* подпоручиковъ, — ни болѣе ни менѣе, — но и этого довольно, даже для чиновъ выше подпоручика, какъ напримѣръ для дѣвицъ и для дамъ. Книга Г. Сенъ-Жюліена — не ученая, но она любопытна и пріятно написана: ее могутъ прочесть съ пользою даже тѣ, которые все знаютъ ничему не учив-

Digitized by Google

шись. Это бѣглый очеркъ развитія человѣческихъ познаній, усилій ума и его успѣховъ, изложенный живо и по хорошимъ руководствамъ.

КУРСЪ *аналитической геометріи. Сочиненіе ординарнаго профессора Н. Брашмана. Москва въ тип. Университетской, въ-8., стр. XXIV и 268.*

Это сочиненіе, какъ мы уже говорили, удостоилось полной преміи на Демидовскомъ конкурсѣ, по опредѣленію Академіи Наукъ.

ТАВЛИЦЫ ЛОГАРИѲМОВЪ *чисель и тригонометрическихъ линій, съ объясненіемъ ихъ употребленія въ Астрономіи, Гномоникѣ, Геометріи, и проч., составленныя Лаландомъ. Изданіе стереотипное. Москва, въ тип. Семена, 1836, въ-16., стр. 36 и таблицы.*

Изданіе Дидотовыхъ стереотипныхъ таблицъ въ Москвѣ — дѣло сколько полезное, столько и любопытное. Извѣстно, что Дидотъ издалъ стереотипомъ въ маленькомъ форматѣ Лаландовы таблицы логариѳмовъ, желая навсегда удалить ошибки типографическія, при которыхъ подобныя книги теряютъ все свое достоинство. Г. Ширяевъ выписалъ изъ Парижа нѣсколько тысячъ оттисковъ этихъ «вѣчныхъ» таблицъ, присоединилъ къ нимъ предварительное объясненіе, написанное извѣстнымъ математикомъ, Д. М. Перевощиковымъ, и какъ языкъ цыфръ есть языкъ всесвѣтный, то, съ прибавленіемъ готовыхъ Дидотовскихъ оттисковъ, Русская публика получила вѣрныя таблицы логариѳмовъ, дешево и въ уютномъ форматѣ. Всѣ занимающіеся математическими вычисленіями оцѣнятъ эту полезную услугу Г. Ширяева.

О ГОМЕОПАТИЧЕСКОЙ ДІЕТѢ, *съ приложеніемъ примѣра, какъ составлять подробное описаніе болѣзней, нужное для соображеній медика, въ пользу не-врачей. Сочиненіе доктора К. Бёнингаузена, Королевско-Прусскаго губернскаго совѣтника. Переводъ со втораго изданія. СП.-бургъ, въ тип. Гуттенберговой, 1836, въ-18., стр. 68.*

Вы искренно пожалѣете о бѣдныхъ паціентахъ гомеопатіи,

Digitized by Google

когда узнаете, отъ чего должно имъ воздерживаться, и чего должно бояться. Посудите сами:

Запрещаются: телятина, свинина, утки, гуси, почки, мозги, колбасы, рыба, икра, раки, яицы, сметана, сыры, салатъ, пирожныя, печенья.

Запрещаются: свекла, артишоки, спаржа, хренъ, лукъ, горчица, рѣдька, трюфли, шампиньоны, корица, перецъ, ваниль, лавровый листъ, соя, лимоны, миндаль.

Запрещаются: земляника, яблоки, груши, вишни, огурцы, брусника, черника, орѣхи, малины.

Запрещаются: кофе.. ...

Кто выпьетъ чашку кофе, тотъ умретъ при послѣдней каплѣ чашки. Кто выпьетъ двѣ, тотъ умретъ послѣ второй чашки. Кто выпьетъ три, тотъ умретъ послѣ третьей, и такъ далѣе. Кто выпьетъ милліонъ чашекъ, тотъ умретъ послѣ милліонной чашки. Словомъ доказано, что тѣ, которые употребляютъ кофе, всегда умираютъ послѣ послѣдней чашки кофею, рано или поздо. Вотъ почему великій Ганнеманъ строжайше запрещаетъ «этотъ ужасный ядъ» всякому, кто не желаетъ жить безконечно.

Запрещаются: чай.....

Какъ? и чай!

Да! и чай. *Запрещаются:* вина, ромъ, водки, ликеры, пуншъ, медъ, помада, о-де-колонь, порошки зубные, куренье порошками, куренье табаку, нюханье табаку, ожерелья янтарныя, цвѣтныя платья.....

— Вы шутите? не можетъ быть?

Совсѣмъ не шутимъ, — запрещается ѣсть, пить и одѣваться, и если вы не вѣрите, прочтите сами книжечку господина..... Не умѣемъ право выговорить его имени, потому что въ первый разъ встрѣчаемъ въ Русской азбукѣ небывалую букву *ö*, съ двумя точками.

Запрещаются также: *ö*, съ двумя точками, досада, гнѣвъ, радость, умственная работа, карточная игра, скука и веселье.

Что жъ дѣлать! Надобно воздерживаться отъ *всего*, безъ всякаго изъятія, потому что жизнь дороже *всего*. Сочинитель ясно доказываетъ, что все то, что какимъ-нибудь образомъ можетъ *лекарственно* дѣйствовать на организмъ, должно быть устранено, *дабы* пріемъ лекарства не могъ быть

Digitized by Google

изменен, *заглушен*, или въ *дѣйствіи* своемъ *нарушен* постороннимъ *лекарственнымъ веществомъ*. «Такъ сказалъ великій Ганнеманъ, который открылъ, что въ цвѣтномъ платьѣ, картахъ, ожерельяхъ, зубныхъ порошкахъ, скукѣ, есть частицы *лекарственно дѣйствующія*, и потому надо остерегаться всего этого, нето — «Негаus изъ общества человѣческаго!» говоритъ великій Ганнеманъ.

Спрашивается: всякой ли въ состояніи быть такимъ привередливымъ гомеопатическимъ нѣженкой, чтобы избѣгать всего, здѣсь запрещеннаго, и отыскивать *для* себя рѣдкіе предметы пищи, не вошедшія въ этотъ длинной списокъ ядовъ, когда у него, кромѣ капустныхъ щей да крутой каши, ничего на столѣ нѣтъ? Очевидно, что, *для* того чтобы ничего не *ѣсть*, надобно быть милліонщикомъ, и что гомеопатія — медицина *для* однихъ только богатыхъ. Какъ же не отравились милліоны людей, которые *ѣдятъ* рыбу, пьютъ чай, играютъ въ карты? Но развѣ вы забыли, что мудрый лекарь присудилъ Задигу окривѣть: тотъ не окривѣлъ; лекарь написалъ книгу, въ которой ясно доказалъ, что Задигъ «долженъ былъ окривѣть», и всѣ ученые лекаря рѣшили, что Задигъ «*долженъ* былъ окривѣть» непремѣнно.

Скажите лучше, если съ гомеопатической *діетой* должно вѣсить, мѣрять, разбирать такимъ образомъ питье, кушанье, одежду, житье-бытье наше, и походить на великаго Корнаро, который родился умирающимъ и потомъ взвѣшивая пищу и принимая цѣлый вѣкъ по ложкѣ микстуры ежечасно, прожилъ восемьдесятъ лѣтъ, и зато прослылъ чудомъ въ исторіи Медицины, стоитъ ли такая дрянная жизнь назваться жизнью?

Впрочемъ, запретивъ вино и кофе, гомеопатическая *діета* разрѣшаетъ воду и свѣжій воздухъ; запретивъ окороки, она разрѣшаетъ свиное сало *для* мазанья головы. Не угодно ли умастить этою мазью ваши волосы? Увидите, вамъ тотчасъ будетъ легче. Есть еще маленькія лазейки *для* несговорчивыхъ паціентовъ упрямой науки здоровья: послѣ жестокихъ запрещеній, мы нашли въ книжечкѣ Г. Бѣнингаузена, что если кто привыкъ къ чаю, — позволяется пить чай; если кто привыкъ къ рыбѣ — позволяется рыба; если кто привыкъ къ ветчинѣ, — позволяется ветчина. Общее правило — все можно ѣсть, пить, носить и дѣлать съ разрѣшенія гомео-

Digitized by Google

патическаго врача, заплативъ ему за такую индульгенцію смотря по степени несваримости предмета и трудности получить это разрѣшеніе.

ТАБЛИЦЫ ИГОРЪ ВЪ ПРОСТЫЯ ШАШКИ, *служащія введеніемъ въ общую правильную игру въ шашки, сочиненныя Любителемъ цифръ. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1836, 2 листа.*

Кто изъ васъ любитель играть въ дамы? То есть, нето чтобы съ дамами, которыя играютъ нами какъ шашками, но въ дамы, aux dames, въ шашки, играя шашками, вмѣсто дамъ, а не дамами вмѣсто шашекъ? Признаемся, мы не любимъ этой игры. Но что есть охотники до шашекъ, въ этомъ можно удостовѣриться въ гостиныхъ рядахъ. До-сихъ-поръ всѣ играли однако жъ на удачу, и Москвѣ, гдѣ явился теперь великій Любитель цифръ, суждено было начать науку систематической игры, *на-вѣрное*, въ дамы. Девять уже лѣтъ составляетъ эту науку почтеннѣйшій Любитель цифръ, по его собственнымъ словамъ, и наконецъ онъ надѣется объинтегралировать шашки и составить такія таблицы шашечныхъ логариѳмовъ, чтобы выигрышъ всегда походилъ на слѣдующую формулу:

$$2 + 2 = 4.$$

Теперь, на первый случай, почтенный Любитель цифръ предлагаетъ тридцать два примѣра, гдѣ можно *предсказать* выигрышъ на-вѣрное. Остается еще представить бездѣлицу, 1,245,789,902,703,588,009,786 примѣровъ шашечныхъ розыгрышей, число, до котораго восходитъ, за исключеніемъ тридцати двухъ, счетъ различныхъ игоръ въ шашки. Мы привели это число по вѣрному вычету Мохаммеда-ибнъ-Абада, извѣстнаго писателя Арабскаго, перваго въ свое время игрока въ шашки. Просимъ почтеннаго Любителя цифръ не почитать этого критикою, потому что мы совсѣмъ не хотимъ «походить наословъ, которые грызутся и лягаются передъ пустыми яслями». Такими «ослами» почтенный Любитель называетъ всѣхъ, кто осмѣлится *критиковать* его таблицы, и мы возвращаемъ ему этотъ гадкій эпитетъ, и его прекрасное сочиненіе, во всей ихъ дѣвственной цѣлости.

=

Digitized by Google

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— «Живописное Обозрѣніе», издаваемое въ Москвѣ книгопродавцемъ Г. Семеномъ, достигло благополучно и весьма исправно окончанія перваго своего тома въ первый день іюля, и удовлетворило ожиданіямъ читателей. Съ перваго іюля Г. Семенъ объявилъ продолженіе этого занимательнаго и полезнаго изданія впредь еще на годъ, на прежнихъ условіяхъ: извѣстно, что оно выходитъ отдѣленіями и получается по подпискѣ какъ журналъ. Его красивая наружность, хорошій выборъ предметовъ и отличные политипажные рисунки, приносятъ честь вкусу и издателя и редактора; а умѣренность цѣны (двадцать рублей за цѣлый годъ), дѣлаетъ его доступнымъ для многочисленныхъ читателей. «Живописное обозрѣніе» не уступаетъ ни Англійскому Panny magazine, ни его потомку, Французскому Magazin pittoresque. Матери семействъ не могутъ дать лучшаго чтенія юнымъ дочерямъ и сыновьямъ своимъ.

— Въ Петербургѣ будетъ выходить «Художественная газета», которой издателемъ Н. В. Кукольникъ. Весьма желательно, чтобы участіе публики поддержало это изданіе, котораго необходимость и польза въ нынѣшнемъ положеніи изящныхъ Искусствъ въ Россіи, несомнѣнны: оно можетъ распространить вкусъ къ произведеніямъ художествъ и удѣлять хорошія свѣдѣнія по этой важной статьѣ образованности обществъ.

— Мѣра необыкновенной важности для матеріяльныхъ успѣховъ Россіи удостоилась Высочайшаго утвержденія, и уже приводится въ дѣйствіе министерствомъ народнаго просвѣщенія. Правительство опредѣлило учредить при всѣхъ Университетахъ, гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ Имперіи «*реальныя* школы», или классы, въ которыхъ будутъ преподаваться наука Сельскаго Хозяйства, наука Торговли, Прикладная Химія, черченіе, бухгалтерія, и прочая. Слѣдствія этой мѣры, истинно благодѣтельной, неисчислимы. Легко вообразить, какъ подобный приливъ самыхъ

Digitized by Google

необходимыхъ въ частномъ быту познаній двинетъ впередъ земледѣліе, промышленость и ремесла, и какое вліяніе будетъ онъ имѣть на водвореніе повсюду труда искуснаго и образованнаго!

— Знаменитый романъ Шпинддера, «Еврей, картина Германскихъ нравовъ въ XV столѣтіи» вышелъ на дняхъ въ Русскомъ переводѣ, и мы можемъ прибавить, что переводъ хорошъ.

— «Записки 1814 и 1815 годовъ», А. И. Данилевскаго, вышли третьимъ изданіемъ.

— Г. Машковъ издалъ «Энциклопедическій альбомъ». Рѣшительно, у насъ энциклопедія въ модѣ.

—

*** Библіотека для Чтенія вынуждена вторично просить всѣхъ тѣхъ, которые, единственно по своей доброй волѣ, присылаютъ или сообщаютъ ей статьи въ стихахъ или прозѣ, чтобы они удерживали у себя копіи этихъ статей, потому что полученныхъ рукописей она *никому* не возвращаетъ и не входитъ ни въ какія объясненія насчетъ ихъ употребленія. Съ этимъ только условіемъ, sine qua non, Б. для Ч. и принимаетъ статьи.

=

Digitized by Google

VII.

СМѢСЬ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ. *Исторія Золотой Орды.* Читателямъ нашимъ извѣстно, что академія получила обширную рукопись на Нѣмецкомъ языкѣ, вслѣдствіе объявленной награды за сочиненіе исторіи Золотой Орды, и что особая комиссія, составленная изъ трехъ ученыхъ академиковъ, долго занималась разсмотрѣніемъ этой рукописи, которая имѣла заглавіемъ — «Исторія Золотой Орды, и прочая, съ присовокупленіемъ обзора *болѣе чѣмъ четырехъ сотъ источниковъ.*» Нынѣ комиссія донесла академіи, что сочиненіе это признано ею неудовлетворительнымъ, по разнымъ причинамъ, и преимущественно потому, что сочинитель выпустилъ изъ виду важнѣйшій источникъ для исторіи Золотой Орды, — наши отечественныя лѣтописи, которыхъ изслѣдованіе составляло главное условіе программы предложенной задачи. Такимъ образомъ запечатанный конвертъ, въ которомъ заключалось имя сочинителя, былъ сожженъ въ засѣданіи академіи, и оно осталось неизвѣстнымъ; рукопись можетъ обратно быть вытребована авторомъ; награда будетъ храниться въ кассѣ впредь до новаго назначенія. Мы не имѣемъ права подымать завѣсы, которая скрыла навсегда имя соискателя, но самъ соискатель не довольно скрылъ его, давъ своему труду одно изъ тѣхъ заглавій, какія даетъ одинъ только оріенталистъ во всей Европѣ, именно Г. Гаммеръ.

КОРОЛЕВСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *Кровообращеніе у насѣкомыхъ.* Гг. Бленвиль, Дюмериль и Бори представили весьма любопытныя наблюденія, которыя они дѣлали надъ насѣкомыми. По ихъ опытамъ, не подлежало

Digitized by Google

бы сомнѣнію, что кровь обращается у этихъ животныхъ точно также какъ въ человѣческомъ тѣлѣ; и такимъ образомъ вопросъ о главномъ двигателѣ механизма жизни насѣкомыхъ былъ бы разрѣшенъ окончательно. Положивъ, неотторгая отъ тѣла, ножку малодаго насѣкомаго изъ породъ Nonotecta, Naucoris или Hydrocorisæ подъ стекло, увеличивающее во сто разъ, замѣтно, говорятъ эти ученые, болѣе или менѣе явное движеніе, котораго быстрота бываетъ различна и можетъ быть ускорена, замедлена и совсѣмъ остановлена. Оно видно не только пока насѣкомое живо и ножка прикрѣплена къ его тѣлу, но даже нѣкоторое время по оторваніи этого члена. Г. Дюфуръ, который повѣрялъ ихъ опыты, думаетъ однако жъ, что это движеніе есть только простое качаніе мышцъ насѣкомаго, и что невозможно даже предполагать чего-либо похожаго на кровообращеніе у шестиногихъ.

2. Новый способъ выпрямленія кривыхъ ногъ и рукъ. Обыкновенная ортопедическая метода чрезвычайно мучительна. Докторъ Жюль Геренъ испыталъ съ полнымъ успѣхомъ средство, которое дѣлаетъ ненужными жескокіе сжимательные приборы, клещи, винты, пружины. Онъ сперва намазываетъ искривленный членъ деревяннымъ масломъ и обвертываетъ его фланелью; потомъ надѣваетъ на него складную деревянную трубку, просторную дотого, что между членомъ и ея внутреннею стѣною остается пустота; наконецъ наполняетъ эту пустоту алебастромъ. Когда алебастръ высохнетъ, докторъ Геренъ отнимаетъ свою форму, и скоблитъ алебастръ, облипшій вокругъ члена, дотого что наконецъ остается только тонкая оболочка, въ три линіи толщиною. Эта лѣпная перевязка возобновляется одинъ разъ въ недѣлю, и послѣ нѣкотораго времени оштукатуренный членъ получаетъ безъ боли природную прямизну, которая не измѣняется даже съ лѣтами. Коммиссія, наряженная академіею для изслѣдованія пользы этой методы, нашла ее совершенно удовлетворительною.

умъ соловья. Въ послѣднія наводненія, господствовавшія во Франціи, нѣкто Г. Нервò открылъ въ двухъ соловьяхъ, жителяхъ его сада, такія доказательства расчета и соображенія, какихъ бы никто не ожидалъ отъ птичьяго ума.

Digitized by Google

«Часть моего сада, пишетъ Г. Нервò, была уже потоплена. Два соловья имѣли гнѣздо въ нижней части живой изгороди, куда вода постепенно приближалась. Въ гнѣздѣ было пять яичекъ. Когда черта воды подвинулась на разстояніи пяти шаговъ отъ этого мѣста, я увидѣлъ уже только четыре. Заботясь объ участи моихъ соловьевъ, я съ безпокойствомъ наблюдалъ движеніе прибывающей воды. Въ одно утро я примѣтилъ, что въ гнѣздѣ — только два яичка. Вода была уже въ нѣсколькихъ вершкахъ отъ дна гнѣзда, и я подумалъ, что они упали въ воду. Но, спустя немного, въ гнѣздѣ осталось только одно яичко. Я началъ внимательнѣе присматривать за гнѣздомъ, и съ удивленіемъ увидѣлъ, что несчастные супруги уносятъ послѣднее свое яичко въ верхнюю часть сада, скользя на своихъ крылышкахъ надъ самою водою, быстро, но съ крайнею осторожностью. Черезъ нѣсколько дней они вывели пятерыхъ птенцовъ на землѣ, въ разстояніи полутораста шаговъ отъ прежняго гнѣзда. Они очевидно наблюдали возвышеніе воды, и заранѣе смекнули опасность съ дивною проницательностью. Какъ эти бѣдныя птички перенесли свои яички такъ далеко? Въ клювахъ или въ лапкахъ? Этого я не успѣлъ примѣтить; но вѣрно то, что они спасли ихъ.»

ПРОЕКТЪ СЛОМАНІЯ ПИРАМИДЪ. Египетскій паша давно имѣлъ намѣреніе укрѣпить берега Нила противъ Каира, чтобы обезпечить правильный разливъ водъ во время наводненій. Этотъ планъ никогда не могъ быть приведенъ въ дѣйствіе по причинѣ недостатка въ матеріалѣ. Въ прошломъ году, Европейскіе прожектеры, которые со всѣхъ сторонъ стекаются въ Египетъ, подали ему блистательную мысль употребить на это пирамиды, по утилитарной системѣ Бентама, которой паша крѣпко придерживается во всемъ, что только относится къ его карману. Вандалы составляли уже планъ и смѣту разрушенія меньшей изъ трехъ пирамидъ, находящихся въ Джизе, и называемой пирамидою Микерина или, правильнѣе, Никотры, Египетской царевны, которой, какъ извѣстно, очень дешево обошлось сооруженіе этого памятника. Въ древнемъ Египтѣ была въ одно время мода строить пирамиды: каждый хотѣлъ оставить послѣ себя громадное зданіе, въ которомъ бы почивали бренные его остан-

*

Digitized by Google

ки. Царь Осимандій выстроилъ для себя огромнѣйшую изъ всѣхъ пирамидъ, и разорилъ Египетъ для сооруженія будущей своей могилы. Царевнѣ Никотрѣ хотѣлось тоже приготовить для себя подобную гробницу; но какъ у нея не было денегъ, то она придумала средство—мѣнять любовниковъ семь разъ въ недѣлю, съ тѣмъ чтобы каждый изъ нихъ, на слѣдующее утро, доставилъ по одному обтесанному камню для ея пирамиды. Въ короткое время создался цѣлый памятникъ, который теперь хотятъ разрушить подъ громомъ проклятій антикваріевъ всей Европы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Г. Вилкинсонъ составилъ по Геродотову показанію, приблизительную смѣту пожертвованіямъ прелестной Никотры на эту постройку, и итогъ любовниковъ Египетской царевны вышелъ столь неимовѣрный, что онъ не осмѣлился его напечатать. Кажется, что смѣта, представленная пашѣ, совсѣмъ другаго рода, потому что Его Благополучіе ужаснулся при видѣ издержекъ, которыхъ бы стоила ломка пирамиды, и объявилъ, что онъ продастъ весь Египетъ за половину этой суммы. Должно надѣяться, что недостатокъ въ деньгахъ спасетъ памятникъ Никотры и теперь, какъ спасъ его за восемь столѣтій. Это уже вторая попытка прудить Нилъ его камнями. Отманъ-ибнъ Юсуфъ, Египетскій султанъ, хотѣлъ подобно Мегеммедъ-Алію сломать эту самую пирамиду, и современный историкъ Абдоллатыфъ оставилъ намъ любопытное описаніе его усилій. «Султанъ послалъ каменьщиковъ, саперовъ и рудокоповъ, подъ предводительствомъ эмировъ своего двора, и приказалъ имъ ломать ее. Учредили обширный станъ подлѣ самыхъ пирамидъ, собрали тму народа, котораго содержаніе стоило непомѣрныхъ издержекъ, и работали восемь мѣсяцевъ, съ величайшимъ трудомъ успѣвая сдвинуть съ мѣста одинъ или два камня въ сутки. Одна часть работниковъ, стоя на вершинѣ пирамиды, дѣйствовала клиньями и заступами; другая внизу, напрягала веревки; когда послѣ страшныхъ усилій, удавалось имъ отторгнуть камень, онъ летѣлъ наземь и падалъ съ ужаснымъ громомъ, который былъ слышенъ издали; земля и горы дрожали отъ удара; камень такъ глыбоко зарывался въ песокъ, что надобны были новыя усилія, чтобы вытащить его оттуда. Тогда дѣлали диры въ камнѣ, загоняли клинья, разбивали его на нѣсколько ча-

Digitized by Google

стей, и по кускамъ перевозили на тележкахъ къ подошвѣ горы, на которой построены пирамиды. Эта работа съ каждымъ днемъ становилась труднѣе, и въ томъ же содержаніи уменьшалось усердіе. Проживъ долгое время въ лагерѣ и истративъ всѣ деньги, наконецъ принуждены были постыдно оставить предпріятіе. Дѣло кончилось тѣмъ, что затѣйщики не получили ни какой пользы, испортили пирамиду и въ полной мѣрѣ обнаружили свою глупость.»

СИРЪ ДЖОНЪ СИНКЛЕРЪ. Агрономы и любители раціональнаго сельскаго хозяйства съ прискорбіемъ узнаютъ о смерти Г. Синклера, котораго сочиненія и практическіе труды такъ сильно содѣйствовали къ усовершенствованію этой важной промышленности. Джонъ Синклеръ родился въ 1754 году. Въ свою долгую жизнь онъ написалъ столько полезныхъ книгъ и сдѣлалъ столько полезныхъ вещей, что простое исчисленіе тѣхъ и другихъ заняло бы нѣсколько страницъ. Хозяйство, дороги, почты, фабрики, армія, флотъ, врачебная часть, дилижансы, политика, финансы, религія, все, что только важно для общества и для частнаго человѣка, попеременно занимали его полную благороднаго энтузіазма душу, и всѣ получили отъ него существенныя услуги. Но земледѣліе и скотоводство были любимыми его предметами. Нельзя себѣ представить сколько заведеній и обществъ, особенно обществъ сельскаго хозяйства и садоводства основалось въ Англіи по его старанію, дѣятельности и при его пособіи. Большей части этихъ обществъ самъ онъ былъ предсѣдателемъ. Въ молодости своей онъ объѣхалъ почти всю Европу для изученія разныхъ земледѣльческихъ системъ, и въ 1786 году былъ въ Россіи. Онъ изыскивалъ въ тоже время причины особенной долговѣчности нѣкоторыхъ лицъ, ѣздилъ для свиданія съ ними, распрашивалъ о прежней ихъ жизни, и его сочиненіе The Code of health and longevity — одно изъ любопытнѣйшихъ, какія только есть объ этомъ предметѣ. Уваженіе, которымъ онъ пользовался въ своей родимой области, Кетнесскомъ графствѣ, можетъ быть сравнено только съ его неимовѣрною дѣятельностью: при множествѣ занятій и дѣлъ, онъ почти каждый мѣсяцъ сочинялъ какую-нибудь брошюру или книгу, и, для нѣкоторыхъ,

Digitized by Google

какъ напримѣръ для своей «Статистики Шотландіи», входилъ въ переписку съ *тысячью* разными лицами. Такая жизнь можетъ служить—образцомъ жизни полезнаго человѣка. Онъ дотого былъ полезенъ, по всѣмъ частямъ, что оставилъ двѣнадцать человѣкъ сыновей и четырехъ дочерей. Старшій его сынъ, нынѣ членъ парламента по Кетнесскому графству, былъ въ 1806 году задержанъ съ своимъ гувернеромъ во Франціи, по подозрѣнію въ шпіонствѣ, и приведенъ къ Наполеону: Императоръ Французовъ, какъ скоро узналъ, что онъ сынъ Синклера, приказалъ тотчасъ выдать ему паспортъ и обошелся съ нимъ отлично вѣжливо. Георгъ III пожаловалъ Синклеру дворянское званіе и титулъ баронства, а лордъ Мекъ-Дональдъ выдалъ за него свою дочь изъ уваженія къ его высокимъ достоинствамъ. Синклеръ началъ свое поприще скромнымъ званіемъ Эдинбургскаго адвоката, какъ и его землякъ, лордъ Брумъ.

Кстати о лордѣ Брумѣ. Мы начали въ прошломъ мѣсяцѣ выписки изъ любопытнаго сочиненія Random recollections of the House of Lords, и обѣщали пополнить характеристиками лордовъ Брума и Лондондерри. Обширность прекраснаго творенія, которое помѣщено въ первомъ отдѣленіи и заняло почти половину всей нынѣшней книжки, поставляетъ насъ въ необходимость заключить «Смѣсь» въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ, и мы просимъ позволенія оставить эти статьи до слѣдующаго разу.

СТРАННЫЯ ПРИЗНАНІЯ ЖОРЖА САНДА. Мы держимся теоріи Магомета. Магометъ, своимъ верблюжимъ умомъ, лучше всѣхъ философовъ, рѣшилъ, въ чемъ состоитъ настоящее достоинство мужчины и женщины. Магометъ сказалъ: «Въ природѣ есть два доблестныя лица, — мужчина храбрый и женщина цѣломудренная.» Это такая истина, что, чѣмъ глубже вы въ нее вникнете, тѣмъ яснѣе увидите, что Г. Бальзакъ и всѣ подобные ему моралисты, которые проповѣдуютъ свободную женщину и свободную любовь, не достойны быть вербдюдами у великаго философа Магомета. Въ самомъ дѣлѣ, мужчина трусъ и женщина развратная заслуживаютъ равное презрѣніе, и это презрѣніе отнюдь не условное, не изобрѣтенное обществомъ: женщина, по тайному голосу при-

Digitized by Google

роды, презираетъ малодушнаго мужчину; мужчина платитъ тѣмъ же женщинѣ, которая лишилась стыда. Стыдъ и храбрость — двѣ великія ограды двухъ половъ и два источника, изъ которыхъ проистекаютъ всѣ мужскія и женскія добродѣтели. Ежели стыдъ, цѣломудренность, и чистота составляютъ первую естественную доблесть женщины, то я прямо изъ этого выведу вамъ бракъ пожизненный, нерасторжимый, святый строгою вѣрностью, какъ высочайшую степень женской чести и единственное природное состояніе женщины. Что же послѣ этого значатъ всѣ лжеумствованія Бальзаковъ и Сандовъ? Надо имѣть голову опрокинутую вверхъ-ногами, чтобы не понимать такой простой вещи.

Мы не смѣемъ утверждать, чтобы голова у госпожи Жоржъ Сандъ находилась въ этомъ неестественномъ положеніи, но съ ея стыдомъ случилось что-то подобное. Надобно вамъ знать, что эта дама презрѣла все женское, начиная съ юбки. Она одѣвается въ мужское платье, разгуливаетъ въ этомъ нарядѣ объ руку съ молодыми людьми по улицамъ Парижа, идетъ съ ними ужинать въ кофейные дома и трактиры, и съ ними же посѣщаетъ другаго рода мѣста, куда женщины никогда не ходятъ. Это превосходно объяснитъ вамъ, какимъ образомъ она могла написать Лелію. Одинъ Русскій путешественникъ, недавно возвратившійся изъ Парижа, гдѣ онъ имѣлъ удовольствіе быть знакомымъ съ этой чудною женщиною, разсказывалъ намъ, что ему однажды случилось провесть такимъ образомъ вечеръ съ нею и нѣсколькими литераторами, en ribotte, въ трактирѣ: выходя оттуда, она спросила нашего соотечественника, нѣтъ ли у него сигары; именно одна сигарка была въ его бумажникѣ; она закурила ее и отправилась съ ними далѣе.

Госпожа Жоржъ Сандъ — женщина лѣтъ тридцати, ни хороша ни дурна собою, съ большимъ талантомъ, — въ этомъ нѣтъ ни какого сомнѣнія, — и съ раздражительною чувствительностью, которая при семейныхъ несчастіяхъ и дружбѣ съ философами Бальзакова десятка, пережгла ея сердце, умъ, правила и даже вѣру. Она — урожденная Дюпенъ, двоюродная сестра или племянница Карлу и Гонорѣ Дюпенамъ, и была замужемъ за Г. Дюдеваномъ, D'Udevant, дворяниномъ, барономъ и сверхъ-того, какъ говоритъ она, чу-

Digitized by Google

довищемъ. Madame la baronne D'Udevant, — такъ ее зовутъ обыкновенно, — имѣетъ отъ него двое дѣтей. Бросивши мужа, она взяла перо и начала писать, по собственнымъ ея словамъ, *изъ насущнаго хлѣба*. Первымъ ея наставникомъ и другомъ на этомъ поприщѣ былъ нѣкто Сандо (Sandeau, кажется *Jules* Sandeau), мало извѣстный литераторъ, сочинитель одного или двухъ романовъ, который оставилъ ей въ память половину своего имени (Sand). Отсюда выводятъ ея пріятели начало страннаго псевдонима — Georges Sand, хотя это — просто имя убійцы несчастнаго Коцебу. Надобно полагать, что Г. Дюдеванъ дѣйствительно былъ виноватъ по дѣламъ супружескимъ, потому что она впослѣдствіи имѣла съ нимъ процессъ, который выиграла весьма недавно. Судъ утвердилъ въ ея пользу разлуку по ложу и имуществу и приговорилъ мужа къ возврату ея имѣнія.

Между-тѣмъ въ послѣдней книжкѣ журнала Quarterly Review появился разборъ произведеній Французскихъ романистовъ, и Англійскій рецензентъ отдѣлалъ сочинительницу безнравственныхъ повѣстей Жоржа Санда, госпожу Дюдеванъ, какъ того заслуживаютъ подобныя творенія и женщина, которая отрекается отъ своего пола. Парижскій журналъ, Revue Britannique, перевелъ эту громовую статью, и госпожа Дюдеванъ, которая болѣе или менѣе терпѣливо переносила поверхностныя критики своихъ соотечественниковъ, не выдержала правильнаго натиска негодованія и презрѣнія иностранцевъ. Она напечатала въ Revue des deux mondes свое оправданіе, въ видѣ отрывковъ какихъ-то записокъ, и въ первый разъ объявила о себѣ, что она женщина. Странное оправданіе! Оправданіе хуже обвиненія! Ея покровители, между прочими Г. Сентъ-Бёвъ, тиснули въ ея защиту статейки, которыя по своему сумасбродству могутъ стать на ряду съ оправданіемъ госпожи Дюдеванъ. Г. Сентъ-Бёвъ доказываетъ, напримѣръ, что иностранцы *не имѣютъ права* судить о словесности своихъ сосѣдей, и особенно о Французской словесности. Иностранцы не имѣютъ права судить о произведеніяхъ Искусства! Подите, толкуйте!

Въ этомъ оправданіи есть презабавныя признанія.

Во-первыхъ, госпожа Дюдеванъ признается, что она — женщина.

Digitized by Google

Во-вторыхъ, что она куритъ сигарки.

Далѣе, что она порой чувствуетъ себя *usée* par le travail, *l'amour* et la douleur.

Далѣе, что она родилась съ *мужскими склонностями*, что ее пожираетъ безмѣрное честолюбіе. что она въ отчаяніи оттого что она женщина, и горько сожалѣетъ, зачѣмъ, родившись поэтомъ, свободною женою, существомъ предназначеннымъ вести *кочевую* жизнь, вышла замужъ за *человѣка*, связалась съ *человѣческимъ* семействомъ.

Далѣе, что напрасно ее прокричали безнравственною и обходятся съ нею какъ съ врагомъ рода человѣческаго зато что она писала повѣсти *на мужей* изъ-за куска хлѣба, который у нея отнимали.

Потомъ, что она никогда не была противницею брака, а только хотѣла и хочетъ отмѣнить *мужей* и замѣстить ихъ *замужествомъ*. Мужъ — просто *предразсудокъ*.

Что у ней есть дѣти, «обреченныя тащиться *въ грязи убитыхъ дорогъ*, окруженныя образами мыслей, противными «ея понятіямъ, наущаемыя на каждомъ шагу тѣми, которые «на нее нападаютъ, не вѣрить *ея грезамъ*, свидѣтели ея «страданій средь этой вѣчной борьбы ея растерзаннаго «сердца, ея колѣнъ, разбитыхъ о преграды дѣйствительной «жизни»; однимъ словомъ пара пренесчастныхъ дѣтокъ, которымъ она не знаетъ какое дать воспитаніе. Воспитать ихъ, какъ воспитываютъ всѣхъ дѣтей? Тогда они будутъ ходить «какъ скоты въ *ярмѣ предразсудковъ и приличій*», и дочь ея, какъ дура, возьметъ себѣ мужа, обвѣнчается съ какимъ-нибудь толстымъ *предразсудкомъ*, наплодитъ кучу маленькихъ предразсудковъ, и чего добраго, будетъ даже вѣрною своему деспоту. Образовать ихъ въ правилахъ ея, госпожи баронессы Дюдеванъ? Пожалуй, она готова образовать ихъ на свой образецъ, да только боится, что ихъ «всего трое будетъ такихъ на цѣломъ свѣтѣ».

Что une fille de joie est un être adorable.

Что впрочемъ она «горько сожалѣетъ о томъ, что написала эту скверную книгу, *Лелію*». Вотъ это по-крайней-мѣрѣ благородно! Но отгадайте причину сожалѣнія?..... Она сожалѣетъ потому, что теперь не можетъ написать во второй разъ этой скверной книги.

Digitized by Google

Полно этихъ дурачествъ! Мы никогдабъ не кончили, еслибъ стали выписывать всѣ подобныя признанія. Эта женщина рѣшительно помѣшана, и одинъ только Г. Венелинъ можетъ возвратить ей разсудокъ, принявшись за дѣло по-Карпатски, такимъ образомъ, какъ онъ хотѣлъ поступить съ Еленою Троянскою.

ПРОЦЕССЪ Г. БАЛЬЗАКА СЪ ЖУРНАЛОМЪ REVUE DE PARIS. Все, что̀ касается до Г. Бальзака, интересно для обожателей его романовъ. Какъ же не сообщить имъ его послѣдняго приключенія? Вотъ въ чемъ дѣло.

Г. Бальзакъ имѣетъ обыкновеніе продавать издателямъ журналовъ повѣсти и романы, которыхъ онъ еще не написалъ ни одной строки. Это бы еще ничего: такъ дѣлаютъ многіе. Но Г. Бальзакъ, условившись съ издателемъ о цѣнѣ сочиненія, по стольку-то съ листа, — ему обыкновенно платятъ стопятьдесятъ франковъ за листъ мелкой печати, цѣну огромную для Парижа, — доставляетъ только первую главу повѣсти; когда первая глава напечатана, онъ присылаетъ сказать, что въ другомъ журналѣ предлагаютъ вдвое болѣе, и что онъ не дастъ продолженія, если издатель не заплатитъ ему выше той цѣны, которую онъ можетъ получить отъ его соперника, и деньги впередъ. Издатель бываетъ принужденъ согласиться на его требованіе, заплатить романисту всю сумму, получить еще главу или двѣ, а конца повѣсти не видать ему никогда. Романистъ вдругъ исчезъ, — уѣхалъ на все лѣто въ какую-нибудь деревню близъ Парижа и распустилъ слухъ, будто онъ отправился въ Савоію или въ Вѣну. Такъ поступилъ Г. Бальзакъ, между прочимъ, съ бывшимъ журналомъ L'Europe littéraire, которому онъ продалъ свою Eugénie Grandet, и потомъ съ Revue de Paris; которая наконецъ, потерявъ терпѣніе, потащила его въ судъ.

Въ 1834, Г. Бальзакъ продалъ журналу Revue de Paris свою «Серафиту» за 1,700 франковъ, — деньги впередъ, — и никогда не доставлялъ ему конца этой повѣсти. Конецъ былъ проданъ впослѣдствіи другому журналу.

Въ 1835, марта 29, продалъ тому жъ журналу сочиненіе Les mémoires d'une jeune mariée, котораго никогда не пи-

Digitized by Google

салъ, взялъ за него 1,000 франковъ впередъ, и — помнинай какъ звали.

Іюля 31, 1835, продалъ тому же журналу повѣсть Le lys de la vallée, забралъ всѣ деньги, 2,000 франковъ, впередъ, доставилъ двѣ части, а третью сбирался уже продать одному книгопродавцу, когда издатели журнала подали на него жалобу въ судъ, требуя окончанія повѣсти, возврата прочихъ денегъ и десяти тысячъ франковъ за убытки и проторы.

Этотъ назидательный процессъ напечатанъ цѣликомъ въ здѣшнемъ журналѣ Revue Etrangère, и мы отсылаемъ любопытныхъ къ изданію Гг. Беллизара и Дюфура. Здѣсь мы выпишемъ только одно мѣсто, о томъ, какъ адвокатъ журнала, Г. Ше-д'Эстъ-Анжъ, человѣкъ умный и съ большимъ дарованіемъ, убѣждалъ судей, чтобы они приговорили Г. Бальзака къ окончанію повѣсти Le lys de la vallée и къ уплатѣ десяти тысячъ франковъ убытка.

«Не сдержавъ слова, говоритъ адвокатъ, Г. Бальзакъ дѣлается редакторомъ журнала La Chronique de Paris, и въ первый день помѣщаетъ въ немъ объявленіе, что онъ пересталъ участвовать въ Revue de Paris *по уваженію личнаго своего достоинства.* Но неужели не подобало личному достоинству Г. Бальзака, разставаясь съ нами, возвратить намъ деньги, которыя онъ забралъ? И въ чемъ состояла обида его достоинству? Въ тотъ самый день Г. Бальзакъ прислалъ въ редакцію Revue de Paris полный списокъ своимъ неудовольствіямъ: во первыхъ, говоритъ онъ, этотъ журналъ не придаетъ ему въ глазахъ публики всей важности, которой онъ заслуживаетъ; во вторыхъ, личное мнѣніе директора журнала не довольно выгодно для Г. Бальзака и клонится къ уравненію его съ Поль-де-Кокомъ; въ третьихъ, Revue de Paris назвала однажды Библіофила Жакоба—«*нашъ* Библіофилъ Жакобъ», а ему, Г. Бальзаку, не удѣлила ни какого мѣстоименья; и еще десять подобныхъ преступленій, равномѣрно заслуживающихъ висѣлицы. Вмѣстѣ съ этимъ объявленіемъ была напечатана въ журналѣ Г. Бальзака напыщенная похвала ему же, Г. Бальзаку, въ которой онъ названъ первымъ Французскимъ *благодѣтелемъ журналовъ*, и прочая, и прочая, и въ высокопарныхъ словахъ исчислены всѣ

Digitized by Google

неоцѣненныя выгоды, какія пріобрѣтаетъ журналъ La Chronique de Paris отъ преимущества украшаться впредь его трудами. Очевидно, что все, что̀ этотъ журналъ пріобрѣтаетъ, мы теряемъ, единственно отъ неустойки Г. Бальзака: а за одно лишеніе насъ *благодѣтеля*, десять тысячъ франковъ — право не много!

«Г. Бальзакъ продалъ намъ «Записки новобрачной», взялъ деньги, и записокъ не доставилъ, отговариваясь тѣмъ, что сюжетъ кажется ему немножко неприличнымъ. Подивитесь при этомъ случаѣ врожденной скромности Г. Бальзака. Авторъ Физіологіи супружества, Дурацкихъ повѣстей, Дѣвушки съ золотыми глазами, этотъ самый мужъ, такъ безпредѣльно нравственный и чистый, находитъ неприличнымъ печатать записки новобрачной и входить въ подробности чувствъ молодой жены? Положимъ, это такъ. Что жъ воспрепятствовало ему окончить статью Le lys de la vallée, которую онъ обязался доставить вмѣсто записокъ? Врожденная скромность? Личное достоинство? Или страсть путешествовать посреди каждой повѣсти? Что̀ такое помѣшало ему исполнить торжественно принятую на себя обязанность?

«*Я должен*ъ, милостивые государи, *для* показанія всей важности нанесеннаго намъ ущерба, объяснить вамъ, какъ важно было это сочиненіе и какъ оно въ высочайшей степени могло возбуждать любопытство публики. Самъ Г. Бальзакъ, въ предисловіи, которое начинаѣтся эпиграфомъ — Il est des anges solitaires, говоритъ, что эта повѣсть есть «самое значительное изъ его твореній». Вы сейчасъ постигаете досаду обманутыхъ читателей. Ихъ предостерегаютъ заранѣе: вы должны устремить сюда все свое вниманіе, потому что вотъ это *самое значительное* твореніе *великаго* писателя!

«Теперь, надобно знать что̀ за твореніе. Объ чемъ оно? Какая его цѣль? Авторъ самъ объясняетъ это: онъ хочетъ живописать les patimens (не смѣйтесь, господа; я читаю хорошо — les PATIMENS, subis en silence par *les âmes dont les racines*, tendres encore, ne rencontrent que de durs cailloux dans le *sol domestique*, dont les premières *frondaisons sont*

Digitized by Google

déchirées par des mains haineuses, dont les fleurs sont atteintes par la gelée au moment où elles s'ouvrent.

«Это значитъ, что авторъ хочетъ представить первые годы бѣднаго мальчика, который идетъ въ школу, *не имѣя ничего въ своей сумкѣ.*

«*Его товарищи таможничали* (douannaient) *въ этой сумкѣ, и не находили въ ней ничего, кромѣ копѣечныхъ сырковъ.* Однако, посреди этой бѣдности, je ne sais quel extase fesait éclore en lui des songes *inénarrable*, écrivait dans sa tête un livre (въ пяти-лѣтней головѣ, изволите видѣть!), un livre où il pouvait lire ce qu'il devait exprimer, et *mettait dans ses lèvres le charbon de l'improvisateur*, — и этотъ восторгъ... ... *клалъ на его устахъ уголь импровизатора.* Ахъ, Богъ мой, неужто онъ въ самомъ дѣлѣ называетъ это *углемъ?*..... (Продолжительный смѣхъ въ присутствіи).

«Оставивъ школу, мальчикъ, котораго исторію я хочу набросать широкою кистью, заимствуя всѣ выраженія у самого автора, пріѣзжаетъ въ Парижъ, и его *повергаютъ* въ Лепитровъ пансіонъ, который всѣ мы знаемъ. Онъ и тамъ еще былъ несчастенъ. Il ignorait *les blandices* de la buvette, il ignorait le monde oriental et *sultanesque* du Palais-Royal, car le Palais-Royal et lui furent deux *asymptotes* (конечно, *asymptotes!*), dirigées l'une vers l'autre sans pouvoir se rencontrer.

«Между тѣмъ его родные уже subodoraient les Bourbons, и старались всячески вывесть въ люди старшаго его брата; между-тѣмъ онъ уходилъ *отчаятельно*, désespérement, въ батюшкину библіотеку. Но вотъ готовится и для него великое событіе. Онъ на балѣ. Въ первый разъ увидѣлъ этотъ несчастный юноша такой великолѣпный праздникъ. Оглушенный бальнымъ шумомъ, ослѣпленный блескомъ люстръ, *упоенный благоуханіемъ женщинъ*, которое благоуханіе *мерцало въ душѣ его, какъ потомъ мерцала Восточная поэзія*, онъ посматриваетъ на *свою сосѣдку*. О, сколько увидѣлъ онъ вещей въ эту минуту!..... Богъ мой, чего тутъ онъ не увидѣлъ!.....Я бы могъ пересказать вамъ это, да только..... Ну, наконецъ, потерявшись, бѣднякъ, se plongea dans le

Digitized by Google

dos de cette femme..... dans ce dos d'amour, какъ онъ самъ говоритъ, en baisant à plusieurs reprises *toutes ces épaules*, dans lesquelles *il roula* sa tête. Но потомъ стало ему стыдно, и онъ *сталъ ошеломленный*, en savourant le quartier de pomme, qu'il venait de dévorer..... Четверть яблока! На этой-то четверти все и основано; и за нее крѣпко ухватился почтенный великій писатель, потому что далѣе, когда эта связь, такъ благополучно начатая, начала развиваться, онъ заставляетъ говорить своего юношу: Je cherchais le silence de la nuit et la chaleur du soleil pour achever la pomme que j'avais déja mordue.

«Вы понимаете, милостивые государи, сколько тутъ драматическаго въ подобномъ положеніи, какой могущественный интересъ сопряженъ съ такими разсказами, которые я принужденъ разбирать передъ вами, чтобы показать всю важность нанесеннаго намъ ущерба.

«Это положеніе продолжается, и каждая минута придаетъ ему новую занимательность. Какъ не быть тронутымъ, когда слышишь такой, напримѣръ, разговоръ между этой женщиною, и героемъ романа?

«Nous nous touchons par tant de points; n'appartenons-nous pas au petit nombre de créatures privilegiées pour la douleur et pour le plaisir, dont *les qualités sensibles vibrent toutes à l'unisson en produisant de grands retentissemens intérieurs*, et dont la nature nerveuse est *en harmonie constante avec le principe des choses*. Mettez-les dans un milieu *où tout est dissonance*, ces personnes souffrent horriblement, comme aussi leur plaisir va jusqu'à l'éxaltation quand elles rencontrent les idées, les sensations ou les êtres qui leur sont sympathiques. Mais il est pour nous un troisième état dont les malheurs ne sont connus que des ames affectées par la même maladie et chez lesquelles se rencontrent *de fraternelles compréhensions*. Il peut nous arriver de n'être *impressionnés* ni en bien ni en mal; un *orgue expressif* doué de mouvement *s'exerce alors en nous dans le vide, se passionne* sans objet, rend des sons sans produire de mélodie, jette des accens qui se perdent dans le silence! espèce de *contraction terrible d'une ame qui se révolte contre l'inutilité du néant!* Jeux accablans

Digitized by Google

dans lesquels notre puissance *s'échappe* tout entière sans aliment, comme le sang *par une blessure inconnue.* La sensibilité *coule à torrens*, il en résulte *d'horribles affaiblissemens*, d'indicibles mélancolies pour lesquelles le confessional n'a pas d'oreilles. N'ai-je pas exprimé nos communes douleurs?»

«Такія-то вещи говорилъ этотъ молодой господинъ, а молодая дама, содрогаясь при этихъ *растрепанныхъ, всклоченныхъ* словахъ отвѣчала ему: *Какъ, вы еще такъ молоды, и уже такъ умны?*..... Потомъ страсть его стала усиливаться, и онъ говоритъ положительно, что, въ *его мечтаніяхъ, голосъ ея сдѣлался чѣмъ-то такимъ, что можно было ощупать, атмосферою свѣтовъ и запаховъ, мелодіею, которая вызубрила, разсластила его поры, ласкала его умъ.* Да и могло ли быть иначе, милостивые государи и судіи? Подумайте только, что въ ея голосѣ окончанія *на* И *уподоблялись какому-то пѣнію птицъ.* Ш, *произносимое ею* *, *было совершенно какъ ласка, а ея способъ произношенія* Т *ясно доказывалъ деспотизмъ сердца.* (Всѣ разсмѣялись).

«Спрашиваю, есть ли возможность устоять противъ такихъ прельщеній, и кто изъ людей не былъ бы побѣжденъ подобной гармоніею? Оттого-то, возьмите-ка, прочитайте книгу, и посмотрите какъ этотъ несчастный, *подобно повилику растягивается въ прекрасной душѣ, гдѣ открывался ему очаровательный міръ чувствъ раздѣляемыхъ,* между-тѣмъ какъ графиня (потому что это была графиня, милостивѣйшіе судіи!) *завертываетъ его въ кормительскія покровительства и въ бѣлыя драперіи любви, совершенно материнской!*

«Вотъ содержаніе сочиненія..... Какъ! и насъ покидаютъ въ этомъ мѣстѣ? И мы здѣсь должны остаться, не узнать болѣе ничего? Какъ же это кончится? Какъ эта женщина согласитъ атмосферу своихъ обязанностей съ гармоніею своей страсти? Этотъ господинъ, который всё болѣе и болѣе растягивается какъ повилика, эта дама которая всё закуты-

* *Произносимое ею*, слогъ почти достойный Русскихъ Бальзаковъ или канцеляристовъ; но такъ въ подлинникѣ: prononcé *par elle.*

Digitized by Google

ваетъ его въ бѣлыя драперіи, что жъ они?..... ну, какъ же?..... говорите!..... давайте-ка ихъ сюда!..... Они, я думаю..... О, кто меня научитъ такъ говорить, какъ Г. Бальзакъ пишетъ, кто мнѣ преподастъ тайну языка, котораго никто не понимаетъ, для выраженія того, чего я не смѣю сказать! Однимъ словомъ, уйти отъ насъ въ самомъ интересномъ мѣстѣ, оставить насъ въ такой безвѣстности, да это обманъ ужасный, непростительный! Надо положить этому конецъ! Надо прекратить безпорядокъ, да знаютъ читатели наши навѣрное, *пожралъ ли* онъ послѣ этой четверти все яблоко или нѣтъ? Я не усомнюсь сказать, это молчаніе есть народное бѣдствіе; всѣ здѣсь въ убыткѣ, цѣлый свѣтъ негодуетъ, и болѣе всѣхъ читатели нашего журнала.»

Судъ приговорилъ Г. Бальзака къ окончанію повѣсти и возвращенію директорамъ журнала 2,700 франковъ. Несмотря на приговоръ, Г. Бальзакъ, кончивши повѣсть, продалъ ее одному книгопродавцу, и его Le lys de la vallée вышла уже въ Парижѣ отдѣльною книгою.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1 Un Procès criminel, *Уголовный процессъ*, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ въ прозѣ, Г. Розіе.

Въ деревнѣ Saint-Mandé, близехонько отъ Парижа, живутъ на дачахъ четыре женщины, попугай, да старый маркизъ. Женщины, слава Богу, здоровы, но попугай боленъ, и это очень печалитъ маркизу, виконтессу, графиню и баронессу.

Пятая женщина — еще дѣвушка: ее зовутъ Кларой. Клара, не только нечувствительна къ страданіямъ попугая, но и ко вздохамъ молодаго человѣка, который уже три мѣсяца преслѣдуетъ ее изъ Парижа въ деревню Saint-Jean, гдѣ она хотѣла скрыться отъ него, изъ Saint-Jean въ Saint-Mandé, гдѣ она теперь находится. Невозможно быть болѣе влюбленнымъ чѣмъ этотъ бѣдный молодой человѣкъ, Г. Леонъ Монтиньи, у котораго есть сорокъ тысячъ ливровъ дохода. Клара сожгла, не читая, одиннадцать писемъ Леона; двѣнадцатое, забывшись, прочла и, чтобы избѣжать тринадцатаго, скрылась въ деревню Saint-Mandé къ сестрѣ своей,

Digitized by Google

маркизѣ. Бѣдная Клара и не выходитъ изъ дому, такъ она боится встрѣтить Г. Леона Монтиньи.

Маркиза, виконтесса, графиня и баронесса любятъ не только заниматься больнымъ попугаемъ, но еще бывать въ засѣданіяхъ уголовнаго суда, любятъ разборы дѣлъ о смертоубійствахъ, насиліяхъ, отравленіяхъ ядомъ, и прочая, и чѣмъ обстоятельства дѣлъ ужаснѣе, тѣмъ онѣ больше любятъ. Это страсть Парижскихъ дамъ, какъ усы — страсть Петербургскихъ. Эти четыре дамы принимаются читать Gazette des Tribunaux, газету судовъ, какъ вдругъ пріѣзжаетъ кавалеръ Гранкроа, старинный пріятель маркиза.

Этотъ кавалеръ Гранкроа является, послѣ тридцатилѣтняго отсутствія, для того, чтобы разсказать свои несчастія пріятелю своему маркизу. Онъ разсказываетъ, что три раза былъ обманутъ женами. Сначала онъ женился на Испанкѣ, на женщинѣ знойной: она его обманула; потомъ онъ женился на женщинѣ умѣренной, на Француженкѣ: она его обманула; наконецъ онъ отправился въ Польшу, чтобы жениться на женщинѣ ледовитой, но и та его обманула. *Сія послѣдняя* жена, госпожа Лодоиска, убѣжала изъ окна. Мужъ вечеромъ возвращается домой, — у нихъ была дача въ деревнѣ Saint-Jean, — и не можетъ постичь, куда дѣвалась жена. Гнаться за нею? Куда? на сѣверъ? на югъ? въ Испанію? въ Польшу? Вездѣ у него похитили женъ. Подумавъ, онъ не погнался никуда, и вознаградилъ себѣ убытокъ тѣмъ, что перебилъ и переломалъ въ домѣ всѣ мебели, зеркала и стекла, и изрѣзалъ себѣ руки до крови. Это кровопусканіе усмирило его: онъ вымылъ руки въ ближней рѣчкѣ: не говоря ни слова, заперъ свой домъ, и возвратился въ Парижъ. Коротко сказать онъ пропалъ безъ вѣсти, оставивъ вездѣ въ домѣ кровавыя пятна. Надобно вамъ замѣтить, что Г. Гранкроа имѣлъ обыкновеніе жениться подъ именемъ господина Дюкло, но, лишившись и третьей жены, онъ снова принялъ свою прежнюю фамилію, и нашелъ себѣ квартиру въ Парижѣ подъ именемъ кавалера Гранкроа. Вскорѣ въ деревнѣ разнесся слухъ, что жена господина Дюкло убѣжала и что онъ самъ неизвѣстно куда дѣвался. Вошли въ домъ, увидѣли кровь. Убійство!

Digitized by Google

Вскорѣ въ Gazette des Tribunaux напечатана была статья съ слѣдующимъ заманчивымъ заглавіемъ: «Убійство мужа, похищеніе жены, преступленіе *съ ужасными обстоятельствами.*» Вы можете вообразить какъ обрадовала эта прекрасная статья всѣхъ читателей Gazette des Tribunaux, а особенно маркизу, баронессу, графиню и виконтессу.

Баронесса, маркиза, виконтесса и графиня съ наслажденіемъ читаютъ эту статью, какъ вдругъ является Г. Леонъ Монтиньи, который узналъ, гдѣ живетъ Клара, и, чтобы ее увидѣть, вздумалъ купить домъ, гдѣ онѣ живутъ. Леонъ, совсѣмъ не зная этихъ дамъ, какъ учтивый кавалеръ, предлагаетъ прочесть имъ Gazette des Tribunaux, читаетъ съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой, и когда эти дамы отправляются гулять, чтобы дать осмотрѣть домъ, онъ пускается по всѣмъ комнатамъ, а Клара убѣгаетъ отъ него изъ комнаты въ комнату. Вотъ упрямая дѣвушка!

Набѣгавшись до-сыта, Клара останавливается и Г. Леонъ Монтиньи наконецъ ее догоняетъ. — Какъ вы немилосердо меня преслѣдуете, сударь! — Какъ вы немилосердо отъ меня убѣгаете, сударыня! — Да я васъ ненавижу. — Да я васъ люблю. — Извольте выйти отсюда. — Выйду, но застрѣлюсь.... . — Леонъ! — А, Леонъ! такъ вы знаете, что меня зовутъ Леономъ, такъ вы читали мои письма? — А какъ Клара дѣйствительно читала письмо его отъ 12 Мая 1827 за N° 12, то она приходитъ въ большое замѣшательство, и по-неволѣ слушаетъ, когда онъ разсказываетъ ей, что онъ креолъ, что его зовутъ Леономъ Монтиньи, что онъ сирота, что у него сорокъ тысячъ ливровъ дохода и было бы гораздо больше, если бъ онъ захотѣлъ продать своихъ негровъ; но Леонъ креолъ необыкновенный: онъ не довольно любитъ негровъ, чтобы оставить ихъ у себя, и слишкомъ любитъ, чтобы продать ихъ. Онъ отпустилъ всѣхъ ихъ на волю. Леонъ, какъ вы видите, славный малый.

Клара очень тронута негролюбіемъ Г. Леона Монтиньи, и проситъ, чтобы онъ поступилъ съ нею также благосклонно, какъ со своими неграми, то есть, позволилъ бы жить на свободѣ и особенно пересталъ бы писать къ ней. Письмо есть выраженіе надежды, вычурно говоритъ Клара; а если

Digitized by Google

надежда ни на чемъ не основана, вы знаете какъ ее тогда называютъ. Клара однако жъ предлагаетъ Леону свою дружбу и Леонъ, удовольствовавшись на первый случай этимъ, уходитъ. Но вотъ бѣда: этотъ Леонъ, который влюбленъ, у котораго сорокъ тысячъ ливровъ дохода, который отпустилъ на волю всѣхъ своихъ негровъ, попадается подъ стражу по подозрѣнію въ убійствѣ господина Дюкло, бывшаго мужа госпожи Лодоиски, и Клара узнаетъ что обожатель ея попался подъ уголовный судъ. Но вы можете вообразить какъ радуются наши барыни, когда, возвратясь домой, онѣ узнаютъ, что преступникъ, совершившій убійство, похищеніе, и прочая, о чемъ онѣ читали утромъ въ газетѣ, схваченъ. Онѣ непремѣнно поѣдутъ смотрѣть этотъ процессъ.

Второе дѣйствіе начинается черезъ полгода послѣ этого: Г. Леонъ провелъ весь этотъ длинный антрактъ въ тюрмѣ. Онъ никакъ не могъ объяснить, при допросахъ, гдѣ шатался и что дѣлалъ въ ночь съ 15 на 16 число не знаю какого мѣсяца, въ ту самую ночь, когда совершилось предполагаемое убійство, а наканунѣ его видѣли расхаживающаго вечеромъ около дому господина Дюкло, въ деревнѣ Saint-Jean, гдѣ, какъ вы, вѣроятно, помните, жила тогда и прекрасная Клара. Онъ зналъ, что Клара тутъ, и провелъ всю ночь подъ ея окнами, рисуя портретъ ея, но не хочетъ, видите, сознаться въ этомъ, — чтобы не скомпрометировать невинной дѣвушки. Скорѣе, пусть казнятъ его какъ убійцу, а онъ не скажетъ, не повредитъ чести Клары, которая впрочемъ его не любитъ. Странный молодой человѣкъ! Благородный любовникъ! Совершенно во вкусѣ любовниковъ госпожи Жоржъ-Сандъ. *А поелику* портретовъ ночью, и еще за окошкомъ, не рисуютъ, то *изъ сего явствуетъ*, что его, Г. Леона, подѣломъ посадили въ тюрму. Автора комедіи, за такую выдумку, слѣдовало бы — туда же!

Въ началѣ втораго дѣйствія горничная плачетъ, потому что ея госпожа, маркиза, не пускаетъ ее итти въ уголовный судъ, гдѣ должна въ этотъ день рѣшиться судьба похитителя чужихъ женъ, Г. Леона. Маркиза сама туда поѣдетъ: горничная должна стеречь домъ и кончить къ вечеру баль-

Digitized by Google

ное платье для маркизы. Графиня получила въ тоже утро отъ своего духовника письмо, въ которомъ онъ проситъ ее пріѣхать въ жилище бѣдныхъ больныхъ, гдѣ *отчаяніе ожидаетъ ее чтобы превратиться въ надежду;* но уголовный судъ тоже ожидаетъ ее, и она отдаетъ предпочтеніе уголовному суду. Маркизъ запретилъ маркизѣ ѣхать въ судъ но она поѣдетъ на зло маркизу; виконтъ сдѣлалъ женѣ своей то же самое запрещеніе, потому что у нея въ этотъ вечеръ назначенъ дѣтскій балъ: онъ даже назвалъ ее дурною матерью, но виконтесса, въ доказательство того, что виконтъ ошибается, потому что она очень нѣжная мать, страстно обняла своего ребенка и всѐ-таки поѣдетъ въ судъ. Графиня тоже является, и всѣ четыре дамы поскакали въ Парижъ, обѣщая возратиться къ балу, который даетъ виконтесса.

Кавалеръ Гранкроа, какъ вы уже знаете, не кто иной какъ Дюкло, котораго считаютъ убитымъ: онъ поутру пріѣхалъ къ маркизу въ гости и остается съ нимъ одинъ, когда всѣ эти дамы уѣхали смотрѣть, какъ будутъ судить похитителя женъ и истребителя мужей. Онъ не знаетъ что̀ ему дѣлать, предоставить ли Леона висѣлицѣ и сыграть между-тѣмъ съ маркизомъ партію въ шахматы, или ѣхать объявить суду, что Дюкло̀ живъ; но онъ боится, чтобы въ такомъ случаѣ не обвинили его за то что онъ молчалъ цѣлые полгода. Посовѣтовавшись со своимъ пріятелемъ, маркизомъ, Г. Гранкроа рѣшается спасти Леона, какъ вдругъ узнаетъ, что Леонъ убѣжалъ. Онъ скрылся въ то самое время, какъ жандармы вели его изъ тюрмы въ судъ: при этомъ ему много помогали благодарные негры, которые толпились на дворѣ судебной палаты. Прекрасная черта, которая дѣлаетъ большую честь неграмъ!

Леонъ, освобожденный неграми, которыхъ онъ самъ нѣкогда освободилъ, спасаясь черезъ деревню Saint-Mandé, убѣгаетъ въ домъ маркизы. Клара живетъ въ этомъ же домѣ, и Леонъ прячется въ ея спальню. А надобно вамъ знать, что Клара, которая не любила Леона, когда онъ былъ честнымъ молодымъ человѣкомъ и обожалъ ее, теперь обожаетъ

Digitized by Google

его, какъ скоро узнала, что онъ преступникъ, несчастенъ, убилъ мужа и похитилъ жену *съ ужасными обстоятельствами*. Сердце женщины — бездна, говоритъ царь Саломонъ.

Клара непремѣнно хочетъ спасти Леона, чѣмъ бы она для него не пожертвовала, узнавши притомъ, что въ знаменитую ночь съ 15 на 16 число онъ стоялъ подъ ея окномъ и рисовалъ ея портретъ. О любовь! о великодушіе, о благородная, высокая преданность! какъ прикажете не любить его! Леонъ будетъ спасенъ. Клара отдаетъ его подъ покровительство маркизы, баронессы, графини и виконтессы; но онъ не долженъ признаваться имъ въ своей невинности: онѣ не любятъ невинныхъ, и принимаютъ подъ свое покровительство только большихъ преступниковъ. Такимъ образомъ рѣшено, что Леонъ убилъ господина Дюкло; онъ скажетъ имъ: — Виноватъ! убилъ!; для него нѣтъ у нихъ спасенья, если онъ не заслужилъ смертной казни. Клара отдаетъ Леона въ руки маркизы, которая обѣщаетъ его спрятать. Какое счастье, говорятъ всѣ четыре дамы: у насъ будутъ *автографы*, собственноручныя письма и подписи великаго преступника. Авторъ не говоритъ, есть ли у нихъ автографы Фіески и Ласенера. Вѣроятно, есть!

Въ третьемъ дѣйствіи Г. Леонъ спрятанъ въ оранжереѣ Маркизы, посреди магноліи, апельсинныхъ деревъ, лавровъ, кактусовъ, всякихъ разныхъ цвѣтовъ и горшечковъ. Всѣ четыре дамы посѣщаютъ оранжерею тайкомъ, ухаживаютъ за Леономъ не хуже какъ за больнымъ попугаемъ, приносятъ ему вареньевъ, и Г. Леонъ живетъ себѣ въ оранжереѣ, ѣстъ жареныхъ цыплятъ и пьетъ отличное шампанское, которое горничная крадетъ для него изъ погреба маркиза.

Между тѣмъ маркиза тревожатъ подозрѣнія. Онъ замѣчаетъ усышку и утечку въ своемъ погребѣ, и ему кажется, что и въ добродѣтели жены его не безъ убыли. Однажды онъ зашелъ съ пріятелемъ своимъ, кавалеромъ Гранкроа, въ оранжерею, и находитъ тамъ двѣ очевидныя улики, — мужскую шляпу и шампанскій покалъ, вѣроятно тоже мужской. Сверхъ-того маркизъ слышитъ разговоръ Г. Леона съ мар-

Digitized by Google

кизою, происходящій за магноліями. Маркиза говоритъ, что прощаетъ его преступленіе, если онъ раскаевается. Кавалеръ Гранкроа узнаетъ, что это Леонъ Монтиньи, похититель его Лодоиски, который былъ подъ уголовнымъ судомъ. Маркизъ кричитъ: — Полицейскаго! Кавалеръ Гранкроа кричитъ: Полицейскаго! — Полицейскій приходитъ.

Но бѣдный полицейскій въ большомъ затрудненіи: онъ видитъ двухъ человѣкъ, которые взаимно схватились за воротъ. Леонъ схватилъ кавалера за воротъ, потому что это тотъ самый Дюкло́, въ убійствѣ котораго его обвиняютъ; кавалеръ схватилъ Леона за воротъ, потому что это тотъ самый молодой человѣкъ, который похитилъ жену его. Эта сцена презабавная!

— Отдай мнѣ жену, я тебя прощаю! — Мнѣ не нужно твое прощеніе, и я тебя не выпущу. — Ну такъ оставь себѣ мою жену, и я прошу у тебя прощенія.

Чтòбы вы тутъ сдѣлали, если бъ были полицейскимъ офицеромъ? Полицейскій офицеръ уходитъ. Леонъ даетъ господину Гранкруа адрессъ жены его, которая убѣжала не съ нимъ, а съ однимъ изъ его пріятелей въ Лондонъ; а самъ женится на Кларѣ. Маркиза, баронесса, графиня и виконтесса обѣщали пріѣхать на свадьбу, если только въ этотъ день не будетъ засѣданія въ уголовномъ судѣ.

2. Le Démon de la nuit, *Ночной демонъ*, опера-водевиль Гг. Баяра, Этіенна и Арагò.

Принцъ Фридрихъ, принцъ изъ династіи Скриба, Баяра и Комп., спрятавшись въ саду за шпалерами, слышалъ какъ благосклонно отзывалась объ немъ юная Матильда. Матильда такъ нѣжна и прекрасна, что Принцъ, желая воспользоваться благорасположеніемъ этого мягкаго сердца, рѣшается сдѣлаться сильфомъ. Онъ помнитъ, что въ его старомъ замкѣ есть старинное преданіе о ночныхъ привидѣніяхъ, и посредствомъ этого преданія, онъ возобновляетъ басню объ Амурѣ и Психеѣ. Онъ Амуръ, Матильда — Психея. Матильда нѣсколько времени любила таинственнаго Амура, не видя его, но потомъ вздумала употребить старую хитрость. Она за-

Digitized by Google

жгла лампу: и что жъ увидѣла? Стараго придворнаго Гиттештерна, вмѣсто Принца Фридриха; толстаго, пожилаго человѣка, вмѣсто тонкаго юноши съ муравейною таліею. Но Матильда еще такъ невинна и глупа, что она начинаетъ кричать въ подобномъ случаѣ, звать къ себѣ на помощь; всѣ сбѣгаются и толстаго сильфа застаютъ на мѣстѣ преступленія. Впрочемъ старымъ придворнымъ нарядился самъ принцъ Фридрихъ.

Позабавившись смущеніемъ Матильды, принцъ, одинъ изъ добрѣйшихъ принцевъ въ мірѣ, предлагаетъ ей свой тронъ и корону; свою любовь и руку. Матильда, какъ добрая дѣвушка, принимаетъ и тронъ и корону и любовь и руку, и дѣло слажено.

3. Le Turc, *Турокъ*. водевиль въ одномъ дѣйствіи, Гг. Дюмануара и Коньяра.

Въ послѣдній день масляницы, Г. Пулѐ, честный и добрый молодой человѣкъ, котораго ремесло неизвѣстно, хочетъ провести послѣдніе часы сумасброднаго времени въ театральномъ маскарадѣ. Чтобы свободнѣе веселиться, Пулѐ беретъ въ магазинѣ на прокатъ Турецкій костюмъ и оставляетъ въ закладъ свое черное единственное платье. И давай шалить! Онъ, очертя голову, бросается во всѣ безумныя забавы масличнаго маскарада. Онъ вальсируетъ и галопируетъ, колотитъ и его колотятъ, дѣлаетъ и принимаетъ любовныя объясненія, даетъ и терпитъ пощечины, поцѣлуи; нѣжныя ручки жмутъ его руку, толстыя ноги давятъ его ноги; проворные пальцы вытаскиваютъ у него кошелекъ. Однимъ словомъ онъ до смерти веселится! Наконецъ онъ возвращается домой, утомленный, но не насыщенный удовольствіями. Дома нашъ Турокъ ложится спать и засыпаетъ. Вполдень онъ просыпается такимъ же Туркомъ, какъ былъ вчера; хочетъ снести костюмъ свой къ костюмеру, чтобы взять свое платье: но, увы, онъ не находитъ кошелька своего въ карманѣ, ему нечѣмъ заплатить за костюмъ, не возможно выручить своего платья и онъ поневолѣ долженъ оставаться Туркомъ. Въ этомъ костюмѣ съ нимъ случаются разныя, впрочемъ очень глупыя, приключенія съ гризетками и

Digitized by Google

сосѣдами; наконецъ его выручаетъ изъ бѣды *дядя*, который какъ-будто нарочно пріѣзжаетъ изъ Нормандіи, чтобы выкупить его платье и женить его на кузинѣ.

4. Le diable boiteux, *Кривоногій бѣсъ*, балетъ въ четырехъ дѣйствіяхъ, съ музыкою Г. Гомиса.

Сюжетъ взятъ изъ извѣстнаго всѣмъ романа. Дѣло состоитъ въ декораціяхъ, которыя, говорятъ, великолѣпны. Музыка Г. Гомиса тоже удостоивается похвалъ.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦІИ. Ровно нѣчего сообщить о Французской словесности. Романъ Г. Жанена, Le chemin de traverse, достигъ уже третьяго изданія, что̀ доказываетъ ужасный неурожай на книги, заслуживающія чтенія.

Потребителямъ Французскихъ романовъ можемъ указать на романъ мало извѣстнаго автора, но очень хорошо написанный и весьма занимательный: этотъ романъ называется Pierre; авторъ его называется Henri Arnaud, и началъ свое литературное поприще любопытною книгою Les aventures d'un rénégat. Pierre есть романъ *на мужей*, что̀ придаетъ ему новую цѣну въ глазахъ всего замужняго свѣта; только мужъ господина Арно̀ ужъ черезчуръ мерзавецъ. Само собою разумѣется, что тутъ есть благородный любовникъ, одинъ изъ тѣхъ любовниковъ, которыхъ такъ любитъ госпожа Дюдеванъ, служившая сочинителю образцомъ.

— Изъ «посредственностей», романъ Библіофила Жакоба, Pignerol, можетъ быть прочтенъ съ любопытствомъ.

— Смерть знаменитаго физика и математика Ампера составляетъ самое важное извѣстіе изъ литературной Франціи, но извѣстіе, которое не обрадуетъ любителей наукъ.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. Въ Англіи есть особенный родъ словесности *для лѣта*, books for sexson. Удалясь изъ Лондона на дачу или въ деревню, Англичанинъ ищетъ для себя книгъ, которыя можно было бы читать, когда жарко. Для этого служатъ обыкновенно путешествія. Романы болѣе

Digitized by Google

читаютъ осенью, въ сырую погоду, и тогда они появляются въ большомъ изобилiи. Изъ числа «книгъ для лѣта» заслуживаютъ особенно вниманiя два путешествiя, одно Г. Вальша, A residence in Constantinople, другое сиръ Джорда Геда, A home tour through the manufacturing districts. Книга Г. Вальша есть рядъ очерковъ и анекдотовъ, часто весьма любопытныхъ и хорошо разсказанныхъ, въ родѣ «Очерковъ Константинополя», Г. Базили. Путешéствiе сиръ Джорджа Геда по мануфактурнымъ областямъ Англiи можетъ устранить читателей лѣтнихъ книгъ своимъ заглавiемъ; но она страшна только на заглавномъ листкѣ, здѣсь нѣтъ и рѣчи о Статистикѣ, Политической Экономiи или Механикѣ. Это также рядъ очерковъ прекрасно написанныхъ. Чѣмъ болѣе механическiй сюжетъ, тѣмъ живѣе и цвѣтнѣе слогъ автора. Г. Геда можно назвать Шатобріаномъ желѣзныхъ дорогъ и каналовъ, и Бексфордомъ паровыхъ машинъ; въ ломкахъ каменнаго угля онъ блеститъ алмазомъ, и пакгаузы, загроможденные тюками хлопчатой бумаги, кажутся въ его описанiяхъ волшебными чертогами «Тысячи одной ночи». Слогъ его пріятенъ, тепелъ и особенно увлекателенъ въ картинахъ сельскихъ видовъ. Авторъ—большой мастеръ изъ ничего создавать прекрасныя вещи, и книга его читается съ наслажденiемъ.

— Г. Оллен Коннигамъ, ученый критикъ и хорошiй писатель, издалъ романъ подъ названiемъ Lord Roldan. Г. Коннигамъ особенно пріятенъ въ твореніяхъ, которыхъ предметъ взятъ изъ повѣрiй и народныхъ преданiй Шотландiи. Въ этомъ романѣ онъ также основалъ завязку на мѣстныхъ преданiяхъ, но вполовинѣ книги повѣсть вдругъ переходитъ изъ живописной и фантастической Шотландiи въ ужасы Французской революцiи. Противоложность этихъ картинъ непріятно поражаетъ читателя. Характеры дѣйствующихъ лицъ нѣсколько походятъ на героевъ мелодрамы; но языкъ вездѣ богатый, краснорѣчивый и поэтическiй.

Digitized by Google

НОВЫЯ КНИГИ.

Французскія.

HISTOIRE DES DOCTRINES morale, et politique, des trois derniers siècles, par M. *Matter*. Vol. I.

HISTOIRE DU DROIT français, par *E. M. Laferrière*, avocat. 2 vol.

ESSAI D'HISTOIRE UNIVERSELLE, par *Auguste Boulland*. 2 vol.

DÉCOUVERTES des causes physiques des mouvemens des corps célestes, par *J. B. G.* 1 vol.

ESSAI SUR L'AGRICULTURE, dans ses rapports généraux, par M. *Berthevin*. Par livraison.

RECHERCHES sur la surdité, considérée sous le rapport de ses causes et de son traitement, par. *J. V. Garal*.

MUSÉE de sculpture antique et moderne, par le comte *de Clarac*. I — VII livraisons,

---

LE LYS DE LA VALLÉE, roman, par M. *de Balzac*. 2 vol.

LA CARTE JEAUNE, roman de Paris, par *Eugène Chapus*. 2 vol.

CLOTILDE, ou l'Ouvrière et la marquise, roman, par *E. Guérin*. 2 vol.

ESCADRON VOLANT DE LA REINE, roman, par le baron *de Bazancourt*. 2 vol.

LA MÈRE ET LA FILLE, roman, par Mlle *Clémentine Mame*. 2 vol.

Англійскія.

POSTHUMOUS MEMOIRS of his own time. By sir Nathaniel W. Wraxall, Bart. 2 vos.

THE LIVE of Robert Lord Clive. By major-general *sir John Malcolm*. 3 vols.

A HOME TOUR through the manufacturing districts of England. By *sir George Head*. 1 vol.

A SUMMER IN SPAIN, being the narrative of a tour made in 1835. 1 vol.

A RESIDENCE IN CONSTANTINOPLE during the Greek and Turkish revolutions. By the Rev. *R. Walsh*. 2 vols.

A SAUNTER in Belgium in the summer of 1815. By *George St. George*. 1 vol.

LORD ROLDAN. A romance. By *Allan Cunningham*. 3 vols.

TALES OF THE WOODS and fields. A second series. By the author of Two old men's Tales. 3 vols.

OLD TOBY ADDRESSES to his friends. 1 vol.

Digitized by Google

СОСТОЯНІЕ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ РОССІИ. «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» заключаетъ въ себѣ чрезвычайно важный правительственный документъ, который заслуживаетъ быть предметомъ размышленія всѣхъ Русскихъ. Дѣло идетъ о народномъ просвѣщеніи, съ которымъ все связано, и мы говоримъ объ отчетѣ господина министра, за 1835 годъ, представленномъ Его Императорскому Величеству. Здѣсь можно измѣрить тотъ огромный шагъ, какой нынче дѣлаетъ впередъ Россія въ каждые двѣнадцать мѣсяцевъ! Число мѣръ благодѣтельныхъ, приведенныхъ въ исполненіе или предначертанныхъ министерствомъ въ теченіе одного года, изумительно, и одни уже слѣдствія усилій и дѣятельности года предшествовавшаго этому, подаютъ самыя блестящія надежны на будущее. Еще нѣсколько лѣтъ, и мы будемъ имѣть одну изъ прекраснѣйшихъ системъ народнаго воспитанія въ Европѣ. Идемъ ли мы впередъ? Дѣлаетъ ли у насъ просвѣщеніе видимые успѣхи? Кажется! До восьми тысячъ учениковъ по училищамъ, прибавившихся въ теченіе одного минувшаго года, и сто сорокъ новыхъ училищъ, открытыхъ для слѣдующаго, есть такой отвѣтъ, противъ котораго не можетъ быть возраженія. Этотъ утѣшительный результатъ является ещѐ въ выгоднѣйшемъ свѣтѣ, если мы сравнимъ болѣе отдаленные годы. Ровно десять лѣтъ тому, министерство народнаго просвѣщенія считало въ своемъ вѣдомствѣ 52,000 учащихся; въ 1834 году ихъ было 78,000, а въ 1835 не менѣе 85,700. Слѣдственно, до 1834 года число учащихся въ заведеніяхъ, подчиненныхъ министерству, возвышалось каждый годъ по 2,600 человѣкъ, а въ одинъ этотъ годъ оно умножилось 7,611. Но число 85,700 учащихся, выведенное изъ вѣдомостей министерства, давало бы весьма недостаточное понятіе о настоящей массѣ Русскаго юношества, получающаго образованіе въ казенныхъ и частныхъ училищахъ: оно безъ-сомнѣнія вдвое больше, если посчитать всѣхъ обучающихся по другимъ вѣдомствамъ, и его высокопревосходительство господинъ министръ рѣшился составить первую статистику народнаго просвѣщенія изъ свѣдѣній, которыя по Высочайшему одобренію, потребованы теперь отъ всѣхъ властей Импе-

Digitized by Google

рін. Это любопытное вычисленіе приведетъ въ ясность одинъ изъ самыхъ темныхъ вопросовъ исторіи умственныхъ успѣховъ нашего отечества. Въ шести нашихъ университетахъ было въ 1835 году до 2,130 студентовъ, именно — въ Санктпетербургскомъ 285, въ Московскомъ 419, въ Дерптскомъ 567, въ Харьковскомъ 342, въ Казанскомъ 252, въ Кіевскомъ Святаго Владиміра 120. Должно замѣтить, что изъ собственно Русскихъ университетовъ Санктпетербургскій самый многочисленный несмотря на недавность своего основанія, потому что онъ имѣетъ до трехъ сотъ воспитанниковъ между-тѣмъ какъ при немъ нѣтъ медицинскаго факультета, который въ Московскомъ и другихъ университетахъ обыкновенно бываетъ самый обильный слушателями. И эти успѣхи пріобрѣлъ онъ въ десять лѣтъ, потому что еще въ 1825 году едва было въ немъ пятнадцать человѣкъ своекоштныхъ воспитанниковъ. Съ другой стороны университетъ Святаго Владиміра, который только-что начинаетъ свое существованіе и имѣетъ не болѣе ста двадцати слушателей, замѣчателенъ необыкновеннымъ богатствомъ своихъ кабинетовъ и ученыхъ пособій; ни одинъ изъ нашихъ университетовъ, не исключая даже Дерптскаго, не можетъ итти съ нимъ въ состязаніе: въ его библіотекѣ находится 44,474 тома, въ физическомъ кабинетѣ 254 инструмента, въ минералогическомъ 19,238 штуфовъ, въ минц-кабинетѣ неимовѣрное число 19,760 медалей и монетъ, въ кабинетѣ зоологическомъ 14,790 видовъ и 33,655 нумеровъ (Дерптскій имѣетъ только 2,950 нумеровъ), въ геодезическомъ 82, въ кабинетѣ машинъ и моделей 2,000 нумеровъ, въ богатомъ собраніи картинъ, скульптурныхъ предметовъ и рисунковъ 2,184, въ химической лабораторіи 660 снарядовъ, въ ботаническомъ саду 5,329 видовъ и 4,872 растеній. Только своей библіотекой Дерптскій университетъ беретъ верхъ надъ новорожденнымъ Кіевскимъ, которому по-видимому предназначена весьма блестящая судьба въ ряду нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Въ низшихъ училищахъ наибольшее приращеніе учащихся примѣчается по Санктпетербургскому учебному округу, который, заключая въ себѣ шесть малонаселенныхъ губерній, пріобрѣлъ въ 1835 году до 2,200 новыхъ учениковъ,

Digitized by Google

тогда какъ въ московскомъ округѣ, при девяти богатыхъ губерніяхъ, прибыло только 1,564. На ряду съ Санктпетербургскимъ округомъ стоитъ въ этомъ отношеніи Одесскій, котораго гимназіи и училища, расположенныя въ трехъ немноголюдныхъ губерніяхъ и Бессарабской Области, возрасли значительнымъ числомъ 1,352 воспитанниковъ, хотя лицей претерпѣлъ убыль почти 50 человѣкъ учащихся. Такимъ образомъ самое сильное стремленіе къ наукамъ обнаруживается на сѣверѣ и на югѣ Имперіи. Но вообще во всѣхъ Европейскихъ округахъ число учащихся примѣтно умножилось. Азіятскіе округи были менѣе счастливы: Закавказскій въ теченіе этого года остался неподвижнымъ; въ Сибирскомъ оказалась даже довольно важная убыль, до трехъ сотъ пятидесяти человѣкъ изъ двухъ тысячъ пяти сотъ обучавшихся тамъ въ 1834 году. Достойно также вниманія, что наибольшее учебное движеніе замѣчается по округамъ, то есть, въ низшихъ заведеніяхъ, — чему причину можно усмотрѣть въ открытіи девяноста семи приходскихъ училищъ и тридцати двухъ частныхъ школъ, кромѣ нѣсколькихъ гимназій, уѣздныхъ училищъ и казенныхъ пансіоновъ: университеты и лицеи не увеличили общаго числа своихъ посѣтителей. Но вотъ сравнительная таблица обучавшихся въ высшихъ заведеніяхъ и по округамъ за 1834 и 1835 годы.

УНИВЕРСИТЕТЫ И ЛИЦЕИ.			ОКРУГИ.	
	1834.	*1835.*	*1834.*	*1835.*
С.Петербургскій	230	285	9,782	11,911.
Московскій	456	419	14,604	16,168.
Деритскій	524	567	8,344	8,826.
Харьковскій	389	342	11,035	11,446.
Казанскій	238	252	7,690	8,459.
Кіевскій	62	130	6,203	6,625.
Одесскій	289	252	3,295	4,647.
Бѣлорусскій	—	—	11,035	11,446.
Закавказскій	—	—	1,280	1,285.
Сибирскій	—	—	2,505	2,161.
Педагогическій Инст.	144	146	—	—
Демидовскій *Л.*	80	91	—	—
Кн. Безбородко *Л.*	236	175	—	—
Итого	2,648	2,649.	Итого	75,448 83,058.

Digitized by Google

Изъ этого видно, что въ высшихъ заведеніяхъ, кромѣ Одесскаго (Ришельевскаго) лицея, университеты Московскій и Харьковскій и Лицей князя Безбородко испытали также уменьшеніе числа учащихся, что однако жъ легко объясняется возрастаніемъ университетовъ Санктпетербургскаго, Святаго Владиміра и Дерптскаго.

Присовокупимъ еще сравнительную таблицу приращенія числа учебныхъ заведеній по вѣдомству министерства.

	1834.	*1835.*
Университетовъ	6	6.
Главный Педагогическій Институтъ	1	1.
Лицеевъ	3	3.
Дворянскій Институтъ	1	1.
Гимназій	64	67.
Училищъ уѣздныхъ	410	418.
Училищъ приходскихъ	661	756.
Частныхъ заведеній	398	430.
Пансіоновъ при лицеяхъ, гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ	21	25.
Конвиктовъ	25	25.
И того	1,590	1,732.
Общее число учащихся во всѣхъ этихъ заведеніяхъ	78,096	85,707.
	Разность 7,611.	

Университеты выпустили въ теченіе прошедшаго года — докторовъ разныхъ факультетовъ 12, кандидатовъ, 100, дѣйствительныхъ студентовъ 113, докторовъ медицины 26, инспекторовъ врачебной управы 7, медико-хирурговъ 2, лекарей 98, разныхъ врачебныхъ практикантовъ 28.

Библіотеки высшихъ учебныхъ заведеній пріумножились значительнымъ числомъ слишкомъ тридцати тысячъ вновь купленныхъ томовъ. Въ 1834 году въ этихъ библіотекахъ, со включеніемъ Императорской Публичной, считалось 770,100 томовъ; въ 1835 количество это возвысилось до 801,017.

Въ огромномъ числѣ мѣръ, распоряженій, покупокъ, пособій, ученыхъ предпріятій, какія представляетъ отчетъ министерства, мы можемъ отмѣтить здѣсь только немногія, об-

Digitized by Google

щія мѣры. Изданіе новыхъ уставовъ и штатовъ университетскихъ занимаетъ между ними первое мѣсто какъ основаніе всѣхъ дальнѣйшихъ успѣховъ этихъ заведеній. Отдѣленіе администраціи учебныхъ округовъ отъ университетовъ есть мѣра величайшей важности, равно благодѣтельная и для самихъ университетовъ, которыхъ механизмъ становится менѣе сложнымъ и несравненно лучше приспособленнымъ къ главной ихъ цѣли, и для училищъ, которыя, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, получатъ подъ управленіемъ попечителей и ихъ совѣтовъ развитіе быстрое, полное, соотвѣтственное важности этого краеугольнаго камня народнаго воспитанія. Члены университетовъ, не будучи такъ обременены мелкими административными занятіями, найдутъ болѣе времени для ученыхъ трудовъ своихъ, и управленіе училищами выиграетъ весьма много отъ сокращенія двухъ лишнихъ инстанцій. Для частныхъ училищъ устроенъ правильный и постоянный надзоръ, отъ чего они не могутъ не улучшиться. Образованіе дѣтей чиновниковъ, служащихъ въ отдаленныхъ губерніяхъ сдѣлалось также предметомъ благотворительнаго и справедливаго вниманія. Многіе достойные чиновники, имѣющіе семейства, съ охотою рѣшались бы посвятить себя служенію въ Сибири, Грузіи, Кавказской и Закавказской области, если бъ предвидѣли тамъ достаточныя средства къ образованію дѣтей своихъ. Въ ихъ пользу господинъ министръ народнаго просвѣщенія нашелъ приличнымъ учредить при каждой изъ Сибирскихъ гимназій и при Ставропольскомъ Высшемъ Уѣздномъ Училищѣ пріемъ воспитанниковъ на казенное содерженіе, за которое сыновья чиновниковъ обязаны будутъ, по окончаніи курса своего ученія, прослужить шесть лѣтъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ они получатъ воспитаніе. Двадцать такихъ мѣстъ опредѣляется и въ благородномъ пансіонѣ при Тифлисской гимназіи, для дѣтей Русскихъ чиновниковъ. Для умноженія числа способныхъ чиновниковъ въ Европейскихъ губерніяхъ постановлено вмѣнить въ обязанность всѣмъ воспитанникамъ благородныхъ пансіоновъ при гимназіяхъ, которые содержатся на счетъ государственнаго казначейства, если они не перейдутъ въ университетъ, прослужить шесть лѣтъ по гражданской части въ той самой губерніи, гдѣ находится гимназія. То же

Digitized by Google

правило распространяется и на воспитанниковъ, которые содержатся на счетъ пожертвованныхъ дворянствомъ капиталовъ или взносовъ; и въ случаѣ даже перехода ихъ въ университетъ, съ содержаніемъ изъ того же источника, они обязаны возвратиться въ свои губерніи для прослуженія тамъ по-крайней-мѣрѣ шести лѣтъ по гражданской части.

Мы не можемъ окончить лучше этого извѣстія о послѣднихъ успѣхахъ просвѣщенія въ Россіи, какъ приводя въ подлинникѣ заключеніе отчета министерства.

«Изъ сего быстраго, но полнаго, обзора всѣхъ дѣйствій министерства народнаго просвѣщенія въ 1835 году, Ваше Императорское Величество изволите Всемилостивѣйше усмотрѣть, что общій планъ и главная мысль, руководствующіе сими дѣйствіями, постепенно развиваются во всѣхъ ихъ видахъ, и что во всѣхъ направленіяхъ министерство неуклонно стремится къ исполненію священной воли Вашего Величества, мѣняя иногда орудія, испытуя новыя средства, наблюдая за движеніемъ умовъ какъ въ Имперіи, такъ и внѣ оной, но никогда не теряя изъ виду главной своей цѣли, — цѣли, Вашимъ Величествомъ указанной не только по уваженію къ истинной пользѣ настоящаго поколѣнія, но и въ твердомъ упованіи на благосостояніе будущаго. Замѣчательнѣйшими чертами въ дѣйствіяхъ министерства въ 1835 году можно почесть *положеніе объ управленіи учебными округами*, упростившее сложный механизмъ прежней системы управленія учебными заведеніями, и *общій университетскій уставъ*, съ немедленнымъ приложеніемъ онаго къ университетамъ С.-Петербургскому и Московскому, нынѣ изъ рукъ Вашего Величества получившимъ новое бытіе. Къ сему осмѣлюсь прибавить *обозрѣніе училищной части въ Закавказскомъ краѣ*, твердое основаніе устройству училищъ Кіевской, Волынской, и Подольской губерній, принятіе мѣръ къ улучшенію учебныхъ завеленій въ Новороссійскихъ и Сибирскихъ губерніяхъ, учрежденіе и распространеніе публичныхъ библіотекъ въ губернскихъ и даже въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ, и наконецъ съ ощутительнымъ успѣхомъ продолжающееся водвореніе *отечественнаго языка* во всѣхъ училищахъ юго-западныхъ губерній.»

Digitized by Google

«Приведеніе въ полное дѣйствіе всѣхъ намѣреній и видовъ Вашего Императорскаго Величества по части министерства народнаго просвѣщенія несомнѣнно требуетъ еще и времени и упорныхъ трудовъ; между тѣмъ считаю себя безмѣрно счастливымъ, что могу нынѣ, какъ и въ концѣ 1834 года, всеподданнѣйше свидѣтельствовать передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ о неутомимомъ рвеніи всѣхъ лицъ къ министерству народнаго просвѣщенія принадлежащихъ, въ исполненіи ихъ разнородныхъ обязанностей, равно и о томъ, что ни одно непріятное событіе, ни одно неожиданное явленіе, не нарушали спокойствія и тишины подвѣдомыхъ министерству публичныхъ и частныхъ учебныхъ заведеній. Юношество, образующееся въ нѣдрахъ сихъ заведеній, начинаетъ оживляться новыми силами, новымъ духомъ, и постигать важность своего призванія; съ усердіемъ къ пріобрѣтенію знаній основательныхъ, умножается повсюду безусловная покорность и благоразумная довѣренность къ видамъ и къ опытности начальствующихъ. Въ отечественныхъ университетахъ дѣти лучшихъ фамилій, сыны достойнѣйшихъ сановниковъ, сидятъ на скамьяхъ студентскихъ, стараясь прилежаніемъ, нравственностію и трудами, заслужить въ кругу университетскаго быта тѣ преимущества, кои, по мѣрѣ успѣховъ, ожидаютъ ихъ на поприщѣ службы и на стезяхъ гражданской жизни. Благородные пансіоны въ губерніяхъ возрастаютъ быстро числомъ и достоинствомъ. Отъ сего совершенствуются гимназіи, а посредствомъ сихъ послѣднихъ, уѣздныя и приходскія училища. Воспитаніе частное болѣе и болѣе сливается съ воспитаніемъ публичнымъ; общій порывъ къ умственному образованію въ духѣ мѣръ, правительствомъ предначертанныхъ, распространяется очевидно по всѣмъ сословіямъ и во всѣхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, опытъ, предпринятый по твердой волѣ Вашего Величества, Вашимъ бдительнымъ вниманіемъ ежечасно слѣдимый, будетъ уповательно причисленъ къ ряду благоуспѣшныхъ событій, носящихъ на себѣ отличительную печать Вашей, Всемилостивѣйшій Государь, державной руки; событій важныхъ и необходимыхъ, послѣдствія коихъ обнимаютъ и благоденствіе настоящаго и всѣ основательнѣйшія надежды въ грядущемъ.»

Digitized by Google

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

1. *Буддическая Литература.* До-сихъ-поръ Европейскіе индологи очень мало занимались литературою буддистовъ, послѣдователей далай-ламскаго ученія, которое исповѣдуютъ, въ числѣ прочихъ народовъ Азіи, наши Буряты и Калмыки. Система вѣры, философія и словесность брахманскія гораздо сильнѣе привлекали къ себѣ ихъ вниманіе. Это почти исключительное предпочтеніе происходило особенно отъ недостатка у насъ въ буддическихъ книгахъ, писанныхъ на Санскритскомъ языкѣ. Только въ нынѣшнемъ столѣтіи, Гг. Юксъ и Годжсонъ обогатили Лондонскія библіотеки довольно значительнымъ собраніемъ книгъ буддическихъ на этомъ языкѣ, пріобрѣтенныхъ въ Непалѣ. Г. Ленцъ, во время пребыванія своего въ Лондонѣ, избралъ для своихъ занятій, одну изъ Годжсоновыхъ рукописей, въ которой заключается все ученіе Будды, и онъ обѣщаетъ намъ переводъ этого далай-ламскаго Алкорана. Переводъ *Лалита-зистары,* — такъ называется эта любопытная пурана, — будетъ напечатанъ въ Mémoire de l'Académie des Sciences.

Свѣдѣнія наши о системѣ буддической вѣры до-сихъ-поръ почерпаемы были въ книгахъ народовъ, которые приняли эту религію послѣ изгнанія ея изъ Индіи, первобытнаго ея отечества, откуда вытѣснили ее преслѣдованія брахмановъ. Языки Пали, Китайскій, Японскій, Монгольскій, и наконецъ Тибетскій, доставляли намъ наибольшую часть этихъ свѣдѣній. Въ двухъ послѣднихъ языкахъ упражняются только трое или четверо оріенталистовъ. Ученый Венгерецъ Чома деКёрёсъ, который недавно написалъ Тибетскую грамматику, Гг. Шмидтъ и Ковалевскій, вотъ всѣ наши авторитеты по части Тибетскихъ и Монгольскихъ источниковъ. Мы не считаемъ покойнаго Клапрота, потому что труды его въ этой области оріенталиэма, какъ и во многихъ другихъ, были только опытами. Собранія Тибетскихъ книгъ въ Европѣ получили еще въ послѣднее время богатыя приращенія въ особенности стараніями барона Шиллинга, который вывезъ изъ Восточной Сибири два полные экземпляра *Ганджура,* главной книги буддистовъ. Но любопытство ученыхъ всегда болѣе обращалось къ Санскритскому языку: надѣялись открыть въ Тибетѣ или Непалѣ древнія рукописи на этомъ

Digitized by Google

языкъ, которыя вѣроятно были нѣкогда подлинниками буддическихъ компиляцій Тибетцевъ, и почерпать свѣдѣнія въ самомъ чистомъ источникѣ; быть-можетъ, думали, на днѣ этого источника откроется даже какой-нибудь кладъ историческихъ указаній. Въ этомъ отношеніи Годжсоново собраніе буддическихъ книгъ на Санскритскомъ языкѣ казалось весьма занимательнымъ. Г. Ленцъ, отзывомъ своимъ о *Лалита-вистарѣ*, значительно уменьшаетъ его предполагаемую важность. Избранная имъ *Лалита-вистара*, по словамъ этого индолога, не заключаетъ въ себѣ ни одного новаго факта, и даже языкъ ея есть нѣчто среднее между Санскритскимъ и Гиндустанскимъ. Такимъ образомъ это не источникъ, а сочиненіе новѣйшее и по-видимому переводъ съ болѣе древняго подлинника, Санскритскаго или даже Тибетскаго. Быть-можетъ, въ подобномъ случаѣ, лучше было бы держаться Тибетскихъ источниковъ и прямо въ нихъ почерпать свѣдѣнія наши объ ученіи буддистовъ.

2. Афганская литература. Языкъ Афганцевъ, или *Пушту*, несмотря на попытки нѣсколькихъ ученыхъ, которые старались дать объ немъ понятіе, можетъ почесться совершенно непзвѣстнымъ въ Европейскомъ ученомъ свѣтѣ. Единственная книга, въ которой мы могли его видѣть съ нѣкоторою пользою для сравнительной филологіи, былъ переводъ Евангелія, изданный 1818 года въ Серамporѣ. Литература Афганская, судя по словамъ Эльфинстона, находится еще въ младенчествѣ и не имѣетъ писателей старѣе полутора столѣтія: она по-видимому состоитъ, бо́льшею частію, изъ стихотвореній и переводовъ съ Персидскаго; со всѣмъ тѣмъ упоминаютъ объ одномъ историкѣ, по имени *Ходжу*, ежели только это — имя. Г. профессоръ Дорнъ, который занимается исторіею Афганцевъ, будучи въ Лондонѣ, открылъ въ библіотекѣ Ость-Индской Компаніи любопытное сочиненіе Набоба Мегеббетъ-хана объ языкѣ Пушту: оно писано по-Персидски, имѣетъ заглавіемъ *Ріязи мегеббетъ*, «Цвѣтники дружбы», или «Цвѣтники Мегеббетъ-Хана», — Афганцы видно любятъ каламбуры, — и заключаетъ въ себѣ правила правописанія, спряженія глаголовъ и небольшой лексиконъ. При помощи этой книги и Афганскаго перевода Евангелія, Г. Дорнъ составилъ для себя грамматику и не-

Digitized by Google

большой словарь языка Пушту, которые бы мы весьма желали видѣть напечатанными. По возвращеніи въ Петербургъ, этотъ ученый оріенталистъ получилъ отъ Г. академика Френа два Афганскіе *дивана*, то есть, «собранія стихотвореній», и, какъ единственный знатокъ этого языка, представилъ академіи, въ видѣ обращика, нѣсколько извлеченій изъ *дивана* Ретмана, любимаго поэта Афганцевъ, Кабульскаго *Ламартина*, прежде чѣмъ обработаетъ и издастъ эти два собранія. Г. Дорнъ, конечно, найдетъ въ Петербургѣ обильныя средства къ усовершенствованію своего труда, потому что здѣсь легко получить нужныя объясненія изъ устъ природныхъ Афганцевъ. Между-тѣмъ записка Г. Дорна, напечатанная въ Bulletin scientifique, чрезвычайно любопытна. Мы сожалѣемъ только, что отрывки, избранные имъ для доставленія намъ перваго знакомства съ этимъ языкомъ, дотого испещрены Персидскими и Арабскими словами, что въ нихъ почти нѣтъ ничего Афганскаго: ежели это — весь афганизмъ, такъ мы готовы понимать Афганскій языкъ, никогда ему не учившись. Надо сообщить нашимъ читателямъ маленькій обращикъ Афганскаго поэтическаго генія, да и самаго языка, который, мы увѣрены, они поймутъ еще лучше нашего. Если мы неправильно произносимъ, должно взыскивать не съ насъ, а съ Г. Дорна, который ничего не сказалъ намъ о произношеніи словъ, предназначенныхъ служить образцомъ неизвѣстнаго языка. Замѣтимъ, что одни только слова, напечатанныя прямыми литерами, суть Афганскія.

Гагу *бiямунедъ сеадетъ пе да дюнья*,
Чеи *бiямунедъ канаатъ пе да дюнья*;
Ю *нефесъ де Худай пс-ядъ эвлятерь ди*
Не де дюрюстъ джеганъ девлетъ пе да дюнья.
Би Худай, Херчи ди, варе *фани ди*,
Ки леззетъ ди, ки зинетъ пе да дюнья
Имаретъ пе-серъ де ригъ реваиъ канедъ
Херчи канедъ имаретъ пе да дюнья.

«Тотъ знаетъ счастіе въ этомъ мірѣ,
Кто умѣетъ довольсвоваться въ этомъ мірѣ;
Одно мгновеніе о Богѣ воспоминать — лучше
Нежели надъ цѣлымъ свѣтомъ владычествовать, въ этомъ мірѣ.
Кромѣ Вога, что ни есть, все тлѣнно,
И то что называется сладостью, и то что честью въ этомъ мірѣ.

Digitized by Google

Зданіе на пескѣ сыпучемъ созидаетъ
Тотъ, кто созидаетъ зданіе въ этомъ мірѣ.»

Этотъ отрывокъ можетъ имѣть въ Афганскомъ мірѣ безчисленныя достоинства, но его сочинитель не долженъ, по-крайней-мѣрѣ, предъявлять требованій на оригинальность; потому что это наборъ самыхъ избитыхъ фразъ Персидской поэзіи. Что̀ касается до Афганской философіи, то она не совсѣмъ трансцендентальная, и можно составить себѣ довольно ясное объ ней понятіе изъ слѣдующаго стиха, который мы заимствуемъ изъ другаго отрывка: поэтъ говоритъ —

Чи пе каръ ди бенде би хупли *сагибъ?*

Это значитъ: «Ну къ чему годится рабъ безъ своего господина?»

КОРОЛЕВСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *Сѣно изъ ржи и пшеницы.* Господа Эдуардсъ и Коленъ читали въ академіи въ прошломъ году записку о развитіи злаковъ въ высокихъ температурахъ: общій результатъ ихъ опытовъ былъ тотъ, что сильная теплота останавливаетъ развитіе зерна, но зато удивительно способствуетъ растенію стебля. Господа Эдуардсъ и Коленъ заключали, что, посѣявъ озимый хлѣбъ лѣтомъ, можно осенью косить его на сѣно, и что это ни сколько не повредитъ урожаю будущаго года. Теперь Г. Эдуардсъ доноситъ академіи, что одинъ сельскій хозяинъ департамента Сены-и-Оаза произвелъ въ большомъ видѣ этого рода опытъ: онъ посѣялъ озимый хлѣбъ въ прошломъ году объ Ивановъ день, собралъ съ него отличное сѣно въ Сентябрѣ, и въ нынѣшнемъ году тотъ же самый хлѣбъ принесъ ему пышную жатву. Что̀ если бы у насъ, въ Россіи, испытали это средство?

2. *Открытіе Г. Эренберга.* Извѣстный своими открытіями въ микроскопическомъ мірѣ Г. профессоръ Эренбергъ пишетъ изъ Берлина къ Г. Броньяру, что онъ сдѣлалъ новое открытіе, удивительнѣе всѣхъ прежнихъ. По наблюденіямъ знаменитаго естествоиспытателя, скалы и утесы образовались весьма страннымъ образомъ: онѣ цѣликомъ составлены изъ бренныхъ останковъ наливочныхъ животныхъ, которыхъ вы можете превосходно различить, посмотрѣвъ на

Digitized by Google

скалу въ микроскопъ. «Скалы, однороднаго состава, говоритъ Г. Броньяръ, не слишкомъ твердыя, легко разсыпающіяся въ песокъ, даже ископаемыя, плотныя, которыя кажутся какъ-бы вылитыми изъ одного кремнистаго вещества, состоятъ единственно изъ останковъ или, точнѣе, скелетовъ тѣхъ безконечно малыхъ животныхъ, которыхъ тысячи живутъ въ каплѣ воды или уксусу, особенно изъ породъ baccilaria, coconema, gomphonema, synedra, gaillonella. Эти останки, совершенно различаемые помощію микроскопа, сохранили видъ незримыхъ окаменѣлыхъ труповъ всѣхъ этихъ наливочныхъ животныхъ; вы ихъ видите такъ чисто какъ на вашей ладони, и каждый можетъ сравнить ихъ съ живыми породами, которыя нарисовалъ Г. Эренбергъ въ своихъ сочиненіяхъ.» Г. Эренбергъ, по своей страсти къ этимъ крошечнымъ чудовищамъ, вскорѣ откроетъ, что и человѣкъ составленъ весь изъ наливочныхъ!

3. *Смерть Ампера.* Парижская академія и науки лишились человѣка, который долго былъ ихъ украшеніемъ. Г. Амперъ, скончавшійся въ первой половинѣ іюля, родился въ 1775 году. Ему было не болѣе 60 лѣтъ, но изнуреніе тѣла учеными трудами повергло его въ преждевременную старость, и онъ давно уже страдалъ множествомъ недуговъ. Онъ сперва былъ учителемъ математики въ Бурѣ (Bourg); оттуда перевели его въ Ліонъ, при покровительствѣ Деламбра и Жюссіё, и наконецъ въ Парижъ, гдѣ онъ получилъ мѣсто профессора въ политехническомъ институтѣ. Въ 1814 году онъ былъ избранъ въ члены академіи, и съ того времени начинается рядъ его полезныхъ трудовъ по части физики, въ которой онъ явился первымъ основателемъ знаменитой теоріи электро-магнитности. Эрстедъ замѣтилъ обстоятельство новое и важное въ магнитной стрѣлкѣ: онъ открылъ, что магнитная стрѣлка, поставленная продольно подлѣ, или подъ металлическою проволокою, по которой течетъ электричество изъ Вольтова столба, подвергается странному дѣйствію этой проволоки; что стрѣлка становится крестообразно съ проволокою, и всегда параллельно къ той части ея окружности, противъ которой ее поставятъ, такъ, что перемѣщая стрѣлку, она дѣлаетъ полный оборотъ около проволоки въ томъ же крестообразномъ положеніи. Это круговращательное

Digitized by Google

свойство силы чрезвычайно замѣчательно. Эрстедъ сначала думалъ, что она принадлежитъ металлу проволоки, и сообщилъ свое замѣчаніе Амперу. Знаменитый Французскій физикъ, повторяя Эрстедовъ опытъ, открылъ новыя явленія, которыя повели къ измѣненію принятой тогда исторіи электричества. Съ 1820 года онъ напечаталъ о томъ много любопытныхъ записокъ: важнѣйшее изъ этихъ разсужденій было то, въ которомъ онъ объяснилъ дѣйствіе двухъ электрическихъ струй другъ на друга безъ помощи магнита, и доказалъ что это дѣйствіе происходитъ всегда въ обратномъ содержаніи квадратовъ разстоянія, и бываетъ различно смотря по взаимному положенію двухъ струй. Къ Амперовымъ трудамъ присоединились дальнѣйшіе опыты самаго Эрстеда; потомъ Арагò, Біò, Деви, Савари, Нобили; наконецъ прекрасныя открытія Фарадѐ, и вышла полная наука электромагнитности. Теперь можно магнитизоровать желѣзо струей Вольтова электричества, струей земнаго электричества, молніей, и тому подобнымъ. Всѣ явленія электрическія производятся нынче магнитами, — электрическая искра, огонь, и прочая, и никто не сомнѣвается, что магнитность и электричество — одна и таже летучая жидкость, исключая тѣхъ, которые сомнѣваются въ существованіи такой жидкости.

Кромѣ своихъ заслугъ въ наукахъ, Амперъ былъ еще человѣкъ отлично честный, добрый и любимый всѣми. Въ Парижской публикѣ онъ пользовался однако жъ другаго рода славою, именно своей разсѣянностью, которая часто доходила до самой смѣшной крайности. Объ немъ разсказываютъ столько же забавныхъ анекдотовъ какъ обо всѣхъ разсѣянныхъ.

4. *Ссора Французскихъ френологовъ.* Въ медицинскомъ отдѣленіи академіи происходилъ недавно ужасный шумъ. Рѣчь шла о френологіи, и защитники этой науки, подъ предводительствомъ Г-на Broussais, — противники ея такъ многочисленны, что ихъ нельзя поименовать всѣхъ, — спорили три или четыре засѣданія сряду. Наконецъ Г. Geneau de Mussy вывелъ общее заключеніе изъ всѣхъ этихъ разсужденій. Мы не можемъ лучше объяснить дѣла и нынѣшняго состоянія этой мнимой науки, какъ приведя рѣчь знаменитаго врача, одобренную всею академіею.

Digitized by Google

«Вы изволили говорить, господа, сказалъ Г. Geneau de Mussy, что подъ именемъ Френологіи должно разумѣть не науку о человѣческомъ мышленіи, что было бы сообразнее съ значеніемъ этого слова, но науку которая имѣетъ предметомъ означеніе въ мозгу мѣста различныхъ органовъ, которые, какъ утверждаютъ, управляютъ нашими способностями и опредѣляютъ наши наклонности. Я буду говорить только объ этой наукѣ. Объявляю торжественно, что все что я слышалъ въ продолженіе трехъ или четырехъ засѣданій убѣдило меня, что, если Френологія и должна когда-нибудь быть наукою, эта наука еще не создана; что всѣ начала, которыя она доселѣ постановила, представляютъ только сбивчивость и неопредѣленность; что результаты, которые она выдаетъ за несомнѣнные, были часто опровергаемы; еще чаще измѣнялись. Доводы мои я буду почерпать изъ происходящихъ здѣсь преній.

«Одинъ изъ самыхъ могущественныхъ защитниковъ Френологіи говорилъ намъ о нѣкоторыхъ возвышеніяхъ на боковыхъ частяхъ мозга, возвышеніяхъ, которыя считались органами убійства или истребительности. Но какъ впослѣдствіи эти же самые органы найдены въ животныхъ травоядныхъ, то надобно было измѣнить ихъ значеніе, и намъ стали говорить: «Это органы не только истребительности, но всѣхъ движеній, необходимыхъ для сохраненія жизни животнаго: да, впрочемъ, развѣ овцы не истребляютъ растеній?» Такимъ образомъ, одинъ и тотъ же органъ побуждаетъ волка умерщвлять овцу и овцу щипать траву! Съ такими тонкими объясненіями не мудрено найти отвѣты на всѣ возможныя возраженія; но я не думаю, чтобы эти отвѣты могли казаться удовлетворительными даже и тому, кто ихъ предлагаетъ.

«Другой защитникъ Френологіи показалъ намъ на слѣпкахъ, что эти органы не существуютъ на головѣ Фіески, а находятся на головѣ генерала Фоа. Я былъ слишкомъ далеко отъ слѣпковъ, которыя онъ показывалъ, чтобы самому въ этомъ увѣриться; но я вѣрю нашему сочлену на слово, и только не могу понять, какимъ образомъ это замѣчаніе можетъ послужить въ пользу Френологіи. Но при этомъ я слышалъ мнѣніе, которое и теперь еще меня удивляетъ: говорили, что Фіески былъ просто тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ

Digitized by Google

быть по своей организаціи, и тутъ же называли его преступникомъ. Если Фіески былъ только слѣпымъ орудіемъ несчастнаго устройства своего черепа, онъ не могъ быть преступнымъ: я не называю преступнымъ камень, который падая, ушибаетъ меня. Въ такомъ случаѣ и тѣ, которые судили Фіески и приговорили къ казни, находятся также подъ вліяніемъ истребительной организаціи. Да это просто значило бы — проповѣдывать ученіе, которое уничтожаетъ всякую свободу дѣйствія, всякую нравственность, всякую надежду, и оставляетъ человѣку, вмѣсто ихъ, одно только значеніе падающаго камня!

«Я не хочу употреблять во зло терпѣнія академіи и ограничусь однимъ только, главнымъ возраженіемъ, извлекаемымъ изъ единства *Я*. Защитники Френологіи чувствуютъ всю затруднительность этого возраженія, и, чтобы увернуться отъ него, они сравниваютъ мозгъ со множествомъ инструментовъ, которыхъ звуки слышатся въ концертѣ; каждый изъ этихъ инструментовъ издаетъ особый звукъ, и сверхъ-того слухъ поражается общимъ аккордомъ, составляющимъ гармонію цѣлаго. Я не вижу, чѣмъ это сравненіе поясняетъ предметъ разсужденія.

«Наука еще менѣе можетъ опредѣлить, какое участіе принимаетъ мозгъ въ произведеніи нашихъ мыслей или намѣреній. Въ первомъ случаѣ предметы сравненія однородны; органы, которые могутъ быть изучаемы въ ихъ формѣ, въ ихъ устройствѣ, могутъ также принимать и передавать движенія. Во второмъ случаѣ затрудненіе гораздо важнѣе: предметы сравненія не однородны, потому что мысль не имѣетъ формы; она не подлежитъ ни какому чувству; не повинуется ни какой естественной силѣ. Тѣ, которые принимались за разсмотрѣніе этихъ трудныхъ вопросовъ, принуждены были дѣлать ипотезы: ихъ ипотезы были довольно удачно приспособлены къ нѣкоторымъ фактамъ, но онѣ совершенно ниспровергались другими, новыми фактами. Да это работа, похожая на трудъ человѣка, разбирающаго бумагу писанную литерами, которыхъ онъ не знаетъ и на языкѣ, котораго онъ не понимаетъ!»

Послѣ этого заключенія, академія разсудила, что всего лучше отложить пренія до тѣхъ поръ, когда факты болѣе

Digitized by Google

точные, болѣе многочисленные, представятъ прочнѣйшія основанія.

ПРЕВРАЩЕНІЕ МОРСКОЙ ВОДЫ ВЪ ПРѢСНУЮ. Если бы можно было морскую воду легко и дешево дѣлать годною къ питью, это составило бы новую эпоху въ искусствѣ мореплаванія. Много разъ пытались достичь этой важной цѣли и всегда безуспѣшно. Въ послѣднее время всѣ журналы повторяли одинъ за другимъ извѣстіе, что Гг. Реуге и Brémond изобрѣли весьма экономическій снарядъ для превращенія морской воды въ *прѣсную, годную къ питью и здоровую*, и что они отправились въ Гавръ дѣлать опыты въ присудствіи всѣхъ моряковъ и всей приморской публики. Снарядъ, говорятъ, занимаетъ гораздо менѣе мѣста нежели печи и кухни, теперь употребляемыя; требуетъ гораздо менѣе топлива и легко доставляетъ количество воды, нужное для самаго многочисленнаго экипажа. Такъ какъ многіе здѣсь, въ Петербургѣ, съ нетерпѣніемъ ждутъ извѣстія о судьбѣ этого изобрѣтенія, то мы охотно выпишемъ для нихъ слова Journal du Havre: «Опыты Гг. Реуге и Brémond надъ приготовленіемъ воды, годной къ питью, изъ морской воды, происходили вчера, 28 іюня, въ часъ по-полудни, въ присутствіи множества негоціантовъ и шкиперовъ. Всѣ убѣдились, что огромную пользу можно будетъ извлечь для морскихъ путешествій изъ замысловатаго перегоннаго снаряда, который, какъ бы онъ ни казался многосложнымъ, представляетъ двойную выгоду — сбереженія большаго количества топлива при добываніи весьма здоровой воды, и возможности стряпать кушанье шкиперское отдѣльно отъ матрозскаго.»

ПАРОВЫЕ ПЛУГИ. Давно уже предвидѣли возможность приспособить силу паровъ къ обработыванію земли; и надобно сказать правду, что когда мы будемъ воздѣлывать поля помощію этого волшебнаго дѣятеля, когда достаточно будетъ поставить десять паровыхъ машинъ чтобы вспахать весь уѣздъ въ одно утро, земной рай возникнетъ на каждомъ болотѣ: тогда человѣку, освобожденному отъ всякой работы, останется только — ѣсть, сложа руки за спиною. И это время уже не далеко. Вотъ что сообщаютъ Англійскіе журналы.

Digitized by Google

«Чрезвычайно замысловатымъ открытіемъ будутъ обязаны всѣ сельскіе хозяева господину Heathcoat'у, представителю Тивертона въ Нижней Палатѣ: оно обѣщаетъ имъ несмѣтныя выгоды отъ весьма удачнаго примѣненія паровъ къ земледѣлію. Первый паровой плугъ, построенный господиномъ Heathcoat'омъ, былъ назначенъ къ подъему болотныхъ новей. Опыты, производившіеся нѣсколько мѣсяцевъ близъ Bolton-le-Moors'a увѣнчались полнымъ успѣхомъ и доказали всю важность этого изобрѣтенія. Пары отселѣ будутъ весьма полезны при обработкѣ множества трудныхъ почвъ. Открытіе господина Herthcoat'a открываетъ новую эру въ сельскомъ хозяйствѣ.»

ПИСЬМО ГЕРШЕЛЛЯ О МНИМЫХЪ ОТКРЫТІЯХЪ НА ЛУНѢ. Никто, конечно, изъ нашихъ читателей, которые одарены всѣ вообще прекраснѣйшимъ здравымъ смысломъ, ни одну минуту не вѣрилъ этимъ забавнымъ открытіямъ. Никто изъ нихъ, навѣрное, не переводилъ брошюръ съ Нѣмецкаго о луножителяхъ, о людяхъ съ крыльями, о людяхъ съ бобровымъ хвостомъ, и не ругался за эти брошюры, потому что они знаютъ, всѣ до единаго, что тамъ, гдѣ шалуны или плуты разставляютъ сѣти такого грубаго обмана на простоуміе добряковъ, смѣшны только тѣ, которые пойманы. Но такъ какъ мы принуждены были однажды доказывать ложность открытій, то надобно дополнить сказанное письмомъ самого сиръ Джона Гершелля, которое теперь напечатано въ Англійскихъ журналахъ.

Сиръ Джонъ Гершелль только въ началѣ нынѣшняго года узналъ о знаменитыхъ открытіяхъ, которыя приписываютъ ему въ Европѣ и Америкѣ, и которыя первоначально появились въ Нью-Іоркской «Коммерческой Газетѣ». Г. Кадвель (Caldwel), капитанъ Сѣверо-Американскаго корабля Левантъ, прибывъ къ Мысу Доброй Надежды, послалъ ему тотъ нумеръ Нью-Іоркской газеты, въ которомъ была напечатана статья о немъ и о лунѣ, и Англійскій астрономъ отвѣчалъ вѣжливому гостю слѣдующею запискою:

«Г. капитану Кадвелю, на Американскомъ кораблѣ «Левантъ», въ гавани Тебль-Бей.

«Вельдлансеръ, близъ Вайнберга, на Мысѣ Доброй Надежды, января 5, 1836.

Digitized by Google

«Сиръ Джонъ Гершелль, свидѣтельствуя свое почтеніе «Г. капитану Кадвелю, чувствительно благодаритъ его за «сообщеніе ему странной и довольно хитро выдуманной *бас-*«*ни*, которая напечатана въ Нью-Іоркской Коммерческой «Газетѣ отъ 5 сентября 1835 года. Сиръ Джонъ Гершелль «желалъ бы оставить эту газету у себя, какъ диковинку, и «длятого, чтобы она всегда ему напоминала, какъ далеко «намъ еще до подобныхъ наблюденій, какъ ничтожны всѣ «открытія, которыя наша прославленная мудрость до-сихъ-«поръ сдѣлала, или сдѣлаетъ въ будущемъ, въ сравненіи съ «тѣмъ, что намъ еще не знаемо въ области обыкновенной «природы, не далѣе какъ на собственной нашей планетѣ, «здѣсь, у насъ подъ рукою. Сиръ Джонъ Гершелль сочтетъ «себя счастливымъ, если пребываніе Г. капитана Кадвеля «позволитъ ему удостовѣриться собственными глазами, въ «какихъ скромныхъ предѣлахъ заключаются астрономиче-«скія наблюденія, которыя онъ здѣсь производитъ.»

Можно еще прибавить, что, по словамъ Англійскаго журнала The Athenæum, въ которомъ печатаются разныя наблюденія сиръ Джона Гершелля и переписка его съ Королевскимъ Обществомъ Ученыхъ, эта «странная басня» выдумана собственно не въ Нью-Іоркѣ, но въ Англіи. Журналъ утверждаетъ, что еще въ іюлѣ мѣсяцѣ видѣлъ онъ брошюрку, изданную въ Эдинбургѣ, о мнимыхъ открытіяхъ знаменитаго астронома, и что она оттуда послана была въ Нью-Іоркъ, потому что въ Англіи не могла обмануть никого.

ВОПРОСЪ — НА КРЫШѢ-ЛИ БОЛѢЕ ДОЖДЯ, ИЛИ НА ЗЕМЛѢ? Въ нынѣшнее мокрое лѣто, о любезный читатель! остался одинъ только сухой предметъ, для разсужденія: это — самый дождь. Будемте разсуждать о дождѣ. Скажите — куда падаетъ болѣе дождя, на крышу дома или на землю подлѣ того же самаго дома? Разумѣется, мы принимаемъ равныя пространства крыши и земли. Этотъ вопросъ, не шутите надъ нимъ, весьма ученый, подалъ поводъ къ рѣшенію весьма любопытной задачи о образованіи дождя въ воздухѣ. Вообще принято, что дождь образуется отъ сгущенія сырости атмосферы, совершающагося на большой высотѣ, и что эта сгущенная сырость падаетъ оттуда въ видѣ водяныхъ

Digitized by Google

капель на поверхность земли. Воздухъ всегда содержитъ въ себѣ нѣкоторое количество пара, въ состоянiи незримой упругой жидкости; охлажденный въ извѣстной степени, незримый паръ сгущается и образуетъ видимый паръ, или облако, и, смотря по разнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ находится, особенно по электрическому состоянiю атмосферы, этотъ паръ или продолжаетъ висѣть въ воздухѣ, по силѣ взаимнаго оттолкновенiя своихъ частицъ, или эти частицы соединяются въ капли и падаютъ болѣе или менѣе обильнымъ дождемъ, что вообще зависитъ отъ количества самаго пара, отъ высоты, на которой онъ находится и отъ другихъ обстоятельствъ.

Въ послѣднее время вниманiе наблюдателей обратилось на эту теорiю по поводу несообразностей, которыя въ ней открыли, и которыхъ сначала не умѣли объяснить. Вообще замѣчено что дождя больше идетъ въ странахъ гористыхъ и въ мѣстахъ возвышенныхъ, чѣмъ на равнинахъ и въ низкихъ земляхъ: это объясняли тѣмъ, что возвышенныя мѣста привлекаютъ къ себѣ облака, и что тамъ обыкновенно господствуетъ низкая температура, ускоряющая образованiе дождя. Поэтому наблюденiе Г. Арагò, который нашелъ, что на вершинѣ Парижской обсерваторiи дождя падаетъ гораздо менѣе чѣмъ на землѣ, у подошвы обсерваторiи, показался весьма страннымъ. Опыты произведенные докторомъ Геберденомъ на башняхъ Вестминстерскаго Аббатства и на поверхности земли въ сосѣднемъ мѣстѣ доставили такiе же результаты. Этотъ любопытный фактъ, тѣсно связанный съ различными вопросами о составныхъ частяхъ атмосферы и о составахъ, которые могутъ въ ней образоваться, поразилъ многихъ ученыхъ, и особенно Г. Филипса, секретаря Общества Естествоиспытателей въ Iоркшейрѣ и профессора геологiи въ King's College.

Въ первомъ собранiи общества Англiйскихъ ученыхъ въ Iоркѣ, въ 1831 году, комитетъ пригласилъ Гг. Филипса и Грея произвесть рядъ опытовъ надъ количествомъ дождя, который падаетъ на вершинѣ большой башни соборной церкви въ Iоркѣ и у ея основанiя. Положенiе мѣстъ и удобства, доставленныя тамошнимъ начальствомъ, позволили исполнить это со всевозможною точностью. Обширная долина

Digitized by Google

или, лучше, равнина, которая занимаетъ всю средину Іоркшейра и простирается въ длину до тридцати верстъ, не представляетъ ни одной возвышенности, которая превосходила бы половину высоты средней башни Іоркскаго собора. Башня эта возвышается надъ землею на двѣсти футовъ. На ней-то поставили одинъ дождемѣръ, который кромѣ-того поднятъ былъ на шестѣ, такъ, что онъ возвышался еще на нѣсколько футовъ надъ площадкою башни. Такимъ образомъ можно было испытывать атмосферу внѣ вліянія всякой другой возвышенности и быть увѣреннымъ что ни какія сосѣднія высоты не искажаютъ получаемыхъ результатовъ. Съ этой башни удобно слѣдить грозу, подымающуюся съ самыхъ отдаленныхъ горъ Ричмонда, и наблюдать ея измѣненія, внезапное пониженіе температуры, направленіе вѣтровъ и другія важныя обстоятельства, сопровождающія паденіе дождя.

Другой пунктъ былъ на музеумѣ Іоркшейрскаго Общества Естествоиспытателей, который лежитъ за городомъ. Крыша этого зданія составляетъ самую возвышенную точку въ окрестности. Здѣсь также поставленъ былъ дождемѣръ, въ тридцати футахъ надъ землею. Третій инструментъ находился въ нѣкоторомъ разстояніи оттуда, на самой поверхности земли въ сторонѣ отъ строеній. Г. Филипсъ производилъ свои опыты съ величайшею точностью въ продолженіе цѣлаго года, и представилъ ихъ результаты на съѣздѣ Общества Англійскихъ Ученыхъ въ 1832 году.

Эти наблюденія подтверждали также, самымъ очевиднымъ образомъ, что масса дождя увеличивается въ его паденіи, по мѣрѣ того какъ онъ приближается къ землѣ, то есть, что самое бо́льшее количество находится на поверхности земли, меньшее на средней высотѣ (на крышѣ музеума) и самое малое на высотѣ болѣе значительной (на башнѣ). Г. Филипсъ старался даже вычислить точное правило увеличенія этихъ различныхъ количествъ. Онъ не вполнѣ достигъ своей цѣли; однако полученныя результаты заставляли думать, что подобное правило дѣйствительно существуетъ въ природѣ. Онъ нашелъ, что количество дождя, падающаго на возвышенныхъ мѣстахъ было менѣе въ холодное время года нежели лѣтомъ и что степень такого уменьшенія имѣетъ по видимому доволь-

Digitized by Google

но вѣрное соотношеніе съ сухостью воздуха. Но разность въ количествѣ дождя на различныхъ высотахъ очевидно зависѣла отъ постепеннаго увеличенія дождевой капли съ начала пути ея паденія до конца, по мѣрѣ того какъ она приходитъ постепенно сквозь влажные слои воздуха при температурѣ довольно низкой для того, чтобы капля могла привлекать влажность на свою поверхность. Такимъ образомъ, нѣтъ умноженія числа капель въ низкихъ слояхъ атмосферы, но каждая капля увеличивается въ своемъ объемѣ всею влажностью воздуха, какую можетъ собрать на пути, и, приходя изъ слоевъ болѣе холодныхъ, она приноситъ съ собой ихъ температуру. Оттого нерѣдко случается, что дождь прохлаждаетъ воздухъ. Увеличеніе капли слѣдуетъ извѣстной постепенности, которой однако еще не могли вычислить; но очевидно, что она тѣмъ крупнѣе, чѣмъ выше облако.

До этого времени найдены только приблизительныя числовыя опредѣленія. Г. Филипсъ, желая дойти до положительныхъ данныхъ, продолжалъ свои наблюденія цѣлый годъ, и представилъ свои выводы обществу Англійскихъ ученыхъ, когда оно собралось въ Эдинбургѣ въ 1834 году. По его вычисленіямъ, количества дождевой воды, полученныя на трехъ высотахъ, гдѣ производились опыты, были въ отношеніи чиселъ — четырнадцать, девятнадцать, двадцать пять: это значитъ, что въ двадцати саженяхъ отъ земли падаетъ почти вполовину менѣе дождя, чѣмъ на ея поверхности, а въ четырехъ саженяхъ пятою частію менѣе. Этотъ предметъ сдѣлался поводомъ довольно любопытныхъ преній: нѣкоторые физики оспаривали не вычисленія Г. Филипса, но только его объясненіе, какимъ образомъ увеличивается дождь внизшихъ слояхъ воздуха. Въ послѣднемъ собраніи Англійскихъ ученыхъ въ Дублинѣ Г. Филипсъ представилъ результаты третьяго года наблюденій, произведенныхъ на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ и тѣмъ же способомъ, совершенно сходные съ выводами предшествовавшихъ годовъ: онъ преимущественно имѣлъ въ виду, въ продолженіе третьяго года, точнѣе изслѣдовать законъ увеличиванія дождя на различныхъ высотахъ и выразить его математическою формулою. Онъ убѣдился: 1, что объемъ каждой дождевой капли дѣйствительно увеличивается, какъ было сказано, по мѣрѣ того какъ она спускается къ

Digitized by Google

землѣ сквозь слои атмосферы насыщенные сыростію; 2, что это увеличеніе происходитъ въ быстрѣйшей прогрессіи нежели разстояніе отдѣляющее отъ земли точку, съ которой капля спускается; 3, что пропорція увеличенія измѣняется, смотря по времени года и что въ немъ замѣтно опредѣлительное соотношеніе съ среднею температурою этого времени года.

Математическіе законы этихъ фактовъ совокуплены теперь Г. Филипсомъ въ простую алгебраическую формулу. Такимъ образомъ, его изысканія доставили намъ философическую исторію дождевой капли, начиная съ самаго зарожденія ея въ высшихъ слояхъ атмосферы, до паденія на землю, которую можно назвать ея могилою. Эта исторія вдвойнѣ назидательна, потому что она открываетъ вмѣстѣ и состояніе атмосферы, сквозь которую капля проходитъ подъ совокупнымъ вліяніемъ температуры, количества паровъ носящихся въ воздухѣ, различныхъ теченій воздуха, и другихъ обстоятельствъ, которыя способствуютъ къ образованію дождя. Изъ этого каждый изъ васъ заключитъ, и весьма правильно, что когда идетъ дождь и некуда укрыться, всего лучше взлѣзть на крышу. Вотъ что значитъ — наука!

ПИВОВАРЕНІЕ ВЪ АНГЛІИ. Пиво, какъ главный напитокъ жителей Великобританіи, составляетъ важный предметъ ея промышленности и важный источникъ ея государственныхъ доходовъ. Одна пошлина на солодъ приноситъ правительству 5,000,000 фунтовъ стерлинговъ (125,000,000 рублей), то есть, гораздо болѣе чѣмъ весь доходъ съ винныхъ откуповъ въ Россіи, при народонаселеніи почти втрое меньшемъ нашего. Пошлина на хмѣль даетъ 410,000 фунтовъ (5,000,000 рублей доходу). Есть еще разныя другія пошлины, съ пивоваренныхъ заводовъ, съ бочекъ, съ портерныхъ лавокъ, и прочая, что составляетъ также весьма значительную сумму. Пиво несравненно здоровѣе водки. Желательно, чтобы употребленіе этого напитка болѣе распространилось въ Россіи: государственные доходы и потребители равно бъ выиграли отъ этого. Въ Англіи считается до 135,000 билетовъ, выданныхъ на содержаніе пивоваренныхъ заводовъ, кромѣ 13,000 или 14,000 позволеній частнымъ лицамъ дѣлать пиво для до-

Digitized by Google

машняго обихода. Лондонъ выпиваетъ 2,000,000 бочекъ пива, и одинъ заводъ Гг. Барклая и Перкинса поставляетъ въ питейные дома почти цѣлую четверть этого количества, платя въ годъ до 4,500,000 рублей пошлины. Сто двадцать шесть чановъ, которыхъ величина простирается отъ пятисотъ до *четырехъ тысячъ* бочекъ, вмѣщаютъ въ себѣ это море пива. Исчислено, что если бы слить все пиво, которое вываривается въ Великобританіи, въ одинъ резервуаръ, устроенный на возвышенности въ семидесяти пяти верстахъ отъ моря, и сдѣлать въ немъ отверзтіе, эта масса пива могла бы образовать судоходную рѣку въ двадцать саженъ ширины и пятнадцать футовъ глубины. Пятьдесятъ тысячъ десятинъ земли заняты подъ хмѣль, и воздѣлываніе этого растенія такъ прибыльно, что одинъ акръ приноситъ 750 рублей доходу, и слѣдственно пятьдесятъ тысячъ десятинъ приносятъ владѣльцамъ огромную сумму 38,400,000 рублей.

ИСКУССТВО ЗВОНИТЬ ВЪ КОЛОКОЛА. Въ одной Англіи этою благородною наукою занимаются съ усердіемъ и истинною любовію. Звонари-соперники вызываютъ тамъ другъ друга на бой, не кровавый, но оглушительный бой; между ними бываютъ конкурсы и раждаются непримиримыя вражды. Конечно, въ Англіи нѣтъ курантовъ, подобныхъ Дельфтскимъ и Лейденскимъ въ Голландіи; но въ ней родился великій Томасъ Оксфордскій, единственный въ Европѣ человѣкъ, который былъ бы достоинъ звонить въ большой Московскій колоколъ, если бъ онъ, то есть, колоколъ, а не великій Томасъ, висѣлъ на колокольнѣ. Въ Англіи есть страстные охотники «позвонить», какъ въ другихъ мѣстахъ охотники пожить или поиграть, и есть охотники до «потѣхи колокольной», которые трезвонъ четырехъ колоколовъ предпочитаютъ концерту Паганини. Впрочемъ, какъ не тронуться до глубины души, и не погрузиться въ философическія думы, прислушиваясь къ жалобному гулу колоколовъ, который подаетъ знакъ вѣрующимъ смириться духомъ передъ Вседержителемъ! который, какъ голосъ съ неба, говоритъ намъ, что мы прахъ и въ прахъ обратимся! который попеременно возвѣщалъ свѣту столько разнообразныхъ событій жизни частной и общественной! Итальянскій поэтъ Аньоло Фо-

Digitized by Google

ренцола весьма справедливо сказалъ, въ одномъ изъ своихъ лирическихъ стихотвореній:

Fra tutte quante le musiche umane
O signor mio gentil, fra le più care
Gioje del monde, è'l suon delle campane.
Don don don don don don! Chevi non pare?

Вице-канцлеръ Tresham, въ царствованіе Маріи Тудоръ, по совершеніи обряда «крещенія» колокола, который онъ отлилъ на свой счетъ, вскричалъ въ восторгѣ: «О прекрасная Марія (имя колокола), какъ свята твоя гармонія, какой ангельскій у тебя голосъ! И кто, слушая тебя, не воспламенится сильнѣйшею любовью!»

Искусство звонить — искусство, котораго не должно смѣшивать съ ремесломъ приходскихъ звонарей, — имѣетъ свои таинства. Важность состоитъ въ послѣдовательности гармоническихъ потрясеній извѣстнаго числа колоколовъ, въ различномъ порядкѣ. Если въ два колокола можно звонить только на два манера, то въ три колокола — на шесть манеровъ, въ четыре — на двадцать четыре манера. Слѣдуя этой пропорціи вычислено, что, дѣлая по два удара въ секунду, надобно звонить ровно восемьдесятъ одинъ годъ, чтобы разыграть или, точнѣе, *разззвонить* всѣ сочетанія двѣнадцати колоколовъ. Чтобы перезвонить на всѣ манеры въ четырнадцать колоколовъ, нужно шестнадцать тысячъ пять сотъ семьдесятъ пять лѣтъ, а въ двадцать четыре колокола — всего только сто семнадцать тысячъ билліоновъ лѣтъ. Англійскіе ученые тщательно занимались этими важными вычисленіями, изъ которыхъ составилась цѣлая книга, изданная въ Норвичѣ.

Въ 1809 году, нѣкто Samuel Thurston, «профессоръ звонарскаго искусства», давалъ на Норвичскомъ тсатрѣ, торжественное представленіе. Для этого устроена была гамма въ восемь колокольчиковъ, къ которымъ онъ прибавилъ еще двѣ ноты въ октаву и въ двойную октаву.

Журналы отдали полную справедливость живости игры знаменитаго музыканта; но одинъ изъ нихъ замѣтилъ: «Что значатъ маленькіе и бренные колокольчики передъ огромными мѣдными колоколами, которыхъ звонкіе тоны далеко разливаются въ безграничномъ пространствѣ воздуха? Кон-

Digitized by Google

церъ колокольчиковъ въ сравненіи съ концертомъ колоколовъ всё равно, что парадъ въ сравненіи съ сраженіемъ.»

Тысяча семь сотъ девяносто шестой годъ былъ ознаменованъ однимъ изъ величайшихъ подвиговъ въ этомъ родѣ. Въ августѣ мѣсяцѣ молодые члены «Клуба звонарей», изъ Вестморленда, въ теченіи трехъ часовъ и двадцати минутъ прозвонили, на колокольнѣ церкви Св. Маріи въ Кендалѣ, всѣ возможныя сочетанія семи колоколовъ, въ числѣ пяти тысячъ сорока; точность промежутковъ между ударами и правильность всегда одинаковыхъ звуковъ изумили всѣхъ истинныхъ любителей. Соревнованіе звонарей другихъ частей государства было возбуждено, самолюбіе ихъ подстрекнуто, и по старанію Stephen'a Hill'я, въ Кидерминстерѣ былъ выполненъ трезвонъ, состоявшій изъ 4,984 сочетаній или 1,267,453 ударовъ. Молодые люди въ Кембриджѣ не захотѣли отстать отъ своихъ соперниковъ: они прозвонили на колоколахъ церкви Св. Маріи Великой, 6,600 сочетаній. Любители сбѣжались, съ хронометрами въ рукахъ, чтобы судить о точности исполненія и рѣшили дѣло въ пользу этихъ звонарей: мѣра не была нарушена ни шестою частью секунды, и послѣдняя тысяча ударовъ продолжалась ровно столько же какъ и первая.

Восьмеро молодыхъ людей изъ Бирмингама, изъ которыхъ инымъ не было и двадцати лѣтъ, воспламенились тоже благороднымъ соревнованіемъ и хотѣли попробовать полный трезвонъ въ 15,180 ударовъ; но, истощенные усталостью, они принуждены были остановиться на 14,224 ударахъ, которые продолжались 8 часовъ 45 минутъ.

Норвичъ, въ Комберлендѣ, есть съ давняго времени столица истинныхъ любителей этой отрасли музыки. Она лишилась недавно патріарха Англійскаго звонарства, господина Patrick'a предсѣдателя Комберлендскаго Общества любителей колоколовъ, который былъ извѣстенъ тѣмъ, что получилъ премію въ пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ, назначенную Норвичскимъ обществомъ творцу лучшаго колокольнаго концерта. Некрологія, напечатанная въ Англійскихъ газетахъ, восхваляетъ подвиги этого колокольнаго Россини, недавно похороненнаго въ Лондонѣ. Погребальное шествіе состояло изъ множества энтузіастовъ любителей: каждый

Digitized by Google

изъ нихъ несъ въ рукѣ по колоколу, съ языкомъ завернутымъ въ крепъ; они звонили въ тактъ этими колоколами подъ сурдиною, и глухіе, унылые аккорды этой музыки производили самую странную гармонію. Та же церемонія происходила въ городѣ Ashton-undes-Line, при погребеніи звонаря James'a Ogden'a, который пятьдесятъ лѣтъ раскачивалъ языкъ колокола-тенора на церкви Св. Михаила: разочли сколько мѣсяцевъ онъ прожилъ; вышло 828. И товарищи почтили память его восьмью стами двадцатью осемью ударами колоколовъ. Въ началѣ нынѣшняго года явился и во Франціи страстный любитель колокольной музыки: онъ выстроилъ себѣ колокольню въ своемъ саду, въ одномъ изъ Парижскихъ предмѣстьевъ и звонилъ съ утра до вечера. Его сосѣди подали на него жалобу въ судъ, жалуясь на нарушеніе спокойствія цѣлаго квартала и требуя уничтоженія докучливой колокольни. Любитель защищался самъ передъ судомъ. «Какъ! вскричалъ онъ: великій Victor Hugo, великій Lamartine, великій Chateaubriand, почти въ каждой строкѣ своихъ сочиненій славятъ въ стихахъ и прозѣ ангельскій, поэтическій, эѳирный звукъ колокола, а господа мои сосѣди находятъ этотъ звукъ несноснымъ? Цѣлая Франція читаетъ съ утра до вечера творенія этихъ трехъ великихъ мужей и еще трехъ тысячъ ихъ подражателей, и никто не находитъ, чтобы они всѣ вмѣстѣ черезчуръ звонили въ колокола въ своихъ книгахъ или тѣмъ нарушали чье-либо спокойствіе, а мнѣ хотятъ запретить звонить въ моемъ саду, не позволяютъ приводить въ дѣйствіе того, чему учатъ Hugo, Lamartine, Chateaubriand? Возможно ли предположить, чтобы мои сосѣди, люди мало образованные и обыкновенные, одарены были тоньшимъ вкусомъ и нѣжнѣйшимъ ухомъ, чѣмъ Hugo, Lamartine и Chateaubriand, которыхъ уму и таланту удивляется вся Франція?» На эти доводы не могло быть возраженія: судъ оправдалъ любителя колоколовъ, и сосѣди принуждены были заплатить ему въ-три-дорога за его домъ съ садомъ, чтобы избавиться отъ его музыки и убѣдить музыканта перенести свой инструментъ въ другое мѣсто.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕРЪ ПОРТНЫХЪ И ДРУГИХЪ РЕМЕСЛЕННИКОВЪ. Портной задумчивъ, парикма-

Digitized by Google

херъ страстенъ, каменьщикъ веселъ, швейцаръ болтливъ, газетчикъ раздражителенъ и невоздержанъ на языкѣ, музыкантъ своенравенъ, декораторъ развратенъ, рыбакъ мечтателенъ, кузнецъ нечувствителенъ. Мнѣ часто приходило въ голову подвергнуть строгимъ изслѣдованіямъ всѣ эти ремесла, отличающіяся столь рѣзкими оттѣнками: если добьюсь удовлетворительныхъ результатовъ, немедленно сообщу ихъ публикѣ. А между-тѣмъ приношу лепту въ сокровище философическихъ познаній. Я, покамѣстъ, изслѣдовалъ только одну часть предмета, задумчивость портныхъ.

Кто наблюдалъ эту интересную породу, тотъ, конечно, сознается что я опираюсь не на сомнительномъ фактѣ. Видѣли ли вы когда портнаго веселаго, смѣшливаго, вѣтренаго, живаго, съ свѣтлымъ и розовымъ лицемъ. Этого никогда еще не бывало. Задумчивость сопряжена съ ножницами портнаго. Если вы встрѣтите на улицѣ человѣка маленькаго, худенькаго, съ надвинутою на брови шляпою, съ приглаженными волосами, который грустно идетъ подлѣ самой стѣны, едва касаясь до земли, смѣло говорите: «Это портной!»

Если бъ даже онъ спряталъ въ карманъ шелковый платокъ, въ который завертываетъ произведенія своего полезнаго искусства, я бы и тогда сказалъ: «Это портной!» О, кто изъ васъ видывалъ когда, чтобы онъ, поднявъ голову къ верху, оралъ во все горло какъ ямщикъ; или, какъ парикмахеръ, съ кокетствомъ вытягивалъ ногу, надѣляя дѣвушекъ льстивыми привѣтствіями и выразительными взглядами; или, какъ булочникъ, толкалъ вправо и влѣво, прочищая себѣ дорогу въ толпѣ; или, какъ влюбленный, самъ съ собой улыбался, соединяя въ мысли воспоминаніе и надежду? Вообще, портной избѣгаетъ взглядовъ и уклоняется отъ наблюденія: полагаютъ, что это слѣдствіе нечистой совѣсти, на которой лежитъ много аршинъ чужаго сукна, еще болѣе шелковой подкладки. Онъ скользитъ по жизни, пробирается по свѣту, никѣмъ не замѣченный. Гдѣ вы найдете портнаго буяна, портнаго шутника, портнаго игрока? Онъ, конечно, можетъ сдѣлаться предметомъ смѣха, но самъ никогда не предается насмѣшливости. Бережливый на слова, онъ смѣется иногда остротамъ другихъ, но самъ никогда не острится и Thomas Brown, прозаикъ остроумный и странный, изобразилъ пол-

Digitized by Google

ный типъ портнаго, описавъ себя слѣдующимъ образомъ: «Я родился подъ знакомъ скорпіона; Сатурнъ, планета съ свинцовыми лучами, освѣщала колыбель и озаряетъ жизнь мою. Шутки и насмѣшки не веселятъ меня, и я болѣе люблю уединеніе, чѣмъ общество людей.

Занимательнѣйшій изъ болтуновъ есть парикмахеръ. Ни одинъ поставщикъ газетныхъ статеекъ не философствуетъ съ такою самоувѣренностію. Но не требуйте отъ портнаго этой говорливости, этого свободнаго изъясненія, этой плодовитой изобрѣтательности, которая при нуждѣ умѣетъ и сочинить какую-нибудь новость. Онъ степеннѣе парикмахера, скромнѣе, менѣе тщеславенъ, менѣе хвастаетъ своимъ ремесломъ чѣмъ устроитель нашихъ волосъ. Слабости его никогда не проявляются наружными вспышками, безразсудною вспыльчивостью. Когда парикмахеръ причесалъ васъ по всѣмъ правиламъ искусства, онъ чрезвычайно этимъ гордится. «Окуните, сударь, вашъ парикъ въ Океанъ, онъ и тогда не разовьется», говоритъ парикмахеръ Sterne'овъ въ сентиментальномъ путешествіи. Взгляните же на портнаго, когда онъ развертываетъ свои обращики: какая важность! какое благородство! Напрасно блистаютъ передъ вами всѣ цвѣты радуги: онъ равнодушенъ къ этой суетѣ, онъ презираетъ наружный блескъ; онъ знаетъ, что все зависитъ отъ искусства, съ какимъ человѣкъ владѣетъ ножницами; что изъ всего на свѣтѣ можно выкроить двѣ вещи, одну для васъ, другую для закройщика; и что изъ этой радуги, если бъ только вы принесли ее къ нему на подкладку для своей шинели, онъ бы нашелъ средство сшить еще для себя жилетку. Всякій разъ какъ я вижу портнаго въ этомъ положеніи, я любуюсь его философическимъ спокойствіемъ.

Неизмѣнной задумчивости портнаго, я думаю, много способствуетъ также его сидячая жизнь. Портной мало дѣлаетъ движенія; ему кажется, что подъ нимъ разверзается ужасная бездна, когда онъ становитъ ногу на землю и начинаетъ ходить. Можетъ ли онъ, сидя цѣлый день, не думать о глубокой тщетѣ страстей человѣческихъ? можетъ ли онъ не стараться объяснить себѣ горестную пустоту, которая таится въ глубинѣ всего, что волнуетъ умъ человѣка, что̀ занимаетъ его мысли. Портной не только сидитъ неподвижно, но

Digitized by Google

еще скрещаетъ ноги. Всякое утро, за исключеніемъ одного только воскресенья, почтенный членъ этого цеха садится въ одномъ и томъ же положеніи, какъ Турки, самые задумчивые изъ всѣхъ народовъ. Жаль, что Мильтонъ не вспомнилъ о портныхъ въ своей прелестной поэмѣ, Penseroso: по какой поэтической спѣси не начерталъ онъ этого лица столь спокойнаго, столь равнодушнаго, столь важнаго, которое сидя со сложенными ногами, размышляетъ о суетѣ міра и покроѣ платья? Такъ древніе изображали проклятіе. Гомеръ представляетъ Юнону съ перекрещенными ногами, когда эта сварливая богиня сердится и разругалась со своимъ смирнымъ мужемъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, никто не можетъ удивляться, что умъ портнаго постоянно задернутъ сѣрыми облаками. Портной обязанъ прикрывать наготу рода человѣческаго, и эта жестокая обязанность должна безпрерывно напоминать ему наготу нашихъ прародителей и первые проступки, погубившіе человѣка; онъ не можетъ не чувствовать, что если бъ человѣкъ сохранилъ свою невинность, портныхъ не было бы на свѣтѣ. Однимъ словомъ, портной задумчивъ потому, что онъ, навѣрное всегда размышляетъ о несовершенствѣ рода человѣческаго.

СТАТИСТИКА ГОРОДА САНКТПЕТЕРБУРГА. Слѣдующія подробности заимствованы нами изъ любопытнаго и тщательно составленнаго сочиненія, которое издано министерствомъ внутреннихъ дѣлъ подъ заглавіемъ — «Статистическія свѣдѣнія о Санктпетербургѣ».

Петербургъ занимаетъ пространство 81 квадратной версты и имѣетъ въ длину по направленію отъ Гавани къ Охтѣ болѣе 12, а въ ширину отъ Выборгской заставы черезъ Каретную часть болѣе 11 верстъ. Среднимъ числомъ, на одного человѣка приходится 43 квадратныя сажени земли, то есть, квадратъ, котораго основаніе имѣетъ около $7\frac{1}{2}$ саженей. Но различныя части города населены не одинаково, и оттого въ третьей Адмиралтейской части на одного человѣка приходится только по 3 квадратныхъ сажени, во второй по 7, въ первой по 12, между-тѣмъ какъ въ Каретной и Петербургской — по 260 саженъ.

Digitized by Google

Домовъ въ Петербургѣ считалось, въ 1833 году, каменныхъ 2,730 деревянныхъ 5,246, всего восемь тысячъ; изъ нихъ правительству принадлежатъ 523 дома, церквамъ и монастырямъ 188, духовнымъ 67, разнымъ обществамъ 28, чиновникамъ и дворянству 3,174, купечеству 1,596, мѣщанамъ 527, мастеровымъ 213, ямщикамъ 164, иностранцамъ 121, солдатамъ 139. Владѣльцы остальныхъ суть разночинцы и Охтенскіе поселяне. Такимъ образомъ почти половина Петербургскихъ домовъ принадлежитъ чиновникамъ и дворянству. Примѣчательна супружеская любовь Петербургскихъ чиновниковъ: «большая часть чиновниковъ, говоритъ сочиненіе, обладающихъ тѣмъ достаткомъ, которое позволяетъ пріобрѣсть недвижимую собственность, имѣютъ дома, преимущественно деревянные, на имя женъ.» Въ самомъ дѣлѣ, изъ числа 3,174 домовъ дворянскихъ и чиновничьихъ, 1,777 принадлежатъ прекрасному полу. Купцы также очень внимательны къ своимъ купчихамъ, и передали въ ихъ нѣжныя руки 709 домовъ изъ 1,596. Болѣе половины мѣщанскихъ домовъ написаны на имя женщинъ.

Съ 1814 года выстроено въ Петербургѣ 549 домовъ деревянныхъ и 304 каменныхъ, всего 853 дома, не считая тѣхъ, которые возникли въ замѣнъ сгорѣвшихъ: слѣдственно, среднимъ числомъ, въ годъ воздвигалось по 45 новыхъ дома. Пожаровъ бываетъ обыкновенно около 40 въ годъ, и можно полагать, что, въ десяти-лѣтней сложности, огонь поглощаетъ до 16 домовъ и сараевъ. Застрахованныхъ домовъ въ 1833 году было 1,435, деревянныхъ 1,010, полу-деревянныхъ 141, на сумму 141,000,000.

Частная недвижимая собственность въ Петербургѣ, земля съ строеніями, оцѣнена въ Городской Думѣ въ 168,192,500 рублей.

Людность отдѣльныхъ домовъ весьма различна и простирается отъ 5 до 4,000 душъ въ одномъ домѣ, то есть, отъ населенности хижины до населенности большаго уѣзднаго города. До 3,300 домовъ есть такихъ, въ которыхъ обитаютъ только отъ 5 до 25 жителей, и около 60 домовъ имѣющихъ отъ 500 до 4,000 жителей. Но круглымъ числомъ выходитъ почти по 56 человѣкъ на домъ.

Digitized by Google

Народонаселеніе города въ 1833 году было 442,890 душъ обоего пола, именно:

Духовныхъ	1,916.
Чиновниковъ и дворянъ	44,404.
Почетныхъ гражданъ	1,261.
Разночинцевъ	46,360.
Актеровъ и театральныхъ служителей	741.
Купцовъ	9,003.
Мѣщанъ и посадскихъ	33,005.
Вѣчноцеховыхъ	10,121.
Иностранцевъ	12,059.
Вольноотпущенныхъ	7,207.
Дворовыхъ	76,725.
Крестьянъ	110,395.
Ямщиковъ	1,677.
Колонистовъ	88.
Охтенскихъ поселянъ	3,505.
Другихъ состояній	1,611.
Нижнихъ воинскихъ чиновъ	70,747.
Воспитанниковъ разныхъ заведеній	12,535.

Служащихъ по гражданской части было въ 1804 году 5,416 человѣкъ, а въ 1832 оказалось 13,588, и они стоили правительству 13,000,000 рублей. Слѣдовательно круглымъ числомъ каждый чиновникъ стоитъ правительству 1,000 въ годъ. «Такимъ образомъ число чиновниковъ въ теченіе двад«цати восьми увеличилось въ два съ половиною раза: замѣ«чательно, что число чиновниковъ, служащихъ безъ жало«ванья, увеличилось въ этотъ періодъ только одною чет«вертью, и то до 1815 года, а съ того времени остается по«чти неподвижнымъ.»—«Вообще плата чиновникамъ съ 1810 «года, когда установился нынѣшній денежный курсъ, увели«чилась почти въ пять разъ. Служащіе безъ жалованья отно«сятся къ всему числу служащихъ какъ 1 къ 27. Наиболь«шая часть служащихъ безъ жалованья въ министерствѣ «иностранныхъ дѣлъ (четвертая часть) и министерствѣ дво«ра (десятая часть).»

Число служащихъ разныхъ военныхъ чиновъ 1,318.

Число отставныхъ 9,605. Отставные изъ военной службы составляютъ только четвертую часть этого числа.

Въ числѣ 442,896 жителей Петербурга находится только 141,026 женщинъ, то есть слишкомъ трое мужчинъ на одну женщину. Равновѣсье половъ сильно нарушается приходя-

Digitized by Google

щими изъ деревень крестьянами и военно служащими нижняго чина: между послѣдними отношеніе мужчинъ къ женщинамъ — какъ 6 къ одному. Между чиновниками также гораздо болѣе мужчинъ чѣмъ женщинъ. Между купцами считается полтора мужчины на одну женщину. Въ прочихъ сословіяхъ полы довольно уравновѣшены, а въ высшемъ классѣ и между отставными вообще болѣе женщинъ чѣмъ мужчинъ.

Принимая за основаніе десяти-лѣтнюю сложность отъ 1821 до 1830 года, число браковъ составляетъ въ годъ 1,573, число раждающихся 8,965, число умирающихъ 10,304. Изъ пяти новорожденныхъ обыкновенно одинъ родится внѣ брака (въ Парижѣ изъ трехъ новорожденныхъ постоянно бываетъ одинъ незаконнорожденный). На пять жителей Петербурга приходится 1 бракъ, но эта пропорція значительно измѣняется въ отношеніи къ жителямъ Грекo-Россійскаго вѣроисповѣданія между которыми одинъ бракъ приходится на $3^1/_2$ жителей обоего пола.

По вычисленію сорока послѣднихъ лѣтъ, полагая общую мѣсячную смертность 1,000, въ Петербургѣ умираетъ —

	мужчинъ.	женщинъ.
въ январѣ	974.	976.
февралѣ	1,021.	1,004.
мартѣ	1,016.	994.
апрѣлѣ	1,102.	1,015.
маѣ	1,125.	994.
іюнѣ	1,090.	1,012.
іюлѣ	1,119.	1,164.
августѣ	1,006.	1,094.
сентябрѣ	885.	628.
октябрѣ	825.	889.
ноябрѣ	887.	935.
декабрѣ	948.	995.

Такимъ образомъ наибольшая смертность для мужчинъ бываетъ въ маѣ, для женщинъ въ іюлѣ; наименьшая для мужчинъ въ октябрѣ; для женщинъ въ сентябрѣ. Въ первой половинѣ года смертность между мужчинами сильнѣе чѣмъ между женщинами, во второй обратно.

Изъ 10,000 родившихся 6,520 достигаютъ пяти-лѣтняго возраста, 6,226 достигаютъ десяти лѣтъ, 5,972 достигаютъ

Digitized by Google

пятнадцати лѣтъ, 5,590 достигаютъ двадцати лѣтъ, и 4,621 достигаютъ двадцати пяти лѣтъ. Слѣдственно половина Петербургскихъ уроженцевъ умираетъ не достигнувъ сполна двадцати трехъ лѣтъ. Дѣтей наиболѣе родится въ февралѣ, и октябрѣ; январь, февраль и іюль также довольно плодоносны; но самый безплодный мѣсяцъ есть декабрь: разность между нимъ и февралемъ простирается за четверть всего числа новорожденныхъ. Такимъ образомъ май и январь суть мѣсяцы самые обильные зачатіями; за ними слѣдуетъ февраль, октябрь и апрѣль. Мартъ — самый неблагодарный мѣсяцъ для Петербургскихъ супруговъ

Самоубійствъ въ три года, съ 1831 до 1833 включительно было 104, то есть, можно полагать по 35 самоубійствъ въ годъ (въ Парижѣ, въ прошломъ году, 229 человѣкъ лишило себя жизни, въ томъ числѣ 73 женщины, хотя народонаселенія обѣихъ столицъ относятся другъ къ другу только какъ 45 къ 77).

Среднее продолженіе жизни въ Петербургѣ—*сорокъ пять* лѣтъ. Это количество выведено изъ сложности послѣдняго десяти-лѣтья. Въ девятомъ десяти-лѣтіи прошедшаго столѣтія средняя жизнь была $35^1/_2$ лѣтъ. Такимъ образомъ среднее продолженіе жизни увеличилось въ наше время 12 годами.

Мы не станемъ выписывать количествъ разныхъ жизненныхъ припасовъ потребляемыхъ въ Петербургѣ, потому что этого рода вычисленія всегда бываютъ весьма не полны. Но одинъ важный пропускъ поразилъ насъ въ этой превосходной статистикѣ нашей столицы: мы не нашли въ ней показанія, сколько въ Петербургѣ находится лошадей, коровъ и другихъ домашнихъ животныхъ, статьи столь существенной въ каждой статистикѣ и столь необходимой для множества чрезвычайно важныхъ соображеній.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. La Duchesse de Lavaubalière, *Герцогиня Лавобаліеръ*, мелодрама въ пяти дѣйствіяхъ, Г. Ружмона.

Дѣйствіе происходитъ во времена Регентства. Одинъ изъ негодяевъ-пріятелей остроумнаго регента Франціи, кото-

Digitized by Google

рый имѣлъ всѣ возможные роды умовъ и всѣ возможныя слабости, герцогъ Лавобаліеръ, равно надменный и знатностью своей и долгами, вознамѣрился обольстить невинную дѣвушку, Юлію Морисо, дочь своего мызника. Герцогъ, влюбленный въ Юлію, безъ околичностей, похищаетъ ее изъ родительскаго дома, несмотря на ея крики и слезы. Драма тутъ же начинается. Нотаріусъ Адріенъ, благодѣтель бѣдной дѣвушки, принимается отыскивать похитителя. И горе ему, кто бы онъ ни былъ!

Это лице, Адріенъ, весьма искусно введено въ драму. Адріенъ — видимый, безкорыстный покровитель бѣдной дѣвушки, подверженной покушеніямъ безчестнаго развратника. Само собою разумѣется, онъ человѣкъ благородный и неустрашимый. Чувство справедливости заставляетъ его вступиться за оскорбленную дѣвушку. Онъ отправляется на поиски, и является въ домъ герцога Лавобальера. Герцогъ въ въ этотъ самый день даетъ праздникъ регенту. Въ паркѣ регентъ встрѣчаетъ Юлію, въ слезахъ, въ отчаяніи; она призываетъ на помощь отца и отталкиваетъ своего похитителя. Регентъ говоритъ: Нотаріуса! — Адріенъ отвѣчаетъ: — Я Нотаріусъ. — Напишите свадебный договоръ дѣвицы Юліи Морисо съ герцогомъ Лавобаліеромъ. — Договоръ готовъ, отвѣчаетъ Адріенъ. И бѣдняжка сдѣлалась герцогинею Лавобаліеръ.

Нотаріусъ Адріенъ мѣшается во все на свѣтѣ. Онъ написалъ этотъ свадебный договоръ такъ искусно, что герцогъ Лавобаліеръ съ цѣлымъ имуществомъ своимъ вполнѣ принадлежитъ женѣ. Адріенъ, потирая руки, уходитъ.

Но, увы, Лавобаліеръ, женился на Юліи только по приказанію регента, и скоро начинаетъ скучать этимъ ярмомъ. Онъ наводитъ къ ней въ домъ распутныхъ женщинъ изо всего Парижа и Версаля, а съ ними нищету и безчестіе; бѣдная герцогиня тоскуетъ до смерти; притомъ она лишилась стараго отца своего, послѣдней своей надежды. Является Адріенъ.

При видѣ своего покровителя, Юлія оживаетъ: она разсказываетъ ему всѣ свои несчастія, изливаетъ въ душу его свое горе, и со слезами съ нимъ прощается.

Digitized by Google

Она уходитъ. Адріенъ тоже. Вдругъ, слуги безмолвно тащатъ въ этотъ домъ одного молодаго человѣка; его схватили на улицѣ, завязали ему глаза, и принесли его въ эту комнату. Повязку снимаютъ, и онъ видитъ герцога, который говоритъ ему: — Докторъ, здѣсь есть больная женщина; она должна умереть. — Сцена ужасная! Молодой человѣкъ содрагается и хочетъ бѣжать; его удерживаютъ. — Она должна умереть, или ты! — Онъ назначаетъ три яда; отдѣльно, каждый изъ нихъ умерщвляетъ; вмѣстѣ слитые, они производятъ глубокій сонъ. Молодой врачъ пишетъ рецептъ. Черезъ минуту ему говорятъ: — Теперь ступайте, герцогиня умерла! — И дѣйствительно, вотъ она лежитъ на смертномъ одрѣ. О ужасъ! молодой врачъ узнаетъ Юлію Мориссо, которую онъ любилъ, на которой хотѣлъ жениться, которую и теперь любитъ, и которая умираетъ, имъ же отравленная. Герцогъ Лавобаліеръ торжествуетъ: наконецъ онъ вдовъ, онъ будетъ пользоваться богатствомъ жены своей! О, нѣтъ: Адріенъ снова является. — Не прикасайтесь къ этой женщинѣ, говоритъ онъ: я ея душеприкащикъ! Не прикасайтесь къ ея имѣнію: вотъ ея духовное завѣщаніе!

Лавобаліеръ какъ громомъ пораженъ. Отказаться отъ имѣнія этой женщины, отъ милліона двухъ сотъ тысячъ франковъ, которыя регентъ далъ ей въ приданое! Но по-крайней-мѣрѣ у него нѣтъ уже жены. Со своимъ знатнымъ именемъ, онъ найдетъ другую жену, другое богатство. И дѣйствительно, одна женщина манитъ его къ себѣ. Эта женщина очень богата. А ему только это и нужно. Онъ отправляется къ этимъ милліонамъ, которые его ожидаютъ; но при переѣздѣ черезъ границу, встрѣчается съ Жоржемъ, врачемъ отравителемъ, который вызываетъ его на смертный поединокъ. — Вы не дворянинъ, говоритъ Лавобаліеръ, которому совсѣмъ нѣтъ охоты драться. — Онъ дворянинъ, говоритъ Адріенъ, который снова является. — Вы мнѣ не равный, говоритъ герцогъ. — Онъ герцогъ Лавобаліеръ, отвѣчаетъ Адріенъ; вотъ свидѣтельство объ его рожденіи, а вы незаконнорожденный: нужды нѣтъ, вы можете съ нимъ драться. Они дерутся. Лавобаліеръ готовъ уже былъ убить своего брата, но вдругъ является герцогиня Лавобаліеръ, которую всѣ считали мертвою. При этомъ видѣ ору-

*

Digitized by Google

жіе выпадаетъ изъ рукъ герцога. — По-крайней-мѣрѣ она жена моя, говоритъ онъ, опомнившись отъ испуга. — Она уже не жена ваша, отвѣчаетъ нотаріусъ; вотъ рѣшеніе папы, которымъ вашъ бракъ уничтоженъ. — По-крайней-мѣрѣ я убью моего соперника, говоритъ Лавобаліеръ. — Вы никого не убьете и умрете въ Бастиліи, отвѣчаетъ Аріенъ: вотъ повелѣніе регента.

Всѣ эти перевороты очень быстры, очень внезапны, очень неожиданны; это безпрерывная игра на жизнь и на смерть, въ которой попеременно герцогъ дѣлается незаконорожденнымъ, незаконорожденный герцогомъ, жизнь замѣняетъ смерть и смерть заступаетъ жизнь; въ которой все это подкрѣпляется актами и документами, — пороки и добродѣтели, соединенія и разрывы, богатство и разореніе. Мелодрама патетическая, пламенная, исполненная страстей дурныхъ и благородныхъ, кроткихъ и бѣшеныхъ, въ которой преступленіе и преданность, разночинцы и герцоги играютъ важныя роли.

2. Amazampo, *Амазампо,* или *Открытіе хины,* мелодрама въ четырехъ дѣйствіяхъ и семи картинахъ, Гг. Монтиньи и Горація Мейера.

Исторія чрезвычайно сложная. Въ продолжительныхъ и кровопролитныхъ войнахъ Испанцевъ съ Перуанцами, Перуанцевъ съ Испанцами, каждая изъ противныхъ сторонъ имѣла своихъ естественныхъ союзниковъ. Испанцамъ помогали огромныя злыя собаки, Перуанцамъ желтая лихорадка. Испанцы производили пенсіи своимъ собакамъ, съ которыми обходились какъ съ настоящими Испанскими солдатами; Перуанцы безпощадно предавали враговъ своей союзницѣ лихорадкѣ. Война была свирѣпая, неумолимая: одни умирали въ бѣшенствѣ, другіе въ бредѣ; враги рѣзались, кусались, терзали, жгли, грабили, пожирали другъ друга; однимъ словомъ, не война а чудо.

Въ эти блаженныя времена, молодой Испанецъ, донъ Фернандо, сынъ вице-короля, влюбленный въ юную Перуанку, Маиду, похищаетъ ее у соплеменниковъ и у двоюроднаго ея брата, Амазампо, великаго героя и великаго аптекаря своего племени. Вамъ извѣстно, что предводители индѣйскихъ племенъ суть также хранители мѣшка съ лекарствами.

Digitized by Google

Однажды Амазампо страдалъ желтою лихорадкою и уже былъ при смерти, какъ вдругъ случайно открылъ хину. Перуанцы, избавленные отъ своихъ лихорадокъ дѣйствіемъ этой волшебной коры, назвали хинное дерево деревомъ жизни. Но они торжественно поклялись, что, избавившись отъ лихорадки, не станутъ отнимать у нея другой жертвы, Испанцевъ. Горе измѣннику, который откроетъ тайну дерева жизни! Теперь вотъ въ какомъ положеніи дѣло: Маида любитъ дона Фернандо, донъ Фернандо любитъ Маиду, Амазампо тоже; Перуанцы открыли хину, авторы не выдумали пороха.

Между-тѣмъ вице-королева, мать дона Фернандо, лежитъ при смерти, въ лихорадкѣ. Маида, какъ Перуанка и родственница великаго аптекаря Амазампо, умѣетъ приготовлять хину: она приготовляетъ вице-королевѣ лекарство отъ лихорадки. По непріятному запаху, по странному цвѣту этого лекарства, Испанцы, люди не больно ученые, узнаютъ, что это самый сильный ядъ. Маиду допрашиваютъ: — Какое питье хотѣла ты дать вице-королевѣ? Маида, связанная клятвою, не хочетъ открыть Испанцамъ хины, и они осуждаютъ ее на сожженіе. Конечно, Маида, въ доказательство своей невинности, могла бы предложить судьямъ, что она выпьетъ это лекарство, но всего вдругъ не придумаешь. Оттого невинную Перуанку Маиду, любовницу сына вице-короля, заключаютъ въ ожиданіи казни, въ мрачную и сырую тюрму.

Между-тѣмъ свирѣпый Амазампо, узнавъ о несчастіи родственницы своей, Маиды, намѣревается спасти ее. Свирѣпый Амазампо влюбленъ какъ Испанецъ. Онъ покидаетъ свой станъ и свою аптеку, пробирается (какимъ образомъ, это онъ ужъ самъ знаетъ) ночью въ спальню вице-королевы; въ одной рукѣ держитъ кинжалъ, въ другой хину, и предлагаетъ устрашенной вице-королевѣ слѣдующее небольшое разсужденіе:

— Если это питье ядъ, ты умрешь отъ него: слѣдственно пей. Если же не выпьешь, то вотъ кинжалъ, которымъ я убью тебя. А отъ кинжала умрешь скорѣе чѣмъ отъ яда. Выбирай любое.

Коротко и ясно!

Digitized by Google

Королева пьетъ, Амазампо прячетъ свой кинжалъ, хина дѣйствуетъ почти такъ же скоро какъ Амазампо говоритъ. Прекрасно.

Но вотъ бѣда. Амазампо бѣжитъ, да стражи вице-королевы которые, видно, между-тѣмъ проснулись, схватываютъ его, заковываютъ, и ведутъ въ темницу, въ темницу Манды. Конечно, бѣдный герой увидитъ свою возлюбленную. Нѣтъ! Манду уже увели на казнь. Сырая солома темницы еще тепла. Увели! Манду увели на костеръ! Амазампо кричитъ, рвется, беснуется. Онъ безподобно дикъ.

Вице-королева спасена хиною, которую выпила по-неволѣ. Слѣдственно Амазампо невиненъ, слѣдственно Манда тоже невинна. Надобно бѣжать, летѣть! Вице-королева бѣжитъ и летитъ. И прибѣгаетъ, и прилетаетъ, во-время. Манда всходитъ на костеръ и готовится унести съ собою и любовь свою къ дону Фернандо и тайну хины. Но, о счастіе, является вице-королева, и за нею Амазампо. Вице-королева спасаетъ Манду, Амазампо падаетъ подъ кинжаломъ Испанца Зореса, тайна хины открыта и дѣло съ концемъ.

3. Le Comédien de salon, *Домашній актеръ*, водевиль въ одномъ дѣйствіи Г. Рошфора.

Г. Версакъ — знаменитый домашній актеръ. Онъ дотого привыкъ превращать гостиную въ театръ, а спальню въ актерскую уборную; дотого привыкъ видѣть въ свѣтѣ только Селименъ и Меропъ, Альцестовъ и Британниковъ, Фронтеновъ и Лизеттъ; дотого ходилъ и прохаживался между ширмами, которыя представляютъ хижины, между кусками газа, которые называются разъяреннымъ моремъ, между свѣчъ, которыя играютъ роль солнца; дотого привыкъ ворковать стихи и ревѣть прозу; дотого привыкъ играть на театрѣ, что совершенно лишился добрыхъ качествъ, которыми надѣлила его природа. Онъ видѣлъ въ этомъ свѣтѣ только переодѣванье, хитрости, поддѣльныя чувства и поддѣльные волосы. Онъ воображалъ себѣ, что у всякой щеки свои румяны, что каждое слово положено на ноты, каждая улыбка расчитана, каждое положеніе выучено. Большіе успѣхи на маленькомъ домашнемъ театрѣ совершенно его сгубили. Для Г. Версака свѣтъ—большой театръ, земля — сцена, солнце — огромная люстра, громъ — барабанъ, на которомъ

Digitized by Google

катаютъ четверикъ гороху, молнія смолистый факелъ; женщинъ раздѣляетъ онъ, какъ актриссъ, на кокетокъ и дѣвушекъ, мужчинъ на любовниковъ и благородныхъ отцевъ. Вхо ія въ комнату, онъ слушаетъ, аплодируютъ ли его выходу; онъ ждетъ реплики, чтобы начать говорить и, если не знаетъ что сказать, то жалуется на суфлера.

Изъ этого лица можно бы сдѣлать хорошую комедію; а Г. Рошфоръ сдѣлалъ изъ него плохую драматическую пословицу. Г. Версака ждутъ въ замкѣ Г. Фремона, на дочери котораго онъ долженъ жениться. Прежде всѣхъ встрѣчаетъ его дѣвица Фремонъ, въ мужскомъ платьѣ: она хотѣла собственнымъ опытомъ узнать, уменъ ли женихъ ея. Версаку приходитъ въ голову странная мысль: онъ предлагаетъ милому молодому человѣку надѣть платье дѣвицы Фермонъ и познакомиться такимъ образомъ съ Г. Дюрансѐ. Надобно вамъ знать, что Г. Дюрансѐ нѣкогда сыгралъ такую же шутку съ Г. Версакомъ и Версакъ радъ отплатить ему тѣмъ же. Г. Версакъ человѣкъ не изобрѣтательный. И дѣйствительно онъ рекомендуетъ Г-на Дюрансѐ дѣвицѣ Фремонъ въ женскомъ платьѣ; Дюрансѐ говоритъ ей комплименты, Версакъ радуется. Дѣвица Фремонъ говоритъ Дюрансѐ, что она его любитъ, Версакъ восхищается. Она выходитъ за Дюрансе замужъ, Версакъ торжествуетъ. Версакъ думаетъ, что онъ хитрецъ, а онъ глупецъ. Дѣвушка, которую онъ принялъ за молодаго человѣка, молодой человѣкъ, котораго онъ принялъ за дѣвушку, не кто иной, какъ дѣвица Фремонъ — его невѣста.

4. Le Réveil d'une grisette, *Пробужденіе гризетки*, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ Гг. Фердинанда Лангле и Альбоаза.

Принцъ Христіанъ (рода и племени неизвѣстно) влюбленъ въ молоденькую Розину и готовъ драться за ея добродѣтель. Однако жъ герцогиня, сестра принца Христіана, не излишнимъ считаетъ испытать добродѣтель Розины. Ей даютъ сонныхъ капель и переносятъ ее во дворецъ принцессы. Розина просыпается, и видитъ, что она одѣта какъ принцесса: ее окружаютъ какъ принцессу, ей повинуются какъ принцессѣ. У ней есть и фрейлины и льстецы; принцы ищутъ руки ея: но она не хочетъ выйти ни за кого, кромѣ гусара

Digitized by Google

Христіана. А Христіанъ не кто иной, какъ самъ принцъ, переодѣвшійся для того чтобы быть любимымъ для себя самаго.

Вы, конечно, бонтесь, чтобы принцъ Христіанъ не унизился бракомъ. Успокойтесь, въ концѣ пьесы, когда дѣло идетъ уже къ женидьбѣ, выходитъ, что Розина дочь какого то принца.

5. Le Doyen de Killerine, *Киллеринскій деканъ*, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, Гг. Армана Гюдо и Адріана Пена.

Не многіе теперь знаютъ «Киллеринскаго декана», романъ аббата Прево, автора «Маноны Леско». Между-тѣмъ этотъ романъ лучше всѣхъ знаменитыхъ произведеній преслову-таго Бальзака. Это романъ отчасти въ родѣ Гольдсмитова «Вакфильдскаго викарія». Здѣсь католическое, тамъ протестантское, мужество священника. Оба жертвуютъ собою своимъ семействамъ; одинъ до нищеты, другой до грѣха включительно, потому что бѣднякъ — въ хлопотахъ родительской заботливости, и это дѣлаетъ его смѣшнымъ. Романъ аббата Прево — въ шести томахъ, какъ писывали во время оно. Гг. Гюдо и Комп. сдѣлали изъ него водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ. Они видѣли только смѣшную сторону добраго декана, собрали вокругъ него всѣ возможныя хлопоты и затрудненія и только старались смѣшить его простыми, трогательными добродѣтелями, которыя имъ надобно было бы развить.

6. Un Bal du grand monde, *Балъ въ большомъ свѣтѣ*, водевиль въ одномъ дѣйствіи Гг. Дюверже и Варена.

Піеска живая и пріятная; бездѣлка, но въ ней много веселости. Посреди бала большаго свѣта, и какого свѣта, Нѣмецкаго высшаго общества, является Французскій парикмахеръ, артистъ, и онъ пробирается туда единственно изъ любви къ своему искусству. Его принимаютъ то за подпрефекта, то за художника. Онъ встрѣчаетъ въ этой блестящей толпѣ одну свою старую пріятельницу. Онъ принимаетъ ее за знатную госпожу, она его за знатнаго господина. Все это, и безъ того уже довольно запутаное, запутывается еще болѣе, благодаря усердію какого-то Блондо, который всѣхъ называетъ своими пріятелями, а самъ даже имени ихъ не знаетъ. Интрига разыгрывается обыкновеннымъ порядкомъ.

Digitized by Google

Парикмахера играетъ Арналь, для котораго піеса эта написана, и, говорятъ, играетъ превосходно.

7. Hermann l'Ivrogne, *Пьяница Германъ*, драма въ одномъ дѣйствіи, Гг. Бушара и Делиньи.

Германъ молодой студентъ, Нѣмецкій студентъ первой руки. Онъ любитъ, пьетъ, куритъ. Онъ любитъ Леонору, пьетъ пиво всегда, а іоганисбергеръ когда есть, куритъ съ удовольствіемъ и тютюнъ и лучшій кнастеръ.

Случилось такъ, что Герману нечего было пить, нечего курить: онъ возвратился къ Леонорѣ. Но между-тѣмъ Леонору обезчестилъ Паоло Альберти, Италіянецъ, который только этимъ и занимается. Само собою разумѣется, что Германъ убиваетъ Италіянца, а чтобы избавиться отъ наказанія, онъ потомъ убивается самъ. И такимъ образомъ Берлинскій университетъ лишился отличнаго студента.

Эта небольшая драма, на-скоро сочиненная, и торопливо-написанная, между-тѣмъ, не безъдостоинства.

8. Une spéculation, *Спекуляція*, водевиль въ одномъ дѣйствіи Гг. Дюмануара и Роша.

Устарѣвшій намекъ на спекуляцію Нины Лассавъ, знаменитой любовницы Фіески, которая показывалась за деньги въ одномъ Парижскомъ кофейномъ домѣ. Извѣстно, что она крива. Въ водевилѣ тоже кривая женщина. Одинъ Парижскій купецъ сдѣлалъ на этотъ случай спекуляцію, замысловатѣе всего водевиля. Онъ напечаталъ въ газетахъ слѣдующее объявленіе. «Имѣю честь увѣдомить всѣхъ кривыхъ женщинъ, которыя не хотятъ, чтобы ихъ приняли за Нину Лассавъ, что у меня можно достать фальшивые глаза всѣхъ цвѣтовъ и лучшей доброты.»

9. Le Portrait du diable, *Портретъ діавола*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, Гг. Ружмона и Бразіе.

Извѣстный Французскій писатель Пелиссонъ, въ молодости, былъ красавчикъ, но оспа сдѣлала изъ него такого урода, что безобразіе его превратилось въ пословицу. Г-жа Севинье говоритъ объ немъ: «Г. Пелиссонъ во зло употребляетъ право мужчинъ быть дурными. Онъ удивительно безобразенъ, но снимите съ него эту оболочку и вы найдете подъ ней прекрасную душу.» Буало тоже говоритъ:

Digitized by Google

Jamais surintendant ne trouva de cruelles.
L'or même à Pelisson donne un teint de beauté;
Mais tout devient affreux avec la pauvreté!

Авторы предлежащаго водевиля, придумали, что молодой живописецъ Нантель (и это имя есть тоже у Буало), которому заказано было написать искушеніе Св. Антонія, затруднялся какъ нарисовать діавола; и, увидѣвъ на улицѣ Г. Пелиссона, онъ остановилъ его и просилъ позволенія списать съ него портретъ. Пелиссонъ соглашается. Нантель принимается за работу и вдругъ узнаетъ имя своего натурщика. Вы можете вообразить его стыдъ и отчаяніе. Но Пелиссонъ великодушно прощаетъ; этого мало, онъ доставляетъ Нантелю мѣсто королевскаго живописца; и этого мало, онъ женитъ Нантеля на дочери пирожника Жубленя, въ которую онъ влюбленъ; а это доставляетъ авторамъ случай къ множеству остротъ и шутокъ, плоскихъ и пошлыхъ.

10. L'Oiseau bleu, *Голубая птица*, водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ Гг. Баяра и Вернера.

Это водевиль, передѣланный изъ весьма извѣстной сказки того же имени. Онъ написанъ для хорошенькой актрисы, мамзель Дежазе, которая семь разъ одѣвается въ разные костюмы, чтобы ею любовались въ семи различныхъ видахъ.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦІИ, кажется, поражена смертельнымъ сномъ. Въ прошломъ мѣсяцѣ не объявлено даже о скоромъ выходѣ какой-нибудь примѣчательной книги. Виноваты! на сентябрь мѣсяцъ объявлено преважное твореніе,— Histoire des salons de Paris, par Mme la duchesse *d'Abrantès;* да еще Picciola, сочиненіе Г. *Xaintine*'а; да еще Couronne d'épines, сочиненіе *Michel Masson*'а. Между-тѣмъ одинъ только романъ Г. *de Saint-Félix*'а, подъ заглавіемъ «Клеопатра», можетъ заслужить нѣкоторое вниманіе. Г. de Saint-Félix — молодой писатель не безъ дарованья, но котораго романы представляютъ болѣе занимательности классическому археологу чѣмъ обыкновенному читателю, потому что авторъ избираетъ свои сюжеты изъ Римской и Греко-Египетской древности, и старается, не всегда удачно, оцѣнивать нравы и философическія системы тѣхъ отдаленныхъ временъ. Въ прошломъ году мы помѣстили въ Б. для Ч. содер-

Digitized by Google

жаніе его романа «Флавіанъ, или Изъ Рима въ пустыню»: дѣло шло о борьбѣ христіанства съ язычествомъ при Геліогабалѣ. Въ новомъ сочиненіи, авторъ ставитъ Александрійскую школу лицемъ къ лицу съ раждающимся христіанствомъ.

— La canne de M. de Balzac, романъ или повѣсть госпожи Emile Girardin, о которомъ мы недавно извѣщали совсѣмъ не стоитъ чтенія, несмотря на имена любезной писательницы и господина Бальзака, выставленныя въ заглавіи. Завязка — та же какъ и въ ея романѣ Le lorgnon: знаменитая трость господина Бальзака, съ золотымъ набалдашникомъ, украшеннымъ всякими дорогими каменьями, дѣлаетъ одного молодаго человѣка невидимкой, и совсѣмъ тѣмъ онъ ничего интереснаго не видитъ.

— Давно ожидаемый, давно расхваленный Шатобріановъ переводъ Мильтонова «Утраченнаго рая» вышелъ наконецъ въ прошломъ мѣсяцѣ. Само собою разумѣется, что это еще не для иностранцевъ, которые всегда предпочтутъ читать «Утраченный рай» въ подлинникѣ. Но предлинное введеніе къ этому переводу можетъ заслуживать ихъ любопытство. Этому введенію, котораго замѣчательнѣйшія мѣста уже напечатаны были въ журналахъ, авторъ, по обыкновенію, далъ цвѣтъ политическій и заглавіе — Essai sur la littérature anglaise et considérations sur le génie des hommes, des tems et des révolutions: оцѣнка Шекспира — самое важное мѣсто, но важное только въ отношеніи къ образу мыслей самого автора, какъ и все это политическое разглагольствіе объ Англійской словесности, и въ отношеніи къ его литературнымъ теоріямъ, а не къ вопросу о Шекспирѣ и его достоинствахъ, который давно рѣшенъ для Европы. Г. Шатобріану кажется, что Расинъ, при всей своей искусственности, *естественнѣе* Шекспира; не должно однако принимать этихъ словъ въ буквальномъ смыслѣ, потому что и здѣсь, въ чисто литературномъ мнѣніи, у Г. Шатобріана запрятана цѣль политическая. Ради этой цѣли, авторъ, или, какъ во Франціи говорятъ, «геній», что значитъ только — модный авторъ, тутъ же ссорится съ новою литературною школою, которая доселѣ выдавала его за своего патріарха и учителя закона. Охужденіе его падаетъ въ особенности на драматическіе

Digitized by Google

пріемы Гг. Hugo и Dumas, — строгое охужденіе, которое, какъ бы то ни было, справедливо и полезно для нравственности. Что̀ касается до политической части, то это — распространеніе извѣстной его статьи «Avenir du monde»: впредь до распоряженія авторъ на нынѣшній годъ думаетъ еще такъ, какъ думалъ въ прошломъ году, пока необходимость отличаться всегда отъ другихъ не заставитъ его думать иначе. Выборъ Мильтоновой поэмы для перевода состоитъ въ связи съ любимымъ его воззрѣніемъ на поэтическую сторону христіанства, ложность котораго въ его Génie du christianisme и Les Martyrs достаточно обнаружена и доказана (см., между прочимъ, Б. для Ч., 1834, статью «Гиббонъ, Боркъ и Шатобріанъ»).

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. Путешествіе Г. Купера по Швейцаріи, Excursions in Switzerland, есть сочиненіе, которое, кромѣ имени автора, представляетъ еще настоящую занимательность очерковъ, набросанныхъ съ дарованіемъ и вкусомъ. Несмотря на предметъ совершенно избитый типографическими и литографическими станками, Г. Куперъ умѣлъ составить книгу весьма пріятную, отнюдь не похожую на грубыя компиляціи и общія мѣста, которыми такъ наполнены путешествія туристовъ. Г. Куперъ неутомимый путешественникъ, любитъ проселочныя дороги и мѣста, забываемыя бродягами хорошаго тона. Его картины отличаются всею мелочностью Фламандской живописи, но размѣромъ онѣ огромны какъ самыя горы Швейцаріи. Г. Куперъ, кажется, не въ духѣ и немножко сердитъ на своихъ соотечественниковъ Американцевъ, которымъ онъ говоритъ порой горькія истины и совѣтуетъ, чтобы не такъ много о себѣ думали. Ему надоѣла ихъ хвастливость, ихъ гордая самонадѣянность, корыстолюбіе и безнравственный эгоизмъ политическихъ партій его отечества, предразсудки и грубость Американцевъ. «Я имѣю несчастіе не принадлежать ни къ одной изъ двухъ главныхъ партій, раздирающихъ мое отечество, говоритъ онъ, и одушевленныхъ такой язвительной враждой другъ къ другу, такой недовѣрчивостью, что онѣ не терпятъ неприкосновенныхъ къ ихъ происканъ и безпристрастныхъ». Поэтому Г. Куперъ больше любитъ дикую природу Швейца-

Digitized by Google

ріи чѣмъ дикую образованность Сѣверной Америки, и съ любовію описываетъ всякую гору, на которой лежитъ хоть горсть снѣгу.

— Другое сочиненіе, также занимательное и по имени автора и по своему содержанію, есть «Schloss Hainfeld, или Зима въ Нижней Стиріи», извѣстнаго капитана Basil Hall'a, — книга забавная, смѣсь истины съ умнымъ вымысломъ, альбомъ домашнихъ скиццовъ, лѣтопись сплетней и анекдотовъ, пересказанныхъ въ теченіе зимы, которую почтенный сынъ Нептуна проводитъ съ своимъ семействомъ въ замкѣ Гайнфельдъ, у какой-то графини Пургсталь; анекдотовъ о пребываніи Наполеона въ Вѣнѣ, о Шиллерѣ и Гёте, о Гайднѣ и Моцартѣ, и о прочемъ. Поѣздки въ окрестности замка, пріѣздъ гостей, праздники, которые даетъ хозяйка, все это служитъ автору поводомъ къ милымъ и живописнымъ очеркамъ.

— Мистриссъ Trollope явилась съ Американскимъ романомъ, The life and adventures of Jonathan Jefferson Whitlaw. Дѣйствіе происходитъ на берегахъ Миссиссипи, а предметъ сочиненія составляютъ страданія черныхъ и жестокосердіе бѣлыхъ республиканцевъ. Герой романа — такой мерзавецъ, какого только можетъ создать женское воображеніе.

— Мистриссъ Gore, сочинительница романа Journal of a désennuyée, издала новый подъ заглавіемъ «Mistress Armytage, или Женское владычество».

— Англичане, которыхъ толпы служатъ подъ знаменами Кристины и множество помогаютъ донъ Карлосу, продолжаютъ наводнять литературу сочиненіями объ Испаніи. Каждый изъ нихъ, кто только поссорится съ генералами королевы и претендента, тотчасъ уѣзжаетъ въ Англію и пишетъ книгу подъ заглавіемъ — Годъ въ Испаніи, — Полтора года въ Испаніи, Полгода въ Испаніи, Два мѣсяца, мѣсяцъ, даже десять дней въ Испаніи. Эта скучная язва кончится только тогда, когда донъ Карлосъ торжественно вступитъ въ Мадритъ, что́ онъ скоро и сдѣлаетъ для пользы Англійской словесности. Другія путешествія, изданныя «для лѣтняго чтенія», тоже не представляютъ ничего замѣчательнаго.

Digitized by Google

НОВЫЯ КНИГИ.

Французскія.

ESSAI D'HISTOIRE UNIVERSELLE, ou Tableau comparatif des traditions de tous les peuples, par M. *Auguste Boulland.* 2 vol.

HISTOIRE DU PAPE PIE VII, par le chevalier Artaud, ancien chargé d'affaires à Rome. 2 vol.

MÉMOIRES de Fleury, tomes III et IV.

MÉMOIRES de Mme la comtesse de Merlin, tomes III et IV.

ARCHIVES CURIEUSES de l'histoire de France, etc. *vol.* VIII et IX.

SOUVENIRS D'UN DEMI-SIÈCLE, par l'auteur de la Chronique *de l'Oeil de Bœuf.* Vol. III et IV.

HISTOIRE DE BOTANY-BAY, ou Examen des effets de la déportation, par M. *Jules de la Pilorgerie.* 1 vol.

HISTOIRE DE LA PHILOSOPHIE ALLEMANDE, depuis Leibnitz jusqu'à Hegel, par le baron *Barchou de Penhœn.* 2 vol.

ESSAI SUR L'ÉTABLISSEMENT MONARCHIQUE de Napoléon, par M. *Paganel,* député. 1 vol.

LA SEINE et ses bords, en album, par *Charles Nodier.* Par livraisons.

DICTIONNAIRE RAISONNÉ UNIVERSEL DE BOTANIQUE, agricole, industrielle et medicale, par MM. *Vavasseur, Cottereau,* comte de *Lasteyrie* et *Gillet de Grandmont.* 4 vol. Par livraisons.

DICTIONNAIRE DES TRAVAUX PUBLICS, civils, militaires et maritimes, à l'usage des ingénieurs, des architectes, des entrepreneurs, etc., par le chevalier *Tarbé de Vauxclairs.* 1 vol. 4to.

CHEMINS DE FER AMÉRICAINS, historique de leur construction, prix de revient et produit, mode d'administration, etc., par M. *Toussin.* 1 vol.

ROMANS historiques du Languedoc, par M. *Frédéric Soulié.* 2 vol., première livraison.

CLÉOPATRE, reine d'Egypte, roman, par M. *Jules de Saint-Félix.* 2 vol.

LE FLAGRANT DÉLIT, roman par M. *Jules Lacroix,* auteur d'Une grossesse, du Tentateur, etc., 2 vol.

UNE MAITRESSE DE KLÉBER, roman, par l'auteur de la *Princesse Borghése.* 2 vol.

JEANNE TORLEC, mœurs de la Brétagne, par M. *Lafleuriais.* 1 vol.

LA FILLE DU VIEILLARD, roman, par M. *Desrivières.* 1 vol.

CARACTÈRES ET PORTRAITS des femmes, par M. *Lucas.* 2 vol.

LE PARADIS PERDU, de Milton, traduit par M. le vicomte *de Châteaubriand,* et précédé d'un Essai sur la littérature anglaise et des considérations sur le génie des hommes, des temps et des révolutions. 4 vol.

Англійскія.

LIVES of the most eminent British statesmen. By *John Forster.* Esq. Vol. I.

THE LIFE of the first Earl of Shaftesbury. By Mr. *Martyn* and Dr. *Kippis.* 2 vols.

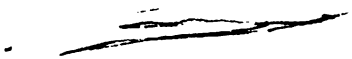
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

APR 7 - 1966

Digitized by Google

Digitized by Google